СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

П Л А Н

выпуска изданий Института археологии АН СССР

	Объем в листах
Н. А. Береговая. Указатель палеолитических памятников СССР. Отв. ред. П. И. Борисковский	25
М. К. Каргер. Древний Киев, т. II. Отв. ред. Н. Н. Воронин	40
Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. Отв. ред. А. П. Смирнов	38
М. М. Кобылина. Терракоты Боспора. Отв. ред. Г. А. Цветаева	14
Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси периода феодальной раздробленности (XII — нач. XV вв.), т. I (в 2-х томах). Отв. ред. академик Б. А. Рыбаков	50
В. В. Кропоткин. Топография кладов римских монет на территории СССР. Отв. ред. Д. Б. Шелов	24
В. И. Цалкин. П. Д. Либеров. История скотоводства в Северном Причерноморье (МИА, № 53). Отв. ред. А. П. Смирнов	15
Коллектив авторов. Древности Нижнего Поволжья. Труды Сталинградской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 78). Отв. ред. К. Ф. Смирнов, Е. И. Крупнов	34
Коллектив авторов. Палеолит и неолит, т. IV (МИА, № 79). Отв. ред. А. П. Окладников	25
Коллектив авторов. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. т. III. (МИА, № 80). Отв. ред. А. П. Смирнов	25
Коллектив авторов. Черняховская культура (МИА, № 82). Отв. ред. академик Б. А. Рыбаков	30
А. Л. Монгайт. Рязанская земля. Отв. ред. Н. Н. Воронин	30
И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора (МИА, № 83). Отв. ред. Д. Б. Шелов	19
Т. С. Пассек. Раннеземледельческие племена Поднестровья (МИА, № 84). Отв. ред. чл.-к. АН СССР С. В. Киселев	22
Коллектив авторов. Труды Дальневосточной экспедиции (МИА, № 86). Отв. ред. А. П. Окладников	20
Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР (МИА, № 87). Отв. ред. П. И. Борисковский	26
Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. (МИА, № 89). Отв. ред. М. А. Тиханова	40
Ю. С. Гришин, Б. Г. Тихонов. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (МИА, № 90). Отв. ред. чл.-к. АН СССР С. В. Киселев, О. Н. Бадер	20
Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма (МИА, № 91). Отв. ред. О. Н. Бадер	15
К. А. Смирнов. Великие Болгары. Путеводитель по городищу (заказ). Отв. ред. Н. Я. Мерперт	2
А. В. Кирьянов. Реставрация археологических предметов. Отв. ред. О. Н. Бадер	6
Коллектив авторов. Нумизматика и эпиграфика, т. I. Отв. ред. Д. Б. Шелов	15
Коллектив авторов. Краткие сообщения ИИМК, вып. 78. Отв. ред. Т. С. Пассек	10
Коллектив авторов. Краткие сообщения ИИМК, вып. 79. Отв. ред. Т. С. Пассек	10
Коллектив авторов. Краткие сообщения ИИМК, вып. 80. Отв. ред. Т. С. Пассек	10
Коллектив авторов. Краткие сообщения ИИМК, вып. 81. Отв. ред. Т. С. Пассек	10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

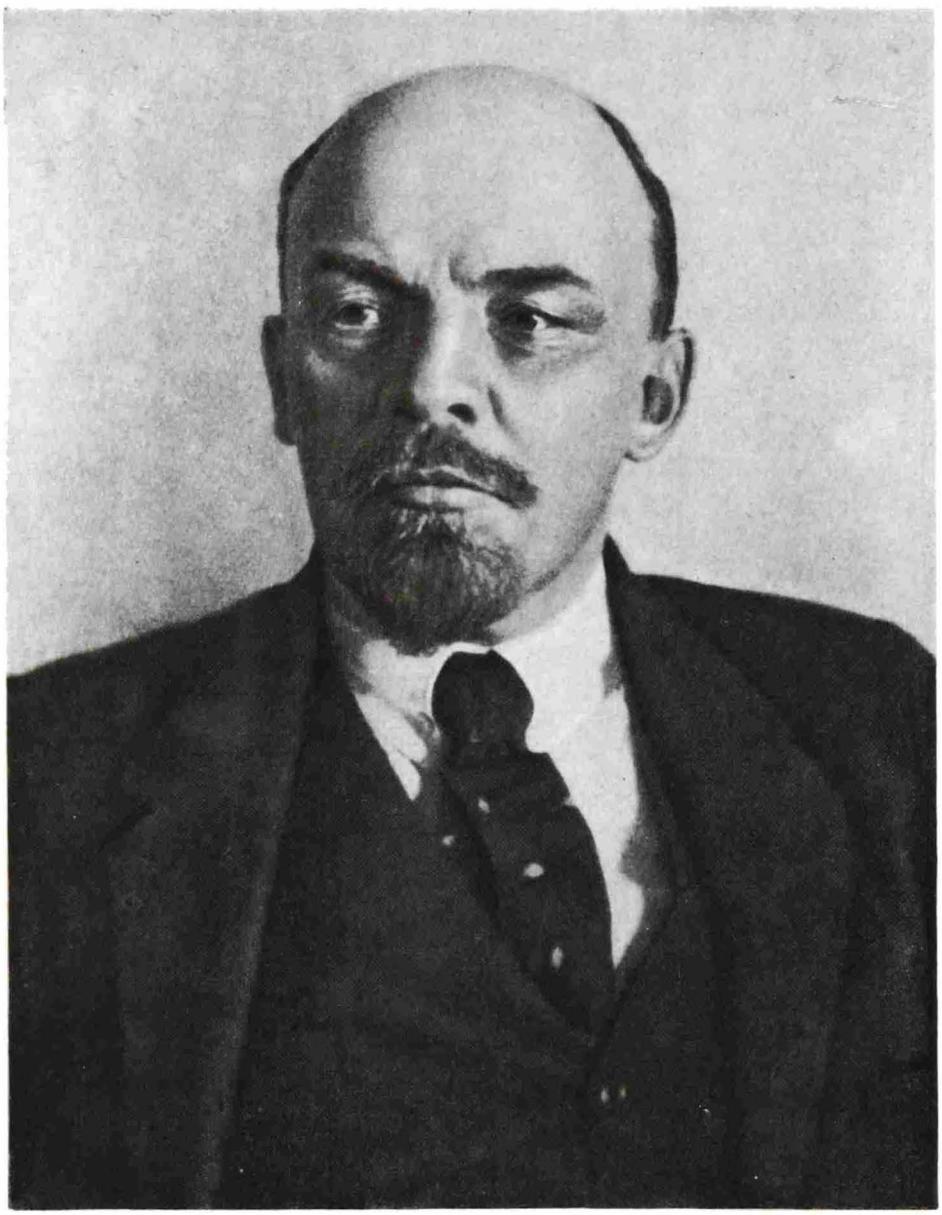
Москва, 1-я Черемушкинская ул., д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-06513 Подписано к печати 25.V 1960 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л.
Печ. л. 27,4+4 вклейки. Уч.-изд. л. 31,6 Тираж 1825 экз. Заказ 1

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер.,



К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Исполнилось 90 лет со дня рождения великого основателя нашей партии, организатора Великой Октябрьской социалистической революции, создателя первого в мире государства трудящихся Владимира Ильича Ленина. Имя Ленина связано со всей историей Советского Союза. Оно вдохновляло наш народ на величайшие подвиги в труде и в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

В наше время, во второй половине XX в., все новые и новые события убеждают нас в правильности прогнозов, сделанных В. И. Лениным на основе его великого учения. В. И. Ленин гениально предвидел подъем национально-освободительной и революционной борьбы в колониальных и полуколониальных странах. Он писал: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [1]. Кризис колониальной системы, победа китайской революции, вступление Индии на путь борьбы за независимость и прогресс — все подтверждает эти замечательные слова В. И. Ленина.

С самого начала существования Советского государства В. И. Ленин выступил как знаменосец мира. Написанный им «Декрет о мире» известил о рождении новой политики, политики миролюбивого государства, борющегося за мир. Сейчас, когда СССР ведет последовательную и упорную борьбу за разоружение, за предотвращение атомной войны, с особой силой звучат слова В. И. Ленина: «Наша политика мира — прежняя... Мы никогда не изменяли наших мирных условий... Мы много раз официально предлагали мир... Мы готовы его гарантировать... Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— со всеми странами, но *особенно* с Америкой» [2]. Отвечая на вопросы американской газеты, В. И. Ленин в 1920 г. писал: «Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях... Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем» [3].

Владимир Ильич Ленин был гениальным вождем Коммунистической партии. Его теоретические работы создали идеологический фундамент нашей партии. Творчески обогатив и развив марксистское учение, В. И. Ленин заложил основы советского мировоззрения.

Замечательное наследие В. И. Ленина в области теоретической мысли способствует развитию всех наук. Особо важную роль ленинизм играет в общественных науках и в первую очередь в изучении истории человеческого общества.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 458.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 32.
[3] Там же, стр. 340.

Советские археологи широко используют гениальные мысли В. И. Ленина о первобытном обществе, о государстве, о роли производительных сил и производственных отношений.

Важнейшее значение имеют мысли В. И. Ленина о государстве. В. И. Ленин четко определил признак государства: «Итак, признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*» [4]. В этой связи приобретает важность вопрос о родовом строе — строе той эпохи, в изучении которой археология имеет преимущества перед всеми другими отраслями истории, так как эта эпоха оставила очень мало письменных источников и очень много вещественных памятников. В. И. Ленин подчеркивал, что это была эпоха, когда не было государства. Он писал: «Общину, в которой «организацией порядка» заведывали бы поочередно *все* члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством» [5].

Когда произошел переход от догосударственной организации общества к государственной публичной власти, отделенной от народа, как протекал этот процесс в различных областях, каковы археологические признаки государства? Все эти проблемы встают сейчас перед советскими археологами во всей их сложности.

В. И. Ленин подчеркивал главное в государстве — раскол общества на непримиримые классы. «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [6].

Советские археологи много внимания уделяли проблеме образования государства и впредь должны разрабатывать эти вопросы. Проблема государства возникает уже при изучении бронзового века. В Египте, Месопотамии, Китае государство возникает задолго до открытия железа. В «Лекции о государстве» В. И. Ленин говорит о том, что этот вопрос о государстве — самый запутанный общественный вопрос. Его запутанность объясняется классовой заинтересованностью верхов антагонистического общества в сокрытии своих классовых привилегий. Показать истинные причины образования государства во всей сложности и исторической конкретности этого вопроса, показать, что «развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое» [7],— вот важная и почетная задача советских историков и археологов.

В. И. Ленин оставил нам замечательное определение сущности вопроса об общественном бытии и сознании. «Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития,— объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 399.
[5] Там же.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 358—359.
[7] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 438.

эти пустяки и *подчеркивает* своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо от общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить *к ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» [8].

Из этого высказывания В. И. Ленина ясно, какое важное дело заключено в изучении экономической жизни общества. Только археологи имеют возможность изучать производительные силы первобытного общества. В деле изучения эпохи рабовладения большое место принадлежит также археологическим источникам. Без археологов и их методов нельзя полностью понять экономический строй жизни и феодального общества. Объективная логика хозяйственной эволюции без этого останется понятой не до конца, представление о ней будет однобоким и неполным.

Для историков, занимающихся самыми древними периодами истории человечества, большое значение имеют мысли В. И. Ленина о первобытном стаде. В письме к М. Горькому, упрекая его за утверждение, что «зоологический индивидуализм» был обуздан идеей бога, В. И. Ленин пишет: «В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна» [9]. В. И. Ленин говорит здесь о той стадии в истории человечества, которая предшествовала родовому обществу, называя его первобытным стадом. Другой вопрос, связанный с этой мыслью В. И. Ленина, состоит в том, что начальная пора истории была временем безрелигиозного состояния человечества. Археологические открытия подтверждают эти выводы.

Большой отряд советских археологов занимается изучением истории феодального общества, общества, где господствовало натуральное крестьянское хозяйство. Для изучения экономической жизни этого периода имеет большое значение определение В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России» рутинного натурального средневекового хозяйства. «При натуральном хозяйстве,— пишет В. И. Ленин,— общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению» [10]. В той же работе В. И. Ленин показывает, как развивалось ремесло от производства на заказ до производства на рынок. Изучение средневекового ремесла как древней Руси, так и других народов — важная тема советской археологии. И в этих вопросах советские археологи опирались и продолжают опираться на замечательные мысли, высказанные В. И. Лениным.

XXI съезд КПСС поставил перед работниками идеологического фронта задачу критики реакционных буржуазных концепций и ревизионизма. ЦК КПСС в постановлении «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» призвал нас к еще более глубокому изучению и широкой пропаганде идей марксизма-ленинизма. Важное место в этой идеологической борьбе принадлежит археологам. Советских историков и археологов должны вдохновлять и направлять замечательные слова В. И. Ленина о партийности в науке, о целеустремленности в научной работе. «*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные рабо-

[8] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 310—311.
[9] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 93.
[10] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 15, 16.

ты в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове,* раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове,* раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология.* В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» [11].

Советские археологи не должны забывать марксистскую направленность своего творчества, должны отсекать, критиковать и ревизионистские извращения истории человечества. Но при этом не должны отвергаться те положительные достижения буржуазной науки, которые относятся к области накопления фактов, публикации источников, раскопок и т. п.

Владимир Ильич Ленин был величайшим государственным деятелем. Научные, культурные и другие начинания в молодой Советской стране так или иначе связаны с его именем. В. И. Ленин помог организоваться и оформиться первому советскому археологическому учреждению ГАИМК. Им был подписан декрет о создании Государственной Академии истории материальной культуры. Много внимания уделил В. И. Ленин охране памятников. В ноябре 1917 г. по указанию В. И. Ленина создается при Наркомпросе Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины. 14 апреля 1918 г. был издан за подписью В. И. Ленина декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики», который положил начало советскому законодательству об охране памятников искусства и исторических памятников, в том числе и археологических.

---

[11] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 327—328.

СТАТЬИ

Н. П. КИПАРИСОВА

О КУЛЬТУРАХ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В археологической литературе довольно полно освещены памятники позднего неолита и бронзы лесного Зауралья, расположенные на небольшом пространстве в южной части Свердловской области.

При обследовании ряда стоянок соседней Челябинской области, расположенных на озерах Чебаркуль, Иткуль и Черкаскуль, мне встретился особый вид керамики, которая и стратиграфически, и типологически укладывается в промежуток времени от позднего неолита до позднеандроновского времени. Имея много общего с местной неолитической, эта керамика отличается от неолитической по форме, обработке поверхности, технике нанесения орнамента, орнаментальным мотивам и их расположению на поверхности сосуда.

1. В отличие от неолитических полуяйцевидных сосудов, здесь отсутствует внутреннее утолщение края сосуда, но сохраняется слегка наклонное внутрь положение стенок.

2. На большинстве сосудов появляется отгиб края сосуда, причем обычно край тоньше стенки (встречается отгиб и без утончения края).

3. На некоторых сосудах появляется утолщенное днище, с мягким переходом от стенки к дну. Эти сосуды по орнаменту больше других отличаются от неолитических.

4. В отличие от хорошо сглаженной поверхности неолитических сосудов внутренняя поверхность сосуда выравнена гребенчатым штампом, отчего образуется рубчатая шероховатость. Следы такой обработки, но затертые, сглаженные, часто заметны и на внешней поверхности; иногда они заменяют орнамент на всем сосуде или в нижней части.

5. Исчезает техника нанесения орнамента палочкой или гребенкой (которыми осуществляется непрерывное движение по поверхности сосуда при периодическом частом надавливании; рис. 1, *5, 6, 9*); исчезает орнамент, нанесенный «шагающей гребенкой» или лопаточкой (переставление штампа без отрыва от поверхности сосуда, путем разворота поочередно на одном и другом конце штампа; рис. 1, *7, 8*), отсутствует поперечный орнамент в виде волнистых и прямых линий, нанесенных гребенчатым штампом или палочкой.

6. Значительное преобладание над длинным (6—10 зубцов и более) получает очень короткий штамп, в два-три зубца; узоры наносятся путем частых, обычно наклонных к линии узора оттисков штампа.

7. Возникает и достигает большого развития орнаментация «ложной гребенкой» (рис. 1, *10*) — нанесенными палочкой короткими штрихами, поставленными наискось, очень близко один к другому [1].

[1] Иногда этот способ смешивают с «псевдоверевочным» (рис. 1, *11*) орнаментом, но он отличается от «псевдоверевочного» большой свободой исполнения, не так правилен, обычно и палочка применяется более крупная.

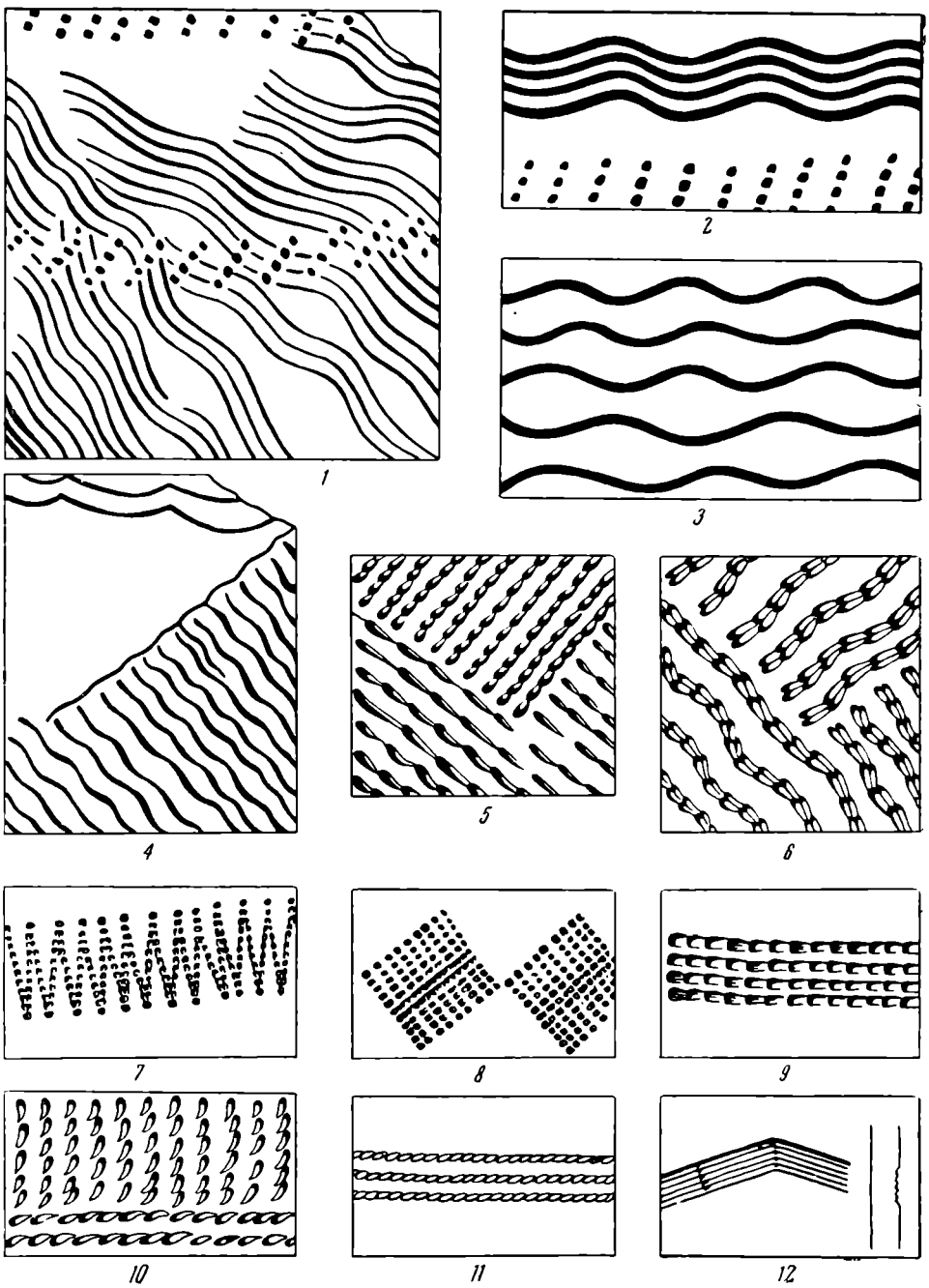


Рис. 1. Некоторые виды орнамента зауральской керамики

1, *2* — волнистые линии, прочерченные гребенчатым штампом («гребенчатая волна»); *3* — волнистые линии, прочерченные палочкой; *4* — мелковолнистые линии, прочерченные палочкой с легким периодическим нажимом («струйчатый» орнамент); *5*, *6*, *9* — линии, прочерченные при периодическом нажимании палочкой, раздвоенной палочкой и гребенчатым штампом («отступающая палочка», «отступающая двойная палочка», «отступающая гребенка»); *7*, *8* — рисунки из оттисков гребенчатого штампа («шагающая гребенка» с длинным и коротким шагом); *10* — рисунок из штрихов, нанесенных палочкой («ложная гребенка»); *11* — то же («псевдоверевочный» орнамент); *12* — линия, прочерченная гребенчатым штампом со слабо заметными зубчиками («слепая гребенка»)

8. Упрощается орнаментальная полоса по внутреннему краю сосуда; обычно по краю изнутри наносится один ряд наклонных глубоких оттисков короткого гребенчатого штампа, отчего иногда край сосуда получается мелкозубчатым.

9. Появляются сосуды, орнаментированные только в верхней части; реже орнамент на всем сосуде заменен полосами от выравнивания поверхности гребенчатым штампом.

10. Преобладает вертикальное членение орнаментальных зон, обычно широких; иногда вертикально расчленена вся поверхность сосуда.

11. Известные в позднем неолите орнаментальные мотивы видоизменяются: появляются узкие, вертикально вытянутые треугольники, ромбы, расположенные вертикальными рядами; рисунок разделяется вертикальным зигзагом, появляются сложные, нарядные узоры.

12. Появляется орнаментальная деталь — группа мелких круглых ямок (обычно по три).

Условия нахождения описываемой керамики таковы: исчерпывающих стратиграфических данных ни на одном из обследованных памятников не получено; культурный слой на них по толщине не превышает 50—70 *см* и содержит материал от развитого неолита иногда до поселений XVII—XVIII вв.; нигде не удалось получить слой в чистом виде. Все же условия залегания керамики представляют существенный интерес.

Так, на стоянках Абселямовской (северный берег оз. Иткуль), первой и второй Иткульских стоянках (западный и восточный берег оз. Иткуль) наблюдалось одинаковое расположение материала: в горизонте, лежащем на материке, преобладает неолитическая керамика, вместе с ней лежит керамика описываемого типа, но всегда в меньшем количестве. В следующем (выше) горизонте керамика описываемого типа решительно преобладает; наряду с ней, но в значительно меньшем количестве встречается неолитическая. Выше оба эти типа керамики встречаются мало и начинаются находки керамики андроновского типа и раннежелезного века (причем эти более поздние виды керамики единицами встречаются в предшествующем слое наибольшего скопления керамики описываемого типа).

Подобные же культурно-стратиграфические данные получены в ряде шурфов — на 2-й и 4-й Иткульских стоянках, на Абселямовской, на небольшом участке (6 $м^2$) на Чебаркульской стоянке, где культурный слой снят тонкими пластами, по 2—3 *см* толщины.

Проникновение неолитической керамики в слой, содержащий керамику описываемого типа, и этой керамики — в неолитический слой в довольно значительных количествах можно объяснить сосуществованием обоих типов в некоторый промежуток времени.

Из сказанного следует, что эта керамика возникает в самом конце неолитического периода. Она возникает и развивается как продолжение существовавших до нее неолитических типов (ниже будет показана и типологическая преемственность этой керамики от неолитической).

В лежащей выше нее, совершенно отличной андроновской керамике встречается керамика только алакульского и замараевского типов (с валиками у горла).

Таким образом, описываемая керамика принадлежит местным племенам, жившим здесь и в энеолитическое и раннебронзовое время, с начала II тысячелетия и не позднее XIV—XIII вв. до н. э.

* * *

Рассматривая неолитическую керамику этих же стоянок, мы найдем в ней много элементов как в форме, так и в орнаментации, из которых могла сложиться керамика энеолитического и раннебронзового времени.

Бо́льшая часть керамики развитого неолита представляет собой широко известные в лесном Зауралье полуяйцевидные сосуды с гребенчато-волнистым орнаментом (рис. 2), с горизонтальными зонами прочерченных «гребенкой» волн, взаимопроникающих разнозаштрихованных треугольников, с рядами из «шагающей гребенки» и т. д. Уже в орнаменте этих ранних сосудов присутствуют элементы, получившие развитие в посленеолитическое время; так, встречается вертикальное членение верхнего орнаментального пояса сосуда, наклонные полосы в верхней части орнамента. Общепризнано, что такая гребенчато-волнистая керамика датируется временем не позднее середины — второй половины III тысячелетия до н. э.

В челябинской группе стоянок есть сосуды той же полуяйцевидной формы, которые по орнаментации следует считать несколько более поздними, чем только что описанная керамика развитого неолита, так как на них исчезают некоторые чрезвычайно характерные для развитого неолита лесного Зауралья черты и возникают новые элементы, получающие дальнейшее развитие в энеолитической и раннебронзовой керамике. Здесь

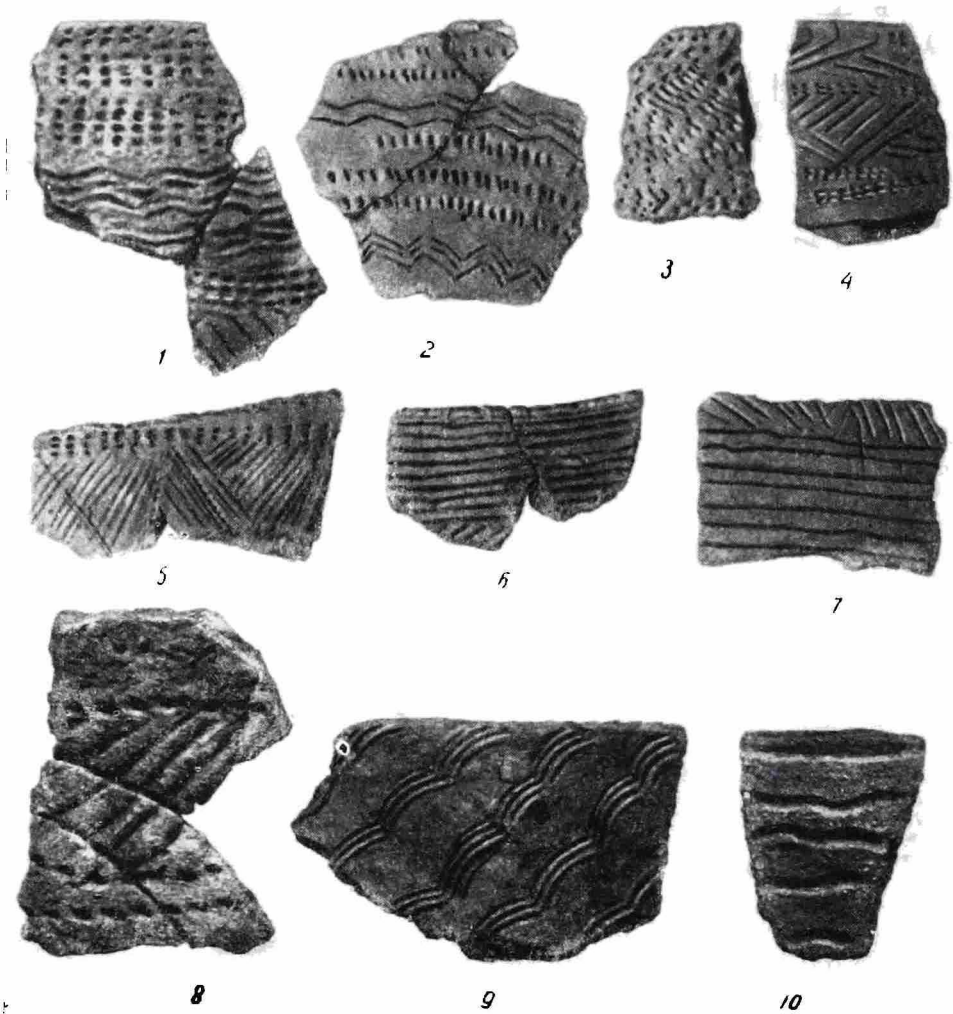


Рис. 2. Керамика развитого неолита

1 — первая Черкаскульская стоянка; *2—7*— Абселямовская стоянка; *8—10*— первая Иткульская стоянка

есть сосуды, на которых появляются не взаимопроникающие, а отдельно расположенные и заштрихованные треугольники, ряды которых составляют горизонтальные пояса, чередующиеся с рядами оттисков гребенчатого штампа или «шагающей гребенки»; есть также чередование рядов из ромбов и полос, образованных оттисками гребенчатого штампа или «шагающей гребенки»; гребенчатый «шаг» на сосудах этого типа обычно очень короток, оттиски «шагающей гребенки» иногда почти сливаются. Оба эти мотива никогда не сочетаются с наличием поясов, нанесенных прочерчиванием (волнистыми или прямыми линиями), хотя сочетание волнистого прочерчивания с оттисками гребенчатого штампа обычно в развитом неолите. На многих сосудах этой группы наблюдается некоторая разреженность орнамента.

Очень оригинальной чертой является встречающееся на сосудах уже этой группы подчеркивание орнаментального мотива мелкими круглыми

ямками, ограничивающими или разделяющими отдельные части рисунка — ямки по углам ромбов, группы ямок (обычно три) в пустых полях между треугольниками, ряды ямок по обе стороны орнаментальной полосы и т. п.

К той же поздней неолитической группе (по тем же признакам отсутствия на них волнистого и прочерченного орнамента и появления разре-

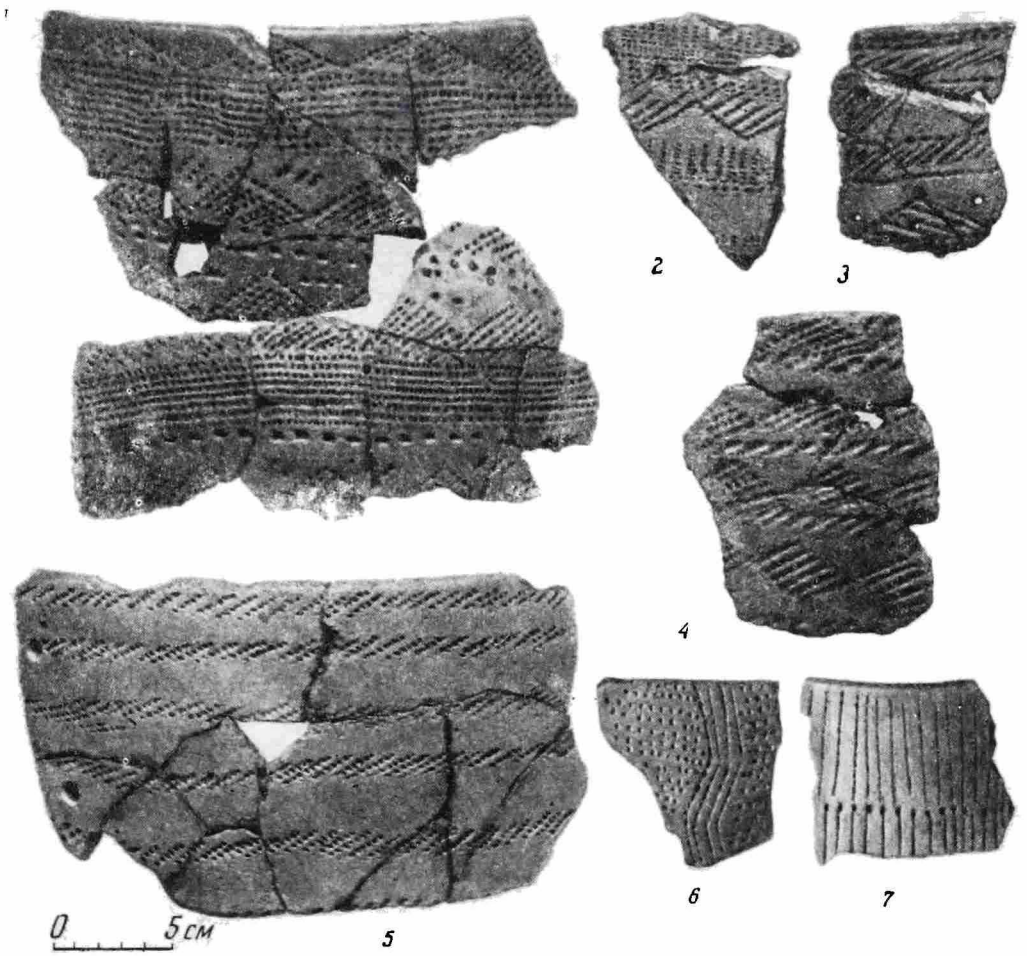


Рис. 3. Керамика позднего неолита

1, 2 — первая Черкаскульская стоянка; *3* — первая Иткульская стоянка; *4*—вторая Иткульская стоянка; *5—7* — первая Иткульская стоянка

женного орнамента) следует отнести сосуды без утолщения края с внутренней стороны, тоже полуяйцевидной формы. Вертикальное членение верхнего орнаментального пояса встречается и здесь. Датировать эту группу сосудов следует концом III тысячелетия до н. э. (рис. 3).

Посленеолитическую керамику этих стоянок по степени отдаления ее от местных неолитических образцов можно подразделить на две стадии.

К первой стадии следует отнести сосуды со стенками, слегка наклоненными внутрь или вертикальными, с краем без наплыва и без отгиба, с округлым или коническим днищем, т. е. сосуды, по форме не отличающиеся от поздненеолитических прямостенных; внешняя их поверхность хорошо заглажена, на внутренней только иногда заметны следы обработки ее гребенчатым штампом; в орнаментации применяется как длинный [2],

[2] Употребляя термин «длинный гребенчатый штамп», и здесь и в дальнейшем я имею в виду обычный неолитический слегка скругленный штамп, который дает в оттиске иногда не больше четырех — шести зубцов, но этот оттиск занимает много места в длину из-за крупности зубчиков и разделяющей их выемки. В отличие от него, оттиск «короткого штампа» имеет значительно меньшее расстояние между крайними зубчиками, и количество их всегда одинаково.

так и короткий гребенчатый штамп, орнамент «ложной гребенкой» редок; расположение орнамента — чаще горизонтальными зонами, но есть и вертикальное членение широких горизонтальных зон; орнаментальная полоса вдоль края с внутренней стороны сосуда иногда такая же, как на неолитических сосудах.

Рис. 4. Керамика энеолита и первой стадии бронзового века

1, 2 — Абселямовская стоянка; *3, 4, 6—9* — вторая Иткульская стоянка; *5* — стоянка Сайма 4 на оз. Иткуль

На нескольких сосудах, орнаментированных горизонтальными рядами оттисков широкого гребенчатого штампа («гусенички»), вдоль края с наружной стороны расположен ряд глубоких круглых ямок; эти сосуды очень сходны с некоторыми типами из среднего слоя 6-го разреза Горбуновского торфяника [3].

Из неолитических признаков на первой стадии исчезают утолщение края изнутри сосуда и прочерченный орнамент (волнистые и прямые линии, нанесенные гребенчатым штампом и палочкой); изредка еще встречается орнамент «отступающей гребенкой» и «отступающей палочкой», а также «шагающей гребенкой», но в последнем случае гребенчатый штамп имеет иной вид, чем в неолите: он короток, и крайние его зубцы значительно толще средних. Этот вид орнамента, крайне редкий здесь, очень характерен для круглодонных прямостенных сосудов с Полуденки-2 (рис. 4).

[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 42, *4, 6, 7*.

Вторая стадия (рис. 5) характерна отворотом самого края сосуда, обработкой внутренней поверхности гребенчатым штампом, появлением следов такой обработки и на внешней поверхности сосуда; длинный гребенчатый штамп в значительной мере вытесняется коротким, развивается орнаментация техникой ложной гребенки; орнамент, нанесенный движу-

Рис. 5. Керамика второй стадии бронзового века

1 — Абселямовская стоянка; *2—6* — первая Иткульская стоянка; *7* — стоянка Сайма 3 на оз. Иткуль; *8* — Иткульская стоянка

щимся инструментом, исчезает; в орнаментации преобладает вертикальное членение широких зон или всей поверхности сосуда; преобладающие мотивы орнамента — ромбы, прямоугольные поля, вытянутые треугольники, вертикальные полосы, широкий зигзаг, ромбическая сетка; есть сосуды, орнаментированные только в верхней части широкой, реже — узкой полосой. Преобладает округлая или коническая форма дна, но появляются и сосуды с уплощенным днищем.

Как видно, некоторые элементы орнамента, придавшие такое своеобразие посленеолитической посуде рассматриваемого района, встречаются еще в «развитом неолите», а в «позднем неолите» зарождается целый ряд признаков, составляющих ее особенности.

Часть этих особенностей является стадиальными признаками; например, появление уплощенного днища, обработка поверхности зубчатым штампом отмечаются в «неолитоидной керамике» из стоянок гаринского этапа турбинской культуры, датируемых XVIII—XIII вв. до н. э. [4].

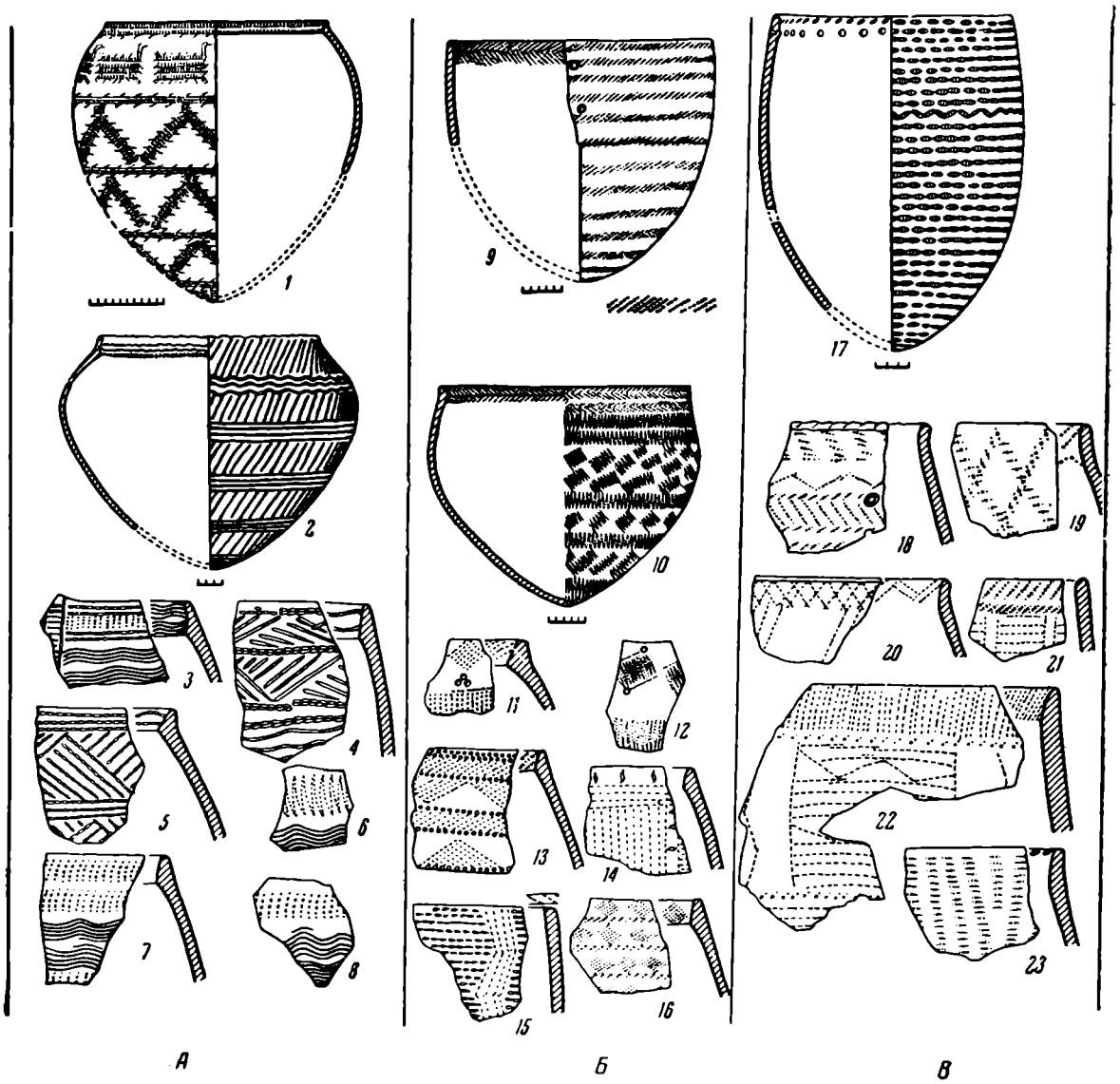


Рис. 6. Керамика юго-западной части лесного Зауралья

А. Керамика развитого неолита: *1* — Чебаркульская стоянка; *2—5* — Абселямовская стоянка; *6*, *8* — первая Иткульская стоянка; *7* — первая Черкаскульская стоянка

Б. Керамика позднего неолита: *9*, *11*, *12*, *14*, *15* — Абселямовская стоянка; *10* — Чебаркульская стоянка; *13* — первая Иткульская стоянка; *16* — вторая Иткульская стоянка

В. Керамика энеолита и первой стадии бронзового века: *17* — *20*, *23* — Абселямовская стоянка; *21*, *22* — вторая Иткульская стоянка

Постепенная эволюция керамики рассматриваемого района от развитого неолита до ранней бронзы включительно представлена рядом типов (рис. 6 и 7).

В другом, более северном районе лесного Зауралья развитие керамики от таких же образцов развитого неолита шло другим путем. В. М. Раушенбах [5] проследила это развитие преимущественно на памятниках, расположенных вокруг Нижнего Тагила, Кировограда и Свердловска, от неолита до поздней бронзы. Общий облик керамики здесь в посленеолити-

[4] О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Уч. зап. гос. университета (Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 124—125 и рис. 16.

[5] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952; ее же. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, вып. 29, 1956.

ческое время (только в наиболее северных стоянках) совершенно иной, чем в южных стоянках: сохраняется горизонтальная зональность в расположении орнамента, очень долго держится орнамент волнистый, прочерченный и «шагающая гребенка», отсутствует ряд орнаментальных мотивов, характерных для керамики южных стоянок, и т. д.

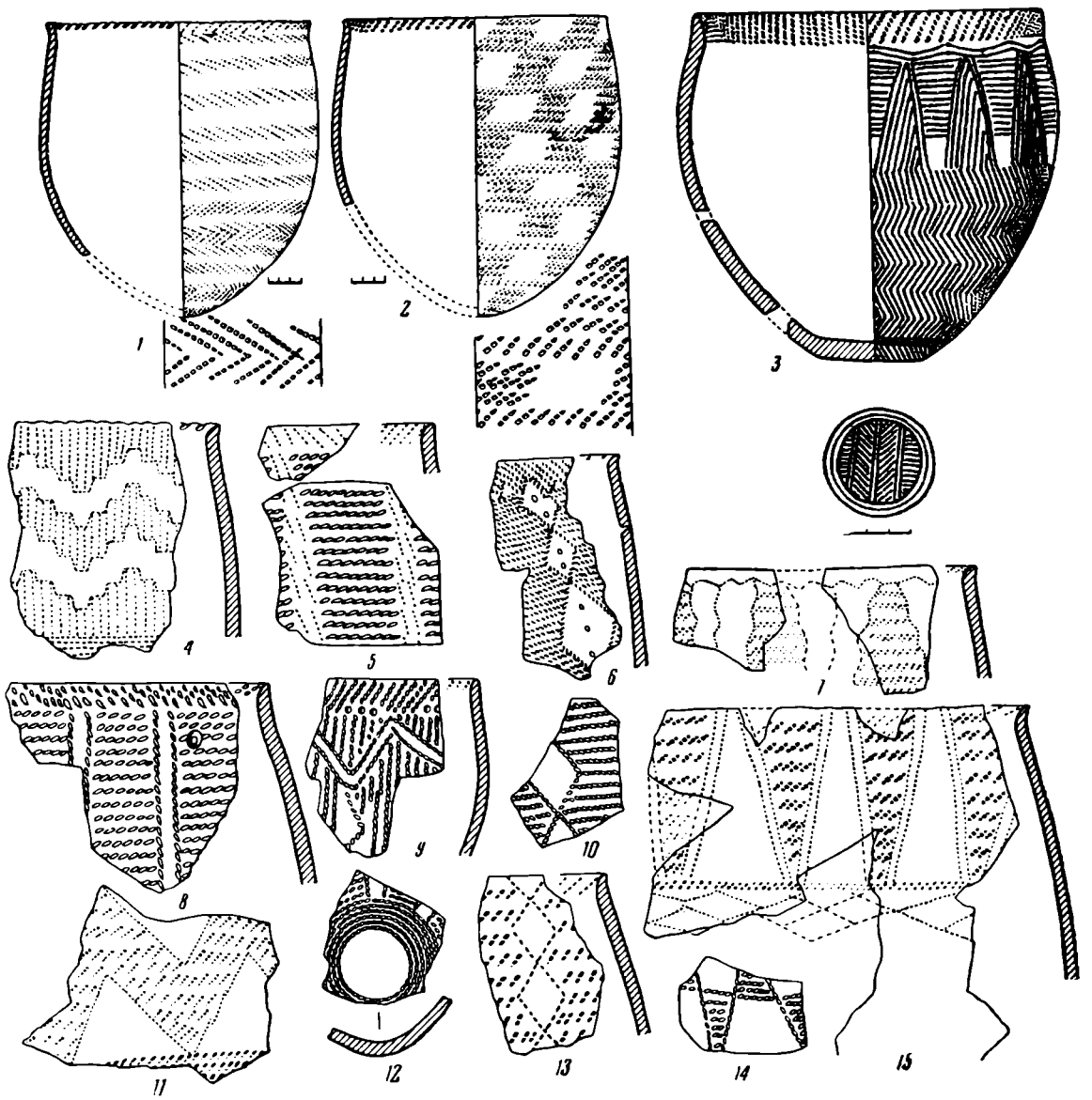


Рис. 7. Керамика юго-западной части лесного Зауралья, второй стадии бронзового века

1, 2, 4—7 — Абселямовская стоянка; *3, 10* — Чебаркульская стоянка; *8*— Палкино (Эрмитаж, инв. № 1245/47); *9, 14* — стоянка Сайма 3 на оз. Иткуль; *11* — Исетское оз. (Эрмитаж; инв. № 1244/9); *12, 13, 15* — первая Иткульская стоянка

Местом соприкосновения этих двух линий развития — северной и южной — является район где-то севернее Свердловска, так как на ряде стоянок вокруг Свердловска, в том числе и расположенных к северу от него, в большом количестве встречается керамика с чертами, свойственными описываемой мной керамике стоянок Челябинской области.

Так, П. А. Дмитриев в своей работе о шигирской культуре [6] отмечает распространение на всех описываемых им стоянках «псевдоверевочного» орнамента. Под «псевдоверевочным» П. А. Дмитриев понимает орнамент, где «очень короткие нарезки располагались в одну линию таким образом, что последняя очень хорошо имитировала веревочку» [7]; причем указывает-

[6] П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951.

[7] Там же, стр. 72.

ся, что орнамент наносится палочкой. Это те самые линии из отдельных оттисков палочки, которые образуют «ложную гребенку». Среди этих рисунков П. А. Дмитриев отмечает часто встречающееся вертикальное членение — узкие, разнозаштрихованные треугольники или вертикальные параллельные полосы [8]. Отмечаются также часто встречающиеся следы от сглаживания в виде штрихов на внутренней поверхности сосудов; на некоторых стоянках (Палкино, Шигирский торфяник, 1-я и 2-я Андреевские) отмечено наличие уплощенных днищ. П. А. Дмитриев оперировал в основном керамическими материалами из стоянок свердловских, шигирских и тюменских.

По наблюдениям В. М. Раушенбах, керамика ряда памятников второй половины II тысячелетия до н. э., расположенных близ Свердловска, выпадает из общего стиля керамики этого времени на рассматриваемой территории. Так, описывая керамику со стоянки Калмацкий Брод, автор отмечает обычность заглаживания внутренней поверхности сосуда зубчатым штампом, скошенность изнутри обреза прямого края сосуда (обрез обычно орнаментируется), большой процент орнамента, выполненного «отступающей лопаточкой» [9]. Большое количество керамики с тем же орнаментом отмечено на стоянке Разбойничий остров. Указывается, что этот орнамент характерен для керамики «ранних стоянок горбуновской культуры» [10]. Далее особенность керамики бронзового времени свердловских стоянок подчеркивается еще более определенно: «И, если в керамике стоянок среднего этапа в Тагильском районе элемент отступающей лопаточки постепенно исчезает из орнамента и на среднем этапе встречается редко (1%), то на стоянках Свердловского района этот элемент орнамента сохраняется до очень позднего времени не только на Разбойничьем острове, но и на Палкинской стоянке, стоянке Калмацкий Брод, стоянке на 2-м Карасьем озере и др. Чем объяснить это долгое существование древних орнаментальных традиций, сказать пока еще трудно, но возможно, что эта особенность является одним из признаков локальных различий внутри горбуновской культуры» [11].

Не могу согласиться с тем, что описываемый прием орнаментации является древней традицией. Это та самая техника ложной гребенки, которая является одной из отличительных черт посленеолитической керамики южной, челябинской группы.

Дело здесь не в названиях, а в том, что в археологической литературе смешиваются два различных и разновременных способа орнаментации, что может привести к неправильным выводам; поэтому считаю необходимым остановиться на этом вопросе более подробно.

Орнамент «отступающей палочкой» на керамике неолитических стоянок — это линия, образованная непрерывно движущейся по поверхности сосуда палочкой при периодическом нажимании на нее (рис. 1, *5*); в этой линии каждый «штрих» соединен с соседними. Правда, когда палочку ведут с легкими колебаниями вправо и влево и при этом довольно сильно приподнимают, то получается рисунок, напоминающий ложную гребенку. Но это совершенно разная техника — в одном случае черта, в другом — ряд отдельных оттисков.

Если та же черта с периодическим нажимом и колебаниями в стороны проводится только с легким приподниманием палочки, то получается мелковолнистая линия, которую иногда называют «струйчатым» орнаментом (рис. 1, *4*); он нередок на наиболее ранней керамике [12]. «Отступающая палочка» — результат развития техники прочерчивания рисунка гребен-

---

[8] П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала, стр. 73.
[9] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, стр. 38, 39, 55.
[10] Там же, стр. 55.
[11] Там же, стр. 55.
[12] Там же, рис. 6—8.

чатым штампом. Прочерчивание линий «отступающей палочкой» (как и «струйчатый» орнамент, сделанный палочкой) на ранней неолитической посуде применяется почти исключительно при заполнении треугольных зон, так как заполнить их при помощи прочерчивания гребенчатым штампом трудно. То, что рисунок наносился не гладкой линией, а с периодическим нажимом, можно объяснить тем, что приемом «отступающей палочки» получали рисунок, более сходный с образцом, которому подражали, т. е. с широко распространенным прочерчиванием мелковолнистых линий гребенчатым штампом. Может быть, имело значение и то, что линию с периодическим нажимом вести по поверхности сырого сосуда легче, чем равномерно углубленную. В относительно более поздних неолитических памятниках довольно част тот же рисунок (заполнение взаимопроникающих треугольных зон), выполненный уже гладким прочерчиванием, без периодического нажимания, а техника отступающей лопаточки перестает быть только «заменителем», получает самостоятельное развитие, становится более нарядной; появляется линия, проведенная «отступающей» двойной палочкой (рис. 1, *6*) и даже «отступающим» гребенчатым штампом (рис. 1, *9*). Орнамент «отступающей палочкой» применялся уже на древнейшей зауральской керамике на стоянке Стрелка [13]. На этой же стоянке встречается и гладкое прочерчивание [14], но реже; на стоянке Полуденка его значительно больше.

Техника «ложной гребенки» (рис. 1, *10*) сложилась иначе. В позднеолитическое время в лесном Зауралье большое распространение получает орнамент, нанесенный оттисками гребенчатого штампа.

В северных районах и в послеолитическое время продолжают еще жить орнаменты, прочерченные как отступающей палочкой, так и гладкие. В книге В. М. Раушенбах «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы» мы видим на фотографиях именно прочерченные орнаменты со стоянок на Аннином острове, среднего слоя 6-го разреза Горбуновского торфяника и 2-й Береговой [15], а также со 2-й Береговой стоянки [16] из раскопок А. Я. Брюсова.

В южных районах сначала исчезают всякие прочерченные орнаменты, потом исчезает и шагающая гребенка, остается только один прием — оттиск гребенчатым штампом и палочкой (в виде ложной гребенки и мелких ямок).

Техника ложної гребенки появилась как подражание оттиску гребенчатого штампа. Ею воспроизводились рисунки, выполнявшиеся ранее оттисками штампа (ряд наклонных полос вдоль края сосуда, чередование поясов из вертикальных коротких линий и горизонтальных полос, горизонтальные полосы коротких линий «в елочку», ромбическая сетка, ячейки сети и т. п.). Постепенно, по мере усложнения рисунка, эта техника развилась и усовершенствовалась; она давала возможность выполнения не только прямолинейных рисунков позднего неолита (какую давал гребенчатый штамп), но и очень сложных рисунков, без соблюдения горизонтальной зональности. На ряде свердловских стоянок есть прекрасные образцы таких рисунков [17].

По той же причине (как наиболее удобный для выполнения сложных рисунков) появился короткий гребенчатый штамп на смену длинному.

Поверхность сосудов со сложным рисунком, выполненным ложной гребенкой, часто имеет очень густое заполнение, так как во многих случаях

---

[13] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., рис. 4—9; се же. Керамика шигирской культуры, рис. 18, *1, 3*; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, рис. 36, *8*.

[14] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры, рис. 18, *8, 9*..

[15] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., рис. 10, *7*; рис. 17, *11*; рис. 20, *9*.

[16] А. Я. Брюсов. Ук. соч., рис. 41, *5*.

[17] Например, см. В. М. Раушенбах в статье «Керамика шигирской культуры» на рис. 20, *7, 8, 9;* в фондах Гос. Эрмитажа, кол. № 1245/4, 7; в фондах Свердловского областного краеведческого музея.

свободным полем является собственно рисунок — зигзаги из двух параллельных линий, ромбы, вытянутые треугольники и пр., все пространство между которыми заполнено частыми рядами ложной гребенки. При исполнении же рисунка коротким гребенчатым штампом — оттисками его чаще наносится самый рисунок, а фон остается свободным. Иногда оба приема применяются вместе. Вполне естественно, что короткий гребенчатый штамп, как орудие менее гибкое по сравнению с палочкой, дает более резкие и крупные, более грубые рисунки.

Появление новой техники орнаментации в свою очередь влияло на развитие рисунка. Овладение техникой короткого гребенчатого штампа, может быть, является одной из причин более раннего появления на сосудах южных районов лесного Зауралья плоскостных изображений птиц и животных. Так, на Чебаркульской стоянке найдено много обломков от двух сосудов с изображением птиц, сделанных коротким гребенчатым штампом (рис. 6, *1*) [18]. В более позднее время известно изображение плывущих уточек на сосуде из Тагильского района, сделанное длинным гребенчатым штампом [19], но оно значительно примитивнее и схематичнее, чем приблизительно одновременное ему изображение животных с Исетского озера, сделанное коротким штампом [20]. Еще больше возможностей дает техника ложной гребенки. Рисунки, сделанные таким способом, бывают иногда столь сложны, нарядны и изящны, что, по выражению П. А. Дмитриева, напоминают кружево, различное плетение и пр. [21].

Таким образом, ложная гребенка — техника, применявшаяся для орнаментации сосудов на стоянках эпохи бронзы в Свердловском районе,— не является древней традицией. Это один из двух новых приемов, найденных в посленеолитическое время для выполнения сложных рисунков и, в свою очередь, способствовавших развитию рисунка.

В северных районах, включая Тагильский край, сложный рисунок не получил развития, узор не пошел дальше горизонтальных полос простого рисунка; с постепенным исчезновением гребенчатой волны выходит из употребления и заменяющая ее линия, проводившаяся отступающей палочкой. Новая техника не появилась; для выполнения несложного геометрического узора достаточно было обычного гребенчатого штампа, с которым северная керамика доживает до появления в этих краях посуды андроновского типа с ее техникой орнаментации (острая палочка, «слепая» гребенка (рис. 1, *12*) и пр.) и переживает ее.

В более южных районах (включая Свердловскую область) задолго до появления андроновской посуды перестали строго придерживаться горизонтального членения поверхности сосуда, постепенно усложнили узоры и нашли новые технические приемы для их выполнения.

Разница в технике орнаментации и узорах на керамике бронзового времени между стоянками Свердловской области и более северными настолько очевидна, что, даже относя их к одной культуре, В. М. Раушенбах обращает на это особое внимание.

Стоянки Свердловской области сближаются с южными лесными стоянками Челябинской области не только по сходству керамики, но и по некоторым видам каменных изделий.

Мелкий кремневый инвентарь южных стоянок очень беден. Исключение представляет Чебаркульская стоянка; но там почти на всей площади большого раскопа слой перекопан, и нельзя стратиграфически выделить вещи, относящиеся к посленеолитическому периоду. Небольшое количе-

[18] Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 17, *1* и 18, *1*.

[19] По А. Я. Брюсову — из средн. культ. слоя 6-го разреза Горбуновского торфяника (см. А. Я. Брюсов. Ук. соч., рис. 42, *4*); по В. М. Раушенбах — из 1-й Береговой стоянки (см. В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье..., рис. 9, *13*).

[20] П. А. Дмитриев. Ук. соч., рис. 7, *5* и стр. 71; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., рис. 21, *16*.

[21] П. А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 72.

ство скребков, ножевидных пластинок, ножей, нуклеусов, наконечников стрел и дротика, а также мелкие осколки шлифованных орудий, найденные на других стоянках, не могут служить для каких-либо выводов при сравнении с вещами других районов. Указанное сходство скорее можно проследить при сравнении вещей, реже встречаемых на стоянках.

К таким, прежде всего, относятся сверленые каменные изделия. Это несколько сверленых грузил и сверленая кирка с Калмацкого Брода [22], грушевидное грузило с Лосиного острова [23] и тальковый маховичок со 2-го Карасьего озера [24]. П. А. Дмитриев, кроме того, еще указывает на находку на 1-м Карасьем озере приготовленного к сверлению топора [25], просверленных привесок из сланца на Исетском озере [26] и просверленного грузила на оз. Черном [27]. В более северном районе сверленые каменные орудия неизвестны.

На челябинских стоянках сверление камня тоже применялось. Так, на 2-й Иткульской стоянке найдено грузило, сделанное из крупной плоской гальки, просверленной в середине и разбитой пополам через сверлину; напротив сверлины на закругленной стороне сделана выемка. На Абселямовской стоянке найден каменный (тальковой породы) массивный диск с обточенными краями и сверлиной в центре и второй, подобный, с незаконченной сверлиной. На Чебаркульской стоянке найдена половина сланцевого маховичка, сломанного по сверлине, и плитка из талькового камня с начатыми на обеих сторонах сверлинами. Надо отметить, что изделия с незаконченными сверлинами не могли быть привозными.

Каменные прямоугольные плитки с поперечными желобками, за исключением одной, найдены на свердловских (Калмацкий Брод, Лосиный остров, Разбойничий остров [28]) и на южных стоянках (2-я Чебаркульская, Сайма-3 на оз. Иткуль, Чебаркульская) [29]. Плитка из Чебаркульской стоянки со всех сторон покрыта резной ромбической сеткой, подобно сетке на плитке с Лосиного острова. На северных стоянках плитка с желобками найдена на неолитической стоянке нижнего слоя 6-го разреза Горбуновского торфяника [30]. П. А. Дмитриев отмечает на ряде стоянок Свердловского района находки глиняных палочек с заостренными концами, которые считает грузилами. На южных стоянках есть такие же палочки, только сделанные из мягкого талькового камня (Абселямовская и 1-я Иткульская стоянки) [31]. Очевидно, это изделия одинакового назначения, хотя и сделаны из различного материала.

Следует отметить, что на стоянках указанных районов известны каменные грузила не сверленые, а с желобками вдоль всей окружности (на Шигирском торфянике — с двумя желобками [32], на 2-й Иткульской стоянке — с одним желобком [33]). Вероятно, бытовали и грузила — кибасы (необработанные камни, завернутые в бересту), не сохранившиеся до нашего времени. В среднем слое 6-го разреза Горбуновского торфяника и на 1-й Береговой стоянке найдены каменные грузила с выбоинами с двух сторон, но не ясно, из какого камня они сделаны. Возможно, что это сланцевая порода, сравнительно легко крошащаяся. На южных стоянках на грузила с выбоинами употребляли гальки твердых пород, часто кварцевые.

Мне кажется, сходство керамики и совпадение некоторых видов изде-

---

[22] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., стр. 42 и рис. 13, *21* и 15, *1*.
[23] Там же, стр. 53 и рис. 18, *10*.
[24] Там же, рис. 19, *8*.
[25] П. А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 44, рис. 2, *10*, табл. I.
[26] Там же, стр. 40.
[27] Там же.
[28] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., стр. 42, 43, 54, рис. 15, *2*, *4* и 18, *11*.
[29] Н. П. Кипарисова. Отчеты об археологических работах за 1953 и 1955 гг.
[30] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., стр. 43.
[31] Из моих раскопок в 1954—1955 гг.
[32] П. А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 48, рис. 2, *18*.
[33] Н. П. Кипарисова. Отчет об археологических работах за 1955 г.

лий из камня — достаточное основание для причисления посленеолитических стоянок «Свердловского куста» к кругу памятников рассматриваемого мной более южного района.

К этому же кругу памятников следует отнести и тюменские стоянки II тысячелетия до н. э. П. А. Дмитриев [34], оперируя в основном материалами со стоянок шигирских, свердловских и тюменских, неоднократно подчеркивает сходство их инвентаря, выделяет те особенности керамики, которые являются наиболее характерными и для южных (челябинских) стоянок — орнамент ложной гребенкой, чрезвычайную сложность узоров, наличие сосудов с уплощенным днищем. Отмечается еще целый ряд сходных вещей, обнаруженных в указанных районах и неизвестных в Тагильском районе,— глиняные сигарообразные палочки, каменные грушевидные грузила с отверстием в узком конце, каменные грузила, опоясанные желобками, просверленные привески из сланца и др.

В. Н. Чернецов [35] выделяет на тюменских стоянках керамику неолитическую, не отличающуюся от керамики этого периода в лесном Зауралье, и энеолитическую. По описанию энеолитической керамики и иллюстрациям еще более заметно сходство ее с керамикой рассматриваемого мной района Челябинской области, так как сюда не примешиваются, как в описании П. А. Дмитриева, более ранние и более поздние образцы. Основные сближающие признаки: митровидная форма сосудов, появление уплощенного дна, почти полное исчезновение волнистого орнамента, обычность орнаментации отступающей лопаточкой [36], сходство орнаментальных мотивов [37].

Таким образом, обширная территория лесного Зауралья и Западной Сибири, занятая неолитическими племенами со сходными типами гребенчато-волнистой керамики, с энеолитического времени распадается на области, в которых дальнейшее развитие керамики пошло разными путями, приведшими к образованию совершенно различных типов керамики.

Область распространения керамики описываемого мной типа занимает юго-западную часть лесной зауральской зоны, от Уральского хребта и примерно до р. Тобола и от района Шигирского торфяника до южной границы лесной зоны (около 400—450×300—350 *км;* рис. 8).

Эта область, за исключением северной границы, совпадает с территорией, на которой П. А. Дмитриев выделил шигирскую культуру [38]. Если отбросить неолитический материал, которым П. А. Дмитриев из-за неизученности в то время ранних памятников вынужден был оперировать, то из территории, очерченной им, исключится более северный Тагильский район и совпадение будет полным.

Но совпадает не только территория.

Подводя итоги рассмотрению материалов со стоянок шигирской культуры, П. А. Дмитриев [39] называет признаки, наиболее характерные и часто встречающиеся, а именно: 1) митровидные и прямостенные («баночные») сосуды [40], 2) обычность следов от сглаживания в виде штрихов на внут-

[34] П. А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 40, 46, 48, 64, 73—75, 83.

[35] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 38—42, табл. XIV и XX.

[36] В. Н. Чернецов тоже называет «отступающей лопаточкой» линии из коротких отдельных штрихов на энеолитической посуде (что видно по иллюстрациям), т. е. тот же характерный для челябинской группы стоянок орнамент, который, в отличие от неолитического, называют «ложной гребенкой».

[37] Еще более определенно В. Н. Чернецов сказал об этом сходстве во время моего сообщения о южных типах посленеолитической керамики в лесном Зауралье (на секции неолита и бронзы Пленума ИИМК в 1955 г. в Ленинграде); мной не была указана восточная граница распространения этой керамики, и В. Н. Чернецов отметил, что такая керамика очень типична для тюменских стоянок.

[38] П. А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 82—86.

[39] Там же, стр. 64, 69, 72, 73, 82, рис. 6 и 7, *5*.

[40] В числе обычных указаны формы сосудов андроновского типа и сосудов с выраженным отогнутым горлом, которые я исключаю, как воспринятые со стороны на позднем этапе культуры.

ренней поверхности сосуда; 3) появление уплощенного («приплюснутого») днища на сосудах; 4) распространенность сложных «псевдоверевочных» орнаментов, в том числе вертикально вытянутых треугольников; 5) распространенность, наряду с длинным, и короткого зубчатого штампа (от двух зубцов и более); 6) сложность рисунка, выполняемого гребенчатым штам-

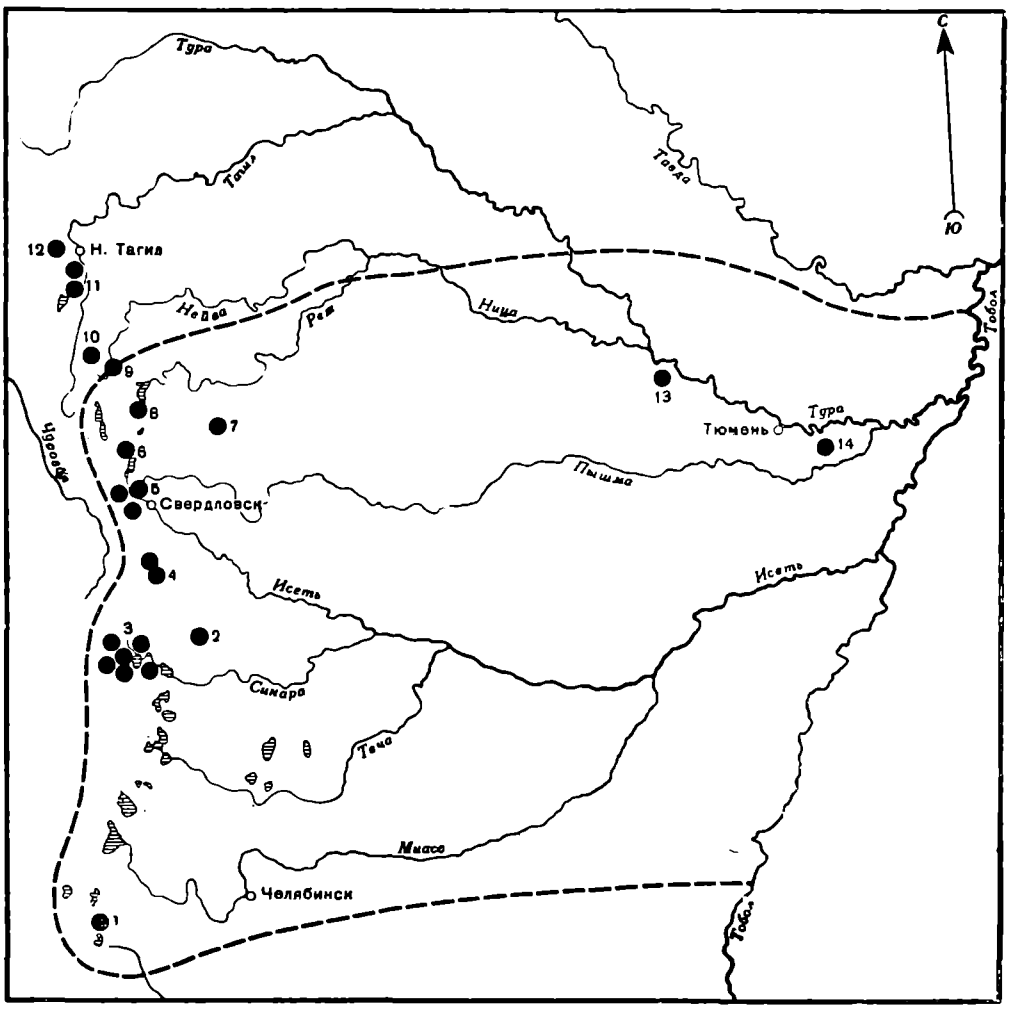


Рис. 8. Границы распространения дмитриевской культуры

1 — Чебаркульская ст.; *2* — первая Черкаскульская ст.; *3* — ст-ки на оз. Иткуль; *4* — ст-ки Карасьих озер; *5* — ст-ки у д. Палкино, Калмацкий Брод, Макуши; *6* — ст. Исетского оз.; *7* — Лосиный о-в; *8* — Аятское оз.; *9* — Шигирский торф-к; *10* — Аннин о-в; *11* — Горбуновский торф-к; *12* — ст. Полуденка 2; *13* — Липчинская ст.; *14* — 2-е Андреевское оз.

пом; 7) «псевдоверевочный» орнамент; 8) струйчатый орнамент; 9) крестовый орнамент; 10) мелкие глиняные изделия (сигарообразные грузила, моталки с поперечными желобками, глиняные «пряслица»); 11) некоторые виды костяных и деревянных изделий (7-й—11-й признаки П. А. Дмитриев считал свойственными только шигирской культуре).

Как уже говорилось, отсюда следует исключить ранние элементы, попавшие в этот список в результате отсутствия стратиграфических данных: костяные и деревянные изделия (кроме «копалок») и глиняные «пряслица». Следует признать также нехарактерными орнаменты как струйчатый, так и нанесенный длинным гребенчатым штампом, встречающиеся не менее часто и в неолитических памятниках. Следует исключить также крестовый (штампованный) орнамент, появляющийся со стороны на самом позднем этапе существования этой культуры.

Как видно, признаки, характеризующие посленеолитический период местной культуры, выделенной П. А. Дмитриевым, являются наиболее ти-

пичными и для южных (челябинских) стоянок, которые, следовательно, относятся к той же культуре. Единственное расхождение в определении ранней даты вполне естественно; не зная еще зауральских неолитических стоянок, П. А. Дмитриев не мог установить ни происхождения, ни времени сложения этой культуры.

В настоящее время общепризнанной поздней датой зауральских неолитических стоянок считается конец III и, может быть, самое начало II тысячелетия до н. э. Значит, культура, о которой идет речь, должна была сложиться уже в начале II тысячелетия до н. э.

Остается вопрос о названии культуры. Сохранять за ней старое название «шигирской» нежелательно по следующим соображениям: во-первых, шигирские посленеолитические стоянки не являются для нее наиболее типичными (если эти стоянки и относятся к этой культуре, то они представляют только северную окраину); во-вторых, за последние годы было принято называть «шигирской» культуру Среднего Зауралья начиная с неолита, а культуру, выделенную П. А. Дмитриевым, считать поздним этапом ее. В самое последнее время предложено оставить название «шигирской» только для самого раннего этапа, а период от развитого неолита до конца эпохи бронзы назвать «горбуновской» культурой [41]. Как видно, понятие «шигирская культура» давно уже не связывается с кругом памятников, над которыми в основном работал П. А. Дмитриев.

Очевидно, в Среднем Зауралье в посленеолитическое время следует выделить две культуры, имеющие общие корни, а следовательно, выделить как отдельную культуру и ту неолитическую основу, от которой они отделились. Бывшая шигирская (в широком понимании) культура может быть разделена на четыре культуры.

Эпоха, культура	Дата	Основные признаки
Древнейший этап неолита, шигирская культура *	V—IV тыс. до н. э.	Костяные изделия ранних типов (гарпуны, наконечники стрел)
Неолит; восточно-уральская культура **	III тыс. до н. э.	Яйцевидные сосуды. Орнамент преимущественно прочерченный гребенчатым штампом и палочкой, горизонтальная зональность орнамента, простота узора, орнаментация всего сосуда
Энеолит и бронза (северный район), аннино-островская культура	Начало II — начало I тыс. до н. э.	Прямостенные круглодонные сосуды, орнамент преимущественно оттисками длинного гребенчатого штампа, горизонтальная зональность орнамента, простота узора, орнаментация всего сосуда
Энеолит и бронза (южный район); дмитриевская культура	Начало II — начало I тыс. до н. э.	Митровидные сосуды, появление уплощенного дна, развитие в орнаментации сосудов техники оттисков (штрихов) палочки и оттисков короткого гребенчатого штампа, нарушение горизонтальной зональности в орнаментике, сложность и нарядность узора, появление сосудов с неорнаментированной нижней частью. Сигарообразные «грузила»

* По В. М. Раушенбах.

** По А. П. Окладникову. См. А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 7, карта.

Указывая основные признаки культур, ограничиваюсь перечислением только местных, наиболее характерных элементов; в поздних культурах не указываю на сосуды андроновского типа и т. д.

[41] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., стр. 105.

Предложенное мною название третьей из этих культур обусловлено тем, что наиболее характерные ее признаки выявлены наиболее полно на материале этой стоянки [42].

Четвертой культуре по справедливости следует присвоить имя ее первоисследователя П. А. Дмитриева, выделившего большинство ее характерных признаков (тем более, что предложенное им название «шигирская культура», приобретая новое содержание, уже не будет связано с его именем).

Дмитриевская культура по времени делится на два периода — период развития местной лесной культуры и период, связанный с продвижением к северу степных андроновских племен.

О первом периоде пока трудно добавить что-нибудь новое. Можно только возразить против мнения, что, начиная с неолита, наибольшая плотность населения была на территории между современными Тагилом и Свердловском [43]. Отсутствие сведений о стоянках говорит только о малой изученности других районов. Южная часть территории дмитриевской культуры, несомненно, была заселена не меньше. Примером может служить оз. Иткуль, на берегах которого только за два сезона полевых работ вновь найдено девять доандроновских стоянок, хотя половина его берегов еще не обследована. Почти не велись разведочные работы на озерах широкой южной полосы лесной зоны.

О ближних и дальних культурных связях тоже много говорилось. В рассматриваемый период связи дмитриевцев с лесным юго-западом, пожалуй, заметны не меньше, если не больше, чем со степным югом. В керамике смежной абашевской культуры известно много элементов, характерных для раннебронзовой керамики дмитриевских стоянок. Таковы заштрихованные ромбы с мелкими ямками на углах, вытянутые заштрихованные треугольники, ряды мелких ямок вдоль линии узора и другие элементы, которые часто встречаются на восточных абашевских памятниках [44].

Можно отметить некоторые локальные отличия внутри дмитриевской культуры. Так, в керамике тюменских стоянок заметное участие в орнаментации принимают мелкие ямки [45], которые в других районах как самостоятельный элемент орнамента не применяются. В более северных свердловских стоянках больший, чем на юге, процент керамики орнаментируется длинным штампом; здесь чувствуется близость аннино-островской (называю условно) культуры. В юго-западном районе сохраняется позднеенеолитическая традиция подчеркивания узора на керамике мелкими ямками и более широко применяется на разные поделки тальковый камень.

С продвижением к северу андроновцев облик дмитриевской культуры меняется (и чем южнее, тем заметнее).

Появление в южных лесных районах андроновцев надо относить ко времени не позднее XIV в. до н. э., прежде всего на основании проверенной разными способами датировки стоянок Горбуновского торфяника. 1-я Береговая стоянка датируется XIV—XIII вв. до н. э., второе поселение на 6-м разрезе — второй четвертью II тысячелетия до н. э. Население вынуждено было уйти со второго поселения (6-й разрез; со стоянки 2-го слоя) из-за сильного обмеления озера. Должно было пройти значительное время, чтобы 6-й разрез вновь затопило и образовался торф; на нем в VII в. поселились люди. Следовательно, нельзя удлинять время засушливого периода; наиболее сухим можно считать первый период жизни 1-й Береговой стоянки — XIV век до н. э. Очевидно, и в более южных районах лесного Зауралья максимум засушливости относится к этому же

[42] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., стр. 61—63.

[43] Там же, стр. 66.

[44] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954, рис. 5, 7, 24 и др.

[45] В. Н. Чернецов. Ук. соч.

времени. Это подтверждается и наблюдениями на оз. Иткуль. Там керамика, датируемая временем не позднее VII в. до н. э., находилась у горизонта современного ей уровня озера, который был выше современного озера не менее чем на метр; при заселении же берега в конце неолитического периода уровень воды был ниже современного. Судя по этим наблюдениям, наиболее низкое стояние воды не могло быть позднее XIV—XIII вв. до н. э., если не допускать скачкообразного наполнения озера.

Нельзя допустить и быстрого продвижения андроновских племен. Очевидно, они постепенно занимали новые территории по мере расширения зоны степи. Если максимум засушливого периода относится к XIV—XIII вв. до н. э., то, надо думать, южные лесные районы в это время уже были заняты степными племенами.

Такому заключению как будто противоречит то, что на территории дмитриевской культуры андроновская посуда представлена только алакульскими типами и сосудами с валиком у горла. К. В. Сальников [46] датирует алакульскую стадию XI—IX вв. до н. э., а посуда с валиком датируется или замараевской стадией (VIII—VII вв. до н. э.) [47], или концом федоровской (XIII—XII вв. до н. э.) [48]. Но мне хочется отдать предпочтение датировкам на основании пыльцевых диаграмм и торфяных разрезов перед установлением времени существования алакульской посуды путем типологического сравнения керамики, т. е. допустить более раннюю датировку посуды алакульского типа.

Продвижение андроновцев на территорию дмитриевской культуры поразному отразилось на разных районах.

В более северных районах местная культура сохранилась, хотя в ней и очень заметно влияние андроновской культуры.

В южных районах дело не ограничилось влиянием. Большая территория постепенно была занята пришельцами, что вскоре привело к образованию поселений смешанного типа, в которых слишком много андроновского, чтобы считать их принадлежащими к дмитриевской культуре. Территория их распространения не изучена. К числу таких поселений следует отнести селище на оз. Березовом [49], ранний керамический комплекс которого представляет типичные местные лесные образцы, а андроновский носит заметные следы местного влияния. К. В. Сальниковым установлено, что наряду с охотой и рыбной ловлей население занималось земледелием и скотоводством. Не могу согласиться с датировкой селища IX—VIII вв. до н. э. только на основании позднего комплекса, который составляет 35% общего числа находок. Значительность раннего комплекса (65% всех находок) и наличие в нем местной лесной керамики позволяет утверждать, что селище возникло не позднее XIII—XII вв. до н. э.

Еще более выразительна 2-я Черкаскульская стоянка в Каслинском районе Челябинской области; в керамике этой стоянки андроновские и местные черты своеобразно переплетаются; судя по обилию костей домашних животных, скотоводство было уже основой хозяйства.

В VIII—VII вв. до н. э. на территории дмитриевской культуры, так же как и в области, занятой смешанными поселениями, появляются сосуды с резко отогнутым венчиком, выступающими плечами, орнаментированные по верхней части фигурным штампом (крест, змейка и др.) или гребенчатым штампом, с глубокими ямками по сгибу горла. Такого типа посуда известна и на ранних городищах Зауралья (Каменогорское городище на р. Синаре). Она относится уже к раннежелезному веку, хотя, может быть, и не везде население, употреблявшее ее, перешло к металлургии железа.

---

[46] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, стр. 119—120.

[47] Там же.

[48] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, стр. 178.

[49] К. В. Сальников. Раскопки на оз. Березовом. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 122—130.

Н. А. ОНАЙКО

АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ (VII—V вв. до н. э.)

Для изучения истории местных племен Северного Причерноморья в античную эпоху большое значение имеют предметы греческого импорта. Данная группа археологических памятников, наряду с письменными источниками, позволяет выявлять характер и значение экономических связей греческих полисов нашего Юга с местными племенами.

Участие и роль различных племен Северного Причерноморья в торговле с греками не всегда и не везде были одинаковыми. До сего времени менее изучены в этом отношении обитатели Среднего Приднепровья. Специальных исследований на эту тему в археологической литературе нет. В ряде отдельных статей и обобщающих работ чаще затрагиваются вопросы экономических взаимоотношений греков со Скифией вообще. И только иногда, особенно в работах последних лет, в связи с выделением основных археологических культур Северного Причерноморья в скифскую эпоху отмечаются отдельные районы распространения античных предметов импорта. В более ранних исследованиях освещались вопросы о ввозе в Северное Причерноморье родосско-ионийской керамики, рассматривались отдельные находки аттической художественной керамики из Среднего Приднепровья. Амфорная тара, получившая распространение в этом районе, специально не определялась. Не была предметом исследования и торевтика VI—V вв. до н. э., за исключением бронзовых зеркал и поясных блях.

Основные положения относительно торговых взаимоотношений греков с населением района Среднего Приднепровья сводятся к следующему. Начало постоянных сношений греков с этими племенами многие исследователи относят к концу VII в. до н. э. [1]. Т. Н. Книпович считает, что в это время торговый обмен греков с населением Северного Причерноморья носил еще случайный характер [2].

Периодом наиболее оживленных сношений племен Среднего Приднепровья с античным миром, по мнению многих исследователей, является конец V в. до н. э. и особенно IV—III вв. до н. э. [3].

---

[1] С. Д. Руднева. Чернофигурная котила из кургана Киевской губернии. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 30; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914; его же. Милетские вазы из России. Древности, т. 25, 1916, стр. 47; В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 7.

[2] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—VI вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 90; ее же. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 7; А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 50 сл.; Н. Н. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V в. до н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 58.

[3] Б. Н. Граков. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 162; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 39; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья. Автореферат канд. диссертации. Киев, 1949; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 166.

Городами Северного Причерноморья, осуществлявшими торговый обмен с племенами Среднего Приднепровья, были Ольвия и боспорские города [4].

Торговый обмен между племенами Среднего Приднепровья и греческими купцами носил безденежный характер [5].

Торговыми путями служили судоходные реки Днепр и Южный Буг [6]. Большое значение придается использованию водных путей по притокам этих рек: Синюхе, Ингулу и Ингульцу.

Значительно пополнившаяся за последние годы раскопок коллекция античных предметов из Среднего Приднепровья позволяет уточнить основные этапы в развитии торговых связей греков с обитателями этого района, несколько полнее осветить роль центров, служивших посредниками в этой торговле, и, наконец, выяснить характер торгового обмена племен лесостепного Приднепровья с античным миром и его роль в социально-экономическом и культурном развитии этих племен.

Проникновение изделий эгейских и малоазийских мастерских в Северное Причерноморье имело место еще в древнейшую эпоху. Об этом свидетельствуют античная традиция и единичные находки металлических предметов импорта, получивших распространение во II — начале I тысячелетия до н. э. в Нижнем Приднестровье, на Боспоре и особенно в Нижнем Приднепровье [7].

Как показывают новейшие исследования, появление греческих торговых факторий-эмпориев на северном побережье Понта следует относить к VII в. до н. э. [8].

Основным источником для изучения импорта этого периода является керамика, значительная часть которой обнаружена в Среднем Приднепровье (Немировское [9] и Пастырское [10] городища, поселение у с. Жаботин [11] и погребение у с. Болтышка [12]). Находки с Немировского городища и из погребения у с. Болтышка не раз привлекали внимание исследователей и определены как обломки родосско-ионийских сосудов, бытовавших в среде местной племенной знати еще в конце VII в. до н. э., а фрагменты такой же керамики с Пастырского городища и поселения у с. Жаботин не были учтены даже в специальных работах. Не стал предметом внимания и фрагмент из Немировского городища [13], который относится к иному центру производства и может быть датирован более ранним временем, чем отмеченная выше керамика. Судя по глине и росписи [14], это — обло-

[4] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887; его же. Historia regni Bosporani. IOSPE, II, 1890; Б. В. Фармаковский. Ук. сочинения; Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? Археологія, т. I, 1947; его же. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36, 1954, стр. 145; В. Д. Блаватский. Ук. соч.; Н. Н. Бондарь. Ук. соч.

[5] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 214.

[6] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 145; его же. Греческое граффито из Немировского городища. СА, 1959, № 1, стр. 269; І. В. Фабріціус. Тясмінська експедиція. АП, т. II, 1949, стр. 80.

[7] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 18 сл.

[8] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 7 сл.

[9] Раскопки А. А. Спицына. См. ОАК за 1909—1910 гг., стр. 179—183; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. II, *3;* Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 105; М. И. Артамонов. Югоподольская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 74.

[10] В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья. Тр. XII АС, т. I, 1902, стр. 93; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. II, *1, 2.*

[11] Вещи хранятся в ИА АН УССР, инв. № Жб-53, 2478 и др. См. Е. Ф. Покровская. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской области. КСИА, вып. 4, 1935, стр. 89.

[12] Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России, стр. 3, табл. VI и VII; Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 105.

[13] Раскопки М. И. Артамонова. Гос. Эрмитаж, инв. № ЮП-1-2904.

[14] H. Payne. Necrocorinthia. A Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford, 1931, стр. 10, рис. 5; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 77.

мок сосуда сикионо-коринфского круга. Поэтому можно считать, что ранняя керамика из Среднего Приднепровья представлена изделиями мастерских не только восточных районов Греции, но и западных.

Как мы видим (рис. 1), в лесостепной полосе, между Южным Бугом и Днепром, отмечаются наибольшая концентрация и разнообразие подобной керамики, проникавшей сюда, очевидно, через эмпорий на о. Березани. Торговыми путями чаще служили, по-видимому, речные пути. В литературе уже справедливо отмечалось, что греки при заселении берегов

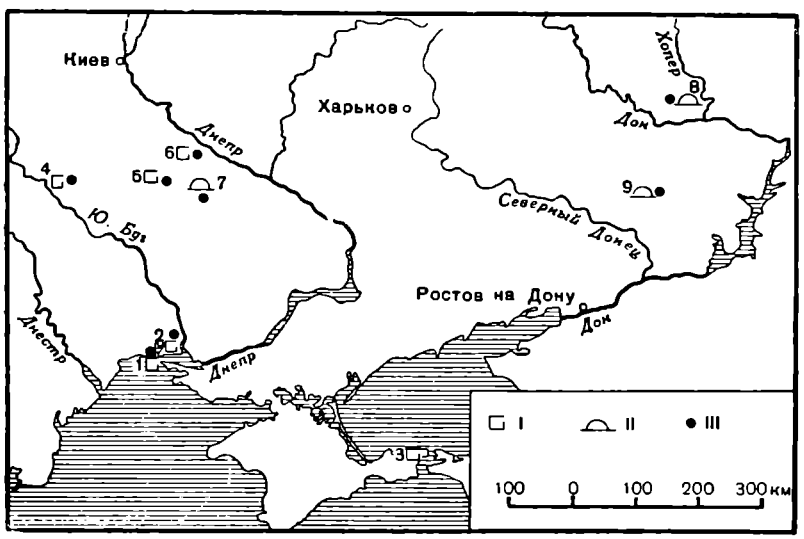


Рис. 1. Карта распространения греческой керамики VII в. до н. э. на территории Северного Причерноморья.

I — городище, поселение; II — курган; III — керамика
1 — о. Березань; *2* — с. Парутино (Ольвия); *3* — г. Керчь (Пантикапей); *4* — г. Немиров; *5* — с. Пастырское; *6* — с. Жаботин; *7* — с. Болтышка; *8* — Хоперский р-н; *9* — Криворожье

Черного моря предусматривали не только наличие удобной гавани, но и близость около нее устья судоходной реки. Греческие купцы, будучи смелыми мореплавателями, безусловно, пользовались реками и проникали на значительные расстояния в глубь страны, что подтверждается письменными [15] и археологическими данными [16]. И это понятно, так как водные пути для перевозки грузов наиболее удобны, дешевы, а в условиях окружения варварских племен и наименее опасны.

Появление эмпория Ольвии вскоре после основания торговой фактории на о. Березани было вызвано стремлением греков к освоению удобных для жизни территорий, к расширению торговли с населением днепровско-бугского бассейна [17], приносившей большие барыши купцам из «заморских» стран.

В свою очередь стремление местной знати вступить в регулярный торговый обмен с греками было обусловлено ходом экономического развития областей Северного Причерноморья. Территория западной лесостепи (особенно бассейн р. Тясмина) еще в эпоху бронзы имела большое историко-культурное значение [18].

[15] Геродот в своем перечне рек Скифии подчеркивает, что он описывает реки только значительные и судоходные для тех судов, которые идут от моря. См. Herod., IV, 1, 8, 52, 53. О плавании «чужестранцев» по рекам Северного Причерноморья для сношения с кочевниками см. Strabo, XI, 22.

[16] Б. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища, стр. 259.

[17] Если принять предположение В. Д. Блаватского о том, что эмпорий Ольвии основан в 644 г. до н. э., то время основания эмпория и начало распространения в Среднем Приднепровье греческой керамики совпадают.

[18] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 47 сл.

В период становления культуры раннего железа здесь возникают укрепленные городища. Найдены многочисленные изделия местного производства [19], а также предметы, говорящие о широких связях местного населения с другими областями [20]. Все это свидетельствует о том, что население данного района представляло собой сильное племенное объединение, с высоким уровнем социально-экономического развития [21]. Археологические данные позволяют утверждать, что возникшие в более раннюю эпоху связи Северного Причерноморья с областями древней Греции в VII в. до н. э., интенсивно поддерживались именно этими племенами. Существует предположение о вывозе хлеба из Северного Причерноморья еще в древнейшую эпоху [22]. Имеется определенное сообщение Геродота (хотя и относящееся к более позднему времени) о сеющих для продажи хлеб скифах-пахарях [23]. Привлекали внимание греков, конечно, и продукты животноводства. Что касается вывоза рабов, то высказанное по этому поводу мнение А. А. Иессена [24] тоже может быть в некоторой степени подкреплено тем фактом, что среди аттических памятников VI в. до н. э. имеются надписи с именами припонтийских жителей [25]. Однако, несмотря на нужду в рабах, которую испытывали рабовладельческие полисы Греции, с уверенностью говорить о вывозе рабов из Северного Причерноморья еще в VII в. до н. э. нельзя.

Таким образом, наличие некоторых общих экономических интересов у рабовладельцев и племенной верхушки (значение которой усиливалось в связи с распадом первобытной общины у местных племен) способствовало развитию торгового обмена. Последний становится одним из факторов, влиявших на социально-экономическое развитие племен Северного Причерноморья, и в частности — обитателей Среднего Приднепровья.

Возникновение на северном побережье Черного моря греческих городов было следующим этапом в развитии торгового обмена между греками и местными племенами. Главным письменным источником, содержащим указания о торговле греков с племенами Приднепровья в V в. до н. э., является «История» Геродота. Некоторые данные о торговых взаимоотношениях в VI в. до н. э. мы находим у Анакреонта [26].

Основные группы античных товаров, проникавших в Среднее Приднепровье в VI—V вв. до н. э., следующие: вино и масло (амфоры), художественная и простая посуда, художественные изделия из металла.

Простые остродонные амфоры, служившие тарой для перевозки вина и других продуктов, являются важным источником при изучении торговли. Для более полного представления о торговых связях античных городов следует иметь в виду существование и других видов тары для различных товаров (мешок, бурдюк) [27]. Керамические находки с территории Среднего Приднепровья свидетельствуют о том, что начало ввоза вина и других продуктов в амфорах в этот район приходится на конец VI в. до н. э. Самыми ранними и наиболее распространенными здесь являются

---

[19] Є. Ф. Покровська. Поселенія VIII—VI ст.ст. до н. е. на Тясмині. Археологія, т. VII, 1952, стр. 43; Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 78.

[20] Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 141.

[21] Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры раннего железа в лесостепном Правобережном Поднепровье (бассейн р. Тясмин). КСИА, вып. 2, 1953.

[22] Б. И. Надель. Рецензия на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья». ВДИ, 1948, № 3, стр. 122.

[23] Herod., IV, 17.

[24] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 57.

[25] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 232; В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1954, стр. 45.

[26] Anacr., LVII ода.

[27] Б. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 147.

хиосские амфоры рубежа VI—V вв.[28] и V в. до н. э.[29]. Более четко выделяются амфоры V в. до н. э.: «протофасосские»[30] и со «стаканообразными» ножками[31]. Последний тип амфор И. Б. Зеест считает аттическим.

К тому же времени относятся фрагменты сероглиняных амфор из Шарповского городища[32]. Центр производства этих амфор пока не установлен. Предположение о том, что они изготавливались в Северном Причерноморье[33], следует пересмотреть, так как подобные амфоры найдены и в Олинфе[34]. V веком до н. э. датируются фрагменты средиземноморских амфор из Шарповского, Пастырского, Трахтемировского и «Большого» городищ, а также из сс. Матусовки и Броварки[35]. Значительное распространение на изучаемой территории получили ионийские амфоры[36]. Наконец, следует учесть амфоры VI—V вв. до н. э., известные нам только по публикациям или упоминаниям их в литературе[37].

---

[28] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, стр. 31, рис. 4; А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 126; Киевский музей, инв. № 5639; И. Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губ. Киев, 1848, рис. XV; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне реки Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 246; ср. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 110, рис. 1, *1;* раскопки Е. Ф. Покровской в 1957 г. на поселении у с. Жаботин. Материалы хранятся в ИА АН УССР; раскопки М. Ю. Брайчевского в 1955 г. на Пастырском городище. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

[29] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 9 и 15, рис. 34; Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова. Тр. СА РАНИОН, вып. II, 1928, стр. 69; раскопки М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище в 1949 г. ИА АН УССР, инв. № ПГ 49, 709 и др.; раскопки И. В. Фабрициус на Шарповском городище в 1939 г., 1940 г. и в 1945—1947 гг. ИА АН УССР и Киевский музей, инв. № Ш 46, 133; Ш 47, 683 и др.; раскопки В. А. Богусевича на Каневском городище в 1948 г. Вещи хранятся там же, инв. № 358 и др.; раскопки А. И. Тереножкина в 1953 г. Вещи хранятся там же, инв. № ПС 195 и др.; раскопки Б. Б. Копылова в Посулье в 1946 г. Вещи хранятся там же, инв. № С 46, 6 и др.; раскопки В. А. Ильинской в 1957 г. на Басовском городище. Вещи хранятся там же. Ср. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 110, рис. 1, *2*.

[30] Раскопки М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище в 1949 и в 1955 гг. ИА АН УССР, инв. № ПГ 49, 745 и др.; раскопки И. В. Фабрициус на Шарповском городище в 1946 г. Вещи хранятся там же, инв. № Ш 46, 1530 и др.; материалы из с. Лихачевки, ГИМ, инв. № 18779. Ср. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 110, рис. 1, *6*.

[31] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, стр. 97. Киевский музей, инв. № 5419; раскопки И. В. Фабрициус на Шарповском городище в 1939, 1940, 1946, 1947 гг. Киевский музей, инв. № Ш 39, 8080 и др.; раскопки М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище в 1949 и 1955 гг. ИА АН УССР, инв. № ПГ 49, 787 и др.; материалы из с. Лихачевки. ГИМ, инв. № 18779; ср. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 110, рис. 1, *4*.

[32] Раскопки И. В. Фабрициус в 1940 и 1946 гг. Киевский музей, инв. № Ш 40, 1428. Ср. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 110, рис. 1, *5*.

[33] И. Б. Зеест. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951, стр. 123.

[34] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. Necrolynthia, т. XI, Oxford, 1942, табл. XXVIII, *203*.

[35] Раскопки И. В. Фабрициус в 1939, 1946 и 1947 гг. Киевский музей, инв. № Ш 39, 9494 и др.; раскопки М. Ю. Брайчевского в 1949 г. ИА АН УССР, инв. № ПГ 49, 2919 и др.; раскопки А. И. Тереножкина в 1953 г. ИА АН УССР, инв. № ПС, 168—53; раскопки В. А. Богусевича в 1948 г. ИА АН УССР, инв. № С. Н. 317; раскопки В. И. Гошкевича и В. Завитневича в 1888 г. Киевский музей, инв. № 3075; ср. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 83, рис. 104, *3;* его же. Раскопки Миркемия в 1935—38 гг. МИА, № 25, стр. 143, рис. 16; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне реки Псел, стр. 234.

[36] ДП, вып. II, 1899, табл. XXXV, *784;* раскопки В. А. Городцова в 1906 г. на Бельском городище, зольники №№ 1 и 3. ГИМ, инв. № 45440; Н. А. Авенариус. Полтавская губ. Поставмукские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1806, стр. 179, рис. 49; ср. J. Boehlau. Aus ionischen und italischen Necropolen. Leipzig, 1898, табл. VIII; Histria, I, 1954, стр. 366—376.

[37] ДП, вып. III, 1900, стр. 8, табл. LIV, *840;* А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского у. Киевской губ.) в 1904 году. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 84; его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 26; его же. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском

Указанные находки свидетельствуют о том, что конец VI — первая половина V в. до н. э. были временем наиболее интенсивного ввоза продуктов в амфорах [38] в район Среднего Приднепровья. Наряду с Хиосом и другими ионийскими центрами, товары которых стали проникать сюда еще в конце VI в. до н. э., в V в. до н. э. в этот район поступает продукция из Аттики, Фасоса и других областей Греции. Появление фасосского вина

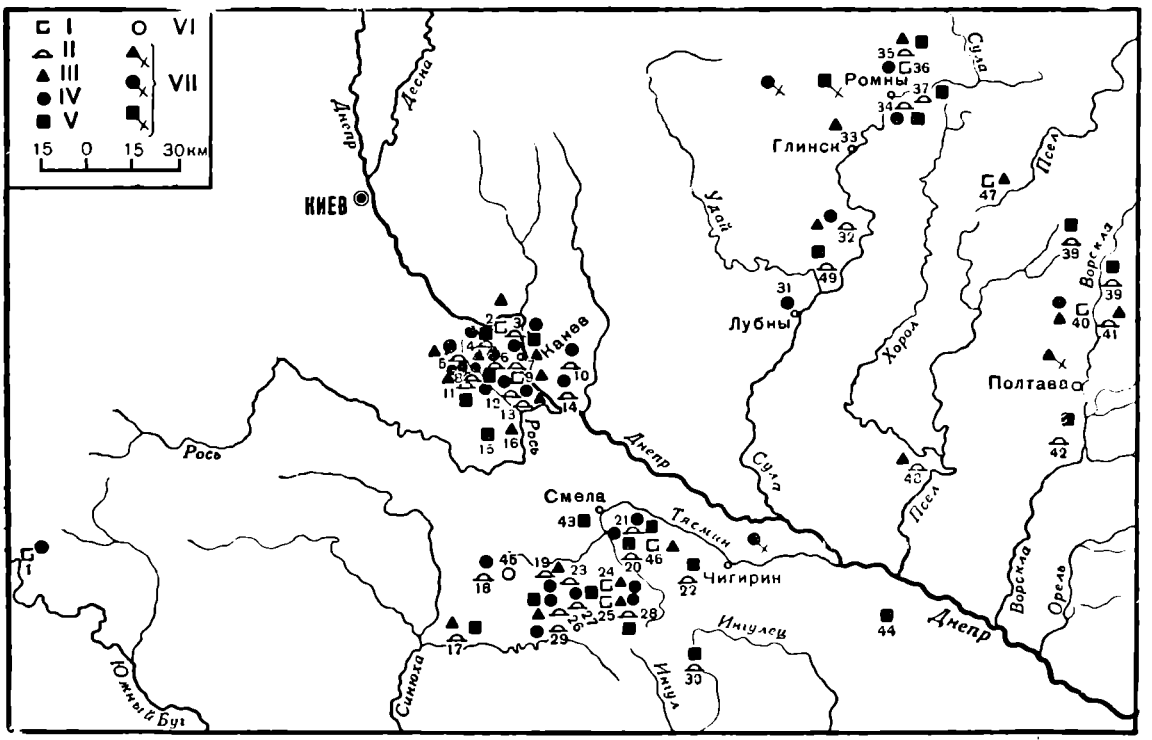


Рис. 2. Карта распространения античных предметов импорта (вино, посуда, предметы торевтики) VI—V вв. до н. э. на территории Среднего Приднепровья

I — городище; II — курган; III — аморфная тара; IV — художественная керамика; V — металлические изделия; VI — костяные изделия; VII — случайная находка

1 — г. Немиров; *2* — с. Трахтемирово; *3* — с. Зарубинцы; *4* — с. Лазурцы; *5* — с. Берестняги; *6* — с. Грищенцы; *7* — с. Бобрица; *8* — с. Тростянец; *9* — г. Канев («Большое» городище); *10* — с. Гладковщина; *11* — с. Емчиха; *12* — с. Яблонов; *13* — с. Хмельна; *14* — с. Пекари; *15* — Таганча; *16* — с. Воробиевка; *17* — с.с. Ромейковка и Петраковка; *18* — с. Шпола; *19* — с. Матусовка; *20* — с. Райгород; *21* — р. Тенетенка; *22* — р. Грушевка; *23* — с. Максевка; *24* — с. Шарповское; *25* — с. Пастырское; *26* — с. Журовка; *27* — ур. Криворуково; *28* — с. Ситняжка; *29* — с. Турья; *30* — Мельгуновский курган; *31* — г. Лубны; *32* — с. Поставмуки; *33* — г. Глинск; *34* — с. Аксютинцы; *35*, *36* — с. Басовка; *37* — с. Волковцы; *38*— с. Осняги; *39* — с. Опишлянка; *40* — с. Бельск; *41* — с. Лихачевка; *42* — с. Мачухи; *43* — с. Смела; *44* — с. Онуфриевка; *45* — с. Шпола; *46* — с. Жаботин; *47* — с. Кнышевка; *48* — с. Броварка; *49* — с. Тишки

свидетельствует об увеличении потребления дорогих вин, так как некоторые сорта этого вина, как и хиосского, славились особыми вкусовыми качествами. Амфоры указанных центров получили распространение как на Правобережье, так и на территории левого берега Днепра. Наибольшее количество амфорной тары этого периода обнаружено в районе Журовских курганов, на Пастырском и Шарповском городищах. Интересно отметить почти полное совпадение типов амфор на этих городищах. Расположенные недалеко друг от друга Шарповское и Пастырское городища,

---

уездах Киевской губернии в 1909 году. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 61; см. ОАК за 1891 г., стр. 92 и 165; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 127; Г. Т. Титенко. Памятники скифского времени бассейна р. Ворсклы. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 104 сл.

[38] Изображения букв E и Z на хиосских амфорах из курганов №№ 400 и 401 Журовки обозначают, очевидно, цифры. Но E может обозначать и ἔλαιον (консервированные оливки); см. Б. Н. Граков. Клейменая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА АН СССР, № 538, стр. 216 сл.

очевидно, находились в сходных экономических условиях. Картина широкого распространения амфор в населенных пунктах, расположенных на берегах рек, свидетельствует о большом значении речных путей в изучаемый период (рис. 2).

В VI—V вв. до н. э. продолжается ввоз в Среднее Приднепровье античной художественной керамики, получившей распространение в этом районе еще в VII в. до н. э. Ранними образцами этой керамики являются ионийские сосуды VI в. до н. э.[39], главным образом — второй половины века[40]. Среди них доминируют изделия самосских мастерских[41]. Это расписанные полосами краски или лака кувшины, лекифы, аски и другие сосуды. Коринфская керамика VI в. до н. э. представлена расписным арибаллом[42] и горлом лекифа[43]. Следующей группой керамики является аттическая. Второй половиной VI в. до н. э. датируются чернофигурные сосуды из кургана у с. Мокиевки[44], а также фрагменты подобных ваз с Бельского городища[45]. Количество сосудов аттического производства в изучаемом районе в конце VI в. до н. э. увеличивается, расширяется и территория их распространения. К последней четверти VI в. до н. э. относятся обломки чернофигурных и чернолаковых кратеров, киликов, лекифов, чашечек и светильников[46]. Рубежом VI—V вв. до н. э. датируются фрагменты киликов из Шарповского[47], Пастырского[48], Немировского[49] и Каневского[50] городищ. Во второй четверти V в. до н. э. здесь еще встречаются сосуды позднего чернофигурного стиля[51]. К первой половине V в. до

[39] Немировское городище. Гос. Эрмитаж, инв. № ДН, 1933 1/218—19.

[40] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 147; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1932 15/1; ср. Y. Boehlau. Ук. соч., табл. VIII, *24;* ДП, вып. III, табл. LIII, *842;* раскопки В. А. Городцова в 1906 г. ГИМ, инв. № 45 440; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 93, рис. 30; ср. Histria, I, стр. 381, рис. 195—198; раскопки М. Ю. Брайчевского в 1949 г., ИА АН УССР, инв. № ПГ 49, 1648 и др.; материалы из с. Лихачевки, ГИМ, инв. № 18779.

[41] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 27, рис. 61 и 62; его же. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 82, рис. 6; стр. 84, рис. 7; стр. 86, рис. 12; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 474; Киевский музей, инв. №№ АС 25 414, 415; 11 189; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 134; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1932 63/12; ср. Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России, табл. XI, *3;* ср. Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25; стр. 241; раскопки В. В. Тарновского в 1896 г. Киевский музей, инв. № Б 1777; покупка у А. Корзинкина в 1890 г. ГИМ, инв. № 18913; ср. Р. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 240; В. М. Скуднова. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии. ТОАМ, т. I, 1945, стр. 131; Н. П. Авенариус. Ук. соч., стр. 179, рис. 48; ср. E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, т. III, München, 1923, стр. 37, табл. 158; Р. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 241, рис. 9, *2.*

[42] Тр. VIII АС, т. IV, стр. 238, табл. LXXXII; ср. Н. Раупе. Ук. соч.; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 52, № 106.

[43] Гос. Эрмитаж, инв. № 1309(13).

[44] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 134; С. Руднева. Ук. соч., стр. 130, рис. 1—4; Гос. Эрмитаж, инв. №№ ДН 1901 3/1 и ДН 1932 63/13.

[45] Раскопки В. А. Городцова в 1906 г. См. Тр. XIV АС, т. 3, стр. 93; ГИМ, инв. № 45440; раскопки Б. Н. Гракова в 1958 г. Археолого-этнографический музей МГУ, инв. № СЭ 287.

[46] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, стр. 115; Киевский музей, инв. № Б 884; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 125—126; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1932 52/8; ср. CVA, Cambridge, 1933, т. XIII, *2;* раскопки И. В. Фабрициус в 1940 и 1946 гг. Киевский музей и ИА АН УССР, инв. № Ш 40, 620 и др.; ДП, вып. II, табл. XXXV, *808;* Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 114—118; ГИМ, инв. № 76990; Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы..., стр. 73; ср. Histria, I, стр. 419, рис. 304, *35;* А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 79, рис. 23; ср. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 54, № 116; раскопки В. А. Городцова в 1906 г. ГИМ, инв. № 45440; раскопки В. А. Ильинской в 1957 г. на Басовском городище. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

[47] Раскопки И. В. Фабрициус в 1946 г. ИА АН УССР, инв. № Ш 46, 7376 и др.

[48] Раскопки М. Ю. Брайчевского в 1949 г. ИА АН УССР, инв. № ПГ 49, 793 и др.

[49] Раскопки А. А. Спицына в 1910 г. и М. И. Артамонова в 1947 г. Гос. Эрмитаж, инв. №№ ДН 1933, I—217, ЮП, I—2912 и др.

[50] Раскопки В. А. Богусевича в 1948 г. ИА АН УССР, инв. № К 348—403.

[51] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде, Киевской губ.

н. э. принадлежит сравнительно большое число в основном целых чернолаковых киликов двух типов [52]. В район Среднего Приднепровья проникали и такие редкие для начала V в. до н. э. формы сосудов, как лекана [53]. Из других форм чернолаковых ваз этого времени назовем чашу [54], пиксиду [55], арибаллический лекифчик и другие мелкие сосудики [56]. В середине V в. до н. э. здесь появляются аттические вазы краснофигурного стиля [57], а иногда и ионийского производства [58]. К концу V в. до н. э. относится незначительное количество чернолаковой керамики [59]. Судя по глине, гидрию из кургана № 66 у с. Бобрица [60], можно отнести к изделиям гончарных мастерских Ольвии. Из того же центра происходит сероглиняная керамика из Шарповского и Пастырского городищ. Выше уже отмечалась однотипность амфор, обнаруженных на этих городищах. То же самое можно сказать и в отношении простой керамики. Здесь бытовали тонкостенные кувшины, миски и чаши типа киликов. Эта посуда на территории Среднего Приднепровья получила меньшее распространение, чем на приольвийских поселениях, и ценилась, видимо, так же дорого, как и привозная из Греции.

Итак, центром производства художественной керамики, находимой в лесостепном Приднепровье, является Иония (самосские мастерские и другие), Коринф, а со второй половины VI в. до н. э.— Аттика. Аттическая керамика получила здесь широкое распространение с начала V в. до н. э. До середины V в. до н. э. сюда еще проникал и ионийский импорт, хотя и в весьма ограниченных размерах. Во второй половине V в. до н. э. наблюдается сильное сокращение ввоза античной керамики в Среднее Приднепровье. В конце V в. до н. э. появляются изделия из северопонтийских городов (ольвийская простая керамика). Среди форм художественной и простой керамики преобладает недорогая столовая посуда, особенно для питья. Относительно распределения керамики в настоящее время удалось сделать следующие наблюдения. На Правобережье не встречено коринфской посуды, на Левобережье — ольвийской. Район значительного

в 1905 г. ИАК, вып. 20, 1906, стр. 7, рис. 7; ср. CVA, Paris, 1926, табл. 4, 9, 10, 12 и др.; Р. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 247, рис. 14, *4;* А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, СПб., 1894, табл. VIII, *1;* ср. CVA, Cambridge, 1942, табл. XX, *1, 4;* Т. Иванов. Гръцка керамика от град Сталин в Софийския музей. Известия на археологическото дружество в гр. Сталин, кн. IX, стр. 43.

[52] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. VIII, *2;* раскопки Д. Я. Самоквасова в Роменском р-не, Полтавской обл. (по каталогу № 1466). ГИМ, инв. № 76990; А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, стр. 97; Киевский музей, инв. № АС 10712; коллекция В. В. Тарновского, Киевский музей, инв. № АС 10821; раскопки В. А. Городцова в 1906 г. ГИМ, инв. № 45440; ср. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 46, № 69; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 16, рис. 37; А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XX, *1;* ср. CVA, Cambridge, 1942, табл. XVIII, *1a;* M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. PZ, т. V, 1913, стр. 13, рис. 10, *b.*

[53] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 132; Киевский музей, инв. № Б 37—14; ср. E. Pfuhl. Ук. соч., т. III, стр. 350, 770, § 35—40, 303—317.

[54] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 19. Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1903 5/9; ср. M. Ebert. Ук. соч., стр. 22, 24, рис. 19 *b,* 21 *b.*

[55] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 24, рис. 56; ср. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 57, № 133.

[56] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XX, *2;* его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 23, рис. 54.

[57] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 8; И. И. Толстой. Врач и Дельфиний. ИАК, вып. 14, стр. 44, 45, рис. 1 и 2; А. А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах..., стр. 50, рис. 5, 6, 6а.

[58] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 8.

[59] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, стр. 129, 136, табл. XX, *6;* т. II, табл. VIII, *3;* ср. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 48, № 82.

[60] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, стр. 130; Киевский музей, инв. № Б 864.

распространения античной художественной и простой керамики связан с курганами у с. Журовки, урочища Криворуково, расположенными неподалеку от Пастырского и Шарповского городищ. Художественная керамика получила распространение на Правобережье в бассейнах рек Тясмина, Роси и в верховьях Южного Буга; на Левобережье — в верховьях рек Ворсклы и Сулы. Направления распространения художественной и простой керамики позволяют нам предположить, что она нередко доставлялась вместе с вином речными путями и употреблялась главным образом населением, обитавшим в бассейнах этих рек.

Художественно оформленные изделия из металла также получили большое распространение в быту обитателей Северного Причерноморья. Значительный интерес представляют предметы торевтики VI—V вв. до н. э., обнаруженные в курганах Среднего Приднепровья. Районы распространения этой группы изделий на изучаемой территории почти полностью совпадают с местами находок амфорной тары и художественной посуды; не встречена она только в верховьях Южного Буга.

Металлические импортные изделия состоят из предметов вооружения, посуды, туалетных принадлежностей, украшений, а также штампованных пластинок различного назначения. К первым относятся рукояти и ножны мечей [61], шлем и поножи [62]. Форма и орнамент мельгуновского меча и ножен, как не раз отмечалось в литературе, сочетают в себе элементы скифского, греческого и восточного изобразительного искусства, что дает повод исследователям высказывать различные мнения относительно места их изготовления. Но одно несомненно: это произведение исполнено не скифом [63], ибо такая техника исполнения нехарактерна для предметов скифского «звериного» стиля. К тому же изображения людей в скифской торевтике известны нам лишь с конца V в. до н. э. [64]. Наиболее вероятной является точка зрения Б. Б. Пиотровского об урартийском происхождении этих вещей [65]. Вместе с тем наличие греческих мотивов, а также изображение на рукояти меча оленя, стилистически близкого к куль-обскому, дают нам повод высказать и другое предположение. Эти предметы могли быть произведениями грека, работавшего по старой древневосточной традиции в одной из северопонтийских мастерских.

Из мастерских Северного Причерноморья, по-видимому, вышли также рукоять и ножны меча, найденные в погребении у хутора Шумейко. И они имеют мотивы скифского звериного стиля, сочетающегося с элементами украшений, характерных для греческого ювелирного искусства (треугольники из зерни и плетенка). В 1957 г. при раскопках Пантикапея в слое VI—V вв. до н. э. была найдена часть литейной каменной формы для отливки бляхи с геральдическим изображением животных. Изучая эту находку, И. Д. Марченко [66] пришла к выводу о том, что в данной форме отливались бляхи, очень близкие по композиции и стилю ко многим металлическим предметам, найденным на территории юга России, в том числе и к аналогичным изображениям на ножнах мечей из Мельгуновского «клада», Томаковки и из собрания Б. Н. и В. И. Ханенко. Таким образом, мы имеем некоторые основания для предположения о пантикапейском

[61] Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 года. МАР, № 31, 1911, табл. I; табл. III, *1, 2;* табл. IV, *1;* ДП, вып. III, табл. XLV, *461.*

[62] И. Фундуклей. Ук. соч., рис. XVI.

[63] Ср. Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 312; С. В. Киселев. Рецензия на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья». ВДИ, 1948, № 3, стр. 119; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. (Торевтика). Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, 1955, стр. 334.

[64] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 7.

[65] Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток, стр. 141 сл.

[66] И. Д. Марченко. Литейная форма V в. до н. э. из Пантикапея. Рукопись в архиве ГМИИ; ср. Е. Придик. Ук. соч., табл. I, III, IV; ДГС, табл. XXVI, *18;* ДП, вып. III, табл. XLV, *461.* Выражаю благодарность И. Д. Марченко за разрешение использовать указанную рукопись.

происхождении указанных предметов вооружения. Эти данные могут быть подкреплены еще и тем, что на ножнах из Томаковки и Золотого кургана [67], аналогичных ножнам из кургана у хутора Шумейко, имеются мотивы украшений, очень близкие изображениям на пантикапейских архаических монетах [68]. Остальные предметы вооружения — коринфский шлем и поножи — являются изделиями мастеров метрополии.

Ввоз оружия в Северное Причерноморье из метрополии, видимо, был ограничен. Привозилось только дорогое оборонительное вооружение. Основная же масса оружия делалась на месте, что объясняется широким развитием собственной металлургии, применявшей приемы бронзового литья и ковки железа. Крупным металлургическим центром VI—V вв. до н. э. в лесостепи было Бельское городище [69]. Центром производства скифских стрел, как известно, была Ольвия.

Возможно, привезенными из Урарту или других областей Передней Азии являются украшения дорогой мебели, получившей распространение в быту у представителей местной знати [70]. Предметами ювелирного искусства метрополии следует считать золотую диадему [71] и золотую пластинку с изображением обезьяны и птиц из Мельгуновского кургана [72].

Античные серьги из Среднего Приднепровья можно разделить на три типа. К первому принадлежат известные серьги из кургана у с. Емчихи [73]. По форме их скорее можно назвать наушницами, так как они не продевались в ухо, а надевались на него. Одни исследователи считают их привезенными из Греции [74], другие — сделанными в Ольвии и представляющими собой образец сочетания «местных скифских форм серег с античной орнаментацией» [75]. Бронзовые и золотые серьги конусовидной формы из Приднепровья [76] действительно очень близки к серьгам из с. Емчихи и Ольвии. Однако их происхождение, на наш взгляд, следует связывать не с местным, а с античным ювелирным искусством. Детали этих серег, предназначенных для продевания, а не для прокалывания, имеют аналогии с известными в Северном Причерноморье греческими спиралевидными кольцами [77]. Круглая форма щитка также характерна для греческих типов серег [78]. В Греции еще в микенскую эпоху изготовлялись кольца с кону-

---

[67] ДГС, табл. XXVI, *13, 16;* М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918, табл. к стр. 40—42, № 22; M. Ebert. Südrußland in Altertum. Bonn — Leipzig, 1921, стр. 120—122, рис. 46—48.

[68] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXIV.

[69] Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1942, стр. 38 сл.

[70] Е. Придик. Ук. соч., табл. I, стр. 172, рис. 6; Б. Б. Пиотровский. Урарту. Л., 1939, рис. 37; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 44; А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, № 2, стр. 196.

[71] Е. Придик. Ук. соч. табл. II; табл. IV, *2, a, b;* ср. F. H. Marshall. Catalogue of the Jewellery in the Britisch Museum. London, 1911, табл. XII, *1176.*

[72] Е. Придик. Ук. соч., табл. II; табл. III, *3;* ср. F. H. Marshall. Ук. соч., стр. 162, рис. 44, № 1575.

[73] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. IX, *6, 7;* ср. там же, табл. IX, *1—5.*

[74] Там же, стр. 25; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 71.

[75] В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 170; Е. О. Прушевская. Ук. соч., стр. 331.

[76] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XIII, *3;* его же. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 92, рис. 23, 24.

[77] ДБК, табл. XXXII, *14;* ср. F. H. Marshall. Ук. соч., табл. XXV, *1585;* L. Pollak. Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze von Nelidow in Rom. Leipzig, 1903, табл. X, *210, 211;* Clara Rhodos, кн. III, стр. 200, рис. 195.

[78] Die Antiken Vasen von der Akropolis zu Athen, т. II, кн. 2, Berlin, 1931, табл. 67, *764, 773;* табл. 79, *1029, 1028, 1032;* т. I, кн. IV, табл. 109, *2590a, 1925;* K. Hadaczek. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker. Wien, 1903; М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. IX, *1, 2.* В этом отношении особый интерес представляет круглый щиток с рельефной львиной голов-

совидным щитком [79]. Поэтому, вслед за Б. В. Фармаковским, мы полагаем, что серьги из с. Емчихи и Ольвии — ионийского происхождения. Об этом говорит и стиль изображения головки льва на серьгах, аналогичный изображению такой же головки на серебряном браслете из того же погребения, средиземноморское же производство которого в настоящее время не вызывает возражений [80]. На ионийское происхождение этих серег указывает также трактовка волос головки льва в виде сеткообразной шапки, характерной для изображений волос у львов на милетских монетах [81]. Наконец, если бы такие серьги делали в Ольвии, то они получили бы более широкое распространение в Северном Причерноморье. Что касается простых гладких конусовидных серег, встречающихся на территории Среднего Приднепровья, то их следует, по-видимому, связывать с Ольвией [82], где они могли изготавливаться по греческим образцам. Это подтверждает и тот факт, что они характерны именно для VI—V вв. до н. э. и бытовали в тех районах (Среднее Приднепровье и соседние с ним западные области), где изделия ольвийских мастерских получили широкое распространение.

Второй тип серег имеет вид полого калачика и накладной орнамент из плетенки и зерни [83]. Иногда такие серьги украшались только одной золотой проволочкой [84]. Они имели довольно широкое распространение в Средиземноморье в античную эпоху [85]. Единичные экземпляры их найдены в Ольвии [86], Керчи [87], Ак-Мечети [88] и Кармир-Блуре [89].

Третий тип серег имеет вид опрокинутого конуса и также украшен плетенкой и зернью [90]. Подобная форма тоже была известна в Греции [91].

К орнаменту серег близко украшение серебряного кольца из с. Таганча [92]. Золотое кольцо из с. Лазурцы [93] с фигурным изображением лежащего зверя имеет сходство с кольцом из собрания Британского музея [94]. Со-

кой в центре, опубликованный среди раннеиталийских находок VII—VI вв. до н. э. См. F. H. Marshall. Ук. соч., табл. XX, *1415*.

[79] F. H. Marshall. Catalogue of the Finger Rings. Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities of the British Museum. London, 1907, стр. XXXVII, рис. 873.

[80] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, стр. 24; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 71.

[81] K. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, табл. III, *65* (милетские монеты 570—520 гг.).

[82] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 522; А. И. Фурманская. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Автореферат канд. диссертации. Киев, 1953. Ольвийского происхождения, конечно, и бронзовые серьги в виде птичек из раскопок А. А. Бобринского. См. А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. III, *8, 14, 16*; ср. Е. О. Прушевская. Ук. соч., стр. 331.

[83] В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 29, рис. 11, *5*; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 41, рис. 14.

[84] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, табл. III, *11*.

[85] L. Pollak. Ук. соч., табл. X; табл. XI, *191, 192, 237, 248*; F. H. Marshall. Catalogue of the Finger Rings..., табл. IX, *943—946*; табл. XIV, *1241*; D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. Metal and Minor Miscellaneous Finds, т. X, London — Oxford, 1941, табл. XVII, *299*; De Ridder. Catalogue sommaire de bijoux antiques. Paris, 1924, табл. VII, *274, 270*.

[86] ДП, вып. VI, табл. VIII, *598—599*.

[87] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 5, рис. 1.

[88] ОАК за 1882—1898 гг. Альбом, стр. 145, 802.

[89] Б. Б. Пиотровский. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 14, рис. 3.

[90] В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы, стр. 29, рис. 11, *7—11*; А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. VI, *6, 8*.

[91] L. Pollak. Ук. соч., табл. X, *200, 202*; D. M. Robinson. Ук. соч., табл. XVIII, *267, 272*.

[92] ДП, вып. II, табл. XXIX, *431*; ср. F. H. Marshall. Catalogue of the Finger Rings..., стр. 9, рис. 12, № 41; стр. 38, рис. 46, *219*.

[93] ДП, табл. XXIX, *430*.

[94] F. H. Marshall. Catalogue of the Finger Rings.... табл. IX, *304*.

вершенно в такой же технике и с аналогичной орнаментацией выполнены золотая палочка из кургана № 400 у с. Журовки [95] и часть ожерелья из второго Яблоновского кургана. Сюда же отнесем сердоликовую бусину [96] и подвеску из голубой пасты, обе — в золотой оправе [97].

Из мастерских Ольвии вышли бронзовые зеркала [98], детальному исследованию которых посвящены работы Б. В. Фармаковского и Б. Н. Гракова. Изделиями Ольвии принято считать также бронзовые крестообразные бляхи [99]. Здесь же изготавливались, очевидно, пластинки с характерным для ольвийских монет изображением орла на дельфине [100]. Несколько ближе к такому мотиву стоит сюжет золотой пластинки налобника из кургана № 401 у с. Журовки [101]. По стилю изображения пластинку с орлом, прикрепленную к налобнику скифской работы, можно датировать более ранним временем, чем весь комплекс находок в кургане.

К началу V в. до н. э. относится большое количество мелких бронзовых и золотых предметов ольвийского производства [102]. Подвески в форме лунниц, видимо, чаще отливались из бронзы и особенно были распространены в последующую эпоху, в IV—II вв. до н. э. [103]. Бляшка с изображением львиной морды [104], вероятно, боспорского происхождения [105]. В богатых могилах лесостепного Приднепровья начала V в. до н. э. были найдены бронзовые ситечки [106] для процеживания и черпаки для наливания вина. Эти предметы получили большое распространение на периферии античного мира. И, наконец, второй половиной V в. до н. э. датируется бронзовая с позолотой ойнохоя из кургана у с. Оситняжка [107].

---

[95] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 11, рис. 15.

[96] Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы..., табл. VI, *3*.

[97] Там же, табл. VI, *7*.

[98] Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1873 г. ГИМ; А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. V, *5*; его же. Курганы..., т. I, СПб., 1887, табл. VIII, *3*; т. III, табл. XI, *3*; табл. XIX, *11*; его же. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 93, рис. 27; его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 24, рис. 57. ДП, вып. III, табл. XLIV, *351*; табл. XLVI, *3515*; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. X, *3, 4, 7, 9, 10*; табл. XIII, *6*; Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія..., стр. 23; А. А. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, т. I, Полтава, 1928, табл. VII, *12*; В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы, стр. 29, рис. 11, *1*; ср. M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, стр. 6, рис. 3.

[99] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. XII, *2*; ДП, вып. II, табл. XVI, *316*.

[100] И. Фундуклей. Ук. соч., рис. XVII; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXI и XXXII; А. И. Фурманская. Ассы из раскопок Ольвии 1948 г. КСИА, № 3, 1954, стр. 63, рис. 6.

[101] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 17, рис. 38; ср. H. Payne. Ук. соч., стр. 226, рис. 99, 101, 107, 115; W. Lamb. Greek and Roman Bronzes. London, 1929, табл. XLIV, *c*; K. Regling. Ук. соч., табл. II, *37*.

[102] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 11, рис. 13 и 14; стр. 12, рис. 23; стр. 15, рис. 32; ср. M. Ebert. Ук. соч., стр. 9, рис. 6; А. И. Фурманская. Меднолитейное ремесло в Ольвии; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде... в 1908 г., стр. 81, рис. 25; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, стр. 26; В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы, стр. 35, рис. 13, *1*; ср. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. X, *2, 7*; табл. XII, *7*.

[103] ДП, вып. III, табл. XLVI, *460б*; В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы, стр. 29, рис. 11, *12*; В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 170, рис. 1 *а*.

[104] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 20, рис. 50.

[105] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX.

[106] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году..., стр. 15, рис. 34; стр. 16, рис. 36; стр. 23, рис. 53; ср. M. Ebert, Ук. соч., стр. 14, рис. 11, *c*; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. XIII, *2*; D. M. Robinson. Ук. соч., т. X, табл. IV, *654*.

[107] ДП, вып. VI, табл. II, *423*. Ср. с краснофигурными сосудами второй половины V в. до н. э. В с. Тишково, Лубенского района, Полтавской обл., были найдены фраг-

Интенсивный ввоз предметов из драгоценных металлов к племенам лесостепи (как и ввоз вина и художественной керамики) приходится на конец VI и первую половину V в. до н. э. Во второй половине V в. до н. э. ввоз этих товаров в одинаковой степени сократился. На правом берегу Днепра предметы античной торевтики отличаются большим разнообразием форм. Здесь были распространены мелкие бронзовые и золотые украшения (серьги, ожерелья, подвески, бляшки), предметы туалета (бронзовые зеркала), бронзовые и золотые украшения конской сбруи, бронзовое и золотое парадное оружие, бронзовая посуда. Количество изделий из метрополии здесь несколько больше, чем из Ольвии и Боспора. На Левобережье нам известны в основном украшения (серьги, ожерелья, поясные бляхи), зеркала и парадное оружие. Золотых вещей из городов метрополии здесь отмечено меньше, чем из Северного Причерноморья (Ольвия, Боспор), а бронза — только ольвийская. Все описанные изделия греческой торевтики встречены в богатых погребальных комплексах и свидетельствуют о том, что верхушка племенной знати Среднего Приднепровья стремилась к накоплению сокровищ.

Детально изучить огромную коллекцию бус из Среднего Приднепровья, хранящуюся в основном в Киевском музее, пока, к сожалению, не представилось возможным. Здесь имеется много бус из пасты и морских раковин. Они часто встречаются как на Левобережье Днепра, так и на Правобережье. В Северном Причерноморье были широко известны и ольвийские цветные бусы-«кувшинчики».

Среди описаний древностей, найденных в окрестностях с. Шполы, А. А. Бобринский [108] упоминает костяную головку льва с янтарными глазами и следами красок. А. А. Иессен [109] считает ее произведением ассирийского искусства. Но изображения львов в монументальном искусстве Ассирии, даже времен ее упадка, отличаются крайним реализмом [110]. Голову же льва из с. Шполы характеризуют прежде всего схематизация отдельных деталей морды и не злой оскал зубов, что свойственно изображениям львов в произведениях искусства архаической Греции [111]. Вместе с тем отметим, что эти черты в греческих памятниках вырабатывались под влиянием восточных традиций, главным образом персидских [112]. По-видимому, наш памятник исполнен в Греции в эпоху архаики, когда влияние восточных культур особенно заметно проявлялось в произведениях греческих мастеров.

На территории лесостепного Приднепровья известны и египетские изделия [113].

В рассматриваемый период большая часть товаров из метрополии проникала в Среднее Приднепровье, вероятно, через Ольвию. Значение Березани как торгового поселения в последние десятилетия VI и особенно в V в. до н. э. перешло к Ольвии, ставшей «торжищем борисфенитов» [114].

менты бронзовой ситулы. Судя по совместным находкам, ситулу можно датировать VI—V вв. до н. э. См. Архив ЛОИА, ДАК, 1887 г., № 33, стр. 2—7.

[108] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, титульный лист и стр. 131, рис. 10 и 11.

[109] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 47.

[110] C. Blümel. Tierplastik. Leipzig, 1939.

[111] C. Blümel. Antike Kunstwerke. Berlin, 1953, стр. 13—14, табл. 7; W. Dörpfeld. Alt-Olympia. Berlin, 1935, кн. II, прил. 29; K. Regling. Ук. соч., табл. VI, *166, 167*; D. M. Robinson, Ук. соч., табл. XVI; табл. XVII, *989a—c*; Die Antike, т. X, кн. 1, табл. 7; G. Lippold. Antike Skulpturen der Glyptothek Ny Carlsberg. Leipzig, 1924, стр. 9, табл. 1 и 2, ср. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 177, 193.

[112] F. Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1923, табл. 44.

[113] Б. Тураев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 217.

[114] Herod., IV, 17. Вместе с тем надо полагать, что через Пантикапей, ставший еще в VI—V вв. до н. э. крупным торговым центром, к племенам Среднего Приднепровья также проникали многие изделия. Это относится прежде всего к товарам,

Важную роль в жизни этого города играла посредническая торговля, выражавшаяся в сбыте племенам Среднего Приднепровья вина, художественной керамики, а также небольшого количества бронзового защитного вооружения и ювелирных изделий. Наличие определенных категорий этих товаров, а также факт интенсивного их ввоза в Среднее Приднепровье в конце VI — первой половине V в. до н. э. совпадают с имеющимися данными о характере торговой деятельности Ольвии с городами Греции и Египтом в рассматриваемый период. Вместе с тем посредническая торговля Ольвии имела и свои особенности. Определенные категории импортных предметов (черепица, скульптура, терракоты и др.), связанные с чисто эллинскими формами быта, употреблялись в самой Ольвии. Некоторые из них получили распространение на территории племен, обитавших в окрестностях Ольвии. Другие товары (например, вино) потреблялись как в городах (в частности, в Ольвии), так и далеко за их пределами. Ювелирные изделия поступали к местным племенам Северного Причерноморья в большом количестве. Неравномерность приобретения античной продукции местными племенами объясняется специфичностью развития и степенью удаленности того или иного племени от города. Поэтому нельзя говорить в обобщенной форме о том, что лишь часть импорта предназначалась «для удовлетворения потребностей самой Ольвии» [115], а основная его масса направлялась для обмена к местным племенам. В каждом конкретном случае необходимо учитывать особенности развития тех или иных племен и их потребности. Следует также отметить, что некоторые предметы импорта появлялись в Ольвии и на изучаемой территории неодновременно. Более дорогие товары чаще приобретались городской знатью. Так, краснофигурные сосуды в Среднем Приднепровье известны только начиная с середины V в. до н. э., в то время как в города Северного Причерноморья их стали ввозить еще в конце VI в. до н. э. Самые ранние краснофигурные вазы строгого стиля вообще неизвестны в лесостепи. С другой стороны, среди форм чернолаковой керамики VI—V вв. до н. э. здесь бытовали сосуды, редко встречающиеся и в городах. Вся же керамика в целом наиболее ярко характеризует предметы импорта как второсортные.

Ольвия была и значительным производственным центром, в котором наибольшее развитие из всех ремесел в это время получила обработка металла, особенно меди. Племенам Среднего Приднепровья Ольвия поставляла бронзовые предметы быта и вооружения (например, наконечники стрел). Ольвийские мастера смогли настолько хорошо понять вкусы местных племен, что их собственные изделия получили более широкое распространение, чем перепродаваемые товары метрополии. Качество этих вещей было невысоким, что объясняется массовым производством их на широкий спрос. Производство золотых изделий ограничивалось мелкими украшениями.

Из описаний важнейших судоходных рек Скифии Геродотом и Страбоном видно, что речные пути были хорошо известны грекам, а использование лодок населением лесостепного Приднепровья могло способствовать более широкому распространению античных товаров. Значительная часть изделий (амфоры и художественная керамика), неудобная для перевозки по сухопутным дорогам, получила распространение именно вдоль течения больших рек и их притоков. Один из левых притоков Южного Буга — Синюха — вероятно, наиболее часто был посещаем эллинами. По всей видимости, племена Среднего Приднепровья, и особенно население Правобережья, на территории которого, возможно, жили скифы-пахари, выступают в VI—V вв. до н. э. как самостоятельная экономическая сила в торго-

удобным для переправки по сухопутным дорогам, например, к предметам защитного вооружения ионийского производства, которые характерны больше для Пантикапея, чем для Ольвии. См. Е. О. Прушевская. Ук. соч., стр. 335.

[115] Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 9.

вом обмене с ольвийскими купцами. Судя по археологическим данным, племена Нижнего Приднепровья в это время не принимали активного участия в межплеменном обмене. Война с Дарием I, хотя и длилась недолго, но на некоторое время могла привести к затруднениям, препятствующим активному экономическому общению кочевников степи с античными городами. Последнее оказалось под силу оседлым племенам Среднего Приднепровья, экономической основой жизни которых были земледелие и скотоводство [116].

Можно полагать, что крупные городища правого берега Днепра, как Пастырское, Шарповское и «Большое» (Каневское), были основным местопребыванием знати лесостепного Приднепровья, поддерживавшей торговые связи с греческими купцами, а также с кочевниками степи в VI—V вв. до н. э. На Левобережье такими городищами были, вероятно, Бельское и Басовское. Все эти городища отличаются значительными размерами, вокруг них расположены самые богатые курганы того времени; в них обнаружено сравнительно большое количество античных находок. Недостаточная изученность других, менее крупных поселений не позволяет нам в полной мере определить районы сбыта античных изделий. Хлеб и продукты животноводства составляли, очевидно, главные статьи экспорта из районов Среднего Приднепровья в VI—V вв. до н. э. Свидетельство об участии скифов-пахарей в экспорте понтийского хлеба в Грецию в V в. до н. э. можно усматривать в тексте Геродота. Центром транзитной торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами была, вероятно, Ольвия. В поставке рабов для греческих рабовладельцев черноморский рынок в VI—V вв. до н. э. да и позже играл второстепенную роль. Источники говорят о том, что в Греции преобладали рабы фракийского и малоазийского происхождения [117].

При изучении торговых связей племен Среднего Приднепровья с античным миром очень важен вопрос о форме обмена, но на доступном нам в настоящее время материале его решить крайне трудно. Особенно сложно его решение еще и потому, что обмен происходил между двумя обществами, стоявшими на разных социально-экономических уровнях развития, и носил безденежный характер. Сообщения древних авторов о барышах греков в других областях [118], а также качество ввозимых ими изделий позволяют думать, что количество продуктов, вывозившихся от племен Среднего Приднепровья, не покрывалось стоимостью античного импорта [119]. Объясняется это явление тем, что «пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит» [120]. Из этого следует, что отношение греков к местным племенам носило эксплуататорский характер. Однако это еще не приводило к серьезным столкновениям местного населения с греческими рабовладельцами. Известная заинтересованность обеих сторон создавала наличие общих экономических интересов, что нередко сглаживало даже неравный обмен между ними.

Греческий импорт на территории Среднего Приднепровья в изучаемый период получил значительное распространение. По сравнению со своими восточными и, особенно, западными соседями обитатели лесостепного При-

---

[116] П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II в до н. э. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», I, М., 1952, стр. 66.

[117] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., стр. 232; В. Д. Блаватский. Рабство и его источники..., стр. 31.

[118] Herod., IV, 152.

[119] В силу этих обстоятельств цены, которые нам известны для античного мира, нельзя механически переносить на другие области. Сложность перевозки также требовала больших барышей.

[120] К. Маркс. Капитал, т. III, 1955, стр. 342—343.

днепровья наиболее активно поддерживали торговый обмен с греками [121], что объясняется их более высоким социально-экономическим развитием. В этом отношении они ближе стоят к племенам, обитавшим на Среднем Дону. Взаимоотношения с Кавказом теперь не играли большой роли [122]. А связи с Прикубаньем имели только племена Посулья [123]. Нельзя преувеличивать также связи этих племен с Передней Азией, что имеет место в нашей литературе [124]. В конце VI и первой половине V в. до н. э. торговые сношения племен Среднего Приднепровья с греками были особенно оживленными. Во второй половине V в. до н. э. ввоз греческих товаров всех рассмотренных видов сильно сократился. Нам представляется возможным искать причины этого явления прежде всего в социальных и политических изменениях, происходивших в это время в жизни народов Северного Причерноморья [125]. Очевидно, завоеваниям Атея и появлению в IV в. до н. э. государственности у скифов предшествовал ряд длительных и сложных процессов, происходивших в среде местных племен Северного Причерноморья. Одним из них, возможно, являлась утрата самостоятельности обитателями Среднего Приднепровья в результате покорения земледельческого населения кочевниками, что нередко имело место в истории древних племен эпохи разложения первобытно-общинного строя. Геродот характеризует царских скифов как почитающих прочих скифов своими рабами [126]. У Фукидида сильное царство одрисов противопоставляется богатому и экономически более развитому царству скифов [127]. По-видимому, одним из источников экономического благосостояния царских скифов была эксплуатация земледельческих племен. Это приводило последних к уплате дани, упадку хозяйства и сокращению торговых связей с античным миром. В конце V в. до н. э. предметы греческого импорта появляются на нижнеднепровских городищах и в курганах. Однако это не означает полного прекращения торговых взаимоотношений обитателей Среднего Приднепровья с греческими городами. Предметы античного импорта, начало регулярного проникновения которых относится еще ко второй половине VII в. до н. э., поступали сюда с тех пор хотя и неравномерно, но непрерывно вплоть до гибели греческих городов на побережье Северного Понта.

Несмотря на постоянные торговые связи племен Среднего Приднепровья с античным миром, культура населения этого района в основном носит самобытный характер. Торговый обмен лишь в незначительной мере способствовал проникновению элементов греческой культуры в быт этих племен. Некоторые черты влияния в это время прослеживаются в формах и орнаменте местной лепной керамики [128]. Под бо́льшим влиянием оказалась скифская торевтика [129]. Очевидно, местным мастерам легче было воспринимать и передавать новые сюжеты в той отрасли искусства, которая была у них наиболее развита. Техника производства изделий скифского звериного стиля стояла выше керамического и имела длительную местную традицию.

---

[121] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 49.

[122] Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 87; Г. Т. Титенко. Закавказские удила, найденные на Полтавщине. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 77.

[123] Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 88.

[124] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 39 сл.

[125] В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 30.

[126] Herod., IV, 20.

[127] Thuc., II, 97. Описанные события относятся к 429 г. до н. э.

[128] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах... в 1901 г., стр. 41, рис. 13; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде... в 1905 г., стр. 7, рис. 9.

[129] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XVIII, *11*; Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы..., табл. VI, *8*; ДП, вып. VI, табл. VI, *563 а*.

Существенное влияние торговый обмен оказал на дальнейшее социально-экономическое развитие племен Среднего Приднепровья. Тем не менее он не мог стать главной причиной изменений в их хозяйственной жизни и задержать, например, отделение ремесла от сельского хозяйства, как полагают некоторые исследователи [130]. Это было невозможно, поскольку греческие импортные товары представляли собой предметы роскоши, потребляемые только знатью, а основная масса орудий труда и домашнего обихода производилась на месте.

Экономическая роль городов Северного Понта заключалась в осуществлении меновой торговли. Богатый рынок Северного Причерноморья имел большое значение в экономике рабовладельческих государств Средиземноморья. Экспорт из лесостепного Приднепровья составлял, вероятно, существенную часть всех вывозимых греками товаров из Северного Причерноморья, в чем немалую роль сыграли ольвийские купцы. Являясь двусторонним процессом, торговый обмен, с одной стороны, стимулировал развитие производства в античных городах как Причерноморья, так и Великой Греции, с другой — способствовал расширению производства хлеба и других продуктов у местного населения, что усиливало имущественную дифференциацию. К концу изучаемого периода намечаются элементы глубокого распада первобытно-общинного строя в результате дальнейших процессов развития местного общества: экономического усиления родовой знати, наличия известных форм эксплуатации и зависимости. Но степень разложения старого способа производства зависит от его прочности и его внутреннего строя. Поэтому и смена старого способа производства новым зависит не от торговли, а от характера самого способа производства [131].

---

[130] В. А. Ильинская. К вопросу о развитии общественных отношений в Скифии. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 39.

[131] См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 344.

В. Л. ВОРОНИНА

ДОИСЛАМСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Известно, что до ислама в Средней Азии существовали параллельно различные религиозные системы: зороастризм и буддизм, манихейство и несторианское христианство. Кроме них, исповедовались местные культы Митры и Анахит, обожествляемого героя Сиявуша и другие, среди которых можно отметить астральный культ почитания солнца и луны. Слияние образов разных пантеонов вызвало синкретизм местных верований [1].

Согласно многообразию верований, очевидно, сложились и различные типы культовых зданий. Письменные источники сообщают об «аташкеде» и «буткеде» или «аташхана» и «бутхана», т. е. «домах огня» и «домах идолов». Наршахи в «Истории Бухары» говорит о храмах огня Бухары и селения Рамуш и о том, что вокруг Бухары было много храмов огнепоклонников [2]. Табари упоминает «дом огня и дом богов» бухарского селения Тававис; кроме того, по его словам, Ардашир, будучи в Хорасане, убил много людей и послал их головы в храм Анахит [3]. Хронология Бируни заключает описание праздников «магов», собиравшихся в «домах огня» [4]. От Белазори узнаем, что в Самарканде арабы застали «дома идолов и огня» [5]. Занимая города Средней Азии, арабы находили в храмах идолов из серебра и золота [6]. В Усрушане много времени спустя после установления ислама продолжалось почитание идолов в отведенных им святилищах [7].

Краткие указания средневековых авторов мало дают для понимания обрядовой стороны культа и еще меньше для выяснения облика храма. Едва ли подлежит сомнению, что «дома огня» служили культу огня, но неизвестно, чем были «дома идолов». Решение вопроса о доисламских культах, а особенно — о формах культового здания, целиком в руках археологов.

Остатки доисламских культовых сооружений обнаружены в Средней Азии советскими учеными. Прежде других стали известны буддийские по-

---

[1] Исследованием доисламских культов Средней Азии занимается в течение ряда лет А. М. Беленицкий. Этому вопросу посвящен ряд его статей. См., в частности, А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов). Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.

[2] М. Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 25, 30, 31, 40.

[3] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 41; А. Э. Шмидт. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. Уч. зап. Ин-та востоковедения, т. XVI, М.— Л., 1958, стр. 442.

[4] Alberuni. Chronologie orientalischer Völker. Ed. E. Sachau. Leipzig, 1878, стр. 234, 235.

[5] Al-Beladsori. Liber Expugnationis Regionum. Ed. M. J. de Coeje. Lugduni Batavorum, 1866, стр. 424.

[6] М. Наршахи. Ук. соч., стр. 59; Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950, стр. 275 и др.

[7] Annales quos scripsit abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879—1901, III, стр. 1309.

стройки правобережья Аму-Дарьи. Еще в 1911 г. была высказана мысль, что в Термезе следует ожидать открытия «памятников буддийской древности» [8]. Действительно, экспедиция Музея восточных культур в 1926 г. определила в качестве буддийского ступа руину, известную под названием Зурмала или Катта-Тюпе [9]. В 1933 г. состоялась экспедиция Узкомстариса в Айртам для разведки места, где найден фрагмент каменного скульптурного фриза, принадлежавший, как полагают, буддийскому святилищу [10]. В 1936—1937 гг. в Термезе работала экспедиция Узбекского филиала АН СССР, выявившая буддийские пещерные монастыри Кара-Тепе и Чингиз-Тепе.

Некоторые данные о культовых сооружениях появились уже на первых этапах работ Хорезмской археологической экспедиции (1937—1938 гг.). Это «дома огня» Джанбас-Кала и Тешик-Кала [11]. В 1935 г. нанесены на план контуры предположительно храмовой башни южного комплекса Старой Нисы [12]. Остатки буддийских культовых зданий открыты в 1939—1940 гг. в Киргизии [13]. Однако в литературе еще появляются фантастические теории вроде «подземных храмов» или культового назначения гофрированных зданий типа мервских Кыз-Кала [14].

Решающий этап изучения доисламских культовых сооружений открывается в археологии после окончания Великой Отечественной войны, когда полевые исследования приняли во всех республиках Средней Азии небывалые еще масштабы. В результате многолетних стационарных раскопок, систематических наблюдений, подробной графической фиксации вопрос получает солидную базу фактических данных.

Первое же открытое раскопками в шахристане древнего Пенджикента здание оказалось храмом. Работы 1947—1952 гг. выявили последовательно комплекс двух несомненно культовых построек, окруженных дворами и службами [15]. Наметилось культовое место с зольным пятном при исследованиях 1945—1946 гг. на Топрак-Кале. При раскопках Нисы определены в качестве храмов оконтуренный еще в 1936 г. Круглый зал Старой Нисы и расчищенная в 1946—1949 гг. постройка некрополя Новой Нисы [16]. Высказано предположение о культовом назначении Красного зала дворца Варахши. Большим достижением явилось раскрытие в 1953—1954 гг. буддийского храма и христианской часовни на городище Ак-Бешим в Чуйской долине [17] (позднее открыты руины еще одного буддийского храма). Интересный результат принесли в 1958 г. раскопки городища в Куве, Ферганской области, УзССР, где обнаружены остатки буддийского храма и части глиняных скульптур.

В общей сложности материалы последних лет позволяют подойти вплотную к вопросу о доисламских культовых зданиях Средней Азии и

---

[8] А. Сталь-Гольстейн. Сюан-дзян и результаты современных археологических исследований. ЗВОРАО, т. XX, вып. 1, СПб., 1911, стр. 21—22.

[9] А. С. Стрелков. Зурмала или Катта-тюпе около Термеза. Сб. «Культура Востока». М., 1927, стр. 27—30.

[10] М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1939.

[11] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 95—98, 142.

[12] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 202.

[13] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 96, 97, табл. XXII.

[14] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском р-не Уз. ССР в 1934 г. Ташкент, 1935, стр. 34, 35; В. Чепелев. Античная стадия в истории искусства народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 59.

[15] А. М. Беленицкий. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента (1947). МИА, № 15, 1950; В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пянджикента. МИА, № 15.

[16] Г. А. Пугаченкова. Храм и некрополь в парфянской Нисе. ВДИ, 1953, № 3, стр. 159—167.

[17] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959.

попытаться наметить их отношение к типологии храмов сопредельных стран Востока. Суммируя данные среднеазиатской археологии, мы получим следующую картину.

1. Термез и прилегающий район. Айртамское святилище, I—II вв., Буддийский ступа. Буддийские пещерные монастыри на возвышенностях Кара-Тепе и Чингиз-Тепе. Сохранность всех этих построек из описаний не ясна, обмерные чертежи отсутствуют [18]. Культовое помещение открыто в замке Балалык-Тепе анхорской группы памятников [19].

2. Хорезм. «Дом огня» в Джанбас-Кале, рубеж нашей эры; сохранились основания стен, суфы и центральная площадка. Храм огня в Топрак-Кале, III—IV вв.; сохранился контур вымостки сырцового кирпича с зольным пятном посередине. «Капелла» во дворе Тешик-Калы, VII—VIII вв.; сохранность неясна, специальная графическая фиксация или реконструкция (в отличие от Джанбас-Калы и Топрак-Калы) не представлена [20].

3. Нисa. Храм некрополя в Новой Нисе, III—II вв. до н. э. Сохранились платформа и отдельные участки стен; опубликованы план лицевой части, реконструкция. Круглый храм и прямоугольная башня Старой Нисы (первые века до нашей эры и нашей эры). Сохранность из описаний не ясна. Опубликованы план в комплексе с другими постройками и реконструкция круглого храма [21].

4. Старый Мерв. Христианская церковь Хароба-Кошук, V—VI вв. Сохранились стены, отчасти арки. Опубликованы план, конструкция сводов и арок. Буддийская кумирня XIV в. разрушена. Опубликованы план-реконструкция, детали (облицовка панели, черепицы и т. д.) [22].

5. Варахша. «Красный зал» во дворце, предположительно культового назначения, VII—VIII вв. Сохранились стены на значительную высоту и внутренняя планировка (площадки, суфы), настенная роспись [23].

6. Древний Пенджикент. Два смежных храма VII—VIII вв. Стены сохранились на высоту до 3 *м*; в южном храме (здание 1) уцелели обугленные части колонн, росписи надворных построек; в северном храме (здание II) — росписи главного зала и айвана, барельеф и фрагменты скульптур входного портика. Опубликованы планы, разрезы, реконструкции здания II и ансамбля в целом и пр. [24].

7. Фергана. Буддийский храм в Куве V—VI вв. Сохранились основания стен и фрагменты объемных скульптур. Зороастрийский храм Гайрат-Тепе (рубеж нашей эры), имевший вид очага под балдахином [25].

8. Городище Ак-Бешим. Буддийская часовня и остатки монастыря XII в. Сохранились стены на высоту до 1,5 *м*, в часовне — фрагменты глиняных скульптур [26]. Буддийский храм VII—VIII вв.; сохранились

[18] Г. А. Пугаченкова. Архитектура среднеазиатской античности. ВДИ. 1951, № 4.

[19] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. К истории материальной культуры и искусства правобережного Тохаристана. Автореферат канд. диссертации. Ташкент, 1958. стр. 9, 10.

[20] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 95—98, 123, 142, рис. 62, 81, табл. 34. В последнее время выдвинута версия о культовом назначении Кой-Крылган-Калы. См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 192.

[21] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 60 сл., 79, 100 сл.

[22] Там же, стр. 126—129, стр. 351 сл.

[23] В. А. Шишкин. Варахша. СА, XXIII, 1955, стр. 117, 118, рис. 9.

[24] В. Л. Воронина. Городище древнего Пянджикента как источник для истории зодчества. «Архитектурное наследство», № 8, М., 1957, стр. 128—132; ее же. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1, рис. 6.

[25] Доклады В. А. Левиной и В. И. Козенковой на отчетной сессии ИИМК АН СССР 1959 г.

[26] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 48—55, табл. VII, XIX. Предложенная А. Н. Бернштамом датировка должна быть пересмотрена в свете работ Киргизской археологической экспедиции 1953—1954 гг.

стены на высоту до 3 *м*, фрагменты скульптуры и росписей. Опубликованы планы часовни и храма и реконструкция храма. Христианская церковь VIII в.; сохранились стены до 2 *м* высоты. Опубликованы план и разрезы [27].

Можно пополнить список некоторыми сообщениями о местах домусульманского культа, совсем или почти не сохранившихся, которые не сопровождаются специальной графической фиксацией. Одним из наиболее ранних является заметка о развалинах святилища огня в одном из районов Южной Туркмении [28]. «Дом огня» кушанского времени с овальным очагом был в древнем Касане (в Фергане) [29]. Развалины буддийского храма VIII—IX вв. зарегистрированы у городища Джуль (близ Фрунзе), где сохранился внешний контур стен, фрагменты фресок [30]. По рассказам местных жителей составлено описание остатков буддийского храма в долине Санзара [31]. Некоторые соображения о храмах огня носят предположительный характер и недостаточно аргументированы. На городище Куня-Уаз в Хорезме таковым являлся, по мнению археологов, двор с зольной ямой, на городище Кызыл-Кыр близ Бухары — одно из помещений жилого комплекса [32]. Наличие святилищ предполагается уже в неолитических поселениях юга Туркмении [33].

Как видно уже из самого перечня, указанные в нем памятники исследованы и освещены далеко не в равной степени.

Культовым памятникам Термезского района отведено в печати лишь краткое описание; их использованию для анализа препятствует полное отсутствие графической фиксации. Существование хорезмийских «домов огня» можно считать достаточно обоснованным; но их облик остается невыясненным (за исключением, может быть, внутренней организации джанбас-калинского помещения с очагом).

Обмерную документацию храмов Нисы при отсутствии разрезов нельзя считать достаточной. Это особенно касается круглого храма, относительно которого в литературе нет указаний, на какую высоту сохранились стены зала. Отсутствие исходных данных ставит под сомнение предлагаемую реконструкцию [34]. Более чем сомнительно также деревянное шатровое покрытие пролетом в 17 *м* (где стропила должны были достигать 11—12 *м*): такая конструкция никак не отвечает сложившимся в Средней Азии строительным приемам.

Храмовые функции построек Нисы не совсем бесспорны. Г. А. Пугаченкова в своем сводном труде пишет о храме Новой Нисы: «... Назначение постройки почти несомненно культовое». Определение круглого за-

---

[27] Л. Р. Кызласов. Ук. соч.; С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. (Храм, открытый позже, не опубликован.)

[28] А. Марущенко. Развалины святилища огня (памятники домусульманской эпохи Баба-Дурмаз). Туркменоведение, № 11, 1930, стр. 24—26.

[29] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 239.

[30] А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., стр. 131.

[31] Л. И. Альбаум. Буддийский храм в долине Санзара. ДАН УзССР, Ташкент, № 8, 1955.

[32] Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, стр. 375, 381. В. В. Нильсен. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.). История материальной культуры Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 66.

[33] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 81.

[34] Если верить прилагаемому фрагменту, то, соразмеряя архитектурные членения с нарисованной внизу человеческой фигурой (чертеж не содержит масштаба), получаем гигантскую общую высоту стен в 14 *м*. Учитывая при этом диаметр зала в 17 *м*, мы должны представить зал в виде глубокого цилиндра, особенно неприятного в сочетании с коническим покрытием. Реконструкция в перспективе не согласована с реконструкцией-фрагментом, так как рассчитана на меньшую высоту стен. См. Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 103 и цветная вклейка.

ла в качестве «храма богов» является весьма условным [35]. Зато назначение мервской Хароба-Кошук едва ли вызывает сомнения; этот памятник среднеазиатского церковного зодчества представляет большую ценность для исследования домусульманских культов, а публикация при отсутствии разрезов дает хорошо прорисованный план.

Любопытные черты обнаруживает Красный зал Варахши. Его культовое назначение, с нашей точки зрения, помимо выдвинутых В. А. Шишкиным доводов [36], подтверждается еще и тем обстоятельством, что лица (и особенно глаза) изображенных в настенных росписях людей а также животных намеренно повреждены мусульманами [37], тогда как росписи смежного (видимо, приемного) зала, по всей видимости, этого не обнаруживают. Именно такое явление прослеживается в раскопках древнего Пенджикента, где росписи храмов носят явные следы намеренных повреждений, чего нельзя сказать о живописи в жилых зданиях.

Наибольшее значение для проблемы доисламского храма приобретают здания Пенджикента и Ак-Бешима. Памятники эти обладают четким и выразительным планом, характер которого позволяет бесспорно восстановить их культовые функции, а сохранность достаточна для того, чтобы представить в общих чертах облик зданий.

Особенно важны пенджикентские храмы, где не только план, но и сюжеты живописи помогают раскрыть характер какого-то еще не известного культа. Содержание этого культа вызвало ряд предположений. Тематика росписей подсказала А. Ю. Якубовскому мысль, что комплекс двух зданий был посвящен культу Сиявуша (умирающих и воскресающих сил природы), причем северный храм служил обрядам скорби и оплакивания, тогда как южный воплощал жизнеутверждающую сторону культа [38]. М. М. Дьяконов также склонен видеть в содержании росписей здания II черты культа Сиявуша [39]. Однако А. М. Беленицкий по материалам той же настенной живописи доказывает существование в древнем Пенджикенте манихейского культа [40]. Б. Я. Ставиский в результате раскопок некрополя говорит о маздеистских обрядах погребения [41]. Пока трудно отдать предпочтение какой-нибудь из этих версий. Ясно тем не менее, что дело идет о местном, своеобразном культе.

Таким образом, в Средней Азии открыты храмы различных культов. Формы буддийского храма и христианской церкви устанавливаются неоспоримо; едва ли встречают возражения и примеры домов огня. Но содержание некоторых памятников еще не разгадано. Такие ясно выраженные культовые постройки, как пенджикентские здания I и II, с трудом поддаются определению. Изучение их особенностей показывает, как мало известны местные доисламские верования. Тем больший интерес представляют анализ и сопоставление памятников между собой и с постройками сопредельных стран Востока.

Ближний и Средний Восток изобилуют остатками домусульманских культовых зданий. Это постройки зороастрийского круга, буддизма и христианства, а также ряда местных культов. Одни из них имеют ясно выраженную культовую принадлежность, другие же оставляют много места для догадок; таковы зороастрийские постройки.

В Иране с глубокой древности процветает зороастризм, который при

---

[35] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 66, 101.

[36] По мнению В. А. Шишкина, культовое назначение зала доказывает его организация с платформой посередине, где, вероятно, стоял жертвенник. См. В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 118.

[37] Там же, стр. 113.

[38] А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент. Сб. «По следам древних культур», вып. 1, М., 1951, стр. 255 сл.

[39] М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 44.

[40] А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии..., стр. 64.

[41] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. Тр. ТАЭ, т. II. МИА, № 37, 1953, стр. 92, 93.

сасанидах стал государственной религией. Ислам не уничтожил полностью этого культа; еще и теперь в стране насчитывается свыше 16 тысяч зороастрийцев, которые имеют храмы в Иезде, Тегеране и других городах. Группа зороастрийских культовых памятников Ирана обширна: по горам и долинам рассеяны остатки святилищ, храмов, алтари. О них писали многие видные зарубежные исследователи; однако, пожалуй, до сих пор по поводу них нет прочно установившейся точки зрения, как не выяснена до конца и обрядовая сторона культа. Основные публикации дают в общих чертах такую картину.

Памятники зороастризма в Иране давно привлекали к себе внимание. Еще в прошлом столетии открыто зороастрийское святилище в Сузах [42]. В 1921 г. Ф. Ольманн впервые поставил в литературе проблему иранских храмов огня, указывая на их связь с набатейскими храмами Сирии [43]. Однако накопление фактического материала началось несколько позже; в 30-х годах Е. Херцфельд вводит в научный обиход ряд памятников зороастрийского храмового зодчества — им исследованы постройки Кухи-Ходжа в Систане (где впервые найден каменный жертвенник), долины Джерре в Фарсе и ряд других [44]. Появившийся в печати материал привлек внимание научной общественности. В 1936 г. вышла статья о храмах огня У. Моннере де Виллара, которого интересуют проблемы генезиса и влияний. По мнению этого автора, возможна связь набатейского и иранского культов; упоминая сходство плана храмов Турфана, он главным образом уделяет внимание воздействию архитектуры сасанидских храмов на христианские церкви, сопоставляя план храма Джерре с церковью VI в. Русафы [45]. Д. Вилбер приводит описание квадратных четырехколонных храмов Тахте Сулейман парфянского времени; отмечая их сходство с набатейскими, он рисует картину проникновения западных традиций, упуская из виду наличие в Иране более ранних образцов четырехколонного плана (Сузы, Персеполь) [46].

Бóльшая часть материала о храмах огня была опубликована в томах «Ahtar-e Iran» А. Годаром и некоторыми другими авторами. В своей работе, посвященной иранским зороастрийским сооружениям [47], Годар предлагает опыт классификации памятников огня. Он отличает святилища огня («айадана») от храмов, а храмы в свою очередь отделяет от «сигналов». Святилища, по мысли автора, предназначены для хранения священного огня и доступны лишь для жрецов, храмы открывают священный огонь глазам толпы. Эти последние, как и «сигналы», имеют форму «чортака» — купольного «балдахина», с арками на четырех опорах; но они находятся в городе и служат для общественных церемоний, тогда как меньших размеров «сигналы» стоят вблизи населенных пунктов, но изолированно, на холмах и горных склонах, видимые издалека. Те и другие требовали дополнительных помещений для хранения огня. Святилища появились в ахеменидскую эпоху и существовали до ислама, храмы — с конца арсакидского периода сохранились в модернизированном виде до наших дней; «сигналы» присущи только сасанидскому времени. Кроме того, во все эпохи ставились каменные алтари, возникшие, когда храмов еще не было, и служившие атрибутом общественных церемоний под открытым небом.

---

[42] M. Dieulafoy. L'acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884, 1885, 1886 sous les auspices du Musée du Louvre. Paris, 1890, стр. 413, рис. 254.

[43] F. Oelmann. Persische Tempel. AA, III/IV, 1921, стр. 278, 279.

[44] Им впервые высказано предположение о культовом назначении «чор-капу» в ансамбле Каср-и Ширин. См. E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 88—93, рис. 12, 13, табл. VII—X; его же. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941.

[45] Ugo Monneret de Villard. The Fire Temples. Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology, т. V, № 4, 1936.

[46] D. Wilber. The Parthian Structures at Takht-i-Sulayman. Antiquity, 1938, т. XII, № 48, стр. 389—410.

[47] A. Godard. Les monuments du feu. «Athar-e Iran», т. III, вып. I, Paris, 1938.

В результате получается следующая градация культовых сооружений огнепоклонников: 1) святилища огня (Сузы, Персеполь, Кухе Ходжа); 2) храмы огня (Фирузабад, Шапур и др.); 3) «сигналы» (чортаки Джерре, Нейсара; иногда принимали иную форму — минар Фирузабада, постройка Шахрестанека и др.); 4) изолированные эстрады и алтари (Накше Рустем, Пасаргады, Харсин).

Кроме того, различаются места общественных церемоний — обширный обнесенный круглой стеной комплекс Тахте Сулейман, Тахте Рустам, Масджиде Сулейман — платформа, где предположительно горели огни, питавшиеся подземным газом нефтеносных слоев [48].

Несмотря на то, что исследование А. Годара вносит известную систему в разнообразие памятников зороастризма, положения, выдвинутые им, часто спорны. Прежде всего весьма условна сама классификация: довольно несходные постройки зачисляются порой в одну категорию, тогда как однотипные выделяются в разные рубрики. Так, исходя из предвзятого мнения, что храмы в арсакидскую эпоху еще не существовали, он ставит рядом с храмом в Сузах совсем иного характера храм Кухи Ходжа; чортак Натанза, совершенно сходный с чортаком Нейсара и другими «сигналами», считается тем не менее храмом. Годар, очевидно, неправ, считая церковью одну из построек Джерре, а именно ту, которая, по мнению де Виллара, явилась лишь прототипом для христианской церкви. Нет оснований считать чортак Касре Ширин приемным залом, как это делает А. Годар. Несмотря на все это, работа Годара, обобщившая огромный материал, является крупным шагом в деле изучения иранских храмов огня, а выводы его, хотя и дискуссионные, несомненно, помогают их всестороннему анализу. Автор сделал ряд ценных наблюдений; любопытно, например, его мнение, что парные алтари служили для жертвоприношения сразу двум божествам — огню и воде. Статьи А. Годара, как и помещенные в той же книге статьи других авторов, снабжены прекрасными фотографиями и обмерными чертежами. Данные о храмах огня заключаются также в других томах того же издания [49].

О. Рейтер писал почти одновременно с Годаром и не был знаком с работой последнего. Поэтому очерк его базируется на уже известном материале Е. Герцфельда [50]. Однако многие соображения автора заслуживают внимания. Если схема Годара статична и не учитывает эволюции форм, то Рейтер видит неразрывную линию развития зороастрийского храма. В качестве характерной черты на всех трех этапах (ахеменидский, парфянский, сасанидский) он подчеркивает квадратную целлу, окруженную пассажем; при этом сасанидские храмы отличались от парфянских наличием четырех больших арок, связывавших целлу с обходом. Важно отметить существенный момент: многие чортаки, по его мнению, первоначально имели обходной коридор, который впоследствии обрушился. О. Рейтер высказывает предположение, что если на скальных рельефах встречаются изображения божеств (Анахиты, Ормузда), то, возможно, существовал иной тип храма, посвященный этим богам и снабженный их скульптурами. Он допускает, что открытая в Кише сасанидская постройка являлась зороастрийским храмом.

К. Эрдман в своей книге, посвященной храмам огня, суммирует материал предыдущих исследований, останавливаясь более подробно на отдельных вопросах [51]. В отличие от своих предшественников, он интересу-

[48] В последнее время такая точка зрения на Масджиде Сулейман опровергается: геологи доказали, что газ не мог здесь выделяться, а Р. Гиршман приходит к выводу, что это остатки раннеахеменидской дворцовой террасы — прототип Персеполиса. См. L. Lockhart. Persia. Album. London, 1957, стр. 43.

[49] См. статьи: M. Siroux. Le temple zoroastrien de Sharifabad; A. P. Hardy. Le monument de Neisar и др. в сб. «Athār-ē Iran», т. III, вып. I, Paris, 1938; A. Godard. Natanz. Там же, т. I, вып. I, Paris, 1936.

[50] SPA, т. I, 1938, стр. 435—439, 550—566.

[51] K. Erdmann. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941.

ется не только типами зданий, но и формами культа, приводя любопытную «иерархию огня». Достоинством книги является хорошая библиография.

От древнего Ирана сохранилась группа сооружений, очевидно, культовых, но выпадающих из обычного типа храмовых зданий. Это каменные башни Пасаргад и Накши-Рустема. Часть исследователей приписывает башням погребальные функции (М. Деляфуа, Е. Херцфельд), другие склонны видеть в них святилища огня (Ф. Сарре, Е. Васмут и др.). В 1945 г. вышла посвященная этому вопросу статья Р. Гиршмана, который отстаивает вторую версию [52]. Сопоставляя формы внешне сходной башни в Нурабаде с изображениями на реверсе монет, он приходит к выводу, что в башнях хранился священный огонь, выносимый при общественных церемониях на крышу. Достаточно убедительные доводы в пользу хранения в башнях Пасаргад и Накши-Рустема священного огня приведены Эрдманом [53]; что касается башни в Нурабаде, то следует сказать, что внутренняя лестница не оставляет места для хранения огня. Р. Гиршман считает, что один из парных алтарей служил для жертвенных животных, однако непонятно, как они попадали на высокую каменную площадку.

Храмы других культов на территории доисламского Ирана менее известны. Своеобразны храмы местных культов Ашшура; среди них интересен храм с трехсторонней галереей, где смешиваются эллинистическая (периптер) и местная (айван) архитектурные концепции. Периптер имеет нечто общее с иранским храмом в Таксиле. В сасанидском Иране строились христианские церкви, сохранившиеся в Ктесифоне. Манихейский храм известен только в бассейне р. Тарим (Восточный Туркестан) [54].

Таким образом, о зороастрийских храмах Ирана существует обширная литература. Однако в этом богатом материале довольно трудно разобраться, поскольку взгляды различных авторов полны противоречий. Кажется, единственный момент, в котором сходятся все исследователи, это — родство храмов огня с набатейскими храмами Сирии I в. до н. э.— I в. н. э.; высказывались мнения, что возможна связь между иранским и набатейским культами (Моннере де Виллар), что те и другие храмы имеют общий генетический прототип (Рейтер), что набатейские храмы сами представляли один из типов святилищ огня (Эрдман). Учитывая соображения Рейтера об утраченных обходных галереях, нужно признать, что тип храма с обходной галереей играл в прошлом значительную роль. Однако был распространен и тип чортака; фасады хорошо сохранившихся чортаков Натанза и Нейсара свидетельствуют, что галерей здесь никогда не было. По наблюдениям Годара, чортаки были видны издалека, а это заставляет думать, что они соединяли культовые и какие-то практические функции. В этом смысле весьма красноречиво звучит данное им название «сигналы»: они светили в ночи, обозначая вехи на пути движения караванов. Исследователи несправедливо умаляют значение в плане храмов обходного коридора, наличие которого обычно объясняется стремлением защитить от солнечных лучей целлу, где хранится священный огонь [55]. Но массивные стены построек сами по себе служили надежной изоляцией от дневного света, достаточно было добавить тамбур при входе. Круговой или трехсторонний обходной коридор имел важные культовые функции и был тесно связан с формами обряда.

В Афганистане также известно много домусульманских культовых зданий. Это по преимуществу буддийские монастыри, храмы и ступа [56].

[52] R. Ghirshman. La tour de Nourabad. Syria, XXIV, Paris, 1944—1945, вып. 3—4, стр. 175—193 (в примечании от редакции указано, что статья написана много раньше).

[53] K. Erdmann. Ук. соч., стр. 18—20.

[54] O. Reuther. Ук. соч., стр. 560.

[55] Ugo Monneret de Villard. Ук. соч., стр. 176—177; O. Reuther. Ук. соч., стр. 553.

[56] См., например, J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. Paris — Bruxelles, 1933; J. Barthoux. Les fouilles de Hadda. Paris, 1933.

Тем большее значение получает открытие памятников иного культа. Так, близ Кабула обнаружены остатки брамаистского храма солнечного культа, представлявшего три смежные, но изолированные камеры [57]. Большой интерес у среднеазиатских исследователей вызвало открытие храма огня I—II вв. на холме Сурх Котал, в 15 *км* от Пули Хумри в Северном Афганистане. Квадратный зал с потолком на четырех колоннах заключал площадку, на которой предположительно помещался пирей (жертвенник); с трех сторон его огибает коридор. Здание стоит на подиуме и было окружено портиком. Это первый «аташго», открытый на территории Афганистана [58].

Буддийские монастыри и храмы Восточного Туркестана отражены в работах некоторых зарубежных ученых и в материалах экспедиции С. Ф. Ольденбурга [59]. Однако предметом специального исследования со стороны их форм и планировки они, к сожалению, не были.

При описании открытых в Средней Азии памятников обычно приводятся аналогии из зарубежной археологической практики. Но в отдельном, частном случае оценка может быть субъективной, тогда как анализ всего собранного материала даст более верные критерии, позволит установить взаимосвязь памятников между собой и с традициями зарубежного Востока. Для наглядности планы наиболее типичных памятников Средней Азии, Ирана, Афганистана и Восточного Туркестана совмещены на одной таблице (рис. 1); христианские церкви вынесены отдельно.

С. П. Толстов находит, что планировка джанбас-калинской алоу-хана почти тождественна композиции сасанидского храма огня в Шапуре [60]. Согласиться с этим нельзя; монументальные формы, круговой обход, опускающаяся вниз лестница храма в Шапуре не обнаруживают ничего сходного. Но дело не только в этом; содержание постройки, как и самого культа, по-видимому, имеет мало общего с формами ортодоксального зороастризма: суфа вокруг центрального кострища Джанбас-Калы, как и описания Бируни, говорят о наличии в функциях алоу-хана общественного элемента; это были не только культовые здания, но место сходок и совместных трапез.

Г. А. Пугаченкова сравнивает нисийский круглый зал с абсидальным храмом в Таксиле, а затем — с Арсинойоном и Парфеноном [61]. Подобные параллели кажутся рискованными прежде всего по причине очень предположительной реконструкции нисийского «храма богов» (см. выше); кроме того, сопоставление с храмом типа чайтья в Таксиле нельзя признать удачным, а обращение к античным образцам мало согласуется с утверждением о самобытности архитектуры Нисы.

Пенджикентские храмы и буддийский храм Ак-Бешима прежде всего сопоставляются между собой. А. М. Беленицкий считает, что они во многом близки [62]. Между тем структура этих зданий различна. Пенджикентский храм имеет лицевой айван, открытый к востоку четырехколонный зал и примыкающую к нему целлу; ак-бешимский — закрытый зал с колоннами и квадратную целлу. Трехсторонний обход в первом случае огибает два помещения, во втором — только целлу. В пенджикентском ансамбле постройка находится посреди двора, в ак-бешимском — в глу-

---

[57] J. Hackin. Recherches archéologiques au Col de Khair Khaneh près de Kabul. Paris, 1936.

[58] D. Schlumberger. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. AA, CCXL, 1952, стр. 433—453; т. CCXLII, 1954, стр. 161—187 и др.

[59] A. Grünwedel. Altbuddistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Berlin, 1912, рис. 483, 484 и др.; С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года. СПб., 1914.

[60] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 98.

[61] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 103.

[62] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента (1951—1953 гг.). МИА, № 66, 1958, стр. 112.

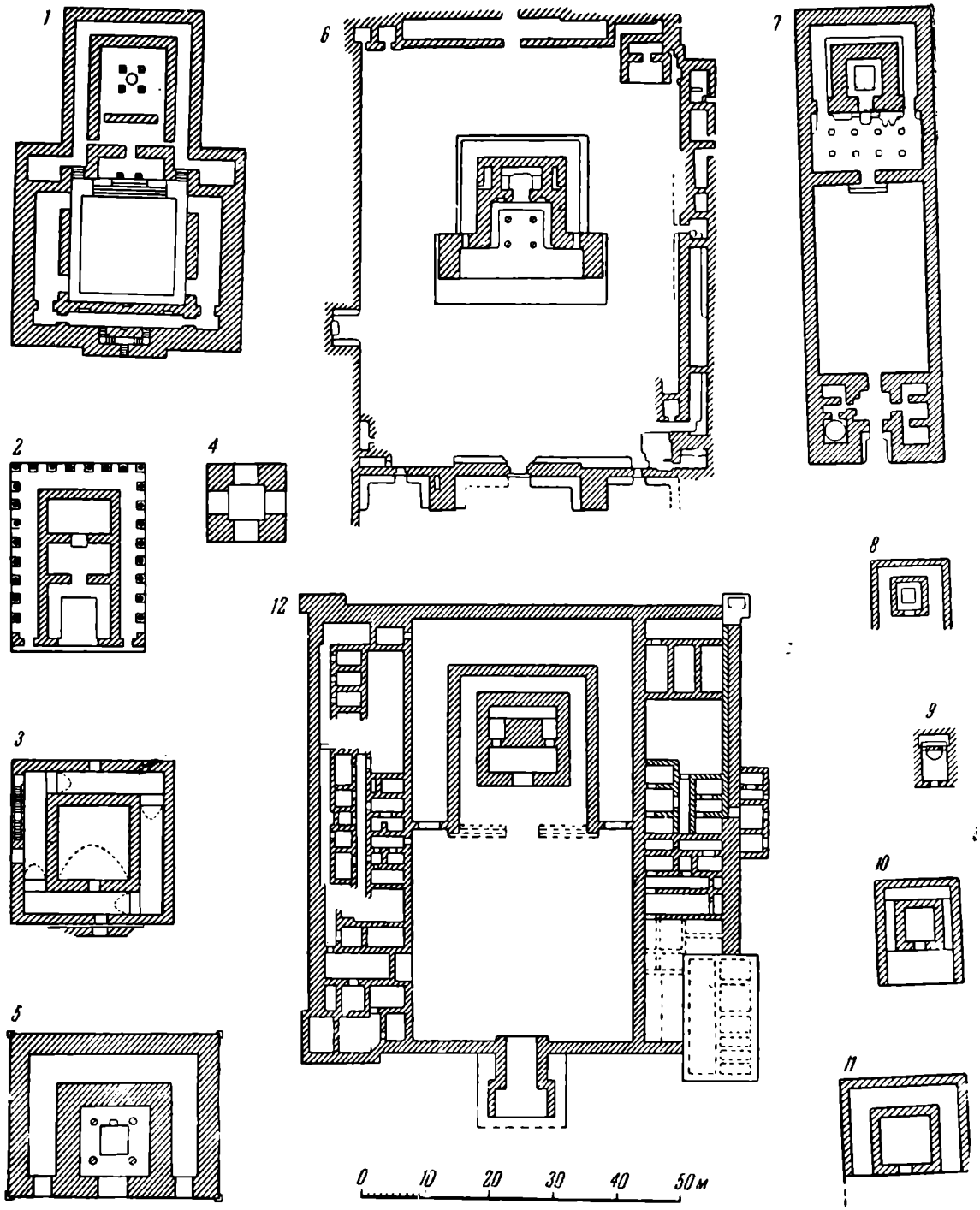


Рис. 1. Домусульманские храмы Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока

1 — ахеменидское святилище огня в Сузах; *2* — «периптер» в Ашшуре (I—II вв.); *3* — дворцовый храм солнечного культа в Хатре (I—II вв.); *4* — сасанидский «чортак» в Нейсаре; *5* — храм огня Сурх Котал в Северном Афганистане (I—II вв.); *6* — храм древнего Пенджикента (VII—VIII вв.); *7* — буддийский храм Ак-Бешима (VII—VIII вв.); *8* — буддийское святилище в Хадда — древний Нагарахара (первые века нашей эры); *9* — пещерный храм — «чайтья» близ Минг Уй; *10, 11* — буддийские храмы Шикшина; *12* — буддийский монастырь и храм в Сенгим Агызе

бине. Подход к планировке храма и участка в целом, очевидно, продиктован определенными традициями.

Если говорить о зарубежных параллелях, пенджикентские храмы сближаются с Сурх Коталом [63]. Черты общности, конечно, бесспорны — квадратный зал и обходной коридор. Сходна даже постановка здания среди двора. Но и различия велики. Закрытый зал Сурх Котала совмещает в себе функции зала и целлы пенджикентского храма. Для ак-

[63] А. М. Беленицкий. Общие результаты..., стр. 112; В Л. Воронина. Ук. соч., стр. 132.

бешимского храма легче найти аналогии — он явно сродни приемам Восточного Туркестана; храмы Турфана, Шикшина, Сенгим Агыза имеют обнесенный с трех сторон коридором квадратный зал и ограниченное антовыми стенами свободное пространство перед входом, когда-то, вероятно, занятое портиком. Сходство плана легко объясняется одинаковым содержанием всех этих построек. Но храм Ак-Бешима близок по формам не только памятникам Восточного Туркестана. Его основные части, целла и коридор, почти точно воспроизводят план Сурх Котала, имея близкое подобие в одном из святилищ Хадды. Его сопоставляют также с буддийскими храмами средневекового Китая [64].

Гораздо более самостоятельное положение в культовом зодчестве Ближнего Востока занимают храмы Пенджикента. Планировка их неожиданно обнаруживает нечто общее с «периптером» в Ашшуре. Хотя внешнего сходства между собой эти постройки не имеют, система группировки помещений у них одинакова: 1) открытый с лицевой стороны зал, 2) примыкающая к нему по главной оси целла, 3) окружающая их с трех сторон галерея. «Периптер» Ашшура различные исследователи сближают с храмом в Таксиле [65]. Там пропорции здания более вытянуты, и с тыльной стороны добавлена лестничная клетка, а галерея закрытая, с проемами; но общая схема соединения по продольной оси та же. Пенджикентские храмы отличаются от этих зданий своим широко открытым передним фронтом, компактностью плана.

Обзор храмовых зданий в широких границах — от побережья Средиземного моря на западе до Китая на востоке — приводит к заключению, что тип культовых построек на протяжении этой огромной территории содержит много общих черт.

Прежде всего можно выделить три основных элемента храма: 1) целлу, 2) зал, 3) обходной коридор. Эти три части могут быть представлены вместе или по отдельности. Целла — святилище, доступное для посвященных, носила замкнутый характер. Зал, в отличие от целлы, был предназначен для культовых церемоний в присутствии более или менее значительной группы молящихся (хотя бы только придворного круга). Зал мог иметь замкнутое внутреннее пространство (как в храме Ак-Бешима) или свободно открываться наружу (как в Пенджикенте). Ядро храма могло состоять из одной целлы или зала и целлы. В первом случае целла имела самодовлеющее значение, составляя центр плана и получая при этом более или менее значительные размеры (набатейские храмы; рис. 2). Во втором случае целла является дополнением зала и, примыкая к его тыльной стороне, занимает небольшую площадь (храмы в Таксиле и Пенджикенте). В некоторых случаях трудно причислить центральное помещение храма к какой-либо определенной категории, так как оно соединяет в себе черты зала и целлы; например, в храме Сурх Котала зал, довольно значительных размеров, с четырьмя колоннами, заключал площадку с жертвенником, как бы сочетая воедино функции двух помещений. Наконец, обходной коридор являлся одной из важнейших частей храма. Этот элемент плана в свою очередь был представлен в разных вариантах: 1) окружал помещение со всех четырех или только трех сторон, 2) огибал только целлу или целлу вместе с залом, 3) представлял собой коридор с глухими стенами или галерею на деревянных колоннах.

Как уже сказано выше, три основные части плана выступали в сочетании или отдельно. Чортак представлял собой открытый на четыре стороны арками зал; придворные храмы Хатры и Кухи Ходжа заключали целлу в окружении коридора, а пенджикентский и ак-бешимский соединяли в себе все три части. Обходный коридор, в конце концов, является

[64] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 197; С. Г. Хмельницкий. Ук. соч., стр. 244. Выбранный С. Г. Хмельницким пример неудачен.

[65] Ugo Monneret de Villard. The Iranian Temple of Taxila. SPA, т. VI, стр. 446.

самой характерной чертой для храмов различных культов. Распространенность на огромной территории этого элемента планировки является доказательством того, что он был не случайным придатком, а необходимой принадлежностью культового обряда. Хотя на территории Ирана, Средней Азии, Восточного Туркестана существовали разнообразные культы, почти каждый из них требовал обходного коридора. Подобное единообразие не покажется странным, если мы припомним, какую роль играет в христианском богослужении крестный ход.

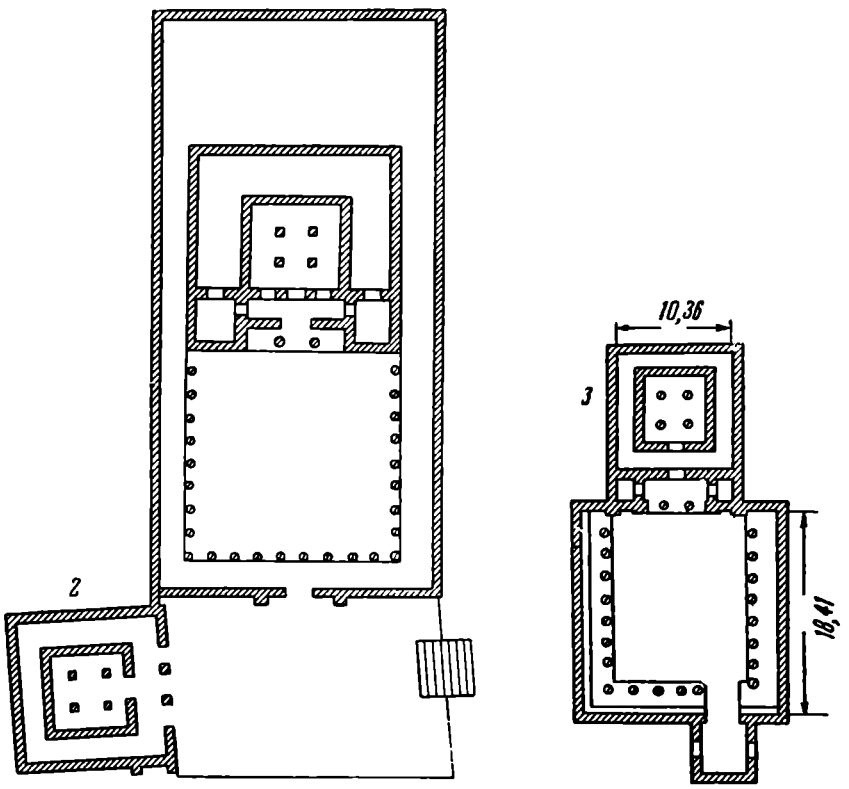


Рис. 2. Набатейские храмы (по Батлеру)

1, 2 — Баал Шамин и Душара в Си; *3* — храм в Саре

По сочетанию всех указанных элементов можно разбить храмовые постройки Средней Азии и сопредельных стран на три основных типа.

1. Зал-целла с круговым коридором (набатейские храмы, парфянские храмы Хатры и Кухи-Ходжа, сасанидские храмы типа Джерре; встречается изредка в Восточном Туркестане).

2. Зал-целла с трехсторонним коридором (этот тип характерен для буддийских храмов; ареал распространения — восточные районы Афганистана, Средняя Азия, Восточный Туркестан).

3. Полуоткрытый зал с целлой и трехсторонним обходом (эта группа включает, помимо пенджикентских храмов, только «периптер» в Ашшуре и храм в Таксиле).

А. М. Беленицкий неправ, полагая, что пенджикентская традиция вырастает из типа Сурх Котала [66]. Храмы Пенджикента носят глубоко местный характер и стоят пока обособленно в храмовом зодчестве Востока, что указывает в свою очередь на большое своеобразие местного культа.

Церкви Средней Азии и Ближнего Востока по формам обособлены от других культовых сооружений и должны поэтому рассматриваться отдельно (рис. 3). В Средней Азии к настоящему времени выявлены церкви несторианских христиан в Мерве и на Ак-Бешиме. При первом взгляде на их планировку бросается в глаза единство типа той или другой. Мервская крупная, четкой и правильной конфигурации; ак-бешим-

[66] А. М. Беленицкий. Общие результаты..., стр. 112.

ская, скромная по размерам, простая по формам и неправильная в очертаниях плана, являлась скорее часовней (она, впрочем, была украшена внутри росписью). Но в основе планировки лежит один и тот же принцип — удлиненный прямоугольник стен завершается квадратом с нишами в форме креста (это помещение, несомненно, было покрыто куполом).

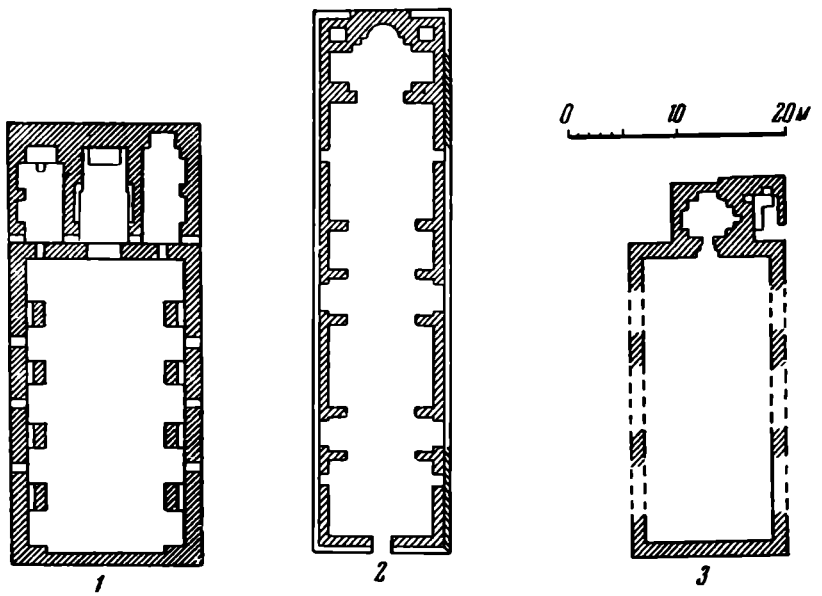


Рис. 3. Христианские церкви
1 — сасанидская церковь в Ктесифоне; *2* — руины Хароба Кошук близ старого Мерва, церковь V—VI вв. *3* — церковь Ак-Бешима VIII в.

Л. Р. Кызласов сравнивает ак-бешимскую церковь с крестовокупольными храмами Малой Азии и Армении, что не вяжется ни с масштабами, ни с кустарными формами часовни (кстати, здесь крестообразная форма едва намечается) [67]. С первого взгляда кажется очень уместным сопоставление мервской постройки с «длинными церквами» Эфеса и Ктесифона, проводимое Г. А. Пугаченковой [68]. Однако и эта параллель нуждается в проверке.

Г. А. Пугаченкова считает, что неф мервской постройки был покрыт сырцовым сводом [69]. Между тем десятиметровый пролет заставляет нас в этом усомниться [70]. Кроме того, футляр внешней оболочки стен, который Г. А. Пугаченкова считает изначальной органической частью конструкции, вернее всего выполнен позже (причем закрыл шесть боковых входов) и незначительная толщина стен не была рассчитана служить опорой своду сколько-нибудь значительного пролета. Поскольку нет конкретных указаний о наличии уцелевших частей свода, приходится сделать вывод, что неф Хароба Кошук являлся открытым двором. При таком условии отождествление с «длинными церквами» едва ли правомерно. Действительный и очень близкий двойник Хароба Кошук — ак-бешимская часовня с ее вытянутым, обнесенным пахсовыми стенами двором. Для защиты от зноя служили в первом случае сводчатые ниши, во втором — предположительные навесы вдоль стен двора.

Следовательно, в отличие от длинных церквей Ктесифона в Средней Азии сложился особый тип, где неф заменен открытым двором. Эта особенность составляет характерную местную черту церковного зодчества.

---

[67] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 231.

[68] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 129. Длинные церкви Ктесифона см. SPA, т. I, рис. 162.

[69] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 126, 129.

[70] Пролет ктесифонских церквей был не намного меньше, но не следует забывать, что они строились из камня.

* * *

К настоящему времени в Средней Азии выявлено значительное число домусульманских святилищ различного масштаба и назначения. Это были городские храмы, дворцовые и замковые святилища и даже — домашние молельни. Устанавливается широкий круг религиозных верований, которым служили соответственно дома огня, буддийские храмы, христианские церкви и святилища разнообразных местных культов.

Городские храмы находились внутри стен шахристана или в пригороде, стояли изолированно или в тесном соседстве с другими такими же зданиями. Формы их обнаруживают, с одной стороны, широкие культурные связи, с другой — устоявшиеся местные традиции. Последние очень ярко выступают в облике храмов древнего Пенджикента; становятся очевидными глубокие местные корни этой традиции, развивавшейся на почве своеобразия местных верований.

Была ли эта старая традиция пресечена внедрением ислама или использована в зодчестве последующих веков?

В Иране, как и в Индии, доныне часть населения исповедует религию Зороастра, поэтому строятся, хотя и в модернизированном виде, храмы огня. Такие здания имеются в Йезде, Тегеране и других городах. Более того, древние формы зороастрийских храмов не исчезли, но поставлены на службу новой религии. В форме купольного и сводчатого киоска они составили ядро местного типа мечети. Сила традиции поразительна; еще и теперь ставятся алтари, где возжигаются огни — в честь мусульманских мучеников [71].

В Средней Азии зороастризм (или маздеизм), по-видимому, пережил на несколько столетий появление ислама [72], но не сохранился до последнего времени. Известно, однако, что первые мусульмане использовали под мечеть здания доисламских культов. Поэтому естественно предположить, что формы доисламского храма в какой-то мере перешли рубеж арабского завоевания. Подобно тому, как в Иране формы доисламского храма определили ядро мечети, так это было, по-видимому, и в Средней Азии. Об этом говорит облик ранних мечетей, таких, как четырехстолпная Деггарон, а особенно — открытый с двух сторон зал термезской Чор-Сутун [73]. Интересным образцом реминисценции древних приемов является мечеть XV в. в Анау. Ее широко открытый на фасад главный купольный зал огибала галерея с деревянной колоннадой, сообщавшаяся с крыльями здания [74]. Трудно сказать, почему именно в этой постройке, удаленной территориально и хронологически от храмов Пенджикента, ярко вспыхнула древняя традиция, но черты сходства неоспоримы. Другой не менее любопытный пример — дунганская мечеть в Пржевальске, (Киргизия), относящаяся уже к XX в.

Планировка, разумеется, не исчерпывает всех сторон архитектуры домусульманского храма — при помощи разнообразных форм, монументальной живописи и скульптуры сооружения того или иного культа получали черты определенной идеологии. Кроме того, при почти полном отсутствии данных о формах доисламских культов и их обрядовой стороне анализ плана неизбежно оказывается чисто формальным. Тем не менее такой анализ может в свою очередь пролить свет на сущность древних культов советского и зарубежного Востока.

---

[71] M. Siroux. Ук. соч., стр. 89.

[72] См., например, Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом. ВДИ, 1939, № 2.

[73] В. А. Шишкин. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Тр. АН УзССР, серия 1, т. II, Ташкент, 1945.

[74] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 414.

П. А. РАППОПОРТ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА

Для правильного выявления основных этапов развития древнерусского военного зодчества необходимо проанализировать памятники этого зодчества с точки зрения их основного функционального содержания — тактической схемы организации их обороны [1]. Общая схема организации обороны является тем основным, что определяет собой сущность оборонительного сооружения и его место в общем развитии военно-инженерного искусства.

Тактический принцип, положенный в основу организации обороны укрепленного пункта и связанный в первую очередь с господствующими в данное время принципами осады, находит свое отражение прежде всего в организации системы стрельбы. Правило современной фортификации, гласящее, что всякое искусственное препятствие должно простреливаться, для придания ему большей эффективности, по-видимому, ведет свое происхождение с глубочайшей древности.

Действительно, все оборонительные сооружения крепостей, как древнейших, так и более поздних, были рассчитаны на то, чтобы затруднить противнику доступ внутрь крепости и задержать его в самом невыгодном положении, под обстрелом защитников. Только те препятствия, которые хорошо поддерживались стрельбой, могли служить более или менее надежной гарантией безопасности укрепленных поселений. Таким образом, основой обороны всех древнерусских крепостей являлась стрельба со стен и башен, а выяснение системы этой стрельбы неразрывно связано с выяснением системы организации самих оборонительных сооружений, их плановой структуры и конструкций.

Существенные изменения, происходившие в системе организации оборонительных сооружений и в системе их стрелковой обороны, являются поэтому рубежами, определяющими этапы развития военного зодчества [2].

Изучение памятников древнерусского военного зодчества показывает, что развитие форм этих памятников происходило далеко не равномерно. На одних этапах развитие было довольно медленным и имело характер небольших, частных изменений, не нарушающих основной схемы построения всего оборонительного сооружения. В другие периоды изменения наступали значительно быстрее и имели гораздо более серьезный характер, полностью меняющий основные принципы организации обороны.

Анализ оборонительных приемов, применявшихся в памятниках древнерусского военного зодчества, позволяет поставить вопрос о том,

---

[1] Первая попытка такой периодизации была сделана П. А. Раппопортом и В. В. Косточкиным. См. П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 22.

[2] В настоящей статье мы рассматриваем исключительно древнерусские памятники военного зодчества. Следует при этом иметь в виду, что в других странах, в частности на территории Польши, Чехословакии и в Поморье, близкие, а иногда почти идентичные русским типы оборонительных сооружений применялись далеко не всегда в то же время, что и на Руси.

насколько общие изменения схемы организации обороны укреплений связаны с социальным типом тех поселений, для защиты которых они построены,— иными словами, о том, насколько схемы организации обороны феодального замка отличаются от организации обороны города или же насколько отличаются схемы организации обороны частновладельческого укрепления от организации обороны государственной крепости, населенной специальным гарнизоном. Различия в социальном характере поселений, несомненно, сказываются на системе организации их обороны; однако они имеют гораздо более частный и незначительный характер по сравнению с различиями, связанными с хронологическим развитием крепостей. Это последнее определялось прежде всего общими изменениями, вызванными всем процессом развития русского военно-инженерного искусства.

Периодизация истории древнерусского военного зодчества, вытекающая исключительно из изучения самого фактического материала, является периодизацией чисто военно-инженерной. Естественно, что в ее основании положено развитие принципов осады и обороны, т. е. развитие военно-инженерной тактики. Но анализ изменений общей схемы обороны крепостей в связи с развитием тактики может объяснить лишь самые непосредственные и прямые причины эволюции форм оборонительных сооружений. Существуют между тем и другие, более глубокие и не всегда непосредственные связи между развитием оборонительных сооружений и общими социальными изменениями в истории России. Выяснение таких более отдаленных связей дает возможность глубже понять сам процесс развития оборонительных сооружений, уяснить причинную связь этого процесса с общеисторическим развитием.

* * *

Первый этап резких изменений в устройстве оборонительных сооружений может быть отмечен на Руси в конце X в., когда на смену примитивным укреплениям, целиком подчиненным защитным условиям рельефа местности, приходят гораздо более мощные крепости [3]. В этих новых крепостях очень большую роль играют уже искусственные деревоземляные укрепления, хотя и тесно связанные с естественным рельефом, но все же не полностью ему подчиненные.

Захват укреплений в X—XIII вв. совершался обычно либо путем внезапного нападения (изгон, изъезд), либо же путем длительной пассивной осады (облежание). Поэтому организация стрельбы в крепостях этой поры была направлена, прежде всего, на то, чтобы не допустить противника приблизиться к крепостным стенам. Оборона была рассчитана на равномерный фронтальный обстрел по всему периметру укрепления. При этом в X—XI вв. наиболее употребительным был мысовой тип расположения крепостей, при котором опасность внезапного захвата исключалась по крайней мере на половине периметра укрепления (рис. 1, *1*).

Появление нового типа оборонительных сооружений было связано с переходом к новой тактике обороны, что в свою очередь тесно связано с распространением новой тактики осады. На смену неорганизованному, внезапному набегу, характерному для степных кочевников, приходит гораздо более организованная осада (облежание) [4]. Именно для противодействия этой, хотя и пассивной, но планомерной и долговременной осаде и служили те мощные искусственные укрепления, которые на Руси начинали строить с конца X в.

Однако сам переход к новым тактическим принципам осады и обороны объясняется резкими социальными изменениями, происшедшими в

[3] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 147.

[4] М. Г. Рабинович. Осадная техника на Руси в X—XV веках. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. VIII, № 1, 1951, стр. 75.

это время. Действительно, хорошо организованная осада, как и хорошо организованная оборона, могли появиться лишь тогда, когда была создана достаточно организованная армия, т. е. со сложением государства.

Таким образом, перелом, который можно отметить в развитии русских оборонительных сооружений в конце X в., в конечном счете связан со сложением раннефеодального Киевского государства.

В конце XI — начале XII в. на Руси распространяется новый тип оборонительных сооружений — круглые или полукруглые в плане крепости, расположенные, как правило, на плоской местности[5]. План и расположе-

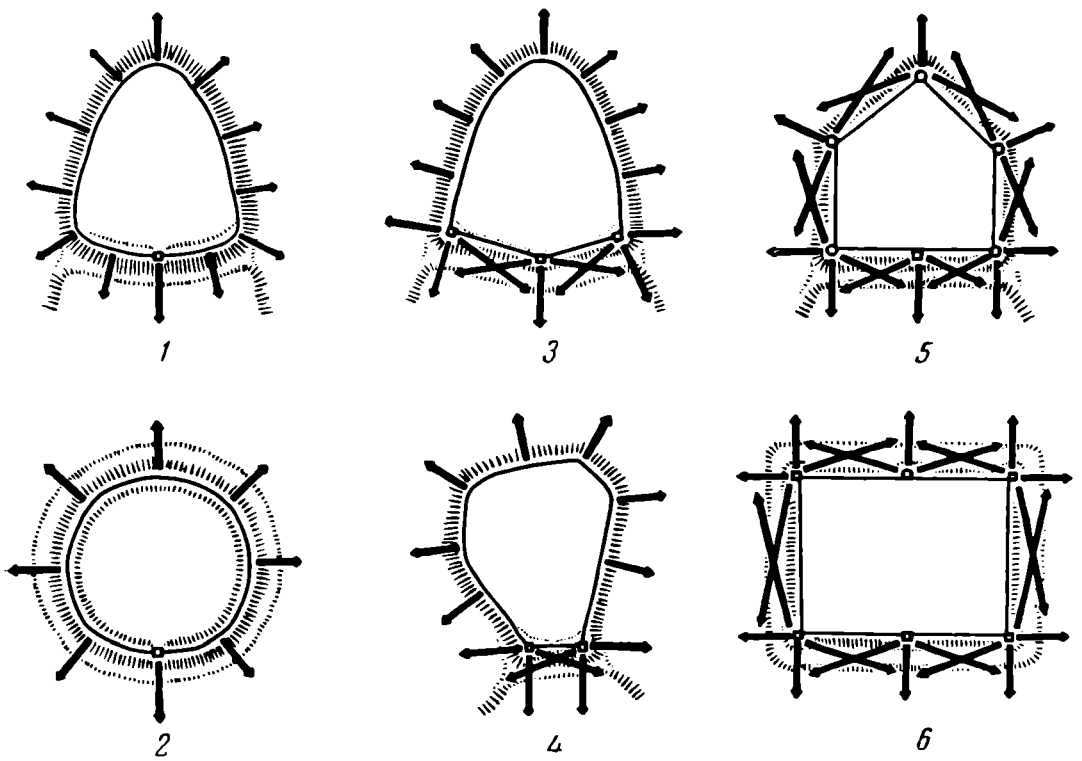


Рис. 1. Планы крепостных сооружений

ние на рельефе резко отличают их от более ранних памятников; однако схема их обороны является логическим развитием принципов организации обороны предшествующего периода. Действительно, как округлая форма плана укреплений нового типа, так и полное преобладание в организации их обороны искусственных укреплений отвечают стремлению создать наилучшие условия для фронтальной стрельбы с городских стен по всему периметру укрепления. При площади, равной с мысовыми укреплениями, округлые укрепления имели наименьший периметр и, следовательно, могли обеспечить наибольшую плотность стрельбы с каждого участка стен (рис. 1, *2*). Расположение большинства круглых укреплений на низменной, болотистой местности позволяло сооружать рвы, наполненные водой, что в значительной степени также гарантировало от внезапного захвата. Кроме того, на территории таких укрепленных поселений гораздо легче, чем на территории укреплений, расположенных на вершинах холмов, можно было сооружать колодцы и таким образом обеспечивать защитников водой в условиях длительной осады.

Несмотря на все внешнее несходство, схема организации обороны округлых крепостей XII в. отвечает тем же тактическим приемам, что и крепостей XI в. Поэтому есть все основания считать, что округлые в плане крепости XII в. представляют собой не новый этап в развитии русской

[5] П. А. Раппопорт. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси. СА, 1959, № 1, стр. 115.

фортификации, а лишь высшую ступень того же этапа, начавшегося еще в конце X в.

Новый тип крепостей почти целиком отвечал одному определенному социальному типу укрепленных поселений — феодальным замкам. И естественно поэтому, что, помимо развития военно-инженерной тактики, появление округлых крепостей связано с процессом феодализации страны.

Следующий период резких изменений в структуре оборонительных сооружений наступил в русском военном зодчестве во второй половине XIII в. Этот период характеризуется возвращением к использованию защитных свойств рельефа местности, но обоснованному новыми тактическими требованиями.

Захват укреплений во второй половине XIII, а также в XIV и XV вв. иногда производился по-прежнему изъездом, но значительно чаще осуществлялся путем штурма, поддерживаемого действием камнеметных машин.

Поскольку штурм осуществлялся лишь там, где с помощью камнеметов осаждающие могли подавить стрелковую оборону защитников, те стороны укрепления, где камнеметные машины нельзя было установить сравнительно близко от крепостных стен (примерно не далее 100—150 *м*), были, как правило, гарантированы от штурма [6]. Соответственно этому укрепленные поселения в XIV—XV вв. располагали обычно на мысах, ограниченных крутыми берегами рек или широкими оврагами. Возможность штурма в таких укреплениях существовала лишь с одной, напольной стороны, т. е. там, где осаждающие могли установить камнеметные машины на противоположной стороне искусственного рва. Эта сторона «с приступа» делалась при этом значительно крепче остальных сторон крепости, и здесь же были расположены башни, обеспечивавшие фланкирующий обстрел близлежащих участков стен. Все остальные стороны укрепления были приспособлены лишь для фронтальной стрельбы (рис. 1, *3*) [7].

В этом заключается объяснение «одностороннего» характера организации обороны русских крепостей XIV—XV вв. Для максимальной концентрации оборонительных средств старались (где это позволял рельеф местности) укрепления располагать так, чтобы напольная сторона оказалась на естественном перешейке и имела поэтому минимальную длину (рис. 1, *4*).

Таким образом, схема организации обороны русских крепостей XIV—XV вв. связана, прежде всего, с широким развитием тактики штурма и созданием в связи с этим системы фланкирующего обстрела с одной, напольной стороны укреплений.

Но появление новых тактических приемов в данном случае было вызвано не изобретением новой военной техники, а другими причинами. Скорее наоборот, сами камнеметные машины получили широкое распространение именно в связи с тем, что часто стал применяться штурм, для поддержки которого они и были, в первую очередь, предназначены. Штурм, особенно поддерживаемый камнеметными машинами, был гораздо более эффективным средством захвата укреплений, чем пассивная осада. Но для организации его было необходимо значительно большее количество как людей, так и материальных средств. Поэтому само развитие приемов штурма было, очевидно, связано с изменениями в составе армии и политической обстановки.

В период существования относительно единого Киевского государства укрепления предназначались в основном для защиты от внешних врагов,

[6] А. Н. Кирпичников. К вопросу об устройстве древнерусских метательных машин. Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея, вып. 3, Л., 1958, стр. 408.

[7] В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. СА, 1957, № 1, стр. 135; П. А. Раппопорт. Укрепления раннемосковских городищ, КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 15.

главным образом степных кочевников — на юге, литовских и финских племен — на севере. Обстановка мало изменилась и в ранний период феодальной раздробленности. Лишь после того, как феодальная раздробленность на Руси полностью возобладала и упрочились достаточно сильные самостоятельные княжества, непрерывно враждовавшие друг с другом, сложилась военная обстановка, благоприятная для широкого распространения новых тактических приемов осады и обороны. Изменения в тактике в данном случае связаны не с прямым развитием военной техники, а со значительно более сложным процессом, в конечном счете вызванным установлением на Руси феодальной раздробленности.

К этому следует добавить также и влияние монгольского нашествия. Это влияние было очень противоречивым: с одной стороны, оно сказалось на общем снижении уровня русской военно-инженерной техники во второй половине XIII в., с другой стороны, монголы вторглись на Русь, имея разработанную тактику штурма крепостей. Правда, такая тактика начала слагаться на Руси еще до монголов, но естественно, что монгольское нашествие ускорило окончательный переход к новой тактике обороны.

Третий период изменений в организации оборонительных сооружений относится ко второй половине или даже к концу XV в. и связан уже с развитием артиллерийской техники и тактики [8]. С этого времени захват укреплений осуществляется уже путем штурма, поддерживаемого артиллерийским огнем. Причем если камнеметные машины служили прежде всего для подавления стрелковой обороны, т. е. имели основной задачей сбивать зубцы и забрала крепостных стен, то пушки зачастую пробивали насквозь сами стены и таким образом открывали нападающим доступ внутрь укрепления. Гораздо большая дальнобойность пушек, чем камнеметных машин, позволяла устанавливать их на большем расстоянии от стен крепости, иногда даже на противоположном берегу реки или оврага.

В соответствии с этим появилась необходимость создания равномерного фланкирующего обстрела вдоль всего периметра стен укрепления, ибо штурм можно было теперь ожидать с любой стороны. Поэтому исчезает «односторонность» крепостей, характерная для предшествующего периода. Для достижения фланкирующего обстрела башни начинают располагать более или менее равномерно вдоль стен, а отрезки стен между башнями («прясла») делают прямолинейными (рис. 1, *5*).

Для того чтобы крепости, построенные в предыдущий период, т. е. в XIV — первой половине XV в., могли быть приспособлены к условиям новой тактики, их большей частью приходилось весьма существенно переделывать [9].

Наиболее законченное выражение новые принципы обороны нашли в крепостях, имеющих в плане форму прямоугольника, треугольника или трапеции с башнями на углах. Появившись впервые на Руси во второй половине XV в., такие крепости затем получают довольно широкое распространение в течение всего XVI в., хотя и не вытесняют полностью крепостей, имеющих в плане неправильную форму [10]. Равномерное расположение башен, а также прямоугольность отрезков стен между этими башнями позволяли в таких крепостях обеспечить фланкирующий огонь на любом участке периметра обороны, где только противник ни попытался бы предпринять штурм (рис. 1, *6*).

Непосредственной причиной, вызвавшей изменение схемы организации обороны крепостей во второй половине XV в., было широкое распространение огнестрельной артиллерии и связанное с этим развитие приемов штурма, поддерживаемого артиллерийским огнем. Однако само по себе

[8] А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. СА, 1957, № 3, стр. 73.

[9] П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. МИА, № 31, 1952, стр. 193.

[10] В. В. Косточкин. Ивангород и его место в развитии русского крепостного зодчества XV—XVII веков. Автореферат канд. диссертации. М., 1953, стр. 16.

развитие артиллерии еще не могло привести к изменениям в фортификации — для этого нужны были соответствующие условия. Только сложение централизованного государства, приведшее к значительной концентрации в руках правительства экономических средств, позволило развернуть в достаточных масштабах артиллерийское производство и широко внедрить огнестрельную артиллерию в армию. Это, в свою очередь, обеспечило возможность создания новых тактических приемов осады и обороны крепостей. Таким образом, и в данном случае причиной перелома, имевшего место в русском военном зодчестве, было не только развитие военной техники, но и социальные изменения — окончательное сложение русского централизованного государства.

* * *

В общем процессе развития военного зодчества можно увидеть взаимодействие изменяющихся форм оборонительных сооружений с тактикой осады и обороны этих сооружений или, иначе говоря, развитие форм военного зодчества в их боевом использовании. Все стороны этого процесса развития тесно взаимосвязаны: как развитие тактических приемов воздействует на формы этих сооружений, так и наоборот — развитие форм этих сооружений в свою очередь воздействует на изменение тактики. При этом можно отметить, что более активной, быстрее и раньше изменяющейся стороной является тактика.

Конечно, не может вызывать никаких сомнений, что в основе развития военного искусства в целом, и военно-инженерной тактики в частности, лежит не гениальное творчество великих полководцев, а прежде всего самостоятельный, внутренний процесс, зависящий, в конечном счете, от развития производительных сил [11]. Но было бы при этом неверно сводить все влияние производительных сил к непосредственному и прямому воздействию на тактику и фортификацию развития военной техники, развития оружия. Случаи, когда развитие оружия оказало прямое воздействие на развитие форм оборонительных сооружений, нередки. Это имело, например, место в период широкого распространения камнеметных машин и, особенно, в период усовершенствования техники огнестрельной артиллерии. Однако такие примеры характерны далеко не для всех этапов процесса развития военного зодчества. Кроме того (и это самое главное), даже и само развитие оружия очень часто оказывается связанным не непосредственно с развитием техники, а с гораздо более сложными явлениями изменений в политико-экономической жизни страны.

Влияние развития производительных сил на эволюцию оборонительных сооружений в большинстве случаев можно поэтому проследить не непосредственно, а лишь через изменение тактических приемов, в свою очередь объясняемых изменениями социальных отношений. Таким образом, развитие производительных сил большей частью сказывается на фортификации лишь очень опосредствованно, как воздействие общих социальных изменений, вызывающих изменения в организации армии и приемов ведения боя.

Следует, однако, отметить, что с развитием военно-инженерного искусства роль военной техники постепенно все более увеличивается. Застойность техники в период средневековья привела к тому, что влияние развития военной техники на изменение тактики осады и обороны на Руси вплоть до XIII в. было сравнительно невелико. Даже широкое применение камнеметных машин в XIV в. означало не столько прямое воздействие роста военной техники, сколько само зависело от изменений социальной обстановки. В переломе, который имел место в русской фортифи-

[11] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1952, стр. 156; Ф. Меринг. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1940, стр. 109.

кации во второй половине XV в. и был связан с развитием огнестрельной артиллерии, прямая роль развития военной техники уже значительно больше. В дальнейшем роль военной техники продолжает увеличиваться и становится все более активной.

* * *

Разделение истории древнерусского военного зодчества на отдельные этапы, связанные с коренными изменениями основной схемы организации их обороны, является основой периодизации этой истории. И хотя данная периодизация устанавливается исключительно на основании изучения самих памятников, она в то же время (как это видно из вышеизложенного) связана с явлениями социально-экономического порядка и в какой-то степени должна соответствовать общеисторической периодизации, хотя и не обязательно совпадать с ней хронологически.

Как легко можно заметить, периоды, выделенные нами в истории древнерусского военного зодчества, большей частью несколько запаздывают по сравнению с общеисторическими периодами. Характерно, что это тесно связано с запаздыванием военно-тактических изменений по отношению к изменениям социально-экономическим. Изменения же в организации схемы обороны крепостей и в тактике их осады и обороны происходили, видимо, почти одновременно.

Периодизация истории древнерусской фортификации в ее связи с более общими социальными изменениями представляет собой следующую картину. Можно полагать, что памятники русского военного зодчества, относящегося ко времени до конца X в., соответствуют периоду разложения доклассового общества и становления классовых отношений. Перелом в развитии военного зодчества, связанный со сложением государства, произошел в конце X в., т. е. тогда, когда государство на Руси уже окончательно оформилось.

Памятники следующего этапа — с конца X до середины XIII в. — являются памятниками военного зодчества, соответствующими периоду раннефеодального государства. Они надолго переживают существование относительно единого раннефеодального государства. Развитие феодальной раздробленности не сказалось вначале сколько-нибудь существенно на развитии военного зодчества. Тип крупных в плане крепостей, распространение которых действительно связано с процессом феодализации страны, явился продолжением развития тактической схемы организации обороны предшествующего периода и не был поэтому существенным этапом в развитии русской фортификации.

Новый период в истории русского военного зодчества, соответствующий периоду феодальной раздробленности, начинается лишь со второй половины XIII в., т. е. спустя примерно сто лет после того, как на Руси сложился ряд самостоятельных княжеств.

Наконец, отражение эпохи русского централизованного государства можно видеть в памятниках военного зодчества, начиная со второй половины или даже с конца XV в., т. е. с того времени, когда это централизованное государство окончательно сложилось и упрочилось.

Таким образом, поскольку переломы в развитии военного зодчества, хотя почти всегда очень опосредствованно, все же определяются более общими социальными изменениями, в определенных периодах истории развития древнерусской фортификации можно, в конечном счете, видеть отражение этих более общих периодов истории Руси.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПИСА́ЛА X—XV вв.

1

Археологические исследования древнерусских городов и поселений, широко развернувшиеся в послевоенный период, позволили сделать целый ряд выдающихся открытий по истории культуры древней Руси и, в частности, по истории письменности. Находки грамот на бересте в древнем Новгороде [1], а затем в Смоленске [2], Пскове [3] и Витебске [4], сотни предметов с надписями, найденные во многих древнерусских городах, сотни вновь открытых надписей XI—XII вв. на стенах древних церквей — все эти открытия свидетельствуют о широком распространении письменности и грамотности среди городского населения древней Руси, а не только среди знати и духовенства, как считалось раньше.

Благодаря раскопкам стали известны не только грамоты и надписи, но и многочисленные орудия, с помощью которых были написаны (процарапаны) все упомянутые памятники древнерусской письменности.

Только в Новгороде за последние годы было найдено более 50 подобных железных, бронзовых и костяных инструментов для писания на бересте и на специальных навощенных дощечках (см. табл. 1). Четыре такие дощечки также найдены при раскопках. Инструменты для писания на навощенных дощечках имеют вид заостренного стержня с лопаточкой на противоположном конце (рис. 1, *1—10*).

В античный период в Греции и Риме подобные орудия письма имели широкое распространение и назывались стилями (stilos — греч. и stilus — лат.). На Руси они назывались писа́лами (ед. ч. — писа́ло).

Кроме Новгорода, подобные инструменты для писания (66 экз.) были найдены более чем в 30 древнерусских городах и городских поселениях (табл. 2). Единственное исключение представляют находки двух писа́л на Пировом селище Владимирской области, но, по заявлению автора раскопок В. В. Седова, и это поселение, по-видимому, было не селищем, а городским посадом.

До последнего времени древнерусские стили — писа́ла в музейных описях и публикациях именовались «булавками», «обломками брасле-

---

[1] За 1951—1959 гг. при раскопках в Новгороде было найдено 375 грамот на бересте и одна на свинцовой пластинке. Кроме того, при земляных работах в Новгороде было найдено еще три грамоты. См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года), М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 и 1954 гг.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 227—242; его же. Новые Новгородские грамоты. СА, 1960, № 1, стр. 230—244.

[2] Д. А. Авдусин. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 49—51, рис. 12.

[3] Раскопки Г. П. Гроздилова 1958 г. Доклад 8 апреля 1959 г. на пленуме ИИМК, посвященном археологическим исследованиям за 1958 г.

[4] Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, № 1, стр. 282—283.

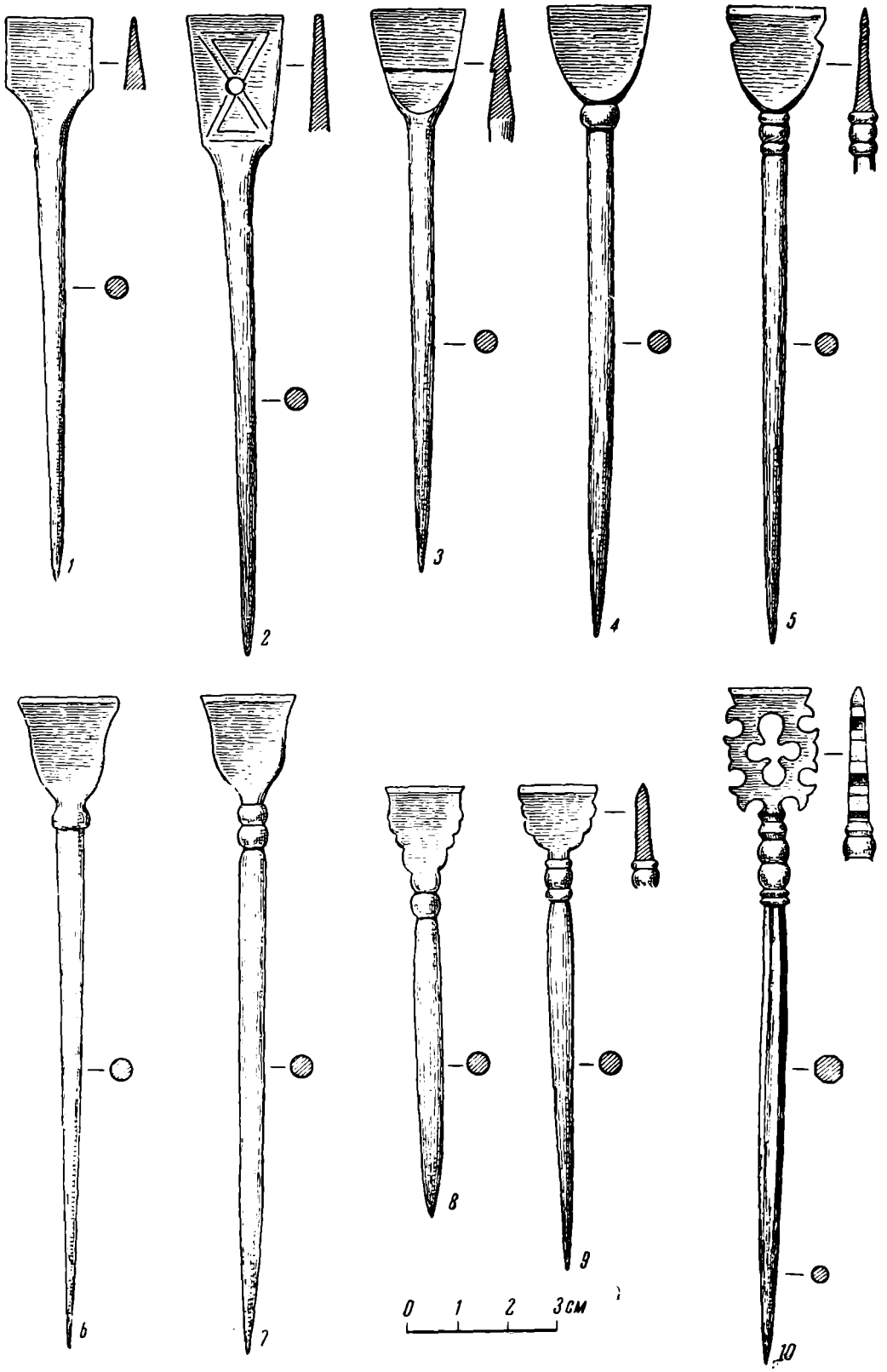


Рис. 1. Новгородские писáла X—начала XII вв.

1, 2 — костяные, середины X в. и первой половины XI в.; *3* — железное, середины XI в.; *4, 5, 6* — железные, рубежа XI—XII вв.; *7* — железное, второй половины XI в.; *8* — бронзовое, второй половины XI в.; *9, 10* — бронзовые, рубежа XI—XII вв.

Таблица 1

Перечень находок древнерусских писáл из раскопок в Неревском конце Новгорода

№ п. п.	Тип	Материал и особенности	Общая длина (в *см*)	Ширина лопаточки (в *см*)	Место находки		Дата	Рисунок в тексте
					Пласт — квадр.	Ярус		
1	1	Кость	11,7	1,8	32—69	28	Сер. X в.	1,*1*
2	1	Кость	12	1,4	29—1028	27	Втор. пол. X в.	1,*2* *
3	1	Кость	11,5	2	28—1011	25	Перв. пол. XI в.	1,*2* *
4	1	Кость	13,8	1,9	24—905	24/25	Перв. пол. XI в.	1,*2*
5	1	Кость	13,5	2	24—916	24	Перв. пол. XI в.	1,*2* *
6	2	Железо	11,5	1,8	29—1357	22/23	Сер. XI в.	1,*3*
7	2	Железо	13	2	22—1562	20	Конец XI — нач. XII в.	1,*4*
8	2	Железо	13,3	1,8	21—911	19/20	Конец XI — перв. пол. XII в.	1,*5*
9	3	Железо	13,7	1,8	24—375	22	Втор. пол. XI в.	1,*7*
10	3	Железо	13,5	2	24—15	20	Конец XI — нач. XII в.	1,*6*
11	3	Железо	10,7	1,9	16—1763	13	Перв. пол. XIII в.	1,*7* *
12	4	Бронза	9	1,5	24—1022	22	Втор. пол. XI в.	1,*8*
13	4	Бронза	10	1,5	22—1040	20	Конец XI — нач. XII в.	1,*9*
14	4	Железо	12,8	2,2	21—1573	18/19	Перв. пол. XII в.	2,*1*
15	5	Бронза; лопаточка фигурная с крестообразной прорезью	14,2	1,7	27—733	20	Конец XI — нач. XII в.	1,*10*
16	6	Железо; лопаточка в виде остроребероного бокальчика	13,1	2,1	20—1291	16	Втор. пол. XII в.	3,*1*
17	7	Бронза; лопаточка в виде изящного бокальчика с оттянутыми краями	12,2	2	24—1124	18/19	Перв. пол. XII в.	3,*2* *
18	7	Железо с покрытием из золотистой бронзы	12,8	2,1	19—1523	15	Конец XII — нач. XIII в.	3,*2*
19	7	Железо	10,7	2	18—1490	14	Перв. пол. XIII в.	3,*3* *
20	7	Железо	9	1,5	22—1326	14	Перв. пол. XIII в.	3,*3* *
21	7	Железо	11	2	15—1513	12	Сер. XIII в.	3,*3*
22	8	Железо; лопаточка с шейкой имеет вид буквы „Т" или сечки	11,7	2	22—1206	16/17	Втор. пол. XII в.	3,*4*
23	8	Железо	12,2	1,9	21—1229	16	Втор. пол. XII в.	3,*5*
24	8	Железо	9,4	2,3	17—940	16	Втор. пол. XII в.	3,*6*
25	8	Железо	11,3	1,9	22—1334	15/16	Втор. пол. XII — нач. XIII в.	3,*4* *
26	8	Железо	11,8	2	19—301	15	Конец XII — нач. XIII в.	3,*4* *
27	8	Железо	11	1,7	13—539	14/15	Конец XII — перв. пол. XIII в.	3,*4* *
28	8	Железо	10,2	2,3	18—296	13/14	Перв. пол. XIII в.	3,*4* *
29	8	Железо	11,6	1,8	10—1729	12/13	Сер. XIII в.	3,*4* *
30	9	Железо; лопаточка пятиугольная	12	1,7	18—1290	13/14	Перв. пол. XIII в.	3,*7*
31	10	Железо с серебристым покрытием	11,8	1,5	22—747	14	Перв. пол. XIII в.	3,*8*
32	10	Железо с серебристым покрытием, в кожаном чехле	10,8	1,7	15—1601	12	Сер. XIII в.	2,*2* и 3,*9*, *10*
33	10	Железо	8,8	1,5	14—293	10	Конец XIII — нач. XIV в.	3,*8* *
34	10	Железо с серебристым покрытием	12	1,7	11—982	9/10	Конец XIII — перв. пол. XIV в.	3,*8* *
35	10	Железо	9	1,2	11—930	9	Перв. пол. XIV в.	3,*8* *
36	10	Железо	10,8	1,5	12—1125	8	Сер. XIV. в.	3,*8* *
37	11	Железо с серебристым покрытием	11	1,2	21—3	15/16	Втор. пол. XII — нач. XIII в.	3,*11* *
38	11	Железо	9	1,6	21—784	14	Перв. пол. XIII в.	3,*11* *
39	11	Железо с серебристым покритием	12	1,5	19—1135А	12/13	Сер. XIII в.	3,*11* *
40	11	Железо	11	1,5	21—744	12/13	Сер. XIII в.	3,*11* *

Таблица 1 (продолжение)

№ п. п.	Тип	Материал и особенности	Общая длина (в *см*)	Ширина лопаточки (в *см*)	Место находки: Пласт—квадр.	Место находки: ярус	Дата	Рисунок в тексте
41	11	Железо с серебристым покрытием	13	1,5	13—1048	12	Сер. XIII в.	3,*11*
42	12	Железо; лопаточка без дырок, стержень не перекручен	8,8	1,9	16—1601	13	Перв. пол. XIII в.	4,*1* *
43	12	Железо с серебристым покрытием	9,3	1,9	17—1442	11/12	Втор. пол. XIII в.	4,*1*
44	12	Железо; лопаточка без дырок, стержень не перекручен	9	1,6	10—564	10/11	Втор. пол. XIII — нач. XIV в.	4,*1* *
45	13	Железо	12,3	(1,4)	21—1190	16	Втор. пол. XII в.	4,*4* *
46	13	Железо	9	1,3	11—1742	13/14	Перв. пол. XIII в.	4,*4*
47	13	Железо	9,7	1,8	16—1378	9	Перв. пол. XIV в.	4,*4* *
48	14	Белый сплав, в кожаном чехле	9,5	1,5	10—349	6	Конец XIV—нач. XV в.	4,*2,3*
49	15	Железо, без лопаточки, в кожаном чехле	15,7	—	9—1224	5/6	Конец XIV — перв. пол. XV в.	4,*6*
50	15	Железо	13,5	—	3—1649	1	XV в.	4,*6* *

Примечание. Знак* обозначает, что писáло сходно с изображенным на указанном рисунке.

Таблица 2

Перечень находок древнерусских писáл из раскопок в поселениях древней Руси

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в см)	Ширина лопаточки (см)	Рисунок в тексте
1	Минск. Раскопки В. Р. Тарасенко 1948 г. В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 234—235, рис. 33. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 2804/58	XI—XII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Бронза	10	1,5	*1,8,9**
2	Минск. Раскопки В. Р. Тарасенко 1949 г. В. Р. Тарасенко. Ук. соч. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 2505/142	XI—XII вв.	Сер. XI — перв. пол. XII в.	2	Бронза	11	1,8	*1,4**
3	Минск. Раскопки В. Р. Тарасенко 1947 г. Получены свед. от Г. Ф. Корзухиной	XI—XII вв.	Сер XI — перв. пол. XII в.	2	—	—	1,6	*1,4**
4	Минск. Раскопки Э. М. Загорульского 1958 г. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 2839/11915	XI в.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	12,2	2,2	*5,2**
5	Минск. Раскопки Э. М. Загорульского 1958 г. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 2839/12118	XI в.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	9,5	2	*3,3**
6	Минск. Раскопки Э. М. Загорульского 1958 г. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 2839/10691	XI в.	Втор. пол. XII — сер. XIII в.	8	Железо	11	3,2	*3,4**
7	Волковыск. Замчище. Раскопки В. Р. Тарасенко 1955 г. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 9023		XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	11,3	2	*3,2**

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в см)	Ширина лопаточки (в см)	Рисунок в тексте
8	Волковыск. Замчище. Раскопки В. Р. Тарасенко 1956 г. Хран. в ИИ АН БССР, инв. № 5388	XII в.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Железо	12	2,2	5,6 *
9	Волковыск. Замчище. Раскопки В. Р. Тарасенко 1956 г. Хран. в ИИ АН БССР, инв, № 3810	Верхний слой	Втор.пол XII — перв. пол. XIV в.	13	Железо	8,3	1,6	4,4 *
10	Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич 1957 г. Хран. в ЛОИА. См. Архив ИА АН СССР, № 1478, стр. 20, 33, рис. 71, *1*	XI—XII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Железо с полудой	10,5	2	5,6
11	Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич 1958 г. Хран. в ЛОИА	XI—XII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Бронза	10,8	1,7	5,4
12	Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич 1958 г. Хран. в ЛОИА	XI—XII вв.	Сер. XI — перв. пол. XII в.	2	Железо	11,8	1,7	1,4 *
13	Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич 1958 г. Хран. в ЛОИА	XI—XII вв.	Сер. XI — перв. пол. XII в.	2	Железо	9,3	2,1	1,4 *
14	Городище у д. Городище близ Великих Лук. Раскопки Я. В. Станкевич 1957 г. Найдено в жилище конца XI—XII вв. Шифр 3—Д—57/ Гор. 4591. Хран. в ЛОИА. Архив ИА АН СССР, № 1661, рис. 32	XI—XII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	8,3	1,7	3,3 *
15	Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева 1958 г., № 158. Хран. в лаборатории ИА АН СССР	XII в.	Сер. XI — перв. пол. XII в.	2	Железо	10,7	1,9	5,5
16	Браслав. Раскопки Л. В. Алексеева 1956 г. Хран. в лаборатории ИА АН СССР	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	11,7	1,9	3,3 *
17	Браслав. Раскопки Л. В. Алексеева 1955 г. Хран. в лаборатории ИА АН СССР	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	11	1,7	3,2 *
18	Киев. Раскопки М. К. Каргера 1948 г. Найден в мастерской литейщика второй половины XII — первой половины XIII в. См. М. К. Каргер. Древний Киев. М. — Л., 1958, стр. 344—346 и 387, табл. 58, рис. верхний справа	XII — перв. пол. XIII в.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	11,5	1,7	5,2 *
19	Киев. Раскопки В. А. Богусевича 1956 г. Хран. в Институте археологии АН УССР	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	13	2,4	5,10
20	Киев (ус. Петровского). Раскопки Института археологии АН УССР 1936 г. Хран. в Киевском историч. музее. (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо с инкруст.	11,5	1,8	3,3 *

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в см)	Ширина лопаточки (в см)	Рисунок в тексте
21	Киев (ус. Петровского). Хран. в Киевском истории. музее, инв. №№ 56864, С. 30128 и 28618. (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	—	1,8	5,*2* *
22	Киев (ус. Петровского). Хран. в Киевском истории. музее, инв. №№ 56874 и С. 30110. (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	Перв. пол. XIII в.	9	Железо	ок. 11	1,5	3,*7* *
23	Киев. Хран. в Киевском истории. музее, инв. № 56967 (?). (Свед. получены от М. К. Каргера)	X—XIII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Железо с инкруст.	12,8	1,9	1,*9**
24	б. Киевская губ.. Хран. в Киевском истории. музее, инв. № в — 460. (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Бронза	10	1,6	1,*8* *
25	б. Киевская губ.. Хран. в Киевском истории. музее. (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	Втор. пол. XII в.	6	Бронза	12	1,8	3,*1* *
26	б. Киевская губ.. Хран. в Киевском истории. музее, № 31778 (?). (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	12	1,8	3,*3* *
27	б. Киевская губ.. См. Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, стр. 32, табл. XII, № 251	X—XIII вв.	Втор. пол. XII в.	6	Бронза с орнам.	9,7	1,7	3,*1* *
28	б. Киевская (губ.) Чигиринский или Черкасский уезд. См. Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 15, табл. XLVII (47); рис. 362	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	11,7	2,6	3,*3* *
29	Вышгород (Киевский). См. В. И. Довженок. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. Археологія, т. III, Киев, 1950, стр. 86—87, табл. VII, рис. 20	X—XIII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Железо с инкрустацией	13,7	2	1,*9* и 2,*1* *
30	Витичев. Раскопки В. В. Хвойко 1897—1899 гг. Хран. в Киевском истории. музее, инв. №№ 9906 (или 9066) и 56960 (?). Фотоархив ИА АН СССР, нег. III—7739	До XIII в.	XII — перв. пол. XIII в.	5 А	Бронза	12	2	5,*7*
31	Княжая Гора. Хран. в Киевском истории. музее, инв. №№ 65774 и 13910. (Свед. получены от Г. Ф. Корзухиной)	X—XIII вв.	Втор .пол. XII в.	6	Железо	12	2,2	5.*8* *

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в *см*)	Ширина лопаточки (в *см*)	Рисунок в тексте
32	Княжая Гора. Раскопки Беляшевского. Хран. в Черниговском историч. музее, инв. № 5 А—115/5. (Свед. получены от И. И. Едомахи)	X—XIII вв.	Втор. пол. XII — сер. XIII в.	11	Бронза	9,4	1,5	3, *11**
33	Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич 1959 г. Хран. в ЛОИА № 896 (Свед. получены от И. К. Голуновой)	XI—XII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Железо	13	1,9	*1,8**
34	Новогрудок. Раскопки Ф. Д. Гуревич 1959 г. Хран. в ЛОИА Шифр Сл — 59/Нв — 1082 (Свед. получены от И. К. Голуновой)	XI—XII вв.	XII — перв. пол, XIII в.	7	Железо	13	1,9	*3,2*
35	Грубск. См. В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР № 11, СПб., 1893, стр. 43, рис. 23. Найден в насыпи кургана № 55 близ валов Грубска	До XIII в.	XII— перв. пол. XIII в.	7	Бронза	11	2,2	*5,2**
36	Изяславль. Раскопки М. К. Каргера 1958 г. Полевой № 774. Хран. в ЛОИА	XII— перв. пол. XIII в.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	12	2,1	*3,3**
37	Галич (Волынский). Раскопки М. К. Каргера 1955 г. Хран. в ЛОИА	XII в.	Втор. пол. XII в.	6	Железо	11,5	2,3	*5,8*
38	Галич (Волынский). Раскопки М. К. Каргера 1955 г. Хран. в ЛОИА	XI—XII в.	Сер. XI — перв. пол. XII в.	2	Железо	?	1,7	*1,3**
39	Галич (Волынский). См. Яр. Пастернак. Старий Галич. Краків, 1944, Львів, стр. 183 и 186, рис. 73, 2	XII—XIII вв.	XII—перв. пол. XIII в.	7	Железо	11	1,6	—
40	Галич (Волынский). См. Яр. Пастернак. Ук. соч., стр. 180, рис. 70, 14	XII—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	ок. 11	ок. 1,5	—
41	Галич (Волынский). См. Яр. Пастернак. Ук. соч., стр. 180	XII—XIII вв.	XII—перв. пол. XIII в.	7	Бронза	—	—	—
42	Городница. См. Яр. Пастернак. Ук. соч., стр. 180	До XIII в.	—	—	Бронза	—	—	—
43	Коломыя. См. Яр. Пастернак. Ук. соч., стр. 180	До XIII в.	—	—	Бронза	—	—	—
44	Чернигов. Раскопки Б. А. Рыбакова 1956 г. Хран. в Черниговском историч. музее, инв. № А 29—549/187	XII—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	12	2,3	*3,3**

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в *см*)	Ширина лопаточки (в *см*)	Рисунок в тексте
45	Чернигов. Раскопки И. И. Едомахи 1958 г. Хран. в Черниговском историч. музее, инв. № 209. Найден в жилище XII—первой половины XIII в.	XII — перв. пол. XIII в.	Втор. пол. XII — перв. пол. XIV в.	13	Железо	9,8	1,5	*4,4* *
46	Вщиж. Раскопки Б. А. Рыбакова 1949 г. Опись № 249/13141. Хран. в ГИМ	XI — перв. пол. XIII в.	Втор. пол. XI — перв. пол. XIII в.	3	Железо	10,3	1,9	*5,3*
47	Звенигород (Львовской обл.). Хран. в Львовском историч. музее, инв. № 612. См. Б. А. Тимощук. Об инструментах для письма (стилях). КСИИМК, вып. 62, М., 1956, стр. 155. (Рисунок получен от Г. М. Власовой)	До XIII в.	XII—перв. пол. XIII в.	5А	Бронза	12	2	*5,7* *
48	Ленковецкое городище близ Черновиц. Раскопки Б. А. Тимощука 1953 г. См. Б. А. Тимощук. Ук. соч., стр. 155, рис. 57	XII—XIII вв.	Втор. пол. XII — перв. пол. XIII в.	6/9	Бронза	11,5	1,7	—
49	Ленковецкое г-ще. Раскопки Б. А. Тимощука 1953 г. См. Б. А. Тимощук. Ук. соч., стр. 155	XII—XIII вв.	Втор. пол. XII — перв. пол. XIV в.	13	Железо	—	—	—
50	Ленковецкое г-ще. Раскопки Б. А. Тимощука 1955 г. См. Б. А. Тимощук. Ук. соч., стр. 155, примеч. 4	XII—XIII вв.	Втор. пол. XII — перв. пол. XIII в.	6/9	Железо	9,3	2,3	*3,1* *
51	Ленковецкое г-ще. Раскопки Б. А. Тимощука 1955 г. См. Б. А. Тимощук. Ук. соч., стр. 155, примеч. 4	XII—XIII вв.	XIII в.	12	Железо	11	2	*4,1* *
52	Старая Ладога. Раскопки В. И. Равдоникаса 1939 г. Хран. в Гос. Эрмитаже. кол. 16/363	Слой XII—XV вв.	Втор. пол. XII — сер. XIII в.	11	Железо	10,8	1,2	*3,11* *
53	Псков. Раскопки Г. П. Гроздилова 1958 г. См. отчет за 1958 г. в архиве ИА АН СССР, табл. 28, рис. 2. Хран. в Гос. Эрмитаже. Ленинград	XIII в.	Втор. пол. XII — сер. XIII в.	8	Железо	9,5	2,5	*3,4* *
54	Старая Рязань. Раскопки В. А. Городцова 1926 г. Хран. в Рязанском краеведч. музее, инв. № 325/2341 (?)	X—XIII вв.	Сер. XI—перв. пол. XII в.	2	Железо	13,3	2,1	*1,3,4**
55	Старая Рязань. Раскопки А. Л. Монгайта 1949 г. Хран. в Рязанском краеведч. музее, инв. № 612/389. См. А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, вып. 38, М., 1951, стр. 17, рис. 8, 9; его же. Ста-	X—XIII вв.	XII—перв. пол. XIII в.	7	Железо	12,8	1,7	*5,9*

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в *см*)	Ширина лопаточки (в *см*)	Рисунок в тексте
	рая Рязань. МИА, № 49, М., 1955, стр. 180—181, рис. 140 справа							
56	Вышгород (Рязанский). Хран. в Рязанском краеведч. музее, инв. № 24/1530	X—XIII вв.	Конец XI — нач. XII в.	5	Бронза	11,3	1,9	5,*1* и 1,*10* *
57	Вышгород (Рязанский). Хран. в Рязанском краеведч. музее, инв. № 24/1529	X—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Бронза	11,5	1,8	5,*2*
58	Ковшаровское городище Смол. обл. См. А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. известия Смоленского гос. университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926, стр. 231, 245, табл. X, *35*. Хран. в Смоленск. краеведч. музее, инв. № 12057/36	XI—XIII вв.	Втор. пол. XI — перв. пол. XII в.	4	Железо	19,1	2,1	1,*8**
59	Ковшаровское городище Смол. обл. Раскопки А. Н. Лявданского 1925 г. См. А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 231, 245, табл. X, 37	XI—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	12,7	1,7	3,*2* *
60	Пирово городище, Вязниковского р-на, Владимирской обл. Раскопки В. В. Седова 1956 г. Хран. во Владимирском краеведч. музее	XI—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	13,5	2,2	3,*3* *
61	Пирово городище, Раскопки В. В. Седова 1957 г. Хран. во Владимирском краеведч. музее, инв. № 210	XI—XIII вв.	XII — перв. пол. XIII в.	7	Железо	10	1,3	3,*3* *
62	Пирово (селище-посад). Раскопки В. В. Седова 1958 г. Хран. во Владимирском краеведч. музее, инв. № 519	XI—XIII вв.	Втор. пол. XII — сер. XIII в.	11	Железо	10	1,3	5,*11*
63	Пирово (селище-посад). Раскопки В. В. Седова 1957 г. Хран. во Владимирском краеведч. музее	XI—XIII вв.	XIII в.	12	Железо	8	1,4	4,*1* *
64	Смоленск. Раскопки Д. А. Авдусина 1957 г. (пласт 17, кв. 54). Архив ИА АН СССР, № 1623, стр. 86, табл. 42, рис. левый сверху. Хран. в Смоленском краеведч. музее, инв. № 13259/48	XIII в.	Втор. пол. XII— сер. XIII в.	11	Железо с полудой	13,5	1,7	5,*12*

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Место находки; автор; публикация или место хранения	Дата поселения или слоя	Дата писáла (по аналогии с новгородскими)	Тип писáла (по аналогии с новгородскими)	Материал	Общая длина (в *см*)	Ширина лопаточки (в *см*)	Рисунок в тексте
65	Спасский городец Калужской области. См. Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 25, табл. XXI, рис. 12	XII—XIV вв.	Втор. пол. XII—перв. пол. XIV вв.	13	Железо	10	1,4	*4,4* *
66	Никульчино близ Кирова. Раскопки Л. П. Гуссаковского 1958 г. Хран. в ИА АН СССР	XIV—XV вв.	XIV—XV вв.	15	Железо	13	—	*4,6* *

Примечание. Знак * обозначает, что писáло сходно с изображенным на указанном рисунке.

тов» (В. Б. Антонович), «ложечками для причастия» (Б. Н. и В. И. Хаценко и Я. Пастернак), «инструментами для обработки кожи» (В. Р. Тарасенко) и т. п. Между тем полная аналогия их с древнеримскими стилями, как и полная аналогия новгородских дощечек с навощенными дощечками Рима, на которых писали стилями, не оставляет никакого сомнения в их назначении[5]. Острием стержня писали по навощенной дощечке, а лопаточкой разглаживали слой воска и затирали написанное. В древней Руси, судя по характеру надписей, стили-писáла широко использовались и для писания на бересте, камне и штукатурке. Это своеобразный древнерусский карандаш, который необходимо было время от времени затачивать.

Подобные стили, помимо древней Руси, где они получили очень широкое распространение уже в XI в., известны и по находкам в Польше (в Познани и Гнезно). Ян Жак, опубликовавший эти стили в 1954 г., правильно определил их назначение по аналогии с древнеримскими[6]. Из советских исследователей только Б. А. Тимощук в 1956 г. истолковал назначение подобных стержней как инструментов для писания на навощенных дощечках[7].

Тот факт, что они являются орудиями писания, доказывают также случаи нахождения их в кожаных чехлах. В Новгороде, в этой неисчерпаемой кладовой материальной культуры древней Руси, из 50 стилей четыре были найдены в специально для них сделанных кожаных чехольчиках: из них три стиля металлических (рис. 2, *2;* рис. 3, *9, 10* и рис. 4, *2, 3, 6;* табл. 1, №№ 32, 48 и 49) и один костяной (типа, изображенного на рис. 4, *5*)[8]. Их носили писцы и грамотные горожане на узких ремешках подвешенными к поясу. Эти находки подтверждают высказанное

---

[5] Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. 4, ч. 2, Paris, 1908, стр. 1510, рис. 6635; т. 5, Paris, 1912, стр. 12, рис. 6730.

[6] Jan Żak. Wczesnośredniowieczne rylce do pisania na tablicach woskowych. Dawna Kultura, вып. 1, 1954, стр. 15—16; его же. Z dziejow znajomości pisma w Polsce. Slavia Antiqua, т. V. Poznań, 1956, стр. 377—387.

[7] Б. А. Тимощук. Об инструментах для письма («стилях»). КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 155—156.

[8] Найден в 1958 г. в слое 11-го яруса (XIII в.), пласт 15, квадрат 1539. Подобных инструментов в Новгороде найдено несколько, но без футляров. Они относятся к XII—XIV вв. (например, 18—20—971 и 9—14—71). Длина их— от 11 до 15 *см*, в сечении круглые и граненые.

М. Н. Тихомировым предложение, что многочисленные граффити новгородских церквей XI—XII вв. были сделаны писцами или горожанами, постоянно носившими эти орудия писания при себе [9].

Новые материалы имеют важное значение для истории древнерусской письменности. Они позволяют выяснить некоторые вопросы культурного развития древней Руси, и в частности, вопрос о письменных принадлежностях, употреблявшихся при обучении грамоте. Древнерусские писáла представляют большой интерес для археологов еще и потому, что форма их лопаточки была устойчивой и характерной для определенного исторического периода и имеет датирующие признаки.

Рис. 2. Новгородские писáла XII—XIII вв.

1 — железное, первой половины XII в.; *2*—железное с серебристым покрытием (в кожаном чехле), середины XIII в.; *3* — костяное с резной головой дракона, XII—XIV вв.

Из известных в настоящее время 117 стилей абсолютное большинство (82) сделаны из железа, 30 — из бронзы и других сплавов и только 5 из кости. По форме лопаточки их можно разделить на 15 типов, каждый из которых употреблялся в определенное время. Основу нашей классификации составляют писáла из Новгорода, так как новгородская стратиграфия позволяет датировать слои с точностью до четверти века.

Время бытования стилей из других центров древней Руси, где их дата хорошо определяется, полностью совпадает с периодом их употребления в Новгороде. Это лишний раз подтверждает единство культуры древней Руси и значение стратиграфической шкалы Новгорода для определения абсолютных дат разных категорий древнерусских вещей.

Ниже приводится характеристика типов в хронологическом порядке, от более древних к более поздним.

Тип 1. Лопаточка имеет форму четырехугольника (рис. 1, *1*) или слегка расширенной к острию трапеции с отверстием в центре (рис. 1, *2*). Все пять экземпляров костяные, из Новгорода, относятся ко второй половине X в. и к первой половине XI в. (табл. 1, №№ 1—5).

Тип 2 (рис. 1, *3*—*5*; табл. 1, №№ 6—8) [10]. Лопаточка почти полукруглой формы. Всего известно 10 экземпляров: три из Новгорода, остальные из Минска, Новогрудка, Друцка, Старой Рязани и Галича. Новгородские

[9] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года), стр. 14.

[10] Ввиду того, что подробные данные о размерах, материале, месте находки и др. приведены в таблицах 1 и 2, при характеристике типов они даваться не будут.

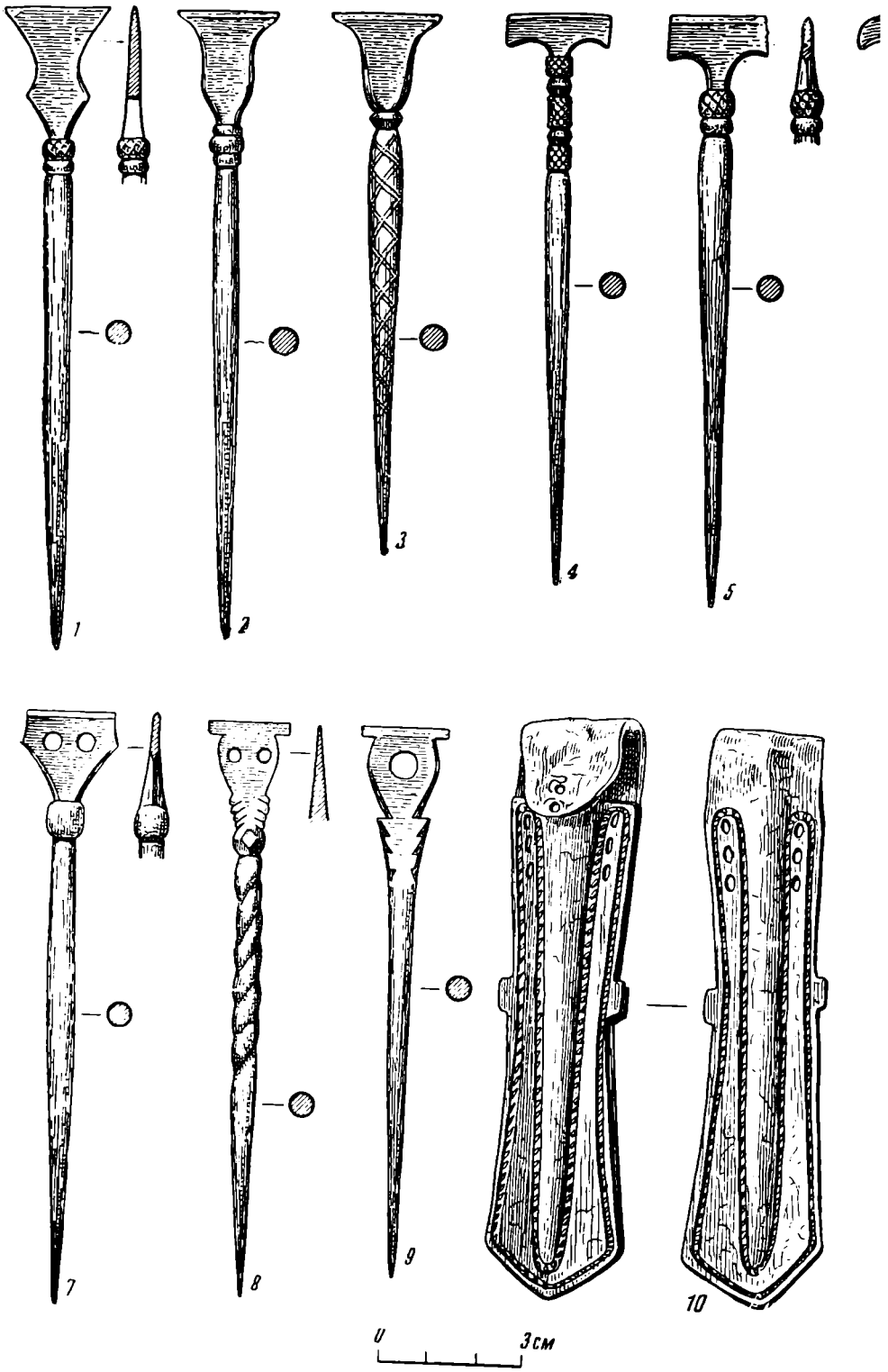


Рис. 3. Новгородские писáла XII—XIII вв.

1 — железное, второй половины XII в.; *2* — железное с покрытием из золотисто рубежа XII—XIII вв.; *3*— железное, середины XIII в.; *4*, *5*, *6*— железные, второй ны XII в.; *7*, *8* — железные с серебристым покрытием, первой половины XIII в.; железное с серебристым покрытием писáло и кожаный чехол от него, середины XIII железное с серебристым покрытием, середины XIII в.

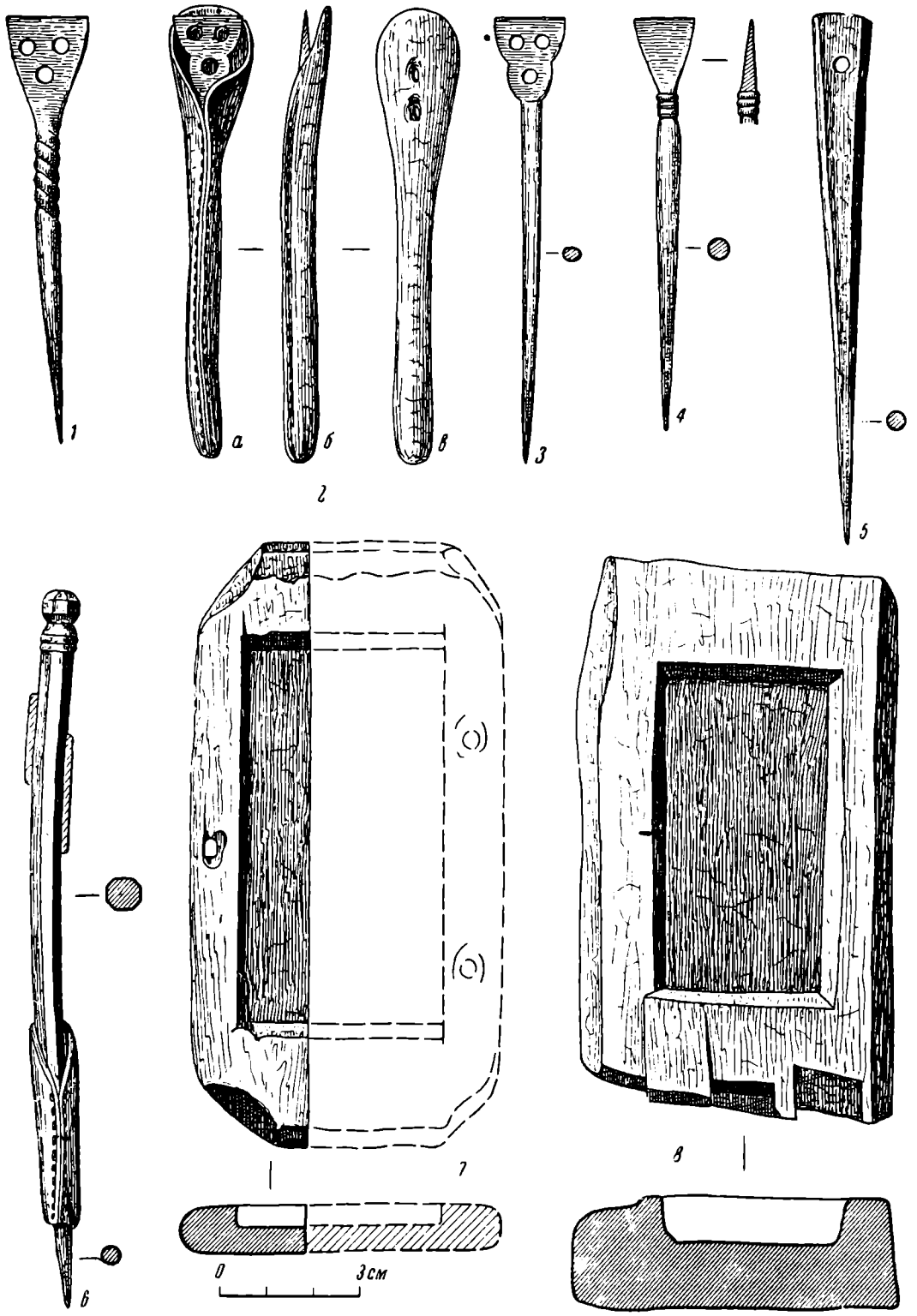


Рис. 4. Новгородские писáла XIII—XV вв. и дощечки для писания по воску.

1 — железное, второй половины XIII в.; *2*, *3* — кожаный чехольчик (*а* — вид спереди, *б* — вид сбоку, *в* — вид сзади) и писáло из белого сплава, хранившееся в нем, рубеж XIV—XV вв.; *4* — железное, первой половины XIV в.; *5* — костяная проколка первой половины XII в. (подобные проколки использовались для писания на навощенных дощечках и бересте); *6* — железное, хранившееся в кожаном чехле, рубежа XIV—XV вв.; *7* — обломок деревянной дощечки (можжевельник) для писания по воску, первая половина XI в.; *8* — сосновая дощечка для писания по воску, рубеж XIV — XV вв., незаконченная обработкой

стили найдены в слоях середины XI — первой половины XII вв. Этим же временем датируются стили из Минска (Э. М. Загорульским), Друцка и Новогрудка (см. табл. 2, №№ 2, 3, 12, 13, 15, 38 и 54). Они железные и бронзовые, как и все последующие типы.

Тип 3 (рис. 1, *6*, *7*; табл. 1, №№ 9—11). Лопаточка имеет форму широкого бокальчика. Известно только четыре писáла этого типа: три из Новгорода и один из Вщижа. Новгородские относятся ко второй половине XI — началу XII в. и один — к первой половине XIII в. Писáло из Вщижа (рис. 5, *3*) датируется слоем городища (XI — первая половина XIII в.). Вероятно, этими рамками и ограничивается период бытования данного типа.

Тип 4 (рис. 1, *8, 9;* рис. 2, *1*; табл. 1, №№ 12—14). Лопаточка имеет форму полукруга или перевернутого треугольника с полукруглыми зубчиками по краям. Всего известно 12 экземпляров писàл этого типа: из Новгорода, Киева, Минска, Вышгорода Киевского, Новогрудка, Волковыска, Ковшаровского городища (табл. 2, №№ 1, 8, 10, 11, 23, 24, 29, 33, 58). В Новгороде они бытовали во второй половине XI и первой половине XII в. В Минске и Новогрудке они датируются также XI—XII вв., в остальных городах — домонгольским периодом.

Тип 5 (рис. 1, *10*; табл. 1, № 15). Лопаточка фигурная, с крестообразной прорезью. Известно четыре писáла этого типа двух вариантов. Все они бронзовые, литые. К первому варианту относятся два писáла: из Новгорода (рубеж XI и XII вв.) и из Вышгорода Рязанского (рис. 5, *1;* табл. 2, № 56). Второй вариант представлен также двумя экземплярами: из Витичева и Звенигорода Львовской области (рис. 5, *7;* табл. 2, №№ 30 и 47). Оба они датируются суммарно домонгольским периодом. Если писáло из Вышгорода Рязанского, тождественное новгородскому, можно отнести к XI—XII вв., то второй вариант, вероятнее всего, датируется XII— первой половиной XIII вв., судя по некоторым элементам сходства с типом 6. Не исключено, что два последних были отлиты в одной литейной форме.

Тип 6 (рис. 3, *1*; табл. 1, № 16). Лопаточка имеет форму остроребер-ного бокальчика. К лезвию лопаточка сильно расширяется, боковые стороны ее резко вогнуты, а короткие плечики прямые или слегка вогнутые. Известно пять писáл этого типа: из Новгорода (вторая половина XII в.), из Галича Волынского (слой XII в.), из Княжей Горы и из б. Киевской губ. (рис. 5, *8*; табл. 2, №№ 25, 27, 31, 37).

Тип 7 (рис 3, *2, 3*; табл. 1, №№ 17—21) Лопаточка имеет форму изящного бокальчика с оттянутыми краями. Известно 29 железных и бронзовых стилей этого типа из 15 древнерусских городов: Новгорода, Киева (рис. 5, *10*), Минска, Волковыска, Браслава, Изяславля, Галича, Чернигова, Старой Рязани (рис. 5, *9*), Вышгорода Рязанского (рис. 5, 2) и других (табл. 2, №№ 4, 5, 7, 14, 16—21, 26, 28, 34, 36, 39—41, 44, 55, 57, 59, 60, 61). Это самый распространенный тип древнерусского писàла XII и первой половины XIII вв.

Период бытования этого типа на Руси определяется по пяти новгородским экземплярам и писáлам из Киева, Изяславля и Галича, найденным в хорошо датированных слоях. В Новгороде писáла данного типа появились в первой половине XII в. и употреблялись до середины XIII в. В Киеве подобный бронзовый стиль был найден при раскопках М. К. Каргера в мастерской ювелира XII — первой половины XIII в. Изяславль, раскопанный М. К. Каргером, датируется тем же временем. В Галиче подобные стили происходят из слоя XII—XIII вв. (Галич так же, как Изяславль, был разрушен монголами в 1241 г.). Безусловно, не может быть случайным удивительно точное совпадение периода бытования сходных типов стилей из Новгорода и других городов во всех случаях, когда датировка слоев или жилищ там не суммарная, а вполне определенная и хорошо обоснованная.

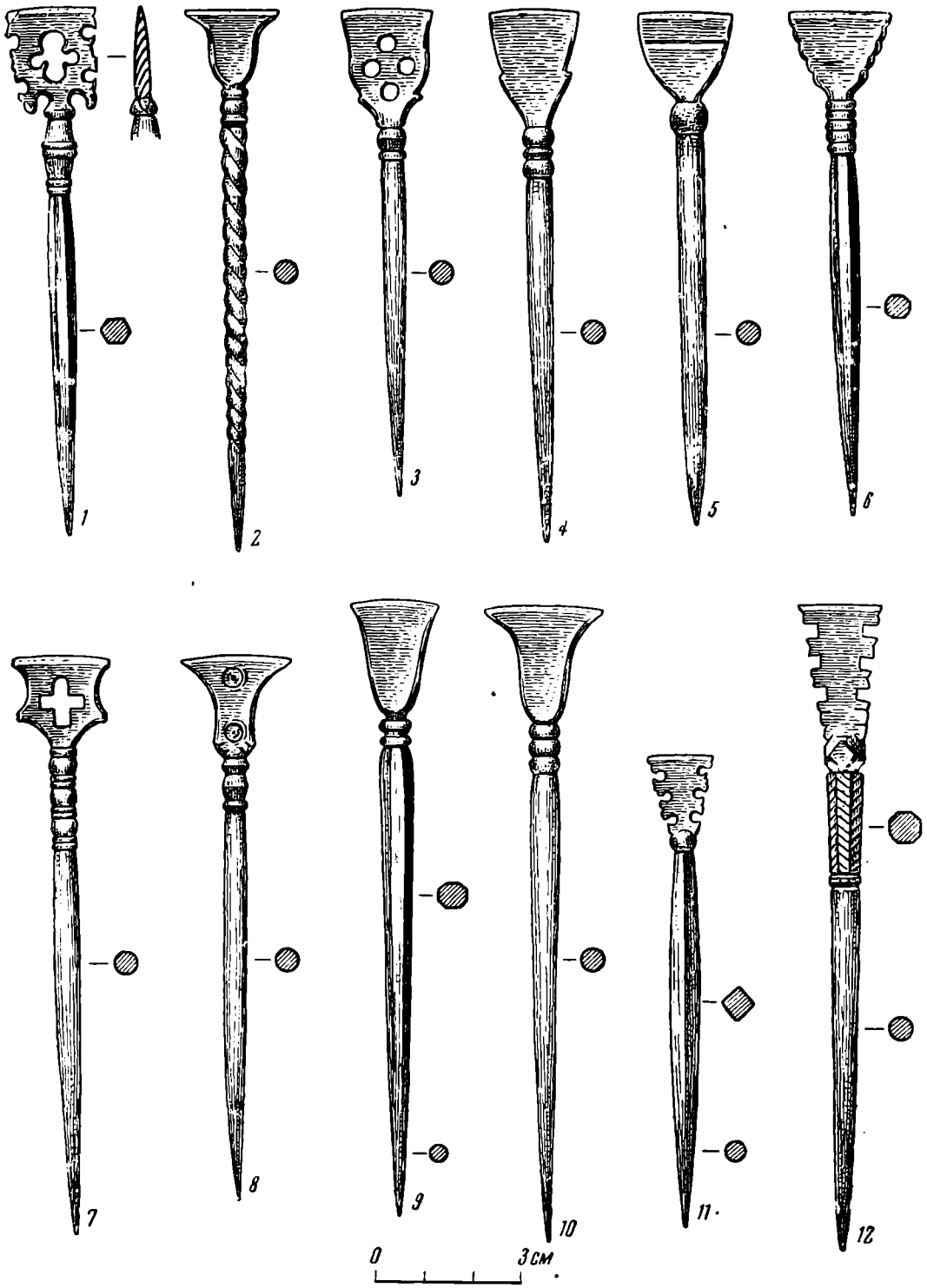


Рис. 5. Древнерусские писáла XI—XIII вв.

1 — бронзовое, из Вышгорода Рязанского, XI—XII вв.; *2* — бронзовое, из Вышгорода Рязанского, XII — первой половины XIII в.; *3* — железное, из Вщижа, XI—XIII вв.; *4* — бронзовое, из Новогрудка, XI—XII вв.; *5* — железное, из Друцка, XII в.; *6* — железное с серебристым покрытием, из Новогрудка, XI—XII вв.; *7* — бронзовое, из Витичева, XII — первой половины XIII в.; *8* — железное, из Галича Волынского, XII в.; *9* — железное, из Старой Рязани, XII —первой половины XIII в.; *10* — железное, из Киева, XII — первой половины XIII в.; *11* — железное, из Пирова селища (городской посад) Владимирской обл., XI—XIII вв.; *12* — железное, из Смоленска, XIII в.

Тип 8 (рис. 3, *4—6;* табл. №№ 22—29). Лопаточка писáла этого типа вместе с шейкой и стержнем имеет форму буквы «Т» или иногда форму сечки. Этот тип был одним из самых распространенных в Новгороде со второй половины XII в. до середины XIII в. В Новгороде найдено восемь экземпляров таких писáл и по одному в Пскове (XIII в.) и Минске (табл. 2, №№ 6 и 53). Все они железные, как и в Познани (Польша), где этот тип также имел распространение [11]. Датировка писáл этого типа из Минска и Познани твердо не установлена. Единственный экземпляр из Минска Э. М. Загорульским относится к XI в., что явно не соответствует дате абсолютного большинства стилей. В Познани Ян Жак датирует их, видимо, слишком поздним временем (XIV и XVI вв.), правда, со знаком вопроса [12].

Тип 9 (рис. 3, *7*; табл. 1, № 30). Лопаточка пятиугольная. Известно всего четыре экземпляра этого типа: один из Новгорода первой половины XIII в., один из Киева и два из Ленковецкого городища (табл. 2, №№ 22, 48 и 50), где они датируются XII и первой половиной XIII в. Это, видимо, и есть период их распространения на Руси.

Тип 10 (рис. 3, *8, 9*; табл. 1, №№ 31—36). Лопаточка в виде овала со срезанным верхом, прямым лезвием с прямоугольными крылышками. В Новгороде найдено шесть экземпляров, которые датируются с первой половины XIII в. до середины XIV в. включительно. Одно писáло этого типа, относящееся к середине XIII в., было найдено в прекрасном кожаном чехольчике с клапанком и отверстиями для узенького ремешка или шнурка для подвешивания к поясу (рис. 2, *2* и 3, *9, 10;* табл. 1, № 32). Само писáло железное, покрытое серебристым металлом (серебром или полудой; анализ не производился). По-видимому, этот тип характерен для Новгорода, так как в других городах он пока не встречен.

Следует отметить, что стержень стилей этого типа, как и типа № 7 и некоторых других, часто бывает перекручен у лопаточки, тогда как рабочая часть острия всегда круглая в сечении. Нередко писáла этого типа имели серебристое покрытие.

Тип 11 (рис. 3, *11;* табл. 1, №№ 37—41). Лопаточка писáл этого типа с зубчатыми фигурными вырезами с двух сторон. Эти зубчики часто имеют вид ласточкина хвоста. Всего известно девять экземпляров: пять из Новгорода и по одному из Смоленска (рис. 5, *12*), с Княжей Горы, из Старой Ладоги и Пирова селища (рис. 5, *11*). Время их распространения в Новгороде определяется второй половиной XII — серединой XIII в. (включительно). В Смоленске стиль найден в слое XIII в., стиль из Княжей Горы датируется домонгольским временем, стиль из Старой Ладоги — датой слоя XII—XV вв. и из Пирова селища — XI—XIII вв. (табл. 2, №№ 32, 52, 62, 64).

Тип 12 (рис. 4, *1*; табл. 1, №№ 42—44). Лопаточка имеет вид треугольника, с прямым лезвием и выпуклыми, плавно переходящими в стержень сторонами. Лопаточка иногда с тремя круглыми отверстиями, стержень бывает перекручен. Всего известно пять стилей этого типа: из Новгорода, Ленковецкого городища и Пирова селища (табл. 2, №№ 51, 63). В Новгороде этот тип появился в первой половине XIII в. и существовал до начала XIV в. включительно. Оба остальные поселения прекратили свое существование во время монгольского нашествия.

Тип 13 (рис. 4, *4*; табл. 1, №№ 45—47). Лопаточка в виде перевернутого треугольника. Всего известно семь писáл этого типа: три из Новгорода, где они бытовали со второй половины XII в. до первой половины XIV в. включительно, и по одному из Волковыска (верхний слой), Чернигова (XII—XIII вв.), Ленковецкого городища (XII—XIII вв.) и Спас-

---

[11] Jan Żak. Wczesnośredniowieczne rycle do pisania na tablicach woskowych, стр. 15—16; его же. Z dziejów znajomości pisma w Polsce. стр. 377 сл., рис. 7 и 9.

[12] Slavia Antiqua, V, стр. 380.

ского городца (XII—XIV вв.). Следовательно, период бытования данного типа на Руси — XII—XIV вв. (табл. 2, №№ 9, 45, 49, 65).

Тип 14 (рис. 4, *2, 3;* табл. 1, № 48). Этот тип представлен единственным экземпляром из Новгорода, датирующимся рубежом XIV и XV вв. Лопаточка его с тремя круглыми отверстиями, расположенными в два яруса; стороны с перехватом. Писáло или покрыто полудой, или сделано из какого-то белого сплава; найдено в кожаном чехольчике с отверстиями для узкого ремешка, на котором оно висело на поясе.

Тип 15 (рис. 4, *6;* табл. 1, №№ 49, 50). Этот тип писáла не имеет лопаточки и был предназначен, по-видимому, для писания на бересте. Известно три писáла этого типа. Все они имеют вид граненого железного заостренного стержня с головкой. Появился этот тип писáла в Новгороде в самом конце XIV в. и просуществовал до XVI в. Кроме Новгорода, один экземпляр найден в Никульчино близ Кирова в слое XIV—XV вв. (табл. 2, № 66). Один новгородский стиль был в кожаном чехле.

Заканчивая обзор типов древнерусских писáл, следует сказать, что они почти всегда украшались. В основании лопаточки стержень имел яблоко или ряд резных валиков, железо покрывалось серебристой полудой или золотистой бронзой, лопаточка иногда инкрустировалась узорами из серебра или украшалась фигурной резьбой, прорезями и т. п.

Употреблялись они, несомненно, для писания как на навощенных дощечках, так и на бересте. Для писания на бересте могли использоваться писáла 15-го типа, а также многочисленные костяные «проколки» и острия вроде толстых игл, подобные изображенному на рис. 4, *5*. Одно такое острие, найденное в кожаном чехле (о чем упоминалось выше), позволяет с уверенностью считать такие острия стилями для писания на бересте.

Иногда костяные писáла украшались резным узором и представляли собой замечательные произведения искусства. Одно писáло, из рога лося с выразительной резной головой дракона и сложной плетенкой по шейке, было найдено Е. В. Дружининой в октябре 1959 г. в Новгороде при наблюдениях за земляными работами примерно в 24 *м* к югу от древней Козьмодемьянской улицы. Судя по орнаменту, оно может относиться к XII—XIV вв. Писáло это длительное время использовалось по назначению, о чем свидетельствует стертость орнамента на боковых его сторонах и следы обстругивания на рабочем остром конце. Его носили подвешенным на узком ремешке или шнуре, продевавшемся в оскаленную пасть дракона. Стержень, круглый в сечении, слегка изогнут и очень удобно держится в руке в рабочем положении. Заостренный конец его чуть-чуть обломан (рис. 2, *3*).

На бересте писали (судя по характеру процарапанных штрихов на новгородских грамотах) костяными и металлическими писáлами, а иногда просто острием ножа [13].

Описанные выше стили на Руси назывались писáлами, что этимологически точно соответствует орудию писания [14]. Древнейшие упоминания этих орудий писания восходят к середине XI в. Писáло упоминается в рукописи Упыря Лихого 1047 г. [15]. В другой рукописи XI в. писáло упоминается в сочетании с доской, что вполне соответствовало их реальной взаимосвязи [16]. Исследователь этой рукописи А. Будилович считает ее новгородской. Данная рукопись в 1276 г. находилась в Новгороде у пере-

---

[13] Грамота № 69, написанная во время похода под Угличем в XIII в. См. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), стр. 71.

[14] См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895, стр. 934.

[15] И. И. Срезневский. Ук. соч., т. I, СПб., 1893; указатель сокращений, стр. 22.

[16] А. Будилович. «XIII слов Григория Богослова» в древнеславянском переводе по рукописи имп. публичной библиотеки XI века. Критико-палеографический труд А. Будиловича. СПб., 1875, стр. 64 (листы рукописи 83—84).

писчика, имя которого было Чегл или Чегол. (Интересно, что в Неревском конце Новгорода уже в XII в. упоминается Чеглова улка.)

Писáла упоминаются и в более поздних письменных источниках, в частности в «Житии Евфросина Псковского», первоначальная редакция которого, как убедительно доказал Н. Серебрянский, относится к самому концу XVI в. и была составлена в одном из новгородских монастырей [17]. В этом житии отражены все обстоятельства, связанные с процессом писания. Писец был монахом и писал в своей келье при свете лампады или светильника. Писáло бралось в правую руку, а хартия (материал для писания) — в левую. «Сице же и въспріахъ писáло в десніцу мою и хартию в шуйцю мою и множицею покушахся поставити в ряду слово...» [18]. (Писца клонило ко сну, поэтому он и не мог поставить в ряду слово.).

Бросается в глаза, что все дошедшие до нас упоминания орудия писания под этим именем («писáло») связаны с Новгородом. Не исключено, что писáло — это местное название орудия писания на навощенных дощечках и бересте. В Новгороде это орудие имело очень широкое распространение уже с начала XI в., как показали археологические раскопки в Неревском конце города. Это вполне согласуется с известиями названных выше письменных источников.

2

Древнерусская письменность возникла, несомненно, значительно раньше «крещения Руси». Об этом можно судить не только по данным древнейшей русской летописи о договорах Руси с греками первой половины X в. [19], но и по реальной древнерусской надписи на глиняной амфоре первой четверти X в. из Гнёздовского кургана [20]. По сообщениям болгарских и арабских источников X в., славяне еще до крещения Руси имели какие-то письмена, вырезанные или процарапанные на дереве [21]. В существовании этих способов писания по дереву и по другим твердым материалам (камню, глине) на Руси до ее крещения едва ли можно сомневаться. Древнейшая русская надпись начала X в. на амфоре была сделана именно путем процарапывания или прочерчивания каким-то металлическим острием вроде шила по обожженной глине. Подобный прием писания на Руси был широко распространен с X по XVI в. (граффити на стенах церквей, на амфорах из Киева, Старой Рязани, Пинска и других мест).

В своей статье о древнерусском добуквенном письме А. Д. Маневский, используя сравнительное языкознание, убедительно показывает, что глагол «писать» во многих индоевропейских языках первоначально имел значение: процарапывать, скрести, прочерчивать, выдавливать, вырезать, высекать или, иначе говоря, наносить знаки путем углубления на твердом

[17] «Житие преподобного Евфросина Псковского» (первоначальная редакция).— К изданию приготовил Н. Серебрянский; Памятники древней письменности и искусства, CLXXIII (173), 1909, стр. XVII—XVIII.

[18] Там же, стр. 66, л. 87 об. На упоминание писáла в этом Житии мне любезно указал научный сотрудник Псковского историко-краеведческого музея Л. А. Творогов.

[19] Повесть временных лет, ч. I, М.— Л., 1950, стр. 25 (под 907 г., «испишут имена их»), стр. 26 (под 912 г. «не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою»), стр. 34, 35 (под 945 г. «и вѣлеша глаголати и псати обоихъ речи на харатьѣ»).

[20] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, № 4, М., 1950, стр. 71—79.

[21] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Тр. Славянской комиссии, т. I, Л., 1930, стр. 162; см. также Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 76, 77; П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси, т. II, М.— Л., 1951, стр. 130, 131; А. Д. Маневский. К вопросу о древнерусском добуквенном письме (Техника выполнения восточнославянских письмен до 10 в.). Журнал «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 6, стр. 37—54; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939, стр. 83; А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870, стр. 240; см. также стр. 237—244

или пластичном материале (к последнему относились глина и воск). И лишь позднее этот глагол получил современное значение [22].

Гипотеза А. Д. Маневского о существовании у восточных славян уже в VI—IX вв. какого-то «добуквенного» письма не может быть доказана на фактическом материале. Наличие на различных предметах непонятных знаков и меток не является аргументом в пользу этой гипотезы. Письменность у славян появилась вместе с образованием государства.

Сложение феодального государства на Руси, развитие общественно-экономических и правовых отношений, а также внешних торговых и политических связей только в IX в. породили необходимость распространения грамотности и письменности. Христианская религия, к которой все чаще и чаще обращаются в X в. представители феодальной верхушки для укрепления своего господства, способствовала распространению письменности так же, как и торговля и ростовщичество. И эта письменность была не «добуквенной», а, по всей вероятности, кириллической.

Дошедшие до нас древнейшие памятники древнерусской письменности (надписи на сосудах и камнях, на стенах церквей, берестяные грамоты) написаны кириллицей, как и все более поздние памятники. Это и дало полное основание М. Н. Тихомирову [23], П. Я. Черных и другим исследователям прийти к убеждению, что славянские и русские письмена, упомянутые арабскими и болгарскими писателями X в., были такими же и что кирилловское письмо появилось и получило распространение на Руси задолго до крещения (988 года). После крещения кирилловское письмо окончательно утверждается как официальный алфавит [24].

Самым доступным материалом для письма в древней Руси было, конечно, дерево. Доски и береста, пригодные для этой цели, могли быть приготовлены в любом количестве и в любом уголке обширной русской земли. Пергамент был очень дорогим и поэтому малодоступным материалом для письма не только в X в., но и во все последующие века его употребления. Бумага, получившая сравнительно широкое распространение на Руси лишь в XIV в., также была недоступна для широкого пользования. Даже в середине XVI в. летописцы нередко жалуются на дороговизну бумаги [25].

Писание на досках на Руси неоднократно упоминается в летописях и других документах. Иногда эти упоминания косвенные, иносказательные [26], но, несомненно, отражавшие реальные факты. Чаще всего эти сведения прямые и точно соответствуют исторической истине [27]. В XI веке иногда писали и на свинцовых пластинках (Новгород, 21/22—30—1430). М. Н. Тихомиров убедительно доказал, что «доски» наших летописей и письменных источников — это письменные документы [28]. Археологические материалы подтверждают это.

---

[22] А. Д. Маневский. Ук. соч., стр. 42—43.

[23] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, № 4, 1950, стр. 74, 78—79.

[24] П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси, т. II, М.— Л., 1951, стр. 130, 135—136.

[25] Новгородские II и III летописи. СПб., 1879, стр. 74 (под 1545 г. «бысть дорога бумага десть два алтына книжная»), стр. 88 (под 1555 г. «бумага дорога была лист полденги писчая»).

[26] Новгородская IV летопись. ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Птрг., 1915, стр. 25 (под 912 годом «списа на дщицу»); А. Будилович. «XIII слов Григория Богослова» в древнеславянском переводе по рукописи имп. публичной библиотеки XI в., СПб., 1875, стр. 64, листы рукописи 83—84 («подвиже писало акы от доскы духовныя»); И. И. Срезневский. Ук. соч., т. I, стр. 762.

[27] Новгородская I летопись. СПб., 1888, стр. 191; Новгородская IV летопись, стр. 182; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 240; Псковская судная грамота. СПб., 1914, стр. 4, 5, 7—10, 15, 17, 20 и 22 (статьи: 14, 19, 28, 29, 30, 31, 36, 38, 61, 62, 75, 92 и 103).

[28] М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв. Тр. отдела древнерусской литературы (Института русской литературы АН СССР), М.— Л., 1953, т. IX, стр. 51—66.

А. В. Арциховский, вслед за А. И. Яковлевым и Л. В. Черепниным, склонен отождествлять «доски» летописей и Псковской судной грамоты с берестяными грамотами, аналогичными по содержанию (с долговыми и закладными записями) [29]. Основания для этого есть, но полной уверенности в тождестве «досок» и грамот пока нет.

Не случайно писание на «досках» зафиксировано летописцами именно в Новгороде и Пскове. Эти данные полностью подтверждаются археологическими исследованиями в названных городах, где встречено множество самых разнообразных надписей на деревянных досках, бирках, бочках, берестяных поплавках и других предметах. Особенно много надписей на досках обнаружено в Новгороде при проведении раскопок экспедицией Института археологии АН СССР, руководимой А. В. Арциховским. Все надписи или вырезаны ножом, или процарапаны (прочерчены) металлическим острием вроде шила.

Кроме упомянутых выше образцов письма на досках и бытовых предметах на Руси, по-видимому, широко употреблялись для писания специальные навощенные дощечки, подобные тем, которые были в обиходе в античном мире — в Греции и Риме [30].

При раскопках в Неревском конце Новгорода были найдены две прекрасно сохранившиеся дощечки, обломок от третьей и незаконченная обработкой заготовка четвертой дощечки. Эти уникальные для древней Руси памятники письменности или, точнее, письменные принадлежности представляют исключительный интерес для истории древнерусской письменности и культуры. Две из них относятся к XI в., одна — к рубежу XIII и XIV вв. и заготовка — к рубежу XIV и XV вв. Все три дощечки сделаны из можжевельника, а заготовка — из сосны.

Древнейшая из новгородских дощечек относится к первой половине XI века [31]. От нее сохранился обломок, свидетельствующий о том, что дощечка раскололась во время ее окончательной обработки. Длина дощечки — 13,4 *см*, ширина — около 7 *см* (ширина обломка — 2,5 *см*), толщина — 1 *см* (рис. 4, *7*). Размеры выемки, заполнявшейся слоем воска и являвшейся собственно площадью для писания, следующие: длина — 9 *см*, ширина — около 4,5 *см*, глубина — 0,5 *см*. Ширина бокового бортика дощечки — около 1 *см;* в нем имеется отверстие для ремешка или тесемочки, служившей своеобразной застежкой. Этой тесемкой завязывали две такие дощечки-створки, соединявшиеся друг с другом бортиками и имевшие на другой стороне, также в бортиках, по два отверстия для таких же тесемочных петель. Диаметр отверстия для тесемки или веревочки — 3 *мм*.

Вторая дощечка сохранилась целиком и относится ко второй половине XI в. [32]. Она представляет собой одну из двух створок, соединявшихся двумя петлями из тесемок или веревочек и составлявших своеобразную двустворчатую тетрадь. Подобные двустворчатые дощечки в античном мире назывались диптихами. Дощечка, как и первая, сделана из можжевельника и являлась верхней половинкой или лицевой стороной диптиха. Вся поверхность внешней или лицевой стороны украшена прекрасным резным орнаментом в виде растительных завитков с пальметками на концах. По краю дощечки с трех сторон (кроме нижней) идет кайма из зигзагообразной линии, заключенной между двумя прямыми линиями (рис. 6, *1*). Длина дощечки — 16 *см*, ширина — 9,5 *см*, толщина — 9 *мм*. Выемка для воска на внутренней стороне дощечки имеет следующие размеры: длина — 12,6 *см*, ширина — 6,5 *см* и глубина — 4 *мм* (см. рис. 6, *2*).

---

[29] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года), стр. 15.

[30] Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. т. 5, стр. 1—3, 12 (tabulae, tabella), рис. 6711—6715 и 6730. См. также R. Cagnat et V. Chapot. Manuel d'archéologie Romaine, т. II, Paris, 1920.

[31] Найдена в 1954 г. в слое 24 яруса, пласт 23, квадрат 522.

[32] Найдена в 1958 г. в слое 21/22-го ярусов, пласт 23, квадрат 1589.

Вся площадь выемки покрыта штриховой крестообразной нарезкой острием ножа, подобно тому как это делается при нанесении последнего слоя штукатурки. Делалось это для того, чтобы воск при разглаживании его лопаточкой писáла не сдвигался и ложился ровным слоем по всей поверхности углубления. Ширина бортиков — 1,5 *см*. На одной стороне дощечки,

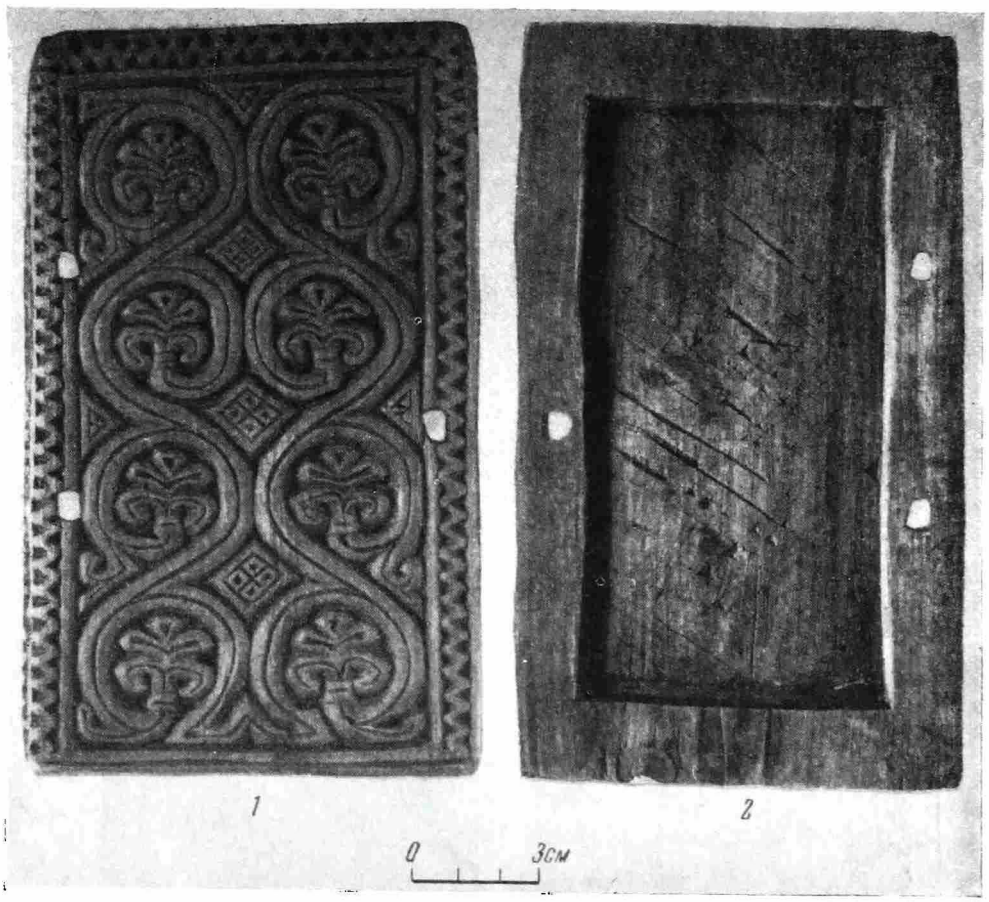


Рис. 6. Дощечка для писания по воску. Новгород, вторая половина XI в.

в бортике имеются два отверстия (шириной 4—5 *мм*) для петель, а на другой — одно такое же отверстие для завязки. Отверстия имеют следы стертости с внешней стороны, свидетельствующие о том, что данная дощечка продолжительное время использовалась по прямому назначению.

Третья дощечка для писания по воску относится к концу XIII в. или к началу XIV в. и является самой замечательной из всех новгородских дощечек [33]. Вырезана она из можжевельника и имеет форму вытянутого пятиугольника. На ее внешней стороне вырезана полная древнерусская азбука из 36 букв, которая неоднократно издавалась [34], но внутренняя сторона этой дощечки, с выемкой и крестообразной нарезкой острием ножа, публикуется здесь впервые (рис. 7).

---

[33] Найдена в 1954 г. в слое 10-го яруса, пласт 11, квадрат 937. Древесина определялась в Институте леса АН СССР В. Е. Вихровым.

[34] А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде. ВИ, 1955, № 2, стр. 61—68; его же. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 19—22, рис. 10; Б. А. Колчин. Древнейшая русская азбука. Журнал «Русский язык в школе», 1956, № 2, стр. 7—9. Б. А. Колчин правильно определил назначение внутренней стороны дощечки, но ошибочно считает азбуку древнейшей.

Длина дощечки — 18 *см*, ширина — 7,5 *см*, толщина — 1 *см*. Выемка на внутренней стороне имеет пятиугольную форму и размеры 15,5 × 6,5 *см*. Глубина выемки — 4 *мм*, как и у дощечки второй половины XI в. Ширина бортиков — от 3 до 10 *мм*. На одной из боковых сторон дощечки имеются два отверстия для петель (диаметр — 2—3 *мм*), а на другой стороне —

Рис. 7. Новгородская дощечка для писания по воску с вырезанной азбукой. Рубеж XIII—XIV в.

одно отверстие (диаметр — 4 *мм*) для завязки. Поскольку боковые бортики у этой дощечки очень узкие, то около отверстий специально оставлялась утолщенная часть для прочности.

Описанная дощечка с азбукой имела, несомненно, учебное назначение. Ученик мог упражняться в написании азбуки, глядя на лицевую сторону дощечки. По-видимому, и другие подобные дощечки употреблялись для обучения грамоте.

Заготовка для четвертой дощечки относится к концу XIV или к началу XV в. [35]. Она представляет собой грубо обработанную толстую сосновую дощечку, с большим запасом толщины для дальнейшей обработки. На одной ее плоской стороне вырезана обычная прямоугольная выемка и оставлены бортики шириной от 1 до 2 *см*, в которых еще не проре-

[35] Найдена в 1955 г. в слое 6-го яруса, пласт 8, квадрат 1264.

Рис. 8. Миниатюра XVI в., иллюстрирующая приезд в Новгород в 1341 г. тверского княжича Михаила Александровича для обучения грамоте

заны отверстия для петель и завязки. Размер этой заготовки: 12 × 7 × × 2,5 *см*. Размер выемки: 7,5 × 4 × 1 *см* (рис. 4, *8*). Глубина выемки у готовых восковых дощечек, судя по трем упомянутым экземплярам, обычно не превышала 4—5 *мм*. На заготовке она вдвое глубже потому, что эта плоскость еще имеет большие неровности, которые при окончательной обработке были бы срезаны и глубина выемки стала бы обычной.

Вся обработка таких дощечек производилась ножом. Сквозные отверстия в бортиках также просверливались с двух сторон дощечки

острием ножа, отчего отверстия имеют вид двойных воронок (рис. 6 и 7).

Все описанные древнерусские дощечки для писания по воску совершенно аналогичны по форме и размерам дощечкам того же назначения, имевшим широкое употребление в античном мире. Особенно широко двустворчатые и трехлистные дощечки (триптихи) были распространены в древнем Риме. Они делались из ели, клена, самшита, смоковницы и других пород дерева [36]. В Новгороде трехлистные дощечки пока не обнаружены.

Жорж Лафайе, основной исследователь античных стилей и диптихов, пишет, что древнеримские навощенные дощечки использовались не только как принадлежности для обучения грамоте, но иногда и для составления гражданских документов (сделки, договоры и т. п.) [37].

Новгородские дощечки использовались, по-видимому, исключительно или почти исключительно для обучения грамоте. Юридические документы в Новгороде писались на более надежном, более прочном материале — бересте или пергаменте.

Писание на навощенных дощечках на Руси засвидетельствовано не только упомянутыми дощечками из Новгорода, найденными при археологических раскопках, но также и в древнерусских письменных источниках.

В собрании кратких стихов и изречений, написанном в XIV или XV в. в Новгороде и известном под названием «Древняя русская Пчела», имеется интересное сравнение, характеризующее писание по воску: «Ни на воскъ можеши исписати, не погладивше образы пре(д)лежащих (разрядка моя.— *А. М.*), ни въ душу въложити божественныхъ догматъ, древняго обычая не отгнавше» [38]. Иначе говоря — невозможно писать по воску, не разгладивши его надлежащим образом. Воск в данном случае фигурирует как материал для письма, что отмечал в свое время И. И. Срезневский [39].

Воск уже в X в. был предметом экспорта на Руси: он упоминается в речи князя Святослава 969 г. перед его дунайским походом [40]. Куски воска постоянно встречаются при археологических раскопках в Новгороде во всех слоях от X до XVI в. включительно. Как дощечки и береста, так и воск на Руси были повсеместно доступны для широкого использования в качестве материала для писания.

3

Археологические раскопки показали, что в древней Руси были все условия для распространения письменности (в том числе и повсеместно доступные письменные принадлежности) и что грамотность среди городского населения древней Руси была для своего времени чрезвычайно широко распространена.

Распространение грамотности и письменности возможно путем обучения главным образом в детском возрасте. Что же нам известно о системе обучения грамоте и счету в древней Руси?

Как мы видели по археологическим данным, грамотность и письменность на Руси известны с самого начала X в. и особенно широко распространились с XI в. Эти вещественные данные подтверждаются сообще-

[36] Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. 5, стр. 1—3 и 12, рис. 6711—6715 и 6730; т. 4, ч. 2, стр. 1329, рис. 6444; стр. 1510, рис. 6635.

[37] Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. 5, стр. 12.

[38] Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Труд В. Семенова. Сборник отделения Русского языка и словесности Академии наук, т. 54, № 4, СПб., 1893, стр. 365 (лист 115).

[39] И. И. Срезневский. Ук. соч., т. III, СПб., 1903; Дополнения СПб., 1912, стр. 38.

[40] Новгородская I летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 20.

ниями письменных источников. В русских летописях есть прямые указания о существовании массового обучения детей уже в первой половине XI в. И в этом деле Великий Новгород играл большую роль. Он был крупнейшим центром распространения грамотности. В Новгородских летописях говорится, что в 1030 г. Ярослав Мудрый после успешного похода на Чудь прибыл в Новгород «и събра отъ старостъ и отъ поповъ дѣтей 300 оучити книгамъ»[41], т. е. обучать грамоте. Это известие подкрепляется находками в Новгороде учебных навощенных дощечек и стилей в слое именно этого времени. Из этого известия ясно, что обучались грамоте прежде всего дети зажиточных слоев населения и обучение столь большого числа детей возможно лишь в школах, бывших, видимо, при монастырях.

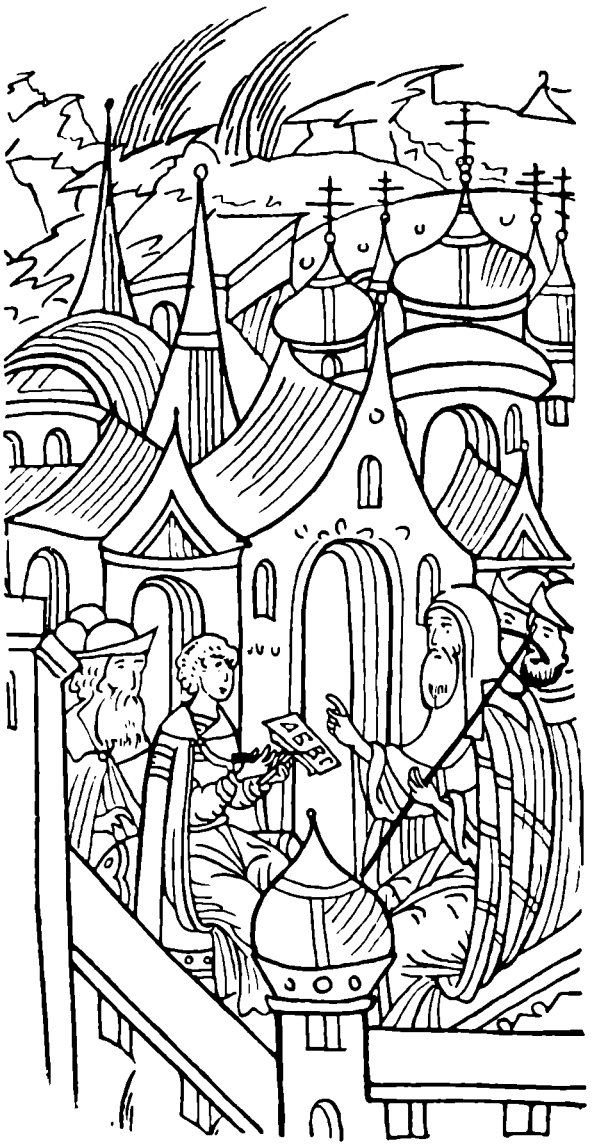


Рис. 9. Сцена обучения грамоте на миниатюре XVI века. Ученик в левой руке держит дощечку (вероятно, навощенную), на которой пишет азбуку; в правой руке у него писáло

Блестящим доказательством существования систематического (школьного?) обучения детей грамоте в Новгороде в конце XII в. или в начале XIII в. является архив мальчика Онфима, состоящий из 16 берестяных листков и предметов с неоднократно написанной древнерусской азбукой и упражнениями в написании слогов и фраз[42].

В семи метрах от архива школьника Онфима, на территории той же усадьбы, в том же пласте, в слое того же 15-го яруса было найдено железное, покрытое золотистой бронзой писáло (типа 7, рис. 3, *2*), характерное для второй половины XII и первой половины XIII в. Этот тип писáла имел, как мы видели выше, очень широкое распространение на Руси только в домонгольский период. Разумеется, утверждать, что грамоты Онфима были написаны именно этим писáлом, нельзя, хотя это и не исключено.

Обучение на Руси начиналось, вероятно, с семи лет, что и отражено в древнерусских былинах[43]. В аристократических семьях обучение начиналось иногда и раньше, лет с пяти.

Помимо архива школьника Онфима, в Новгороде найдены и другие грамоты с учебными упражнениями в написании цифр (грамота № 287

---

[41] Новгородская IV летопись, стр. 113; Софийская летопись. ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 136.

[42] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3.

[43] Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 40, 59—61. См. былину «Про Василия Буслаева» и др.

второй половины XIII в., 11/12—18—1372). В названной грамоте написано в три ряда восемь букв, и все они имеют цифровое значение. В нижнем ряду в алфавитном порядке написаны пять букв, кроме «Б», не имеющей цифрового значения. В 1958 г. найдена берестяная грамота (№ 342 первой половины XIV в., 9—7—1706), представляющая прекрасный образец в написании цифр и чисел от единицы до 50 тысяч в числовой последовательности (единицы, десятки, сотни с титлами, тысячи с титлами и хвостиками, десятки тысяч в кружочках). К началу XIV или к концу XIII в. относится и вышеупомянутая, несомненно, учебная дощечка для писания по воску с вырезанной на ней древнерусской азбукой. Такие азбуки были доступны даже самым бедным горожанам [44].

Князья, по-видимому, обучались индивидуально. В 1341 г. в Новгороде у владыки Василия обучался грамоте княжич Михаил Александрович Тверской [45].

Очень интересна миниатюра в Никоновской летописи, в списке Лицевого летописного свода XVI в. (так называемый I Остермановский том) [46], иллюстрирующая это событие (рис. 8). Княжич Михаил сидит напротив владыки Василия и в левой руке держит за рукоятку дощечку, вероятно навощенную, а в правой — тонкую палочку (писáло) с лопаточкой на одном конце. Конец этой палочки подведен к угловато написанным буквам (АБВГ) на дощечке (рис. 9). Обучение, как и всюду, начиналось с азбуки.

Все вышеизложенное свидетельствует о существовании на Руси уже с первой половины XI в. определенной системы школьного обучения грамоте и о широком распространении грамотности на Руси и особенно в Новгороде.

---

[44] При раскопках в Новгороде в 1959 г. было найдено шиферное пряслице середины XII в. с процарапанной на нем азбукой.

[45] «Той же зимы приехалъ Михаилъ княжичъ Олександровичь со Тьфери в Новгородъ ко владыце, сынъ хрестьный, грамоте учится». (Новгородская I летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 340—341).

[46] Рукопись БАН (Ленинград), 31.7.30, т. I, лист 392, миниатюра 757. Сведения получены от зав. отд. рукописей и редких книг В. Ф. Покровской, за что выражаю ей искреннюю благодарность.

И. Р. СЕЛИМХАНОВ

К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ «ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ» ПАМЯТНИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Известно, что М. Бертело [1], М. Мух [2] и О. Монтелиус [3] установили, что в отдельных местностях медный век предшествовал бронзовому.

Г. Чайлд [4] считает, что использование самородной меди относится к неолитическому времени, так как во многих местах, в том числе в Иране и Египте, среди памятников этой эпохи были найдены медные предметы, изготовленные холодной ковкой. В более позднее время народы научились получать медь выплавкой из руд.

Если примерный возраст археологического памятника теперь определяется радиоуглеродным методом [5] (при условии, что его сопровождают органические вещества явно того же возраста), то отнесение его к той или иной археологической эпохе не всегда может быть решено без учета химического состава найденных металлических предметов. При этом, очевидно, следует ориентироваться на металлические предметы, местное происхождение которых подтверждается на основании всестороннего изучения.

Производя химический анализ металлических предметов, исследователи, как правило, уделяли основное внимание содержанию в них олова. При этом, если олово отсутствовало во всех медных предметах и имелись другие подтверждающие данные типологического характера, весь изучаемый памятник относился к энеолиту. При наличии ощутимых количеств олова, хотя бы в части предметов, признанных продукцией местного производства, памятник считался относящимся к эпохе бронзы. При этом на содержание в медных предметах других легирующих металлов обычно не обращалось достаточного внимания.

1. Основные вопросы исследования. Археологическими раскопками на территории Азербайджана и Северного Кавказа выявлены древнейшие памятники, датированные III—II тысячелетием до н. э., некоторые из них были определены археологами как энеолитические [6].

На территории Азербайджанской ССР нам известны три подобных «энеолитических» памятника, в которых обнаружены металлические предметы. Первым, давшим наибольшее количество металлических предметов, является энеолитическое поселение на холме Кюль-Тепе, исследованное О. А. Абибуллаевым [7]. Вторым памятником является курган

---

[1] M. Berthelot. RA, т. I, 1887, стр. 11.

[2] M. Much. Die Kupferzeit in Europa. Iena, 1883, стр. 368.

[3] O. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Scandinavien. Braunschweig, 1900, стр. 197.

[4] Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 66—72.

[5] Ф. Джонсон. Значение для археологии и геологии возрастных определений, установленных радиоуглеродным методом. Сб. «Изотопы в геологии». М., 1954, стр. 384.

[6] Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 5—20.

[7] О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тапа. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 36—45.

№ 2, на правом берегу р. Хаченагет (Нагорный Карабах), раскопанны в 1897 г. Э. А. Реслером. Третий памятник — курганы №№ 119 и 125 Степанакерте, раскопанные Я. И. Гуммелем [8] в 1938 г.

К энеолиту эти памятники были отнесены без учета химического со става металлических предметов (исключая поселения на холме Кюль Тепе). Мною были произведены спектрально-химические анализы метал лических предметов из Кюль-Тепе и других памятников по специальн разработанному методу [9].

В результате произведенных работ должны быть выяснены следую щие вопросы:

а) состав медных сплавов, бытовавших на указанных территориях раннюю эпоху;

б) содержание олова в разных предметах, каким образом оно попа дало в медные сплавы;

в) различия в составе сплавов из разных мест и выявление законо мерностей этих различий;

г) установление руд, использовавшихся для металлургических про цессов в рассматриваемый период времени.

Выяснение этих вопросов, по нашему мнению, должно способство вать дальнейшему изучению вопросов истории материальной культуры Кавказа.

2. Материалы исследования. Для исследования в нашем распоряже нии оказались предметы из «энеолитических» памятников Азербайджана. Кроме того, были исследованы «медные» предметы из Гонобского могильника в Дагестанской АССР и некоторых курганов бассейна Кубани (табл. 1). Ниже приводятся данные об исследованных предметах.

Таблица 1

Археологический памятник	Кол-во предметов	Авторы раскопок
Азербайджанская ССР		
Энеолитическое поселение на холме Кюль-Тепе	8	О. А. Абибуллаев
Степанакерт; курганы	2	Я. И. Гуммель
Курган № 2 на правом берегу р. Хаченагет (Нагорный Карабах)	1	Э. Реслер
Дагестанская АССР		
Гонобский могильник у сел. Тидиба и Урады Кохибского р-на	8	В. Г. Котович
Бассейн реки Кубани		
Майкоп (курганы)	9	Н. И. Веселовский
Костромская станица (курганы)	5	
Воздвиженская » (курганы)	4	
Новосвободная » (курганы)	10	

3. Результаты химического исследования предметов из Кюль-Тепе. Из исследованных нами металлических предметов, найденных О. А. Абибуллаевым в «энеолитическом» культурном слое, часть оказалась хорошей сохранности.

---

[8] Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Изв. АН АзССР, № 4, 1939, стр. 32—38.

[9] И. Р. Селимханов. К методике спектрального анализа археологических медных и бронзовых сплавов. Доклады АН АзССР, т. XIII, № 9, 1957, стр. 967.

Результаты спектрально-химического анализа предметов из Кюль-Тепе *Таблица 2*

Рисунок в тексте	Предмет	Содержание (в %)													
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P	S
1,*1*	Часть «медной» булавки. Вес 3 *г*. Участок 3. Глуб. 3,4 *м*. 1953 г.	94,42	0,3	0,01	0,20	3,81	0	0,013	0	0,001	0	0	—	0	0,012
	Обломок ножа. Вес 2,6 *г*. Глуб. 4 *м*. (Окислен). 1953 г.	65,99	0,004	0,001	0	3,59	0	0,014	0	0	0	0	—	0,05	0,19
1,*2*	«Медный» нож. Вес 5,2 *г*. Участок 3. Глуб. 10,75 *м*. (Окислен). 1953 г.	74,93	0,003	0,01	0	4,06	0	0,017	0,004	0	0,001	0	—	0,10	0,40
	Фрагмент витой булавки. Вес 0,7 *г*. (Окислен). 1953 г.	Основн. содержание	0,003	0,001	0	2,35	0	0,014	0	0	0	0	—	0,04	—
	Булавка, вес 1,3 *г*. Участок 5, кв. 3. (Окислен). 1957 г.	Основн. содержание	0,001	0,005	0	3,76	0	0,037	0,0005	0	0,01	0	0,10	0,30	—
	Булавка, вес 2 *г*. Участок 5, кв. 6. (Окислен.). 1957 г.	Основн. содержание	0,002	0,03	0	6,09	0	0,004	0,0003	0,004	0	0	0,01	0,80	—
1,*3*	Тонкая проволочная булавка. Вес 2,2 *г*. Участок 5, кв. 3. (Окислен). 1956 г.	Основн. содержание	0,003	0,09	0	1,74	0,005	0,007	0,001	0	0,01	0	0,07	0,10	—
1,*4*	Четырехгранный наконечник копья. Вес 56,5 *г*. Участок 5, кв. 8. 1955 г.	94,40	0,002	0,03	0,02	4,95	0,015	0,037	0	0	0,005	0	0,10	0	—

Результаты спектрального анализа медных руд и самородков меди из некоторых месторождений в Азербайджане и Армении *Таблица 3*

Минерал или руда	Содержание (в %)													
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Mo	Fe	P
Самородок меди из Шагали-элияр (Аллавердское месторож.) Дендриты светлые	99,90	0,001	—	0,005	—	—	—	—	—	—	—	—	0,02	—
То же, дендриты темные	99,90	0,002	—	0,005	—	—	—	—	—	—	—	—	0,02	—
Самородок меди из Кедабека. Коллекция Н. И. Ситковского	99,90	0,003	—	—	—	—	0,018	0,001	—	0,02	—	0,0007	0,01	—
Самородок меди из Кедабека. Коллекция геологического музея госуниверситета АзССР	99,90	0,006	—	—	—	—	0,007	—	—	—	—	—	0,01	—
Азурит (зона окисления). Кедабек. Коллекция Института геологии АН АзССР	Много	0,004	0,26	0,50	0,05	—	0,006	—	—	—	0,001	—	>0,40	—
Малахит (зона окисления). Кедабек. Коллекция Института геологии АН АзССР	Много	0,008	0,25	0,50	0,05	—	0,001	—	—	0,001	—	—	>0,40	—

Примечание. Знак — означает отсутствие элемента.

Результаты анализа этих 8 предметов (см. табл. 2 и рис. 1) показывают, что все они являются медно-мышьяковыми, с содержанием мышьяка от 1,74 до 6,09%.

Олова в исследованных изделиях оказалось лишь 0,001—0,003%. Очевидно, оно специально не добавлялось; малые примеси его объясняются распространением в медных рудах [10].

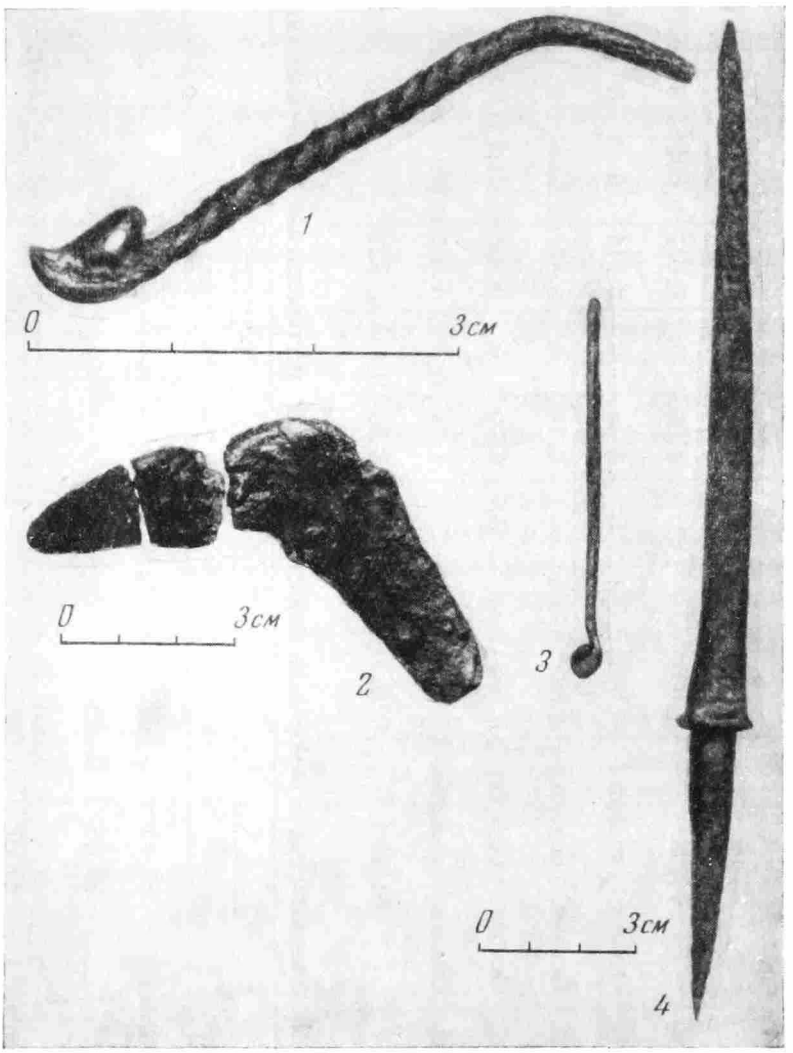


Рис. 1. Металлические предметы из Кюль-Тепе

1 — часть «медной» булавки, анализ № 234; *2* — «медный нож», анализ № 194; *3* — булавка, анализ № 408; *4* — четырехгранный наконечник копья, анализ № 414

При значительном содержании мышьяка в предметах из Кюль-Тепе. в большинстве из них нет сурьмы, что в данном случае указывает на плавку меди из руды, почти не содержащей сурьмы.

Из естественных примесей в предметах установлены: свинец в концентрации от 0,001 до 0,09%, цинк — от 0,02 до 0,20%, сурьма — до 0,015%. Следует отметить полное отсутствие кобальта во всех предметах.

Из благородных металлов серебро присутствует во всех исследованных предметах, в концентрациях 0,004—0,037%, а золото — только в четырех случаях, что объясняется его неравномерным распределением в первичных рудах.

[10] Микроколичества олова обнаруживаются и в некоторых образцах самородной меди, а также в окисленных медных рудах Кедабекского меднорудного месторождения (табл. 3), в которых его содержание доходит до 0,008%.

Фосфор установлен в разрушенных предметах, в которые он проник, очевидно, из окружающей почвенной среды.

4. Результаты исследования предметов из курганов в Степанакерте (Нагорный Карабах). В 1939 году в г. Степанакерте Я. И. Гуммель [11] производил раскопки курганов (№№ 119 и 125), средние слои которых он датировал III—II тыс. до н. э. В них были найдены двусторонний кинжал с язычком и сквозным отверстием для прикрепления рукоятки и кованый наконечник копья с язычком. Наибольшая толщина копья — 0,25 *см*.

Б. А. Куфтин [12] относит эти слои степанакертских курганов к эпохе древней бронзы, полагая все же, что найденные в них кинжал и наконечник копья являются медными, а не бронзовыми. Химический анализ этих предметов произведен не был. Оба предмета оказались в хорошем состоянии, покрыты устойчивой патиной. Цвет металла напоминал оловянистую бронзу. Согласно полученным данным анализа (см. табл. 4), они пред-

Таблица 4

Результаты спектрального анализа предметов из степанакертских курганов

Наименование предмета и данные о нем	Содержание (в %)												
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
«Медный» кинжал вес 41 *г*. Курган № 119	96,80	0,005	0,03	0,005	2,11	0,03	0,044	0,0015	0,10	0,006	0,006	0,35	0
«Медное» копье вес 13 *г*. Курган № 125	97,30	0,06	0,05	0,05	1,64	0,03	0,048	0,003	0,10	0,02	0	0,20	0

ставляют собой медно-мышьяковый сплав с содержанием 1,64% и 2,11% мышьяка; олова оказалось всего 0,005% и 0,06%. Остальные элементы, указанные в табл. 3, присутствуют в виде малых примесей, за исключением висмута, что нужно отнести за счет его содержания в медных рудах. Следовательно, как и в предметах из Кюль-Тепе, мы имеем дело с медно-мышьяковыми сплавами, а не с чистой медью, как предполагал Я. И. Гуммель. По сравнению с предметами из Кюль-Тепе содержание мышьяка пониженное.

Таблица 5

Состав клинка из хаченагетского кургана № 2 (по данным спектрально-химического анализа)

№№ анализа и снимков спектра	Содержание (в %)													
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Mo	Fe	P
Ан. № 312 сн/сп № 152 и 216	92,80	1,82	1,22	0	2,26	1,38	0,023	0	0,006	0,002	0,004	0	0,03	0

5. Исследование клинка из кургана № 2 у р. Хаченагет (Нагорный Карабах). К той же эпохе, что и «энеолитическое» поселение на холме Кюль-Тепе, был отнесен и курган № 2, расположенный на правом берегу р. Хаченагет, в Нагорном Карабахе, и раскопанный Э. Реслером в 1897 г. [13]. В кургане был найден кинжальный клинок, который в настоящее время

---

[11] Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 15—28.

[12] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, 1944, XIII-B, стр. 91.

[13] К. Х. Кушнарева. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 165.

хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Клинок неплохой сохранности, поверхность его покрыта слоем плотной патины матового оттенка. Спектральный анализ этого клинка (табл. 5 и рис. 2) показал, что он изготовлен из сплава меди с оловом, свинцом, мышьяком и сурьмой.

Присутствие в нем 1,82% олова говорит о том, что мы имеем дело с оловянистой бронзой. Олово было, несомненно, внесено в сплав намеренно, в металлическом виде или с бронзовым ломом при переплавке.

Известно, что во время плавки оловосодержащих медных руд происходит ошлакование главным образом за счет так называемой «пустой породы», вследствие чего в полученной меди содержание олова окажется повышенным. Однако в местных медных рудах олово содержится в концентрациях, не превышающих сотых долей процента, а это исключает какую-либо возможность получения их плавкой медно-оловянных сплавов с содержанием олова выше 0,5%. Так, Б. Л. Богаевский [14] приводит состав меди, выплавленной из медной руды и содержащей 0,08—0,25% олова. Полученная при этом медь содержала всего 0,4% олова.

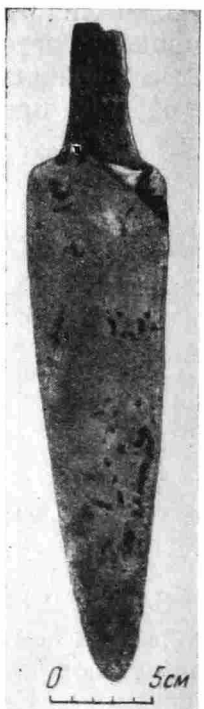


Рис. 2. Клинок из Хаченагетского кургана

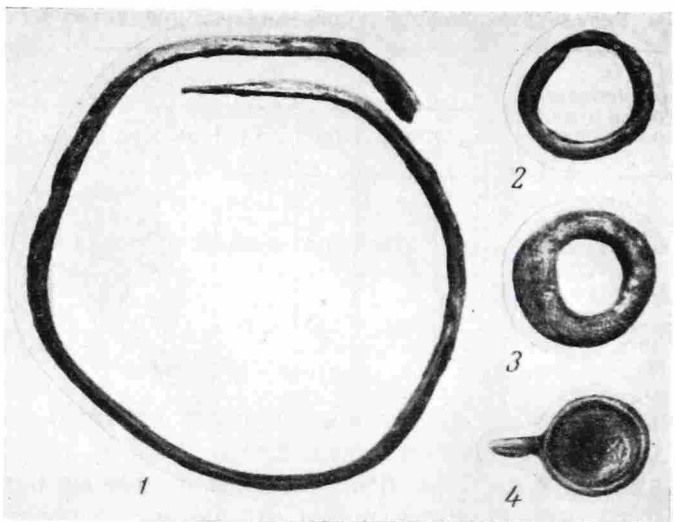


Рис. 3. Металлические предметы из Гонобского могильника

1 — браслет, анализ № 356; *2* — височная подвеска, анализ № 367; *3* — височная подвеска, анализ № 377; *4*— полушарная подвеска, анализ № 385

Наряду с оловом в исследованном кинжальном клинке содержится 2,26% мышьяка, 1,38% сурьмы и 1,22% олова. Следовательно, мы имеем дело со сложным медным сплавом, легированным одновременно четырьмя приплавами металлов — оловом, свинцом, мышьяком и сурьмой. Это обстоятельство вынуждает нас отнести клинок к более позднему периоду, чем поселение на холме Кюль-Тепе. Поэтому следует осторожно подойти и к датировке хаченагетских курганов, подтвержденной Р. М. Мунчаевым [15].

По мнению К. Х. Кушнаревой [16], клинки этого типа, появившиеся во второй половине II тысячелетия до н. э., могут явиться датирующим элементом. При этом она отмечает, что подобной же формы клинок, описание которого приводит И. М. Джафарзаде [17], найден вместе с другими предметами на холме Узун-Тепе, близ с. Новоголовки.

---

[14] Б. Л. Богаевский. История техники, т. I, ч. I, М.— Л., 1936, стр. 390.
[15] Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 16.
[16] К. Х. Кушнарева. Ук. соч., стр. 165.
[17] И. М. Джафарзаде. Элементы археологической культуры древней Мугани. ИАН АзССР, № 9, 1946, стр. 39.

6. Исследование предметов из Гонобского могильника (Дагестанская АССР). Из этого могильника, раскопанного В. Г. Котовичем [18], были исследованы все восемь найденных там металлических предметов — украшений. Автор раскопок датирует могильник рубежом III—II тысячелетия до н. э. Одно из украшений — «пронизка цилиндрической формы» — оказалось совершенно разрушенным коррозией, поэтому пришлось подвергнуть анализу его патину. В «полушарной подвеске» нам также пришлось анализировать не металл, а патину с его поверхности, из-за опасения повредить предмет. Остальные предметы имеют удовлетворительную сохранность. Вес предметов — от 1 до 15 *г*.

Результаты спектрального анализа этих предметов показали (табл. 6 и рис. 3), что все они сделаны из меди, содержащей 1,42—2,98% мышьяка. Примесь олова незначительна (0,001—0,013%). Содержание свинца также малое — от 0,002 до 0,05%, за исключением «пронизки», в которой содержится 0,20% свинца и 0,007—0,20% сурьмы. Следует также отметить несколько пониженное содержание мышьяка по сравнению с предметами из Кюль-Тепе. Присутствие примесей — металлов в установленных концентрациях — указывает на то, что они не могли быть изготовлены из самородной меди. Надо полагать, что и здесь мы имеем дело с металлом, полученным при помощи совместной плавки медных и мышьяковых руд.

7. Исследование предметов из курганов бассейна р. Кубани. К последней группе исследованных нами металлических предметов из синхронных по датировке памятников на Северном Кавказе относятся изделия из погребений курганов Майкопа и бассейна р. Кубани — станиц Костромской, Воздвиженской и Новосвободной (б. Царской), раскопанных Н. И. Веселовским [19]. Согласно А. А. Иессену [20], металлические изделия, найденные в этих курганах, являются наиболее ранними из известных к тому времени на Кавказе. Тот же А. А. Иессен [21] подтвердил, что эта группа курганов относится к ранним этапам освоения металла и ее абсолютная датировка, которая все же не может считаться окончательно установленной, вероятно, находится в пределах 2300—1700 лет до н. э. Е. И. Крупнов [22] считает, что все металлические предметы этого периода сделаны из меди, иногда с настолько небольшим содержанием свинца и олова, что они не могут считаться намеренно внесенными.

Из майкопских курганов были исследованы девять предметов [23], среди которых «плоское оружие» было сильно окисленным, поэтому анализу подвергся не металл, а его патина, собранная с поверхности. Одновременно анализировалась одна из двух заклепок, при помощи которых производилось крепление рукоятки к этому «оружию».

Спектральный анализ этой группы предметов, за исключением заклепки, показал, что они изготовлены из медно-мышьякового сплава, а не из меди, как предполагалось ранее (табл. 7). Заклепка же оказалась изготовленной из серебра с небольшими примесями других металлов (табл. 7, анализ № 2).

В патине «плоского оружия» было 0,5% мышьяка; с бóльшим его содержанием в первоначальном металле приходится считаться. Содержание мышьяка в остальных предметах находится в пределах 2,03—9,08%; остальные примеси присутствуют в незначительных количествах. Исключение представляет топор-мотыга (табл. 7, анализ № 4), в котором присутствует около 0,5% серебра. Это дает основание для его выделения из

---

[18] Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР за 1955 г. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 33.

[19] ОАК за 1898 г., стр. 33—38.

[20] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 77.

[21] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157—200.

[22] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 7.

[23] Предметы хранятся в Государственном Эрмитаже.

Результаты анализов металлических предметов из Гонобского могильника (Дагестанская АССР) *Таблица 6*

Рисунок в тексте	Наименование предмета и данные о нем	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
	Пронизка из тонкой, спирально-свернутой «медной» пластинки. Находка 1956 г. Вес 1 *г*	97,10	0,002	0,20	—	1,80	0,02	0,009	0,001	0,03	—	—	0,27	—
3,*1*	«Медный браслет» с незамкнутыми, заходящими друг на друга концами. Находка 1955 г. Вес 15 *г*	97,90	0,001	0,002	—	1,42	0,007	0,02	0,001	0,02	0,001	—	0,05	—
3,*2*	Височная подвеска из куска проволоки, согнутой в полтора оборота. Находка 1956 г. Вес 2,5 *г*	Основн. содержание	0,002	0,004	—	1,88	0,01	0,015	—	0,015	0,003	—	>0,40	~1,0
3,*3*	Височная подвеска из куска согнутой проволоки в полтора оборота. Находка 1956 г. Вес 7 *г*	99,60	0,008	0,003	0,01	2,48	0,05	0,014	0,0007	0,004	0,001	—	0,08	0,55
	Цилиндрическая пронизка из тонкой «медной» пластинки. Находка 1956 г. Вес 1 *г*	Основн. содержание	0,001	0,03	0,03	1,59	0,20	0,034	—	0,001	0,008	—	0,06	~1,0
3,4	Полушарная подвеска, изготовленная из спирально свернутой «медной» проволоки. Находка 1955 г. Найдена вместе с браслетом. Вес 2 *г*	Основн. содержание	0,001	0,002	0,025	1,57	0,03	0,001	—	—	0,003	—	0,40	~1,0
	«Медная» пронизка биконической формы. Литая, находка 1956 г. Вес 1,5 *г*	97,00	0,01	0,005	0,015	2,37	0,05	0,052	0,0005	0,005	—	—	0,005	—
	«Медная» пронизка биконической формы. Литая. Находка 1956 г. Вес 1,6 *г*	96,80	0,013	0,005	0,004	2,28	0,15	0,059	0,0007	0,03	0,008	—	0,002	—

Результаты спектрального анализа предметов из Майкопского кургана *Таблица 7*

№ пп	Наименование предмета и данные о нем	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
1	«Плоское оружие». Инв. № 34/70 Анализ патины	Основное содерж.	0,002	—	0,015	0,50	—	0,035	—	—	0,14	—	0,01	0,05
2	Заклепка от плоского оружия. Инв. № 34/7	+	0,003	0,01	0,03	0,30	—	Основн. содерж.	Мало	0,10	0,01	—	0,40	—
3	Топор. Инв. № 34 /9	97,30	0,004	0,005	—	2,03	—	0,049	0,003	—	0,007	—	0,15	—
4	Топор-мотыга. Инв. №34/10	94,10	0,001	0,01	—	4,55	0,007	~ 0,5	0,005	0,01	0,25	—	0,05	—
5	Мотыга. Инв. № 34/11	95,70	0,0005	0,04	—	3,57	0,015	0,052	—	0,01	0,09	—	0,06	—
6	Пальстаб. Инв. № 34/12	89,90	0,0005	0,01	0,015	9,08	0,002	0,031	—	—	0,28	0,002	0,20	—
7	Пальстаб. Инв. № 34/13	91,50	0,001	0,003	0,015	7,80	0,005	0,039	—	0,03	0,01	0,0001	0,10	—
8	«Медное» долото. Инв. № 34/14	97,00	0,001	0,02	0,005	2,37	0,006	0,05	—	0,002	0,001	—	0,05	—
9	Долото. Инв. № 34/15	93,30	0,001	0,02	0,004	6,08	0,008	0,035	—	0,002	0,001	—	0,10	—
10	Шило. Инв. № 34/16	93,20	0,001	0,01	—	6,06	—	0,012	—	—	0,01	—	0,20	—

Примечание. Знак — означает отсутствие элемента.

общей группы, так как подобное высокое содержание серебра нами не установлено ни в одном из кавказских медно-бронзовых предметов. В двух предметах присутствует никель в несколько повышенных концентрациях, в том же топоре-мотыге и в пальстабе (табл. 7, анализ № 6) — 0,25 и 0,28%.

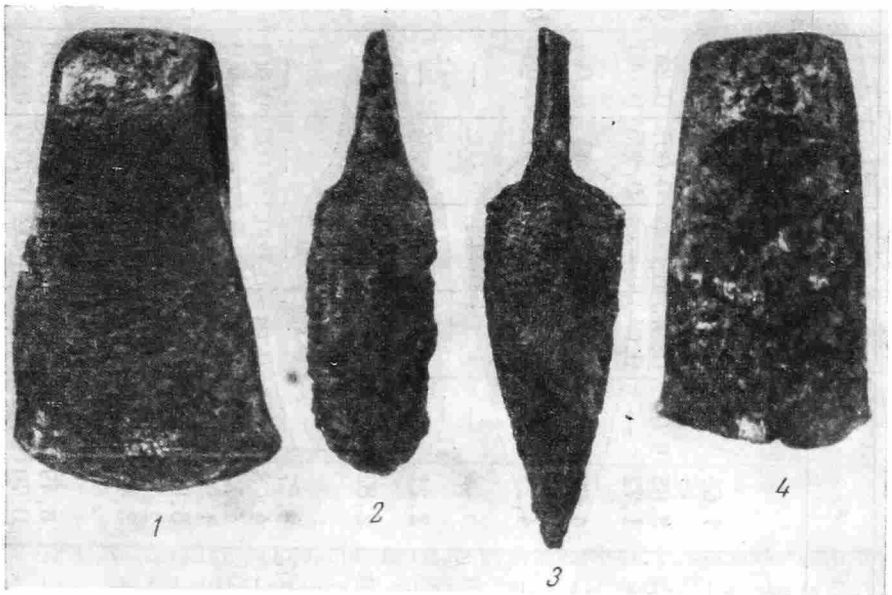


Рис. 4. Металлические предметы из курганов у ст. Костромской
1 — топор, анализ № 317; *2* — нож, анализ № 472; *3* — нож, анализ № 473; *4* — тесло, анализ № 475

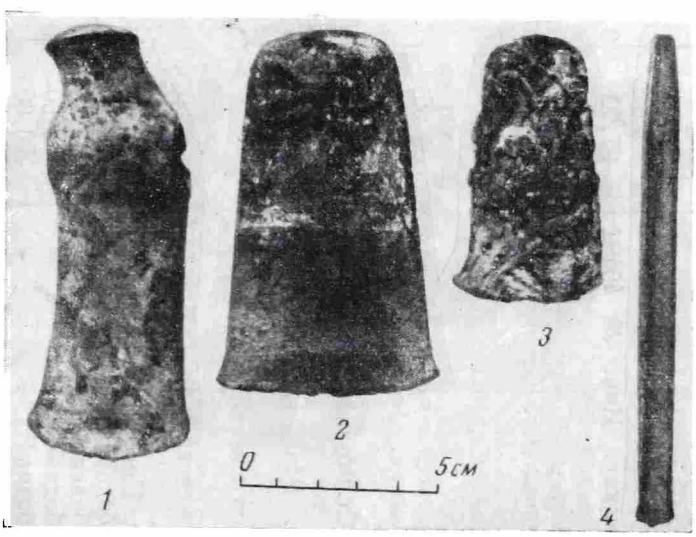


Рис. 5. Металлические предметы из курганов у ст. Воздвиженской
1 — «бронзовый» топор, анализ № 314; *2* — тесло, анализ № 316; *3* — тесло, анализ № 315; *4* — долото, анализ № 318

Результаты анализа предметов из майкопских курганов показывают, что они не могут считаться энеолитическими.

В числе исследованных нами 19 предметов из курганов у станиц Костромской, Воздвиженской и Новосвободной (рис. 4—7) — топоры, тесла, долота, наконечник копья, двурогая вилка, два кинжала, обломки котла и шило (табл. 8). Почти все они оказались хорошей сохранности, за исключением обломков котла.

Таблица 8

Результаты анализов предметов из кубанских курганов

Рисунок в тексте	Наименование предмета и данные о нем	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
4,1	Топор. Ст. Костромская. Инв. № 40492 (1897 г.)	97,90	0,002	0,01	—	1,66	—	0,009	0,001	0,004	0,002	—	0,01	—
4,2	Нож листовидной формы	95,05	0,001	0,20	—	3,65	0,02	0,075	0,001	0,007	0,28	0,001	0,15	0,10
4,3	Нож листовидной формы. Ст. Костромская. Инв. № 40492 (1897 г.)	97,10	0,001	0,40	—	1,72	—	0,043	—	0,005	0,007	0,001	0,14	—
	Шило четырехгранное. Ст. Костромская. Инв. № 40492 (1897 г.)	Основн. содержание	0,001	0,04	—	4,09	0,01	0,067	0,05	0,05	0,001	—	0,10	2,00
4,4	Тесло (рубанок) плоское с откован. лезвием. Ст. Костромская. Инв. № 40492 (1897 г.)	94,60	0,001	0,01	—	4,23	0,015	0,044	0,001	0,002	0,26	0,002	0,12	0,15
5,1	«Бронзовый» топор. Ст. Воздвиженская. Инв. № 42418 (1899 г.)	94,50	0,003	—	0,01	5,02	—	0,004	0,001	0,002	—	—	0,005	—
5,2	Тесло большое. Ст. Воздвиженская. Инв. № 42418 (1899 г.)	97,40	—	—	—	2,21	—	0,001	—	0,004	—	—	—	—
5,3	Тесло малое. Ст. Воздвиженская. Инв. № 42418 (1899 г.)	95,70	0,003	—	0,01	2,82	0,01	0,003	0,001	0,001	—	—	0,005	—
5,4	Долото. Ст. Воздвиженская. Инв. № 42418 (1899 г.)	96,50	0,001	0,01	0,007	3,07	—	0,005	—	—	—	—	0,005	—
6,1	Двурогая вилка. Ст. Новосвободная	95,20	0,008	0,18	—	4,08	0,003	0,015	0,0005	0,003	0,001	—	0,02	
6,2	Топор. Ст. Новосвободная	94,70	0,0005	0,01	—	4,73	0,005	0,004	—	—	0,001	—	0,01	—
6,3	Топор. Ст. Новосвободная	97,45	0,001	0,07	—	1,95	0,005	0,042	0,002	0,007	0,002	—	0,005	—
6,4	Топор. Ст. Новосвободная	92,50	0,001	0,04	—	6,68	0,015	0,022	0,001	0,001	0,19	0,002	0,02	—
6,5	Копье. Ст. Новосвободная	96,60	0,0005	0,002	—	2,70	—	0,013	0,0005	—	0,001	—	0,15	—
6,6	Желобчатое долото. Ст. Новосвободная. Инв. № 42405	96,30	—	0,10	—	3,16	0,005	0,005	—	0,002	0,007	—	0,02	—
	Кинжал. Ст. Новосвободная	92,90	—	0,08	—	6,49	0,005	0,025	0,001	0,005	0,001	—	0,05	—
	Обломки от котла. Раскопки 1897 г. Ст. Новосвободная	Основн. содержание	0,001	0,10	—	0,70	0,015	0,023	0,002	0,003	0,003	—	0,03	—
7,1	Тесло. Ст. Новосвободная. Инв. № 42405	89,40	0,001	0,001	—	10,00	0,007	0,003	—	—	0,001	—	0,01	—
7,2	Кинжал. Ст. Новосвободная	91,30	—	0,07	0,004	8,07	—	0,017	0,002	0,002	0,001	—	0,01	—

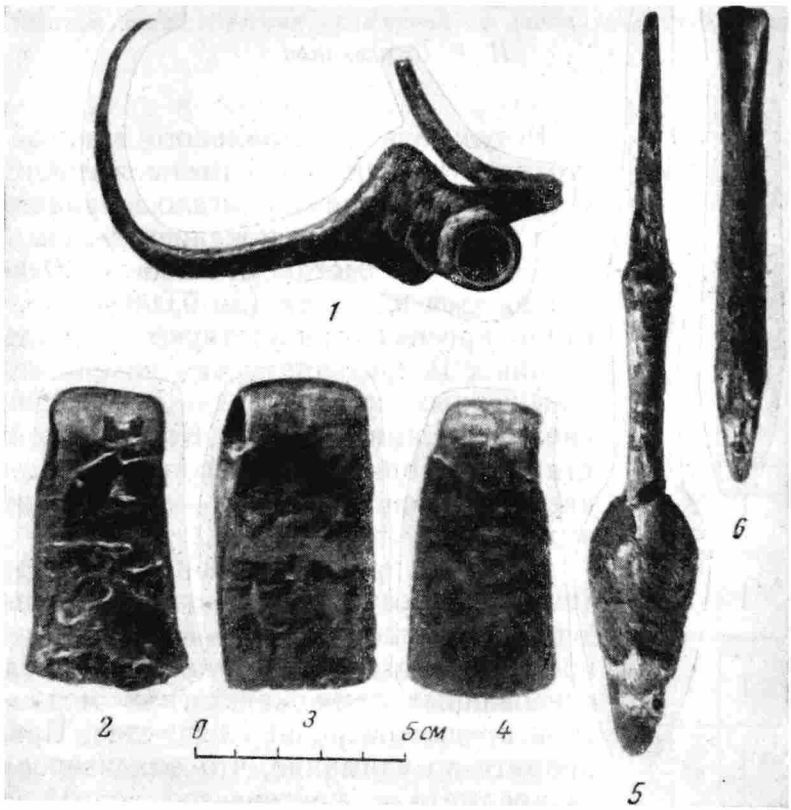


Рис. 6. Металлические предметы из курганов у ст. Новосвободной

1 — двурогая вилка, анализ № 323; *2* — топор, анализ № 322; *3* — топор, анализ № 324; *4* — топор, анализ № 325; *5* — копье, анализ № 321; *6* — долото, анализ № 330

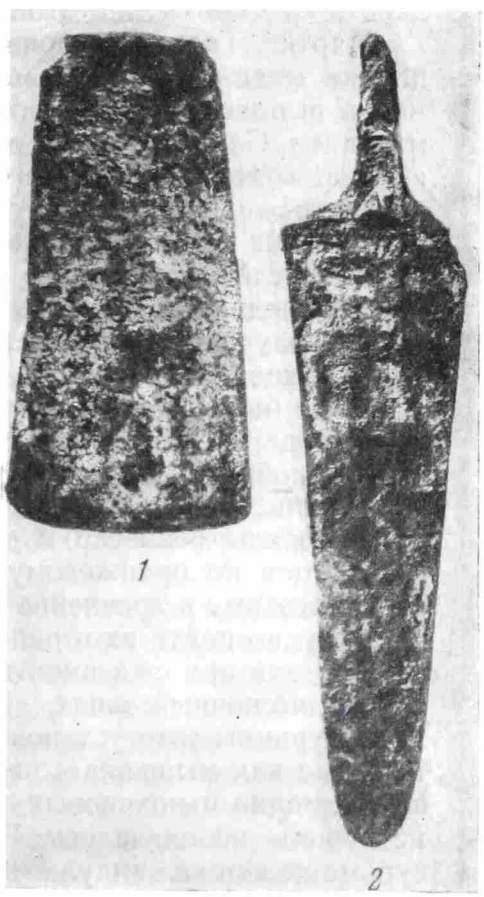


Рис. 7. Металлические предметы из курганов у ст. Новосвободной

1 — тесло, анализ № 326; *2* — кинжал, анализ № 329

Таблица 9

Результаты спектрального анализа отобранных реальгара—аурипигмента и энаргитовой руды

Наименование предмета и данные о нем	Содержание (в %)													
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Mo	P	Fe
Аурипигмент желтый. Даридаг	—	—	До 0,001	—	Основное содержание 7,62	0,03	—	—	—	—	—	—	—	—
Медно-мышьяковая руда (энаргит, пирит, халькопирит). Биттибулахское месторождение	Много	—	0,07	0,06		0,20	До 0,001	—	—	0,001	—	—	—	> 1

Результаты спектрального анализа показали, что все указанные предметы являются не чисто медными, как предполагалось ранее, а медно-мышьяковыми с содержанием мышьяка в неразрушенных предметах от 1,66 до 10,00%. Олово содержится в следах (до 0,008%), остальные металлы-примеси присутствуют в малых концентрациях. В трех предметах никель содержится в повышенных количествах — 0,19, 0,26 и 0,28% (нож и тесло из станицы Костромской и топор из станицы Новосвободной (табл. 8), что указывает на использование медных никеленосных руд.

В одном предмете — шиле из ст. Костромской (табл. 8, анализ № 4) оказалось повышенное содержание золота (0,05—0,1%). Такой большой процент золота не встречался ни в одном из исследованных нами кавказских медно-металлических предметов ранних периодов. При этом надо принять во внимание, что анализировалась патина предмета и фактическое содержание золота в металлической части предмета может быть иное.

8. Источники сырья. На территории Азербайджанской ССР в районе Кедабека имеется Биттибулахское медно-мышьяковое энаргитовое месторождение, руды которого при выплавке могут давать готовый медно-мышьяковый плав.

Мартин Гзель[24], производивший опыты выплавки меди из медно-мышьяковых руд, установил в выплавленном металле содержание до 4% мышьяка. Следовательно, для получения медного сплава, содержащего более 4% мышьяка, одни энаргитовые руды не могли быть использованы без добавки к ним при плавке каких-либо мышьяковых соединений. Кроме того, при совместной плавке медных окисленных руд с мышьяковой рудой получаются сплавы меди с более высоким содержанием мышьяка.

Нами были спектрально исследованы энаргитовая руда из Биттибулахского месторождения и чисто отобранный реальгар и аурипигмент из Джульфинского месторождения (табл. 9).

Минералы реальгар и аурипигмент легко определяются по оранжевому и золотисто-желтому цвету; поэтому в древнейшее время, очевидно, было нетрудно найти их в районе Джульфы, тем более, что они при сжигании и даже при дроблении издают чесночный запах.

В аурипигменте установлено 0,03% сурьмы, в то время как мышьяка в нем более 50—60%. Однако в медно-мышьяковых предметах из Кюль-Тепе сурьмы не оказалось. В состав этих сплавов сурьма не вошла ввиду незначительного количества ее в указанных минералах, к тому же при высокой температуре плавки она могла улетучиться с большей частью мышьяка. Может возникнуть

[24] M. Gselle. Eisen, Kupfer und Bronze bei alten Ägypten. Metz, 1910, стр. 67—69.

вопрос: имеются ли в Азербайджане другие источники медно-мышьякового сырья, кроме энаргита? Действительно, в Дашкесане имеется кобальтово-мышьяковая руда (кобальтин), но она не была использована, о чем свидетельствует полное отсутствие кобальта в исследованных металлических предметах. Следует также отметить, что в близлежащих районах нет самородной меди, содержащей мышьяк в значительных концентрациях.

Г. Отто и В. Виттер[25] утверждают, что древние медно-мышьяковые сплавы, обнаруженные в Германии, выплавлялись из минерала домейкита (Cu_3As), содержащего 71,8% меди и 28% мышьяка. В других местах, где этого минерала не было, по их мнению, использовались медно-мышьяковые руды с добавкой мышьяковых минералов. Так как мышьяк при высокой температуре сгорает, то при получении таких сплавов необходимо было подобрать режим плавки в присутствии раздробленного угля. Мышьяк из минералов, внесенных с древесным углем в расплавленную медь, поглощается ею с образованием мышьяковой меди.

9. Сопоставление результатов анализа исследуемых предметов из Азербайджана и Северного Кавказа. В связи с тем, что исследуемые нами предметы происходят из трех географически отдаленных друг от друга точек, небезынтересно сопоставить результаты их анализа. Для сравнения мы взяли некоторые элементы-примеси, которые в данном случае могут явиться характерными (табл. 10). Ниже мы приводим интервал концентрации некоторых элементов в предметах из отдельных энеолитических памятников.

Из сравнения характерных элементов (табл. 10) наблюдается определенная аналогия состава группы из отдельных археологических объектов, если не считать, что сурьма полностью отсутствует в большинстве предметов из Кюль-Тепе, но ее незначительные количества обнаруживаются в группах предметов из Гонобского могильника (до 0,20%) и кубанских курганов (до 0,02%).

Олово практически отсутствует во всех этих предметах, если не считать его следов и малых количеств, присутствие которых относится за счет содержания его микроконцентраций в первичных рудах. Содержание свинца до 0,40% объясняется также его малыми примесями в медных рудах. Следует отметить отсутствие кобальта в большинстве анализированных предметов, что говорит об использовании руд без его примесей.

Таблица 10

Археологические памятники	Количество исслед. предм.	Интервал концентрации (в %)						
		As	Sn	Pb	Sb	Co	Ni	Ag
Кюль-Тепе	8	1,74—6,09	0,001—0,03	0,001—0,09	0—0,015	0	0—0,005	0,004—0,037
Степанакерт	2	1,64—2,11	0,005—0,06	0,03—0,05	0,03	0	0,006—0,02	0,044—0,048
Гонобский могильник	8	1,42—2,48	0,001—0,013	0,002—0,01	0,007—0,20	0	0—0,008	0,001—0,059
Майкоп	9	2,03—9,08	0,0005—0,002	0,003—0,04	0—0,015	0—0,002	0,001—0,98	0,012—0,906
Курганы ст. Костромской	5	1,72—4,23	0,001—0,002	0,01—0,40	0—0,02	0—0,002	0,001—0,28	0,009—0,075
Курганы ст. Воздвиженской	4	2,21—5,02	0—0,003	0—0,01	0—0,01	0	—	0,001—0,005
Курганы ст. Новосвободной	10	1,95—10,00	0—0,008	0,001—0,18	0—0,015	0—0,002	0,001—0,19	0,003—0,015

[25] H. Otto, W. Witter. Handbuch der ältesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Leipzig, 1952, стр. 46.

Колебания в содержании мышьяка могут быть отнесены за счет использования различных руд.

Пределы содержания мышьяка в предметах из одного и того же памятника ставят под сомнение утверждение Д. Л. Коридзе о том, что чем меньше мышьяка в медно-металлическом предмете, тем более ранним временем его следует датировать [26]. Как видно из анализа обломков котла (табл. 8, анализ № 17), в котором менее 1% мышьяка, содержание последнего может изменяться также и в зависимости от назначения изготовленного предмета.

То обстоятельство, что предметы из различных мест, имеющих аналогичную датировку, оказались изготовленными из меди, легированной одним мышьяком, наталкивает на мысль о возможном использовании одних и тех же рудных источников на определенной территории или же использовании импортированного металла в виде слитков, выплавленного на месте расположения месторождения соответствующих медных и мышьяковых руд.

10. О схеме периодизации эпох раннего металлического времени для Восточного Закавказья. На основании проведенных нами исследований для Восточного Закавказья можно предложить следующую общую схему развития культуры раннего металла.

I этап — энеолит — самый ранний период эпохи металла, когда человек научился использовать медь для изготовления из нее путем холодной ковки нужные ему предметы. Возможно, что он подразделяется на два периода: первый — когда использовалась самородная медь, и второй, более поздний,— когда человек научился выплавлять медь из руд, но еще не научился изготовлять ее сплавы.

Этот этап анализами соответствующих предметов для Восточного Закавказья до сих пор еще не выявлен, и его пока следует считать гипотетическим.

II этап — медно-мышьяковый век, когда человек научился выплавлять чистую медь из окисленных руд и приготовлять медно-мышьяковые сплавы путем совместной плавки медных и мышьяковых руд или же подбором медно-мышьяковых энаргитовых руд.

III этап — бронзовый век, когда человеку стало знакомо олово, и он научился приготовлять оловянистую бронзу. При этом одновременно с оловом для легирования меди применялись и дугие металлы, среди которых были свинец, мышьяк и сурьма. Цинк еще не применялся для этой цели. Наряду с медными сплавами использовалась медь с незначительными примесями.

По-видимому, бронзовый век в свою очередь также разбивается на отдельные периоды, в зависимости от процентного содержания олова в сплавах. Химическое исследование предметов этого этапа для Восточного Закавказья должно явиться темой дальнейших исследований.

[26] Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. СА, 1958. № 1, стр. 140.

ПУБЛИКАЦИИ

А. А. ФОРМОЗОВ и А. Д. СТОЛЯР

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Для характеристики эпохи энеолита на Северном Кавказе наибольшее значение имеют памятники Краснодарского края — Майкопский курган, курганы у ст. Новосвободной (Царской), дольмены Прикубанья и т. д. Все эти комплексы неоднократно были описаны и комментировались как в русской, так и в зарубежной литературе. Изучению культуры Прикубанья эпохи раннего металла очень мешало, однако, отсутствие данных о поселениях этого и более раннего времени, которые могли бы охарактеризовать хозяйство, жилища и ряд других сторон культуры, не освещенных погребальными памятниками.

В 1957—1959 гг. Кубанская экспедиция Государственного Эрмитажа и Краснодарский отряд Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР провели первые в Краснодарском крае исследования поселений эпохи неолита и энеолита. Сообщению о важнейших результатах этих работ и посвящена данная статья.

В 1957 г. была изучена Нижне-Шиловская стоянка, расположенная в 10 *км* к юго-востоку от Адлера, на правом берегу р. Псоу, в 5 *км* от ее устья. С этой стоянки, открытой учителем-краеведом Н. И. Гумилевским, имелся подъемный материал, очень близкий к материалу с двух стоянок Грузии — Одиши [1] и Кистрик [2]. На обоих местонахождениях были собраны как значительные коллекции микролитических орудий, так и большое число фрагментов керамики и орудий чисто неолитических форм: полированных топоров, двусторонне обработанных изделий и т. д. А. Н. Каландадзе считал возможным разделить находки в Одиши на два комплекса: мезолитический — с микролитами и неолитический. А. Л. Лукин, напротив, рассматривал все находки в Кистрике как одновременные. Но, естественно, на материалах сборов вопрос об одновременном бытовании микролитической индустрии и неолитических орудий решить было нельзя. Нижне-Шиловская стоянка представляет в этой связи большой интерес, так как здесь имеется культурный слой, раскопки которого дали бесспорный археологический комплекс.

Серый золистый культурный слой, мощностью от 40 до 80 *см*, залегал вдоль реки четко выраженной линзой под метровой толщей палевого суглинка. Мы вскрыли этот слой на площади 15 $м^2$; его расчистка дала большую коллекцию кремневых орудий и керамики. К сожалению, в связи с особым химическим составом почв здесь, как и на многих других причерноморских стоянках, не сохранились костные остатки.

---

[1] А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. ИИЯИИМК ГрузФАН СССР, вып. IV—3, 1939 (на груз. яз.).

[2] А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 247—286.

Среди кремневых изделий прежде всего выделяется серия геометрических орудий: 171 трапеция и 31 сегмент (рис. 1, *1*, *2*, *4—8*). В числе первых есть ряд трапеций со струганой спинкой, относящихся, как известно, к неолитическому времени [3]. Трапеции и сегменты с Нижне-Шиловской стоянки по своим размерам и характеру ретуши вполне сходны с геометрическими орудиями с других мезолитических и неолитических стоянок юга СССР. Но при их изготовлении употреблялся прием, совершенно не характерный для микролитических стоянок Крыма, Поднепровья, Донетчины и Нижнего Поволжья: и трапеции, и сегменты имеют обработку не только со спинки, но и с брюшка. Эта особенность отмечается на трапециях и с ряда других кавказских стоянок. Так, двустороннюю обработку имеют трапеции с Черных Земель на Ставрополье [4], с дюнных стоянок Ачикулакского района в Прикаспии [5], из Овечки под Черкесском [6] и, наконец, ряд трапеций из Кистрика [7], Анесеули и Метестихе в Западной Грузии [8]. Таким образом, перед нами специфически кавказский прием изготовления геометрических орудий.

Любопытно, что обработка геометрических орудий не только со спинки, но и с брюшка имеется также в натуфийских стоянках Палестины [9]. Если мы вспомним отмеченные С. Н. Замятниным параллели в культуре Кавказа и Палестины эпохи верхнего палеолита [10], это совпадение перестанет казаться нам случайным. Видимо, перед нами свидетельство очень ранних связей Кавказа с переднеазиатскими районами.

Помимо геометрических орудий, на Нижне-Шиловской стоянке найдено много других микролитических изделий из тонких правильно ограненных пластинок. Больше всего (51 экз.) острий с крутой, часто противолежащей ретушью на двух сходящихся краях. Возможно, что это сверла (рис. 1, *3*, *9*, *10*). Имеются также концевые скребки, резцы и косые острия на пластинках, пластинки с выемчатым краем и т. д. Выделяется особая серия пластинок, у которых недалеко от отбивного бугорка с двух сторон ретушью оформлено по выемке так, что у пластинки выделяется как бы головка-черешок. Тот же прием мы видим на крупных грубых пластинах со стоянки (рис. 1, *11—13*).

Все эти изделия из ножевидных пластинок, снятых с хорошо ограненных нуклеусов, показывают, что в период существования стоянки микролитическая техника обработки кремня применялась в самых широких масштабах. В то же время это уже не мезолитическая техника — появились характерные для неолита трапеции со струганой спинкой. Находка в том же культурном слое керамики, большого числа крупных отщепов и пластин, двусторонне обработанных и полированных орудий окончательно доказывает неолитический возраст Нижне-Шиловского поселения.

Среди чисто неолитических форм стоянки больше всего изделий типа пик (22 экз.). Это удлиненные куски кремня или окремнелого песчаника, обработанные с двух сторон грубой отеской, оформляющей два рубящих края (рис. 2, *4*). Близкие макролитические формы имеются в Кистрике [11]. Некоторые из этих изделий, возможно, использовались как грубые рубящие орудия, но бóльшая часть их является заготовками для топоров. Вполне законченных полированных топоров найдено восемь. Некоторые

---

[3] С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 26—31.

[4] Т. М. Минаева. Стоянки с микролитическим инвентарем на Черных Землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 13, *3*, *8*.

[5] Сборы Е. И. Крупнова и Л. В. Греховой. ГИМ.

[6] Сборы В. П. Любина. ЛОИА.

[7] А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. IX, *5*, *6*.

[8] Коллекции из сборов Л. Д. Небиеридзе — в Музее Грузии.

[9] D. Garrod and D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel, т. I, Oxford, 1937, табл. VIII, *14*, *27*.

[10] С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2, стр. 118.

[11] А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. IV, V.

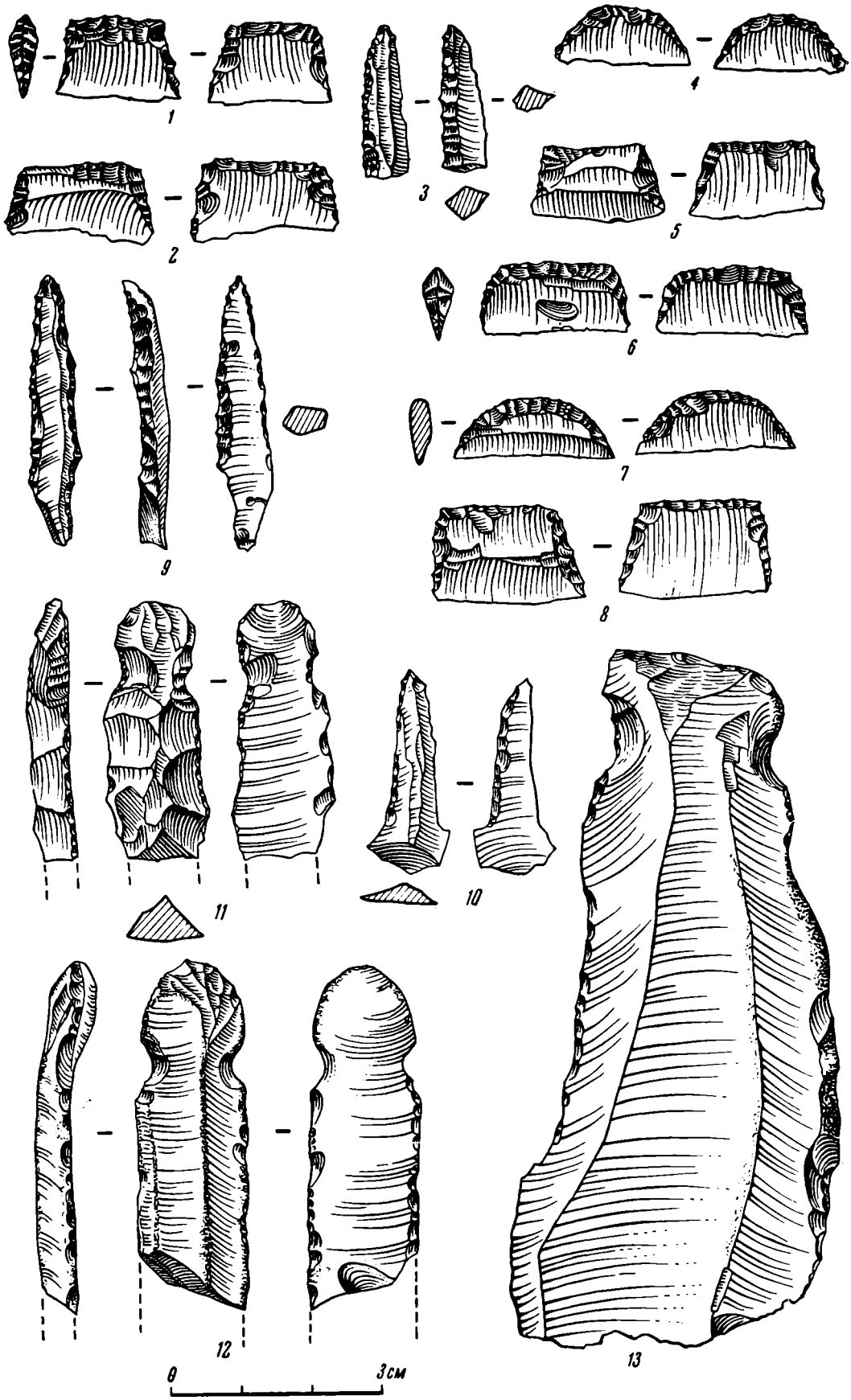


Рис. 1. Орудия из ножевидных пластин Нижне-Шиловской стоянки

1, 2, 5, 6, 8 — трапеции; *3, 9, 10* — острия; *4, 7* — сегменты; *11—13* — пластины с выделенным черешком

из них представляют собой небольшие тонкие лезвия, вероятно, вставлявшиеся в костяные муфты, другие — массивны и имеют почти округлое сечение (рис. *2, 1—3*). Таким образом, обитатели стоянки полностью овладели неолитической техникой двусторонней обработки и полировки камня.

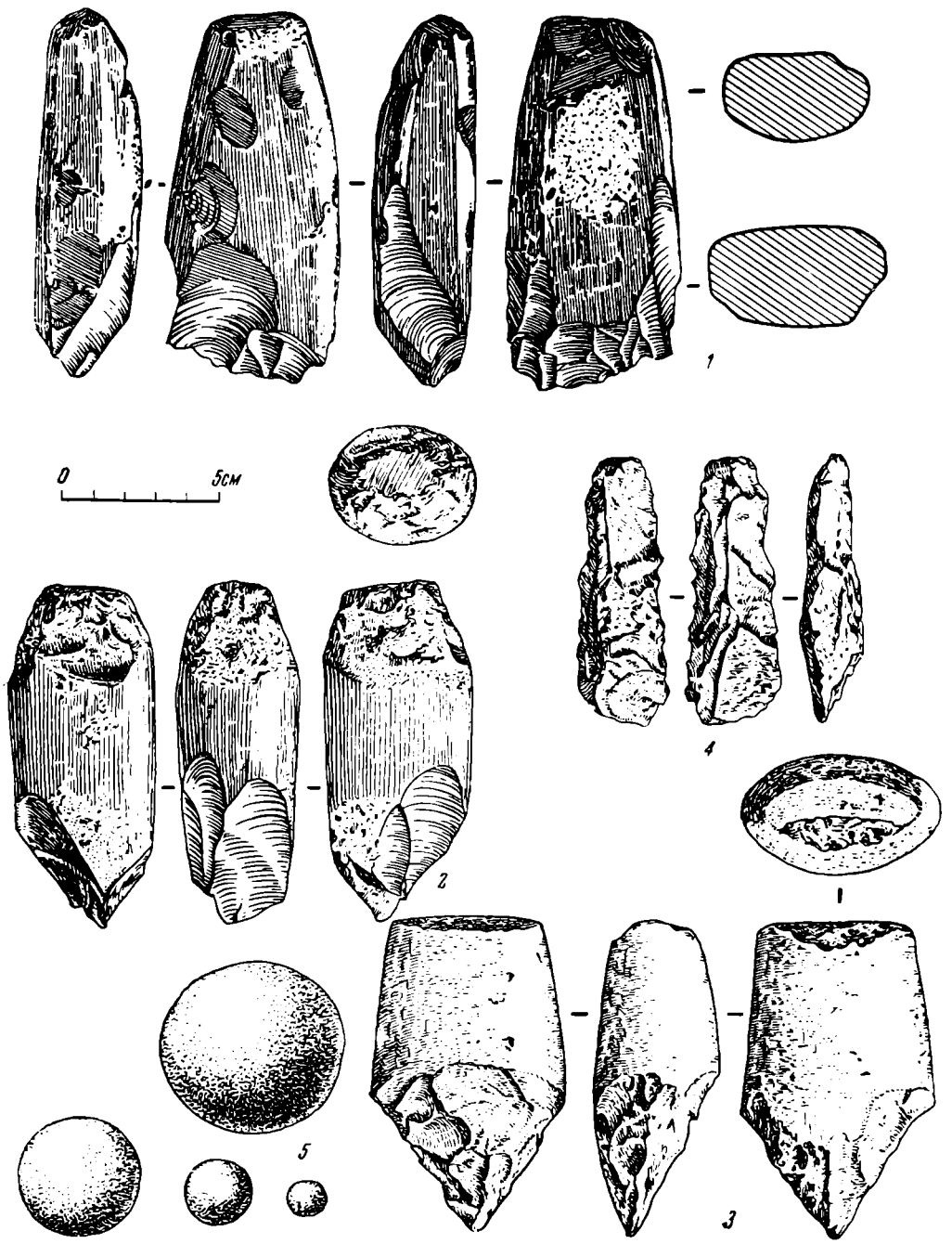


Рис. 2. Топоры и пращные шарики с Нижне-Шиловской стоянки

1—3 — шлифованые топоры; *4* — пиковидное изделие — заготовка топора; *5* — пращные шарики

В культурном слое найдено также несколько десятков правильных округлых шариков, диаметром от 1,5 до 6 *см*. Можно думать, что это шарики для пращи (рис. 2, *5*). Как известно, праща — характернейший вид оружия в таких ранних памятниках Переднего Востока, как Хассун, Халаф, Телейлат Гхассул. Г. Чайлд пишет об этих памятниках: «Кремневые наконечники стрел отсутствуют. Возможно, что лук был заменен пра-

щей» [12]. Нет наконечников стрел и на Шиловской стоянке. Вероятно, перед нами еще одна черта культуры, роднящая неолит Кавказа с памятниками Передней Азии.

При раскопках Нижне-Шиловской стоянки найдено много фрагментов керамики. Орнамент на них, как и в Кистрике, отсутствует. Черепки толщиной 1—2 *см*, желтого цвета с известковистыми примесями в тесте. Стенки сосудов прямые, днища плоские, по форме сосуды близки к банкам, высотой около 20 *см*, диаметром около 16—18 *см* (рис. 3).

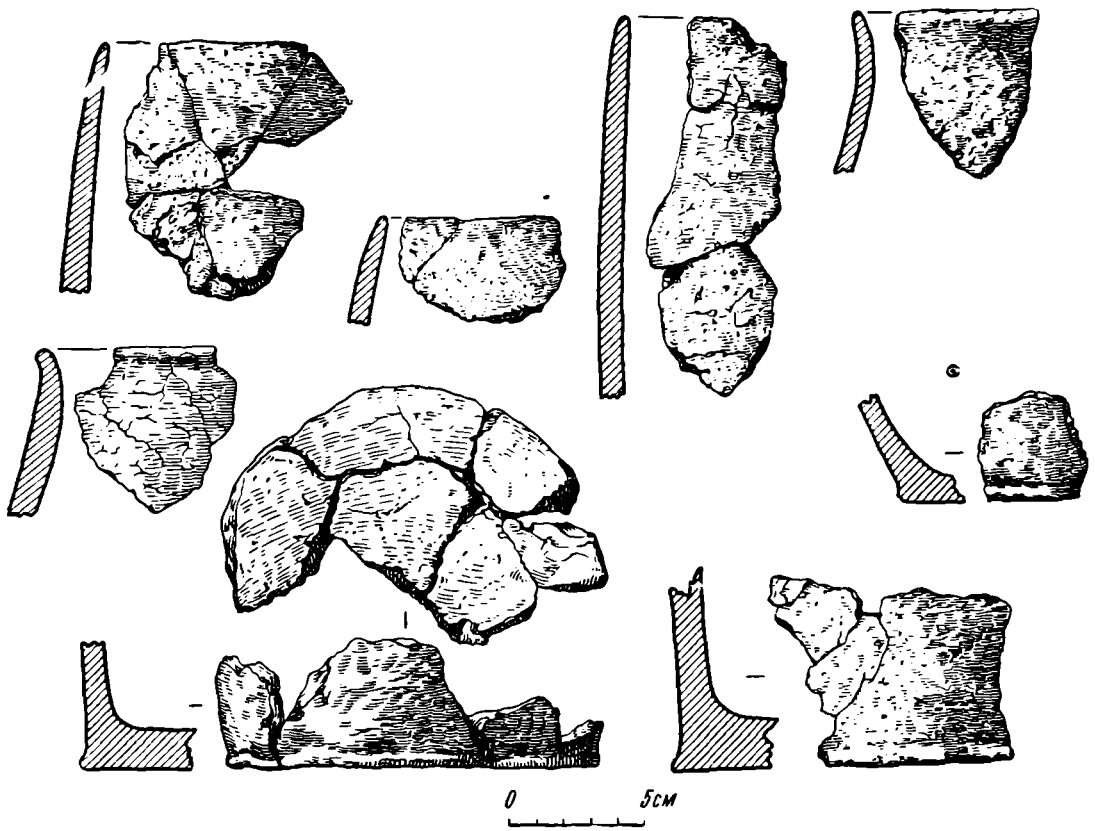


Рис. 3. Керамика Нижне-Шиловской стоянки

Таков комплекс Нижне-Шиловской стоянки. Хотя этот памятник не дал нам материалов, позволяющих судить о хозяйстве обитателей стоянки, тем не менее он представляет большой интерес. Впервые путем раскопок удалось получить данные о комплексе материальной культуры неолита Западного Кавказа. Оказалось, что здесь, как и на Левобережной Украине и в Крыму, в неолитическую эпоху продолжала применяться микролитическая техника обработки кремня. Но одновременно с микролитическими орудиями использовались уже полированные топоры чисто неолитических форм. Появилась и керамика. Очень интересны некоторые черты, сближающие неолит Кавказа с ранними памятниками Переднего Востока. Видимо, связи этих двух районов, хорошо известные по материалам III—II тысячелетий до н. э., уходят в глубокую древность.

В 1958—1959 гг. работы нашей экспедиции велись в другом районе Краснодарского края — в долине р. Белой, выше ст. Абадзеховской. Разведки в этом районе выявили ряд поселений эпохи раннего металла. На трех стоянках были проведены раскопки, с трех других имеются достаточно выразительные коллекции подъемного материала. Из десяти обнаруженных нами памятников восемь находятся не в долинах рек, а на плато — черта, характерная и для более восточных областей Кавказа [13].

[12] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 345, ср. стр. 168, 171.

[13] В. П. Любин. Палеолитические находки в Юго-Осетии. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 58.

Наиболее интересным памятником является поселение Мешоко на правом берегу р. Белой, на мысу при впадении в нее р. Мешоко, в 1 *км* выше пос. Хаджох (ст. Каменномостская). Здесь на плато расположен карьер для ломки камня, прорезающий полутораметровый слой земли над скаль-

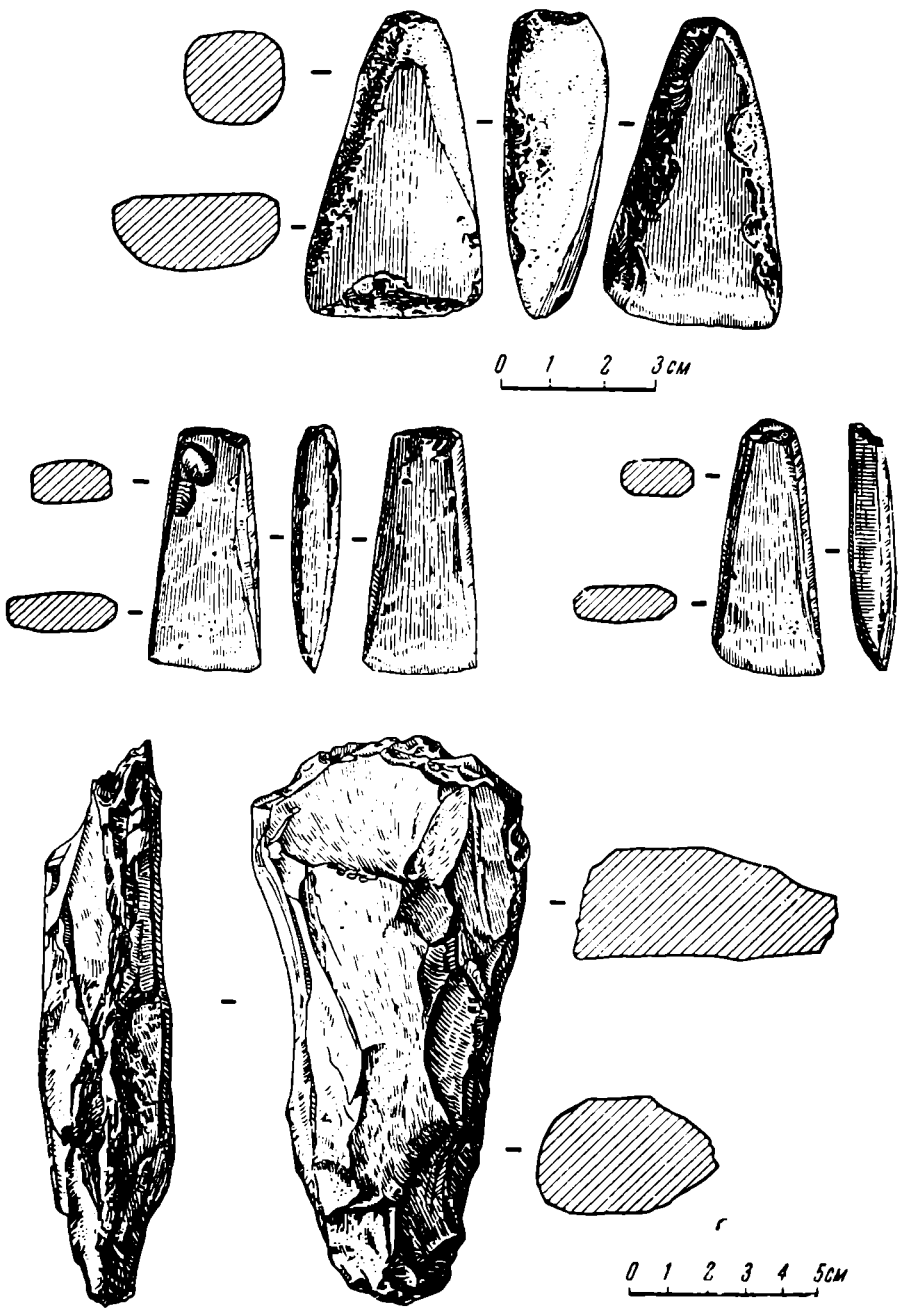


Рис. 4. Топоры с поселения Мешоко

ным основанием плато. В стенках и отвалах карьера было собрано огромное количество культурных остатков. Затем мы прирезали к одной из стенок карьера раскоп размером 96 $м^2$. Вся толща отложений над скалой содержит культурные остатки долговременного, непрерывно существовавшего поселения.

На стоянке найдено множество изделий из камня, причем две категории вещей являются преобладающими и представлены сотнями экземпляров. Это подтреугольные полированные топоры во всех стадиях изготовления и обломки каменных браслетов, также во всех стадиях изготовления. Сре-

ди топоров есть и полностью шлифованные предметы, и подготовленные к шлифовке только оббитые заготовки, и заготовки, лишь начатые обработкой в виде грубообколотой болванки (рис. 4). Подавляющее большинство браслетов вырезано из плиток сланцевидной породы и имеет сечение в виде прямоугольника, шириной 0,8 *см* (рис. 5, *4—6*). Часть браслетов изготовлялась путем двустороннего выбивания из округлых галек, с дальнейшей шлифовкой полученной заготовки. Это хорошо иллюстрируется находками только начатых обработкой галек и затем заготовками во всех

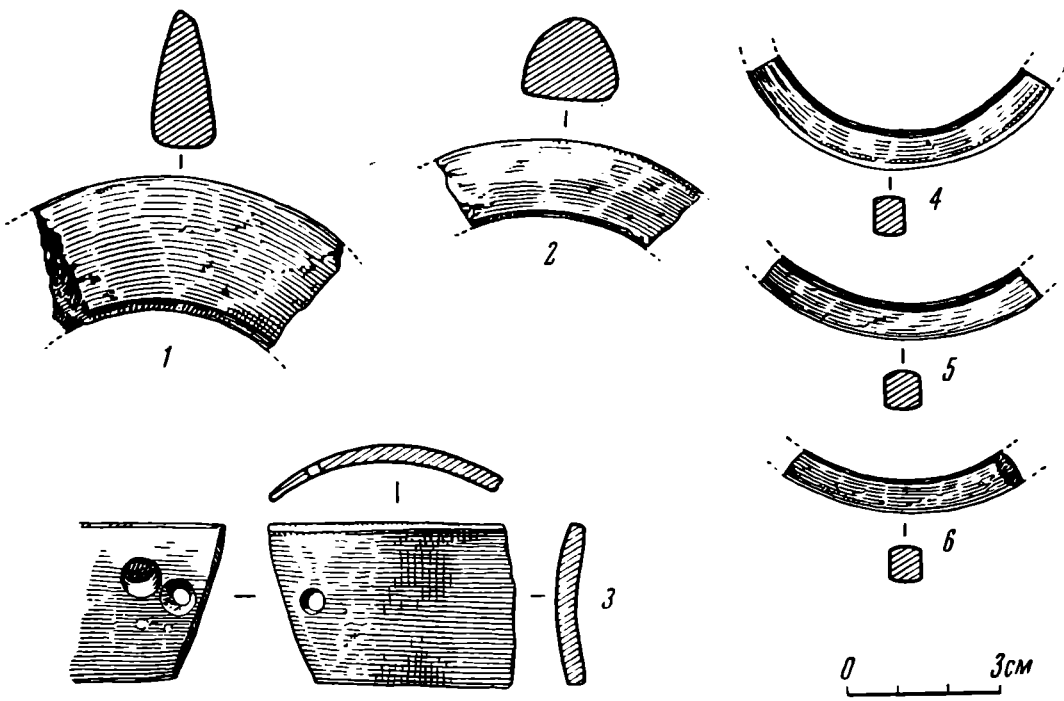


Рис. 5. Обломки каменных браслетов разных типов с поселения Мешоко

стадиях обработки. Эти браслеты, с треугольным сечением, шириной 1,7—2,8 *см,* наиболее близки к браслетам Нальчикского могильника (рис. 5, *1, 2*) [14]. Наконец, очень немного широких тонких браслетов с пластинчатым сечением (рис. 5, *3*). Подобный браслет найден Н. И. Веселовским в кургане близ ст. Тульской, примерно в 25 *км* от Мешоко [15]. Теперь несомненно местное происхождение этого браслета.

Среди других изделий из камня отметим единичные пластинки из импортного обсидиана и изделия из кремня — концевые скребки, орудия с подтесанными концами и несколько сегментов, обработанных, как и в Шиловке, с двух сторон. Сегментовидные формы, как известно, представлены и в инвентаре Майкопского кургана [16]. Много найдено наконечников стрел, принадлежащих к трем типам: одни имеют плоское основание, вторые — черешок, третьи — выемку в основании и иногда асимметричные концы. Все три типа стрел есть в курганах у б. ст. Царской (рис. 6, *5, 6, 8*).

О связи с культурой б. ст. Царской свидетельствует и одна из групп керамики. Подавляющая масса керамики Мешоко лишена орнамента и имеет лощеную поверхность. Среди нелощеной керамики есть около 100 фрагментов с одним и тем же орнаментом — жемчужником (рис. 6, *7, 9, 11*) из рядов шишечек. Совершенно аналогичный орнамент мы видим на

---

[14] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, Б. Б. Пиотровский. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, табл. V и VI.

[15] ОАК за 1897 г., рис. 76.

[16] Там же, рис. 16.

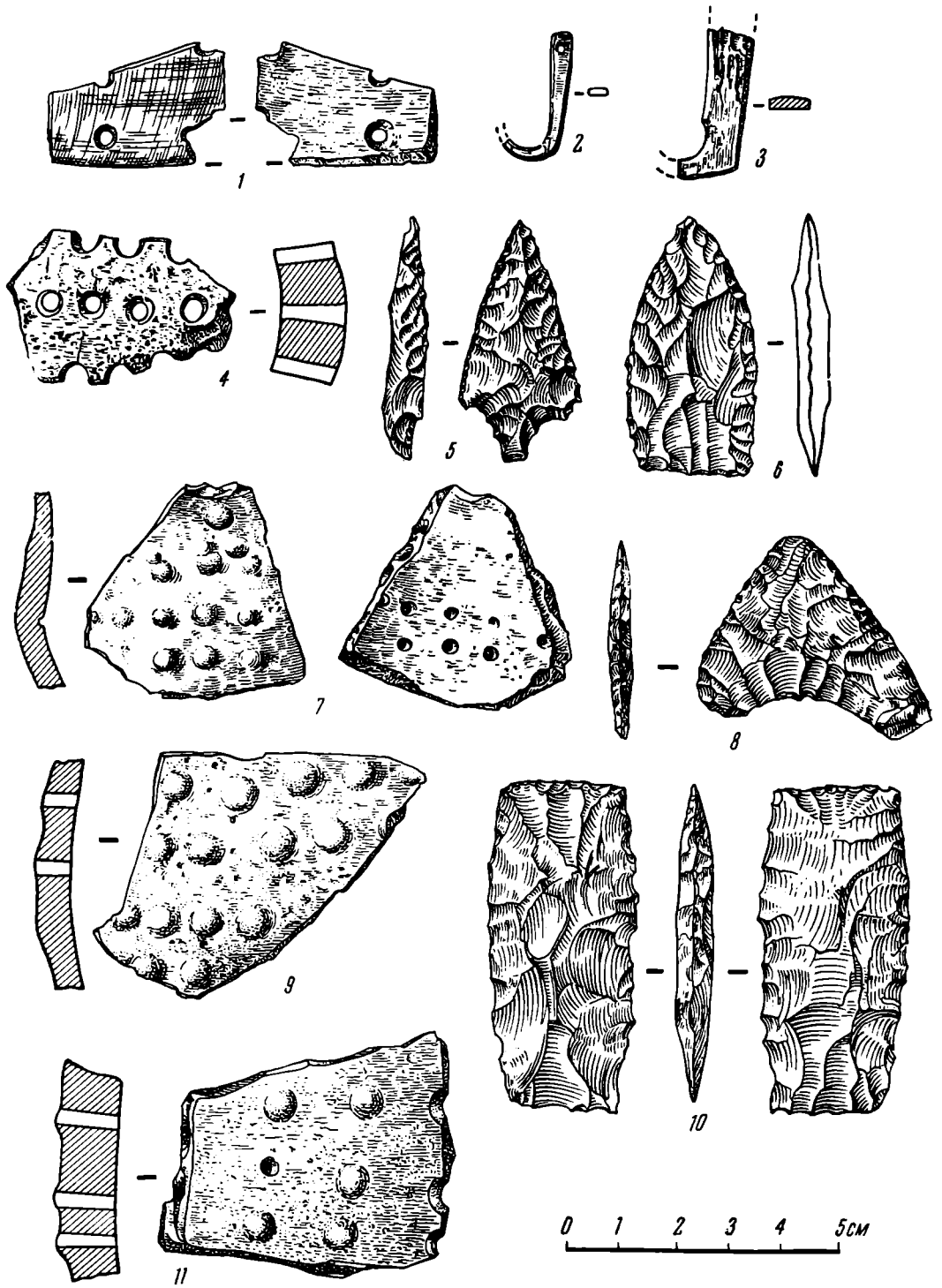


Рис. 6. Находки на поселении Мешоко

1 — пластинка из клыка кабана; *2*, *3* — костяные рыболовные крючки; *4*, *7*, *9*, *11* — фрагменты керамики; *5*, *6*, *8* — кремневые наконечники стрел; *10* — кремневый вкладыш

сосудах из б. ст. Царской [17] и на керамике Долинского поселения [18], соответствующего по времени курганам близ б. ст. Царской. Шишечки продавлены изнутри, после чего внутренняя поверхность сосуда заглажена. Единичными образцами представлены другие виды орнамента: пояса мелких вдавлений, прочерченные заштрихованные зоны и т. д. Посуда в основном была плоскодонной и иногда имела ручки.

[17] ОАК за 1898 г. СПб., 1901, табл. V, *57*, *59*, *63*.

[18] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, табл. VII, *6*.

Поселение Мешоко существовало, несомненно, длительное время. Наблюдения над расположением керамики в мощном культурном слое позволяют заметить ряд хронологических различий в типах посуды. Нижние слои дают тонкостенную лощеную керамику, на которой орнамент в виде жемчужника не встречен ни разу. Изредка встречаются лишь черепки с орнаментом из единичных сосцевидных налепов. В верхней части отложений стоянки посуда более толстостенна, лощеной керамики здесь гораздо меньше, а орнамент из жемчужника широко распространен. Интересно, что в этом слое встречаются и медные шлаки, отсутствовавшие в нижних слоях.

Среди находок в нижнем слое имеется глиняная статуэтка человека с перевязью через плечо. Близкая аналогия ей известна в поселении Узерлик-Тепе в Азербайджане [19].

Раскопки на Мешоко дали также большое число костяных изделий. Найдено три рыболовных крючка, множество острий, каплевидные подвески, очень близкие к подвескам из Царской [20]. Интересны две пронизи из трубчатых костей с нарезкой, идущей по спирали. Такие изделия обычны для ямных погребений Украины [21]. Для проблемы синхронизации памятников эпохи раннего металла на нашем юге интересна также находка прямоугольной пластинки из клыка кабана со сверлинами на четырех углах (рис. 6, *1*). Она близка к пластинкам из Мариупольского могильника, обычно синхронизирующегося с Нальчикским, что теперь подтверждается нашей находкой.

Костные остатки поселения, по определению Н. К. Верещагина, принадлежат главным образом крупному рогатому скоту турообразного характера (известному по Цалкинским курганам) и свинье. Много меньше костей овцы и козы и диких животных — зубра, благородного оленя и косули. Любопытно, что у обитателей стоянки, так же как и у носителей трипольской культуры и населения, оставившего Цалкинские курганы, было два типа крупного рогатого скота — очень большой турообразный скот и коровы, близкого к современному или даже несколько меньшего размера [22]. О земледелии говорят находки зернотерок и двусторонне обработанный вкладыш серпа (рис. 6, *10*).

Раскопки на стоянке Мешоко, перекликающейся по ряду черт культуры с курганами у Майкопа и б. ст. Царской, впервые дали материал о хозяйстве майкопской культуры. Перед нами очень развитое скотоводческое и земледельческое хозяйство, уровень которого и объясняет богатство погребальных памятников б. ст. Царской и Майкопа.

О высоком уровне майкопской культуры говорят и следы каменной стены, возведенной вокруг поселения, на небольшом протяжении исследованной нашим раскопом. Стена сложена из блоков известняка, выломанных из скалы прямо на месте (следы ломки камня хорошо видны в скальном полу раскопа). Прослеживаются два периода сооружения стены. Вдоль стены обнаружены расположенные в один ряд три ямы, выдолбленные в скале. Глубина их от 0,25 до 1 *м*, диаметр — 0,6—0,8 *м*. На одном из участков раскопа над культурным слоем найдено три погребения. Костяки, обращенные головой на юго-запад, лежали вытянуто на спине. При одном обнаружена бронзовая спираль, при другом — подвеска и четырехгранное шило. Эти находки, относящиеся ко II тысячелетию до н. э., дают памятнику четкую верхнюю границу.

---

[19] К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. МИА, № 67, 1959, рис. 23.

[20] ОАК за 1898 г., рис. 52, 59.

[21] См., например, Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. ИАК, вып. 19, 1906, рис. 18.

[22] Н. И. Бурчак-Абрамович. Древний крупный рогатый скот Триалетского хребта. Тр. Естественно-исторического музея им. Зардаби, вып. 9, Баку, 1954, стр. 157—195.

По типу керамики из верхнего слоя, по типу наконечников стрел и подвесок поселение Мешоко имеет много общего с курганами у ст. Царской. Но отмечается и ряд архаических черт; таковы находки браслетов типа браслетов Нальчикского могильника, сегментов, аналогичных сегментам Майкопа. Наконец, показательны высокий уровень обработки и широкое применение на стоянке каменных орудий. В эпоху курганов ст. Царской в Прикубанье существовала, несомненно, уже местная высокоразвитая металлургия. В свете всего этого можно считать, что поселение в Мешоко

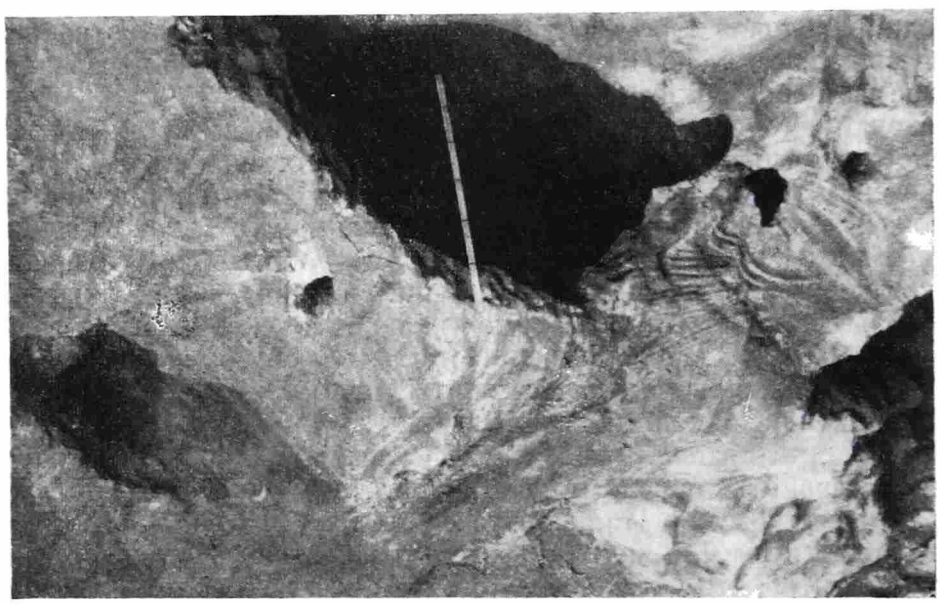


Рис. 7. Глинобитная печь в энеолитическом слое навеса Хаджох III

в основном старше курганов б. ст. Царской и относится к III тысячелетию до н. э. Только верхний слой стоянки можно синхронизировать с курганами б. ст. Царской — рубежа III и II тысячелетий до н. э.[23].

Второй памятник, исследованный нами путем раскопок, находится на левом берегу р. Белой, в 2 *км* ниже Хаджоха, в урочище «Скала». Это тоже мыс плато, расположенный при впадении в Белую ручья Холодного. В тонком культурном слое, вскрытом на площади около 50 $м^2$, найден материал, очень близкий к материалу из верхней части отложений Мешоко. Много фрагментов керамики с жемчужным орнаментом, есть плоские полированные топорики, наконечники стрел и обломки каменных браслетов. Интересен фрагмент глиняной сидячей статуэтки. Многочисленны находки зернотерок.

Третье поселение той же культуры обнаружено на южной окраине пос. Хаджох, в скальных навесах, расположенных в 500 *м* ниже стоянки Мешоко, на том же берегу Белой, в 30 *м* над рекой. В навесах Хаджох I и III вскрыто около 70 $м^2$ культурного слоя. Под отложениями IV—V вв. н. э. и VIII—VII вв. до н. э. здесь найден слой со знакомой нам красной и чернолощеной керамикой с жемчужным орнаментом. Однако кремневые изделия в этом слое представлены всего двумя нуклеусами, двумя скребками и несколькими отщепами. Нет и ни одного обломка каменных браслетов. Зато найден медный бесчеренковый нож со скругленными концами и ребром посередине лезвия (рис. 7). Все это позволяет говорить о том, что поселение Хаджох существовало позже поселений Мешоко и Скала.

Показательны и некоторые отличия в керамике. Если в Мешоко жемчужный орнамент на лощеной керамике не встречается, то в Хаджохе мы

[23] О дате ст. Царской см. А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 199.

находим фрагменты сосудов с жемчужным орнаментом, подвергшихся затем лощению. Жемчужины были при этом смяты и слились в неровный валик. Среди фрагментов с жемчужным узором есть обломки сосудов с бомбовидным туловом, вполне аналогичных сосудам из Царской.

Наконец, очень интересна находка 12 фрагментов керамики, резко отличающейся от остальной керамики слоя. Это осколки тонкостенной, идеально обожженной посуды с лощением и следами черной росписи по желтому

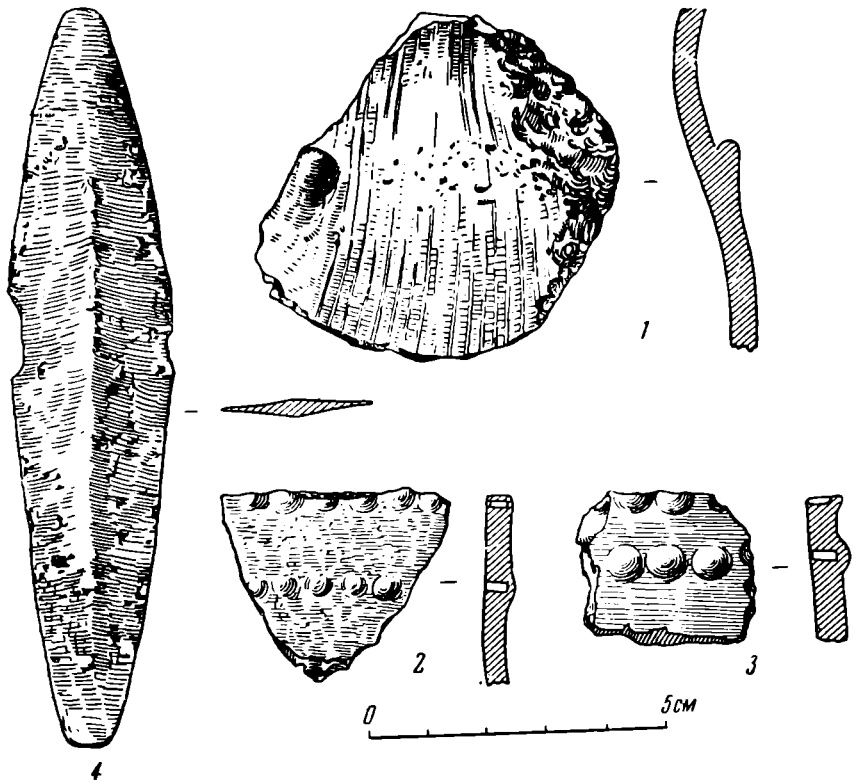


Рис. 8. Находки в энеолитическом слое навеса Хаджох III

1—3 — керамика; *4* — медный нож

фону. Звонкие черепки этой группы керамики настолько отличны от остальных рыхлых толстостенных черепков Хаджоха, что приходится предположить — не имеем ли мы дело с импортной керамикой. Для поселений начала II тысячелетия до н. э. в Воронцовской пещере (примерно 70 *км* к югу от Хаджоха, за хребтом) Л. Н. Соловьев отмечал наличие небольшого числа импортной посуды [24]. Один из фрагментов из Хаджоха находит аналогию в импортной керамике из Воронцовской пещеры. Это обломок с пластинчатой ручкой, просверленной посередине и прилепленной на перегибе от горла сосуда к плечам. Другой выразительный фрагмент из Хаджоха — обломок маленького дна сосуда с рифлением стенок. Сосуд с пластинчатыми просверленными ручками найден и в одном из погребений майкопской культуры — у ст. Раевской, под Новороссийском. Здесь, под курганом на настиле из гальки, В. И. Сизов обнаружил погребение, сопровождавшееся сосудом и медным кинжалом [25]. Находки импортной керамики в памятниках майкопской культуры пока немногочисленны, и еще трудно определить, откуда происходит эта посуда. Но, во всяком слу-

---

[24] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхазского ИЯЛИ, вып. XXIX, Сухуми, 1958, стр. 155.

[25] В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря, археологическая экскурсия. МАК, вып. II, 1889, стр. 94—97, табл. XVI, *2, 5, 7.*

чае, перед нами новое интересное свидетельство далеких южных связей майкопцев.

В Хаджохе найдено более десяти зернотерок и кости коровы, свиньи, овцы, козы и диких животных — косули, благородного оленя и кабана.

В навесе III прослежен ряд конструктивных деталей. Внутренняя часть навеса была отгорожена каменной кладкой, служившей, видимо, основанием стены из плетенки, обмазанной глиной. Пол навеса, покрытый слоем гальки, был обмазан глиной и утрамбован. В центре навеса была сооружена печь, размером 2 × 1,3 *м*. Она пристроена к двум блокам известняка, упавшим с потолка пещеры, а щель между ними использована как дымоход. Перед камнями была вырыта яма, глубиной 0,6 *м*, а над ними возведен округлый глинобитный свод с включениями камней, составляющих каркас перекрытия. Толщина свода не менее 0,25 *м* (рис. 8). Поселение в Хаджохе погибло при обвале потолка навеса. Над энеолитическими отложениями лежит пласт блоков известняка, в распределении же находок в слое наблюдается интересная закономерность: верхняя часть энеолитического слоя (мощность его 1 *м*) почти не содержит находок, зато на уровне в 0,2—0,3 *м* над полом культурного слоя найдены скопления материала, в том числе раздавленные сосуды. Видимо, верхняя часть отложений — это завал стен жилища, а уровень находок — пол жилища в момент его гибели. Таким образом, раскопки в Хаджохе впервые дали нам представление о жилище майкопской культуры.

На других поселениях бассейна Белой (у ст. Темнолесской, в уроч. «Павловская поляна» близ ст. Абадзехской, у ст. Севастопольской и др.) собраны каменные орудия и керамика. Стоянка около ст. Севастопольской дала много двусторонне обработанных вкладышей для серпов.

Район Хаджоха отстоит от Майкопа на 40 *км* и от Новосвободной — на 20 *км*, Абадзехская и Севастопольская еще ближе к обоим пунктам. Следовательно, нами начато исследование поселений, лежащих в непосредственной близости от классических памятников майкопской культуры. Уже первые раскопки на стоянках познакомили нас с остатками жилища этой культуры, с мастерской, где изготовлялись каменные орудия и украшения, доставили материалы о хозяйстве майкопской культуры, о хронологических различиях в ее инвентаре. От дальнейших широких раскопок можно ожидать еще более интересных находок и наблюдений.

Р. К. РИМАНТЕНЕ

СТОЯНКА КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ САМАНТОНИС

Стоянка Самантонис находится на левом берегу р. Швентои; она расположена на песчаной равнине и занимает территорию длиной в 600 *м* и шириной в 2—300 *м*. С севера она ограничена дюнами, лежащими у старого, болотистого русла р. Швентои. С восточной стороны песчаная площадь стоянки оканчивается в 200 *м* от дороги грядой камней моренного происхождения, с южной — ложбиной в 50—100 *м* от р. Швентои. Стоянку пересекает ручей Акуня.

Стоянка отмечена на археологической карте П. Тарасенко [1]. Находки с этой стоянки получены из Вепряйской начальной школы. Подъемный материал здесь собирал проф. К. Яблонскис. Большой материал со стоянки находится в Каунасском гос. художественном музее им. М. К. Чюрлиониса, сотрудники которого проводили ее исследование.

Был собран подъемный материал и произведены раскопки остатков жилища.

Материал стоянки Самантонис относится к двум периодам. Большинство изделий каменного века найдено у ручья Акуня. Мезолитические изделия концентрировались в южном конце стоянки, в виде отдельного «гнезда», а предметы бронзового века встречались на всей площади стоянки. Мезолитическая стоянка подобна уже известным на территории Литвы мезолитическим стоянкам. Поселение бронзового века до настоящего времени является в Литве единичным; здесь, наряду с хорошо известными кремневыми изделиями, найдены фрагменты весьма характерной керамики, фрагменты шлифованых каменных топоров и булав, и самое важное — остатки жилища.

Материал мезолитической стоянки. Установить границы стоянок раннего и позднего периодов нельзя. Только типологически, сравнением с находками из других местностей Литвы, можно отделить мезолитические изделия от изделий бронзового века. Бóльшая часть мезолитических изделий покрыта довольно толстой белой или синевато-белой патиной. Другая часть изделий покрыта коричневатым слоем ортштейна.

Мезолитических изделий на этой стоянке найдено значительно меньше, чем орудий неолитического облика, но вполне достаточно для выявления особенностей мезолитической культуры. Стрел очень мало; большинство находок составляют скребки и, в особенности, резцы.

Найденные на стоянке четыре наконечника стрел (два целые и обломки от двух других) мы можем отнести к двум типам. Два наконечника (рис. 1, *1, 2*), изготовленные из пластин, односторонние — вершина скошена к одной стороне и ретуширована. Два другие (рис. 1, *3, 4*), свидерского типа, представлены обломками черешков с ретушью, нанесенной по краям, со стороны спинки. Сохранившиеся части обоих наконечников покрыты патиной.

---

[1] P. Tarasenka. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas, 1928.

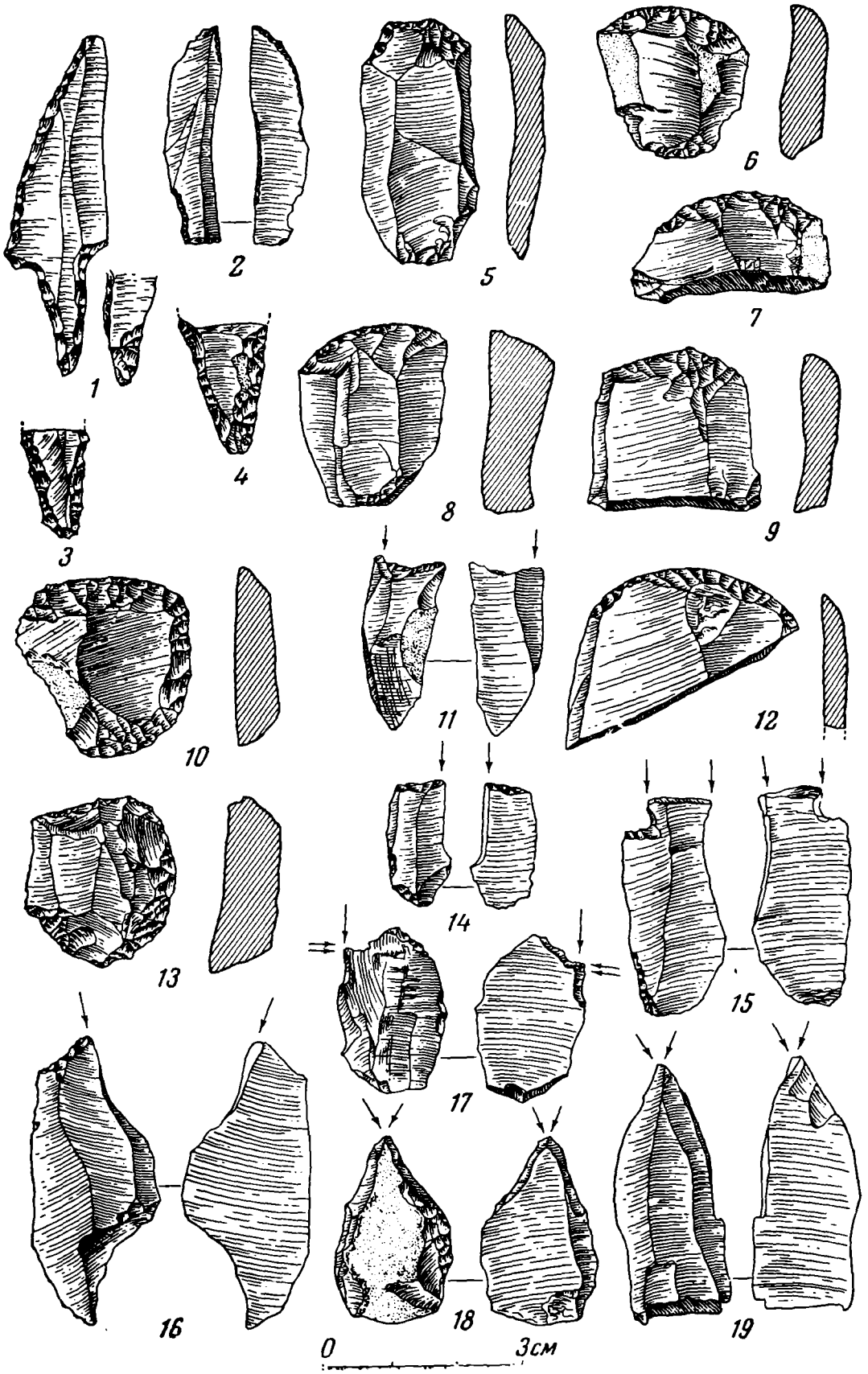


Рис. 1. Мезолитические изделия из кремня

Значительную часть инвентаря составляют скребки, довольно однотипные. Найден только один длинный скребок (рис. 1, *5*), весьма плоский. Все же остальные короткие, изготовленные из коротких, напоминающих пластинки, отщепов. Обычно на противолежащем рабочему краю конце скребка имеются сколы (рис. 1, *6, 8*). Другие скребки изготовлены из толстых обломанных снизу пластин. Интересен скребок (рис. 1, *12*), изготовленный из плоской и очень широкой пластины; по-видимому, он не был настоящим скребком, а применялся как нож. Подобное назначение могло иметь и другое изделие (рис. 1, *7*).

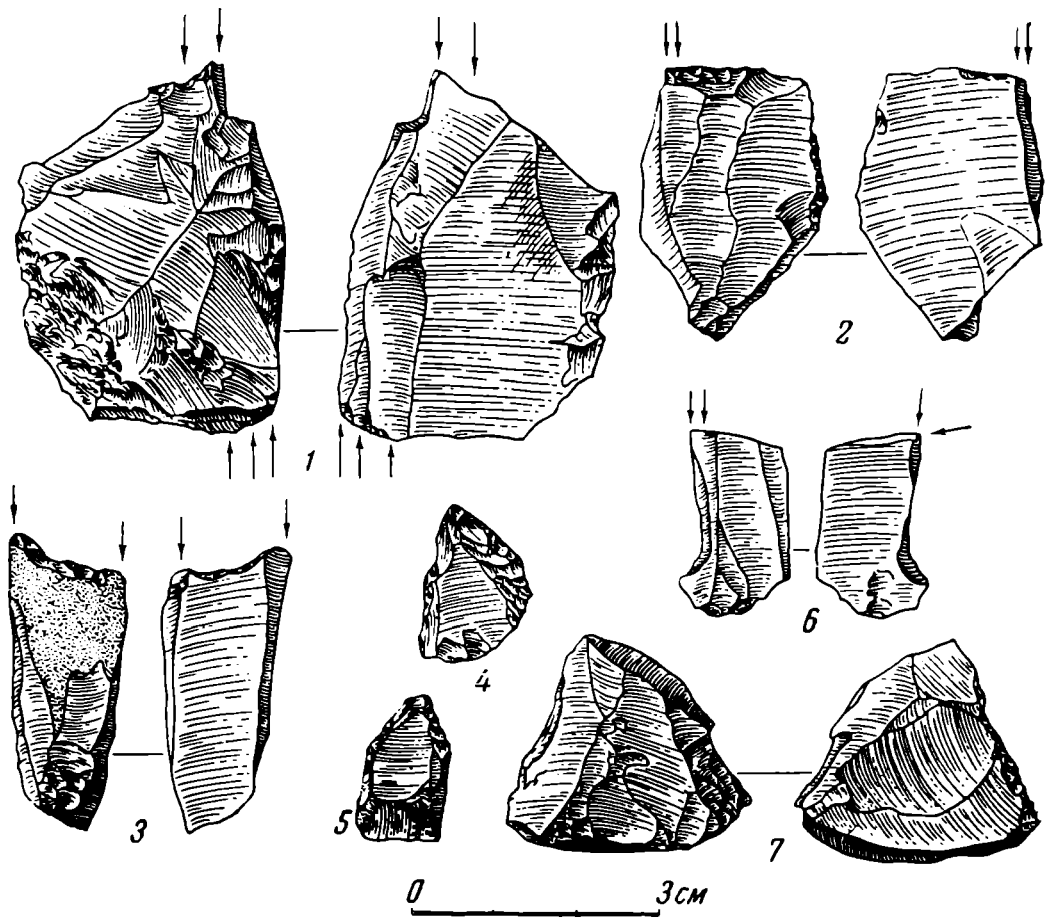


Рис. 2. Мезолитические изделия из кремня

На стоянке было найдено четыре двухконечных коротких скребка (рис. 1, *10, 13*). Лезвия у всех крутые, хорошо ретушированные.

Бóльшую часть мезолитического инвентаря составляют резцы. Два из них весьма характерные серединные (рис. 1, *18, 19*), у которых режущий угол образован скрещивающимися в середине двумя узкими сколами. Найдено три боковых резца (рис. 1, *16*).

Больше всего найдено угловых резцов. Принципы их техники те же, что и у боковых или серединных резцов, только краевой скол идет ровно вниз, а верхний скол или ретушь — перпендикулярно этому сколу. Часть из них изготовлена одним сколом (рис. 1, *11, 15, 17*). Весьма интересен двухконечный резец (рис. 2, *1*), изготовленный из беловатого, покрытого патиной, куска кремня. Поверхность неровно оббита. Три других угловых резца (рис. 2, *2*) имеют ретушированную верхнюю грань и перпендикулярно идущие сколы. Весьма схожи с упомянутыми три следующих резца; только у них имеются два скола, у обоих краев (рис. 2, *3*). У этих сколов ретушь обыкновенно бывает ровная или вогнутая. Ретушированные части резцов могли применяться как скребки.

Прочих типичных мезолитических изделий на этой стоянке найдено немного. Это чаще всего кремневые отщепы с краевой ретушью. Необходимо отметить как наиболее типичные отщепы, которым придавалась определенная форма и у которых ретушировался кончик (рис. 2, *4, 5*). Их найдено пять; остальные представляют собой обыкновенные отщепы с ретушью.

Из кремневых отщепов и обломков изготовлялись различные орудия, иногда только с небольшой ретушью у какого-либо края. Таких ретушированных отщепов найдено 263; пятую часть их составляют относительно бесформенные отщепы кремня, а остальные — сколотые кремневые пластинки. Большинство их имеет диаметр в несколько сантиметров. Ретушь, обыкновенно мелкая и совсем слабая, применялась для выравнивания какого-либо края.

В это число входят как мезолитические, так и неолитические отщепы, так как отделить одни от других весьма затруднительно. Большинство отщепов из светло-серого кремня, но встречаются и предметы с ортштейном и патиной. По наружному виду, технике скола и обработке можно считать, что третью их часть составляют мезолитические изделия.

Найдено несколько ретушированных мезолитических пластинок. Нуклеусы небольшие (рис. 2, *7*), неправильной пирамидальной формы. Подобные мезолитические изделия встречены и на других стоянках Литовской ССР. Невдалеке, на стоянке Салининкай (Ионавского района), находящейся тоже на левом берегу р. Швентои, найден такой же комплекс изделий, с широкими наконечниками стрел, короткими резцами и пр. Широкие наконечники стрел встречаются на стоянках с более древними комплексами изделий — двухконечными призматическими нуклеусами, длинными скребками и т. д. как, например, на стоянке Шилялис II, Каунасского района, а также на стоянках Южной Литвы (дюна на торфянике Глина, Максимонис, Памеркине Варенского района). Но вместе с тем комплекс изделий Самантонис является поздним мезолитическим. На это указывают нуклеусы, угловые резцы и другие орудия, напоминающие уже неолитические. Кроме того, и местоположение стоянки, находящейся на первой речной террасе, говорит о том, что люди на ней не могли поселиться ранее, чем в Литориновый период.

Материал стоянки бронзового века. В центральной части песчаной площади, к северу от ручья Акуня, находилось продолговатое, неправильной формы возвышение, около 0,6 *м* высотой. Заложенный в юго-восточной части этого возвышения разведочный раскоп I (рис. 3) показал, что здесь залегает слой углей и золы, толщиной в средней части 0,05—0,1 *м*, на склонах толщина уменьшалась. Ближе к середине в этом слое были найдены кусочки обожженной глины. Возвышение было прикрыто песком. После снятия слоя песка обнаружена довольно ровная поверхность слоя угля и золы, слегка приподнятая к северной и южной сторонам и немного углубленная в середине.

Кострище имело форму неправильного овала, разрушенного в западной части.

Слой угля и золы на восточном и южном краях имел несколько сантиметров толщины. В северном и южном концах площадки он достигал 10—12 *см*. Здесь найдены остатки ветвей молодых деревьев, сосны и березы.

Непосредственно под слоем угля и золы почти на всей площади найдена пережженная глина. Необходимо отметить, что залежи глины находятся от стоянки в 2 *км*. В восточной и западной части, вблизи слоя угля и золы, глина не составляет слоя и встречается только отдельными маленькими кусочками, а в северной и южной части глина залегает слоем в 5—7 *см* толщиной. Многие куски обожженной глины (толщиной в 2—3 *см*) заглажены с одной стороны и хранят отпечатки веток с другой. Очевидно, это внутренняя обмазка стен строения.

Вход в жилище был с восточной стороны. Найденные камни, по-видимому, служили для опоры столбов входа.

Строение опиралось на два прочных столба. Следы одного столба (разрез II) находились почти посередине площади, где прослежена суживаю-

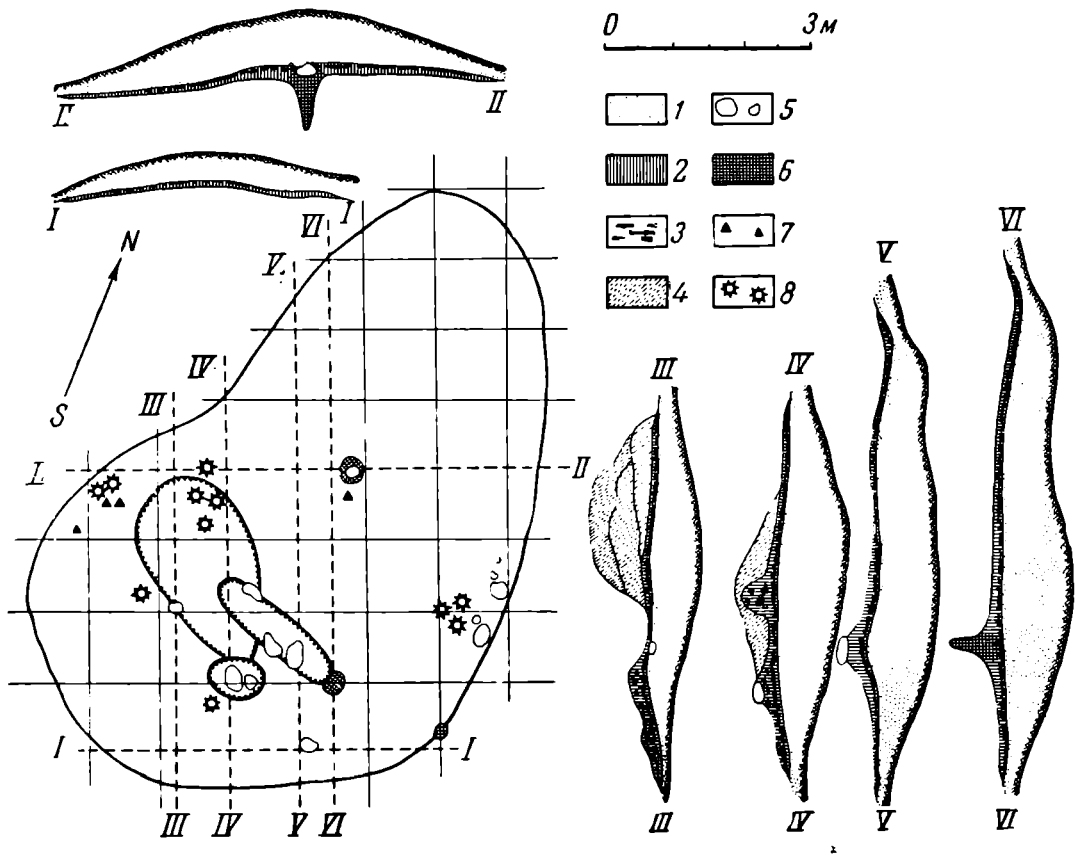


Рис. 3. План и разрезы жилища стоянки Самантонис

1 — песок; *2* — угли и зола; *3* — куски обожженной глины; *4* — песок с углем; *5* — камни; *6* — следы столба; *7* — кремни; *8* — обломки сосудов

щаяся книзу яма 0,9 *м* глубиной от поверхности слоя угля и золы и ими же заполненная. Камень, завалившийся это углубление сверху, по-видимому, служил для бокового упора столба. Остатки второго толстого столба (разрез VI) обнаружены в юго-восточном конце площадки. Конец этого столба тоже был заострен. Этот столб был впущен в землю на глубину 0,75 *м*. Наличие упавшей поверх столбовых ям глины еще раз подтверждает, что эта глина должна была служить обмазкой потолка или стен.

Эти столбы поддерживали крышу, а плетеные стены постройки в виде шалаша местами были укреплены столбами небольшого диаметра. Найдены остатки одного такого бокового упора. Он находился на самом краю пятна угля и золы. На поверхности этого слоя было обнаружено небольшое белое пятно — по-видимому, след бересты. Остатки опорного столба были прослежены на глубину до 0,15 *м* ниже слоя угля и золы. Конец его суживающийся и слегка округлый (рис. 4).

В середине сооружения под слоем угля и золы найдены три ямы. Большая яма (разрез III) находилась в юго-западном конце шалаша и имела около 1 *м* глубины. В ней было обнаружено несколько прослоек золы, угля и обожженной глины.

В эту яму включаются еще две ямы. Одна из них продолговатая, вытянутая в направлении запад — восток, глубиной около 0,5 *м*. Вся яма на-

полнена смесью угля, сажи, песка, обожженной и необожженной глины. На дне ямы найдено много обугливших кусков бересты и сосновой коры. Интересны найденные большие куски смеси золы и угля с ясными отпечатками с двух сторон бревен, 10—15 *см* в диаметре. По-видимому, это отпечатки частей сооружения. На дне ямы на глубине 0,2—0,3 *м* от поверхности слоя угля и сажи, на нетронутом, чистом песке найдено три обож-

Рис. 4. Реконструкция жилища

женных камня до 30 *см* диаметром. Вторая яма неглубокая. Находящиеся в ней два камня тоже лежат на поверхности нетронутого песка.

Вероятно, первый очаг этого жилища находился в большой яме, но позднее им не пользовались, и он был засыпан песком; поэтому уголь и зола в нем были найдены только на дне; во время пожара шалаша эта яма была уже заполнена песком. Позднее были устроены два таких очага, которыми пользовались вплоть до пожара жилища.

На поверхности слоя угля и золы и под ним найдено много отдельных черепков толстостенных глиняных горшков. Большинство их найдено в кострищах. Обнаружены также обломки глиняных мисок (рис. 5).

Из кремневых изделий в слое угля и золы был найден короткий наконечник стрелы (рис. 6, *16*), скребок серого цвета с ретушью на обоих концах (рис. 7, *6*) и узкая пластинка. На глубине 0,2 *м* от поверхности слоя угля и сажи найдена и птичья кость. На песчаной поверхности стоянки были обнаружены остатки других кострищ или жилищ, которые концентрировались в восточной части площади стоянки на левом берегу ручья Акуня, а некоторые были обнаружены и на правом ее берегу. Такими остатками являлись круглые площадки 2—6 *м* в диаметре, расположенные в 5—15 *м* одна от другой и почти сплошь покрытые кусочками рассыпавшегося гранита. Середина этих площадок возвышалась на 0,15—0,25 *м* над поверхностью песка. Под камнями и между ними обнаружены остатки глинистого песка с мелкими вкраплениями золы. Вокруг этих площадок встречались черепки и большей частью целые кремневые изделия бронзового века.

По-видимому, эти площадки являются остатками кострищ или глинобитных полов жилищ. Камни, очевидно, находились на их поверхности.

Этнографические данные говорят о том, что основным жильем номадов Северной Европы и Азии был круглый шалаш из жердей, который летом покрывался берестой, а зимой шкурами северных оленей. Лопари, жив-

шие в лесных областях и в приморье, свои шалаши со сводчатой крышей плели из ветвей, закрывали шкурами и обкладывали дерном. Конические шатры у лопарей встречались редко.

Можно предполагать, что круглые площадки являются остатками конических построек, которые в Восточной и Северной Европе устраивались

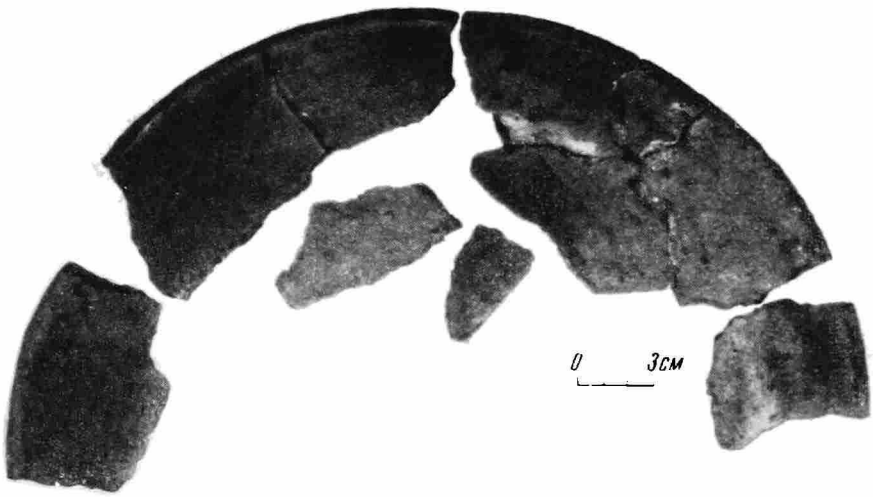


Рис. 5. Обломки чаши, найденной в жилище

еще недавно и служили летней кухней (латыши, эстонцы, финны, карелы, башкиры [2]) или временным жилищем охотников (мари [3]).

Шалаши этой формы встречаются в Средней и Западной Европе [4], но на севере они не являются заимствованными; это чисто местная форма, тесно связанная с культурой охотников. Необходимо отметить, что, например, в Швеции остатки круглых шалашей в неолите встречаются только в восточной части, на о. Готланд, и в южной части, где в то время еще господствовала культура охотников и рыболовов [5].

На стоянках каменного и бронзового веков Литвы такие площадки встречаются часто, и их можно считать остатками конических шалашей.

Жилище бронзового века неправильной овальной формы в Литве обнаружено и исследовано нами впервые. Его связь с другими жилищами данной территории пока не ясна.

Аналогии открытому нами в раскопках жилищу можно найти в различных областях северной культуры, в особенности в Швеции, где они встречаются в эпоху неолита и в бронзовом веке и представляют собой постройки четырехугольного плана или конические шалаши с глиняной обмазкой [6].

Кроме нескольких уже упомянутых кремневых орудий, найденных на площади исследованного жилища, все остальные собраны на поверхности стоянки. Мезолитические изделия, в отличие от них, концентрировались на ограниченном пространстве.

---

[2] I. Manninen. Die Sachkultur Estlands. Sonderabhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, т. II, Tartu, 1933.

[3] U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finniscen und ob-ugrischen Völker. Finnisch-ugrische Forschungen, т. VII, Helsinkfors, 1907, стр. 56, 63.

[4] A. Haberland. Die volkstümliche Kultur Europas. Buschan. Illustr. Völkerkunde, II, Stuttgart, 1926, стр. 406.

[5] S. Erixon. Svensk byggnadskultur. Stockholm, 1947, стр. 46, 719.

[6] S. Lundqvist. En uppländsk gårdsanläggning från stenåldern. Fornvännen, 1916, вып. 3—4, стр. 164—180.

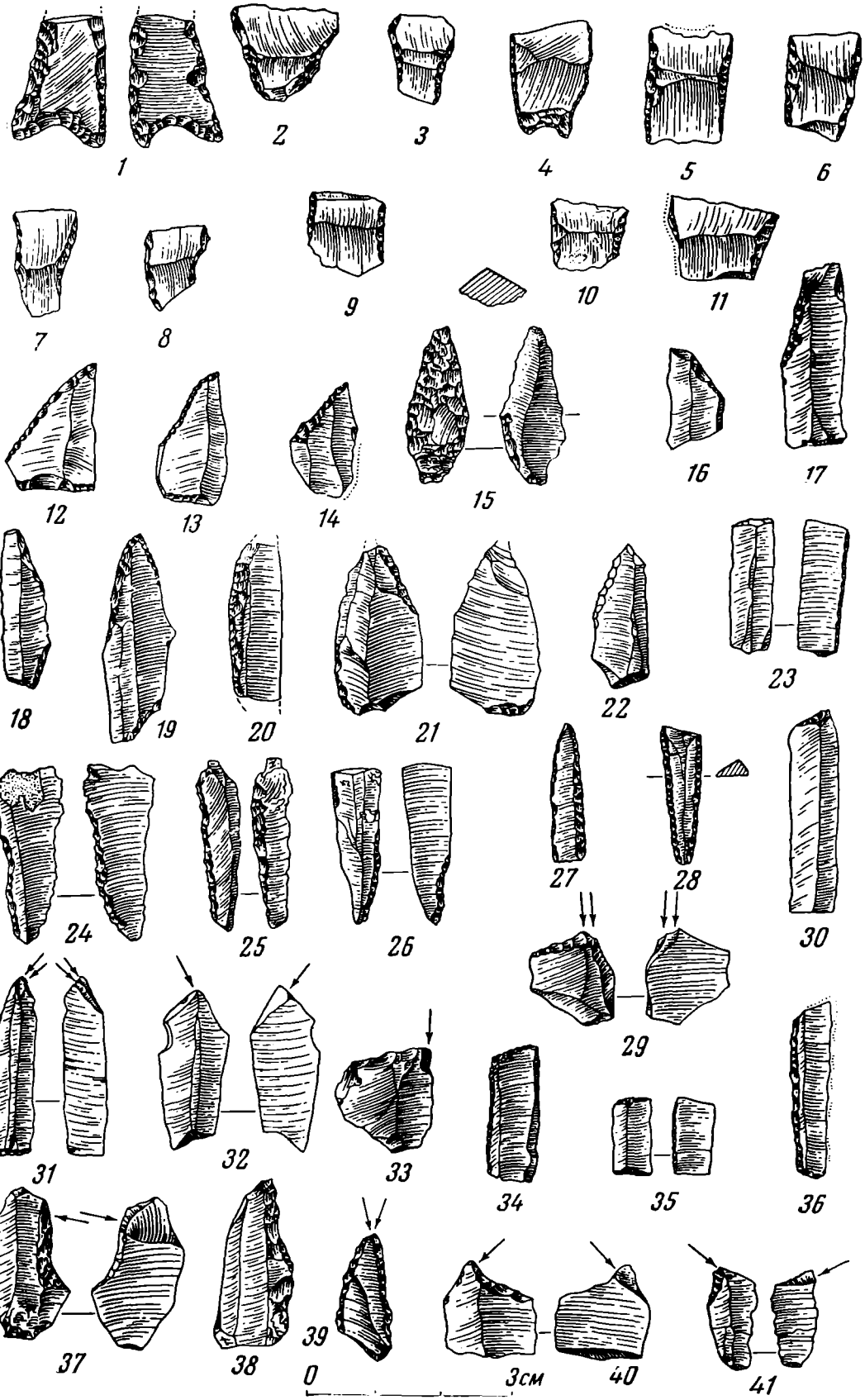


Рис. 6. Кремневые изделия бронзового века

Бóльшую часть кремневых орудий составляют наконечники стрел различного типа. На всем пространстве стоянки найден только один треугольный наконечник с выемкой у основания (рис. 6, *1*). Много найдено наконечников с поперечным лезвием (18 экз., рис. 6, *2—11*). Больше всего на стоянке было найдено различной формы остроконечных пластинчатых наконечников стрел. Ясно выделяется группа коротких пластинчатых наконечников стрел (рис. 6, *12—14*).

Своеобразную группу составляют узкие пластинчатые наконечники стрел (рис. 6, *17*). Ретушированное острие скошено; у некоторых чиз ретушировап. Весьма близки им ланцетовидные наконечники (рис. 6, *18, 19*), основания которых ретушированы наискось. Близкими являются и сегментовидные наконечники стрел (рис. 6, *20*).

Подобные им пластинчатые обыкновенные наконечники изготовлены из различных случайных пластинок с незначительной ретушью.

Найдено единичное кремневое изделие, которое тоже необходимо отнести к группе наконечников. Изделие продолговатое, в форме листа. Поверхность одной стороны сплошь покрыта плоской неровной ретушью, а на другой стороне с возвышающейся гранью ретуши почти нет (рис. 6, *15*).

Целую группу изделий составляют кремневые проколки и сверла (рис. 6, *24—26*).

Две пластинки напоминают игловидные стрелки (рис. 6, *27, 28*). Возможно, что одна из них (рис. 6, *27*) и была стрелкой, но другая (рис. 6, *28*), вероятно, как и другие найденные на этой стоянке пластинки с ретушью, служила зубцом гарпуна. Концы таких пластинок обрублены перпендикулярно или вкось и ретушированы (рис. 6, *23, 30, 34—36*). Часть более широких пластинок тоже можем считать зубцами гарпунов. На стоянке костяные изделия не были обнаружены, но о назначении этих пластинок говорят находки гарпунов с кремневыми зубцами в занеманской части Литвы (Сувалкии) [7].

Для микролитической культуры весьма характерны микрорезцы (рис. 6, *29, 31—33, 40, 41*). Они изготовлены из обломков длинных и узких пластинок или из коротких пластинок. Особенно характерны микрорезцы с небольшой ретушью на одном краю на спинке и со сколом со стороны брюшка.

Настоящие резцы во многом напоминают микрорезцы. Большей частью они небольшие, режущая часть образована сколом и ретушью; но они изготовлены не из пластинок, а из более толстых небольших отщепов (0,5—0,6 *см* толщиной). Скол у этих резцов чаще всего идет сверху вниз, а ретуширована только самая верхняя часть. Резцов, у которых скол шел бы поперек изделия, найдено немного (рис. 6, *37*).

Своеобразную группу составляют два резца (рис. 6, *38, 39*), у которых режущая часть образована ретушью, а не сколом. Их верхний и нижний сколы ретушированы.

Почти все найденные на этой стоянке скребки очень небольших размеров. Изготовлены они из тонких пластинок или отщепов. Хотя все они весьма сходны, но можно выделить два типа: одни длинные, изготовленные из длинных пластинок, другие короткие изготовлены из отщепов или коротких пластинок. Ясно выраженной границы между этими типами нет.

Три продолговатых скребка с ретушированными боковыми гранями похожи на скребок, найденный при раскопках жилища (рис. 7, *6*).

Интересны малые скребки, величиной достигающие 1 *см*, которые мы можем назвать микроскребками. Их на стоянке найдено четыре. У них ретушированы только лезвия (рис. 7, *12, 14*).

Наряду с большим числом указанных выше скребков, скребки

---

[7] J. P u z i n a s. Naujausių proistorinių tyrinejimų duomenys. Senove IV. Kaunas, 1938, рис. 2, *6—8*.

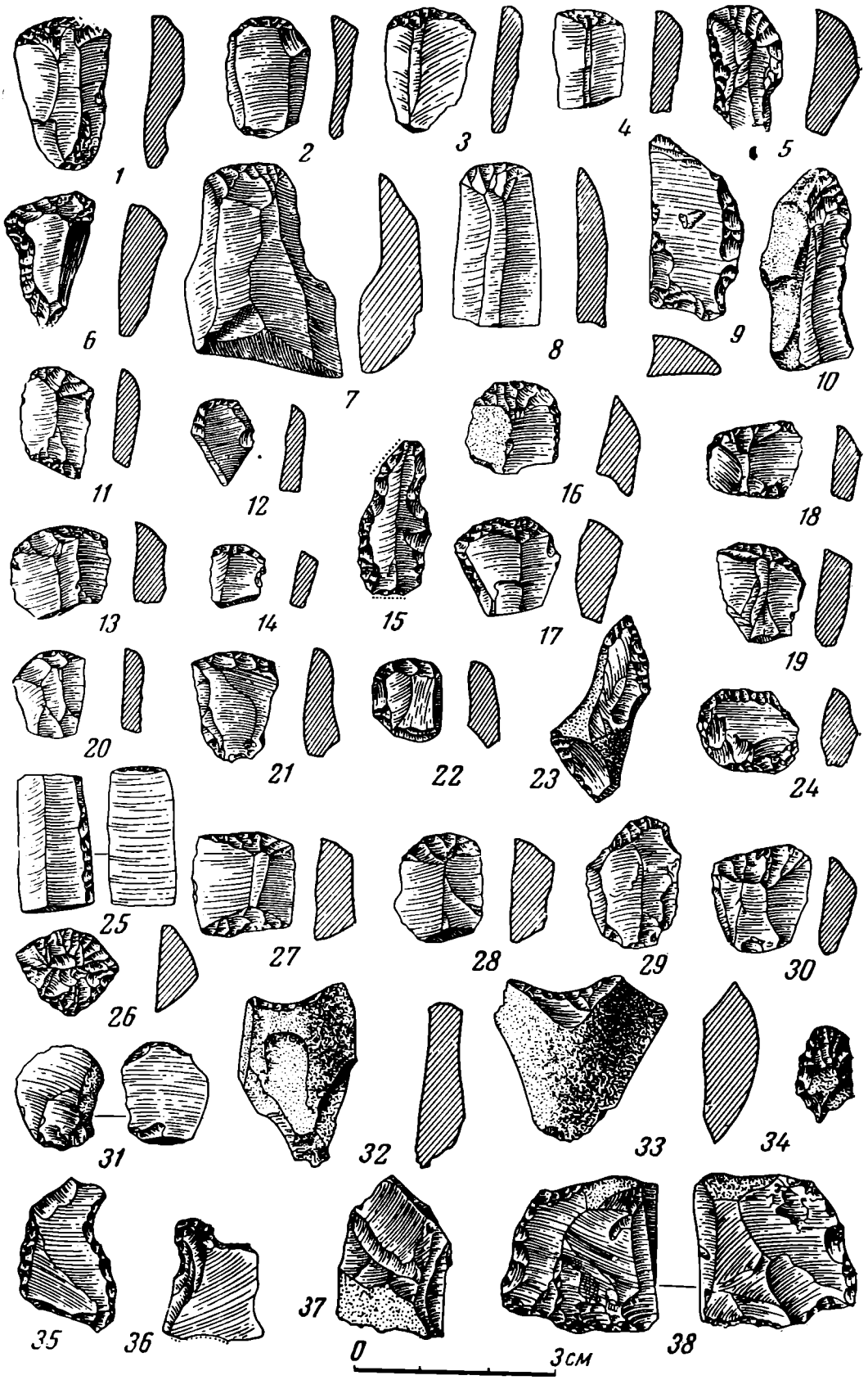


Рис. 7. Кремневые изделия бронзового века

типа, изображенных на рис. 7, *32, 33,* составляют небольшую часть инвентаря стоянки. Два из них изготовлены из отщепов с кремневой коркой и имеют выгнутые отретушированные лезвия.

Кроме того, собрано немало неправильной формы разнообразных изделий со скребковой ретушью. Одни из них изготовлены из отщепов, другие из пластинок.

Бóльшая часть изделий из пластинок подобна скребкам (рис. 7, *10*). Их концы закругленные или ровные, а ретушь подобна скребковой. Есть только одна особенность, которая отличает их от скребков; сечение этих орудий плоское. Поэтому все эти изделия можно назвать ножами.

Большое число пластинок с боковой ретушью тоже можно причислить к ножам. Ретуши обыкновенно немного, она узкая и мелкая; изредка встречается более широкая ретушь.

Найденные на этой стоянке нуклеусы (рис. 7, *37*) обыкновенно небольшие. Высота их обычно 2—3 *см*, а ширина — 1,5—2 *см*, точно такая же толщина у основания; таким образом, они имеют вид неправильного конуса. Тщательной отделки краев (как у мезолитических нуклеусов) здесь не встречаем.

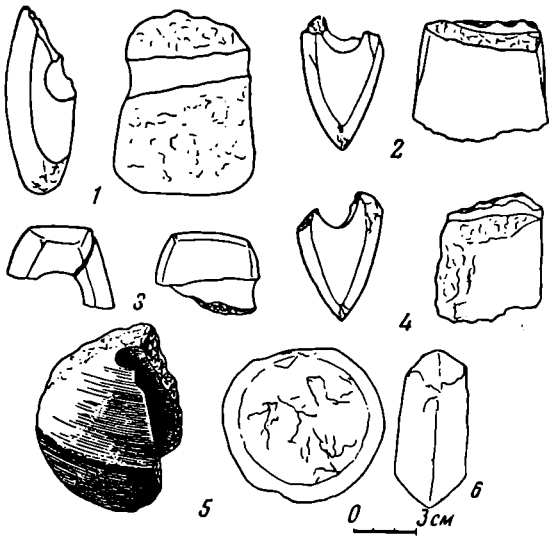


Рис. 8. Шлифованые топоры и булавы бронзового века

Другие, более крупные орудия из кремня составляют зубила и ретушеры. Они не имеют какой-либо особенной формы. Самый большой ретушер изготовлен из плоского куска кремня (14 *см* в диаметре), одна половина которого сплошь покрыта коркой, а другая оббита и частью раскрошилась. Края местами ретушированы, а местами сняты. На гранях иногда видны ясные следы нажима, и край местами округлен. Имеется ретушер почти четырехугольной формы, с трехугольным разрезом (рис. 6, *38*). Края с обеих сторон сильно сжаты. Другие ретушеры изготовлены из небольших продолговатых нуклеусов.

Наряду со сколотыми изделиями на стоянке были найдены шлифованные кремневые и другие каменные изделия. Среди них найдена часть полукруглого топора из светло-серого кремня, длиной в 4 *см;* одна сторона почти плоская, другая выпуклая, и один ее бок сколот. По-видимому, это был проушный топор с утолщенным обухом.

Кроме того, было найдено шесть шлифованых каменных топоров (рис. 8, *1—4*; рис. 9, *1, 2*). От одного из них (рис. 8, *1*) найдена половина. Острие топора слегка расширено, выгнуто и затуплено; по-видимому, эта половина употреблялась впоследствии как отбойник. Отверстие для рукояти в конце суживается и просверлено наискосок. Вероятно, оно сверлилось деревянным сверлом, постепенно утончавшимся во время работы.

Два других топора, подобные описанным, более узкие. Один из них из камня бурого цвета, а другой из зеленого диорита (рис. 8, *2, 4*). От третьего топора найдены только два фрагмента обуха (рис. 8, *3*). Топор изготовлен из камня зеленоватого цвета.

Кроме того, имеются еще два целых топора. Один из них балтийского типа, с параллельными боками и четырехугольным обухом (рис. 9, *1*). Топор, по-видимому, был более длинным, но после того как был отбит обух, новое отверстие было высверлено ближе к острию. Второй топор из-

готовлен из зеленоватого диорита с крупными пятнами (рис. 9, *2*). Обух подобен обуху топора балтийского типа, только слегка округлен.

Необходимо отметить и округлую мотыгу с отбитым обухом (рис. 8, *3*).

Наряду с этим была найдена булава из камня зеленого цвета, разбитая по отверстию пополам (рис. 8, *5*), шаровидной формы, с поперечной гранью посередине.

Можно считать, что весь отмеченный комплекс кремневых изделий относится к одному и тому же времени.

На стоянке найдено много крупных обломков сосудов.

Рис. 9. Каменные топоры бронзового века

Большинство черепков темного цвета, с большой примесью толченого гранита; поверхность слегка штрихованная, а у некоторых почти гладкая. Значительно меньше черепков, наружная поверхность которых имеет желтый цвет; но и у них внутренняя сторона тоже темного цвета. Небольшое число черепков было из глины желтоватого цвета.

Среди обломков сосудов весьма редки фрагменты края и дна, поэтому полностью восстановить форму горшков, за исключением найденного в яме жилища, не удалось. По сохранившимся черепкам можно установить, что горшки имели различную форму.

1. Прямостенные горшки-чаши. По-видимому, большинство черепков принадлежали горшкам этого вида. Стенки горшков толщиной до 2,3 *см;* в диаметре сосуды достигали 0,5 *м*. Черепки подобных сосудов найдены в жилище и на поверхности стоянки (рис. 10, *4—8*), *10—12*).

Все обломки горшков этой формы отличаются толщиной и темным цветом. К глине примешано много крупного толченого гранита, стенки выровнены жидким раствором желтой глины при помощи пучка травы, от которой сохранилась слабая штриховка.

2. Слабо профилированные горшки (рис. 10, *1, 9, 13*). Некоторые обломки краев горшков из желтой глины имеют небольшой изгиб. Стенки сосудов толстые, тесто с большой примесью толченого гранита. Поверхность или имеет четкую штриховку, или гладкая. Диаметр сосудов не удалось определить.

3. Чашки (рис. 5). В очаге жилища были найдены черепки круглой чашки. Наружный диаметр дна этой чашки был 26 *см,* высота 3,5 *см*.

4. Остроребериые горшки (рис. 10, *2*). Стенки этих сосудов тоже довольно толстые, тесто с большой примесью толченого гранита.

Внутренняя сторона темная, на блестящей наружной поверхности коричневого цвета имеется мелкая штриховка. Дно горшка — около 19 *см* в диаметре; высота до плечиков — 11,5 *см*.

5. Шаровидные горшки. Найдено четыре черепка шаровидного горшка с узкой шейкой (рис. 10, *3*). Это большой сосуд, шейка которого имела около 15 *см* в диаметре. Черепок шейки горшка имел 1,2—1,8 *см*, а

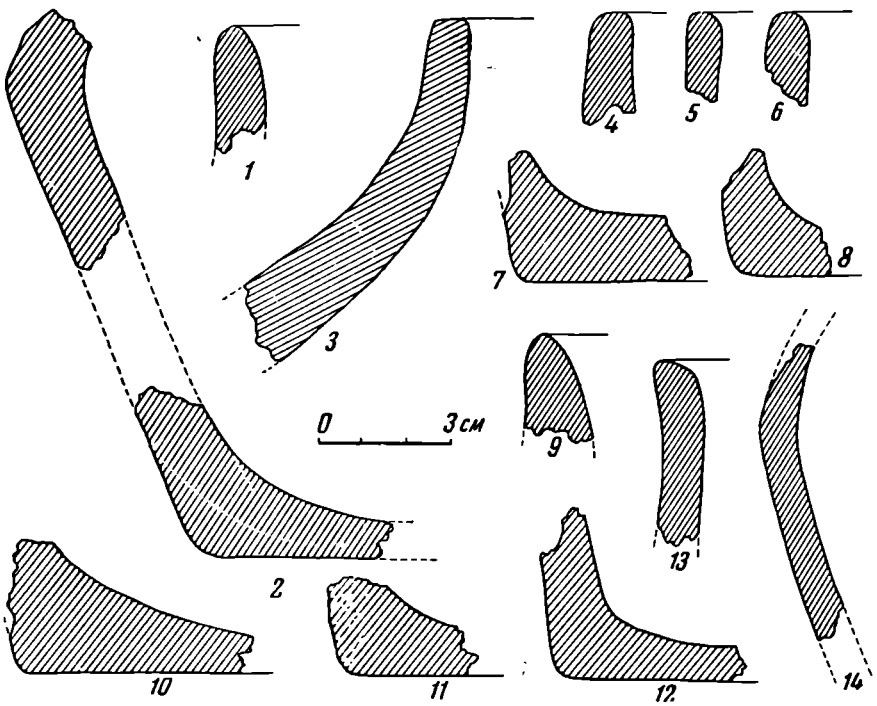


Рис. 10. Керамика бронзового века

другие черепки, вероятно, толщину от нижней части сосуда — до 2,5 *см*. Цвет темно-серый. Поверхность обмазана жидкой глиной. В тесте примесь крупной дресвы.

Крупная посуда указанных выше видов, частично со штриховкой, встречается на стоянках бронзового и, возможно, даже раннего железного века средней Литвы. На ранних стоянках она встречается вместе с шнуровой керамикой, а на поздних — вместе с щипковой.

О том, что жители этой стоянки занимались и земледелием, говорит найденный в кострище черепок чашки, в разломе которого ясно виден в глине отпечаток ячменного зерна.

Весь микролитический инвентарь этой стоянки характерен и для других стоянок неолита и бронзового века средней Литвы; но керамика и некоторые шлифованые изделия позволяют датировать эту стоянку поздним периодом бронзового века.

Р. В. ЧУБАРОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА о. ИТУРУПЕ

(Курильские острова)

В 1956 г. Сахалинским отрядом Дальневосточной экспедиции ИИМК АН СССР под руководством автора данной статьи были проведены археологические разведки на островах Курильской гряды. Были исследованы почти все острова, начиная с Алаида и до Шикотана. На многих островах, к сожалению, разведки захватывали лишь небольшие прибрежные участки, так что полное исследование Курильских островов проведено не было. Все же в ходе этих работ было найдено несколько стоянок, относящихся как к неолиту, так и к сравнительно недавнему времени (стоянки на о. Рыпонкича и Парамушире). Здесь мы описываем две наиболее ранние и интересные по богатству материала стоянки, обнаруженные на о. Итурупе.

Стоянка на берегу залива Касатка исследована впервые нами. Она расположена на берегу залива в направлении от пос. Касатка к пос. Буревестник на дюнах серого песка, в 100—200 *м* от моря. На протяжении 2,5 *км* от пос. Касатка на этих большей частью развеянных дюнах находятся глиняные горшки и каменные орудия, целые и в обломках. Высота дюн очень различна — от 6 до 20 *м*. Ширина стоянки — от 50 до 400 *м*. Находки очень однотипные, встречаются по всей этой площади. Два места отличаются особой концентрацией находок и признаками, указывающими на существование в этих местах жилищ. Это позволяет определить наличие двух одновременных стоянок. На пространстве между ними находки встречаются гораздо реже.

Первоначально поселение располагалось на месте окраины современного пос. Касатка, на останцах древней морской террасы, сложенной серыми песками на берегу небольшой речки. Высота их здесь 5—6 *м* над уровнем моря. От берега залива их отделяют 30—150 *м*. Почти везде развеянный на поверхности культурный слой ничем не отличается от подстилающего серого песка. Лишь местами сохранился тонкий почвенный слой с зарослями шиповника. От жилищ остались только очаги. Один очаг расположен у самого устья ручья. Он сложен из камней и имеет округлую форму. Его размеры — 0,45 × 0,5 *м*. Два других расположены на другом конце стоянки, у дороги от пос. Касатка к оз. Благодатному, недалеко от берега залива, в 400 *м* от речки, среди валунов, на развеянной поверхности песка. Эти очаги несколько отличаются от первого. Они сложены также из камней, но не сплошной кладкой, а в виде четырехугольной оградки. Размеры их 0,8×1,40 *м*; песок внутри них сохранил следы огня — в виде участков красного пережженного песка, доходящего до 0,3 *м* в толщину. Очаги расположены в 10 *м* друг от друга. По всей поверхности стоянки разбросаны раковины (в основном, Pecten Mytilys, Mactra Sachalinensis); иногда они лежат кучей, достигая 6 *м* в диаметре. Большинство этих куч разрушено; спрессованный раковинный слой сохранился плохо.

Второе место обильных находок расположено в 2 *км* от пос. Касатка, также недалеко от берега залива (в 150—300 *м*), в устье речки, вытекающей из оз. Благодатного. Здесь по обеим сторонам речки расположены довольно высокие песчанистые холмы (20—25 *м* над уровнем моря), на которых и было когда-то расположено древнее поселение. На левом берегу речки имеются даже два таких холма. Они сложены из серых песков; на поверхности холмов много валунов; иногда сохраняется тонкий почвенный слой и растительность. Культурный слой — такой же серый песок, как и подстилающий, кое-где в нем имеются прослойки угля. Мощность слоя доходит до 0,5 *м*. Лишь на одном склоне холма культурный слой благодаря прослойке и включения в него угля хорошо отличается от подстилающего. Его мощность здесь равна 0,9 *м*. На всей поверхности стоянки много раковин, иногда они образуют кучи (в настоящее время разрушенные). Обнаруженные здесь остатки двух очагов сложены из камня, в виде незамкнутых четырехугольников, размером 0,75×0,14 *м*. Следов землянок не обнаружено. Причиной этого может быть сильная разрушенность поверхности стоянки.

На стоянке найдено много каменных орудий, отщепов, глиняных изделий, совершенно одинаковых на всей территории.

Каменный инвентарь представлен топорами, теслами, ножами, наконечниками копий и стрел и проколкой (рис. 1). Материалом для них служил темно-серый и черный базальт, обсидиан и кремень кремового и малинового цветов. Топор только один (рис. 1, *20*). Он четырехугольной формы, продолговатый, с округленным обушком и прямоугольным сечением, массивный (длина — 14 *см*, ширина — 6 *см*), сделан из серо-зеленого кремнистого песчаника, по широким поверхностям хорошо отшлифован. Рабочий край его оббит и сломан.

Найдено много долот различных форм. Самое большое из них имеет длину 15,5 *см* и очень оригинальную форму: у него два рабочих края с обоих концов, оно удлиненной, подчетырехугольной формы (рис. 1, *17*). Сделано крупными и грубыми сколами из черного базальта. Лишь к рабочим краям оно сужается. Лезвия с обоих концов зашлифованы. В коллекции есть орудие из похожего материала, очень близкое по форме, только сломанное, видимо, посередине.

Несколько долот имеют подчетырехугольную форму с неправильно-линзовидным уплощенным сечением. Все они небольшого размера (7—8 *см* длины), сделаны из темно-серого базальта тоже довольно крупными сколами, по широким поверхностям зашлифованы. Собственно, описанную правильную форму имеют лишь два из них (рис. 1, *15, 16*), другие в деталях (иногда неправильный утолщенный или изогнутый обушок, сколы по боковым сторонам) отличаются от них, но сохраняют основные черты этой формы. Наконец, третья форма долот тоже довольно ясно выражена и представлена несколькими экземплярами. Это очень плоские орудия (до 3,5 *мм*), обычно прямоугольные, удлиненные, с заполировкой лишь по лезвию рабочего края (рис. 1, *18*). Они бывают более широкими и совсем узкими; но неизменными их признаками являются плоская форма и заполировка рабочего края. Видимо, на внешний вид орудий обращали мало внимания, долота как первой, так и третьей формы обработаны небрежно и грубо. Важен был лишь рабочий край, поэтому именно его обрабатывали и зашлифовывали.

Ножи представлены лишь двумя обломками. Один сделан из обсидиана, довольно тонкой и тщательной ретушью; у него широкое лезвие и плавно сужающаяся рукоятка (рис. 1, *2*). Лезвие обломано. От другого ножа сохранилась короткая и ровная рукоятка и начало лезвия, широкого, образующего резкий уступ. Этот нож был сделан тщательной ретушью из кремня светло-малинового цвета с желтыми прожилками. Проколка найдена одна. Она сделана из кремня красного цвета. Имеет обработанное тонкой ретушью колющее острие и резко расширяющуюся

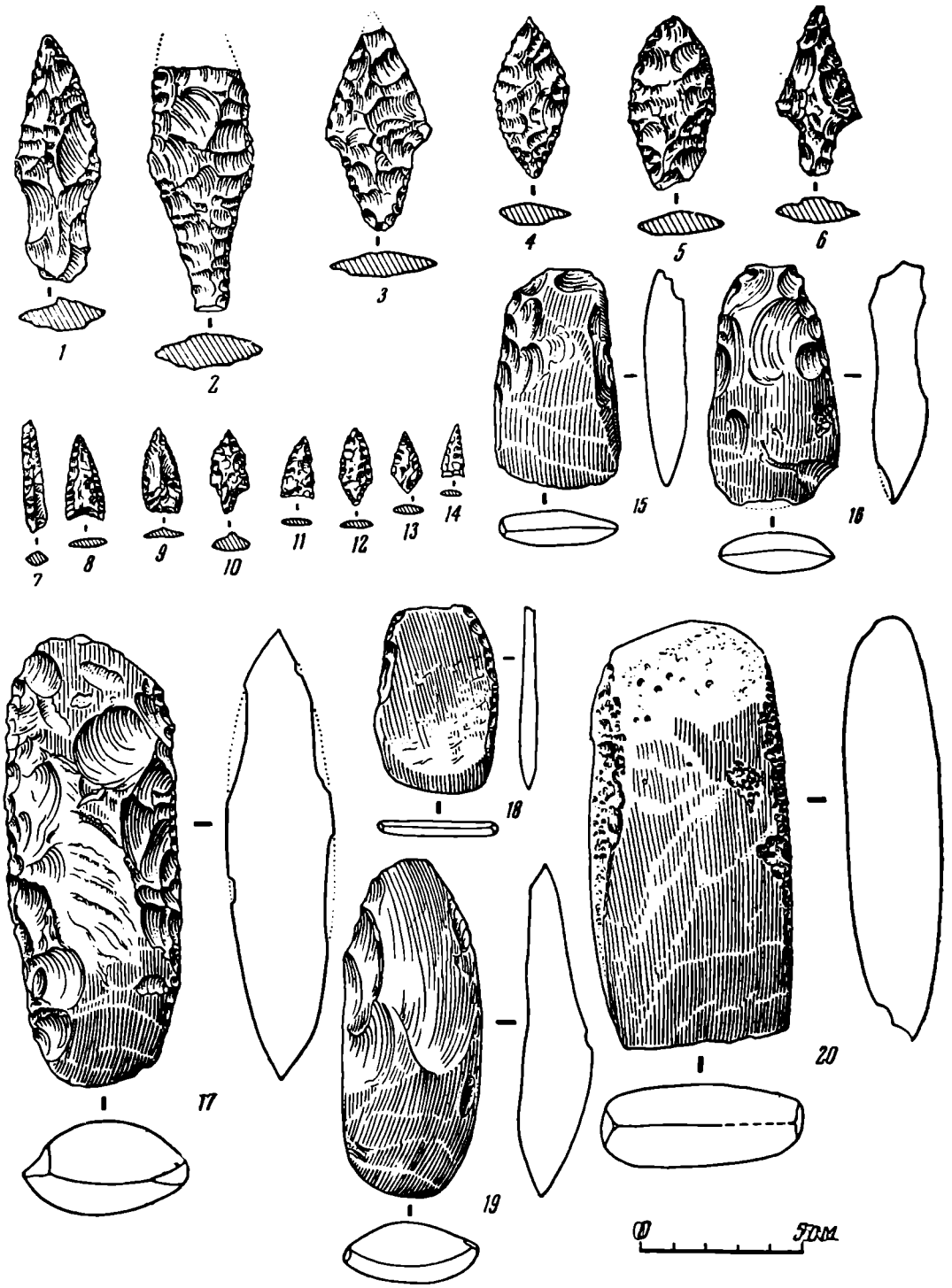


Рис. 1. Касаткинская стоянка. Каменный инвентарь

рукоятку для держания. Проколка очень миниатюрна (длина — 22 *мм*).

Наконечники копий представлены несколькими экземплярами. Большинство их сделано из базальта, только один из кремня голубовато-серого цвета. Размеры — 8,5—6,5 *см*. Формы различные — с листовидным лезвием и ровным черенком, который иногда расширяется книзу; иногда этот черенок широкий и ровный, а лезвие треугольное; у других наконечников лезвие треугольное, а черенок резко сужается книзу. Несколько наконечников копий представлены в обломках.

Наконечники стрел найдены в большом количестве (более 40 экз.). Сделаны они из базальта, обсидиана, кремня ярко-малинового и кремово-

го цветов, светло-серого кремнистого песчаника. Размеры их в большинстве случаев средние (30—35 *мм* длины) и мелкие (14—17 *мм* длины), но есть несколько экземпляров и большего размера (54—55 *мм*). По форме наконечники стрел распадаются на несколько групп. Самая многочисленная из них — наконечники треугольной формы. Это в основном мелкие наконечники. Лишь у двух из них основание прямое, у всех остальных (их всего 20 экз.) в основании имеется небольшая овальная выемка, которая образует по краям два шипа. Следующую значительную группу

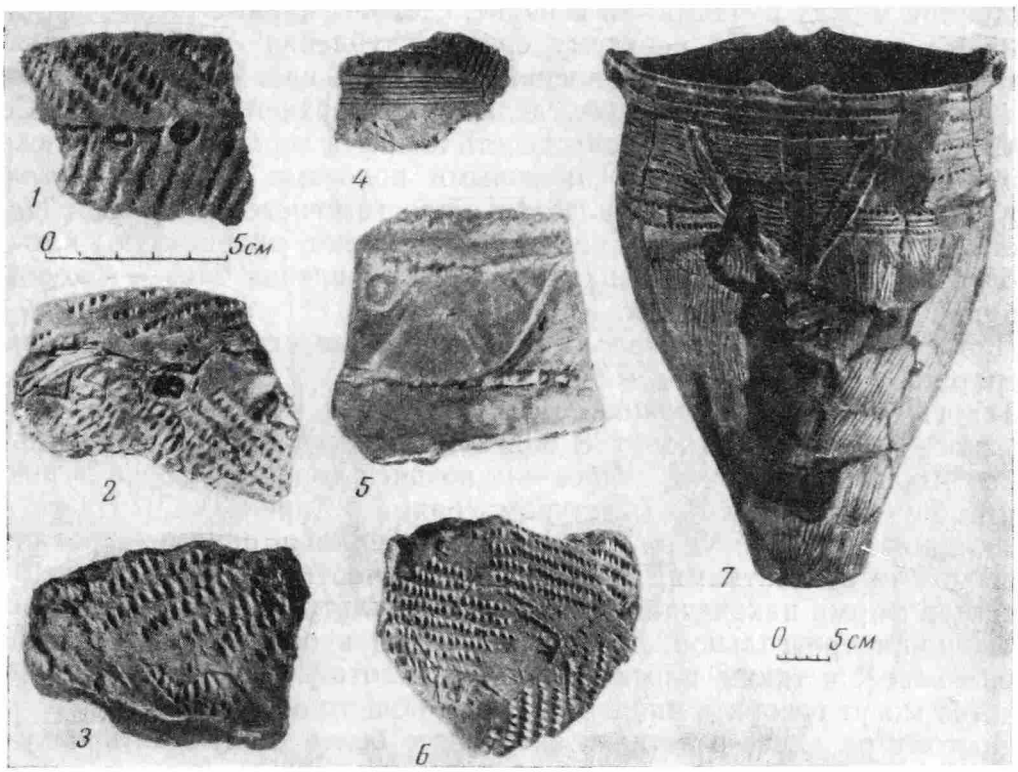


Рис. 2. Касаткинская стоянка. Керамика

образуют несколько черешковых наконечников. По форме черенка и лезвия они несколько отличны друг от друга — от плавно переходящего в сужающийся черенок листовидного лезвия до резко отличающегося от узкого прямого черенка лезвия треугольной формы. Два самых крупных наконечника относятся к этой группе. Несколько других наконечников имеют иволистную форму. Два из них, очень мелкие по размеру, представляют собой как бы переход к этой группе от группы предыдущей — один острый конец оформлен в виде черенка, плавно переходящего в лезвие. Наконец, один наконечник оригинален по форме; он имеет длинное и узкое, почти круглое в сечении, лезвие.

Обломков посуды на стоянке найдено много, но они очень однообразны. Целым удалось восстановить лишь один сосуд. Остальные обломки сосудов (рис. 2) ярко-коричневого цвета, сделанные из плотной, хорошо промешанной глины с незначительной примесью песка очень хорошего обжига. Толщина стенок обычно 11—14 *мм*. Сосуды, видимо, имели значительные размеры. Среди обломков венчиков имеются сложные с рельефными выступами и простые, похожие на налепные — с утолщением по верхнему краю. Особенно интересна орнаментация этих сосудов; они по всей поверхности в разных направлениях сплошь покрыты веревочными оттисками. Эта черта типична для керамики неолитической культуры дземон Японских островов. В гораздо меньшем количестве встре-

чаются обломки других сосудов — с гладкими стенками, украшенными налепными полосами.

Особенно интересен большой сосуд, найденный около очага в устье речки, вытекающей из оз. Благодатного, на левом ее берегу (рис. 2, 7). Он темно-серого цвета, сделан из хорошо промешанной глины с незначительной примесью песка, хорошо и ровно обожжен. Толщина стенок — 10—11 *мм*. Венчик сосуда довольно сложен: имеются две фигурные ручки, образующие утолщение венчика. Ручки не имели никакого практического значения; они были чисто декоративными налепами. На середине расстояния между ручками, на венчике, сделаны парные рельефные декоративные выступы. По верхнему срезу углубления между выступами идет ряд мелких ямочных вдавлений. Такие же вдавления расположены и по верхнему срезу углублений, сделанных в верхней части ручек. Сосуд богато орнаментирован: вся поверхность покрыта веревочными оттисками. Кроме этого, сосуд украшен налепными полосами и рядами ямочных вдавлений. На поверхности налепных полос ямочные вдавления. На горизонтально расположенных полосах они имеют правильную ямочную форму; там, где полосы идут наклонно, эти вдавления близки к коротким и широким четырехугольным.

Для скрепления сосуда вдоль старых трещин сделаны симметричные отверстия.

Таковы находки со стоянки. Весь облик как каменного, так и керамического материала говорит о близости его к неолитической культуре дземон Японских островов, точнее — к поздней поре этой эпохи — позднему дземону (в частности, к культурам Убаяма и Хариноучи [1]). На это указывают как форма сосуда (с узким дном), сплошь орнаментированного веревочными отпечатками, так и некоторые черты каменного инвентаря, например форма наконечников стрел. Для культуры Убаяма характерны наконечники треугольной формы с выемкой в основании, наконечники черешковые [2], а также плоские и узкие долота [3]. Как видно, эти черты сходства могут говорить лишь о сходстве общего облика культуры.

Поэтому различие в деталях затрудняет более точную датировку стоянки. Как известно, Грот датирует поздние этапы культуры дземон последними веками до нашей эры [4]. Культура же Убаяма относится к несколько более раннему времени. Если мы примем как одно из возможных объяснений наличия оригинальных черт в культуре южных Курильских островов — их более или менее длительное существование в отрыве от связанных с ним культур Японских островов — то мы можем ориентировочно датировать эту стоянку временем позднего неолита Японских островов — последними веками до нашей эры и, может быть, первыми веками нашей эры.

* * *

Вторая стоянка, как уже упоминалось, найдена на берегу Куйбышевского залива Охотского моря недалеко от села того же названия, в устье реки, которая раньше называлась Рубецу. Стоянка была известна ранее, она исследовалась в 1929—1930 гг. во время пребывания здесь шведской экспедиции Бергмана. Сборы с этой же стоянки производил в 1955 г. геолог Ю. С. Желубовский.

В 50 *м* от устья речки, в 250 *м* от берега залива, своеобразными уступами разной высоты в 6—9—12 *м* расположены сильно развеянные пес-

---

[1] G. J. Groot. The Prehistory of Japan. New York, 1951, стр. 57—63.
[2] Там же, табл. XLI.
[3] Там же, табл. XLV.
[4] Там же, стр. 85.

чанистые террасы. Лишь на самых высоких местах сохранились «столбы» слоев, показывающие, что культурный слой, залегающий сразу же под очень тонким дерном, достигает 0,7—0,9 *м* мощности. Лишь наличием угольков он отличается от подстилающего песка серого цвета. Поверх-

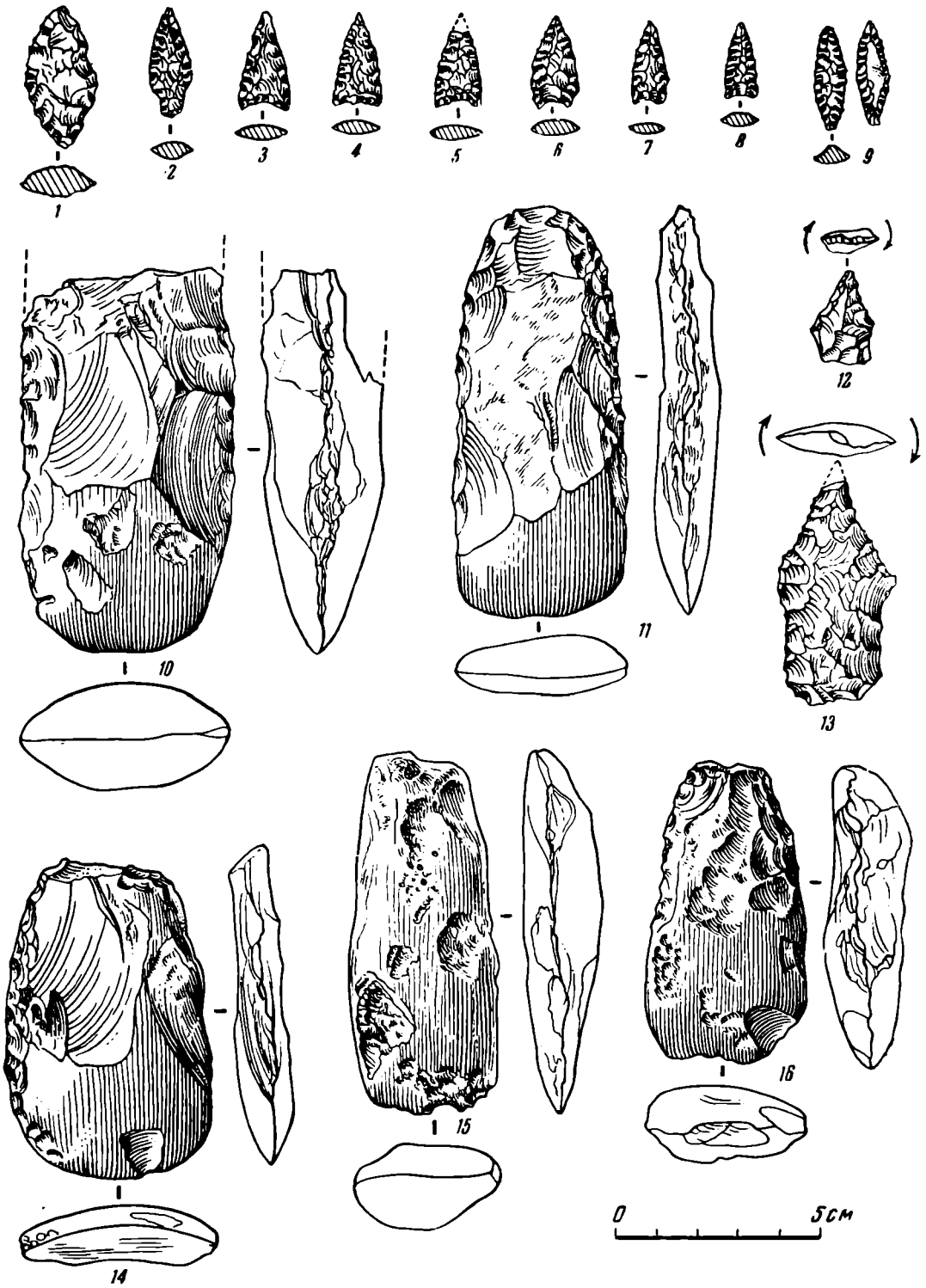


Рис. 3. Куйбышевская стоянка. Каменный инвентарь

ность террасы на площади 300×100—150 *м* покрыта остатками древнего поселения — обломками глиняных сосудов, целыми и обломанными каменными орудиями. На верхнем уступе среди множества керамических и каменных изделий видны два очага — четырехугольные оградки, сложенные из камней, размером 0,5 × 0,7 *м*. Других остатков жилищ не сохранилось.

На стоянке нами найдено много каменных изделий и обломков разнообразных глиняных сосудов.

Каменный инвентарь очень близок соответствующему инвентарю со стоянки на берегу залива Касатка. Но есть и своеобразные черты, которые важны в связи с тем, что керамика этой стоянки отлична от кера-

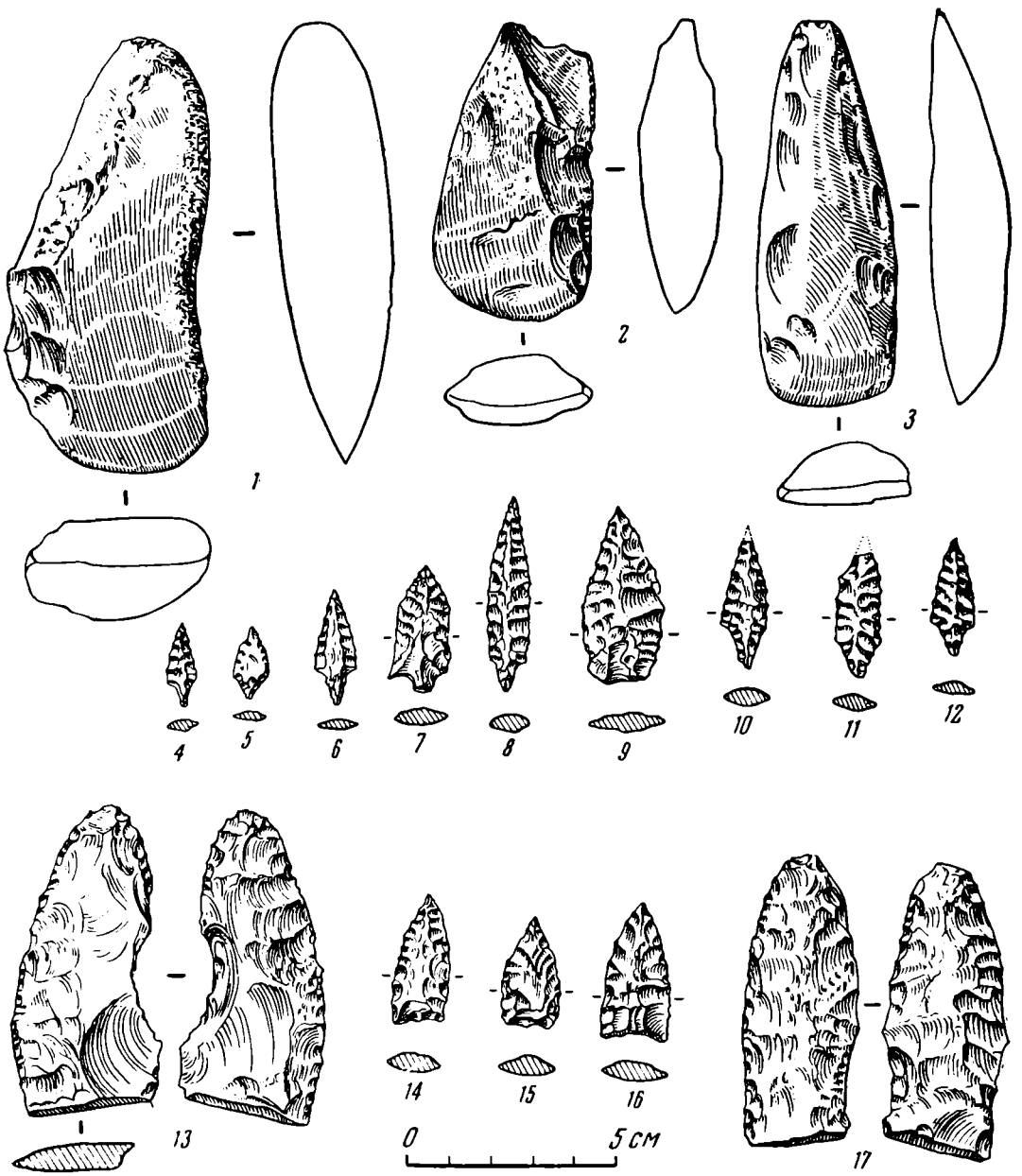


Рис. 4. Куйбышевская стоянка. Каменный инвентарь

мики Касаткинской стоянки. Каменные орудия представлены долотами, ножами, наконечниками стрел (рис. 3 и 4). Сделаны они все из базальта, обсидиана, кремня серого и светло-малинового цвета.

Топоров — ударных орудий с симметричным профилем — на стоянке не найдено. Зато много найдено долот разнообразных форм и размеров. Самое большое из них (длина его 15 *см*) очень напоминает массивное двулезвийное орудие с Касаткинской стоянки (рис. 3, *11*).

Очень интересны оригинальные долота, характерные только для этой стоянки. Одно из них (рис. 4, *3*) подтреугольных очертаний, с трапециевидным поперечным сечением. Второе долото также удлиненных очертаний, обушок его узок, но к рабочему краю орудие резко расширяется и образует у лезвия нечто вроде плечиков (рис. 4, *1*). В поперечном сечении

его образуется округленный четырехугольник. С одной стороны рабочий край орудия оббит.

Ножи представлены главным образом в обломках. Некоторые из них дают ясное представление о форме ножей (рис. 4, *13, 17*); большинство же представляет собой обломки рабочего края, по которым нельзя судить об общей форме орудия. Сделаны они из тех же пород — обсидиана, базальта, а также кремня серого цвета. По данным находок можно все-таки судить о двух формах ножей — узких и длинных, с прямым рабочим краем и ножей с изогнутым в профиле рабочим краем, листовидным лезвием и прямой широкой рукояткой.

Наконечников стрел много — 23 экз. (рис. 3, *1—9;* рис. 4, *4—12, 14—16*). Они сделаны очень тонкой и тщательной ретушью из базальта, обсидиана, кремня различных цветов (светло-малинового, кремового, серого различных оттенков). По форме они разделяются на две группы — треугольные и черешковые. Первая группа включает в себя наконечники примерно одинакового размера (длина — 32—40 *мм*), с прямым основанием; лишь у одного в основании имеется выемка. Во вторую группу входят наконечники с черешками; лезвие у них бывает треугольное или вытянутое листовидное, несколько мелких наконечников близки к ромбовидным, так как черешки только намечены.

На стоянке найдено много глиняной посуды. Почти все обломки сосудов были собраны нами на развеянной поверхности стоянки; иногда же они находились в сохранившемся слое. Найдено несколько почти целых сосудов, а также много обломков, по которым можно восстановить форму.

Все сосуды по форме и орнаменту можно разделить на два основных типа. Первый тип представлен немногочисленными обломками, близкими к найденным на Касаткинской стоянке (рис. 5, *5*). Это сосуды с фигурными выступами на венчиках; их поверхность сплошь покрыта веревочным орнаментом и налепными полосами с вдавлениями. Сделаны они из глины с очень небольшой примесью песка, в некоторых случаях довольно крупного. Цвет их грязновато-желтый, обжиг чаще всего средний.

В большем количестве найдены сосуды второго типа (рис. 6, *7*), объединенные очень важной чертой — отсутствием веревочных оттисков на тулове сосуда. По форме и видам орнамента эти сосуды очень разнообразны. Значительную часть этой группы образуют сосуды, украшенные узкими налепными изогнутыми полосками (рис. 5, *1—4*). С Касаткинской стоянки известно только несколько обломков стенок таких сосудов. Здесь они составляют почти половину всего найденного керамического материала. Эти сосуды сделаны из хорошо промешанной глины, с очень незначительной примесью песка, хорошо обожжены, цвет их обычно темно-серый, иногда черный. Внешняя поверхность сосудов (а иногда и внутренняя) часто залощена. У самого большого из подобных сосудов (рис. 5, *1*) венчик чуть отогнут наружу и украшен несколькими шишковидными выступами. Бока сосуда, слегка расширенные в середине, возможно, сужались ко дну. Большинство найденных сосудов имело близкую к этой форму. Венчики чаще совершенно прямые и ровные; лишь у двух сосудов они образуются узкой накладной полосой по верхнему краю сосуда, у одного из них эта полоса имеет широкий и ровный горизонтальный срез (рис. 5, *2*). На венчике небольшого сосуда (рис. 5, *3*) имелись выступы, имитирующие ручки. На обломке стенки другого сосуда заметны такие же шишкообразные выступы. Наконец, на маленьком сосудике, представленном в обломке, на расширяющемся боку имеются узкие и плоские вертикально расположенные налепы, тоже, видимо, имитирующие ручки. Все другие сосуды этой группы украшены узкими волнообразно изогнутыми налепными полосками.

У нескольких найденных на стоянке сосудов налепные полосы образуют незамкнутые треугольники. В одном случае такой орнамент сопро-

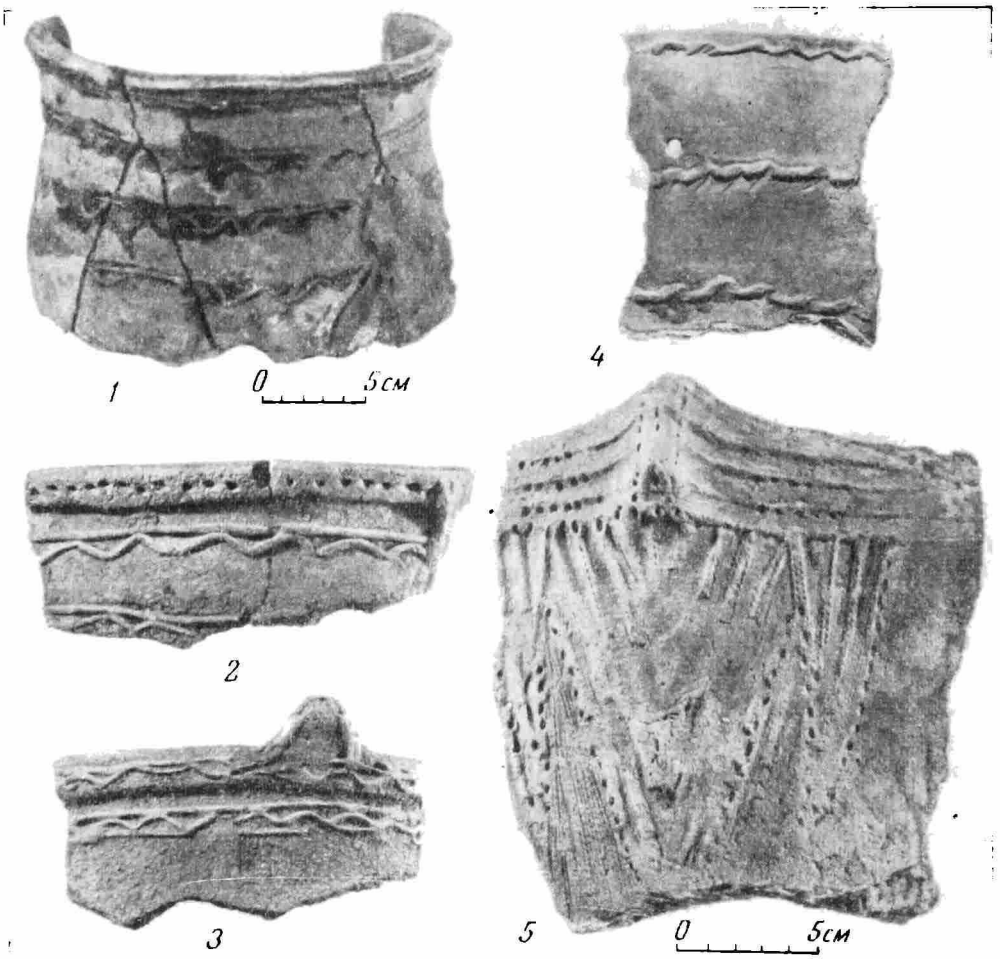


Рис. 5. Куйбышевская стоянка. Керамика

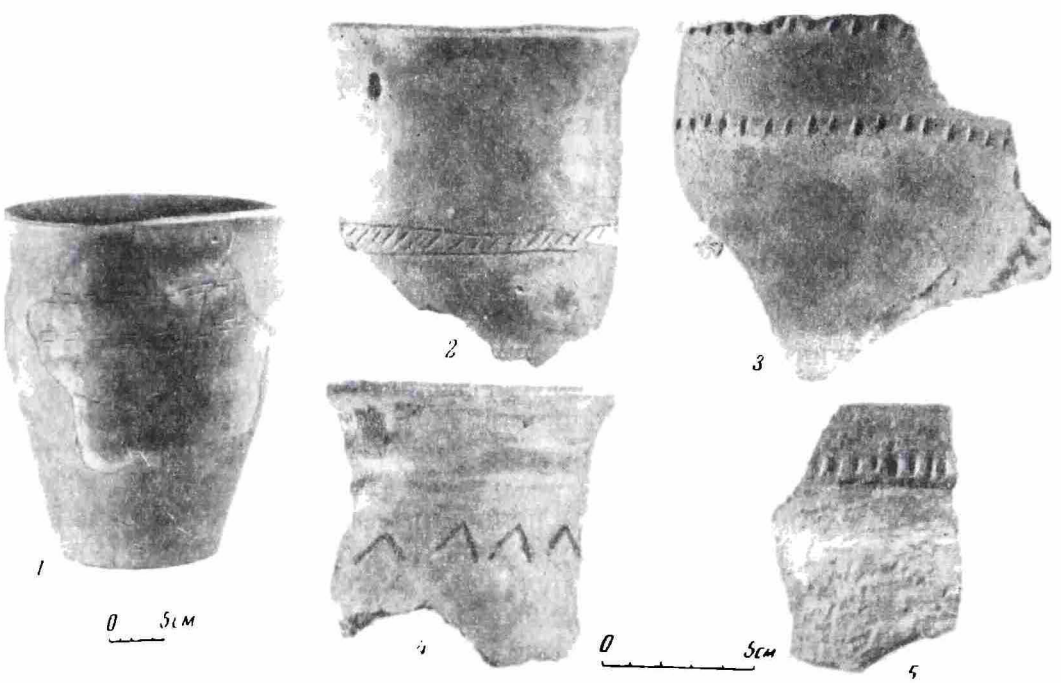


Рис. 6. Куйбышевская стоянка. Керамика

вождается полоской мелких резных наклонных насечек, ограниченной двумя горизонтальными линиями.

Большая группа сосудов (рис. 6) украшена лишь узкой полоской резных насечек. Эти сосуды темно-коричневого цвета, обычно имеют значительные размеры, неровно, но хорошо обожжены, сделаны из глины с примесью песка. Один такой сосуд горшкообразной формы удалось реставрировать полностью (рис. 6, *1*). Его украшают две горизонтальные полосы резных насечек. Стенки сосуда имеют толщину 10—11 *мм*, наружная поверхность залощена. Судя по венчикам и верхней части стенок других сосудов, они имели форму, близкую к форме выше описанного.

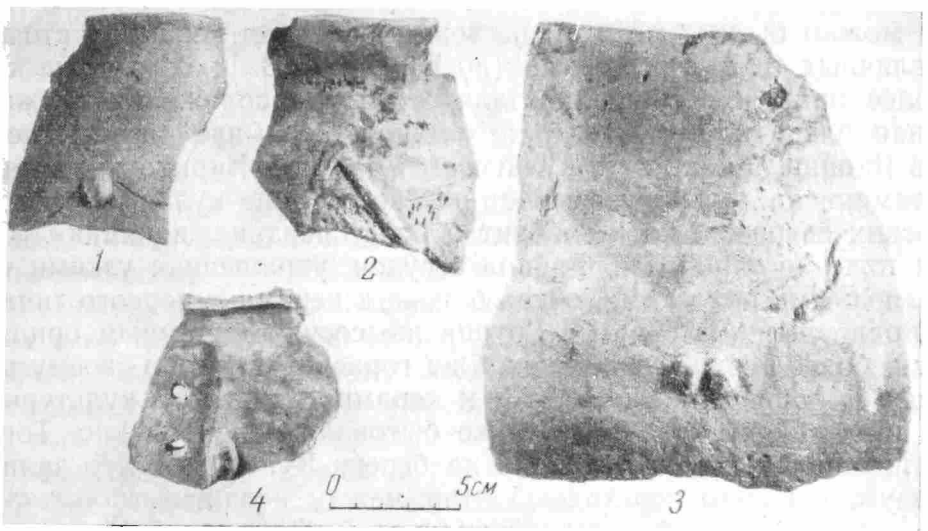


Рис. 7. Куйбышевская стоянка. Керамика.

Только у одного сосуда отогнутый наружу венчик как бы отграничен сверху и снизу сглаженными горизонтальными налепными полосами. Орнамент их тоже очень скромный. Выделяется в этой группе сосуд, в верхней части сплошь покрытый резными узорами.

В следующую группу керамики этого типа, со стоянки на берегу залива Куйбышевского, входят несколько сосудов, украшенных различного рода выступами (рис. 7). Эти сосуды серого цвета, обычно тонкостенные (5—8 *мм*), в глиняном тесте их видна примесь песка, чаще всего незначительная, иногда же довольно большая. Форма их обычна для сосудов стоянки — с чуть расширяющимися к середине боками, с ровным венчиком, иногда с едва намеченным горлом. Выступы являются единственным украшением этих сосудов. Обычно они шишковидные и располагаются на расширяющейся части сосуда. В одном случае выступ узкий и длинный, расположен вертикально. Выступы, видимо, располагались по горизонтальной линии, по одному на некотором расстоянии друг от друга. Лишь на одном сосуде имеются парные выступы (рис. 7, *3*). Еще на одном сосуде выступы соединены волнообразной резной линией. Внешняя поверхность сосудов часто бывает залощенной.

Последнюю большую группу составляют сосуды таких же форм, как и ранее описанные, но совершенно не орнаментированные. Таких сосудов много, они имеют темно-серый и темно-коричневый цвет, очень хорошо обожжены. Сделаны из глины с незначительной примесью песка. Внешняя поверхность сосудов обычно бывает лощеной.

Два различных типа керамики на стоянке у с. Куйбышевского (ранее Рубецу) отмечал и И. Шнелль[5]. Он выделял даже три типа керами-

[5] I. Schnell. Prehistoric Finds from the Island World of the Far East. BMFEA, № 4, 1932, стр. 54.

ки — «А» — гладкую (что соответствует нашему второму типу), «В» — веревочную и «С» — текстильную. Два последних типа Шнелля могут соответствовать нашему первому, так как текстильные отпечатки являются в сущности веревочными, только расположенными в более правильном порядке. К тому же керамики этого типа нами на стоянке найдено немного, поэтому у нас не было основания для более дробного деления. Шнелль считает возможным хронологическое различие между выделенными им типами керамики [6]. Тип «С» он считает более ранним и связывает его с последними этапами периода дземон Японских островов. Бытование керамики типа «А» относится им уже к нашей эре, а сам тип он сближает с керамикой культуры Яйои Японских островов. Стоянку же в целом он датирует III—IV вв. н. э.

Как можно было заметить, мы тоже разделили керамику стоянки на два различных типа. Тип первый (по Шнеллю «В» и «С») тоже кажется нам более ранним. Основанием для этого предположения служит уже указанная близость керамики этого типа к керамике поздних периодов неолита Японии, в частности культурам Убаяма и Хариноучи. Второй же тип керамики не только указывает на своеобразие культуры обитателей Курильских островов, но и говорит о более поздних влияниях. Сам по себе он тоже не однороден. Группа сосудов, украшенная узкими изогнутыми налепными полосками, очень близка к керамике первого типа и, вероятно, одновременна с ним [7]. Группа же сосудов с резным орнаментом говорит о более поздних влияниях. Она гораздо ближе по своему облику, по форме и характеру украшений к керамике охотской культуры. Возможно, что эти два типа на стоянке бытовали одновременно. Тогда мы можем предположить, что стоянка на берегу Куйбышевского залива характеризует какой-то переходный этап между неолитической культурой дземон и более поздней охотской культурой. По этим соображениям ее можно датировать гораздо более поздним временем, чем Касаткинскую стоянку. Видимо, она была обитаема в конце первой и во второй половине I тысячелетия н. э.

В настоящее время самой ранней стоянкой на Курильских островах является Касаткинская стоянка эпохи позднего неолита. По облику своему эта культура довольно близка к неолитическим культурам более южных частей островного мира, в частности Японских островов. Интересно ее сопоставление с древней культурой Сахалина, которая резко отлична от неолита Японии и имеет ярко выраженный континентальный характер. Курильские острова были заселены, видимо, гораздо позднее; заселение происходило с юга, и культура здесь развивалась другими путями. В то время как жители Сахалина и позднее имели связи с материковыми культурами [8], обитатели Курильских островов в эпоху неолита продолжали, видимо, испытывать южные влияния. Об этом говорят черты, типичные для культуры дземон Японских островов, которые отмечены нами в более поздней стоянке на берегу залива Куйбышевского. Однако на этих поздних этапах неолита Курильских островов, судя по материалу той же стоянки, видимо, появились связи жителей островов с соседними частями островного мира, в том числе, возможно, и с Сахалином. Об этом говорит сходство другой части керамики этой стоянки с керамикой охотской культуры. Охотская культура, очень неясная сама по себе, имеет ряд явных черт сходства с культурой выделенного нами II этапа на Сахалине. Но это предположение нуждается в еще более твердом подтверждение, как сама охотская культура нуждается в дальнейшем и более широком исследовании.

---

[6] I. Schnell. Ук. соч., стр. 57—58.

[7] F. G. Groot. Ук. соч., табл. XXXVIII и XXXVII.

[8] Р. В. Чубарова. Древняя культура Сахалина (по археологическим данным). Автореферат канд. диссертации. Л., 1955; ее же. К истории древнейшего населения Сахалина. СЭ, 1957, № 4.

А. О. МНАЦАКАНЯН

ДРЕВНИЕ ПОВОЗКИ ИЗ КУРГАНОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПОБЕРЕЖЬЕ оз. СЕВАН

С 1956 г. археологическая экспедиция Исторического музея АН Армянской ССР ведет систематические раскопки древних памятников у с. Лчашен, где на осушенной территории северо-западного побережья оз. Севан обнаружено большое количество разновременных курганов и древнее поселение.

Настоящая статья посвящена описанию повозок и колесниц, найденных в крупных лчашенских курганах с каменной насыпью, под которой обычно находятся склепы, сложенные из громадных каменных глыб. Эти могилы, содержавшие погребения эпохи бронзы XIII—XII вв. до н. э. очень богаты по своему инвентарю. Характерной чертой обряда погребения рассматриваемых курганов является помещение в могилу от одной до четырех деревянных колесниц и повозок, на которых обычно лежали покойники [1]. В некоторых курганах были положены только отдельные части повозок. Например, в кургане № 3 найдены только дышла от повозок, и хорошо сохранившиеся прутья от перекрытия погребения.

Курган № 6 расположен в северной части могильного поля, на расстоянии 200 *м* от больших курганов с повозками, раскопанных нами в 1956 г. Он отличается своеобразным расположением инвентаря в могильной яме и формой найденной в ней деревянной двухколесной повозки (к сожалению, плохой сохранности). Дно повозки состояло из четырех параллельных досок, боковая часть представляла собой решетку из прутьев, а задняя — сплошную стенку из досок. Покойник был помещен в повозке в сидячем положении.

В кургане № 8 был помещен только кузов двухколесной повозки, ее колеса и оси отсутствовали. В этом кургане были обнаружены также два бычьих и два конских черепа. Лошади были взнузданы дисковидными удилами.

Деревянная четырехколесная повозка, обнаруженная в кургане № 9, имела решетчатое перекрытие (рис. 1). Передние и задние доски повозки украшены богатой резьбой (рис. 2 и 3). На повозке лежал костяк человека.

В кургане № 9 впервые была найдена двухколесная колесница, каждое колесо которой имело по 28 спиц [2].

В том месте, где дышло соединялось с ярмом, была укреплена бронзовая модель двухколесной колесницы (рис. 4). В эту колесницу при помощи ярма впряжены два коня, в кузове стоят два воина, один из них в шлеме, у каждого с левой стороны по кинжалу. Каждое колесо колес-

---

[1] Реставрация повозок из раскопок Лчашена была произведена Е. А. Румянцевым по полевым чертежам архитектора Г. К. Кочояна.

[2] Реконструкция четырехколесной повозки и колесницы, найденной в 1957 г., принадлежит архитектору Б. Арзуманяну, а повозки и колесницы 1956 и 1958 гг.— архитектору Г. Кочояну.

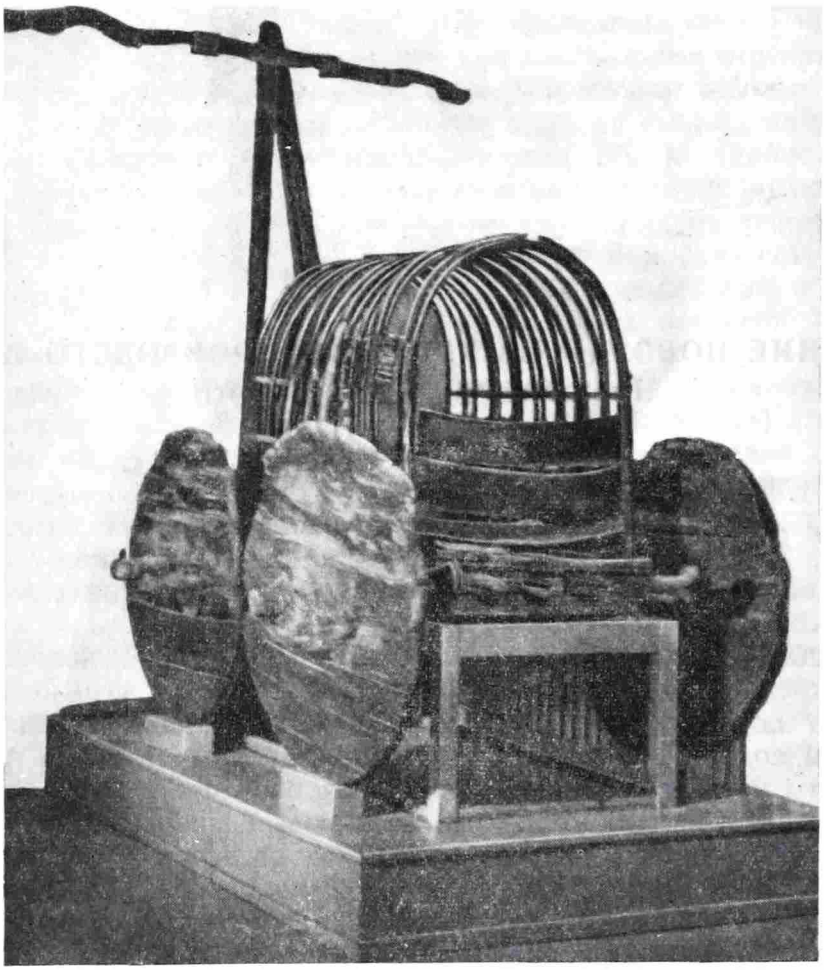


Рис. 1. Четырехколесная повозка из кург. № 9

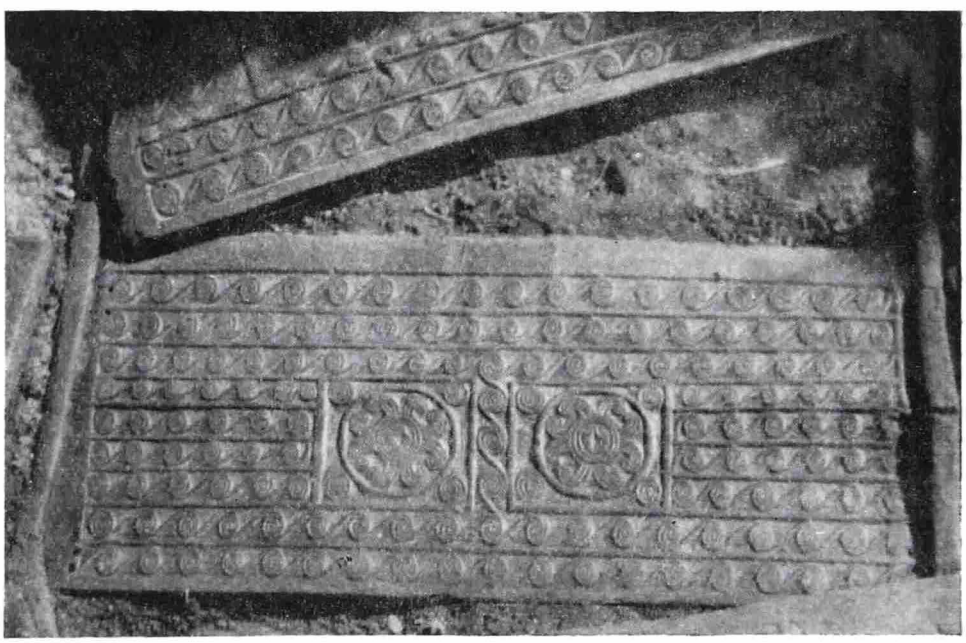


Рис. 2. Передняя доска повозки из кург. № 9

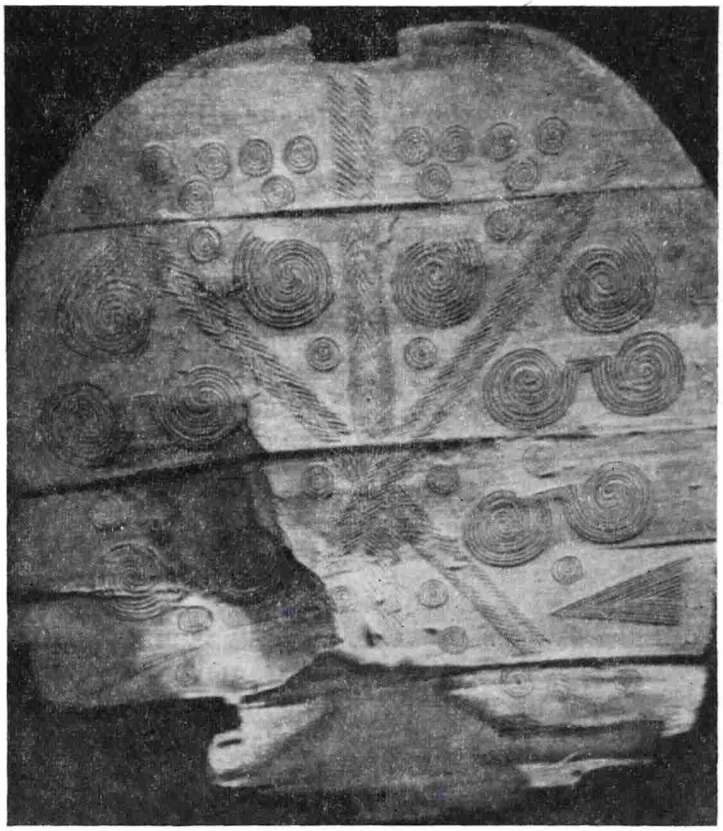


Рис. 3. Задняя доска повозки из кург. № 9

ницы имеет по восемь спиц. Перед колесницей укреплена фигурка оленя с ветвистыми рогами. По всей вероятности, здесь изображено преследование оленя охотниками (рис. 5).

Две повозки, одна из которых четырехколесная с арочным перекрытием, а другая двухколесная, были помещены в кургане № 10, где помимо этого находились обломки одного колеса со спицами (рис. 6). Дере-

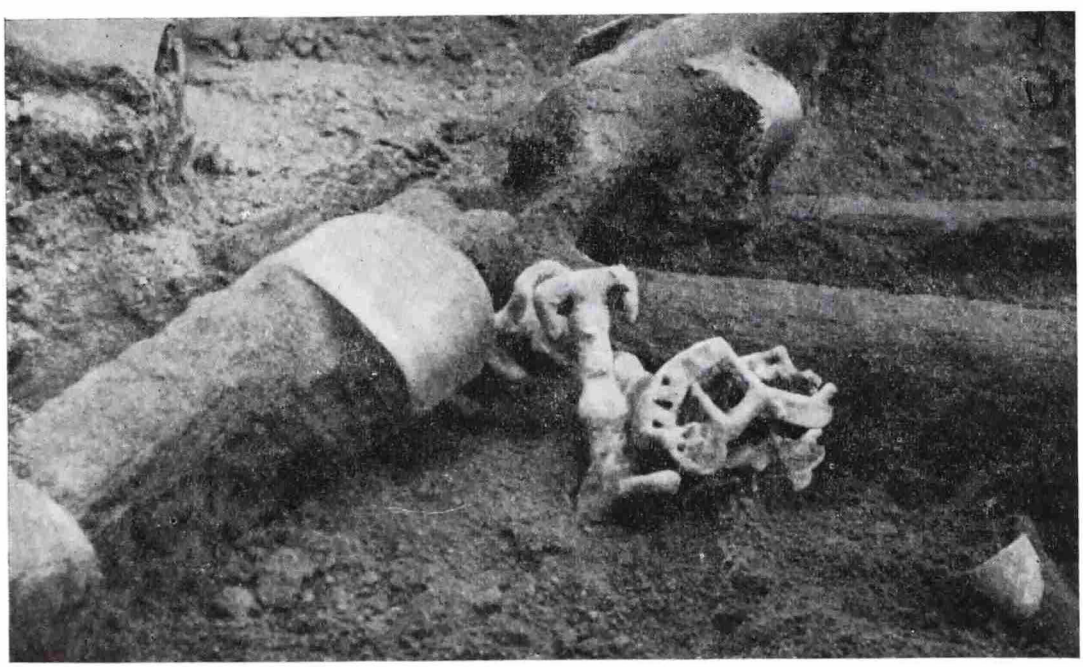


Рис. 4. Модель колесницы, укрепленная у ярма и дышла; кург. № 9

Рис. 5. Модель колесницы из кург. № 9

вянные колеса имеют диаметр 1,37 *м*, каждое из них состоит из трех кусков, скрепленных деревянными шипами. Перед повозкой были положены два бычьих черепа, ярмо и дышло в разобранном виде. До захоронения, колеса повозки были обожжены, очевидно, для большей прочности. Ось повозки была неподвижно скреплена с кузовом, что является отличительной чертой всех лчашенских повозок. Ярмо, в нескольких местах обитое бронзовыми ободками, веревкой привязывалось к концу дышла.

Все кузовы лчашенских повозок близки друг другу по конструкции. Описываемая повозка из кургана № 10 отличается от остальных только наличием спереди и сзади досок, украшенных резьбой геометрического характера (спирали, зигзаги и др.).

Лежавшая около входа в кургане № 10 двухколесная повозка была сильно разрушена; на ней лежал костяк человека. В этом же кургане находилась бронзовая модель колесницы, совершенно аналогичная найденной в кургане № 9 (рис. 7).

В кургане № 11 оказалась четырехколесная повозка, боковые части которой были сплетены из тонких обработанных прутьев. Высота боко-

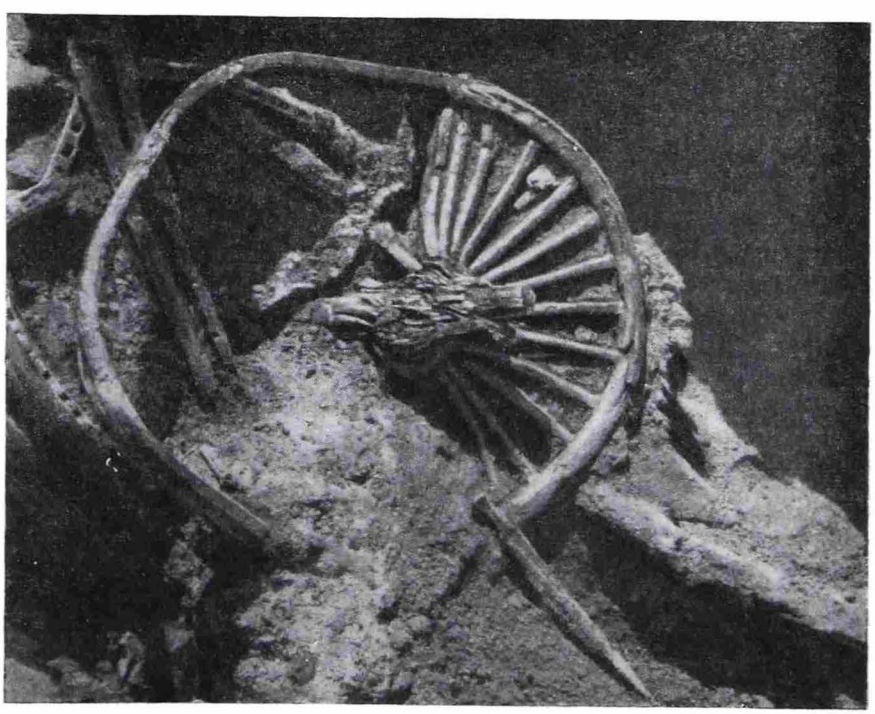


Рис. 6. Колесо со спицами из кург. № 10

вых частей 1,13 *м*, длина 1,78 *м*, высота повозки от земли до верхней точки решетчатой боковой стенки 1,80 *м*; длина повозки вместе с дышлом 5,6 *м*, ширина площадки пола 1,08 *м* (рис. 8—11). В передней части повозка наполовину открыта, в задней стенке вставлена орнаментированная доска. Сзади устроено сидение, которое одновременно является местом хранения вещей. В передней доске сидения имеются вырезанные изображения двух оленей с ветвистыми рогами (рис. 12). Повозка имеет раздвоенное дышло и ярмо. Дышло и ярмо повозки были положены между кузовом и колесами. Каждое колесо повозки имеет диаметр до 1,10 *м* и состоит из трех частей, соединенных шипами. Центральная часть колеса выпуклая с обеих сторон. Ось неподвижно прикреплена к кузову повозки, а колеса вращаются вокруг оси. Все детали этой повозки, как и остальных, были соединены исключительно деревянными гвоздями или шипами. Эта повозка с арочным перекрытием состояла примерно из 70 деталей, причем в них в общей сложности было вырезано 12 000 маленьких и больших, круглых и четырехугольных отверстий для скрепления. Повозка же с решетчатыми боковыми стенками имела около 600 отверстий. Все это показывает, насколько сложной была конструкция повозок. Отверстия или просверливались долотом, или прожигались раскаленным металлом. Повозки данного типа известны у армян под названием «кор сайл» и употреблялись вплоть до последнего времени.

Рис. 7. Модель колесницы из кург. № 10

Находившаяся в том же кургане двухколесная колесница (рис. 13) по своей конструкции сходна с найденной нами в большом кургане № 9. Каждое колесо колесницы из кургана № 11 имеет 28 спиц, диаметр колеса свыше одного метра. Спицы одним концом укреплены в барабане, другим вставлены в обод, где имеются специальные отверстия. Округлость ободу, вероятно, придавалась путем распаривания дерева; скреплены концы обода деревянными гвоздями. Как и в повозках, части колесниц соединялись при помощи шипов или в некоторых случаях деревянными гвоздями.

Ось колесницы неподвижна, ввиду чего колесница лишена быстрой маневренности. Для того чтобы повернуть, повозке или колеснице был необходим большой радиус разворота.

Для изготовления повозок и колесниц использовалось дерево в основном трех пород: дуб, ильм и красное дерево [3]. Из дуба обычно изготовлялись колеса, а иногда и ярмо, из гибкого ильма — оси повозок, ярмо и прутья для перекрытия, из красного дерева делалось само перекрытие. Горные массивы, окружающие оз. Севан, в древности были покрыты лесами, где имелись все эти породы деревьев. Близость лесов и наличие в неограниченном количестве дерева способствовало развитию у древних

[3] Породы дерева были определены В. Паланджян.

жителей Лчашена техники обработки дерева, что подтверждается найденными в большом количестве орудиями труда (топоры, долота, ножи).

Колеса лчашенских колесниц, как уже упоминалось, имеют 28 спиц. Конец спиц, входящий в барабан, плоский с четырехугольным сечением (рис. 14). Другой конец входит в элипсоидные отверстия деревянного обода, изготовленного из карагача (ильма).

Дышла по своим особенностям можно разделить на три типа:

1. Дышла четырехколесных повозок в большинстве случаев состоят из двух длинных плоских брусьев, четырехугольных в сечении. Концы,

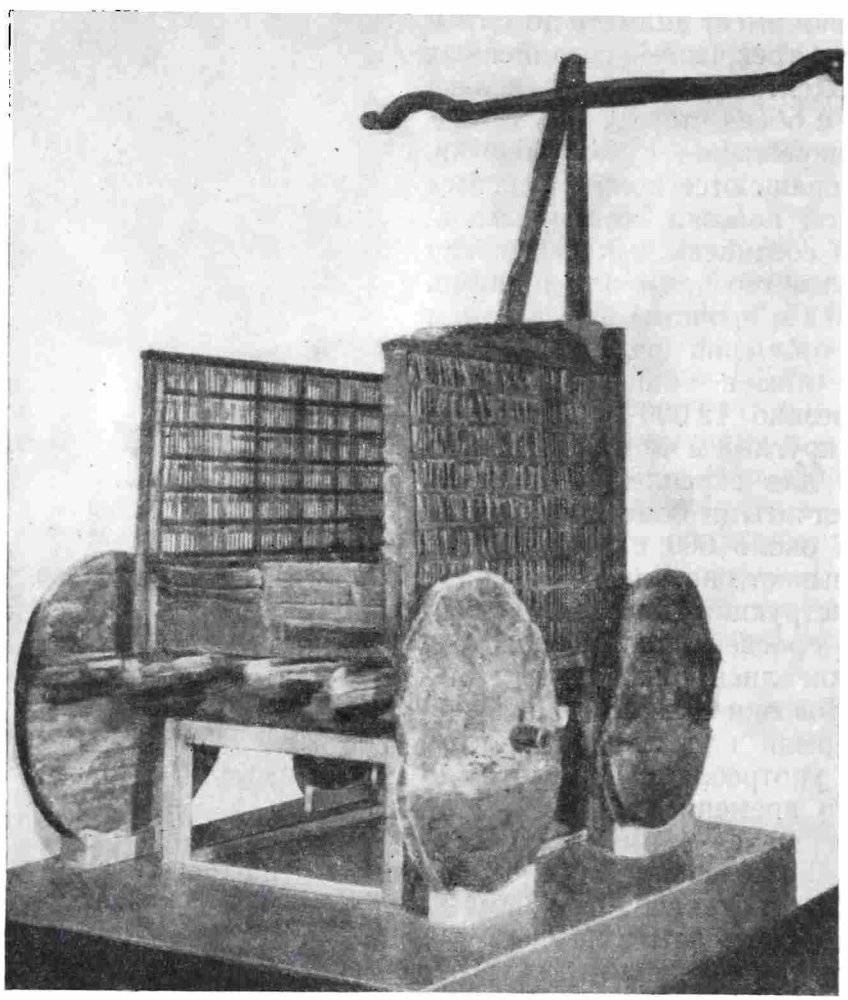


Рис. 8. Четырехколесная повозка с сетчатыми стенками; кург. № 11

заходящие под ярмо, соединялись друг с другом при помощи ушка. Два противоположных конца брусьев раздвинуты в стороны, образуя угол. Такие дышла отделены от кузова.

2. Дышла двухколесных повозок также состоят из двух брусьев и образуют угол, но их раздвинутые концы в то же время являются основанием кузова повозки, покрытого настилом из широких досок. Под кузовом укреплялась неподвижная ось, на которую надевались колеса.

3. Последний тип дышла принадлежит колесницам; дышло изготовлено из ствола дерева. Один конец этого дышла неподвижно соединен с рамой и осью, где имеется специально устроенное приспособление.

Дышла всех трех типов служили для парной запряжки.

Ярмо соединялось с дышлом при помощи ремня или веревки. Одной из характерных особенностей лчашенского ярма является отсутствие отверстий для прутьев, плотно закреплявших ярмо на шее животного. Как

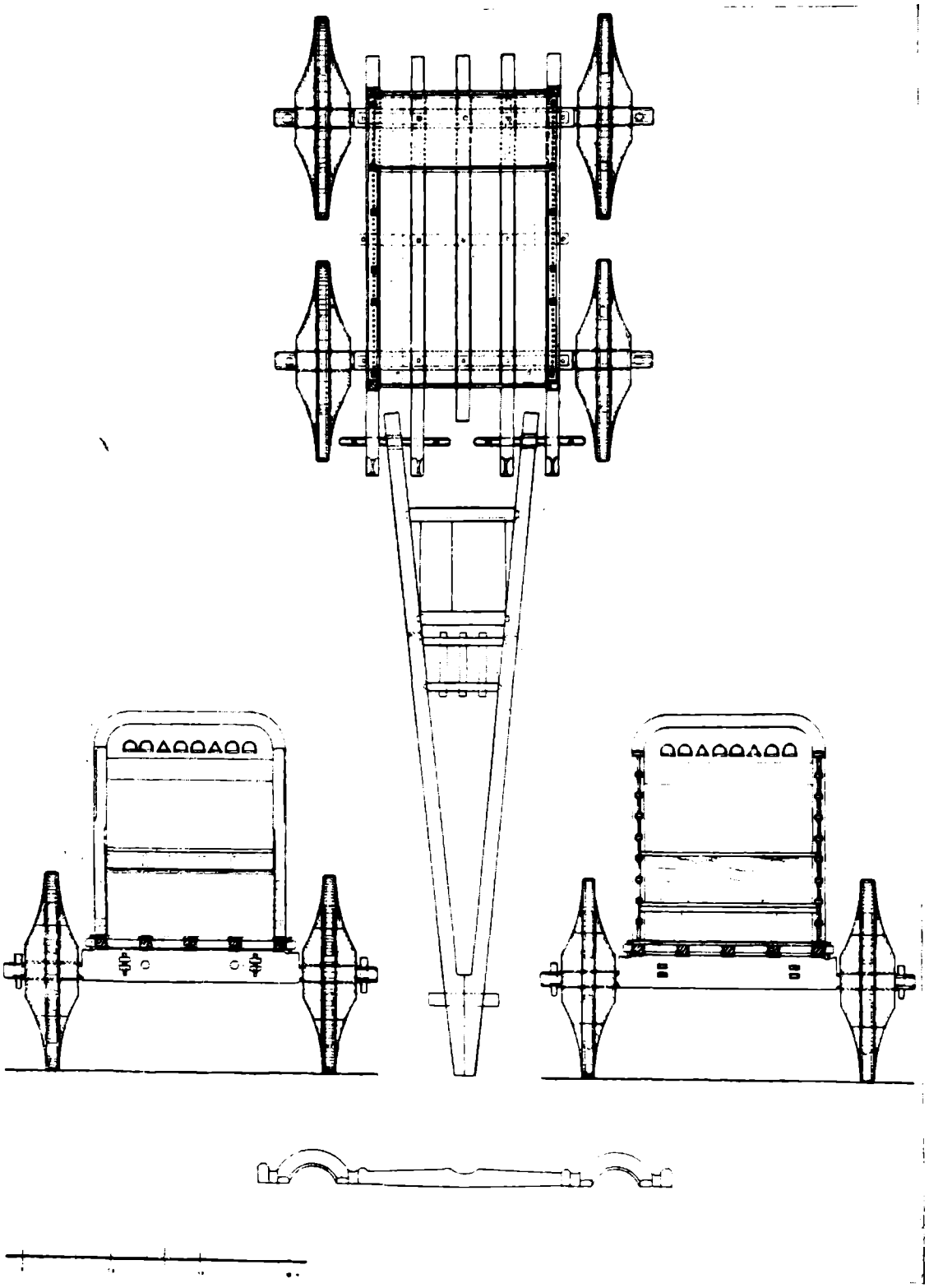


Рис. 9. Повозка из кург. № 11. Реконструкция архитектора Г. Кочояна

известно, ярмо в древности использовалось для запряжки как лошадей, так и волов. Подтверждением того, что в повозки при помощи ярма впрягались лошади, служит изображение на поясе из Санаина [4]. У лчашенских моделей бронзовых колесниц лошади также впряжены ярмом [5].

[4] А. О. Мнацаканян. Следы солнечного культа древней Армении по раскопанным материалам бронзовой эпохи. Тр. Исторического музея АН АрмССР. т. I.

[5] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье озера Севан. СА, 1957, № 2, стр. 149, рис. 8.

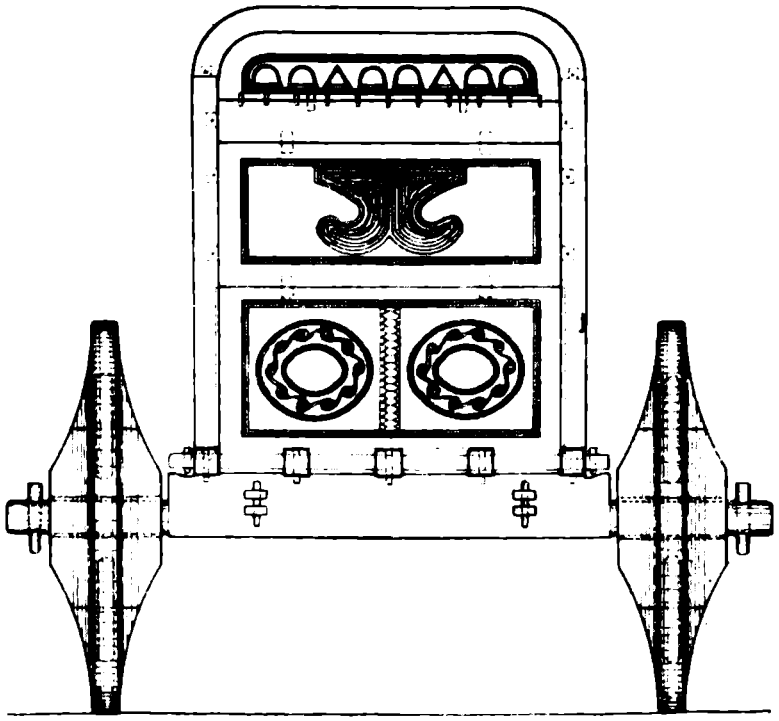


Рис. 10. Повозка из кург. № 11. Реконструкция архитектора Г. Кочояна

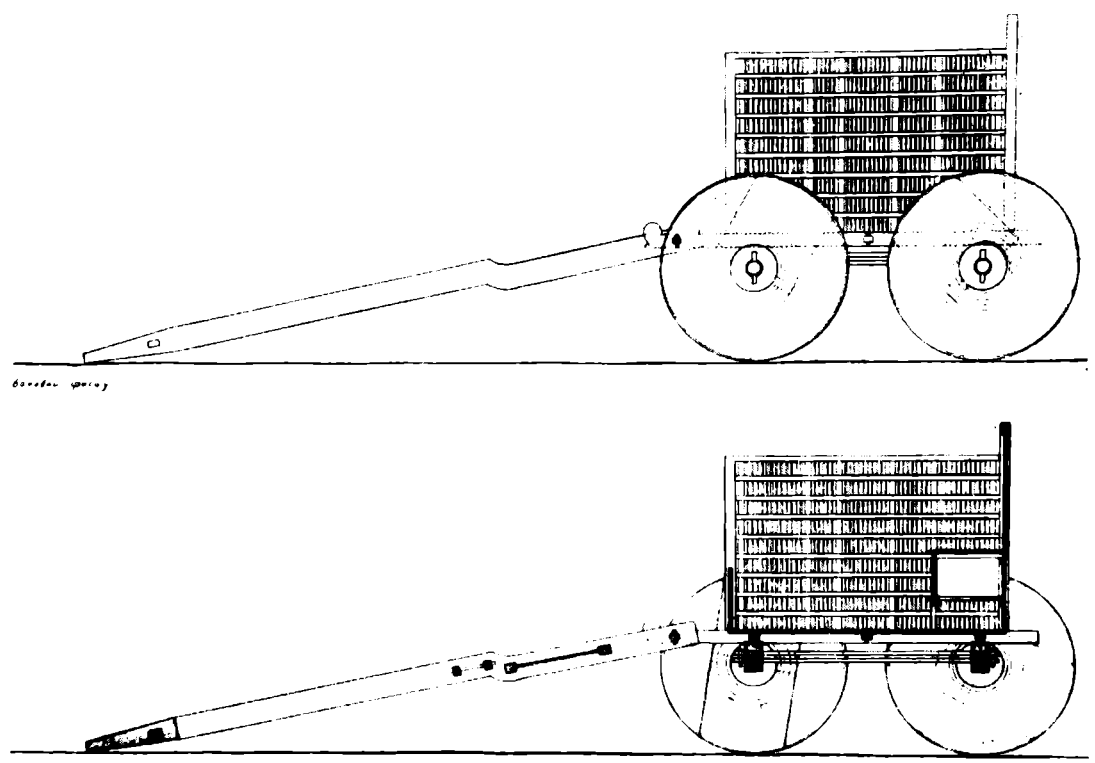


Рис. 11. Повозка из кург. № 11. Реконструкция архитектора Г. Кочояна

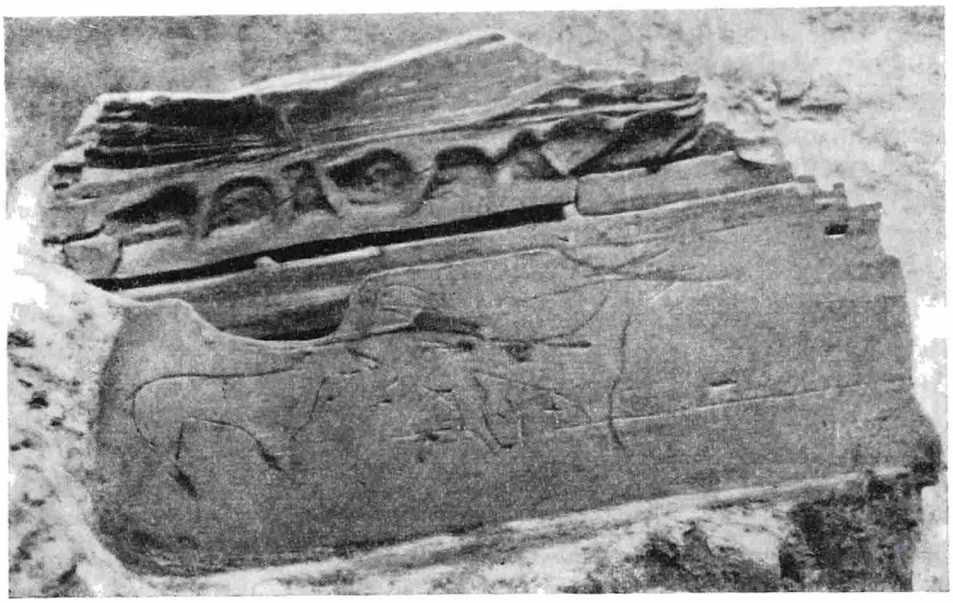


Рис. 12. Передняя доска повозки из кург. № 11

В древности перевозка грузов совершалась как путем вьючного транспорта, так и при помощи повозок. Так, например, найденные в Лчашене двух- и четырехколесные повозки до помещения их в могилу, несомненно, употреблялись в хозяйстве. Колеса повозок из курганов №№ 1, 2, 9, 10 и 11 были заметно сработаны в процессе их применения. В кургане № 9 левое переднее колесо было совершенно новым.

Приведя описание деревянных повозок и колесниц, найденных в лчашенских курганах, следует остановиться на аналогиях к ним. Лчашенские повозки имеют несомненную преемственную связь с повозками, обнаруженными в более ранних закавказских курганах XVII—XV вв. до н. э., исследованных в триалетском районе Б. А. Куфтиным и О. М. Джапаридзе. Важно отметить, что лчашенские курганы по своей конструкции близки к триалетским крупным курганам, в чем отражается непрерывное развитие древней культуры Закавказья.

В 1908 г. при археологических раскопках в Севанском бассейне в сел. Нижний Адиаман (Геташен) в одном из курганов Е. А. Лалаяном

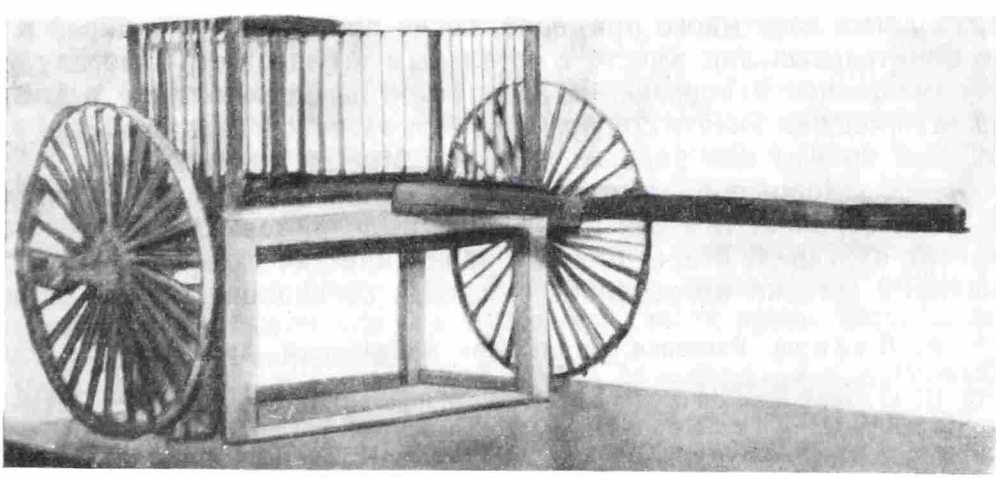


Рис. 13. Колесница из кург. № 11

была обнаружена богато орнаментированная четырехколесная повозка, ошибочно описанная им как трехколесная [6].

В 1953 г. в Дилижане случайно был найден маленький кувшин, на тулове которого изображены козлы, в центре помещена двухколесная повозка со стоящим в ней человеком с каким-то предметом в руке. В повозку впряжены стилизованные животные [7]. Изображение двухколесной повозки, запряженной лошадьми, имеется на бронзовом поясе из могильника в сел. Санаин.

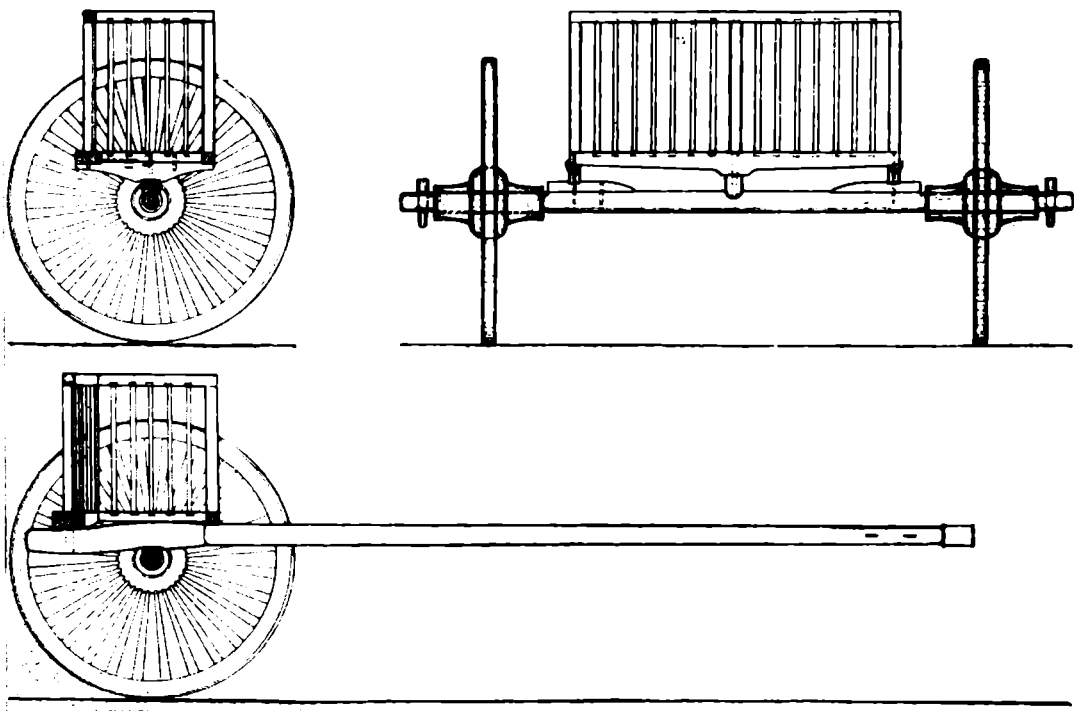


Рис. 14. Колесница из кург. № 11. Реконструкция архитектора Г. Кочояна

Возникает вопрос: кому принадлежали лчашенские повозки, найденные в могилах? Нет сомнения в том, что повозки сложной конструкции и богато украшенные, найденные в больших курганах с многочисленным инвентарем, принадлежали или вождям племен, или лицам, занимавшим в племени влиятельное положение. Повозки, подобные лчашенским, но относящиеся к XVIII—XVII вв. до н. э., были открыты в шумерском городе Уре в царских могилах [8].

Археология дает много примеров, когда при погребении царей и наиболее влиятельных лиц вместе с остальным имуществом в могилу умершего помещались и повозки. В литературе известно мнение о том, что обряд захоронения вместе с повозками был распространен особенно в эпоху поздней бронзы или раннего железа [9]. Можно привести много примеров обряда захоронения на повозках не только на древнем Востоке, но и в других странах. Все эти погребения выделяются из рядовых могил. Во многих курганах, относящихся к раннединастическому периоду, обнаруживаются остатки погребальных повозок со сплошными деревянными

[6] Е. А. Лалаян. Раскопки могильников в Советской Армении, 1931. Ереван, стр. 194—199.

[7] Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнем Закавказье. СА, XXIII, 1955; А. О. Мнацаканян. Раскопки погребений в с. Головино. Тр. Гос. Исторического музея АН АрмССР, вып. V, Ереван, 1959, стр. 48—49, рис. 23.

[8] А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 128, табл. XV.

[9] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 305.

колесами. Как правило, эти колеса состоят из трех частей, скрепленных шипами [10].

Обычно такая повозка была погребальной; именно в ней перевозился покойник к могиле. В лчашенских курганах около повозки и колесницы обычно помещались черепа или целые костяки быков, или лошадей, которых во время захоронения приносили в жертву и клали вместе с покойником в могилу. Известно, что в гробницах Киша были найдены

Рис. 15. Бронзовая фигурка быка из кург. №. 11

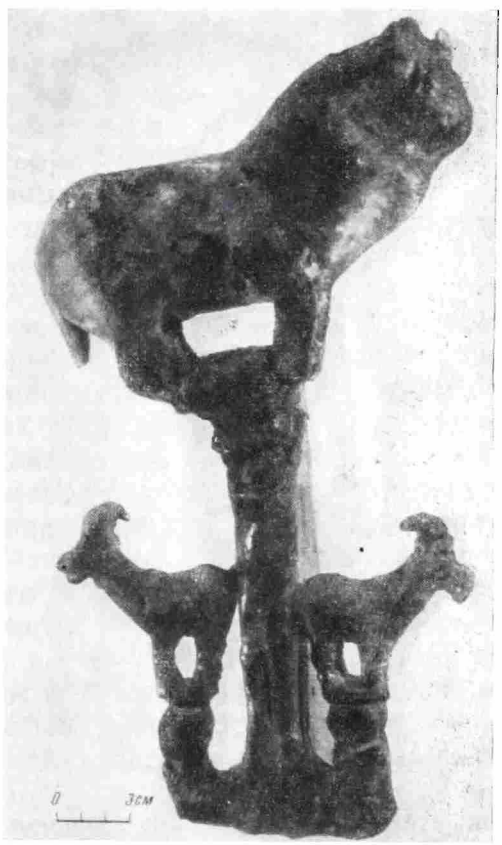


Рис. 16. Бронзовая фигурка быка и козлов из кург. № 2

повозки с тягловыми животными. В погребении царицы Шуб-ад кольца, прикрепленные к дышлу повозки перед ярмом, были увенчаны символическим изображением животного [11]. Такие украшения ярма встречены и в лчашенских курганах; это или бронзовые фигурки быка (рис. 15, 16), или же бронзовые изображения колесниц, прикрепленные в месте соединения ярма с дышлом. Можно предположить, что найденные в Лчашене фигурки быков, птиц, оленя (рис. 17), козлов, находимые обычно возле передней части повозки или у центральной части ярма, были связаны с культовыми представлениями.

Колесные повозки были впервые введены в употребление в Западной Азии задолго до древнейших династий [12]. На Крите была найдена глиня-

[10] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 230.
[11] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 230—232, табл. XXV.
[12] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 300.

ная модель четырехколесной повозки с массивными дисковидными колесами, относящаяся к среднеминойской эпохе [13].

Изображение колесницы имеется на одной из золотых минойских печатей, найденной в микенской шахтной гробнице № 4. Колесница, запряженная двумя лошадьми, здесь представлена в движении; в кузове стоят две фигуры — погонщик и лучник. Каждое колесо имеет по четыре спицы [14].

Рис. 17. Бронзовая фигурка оленя из кург. № 3

Особенное развитие получили колесницы на древнем Востоке; они встречаются в Египте, в Передней Азии и особенно в Ассирии и Урарту. С этими колесницами связаны изображения колесниц на бронзовых поясах, найденных в Армении (Ахтала, Степанаван).

Лчашенские курганы имеют большое значение потому, что они дали образцы древних повозок и колесниц, а также части конского убора, характерные удила с колесовидными псалиями, типа, хорошо известного на древнем Востоке.

В большинстве случаев найденные при раскопках колесницы отличались массивностью сплошного колеса, которое лучше сохраняется, чем такое же колесо со спицами. Этим объясняется находка в Северной Италии массивных колес, состоящих из трех частей. Аналогичное колесо найдено в Кастионе (Парма) [15]. Деревянные дисковидные колеса, состоящие из двух частей, были найдены в развалинах Бискупинского городища, в слое, относящемся к эпохе железа [16]. Интересные сведения о массивных колесах, выточенных из одного куска дерева из Киша, приводит Г. Чайлд. Эти колеса вместе с осью длиной 0,9 *м* прикреплялись к кузову повозки кожаными ремнями [17].

По имеющемуся материалу можно заключить и о первоначальном употреблении дискообразных колес без спиц. Последние сравнительно легче можно было изготовить из стволов огромных деревьев. Интересны игрушечные колеса, изготовленные из туфа или глины, в большом количестве найденные на энеолитическом поселении Шенгавит и поселении ранней бронзы — Муханнат-Тапа (АрмССР). Внешний вид этих колес во многом напоминает колеса лчашенских повозок. Несомненно, на территории Армении, начиная с бронзовой эпохи, употреблялись дисковидные сплошные колеса наряду со спицами.

---

[13] A. Evans. The Palace of Minos at Knossos, London, 1921—1928, стр. 796, рис. 769.
[14] G. H. Karo. Die Schachtgräber von Mykenai. Munich, 1930, № 240, табл. XXIV.
[15] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 304, рис. 172.
[16] J. Kostrzewski. Gniezno. Biblioteka prehistoryczna, т. IV. Poznań, 1936, стр. 40, табл. X/VI, 7; см. также Г. Кларк. Ук. соч., стр. 305.
[17] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 230.

В Закавказье повозки с дисковидными колесами применялись с раннего времени. Б. А. Куфтин в развалинах энеолитического поселения обнаружил четырехколесную повозку [18]. Вторая повозка найдена О. М. Джапаридзе в кургане, относящемся к эпохе ранней бронзы. Лчашенские повозки относятся к эпохе развитой бронзы. Из всего этого можно заключить, что в Закавказье повозки и колесницы появились раньше, чем в Европе.

Несмотря на то, что почти все дошедшие до нас образцы повозок происходят из погребений, нельзя сделать вывод, что на раннем этапе повозки служили только целям погребального ритуала.

Несомненно, они играли важную роль в хозяйстве, а в дальнейшем превратились в предмет, связанный с погребальным ритуалом. Известно, что в древнем Шумере двухколесные и четырехколесные колесницы, наряду с применением в хозяйстве, употреблялись и для военных целей. Первоначально тягловой силой были быки, и лишь в эпоху бронзы для этой цели стали употреблять лошадей.

В Закавказье появление удил относится к бронзовой эпохе. Самый древний тип удил датируется XV—XIII веками до н. э.; подобные удила найдены в Грузии, в большом количестве в Лчашене и несколько экземпляров происходят из раскопок Е. Лалаяна в Баязете.

Говоря о применении и значении колесниц, Г. Чайлд пишет: «...Это было военное приспособление, доступное лишь цивилизованным государствам и их воинским формированиям, против него не могли устоять ни варварские племена, ни мятежное сельское население. Таким образом, погребение такой машины должно символизировать воплощение государства как силы принуждения в лице земного династа, и юридически обосновать определение таких гробниц как «царских» [19]. Мы не разделяем приведенное мнение Г. Чайлда. Дошедшие до нас новые памятники материальной культуры — лчашенские колесницы дают основание утверждать, что они существовали и до возникновения «цивилизованного государства и их воинских формирований».

Из приведенных фактов видно, что в некоторых случаях вместе с повозками в могилу клали колесницы, у которых колеса были со спицами.

Мы уже говорили о том, что образцы повозок и колесниц изображены на металлических и глиняных предметах. Аналогичные изображения встречаются на предметах из закавказских погребений, относящихся к эпохе бронзы.

В Британском музее хранится фрагмент сосуда из Хафадже, на котором имеется изображение погребальной повозки [20]. Изображение аналогичной повозки имеется на одном из рельефов, обнаруженном в Уре. Повозка двухколесная, в нее впряжены две лошади, дышло фигурное [21]. Особо примечательным для нас является обнаруженная в Гавре маленькая модель повозки-фургона, с решетчатым перекрытием [22].

А. Контено в одной из своих работ представляет сирокаппадокийскую цилиндрическую печать, на которой имеется изображение четырехколесной повозки с массивными колесами. В повозку были впряжены крылатые львы, на крыле одного из них стоит человек [23]. На другой печати имеется колесница с колесами в четыре спицы.

Следует отметить, что нигде не встречались в одном могильнике столь различные по конструкции и по количеству повозки и колесницы.

---

[18] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 97—98, рис. 102*а*, табл. 107.

[19] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 232.

[20] Там же, рис. 84.

[21] Там же, табл. XXIV, *а*.

[22] Там же, стр. 325, рис. 109.

[23] A. Conténau. La glyptique Syro-Hittite. Paris, 1922, табл. I, *3*.

Находки в Севанском бассейне большого количества повозок указывают на высокую культуру оседлых племен, населявших в глубокой древности территорию Севанского бассейна. Близость лесов способствовала высокому развитию обработки дерева. Оно широко использовалось в хозяйстве, при постройке жилищ, для перекрытия курганов и, наконец для изготовления повозок и колесниц.

А. Парро в 1933—1936 гг. при раскопках шумероаккадского города Мари, существовавшего во времена вавилонского царя Хамураппи, в гробнице раннеассирийского периода (XIV—XIII вв. до н. э.) нашел золотые бусы в виде трубочек со спиралями и каменные чечевицеобразные бусы, совершенно аналогичные найденным во втором лчашенском кургане. Трезубцы, найденные в Агашенских курганах, также совершенно аналогичны трезубцу из раскопок в Рас-Шамре, датируемом XIII в. до н. э.

Таким образом, лчашенские курганы с повозками и колесницами и прочим инвентарем на основании произведенных аналогий могут быть датированы XIII—XII вв. до н. э.

Большого развития достигла обработка глины; об этом свидетельствуют разнообразные по типам и изготовлению трехцветные сосуды со сложной орнаментацией, неизвестные до раскопок в Лчашене.

Следует отметить, что в Лчашене найдены курганы, различные по конструкции и обряду захоронений (курганы, каменный ящик, кромлех, грунтовое погребение). Они относятся к различным периодам эпохи бронзы. Наличие памятников различных периодов свидетельствует о непрерывной заселенности этой территории. Лчашенские материалы свидетельствуют также о развитии хозяйства, которое имело несколько отраслей.

Лчашенская культура является местной, самобытной; она отражает изменения, которые происходили в хозяйстве начиная с XX в. до н. э. Одновременно лчашенские материалы иллюстрируют степень развития производительных сил и производственных отношений.

Развитие хозяйства было обусловлено наличием на территории Армении, в частности Севанского бассейна, лесов в районах, расположенных близко от сырьевой базы. Медные, бронзовые, золотые предметы изготовлялись, как нам кажется, из местного сырья.

Следует отметить важнейший факт. Культура ранней бронзы Закавказья известна по имеющимся многочисленным предметам, найденным в могильниках и поселениях. Однако период XIV—XII вв. до н. э. был известен лишь по отдельным, случайно найденным изделиям.

Дальнейшие раскопки в Лчашене, несомненно, дадут много интересного и ценного материала, проливающего свет на историю Армении в глубокой древности.

В. М. СКУДНОВА

РОДОССКАЯ КЕРАМИКА С о. БЕРЕЗАНИ

Самой ранней группой привозной керамики, наиболее богато и полно представленной на Березани, является родосская. Во всех отчетах о раскопках подчеркивается громадное количество сосудов, обычно названных «милетскими», украшенных изображениями животных. Отличительной чертой этой группы керамики является светлая обмазка и обильный заполнительный орнамент.

В литературе родосские сосуды называют по-разному: милетские, родосско-милетские, родосско-ионийские.

Вопрос о центре производства родосской керамики до сих пор остается нерешенным, несмотря на предпринятые в этой области попытки. До самого последнего времени отсутствовали четкие датировки.

Первая классификация родосской керамики была предложена Кинхом еще в 1914 г. [1]. Ее придерживалась и Е. Прайс, которая объединила всю ориентализирующую керамику с фризами животных в «класс дикого козла», разделив его на две группы: «А» — сосуды без резьбы и «В» — сосуды, в рисунке которых встречается резьба [2].

Новая классификация, сделанная Румпфом в 1933 г. [3], отличается от схемы Кинха; особенно резки отличия в их хронологии.

Прежде всего Румпф делит всю родосскую керамику на два раздела: Камира и Эфорба. В них включены опубликованные родосские сосуды из раскопок Северного Причерноморья. Нам интересна группа Камира «развитого стиля», в которую включен самый ранний экземпляр родосских изделий из находок в Северном Причерноморье — кувшин из погребения на Темир-Горе [4]. К этой группе Румпф относит главным образом ойнохои с четким рисунком зверей и великолепным по графичности исполнения заполнительным орнаментом.

Следующая, «цветущая группа» Камира разделена на раннюю и позднюю, мало чем отличающиеся друг от друга. В раннюю «цветущую группу» включены обломки родосской амфоры из Немирова городища [5].

«Поздняя группа» Камира, самая обширная, включает большой список: ойнохои, украшенные длинными вытянутыми фигурами козлов, с менее тщательным заполнительным орнаментом, кувшины с фризом толь-

---

[1] K. Kinch. Fouilles de Vroulia (Rhodos). Berlin, 1914, стр. 193.

[2] E. Price. Eastgreek Pottery Classification. Paris, 1927.

[3] A. Rumpf. Zu den klazomenischen Denkmälern, т. 48. JDAI, кн. 1, 2, 1933 стр. 61.

[4] Эрмитаж, инв. Т. Г. 12; см. ОАК за 1870 и 1871 годы, табл. 4; Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. М., 1914, табл. VIII, IX; K. Kinch. Ук. соч., стр. 220, рис. 107; E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, т. III, рис. 111; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 17, рис. 1; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 257; Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 357, рис. 1; Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье, М., 1956, стр. 41, рис. 11; W. Schiering. Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos. Berlin, 1957, стр. 10, табл. 15, *1;* A. Rumpf. Ук. соч., стр. 70, III, a) 1.

[5] AA, 1911, стр. 234—236, рис. 42; AA. 1912, стр. 378, рис. 70; Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, т. II, 1914, табл. II, *3*; A. Rumpf. Ук. соч., стр. 70, b) 6.

ко на плечиках, блюда и тарелки на ножке, с протомами гусей и козлов между триглифами; непонятно, почему блюда и тарелки отнесены Румпфом в позднюю группу, хотя по качеству рисунка и заполнительному орнаменту они близки группе «развитого стиля».

Группа Эфорба получила название от блюда с изображением сцены боя над телом Эфорба [6]. Ранних экземпляров с элементами геометрического орнамента Румпф приводит немного.

Зато группа Эфорба «развитого стиля», необычайно многочисленная, совершенно неожиданно начинается списком маленьких лекифов, типа амфорисков с о. Делоса, и кольцеобразных сосудов с геометрическим орнаментом. Далее, большое место в этой группе занимают плоские блюда той же формы, что и блюдо Эфорба, с фигурами сфинксов, козлов, хищников на дне. В списке амфор этой группы значатся: купленная на Березани амфора с изображением козла на плечиках [7] и таманская амфора [8] с изображением вытянутой фигуры бегущего козла. В конце группы «развитого стиля» перечислены котлы, крышки, кратеры и, наконец, тонкостенные килики с орнаментом из розеток, лучей, цветов лотоса и птиц. Здесь указан и обломок родосского килика из Березани [9].

Группа Эфорба «смешанной техники» содержит большие списки ойнохой, кратеров, котлов, полихромных тарелок на ножке и заканчивается совершенно неожиданно списком фигурных сосудов. В эту группу включены березанские обломки ойнохои с фризом, изображающим козлов, и кратера с фигурами сфинксов [10]. Особое место занимает березанская амфора, помещенная отдельно, под буквой «i» [11].

Очень многое в группировке Румпфа вызывает сомнения и недоумения; нельзя согласиться с тем, что полихромные тарелки на ножке отнесены в последний раздел «смешанной техники» группы Эфорба. Также кажется неправильным включение тонкостенных киликов с фигурами птиц и остатками геометрического орнамента в группу «развитого стиля» Эфорба, наряду с сосудами, на которых фризы животных исполнены уже без прежней четкости, а заполнительный орнамент приобретает схематический характер. Для датировки родосских сосудов Румпф использует находки в Селинунте, основанном в 625 г., и в Смирне, разрушенной в 575 г., и определяет время расцвета группы сосудов раннего Эфорта концом VII — началом VI в. до н. э.

Кроме того, Румпф пользуется для датировки комплексами некрополя Родоса, исходя из положения, что самая поздняя вещь определяет датировку всех остальных вещей в комплексе. Однако в комплексе могут быть разновременные вещи, так как в той или иной семье любимые вещи могли храниться десятилетиями и переходить даже от поколения к поколению. Это относится не только к золотым ювелирным изделиям, но также и к прекрасным расписным вазам. Такие предметы могли быть старше по времени, чем другие вещи, положенные в могилу. Этот вопрос затрагивал уже в свое время и С. А. Жебелев [12].

Метод Румпфа привел к созданию им хронологических групп без учета развития стиля росписи, который должен лежать в основе датировки.

---

[6] E. Buschor. Griechische Vasen. München, 1940, стр. 53, рис. 62.

[7] Эрмитаж, инв. 4610; K. Kinch. Ук. соч., стр. 228, рис. 116; A. Rumpf. Ук. соч., стр. 78.

[8] Эрмитаж, инв. Т. 1913, 14; AA, 1914, стр. 219, рис. 29; A. Rumpf. Ук. соч., стр. 78.

[9] Инв. Б. 180; K. Kinch. Ук. соч., стр. 139, рис. 46; A. Rumpf. Ук. соч., стр. 79.

[10] Инв. Б. 51 и 177; см. А. П. Манцевич. Березанская амфора. ИГАИМК, т. V, 1927, табл. 21/2, 1—3 и 4; A. Rumpf. Ук. соч., стр. 80, a) 33 и c) 32.

[11] Инв. Б. 408; см. Э. Штерн. Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. Одесса, 1914, стр. 91, рис. 9-а; AA, 1914, стр. 229—230, рис. 43; А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 283; Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 359, рис. 2; упомянута у Румпфа, см. A. Rumpf. Ук. соч., стр. 82; E. Price. CVA, Oxford, 2, стр. 77.

[12] С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. Возникновение Боспорского государства. М.—Л., 1953, стр. 50.

В заключение Румпф отвергает все применяемые термины — родосская, милетская, родосско-милетская, аргументируя это тем, что вся эта керамика выделывалась в нескольких центрах.

Р. Кук считает «непонятным» предложенное Румпфом деление родосской керамики на группы Камира и Эфорба и остается сторонником термина «родосская», включая в это понятие разные локальные группы [13]. Он подвергает критике и классификацию, сделанную ранее К. Прайс, считая «неприемлемым» ее деление на две группы класса «дикого козла» — «А» и «В». Кук относит расцвет родосского стиля ко всему VII в., после чего, по его мнению, роспись становится «грубой и неуклюжей» и в ней иногда применяется резьба.

Классификацию, предложенную Румпфом, М. Ламбрино восприняла как «переворот». Она предпочла его деление на группы принципу классификации Кинха [14]. Е. Хоман-Ведекинг, касаясь орнамента на родосских сосудах, использует для датировки комплексы Родоса, по принципу Румпфа, но не повторяет его группировок и сохраняет термин «родосская керамика» [15]. М. Робертсон, публикуя материалы из Аль-Мины, касается термина «родосский», причем не проявляет склонности менять «удобное название». Он признает, что не все родосские сосуды являются изделиями о. Родоса, а принадлежат также и другим центрам [16].

Е. Бушор в последнем издании своей работы «Греческие вазы» применяет термин «родосский» и дает четкую датировку этой керамики [17].

В росписи блюда Эфорба Бушор видит влияние западного чернофигурного стиля. Первое применение резьбы в деталях росписи он отмечает на полихромных киликах конца VII — начала VI в. до н. э., на которых еще сохраняется геометрический орнамент ранних форм. В дальнейшем, в первой трети VI в. до н. э., появляется смешанная техника, применяемая главным образом на больших сосудах.

Обширная работа В. Ширинга «Мастерские ориентализирующей керамики на Родосе» посвящена детальному изучению родосской керамики [18]. Во введении автор пользуется термином «восточногреческая керамика»; в нее он включает изделия мастерских самого Родоса и происходящие от них мастерские на Самосе, Хиосе, Делосе, Эфесе, Смирне и Милете.

Ширинг не согласен с выводами Румпфа и его классификацией родосской керамики; он дает новое деление родосской керамики на три стилистические группы: Камира, Эфорба и Власта [19], с твердыми датировками. Он сохраняет только терминологию Румпфа при делении на периоды: «расцвет» (который делится на «ранний» и «поздний») и «поздний стиль».

Исходным пунктом всей ориентализирующей керамики в начале VII в. до н. э. автор считает Родос, где работали мастерские, названные им «родоначальными». На их основе к середине VII в. до н. э. складываются три стилистические направления, причем группа Камира опережает на десятилетие две другие и раньше всех порывает со старыми приемами.

Наряду с самой распространенной формой сосудов — ойнохоей, возникающей в середине VII в. до н. э., в группе Камира, как отмечает Ширинг, появляются в дальнейшем новые формы: котлы, кратеры, блюда на высокой ножке (большей частью украшенные фризами животных). Лучшим

---

[13] R. M. Cook. Fikellura Pottery. BSA, 34, 1933—1934, стр. 3.

[14] M. Lambrino. Les vases archaïques d'Histria. Bucureşti, 1938, стр. 233.

[15] E. Homman-Wedeking. Archaische Vasenornamentik in Attika, Lakonia und Ostgriechenland. Athen, 1933, стр. 16.

[16] M. Robertson. The Excavations at Al Mina, Sueidia. JHS. LX, 1940, стр. 8.

[17] E. Buschor. Griechische Vasen. München, 1940, стр. 51.

[18] W. Schiering. Ук. соч., стр. 4. Ширинг применяет нейтральное название «восточногреческая керамика», так как трудно еще определить центр единого стилистического направления.

[19] Группа Власта получила свое название от имени владельца афинской ойнохои, являющейся образцом стилистических особенностей этой группы. Издается Ширингом впервые.

образцом «раннего расцвета» автор считает ойнохою из Лувра [20] — середина VII в. до н. э., а кувшин из Темир-горы он датирует на десятилетие раньше — 660 г. [21]. «Ранний расцвет» Камира он относит к 660—630 гг. до н. э., «поздний расцвет» — к 630—610 гг. до н. э., «поздний стиль» — к 610—560 гг. до н. э. [22].

Вторая, самая небольшая по объему, группа Эфорба представлена плоскими блюдами, которые в большинстве случаев найдены на Родосе. Они украшены единичными изображениями зверей или фантастических существ [23]. Автор считает, что резьба в рисунке применяется еще в VII в. до н. э. Самым ранним блюдом группы Эфорба, относящимся к середине века, он называет блюдо с Химерой [24]; в «позднем расцвете» встречается такая роспись, как на лондонских блюдах с изображением козла или барана [25]; в «позднем стиле» преобладают блюда с неуклюжими фигурами сфинксов [26]. «Ранний расцвет» Эфорба автор датирует 650—635 гг. до н. э., «поздний расцвет» — 635—610 гг. до н. э., «поздний стиль» — 610—555 гг. до н. э.

В третью группу Власта, наиболее многочисленную, Ширинг включает ойнохои с особыми формами заполнительного орнамента и отличной от группы Камира манерой изображения животных, а также почти все сосуды, собранные Румпфом в группу Эфорба, за исключением блюд. В «позднем стиле» группы Власта на сосудах, как отмечает Ширинг, появляется силуэтное изображение животных, новый заполнительный орнамент в виде больших пятен и резьбы. Одним словом, все сосуды — кратеры, диносы, ойнохои, выполненные в «смешанной технике», включены в группу Власта. Образцом такого стиля Ширинг считает березанскую амфору [27].

Работа Ширинга имеет большое значение для изучения родосской керамики. Его новое деление на три стилистические группы и датировки убедительны и четки. Также правильна его мысль о существовании, кроме Родоса, мастерских, изготавливающих ориентализирующую керамику в других центрах. Конечно, каждая имела свои местные особенности, которые легко проследить по приводимым автором примерам.

Три периода группы Власта относятся почти к тому же времени, что и группа Камира и Эфорба: «ранний расцвет» — 650—635 гг. до н. э., «поздний расцвет» — 635—615 гг. до н. э. и «поздний стиль» — 615—550 гг. до н. э.

В советской литературе также нет единого термина для родосской керамики. А. П. Манцевич [28], В. Ф. Гайдукевич [29], В. Д. Блаватский [30] называют ее «родосской». Р. В. Шмидт [31] придерживается названия «родосско-ионийская». М. И. Максимова [32] применяет термин «милето-родосская», Т. Н. Книпович [33] — то общее название «восточногреческая», то «родосская».

---

[20] CVA, Louvre, вып. 1, табл. 6 и 7.

[21] W. Schiering. Ук. соч., стр. 11.

[22] Во второй четверти VI в. до н. э. стиль Фикеллура все более вытесняет «поздний Камир».

[23] Исключением является блюдо со сценой боя над телом Эфорба.

[24] CVA, Louvre, вып. 1, табл. 3, *1*.

[25] W. Schiering. Ук. соч., табл. 8, *1, 2*.

[26] CVA, Louvre, вып. 1, табл. 3, *7*; Clara Rhodos, IV, стр. 278, рис. 307 и 308.

[27] Инв. Б. 408. К сожалению, неточное описание этого сосуда Б. В. Фармаковским (АА, 1914, стр. 229) ввело в заблуждение Ширинга, и он подчеркивает «пестроту» в росписи сосуда (см. Schiering. Ук. соч., стр. 28).

[28] А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 294.

[29] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 17, рис 1.

[30] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 94.

[31] Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 224.

[32] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 286—288.

[33] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 357—359.

Из приведенных высказываний и мнений видно, что нет достаточно веских аргументов за снятие названия «родосская керамика». Кроме того, выделенная Ширингом собственно родосская керамика, изготовленная мастерскими самого Родоса, заставляет сохранить термин «родосская».

Обратимся теперь к рассмотрению родосской керамики с Березани из собрания Эрмитажа.

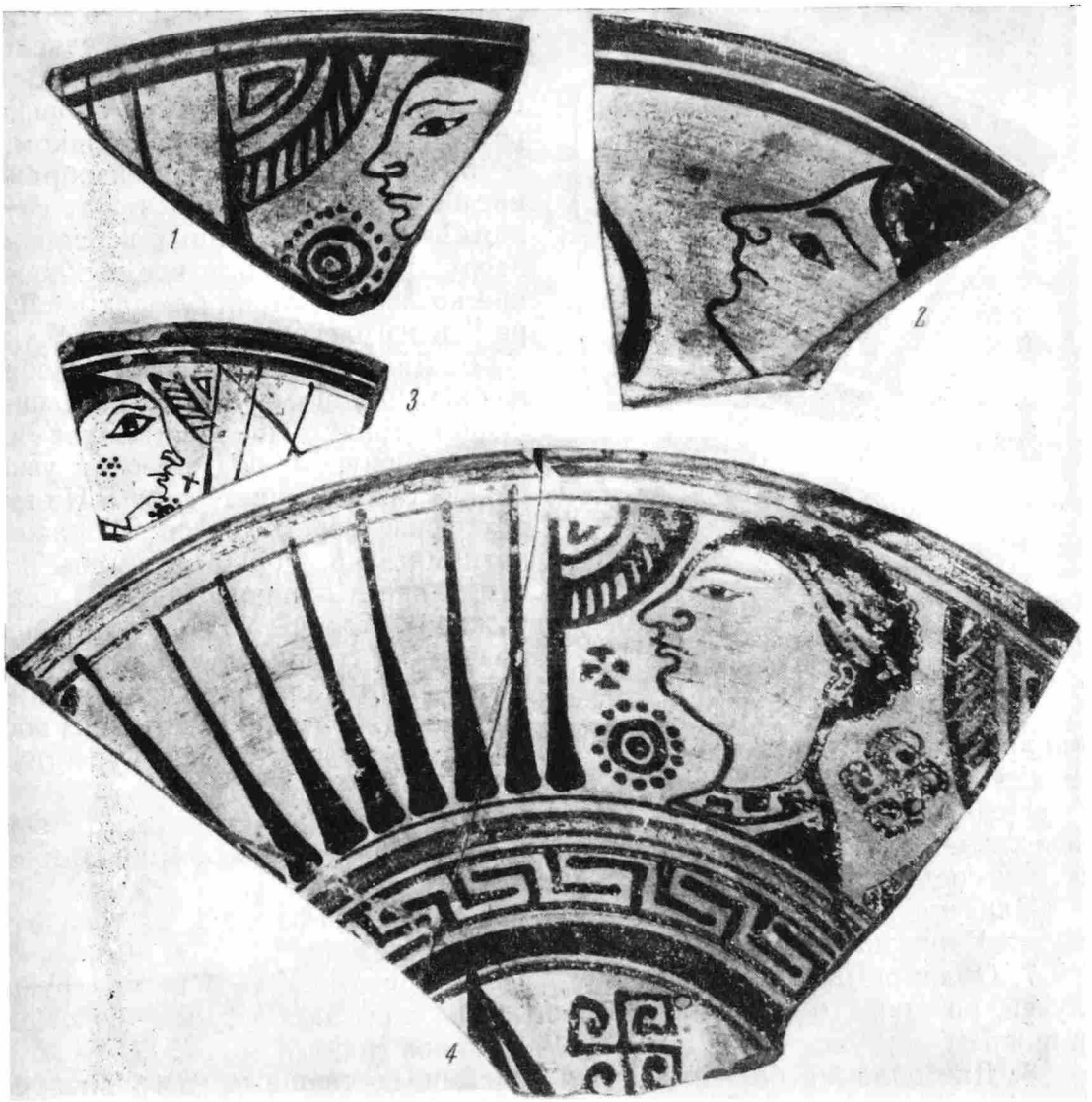


Рис. 1. Обломки родосских блюд с изображением женских голов

Сосуды группы Камира представлены главным образом блюдами на высокой ножке, расписанными внутри, с узкими поясками снаружи и кувшинами с изображением птиц.

Они относятся к последней четверти VII в. до н. э.

1. Обломок блюда с изображением женской головы вправо, с пурпурной повязкой на волосах, на щеке розетка (рис. 1, *3*) [34].

2—4. Обломки трех блюд с изображением женской головы влево (рис. 1, *1, 2* и *4*) [35].

---

[34] Инв. Б. 397, дл. 9,8 *см*. Склеен из двух обломков, выбоины по краям.

[35] Инв. Б. 448, дл. 9,1 *см*, шир. 7,8 *см*. Издан: Е. И. Л е в и. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. СА, VII, 1941, стр. 312—313, рис. 3, *1*; инв. Б. 449, дл. 9,2 *см*, шир. 5,2 *см*. Издан: Е. И. Л е в и Ук. соч., стр. 312—313, рис. 3, *2*, примеч. 1;

Такое же изображение женской головы исполнено: 1) на двух обломках родосских блюд, хранящихся в Одесском археологическом музее — № 34408 и 34434; 2) на обломке блюда из Навкратиса [36]; 3) на ойнохое с Родоса [37]; 4) на фризе блюда с Родоса [38].

В росписи родосской керамики стиля Камира отсутствуют изображения человеческих фигур; лишь изредка встречаются женские протомы. Ширинг приводит изображения женских голов с длинными волосами, принадлежащие сфинксам и сиренам [39]; но последние отличаются по манере исполнения от березанских, особенно в трактовке удлиненного глаза с длинной изогнутой бровью и резко выступающим подбородком.

Рис. 2. Обломок родосского блюда с изображением протомы козленка

5. Обломок блюда с изображением протомы козленка между группами лучей, обращенных вершинами вверх (рис. 2) [40]. Близкое изображение козленка есть на блюдах из Лувра [41] и из раскопок на Родосе [42].

6. Два обломка блюда с изображением на двух фризах козлов, щиплющих траву. На теле козлов два пятна пурпуром; под животом узкий пояс оставлен в цвете глины. На втором фризе шерсть козлов изображена пятнами лака. Фризы разделены поясами лака и пурпура (рис. 3). С наружной стороны блюдо украшено поясом из группы лучей вершинами вниз, вертикально расположенной плетенкой, большой розеткой из восьми кружков и четырех треугольников. Ниже расположен пояс из крестиков между поясами лака и пурпура [43] (рис. 4).

На обломке блюда № 34418 из Одесского археологического музея исполнен точно такой же рисунок внутри и снаружи; вероятно, этот обломок составляет одно целое с эрмитажным экземпляром.

Близкий рисунок фризов козлов: на блюде с Родоса [44], на блюде из музея Кирхериано [45] и на крышке сосуда из Истрии [46].

7. Обломок блюда, украшенного двумя поясами. В верхнем — группы лучей, розетки со звездочкой в центре и части пальметки с волютами, в нижнем — группа лучей и розетки из плодов граната (рис. 5, *1*) [47].

8. Два обломка блюда с двумя поясами, состоящими из групп лучей и розетки со звездочкой в центре (рис. 5, *2*) [48].

инв. Б. 450, дл. 19 *см*. Склеен из двух частей. Издан: Е. И. Л е в и. Ук. соч., стр. 312—313, рис. 3, *3*; упомянут у Румпфа, см. A. R u m p f. Ук. соч., стр. 74, i) 26.

[36] CVA. Oxford, вып. 2, табл. IV, *16*. Е. Прайс датирует этот обломок серединой VII в. до н. э.

[37] Clara Rhodos, VI—VII, стр. 209, рис. 250.

[38] K. K i n c h. Ук. соч., табл. 3, *1 — а*.

[39] W. S c h i e r i n g. Ук. соч., стр. 61.

[40] Инв. Б. 401, дл. 12,1 *см*. Лак сильно потерт и сбит.

[41] CVA, Louvre, вып. 1, табл. 1, *8*.

[42] K. K i n c h. Ук. соч., стр. 251, рис. 124, и табл. 17, *2*.

[43] Инв. Б. 172 и 451—а, дл. 13,5 и 17 *см*. Оба обломка склеены из двух частей, лак сильно потерт.

[44] K. K i n c h. Ук. соч., стр. 214, рис. 101; C. B l i n k e n b e r g. Lindos, fouilles de l'acropole, табл. 45, 977.

[45] Mont. Lincei, т. XIV, стр. 309, табл. XXVI.

[46] M. L a m b r i n o. Ук. соч., стр. 252, рис. 217.

[47] Инв. Б. 165, дл. 14,5 *см*, шир. 17,2 *см*.

[48] Инв. Б. 174 и 245, дл. 13,2 и 6,2 *см*.

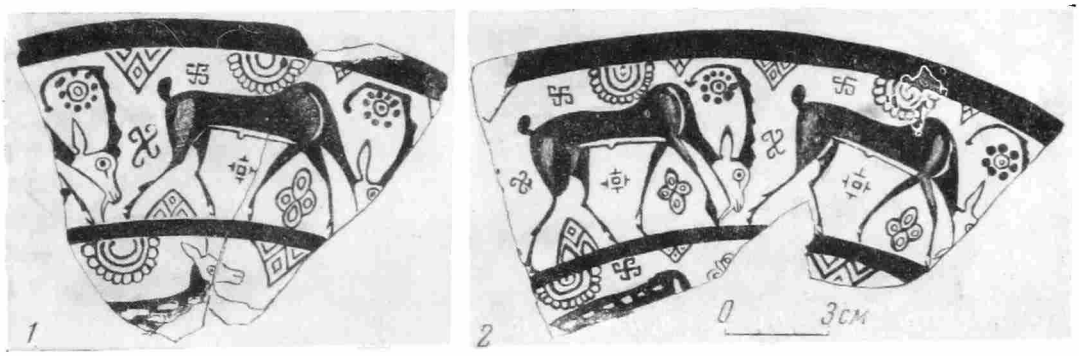


Рис. 3. Обломки родосского блюда с изображением козлов

Близкая схема орнамента № 7 и 8 на блюде из Лувра [49], а форма пальметки такая же, как на блюде, изданном Кинхом [50].

9. Обломок края блюда с поясом из группы лучей и части орнамента «лабиринта» (рис. 6, *1*) [51].

10. Обломок края блюда с частью большого прямоугольника, с вписанными в него рядами квадратиков (рис. 6, *3*) [52].

11. Обломок блюда с поясом из группы лучей (рис. 6, *2*) [53].

12. Обломок края блюда с частью изображения головы козленка — глаз, рожки и ухо (рис. 6, *4*) [54].

13. Фрагмент блюда с широким поясом из чередующихся цветов и бутонов лотоса, под ним узкий пояс квадратиков и точек, внутри блюда — часть пальметки с волютами. Пурпуром покрыты центральные лепестки цветка лотоса; на бутонах исполнено по два пурпурных кружка (рис. 7) [55].

14. Обломок края блюда с частью цветка лотоса (рис. 6, *5*) [56].

Такая же схема орнаментации исполнена на блюде с о. Делоса [57].

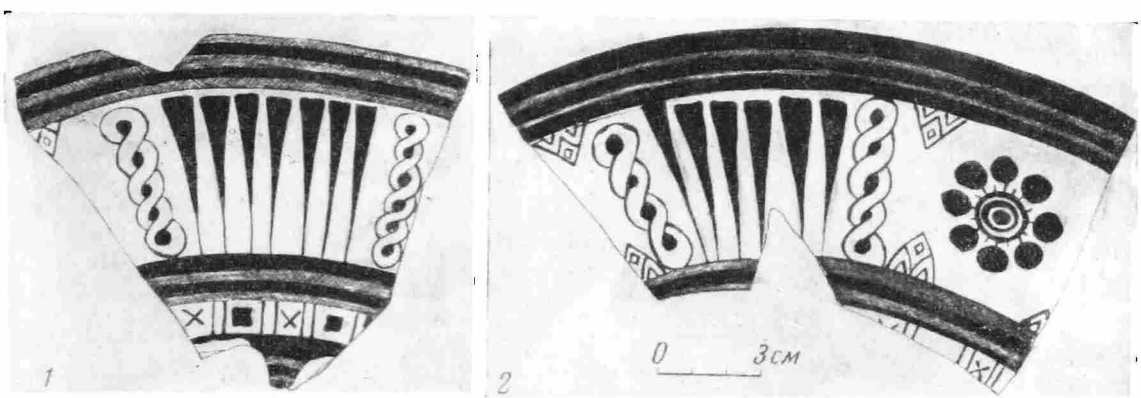


Рис. 4. Роспись наружной стороны блюда

15. Блюдо с углубленным дном и широким плоским краем; на дне — шестнадцатилепестковая розетка, вокруг широкие и узкие пояса (рис. 8, *1*) [58]. Наружная сторона блюда покрыта шестнадцатью поясками.

[49] E. Pottier. Vases antiques du Louvre. Paris, 1897, т. I, табл. 11, *A, 300*.
[50] K. Kinch. Ук. соч., стр. 211, рис. 99.
[51] Инв. Б. 173, дл. 12,4 *см*.
[52] Инв. Б. 425, дл. 7,8 *см*.
[53] Инв. Б. 168, дл. 8,5 *см*.
[54] Инв. Б. 161, дл. 5,2 *см*.
[55] Инв. Б. 166, дл. 22,5 *см;* склеен из трех частей, семь сквозных отверстий — следы древней починки.
[56] Инв. Б. 426, дл. 7,1 *см*.
[57] Exploration archéologique de Delos, X, табл. XIII, *65 — a*.
[58] Инв. Б. 453, диам. 30,7 *см*, выс. 8,6 *см*. Диам. углубления 15,3 *см;* склеено из шести обломков, лак потерт.

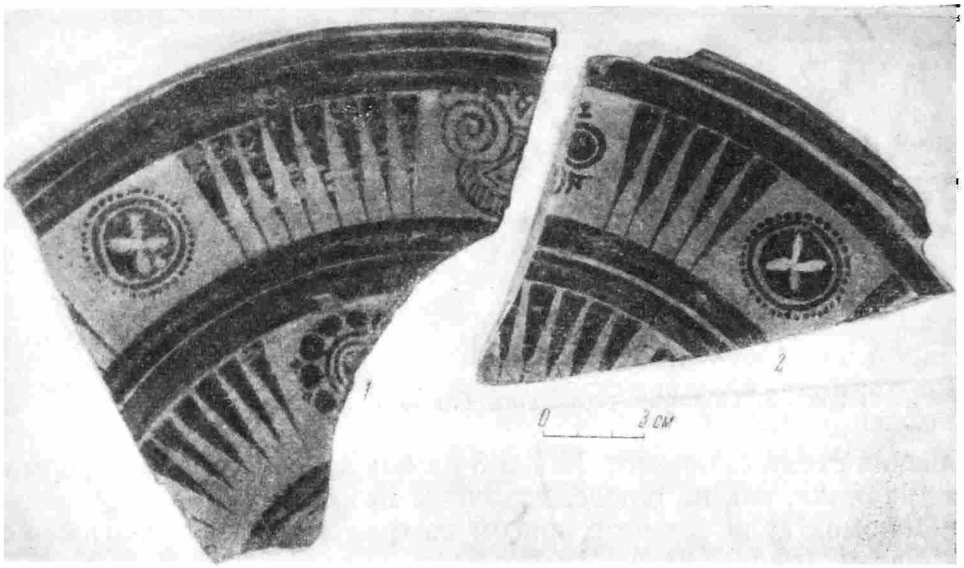


Рис. 5. Обломки родосских блюд с поясами лучей и розеток

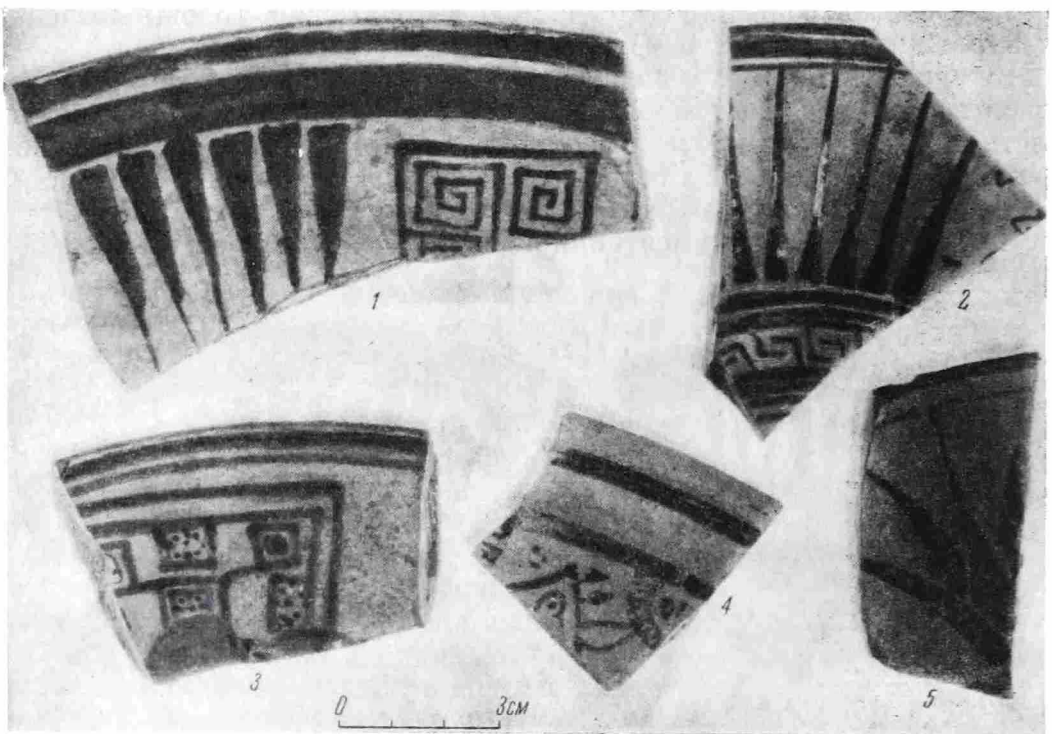


Рис. 6. Обломки родосских блюд

Форма блюда очень редкая и не имеет близких аналогий. Такая же розетка исполнена в центре блюда стиля Камира из Лувра [59].

16. Обломок закрытого толстостенного сосуда с частью сохранившейся росписи: группа лучей, часть волюты от пальметки, рога с ухом козла. На дне, снаружи, исполнена розетка из лучей и маленьких треугольников между ними (рис. 9) [60].

Роспись дна снаружи редко встречается на родосских сосудах, можно указать только на один сосуд из Лувра [61].

---

[59] CVA, Louvre, вып. 1, табл. 1, *7*.
[60] Инв. Б. 164, дл. 13,4 *см*.
[61] E. Pottier. Ук. соч., табл. 15, *A, 440*.

17. Обломок плечиков ойнохои с изображением гусей вправо, ниже — широкие полосы лака и меандр, у горла — палочный орнамент [62]. Пятна пурпура на шеях гусей и у хвоста (рис. 10, *1*). Близкие изображения гусей на ойнохоях: с Родоса [63] и на изданной Кинхом [64].

18. Обломок плечиков ойнохои; на нем — голова гуся вправо, вокруг розетки, луч, полукруги (рис. 10, 2) [65]. Близкий рисунок на ойнохоях с Родоса [66] и из Истрии [67].

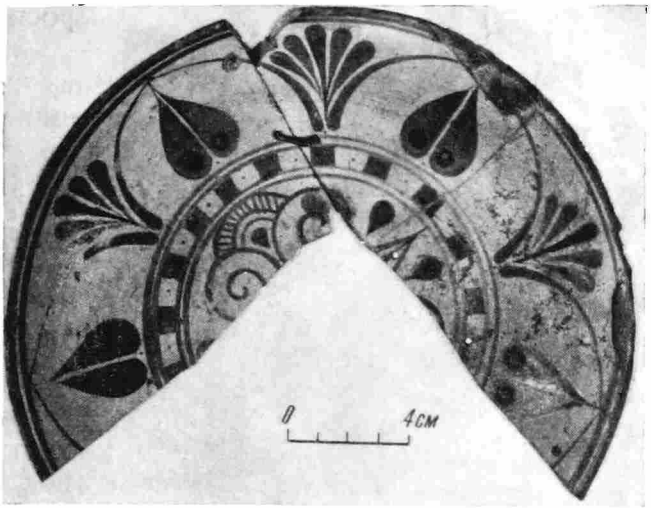


Рис. 7. Обломок родосского блюда с поясом цветов и бутонов лотоса

Перечисленные обломки родосских сосудов стиля Камира принадлежат к периоду «позднего расцвета» и относятся к последней четверти VII в. до н. э. Об этом свидетельствуют как форма заполнительного орнамента, так и манера изображения животных. Большое количество обломков этой группы происходит от блюд на высокой ножке; из них заслуживают внимания № 1—4 с изображением женских голов, а также № 5 и 6. Последний привлекает к себе пышной орнаментацией наружной стороны блюда. Эти обломки, а также № 7, 8 и 9 принадлежат к началу этого периода (30-е годы VII в. до н. э.), в то время как последующие экземпляры относятся к концу VII в. до н. э.

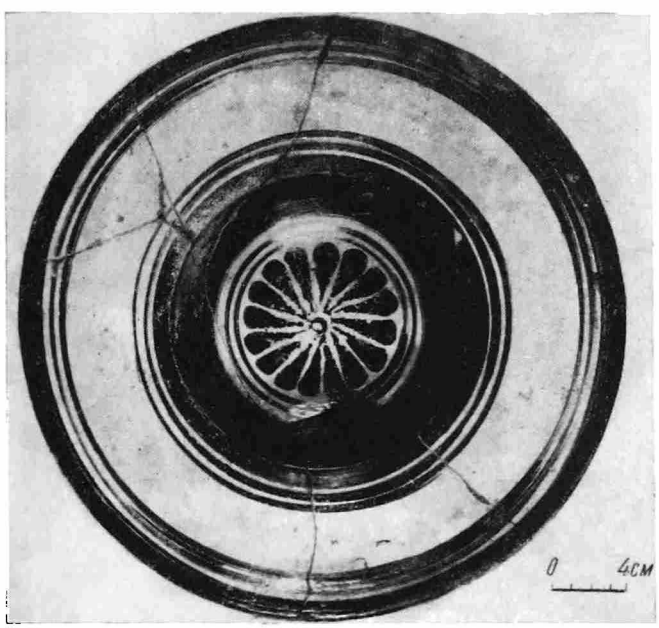


Рис. 8. Родосское блюдо с углубленным дном

К группе Власта относятся следующие экземпляры: блюда на высокой ножке.

1. Блюдо с розеткой из бутонов лотоса и лепестков ромбовидной формы; вокруг простейший меандр [68]. Такой же рисунок на блюдах, найденных в Ольвии [69] и на Делосе [70].

---

[62] Инв. Б. 451, дл. 13,5 *см*, шир. 11,3 *см*.

[63] Clara Rhodos, IV, стр. 85, рис. 65.

[64] K. Kinch. Ук. соч., стр. 213, рис. 100.

[65] Инв. Б. 176, дл. 12,1 *см*; вероятно, упомянут у Румпфа (см. A. Rumpf. Ук. соч., стр. 172, № 15, без номера).

[66] K. Kinch. Ук. соч., стр. 208, рис. 92.

[67] M. Lambrino. Ук. соч., стр. 261, рис. 230.

[68] Инв. Б. 52, диам. 21,2 *см*, выс. 11,8 *см*. Издано: С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 229, рис. 8, справа.

[69] ОАК за 1908 г., стр. 79, рис. 63; Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 97, рис. 8, мог. 4.

[70] Délos, X, табл. XIII, 68 *a*.

Рис. 9. Обломок родосского сосуда

2. Обломок блюда с такой же росписью, как № 1 [71].

3. Блюдо с розеткой, состоящей из четырех бутонов лотоса, чередующихся с группами длинных узких лепестков (рис. 11, *1*) [72].

4. Обломок блюда с широким поясом из чередующихся групп лепестков и больших розеток; по краю — точки (рис. 12, *1*) [73]. Близкая схема рисунка исполнена на обломке из Навкратиса [74].

5. Обломок блюда с концентрическими поясами и частью розетки в центре (рис. 12, *2*) [75]. Близкий рисунок на блюде с Родоса [76].

6. Обломок блюда с поясом цветов лотоса; по краю небольшие розетки, разделенные вертикальными линиями (рис. 12, *3*) [77].

7. Блюдо на кольцеобразной подставке: с розеткой в центре, окруженной поясом из цветов и бутонов лото-

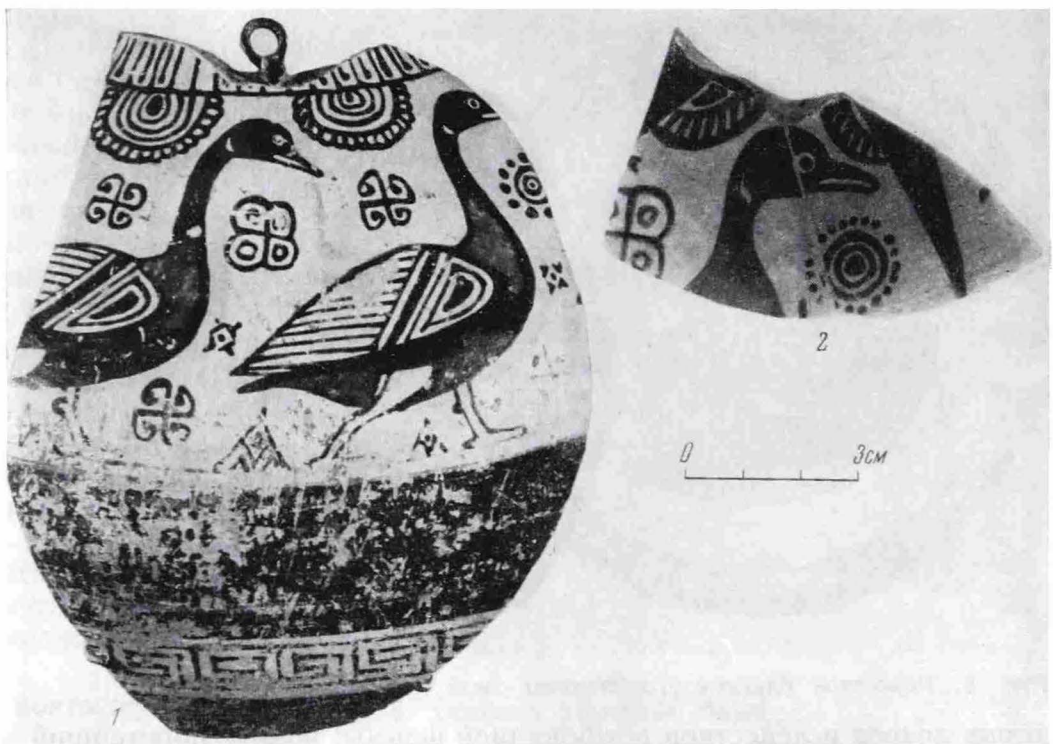


Рис. 10. Обломки родосских ойнохой

---

[71] Инв. Б. 167, дл. 19,3 *см*.

[72] Инв. Б. 382, диам. 22,5 *см;* склеено из обломков, дополнено гипсом, недостает ножки.

[73] Инв. Б. 178, дл. 13,3 *см;* склеен из обломков.

[74] A. Fairbanks. Catalogue of Greek and Etruscan Vases, I, Cambridge, 1928, табл. XXXV, *323, 3*.

[75] Инв. Б. 169, дл. 15,4 *см*.

[76] Clara Rhodos, IV, стр. 48, рис. 17; стр. 59, рис. 31.

[77] Инв. Б. 424, дл. 6,8 *см*.

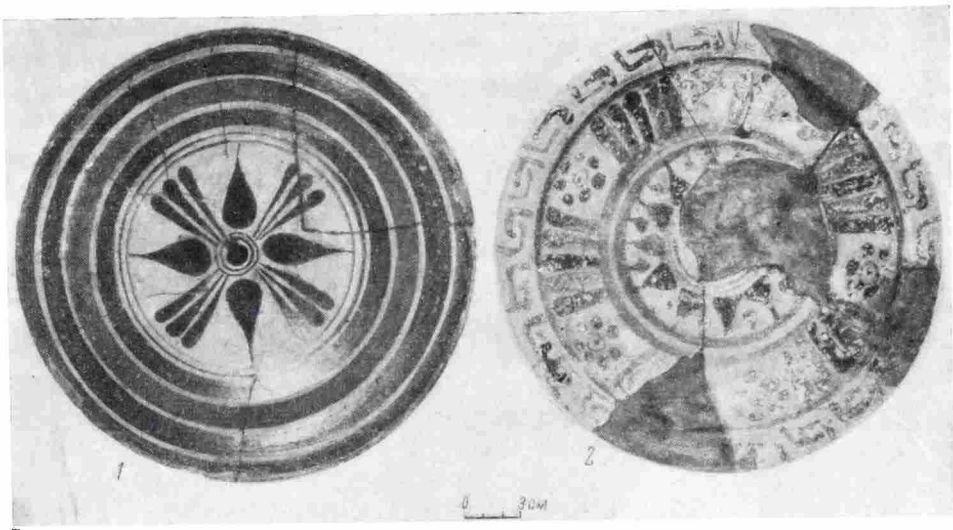


Рис. 11. Два родосских блюда

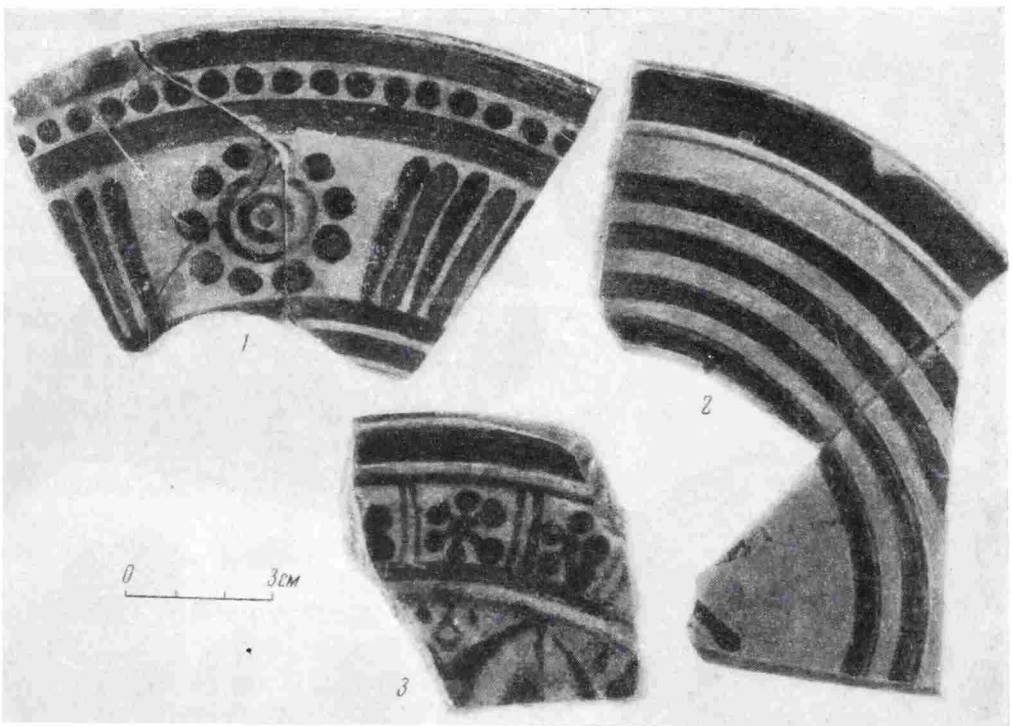


Рис. 12. Три обломка родосских блюд

са, по краю — простейший меандр [78]. Такая же роспись на блюдах из Навкратиса [79], Самоса [80], Делоса [81].

8—10. Блюдо с розеткой в центре и поясом из групп палочного орнамента и розеток и два обломка такого же блюда (рис. 11, *2*) [82]. Близкая схема на блюде из Навкратиса [83].

[78] Инв. Б. 111, диам. 21,8 *см;* склеено из трех обломков. Издано: С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 229, рис. 8, слева. Мог. 51, раскопки 1900 г. Автор датирует блюдо серединой VI в. до н. э. на основании того, что оно происходит из грунтовой могилы.

[79] F. Petrie. Naucratis, ч. I, 1884—85, London, табл. VII, *1* и *3*; A. Fairbanks. Ук. соч., табл. XXXV, *324, 7.*

[80] J. Boehlay. Aus ionischen und italischen Necropolen. Leipzig, 1898, табл. XII, *9* и *11.*

[81] Délos, т. X, табл. XII, *62a;* т. XVII, табл. XIV, *32.*

[82] Инв. Б. 383, диам. 19,4 *см;* склеено из обломков и догипсовано, лак бурый от обжига.

[83] A. Fairbanks. Ук. соч., табл. XXXV, *323, 3.*

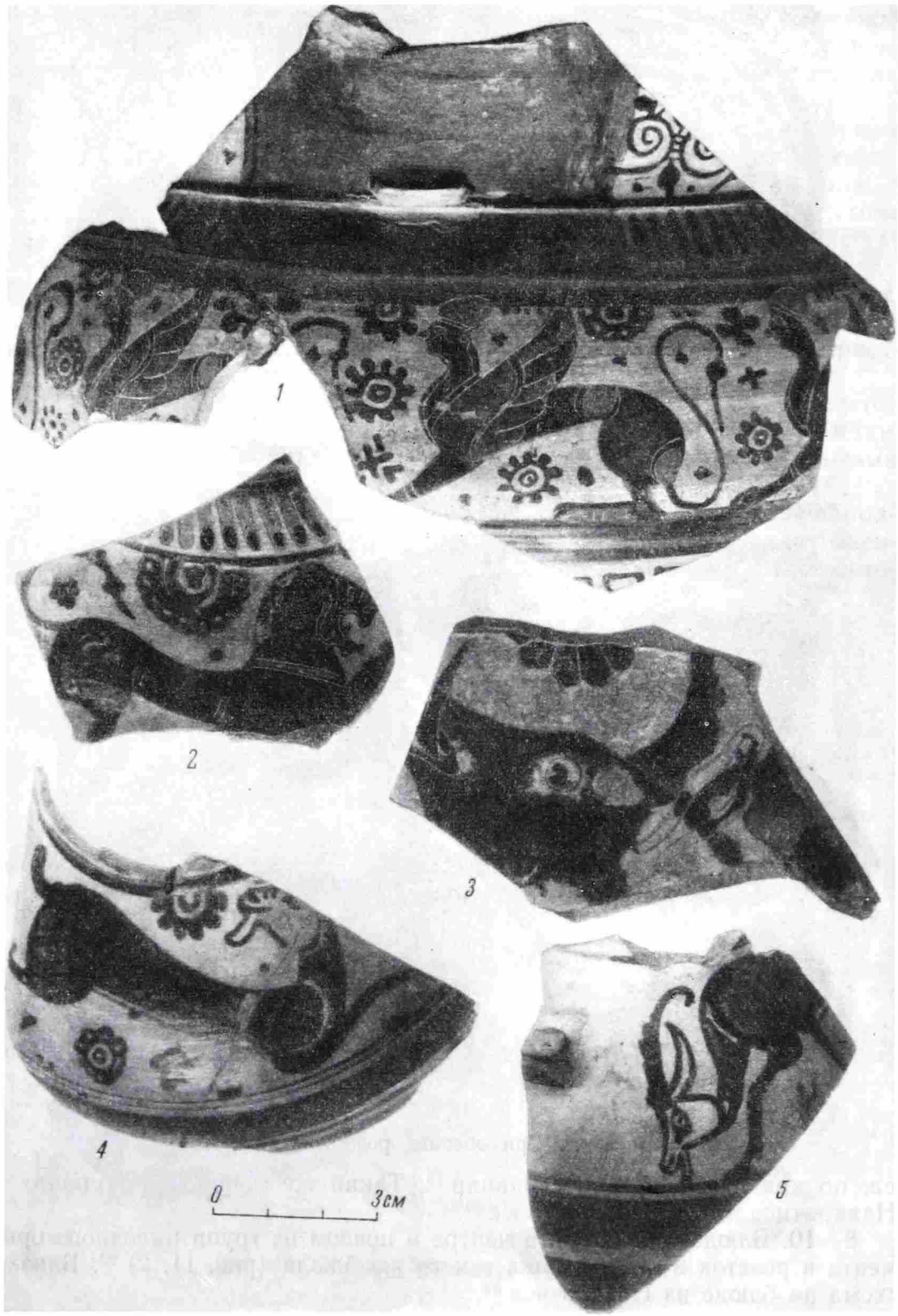


Рис. 13.

1 — обломок родосского диноса — сфинксы; *2* — обломок родосского сосуда — лев; *3* — обломок дна родосского блюда — часть головы кабана; *4* — обломок родосской ойнохои — бегущий козел *5* — обломок родосского кувшина — козел, щиплющий траву

11. Обломок дна блюда с изображением головы кабана, часть заполнительного орнамента розетки. Резьбой исполнен большой круглый глаз, клык, двумя линиями обозначено ухо; пурпуром покрыты рога (рис. 13, *3*) [84]. Вероятно, в центре блюда была исполнена голова животного, как на родосском блюде из музея в Мюнхене [85].

12. Амфора с двумя поясами козлов на тулове; на плечиках, между ручками, олень и пантера, исполненные в силуэтной технике. Заполнительный орнамент в виде групп черточек, полукругов характерен для позднего стиля Власта. В верхнем поясе применены резьба и заполнительный орнамент в виде пятен [86].

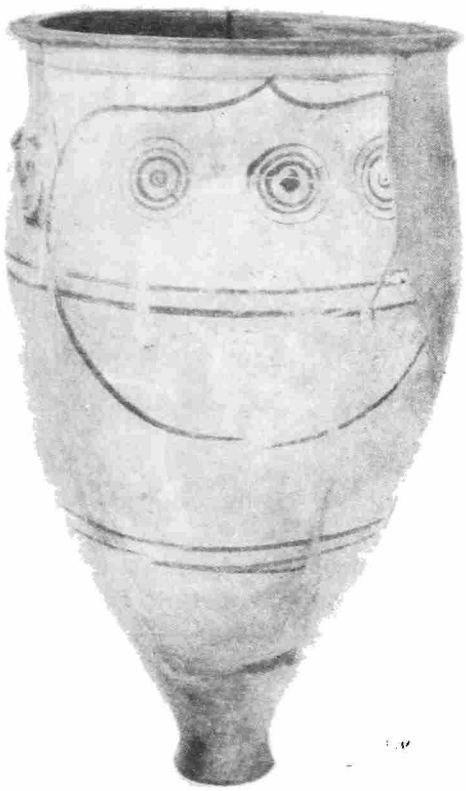


Рис. 14. Родосская урна

А. П. Манцевич датировала амфору второй четвертью VI в. до н. э. Это не противоречит определению Ширинга, который относит к первой трети VI в. до н. э. сосуды, исполненные в смешанной технике.

13. Обломок диноса с изображением сфинксов в высоком головном уборе, обращенных влево; применена резьба, следы пурпура на головных уборах, крыльях и туловище (рис. 13, *1*) [87]. Такие же изображения сфинксов на диносе из Лувра [88].

14. Обломок плечиков диноса с изображением льва вправо. Резьбой исполнена морда и грива (рис. 13, *2*) [89]. Близкое изображение льва и такой же заполнительный орнамент на ойнохое с Родоса [90].

15. Обломок стенки сосуда с частью изображения оленя, с применением пурпура, белой краски и резьбы [91].

16. Обломок ойнохои с изображением бегущего вправо козла с повернутой назад головой (рис. 13, *4*) [92]. Близкое изображение козла на амфоре из Истрии [93] и Родоса [94].

17. Обломок плечиков ойнохои с частью фигуры козла, щиплющего траву, влево (рис. 13, *5*) [95].

18. Три фрагмента ойнохои с поясом козлов влево, у дна — лучи, вверху простейший меандр. Следы пурпура на теле козлов. Заполнительный

---

[84] Инв. Б. 409, дл. 10,8 *см;* лак сильно потерт.

[85] J. Sieveking und R. Hacki. Dae königliche Vasensammlung zu München. München, 1912, т. I, стр. 43, рис. 56.

[86] Инв. Б. 408, выс. 41,5 *см*; склеена из многочисленных обломков и догипсована. Из ямы № 83, раскопки 1913 г.

[87] Инв. Б. 51, дл. 26,2 *см*; склеена из двух частей. Издан: А. П. Манцевич. Ук. соч., табл. XXI—XXV, *4*, стр. 290, примеч. 1; упомянут: K. Kinch. Ук. соч., стр. 227, примеч. 1.

[88] Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. М., 1914, табл. X, *4*.

[89] Инв. Б. 253, дл. 12 *см*.

[90] K. Kinch. Ук. соч., стр. 225, рис. 114.

[91] Инв. Б. 259, дл. 10,6 *см*.

[92] Инв. Б. 162, дл. 14,3 *см*.

[93] M. Lambrino. Ук. соч., стр. 247, рис. 211.

[94] K. Kinch. Ук. соч., стр. 225, рис. 114.

[95] Инв. Б. 163, дл. 12 *см*.

орнамент состоит из свастики, розетки и групп маленьких черточек [96]. По стилю росписи близка ойнохое из Оксфорда [97].

Березанские обломки сосудов группы Власта принадлежат к «позднему» периоду этого стиля. Преобладают блюда на высокой ножке со слегка загнутым внутрь краем, украшенные разнообразными композициями растительного и геометрического орнамента (№ 1—6). Подобные блюда относятся к началу VI в. до н. э.

Рис. 15. Родосский фигурный сосуд

Блюда на кольцеобразной подставке имеют широкий отогнутый край, обычно украшенный простейшим меандром (№ 7—10).

Среди сосудов группы Власта с фризами животных на Березани нет образцов конца VII в. до н. э. Все рассмотренные экземпляры относятся к первой половине VI в. до н. э. (№№ 12—18).

К изделиям Родоса относятся также две остродонные урны, найденные на некрополе Березани с детскими захоронениями. Урны имеют цилиндрическое тулово с двумя толстыми горизонтальными ручками. Между ними черным лаком исполнены три кружка и изогнутая линия, обрамляющая их (рис. 14) [98]. По дневнику Скадовского, таких урн с детскими захоронениями было найдено десять экземпляров. Близкая по форме урна происходит из некрополя Родоса [99].

Большой интерес представляет единственная находка на Березани — родосский фигурный сосуд в форме головы воина, конца VII в. до н. э. (рис. 15) [100]. На лице лаком очерчены глаза, зрачок и усы. Подвижные нащечники обведены пурпурной полосой, с большой розеткой белого цвета; вверху нащечников нанесены точки белой краской, показывающие их подвижность. Полукруг над лбом обрамлен ребром и украшен пальметкой из белых и пурпурных лепестков. Репликами являются сосуды из Берлина [101] и из некрополя Родоса [102], только с другой формой пальметки.

Рассмотренная керамика собрания Эрмитажа составляет только незначительную часть всего громадного количества родосских сосудов, найденных на Березани. Родосский экспорт на Березань поражает своими гран-

---

[96] Инв. Б. 177, дл. 19,2 *см;* 12,2 *см,* 10,6 *см.* Издан: А. П. Манцевич. Ук. соч., табл. XXI—XXII, *1—3*; упомянут: A. Rumpf. Ук. соч., стр. 80; CVA, Oxford, вып. II, стр. 77.

[97] CVA, Oxford, вып. II, табл. II, *4—6.* Прайс датирует эту ойнохою последней четвертью VII в. до н. э., сравнивая роспись с березанской амфорой (инв. Б. 408) и считая их изделиями одной мастерской. Датировка Прайс нам кажется неубедительной.

[98] Инв. Б. 120, выс. 50,4 *см;* инв. Б. 454, выс. 52,5 *см,* склеены и дополнены гипсом. Недостает части ручек.

[99] Clara Rhodos, IV, табл. VIII, CLVI.

[100] Инв. Б. 247, выс. с выступом — 5,5 *см.* Недостает венчика, выбоины на шлеме по краю. Лак буро-красный, сильно потерт.

[101] М. И. Максимова. Античные фигурные вазы. М., 1916, стр. 83—86, табл. X, *79;* M. I. Maximova. Les vases plastiques dans l'antiquité. Paris, 1927, стр. 153—159, табл. XX, *79.*

[102] Clara Rhodos, III, стр. 75, рис. 66.

диозными размерами: только в музее Одессы хранится свыше четырех тысяч фрагментов сосудов [103].

Одесская коллекция значительно расширяет и дополняет наше представление о родосской керамике с Березани такими образцами, как большие диносы, ойнохои, килики конца VII в. до н. э., значительное количество крышек больших сосудов с разнообразной орнаментацией. Ранние экземпляры диносов группы Камира с изображением поясов козлов, с точечной полоской по нижней линии живота, с ранними формами заполнительного орнамента относятся к лучшим образцам вт. пол. VII в. до н. э.

Свыше трехсот обломков тонкостенных киликов дают ранние образцы, совершенно отсутствующие в Эрмитаже: первый тип — птица между розетками или заштрихованными ромбами [104], второй — «глаз» между группами палочного орнамента [105] и третий — изображение бегущего зверя между волютами [106].

Среди сотен фрагментов блюд группы Власта с вариантами растительного орнамента начала VI в. до н. э. есть и ранние образцы группы Камира с головой гуся, протомой козленка между лучами и фризами козлов.

Но, несмотря на столь многочисленный и разнообразно представленный на Березани материал родосской керамики, все же среди него отсутствуют некоторые группы сосудов, как, например, полихромные килики. Следует подчеркнуть, что на Березань не привозились сосуды группы Эфорба. Многочисленные экземпляры последних были найдены почти исключительно в некрополях самого Родоса. Правда, сосуды группы Эфорба не встречены среди родосской керамики и в других центрах, как, например, Навкратиса, Делоса, Истрии. Это наблюдение дает возможность предполагать, что не все центры Родоса, изготовлявшие расписную керамику, были одинаково вовлечены в торговлю и, по-видимому, продукция некоторых из них шла главным образом для собственного потребления.

С середины VI в. до н. э. ввоз на Березань родосской керамики значительно ослабевает, но это отнюдь не является особенностью Березани, а наблюдается и в других античных городах, ранее связанных торговлей с Родосом. Нельзя, конечно, представить себе, чтобы широко развитое керамическое производство Родоса вдруг совершенно заглохло. Возможно, что подчинение острова Персии около середины VI в. до н. э. оказало влияние не только на экономику Родоса, но и на его торговлю.

Характерно, что и на самом Родосе уже во второй половине VI в. до н. э. не встречается больше родосская керамика с ее характерной росписью. Место ее занимает в этот период аттическая продукция и, наряду с ней, керамика стиля фикеллура — «последний носитель родосской ориентализирующей традиции», по словам Р. Кука [107].

Рассмотренная родосская керамика охватывает период начиная с последней трети VII в. до н. э. до середины VI в. до н. э. и является доказательством непрерывной торговли Родоса с Березанью в этот период. Осуществлялась ли торговля Березани непосредственно с Родосом или через Милет — этот вопрос не решен, но, во всяком случае, вырисовывается картина непрерывного массового ввоза родосской керамики этого времени, что опровергает мнение о двух волнах колонизации на Березани [108].

Возможно, такой громадный ввоз на Березань родосской керамики можно объяснить тем, что часть жителей Родоса приняла участие в основании самого раннего поселения Северного Причерноморья.

[103] Обломков родосских сосудов в Одесском музее ориентировочно: диносов — 400, кратеров, ойнохой и амфор — 1300, тарелок и блюд на ножке — около 2000, киликов — 300, крышек от разных сосудов — 300, а также обломки от различных других сосудов.

[104] Инв. 34697, 34689, 34696; близкая роспись на килике с Родоса: Clara Rhodos, III, стр. 48, рис. 37; т. IV, стр. 58, рис. 30; K. Kinch. Ук. соч., табл. 25, рис. 11; табл. 42, рис. 18, стр. 133, рис. 44.

[105] Инв. 34665, 34660 и др.; ср. JHS, т. XLIV, ч. II, 1924, стр. 187, рис. 11.

[106] Инв. 34775, 34662, 34792, 34671; ср. JHS, т. XVIV, ч. II, 1924, табл. VIII, рис. 11.

[107] R. M. Cook. Fikellura Pottery. BSA, 34, 1933—1934, стр. 90.

[108] С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 238.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ в 1954—1958 гг.

Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. производились Институтом археологии и Институтом истории искусств АН СССР, Московским государственным университетом, Государственным Музеем изобразительных искусств и Керченским историко-археологическим музеем. Эти работы в основном были направлены на исследование тех районов древнего города, которые занимали восточную часть северного склона Митридатовой горы, а также на раскрытие древних склепов, расположенных на северной и северо-западной окраинах Керчи.

В 1954 г. был открыт обширный расписной склеп. В 1955 г. исследовался небольшой участок древнего города на северном склоне Митридатовой горы, к востоку от раскопа К. Е. Думберга (рис. 1). В 1956—1958 гг. обширные работы велись на том же склоне, к югу от раскопа К. Е. Думберга. Кроме того, в 1956 г. был раскопан двухкамерный склеп с уступчатым перекрытием.

Раскопки на северном склоне Митридатовой горы подтвердили прежние выводы [1] о характере культурных напластований Пантикапея, отличающихся сложной стратиграфией, а также об особенностях городской планировки, в основу которой была положена система террас, сооружавшихся уже с IV в. до н. э.

Вместе с тем новые раскопы значительно пополнили ранее доступные нам данные по истории Пантикапея. Как показало обследование этих участков, городская жизнь там была очень интенсивной. В силу этого значительная часть многочисленных культурных напластований была сильно нарушена или даже начисто срыта еще в античное время. Вскрытые в 1955—1958 гг. городские напластования относятся ко времени от VI в. до н. э. до IV в. н. э. Однако в слоях древнего Пантикапея, как это наблюдается и в других боспорских городах, встречались отдельные находки догреческого времени, а именно черепки посуды, а иногда и обломки каменных орудий. Так, в 1956 г. в слое IV в. н. э. был обнаружен обломок каменного сверленого молотка II тысячелетия до н. э., носивший следы повторного использования, а в 1957 г. в слое первой половины III в. н. э. был найден фрагмент каменного топора.

В 1955 г. работы (рис. 2 и 3) производились в восточной части северного склона горы Митридат, почти в 30 *м* к востоку-юго-востоку от раскопа К. Е. Думберга возле самой линии городской застройки. Там был разбит раскоп [2] («Северный») площадью 160 $м^2$. Поверхность раскопа имела значительный наклон (северо-восточный угол его был на 3,93 *м* ниже юго-западного угла). Работы доводились до материка, залегавшего на глубине 3,10—3,70 *м*, или же до различных строительных остатков.

---

[1] В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 5 сл.

[2] Начальник раскопа Т. В. Блаватская, старшие на отсеках В. И. Кузищин, В. Э. Кунин, Г. А. Кошеленко, Д. Будина; обмеры и зарисовки производились Г. В. Черемушкиным.

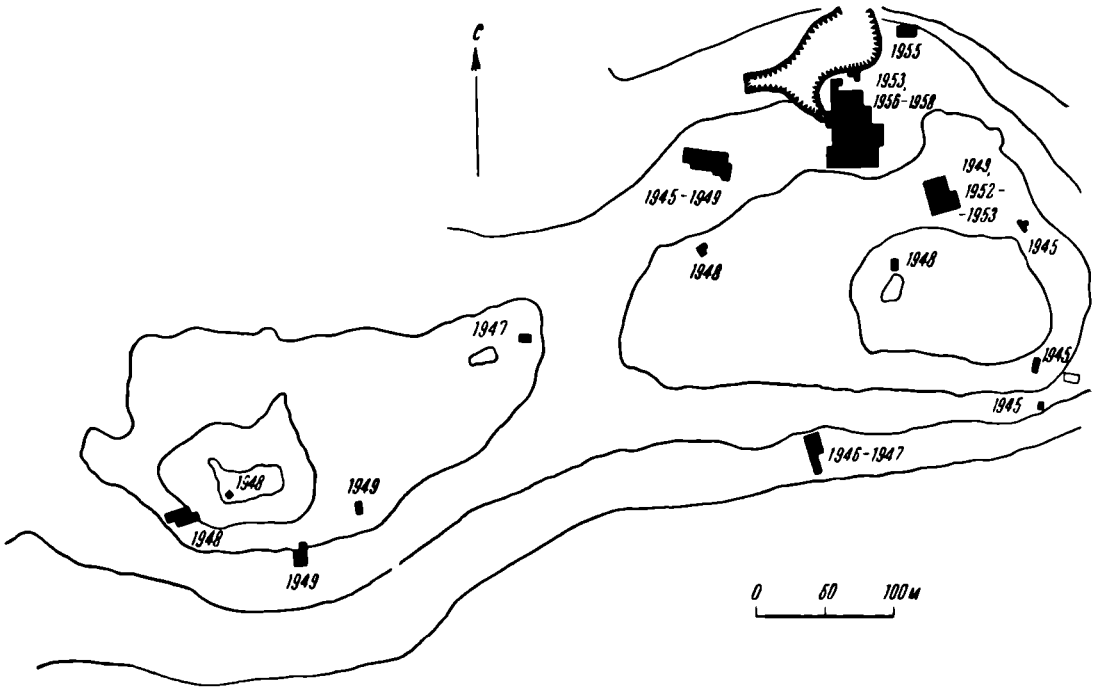


Рис. 1. Генеральный план горы Митридат с раскопами 1945—1949 и 1952—1958 гг.

Участок, обследовавшийся в 1955 г., входил в городскую черту Пантикапея, во всяком случае во времена Спартокидов. Однако, как показали раскопки, там не сохранилось культурных напластований ранее I в. до н. э., что, нужно думать, связано с большими перепланировочными работами,

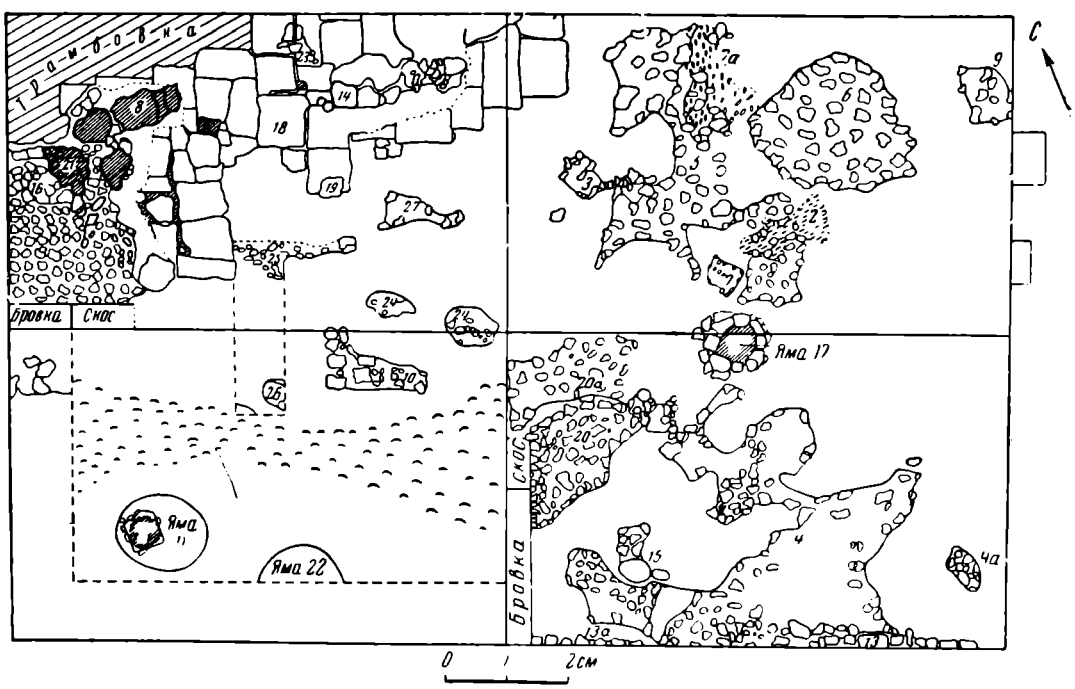


Рис. 2. План Северного раскопа 1955 г.

производившимися при восстановлении города после разрушений в конце II — первой половине I в. до н. э. [3].

Видимо, в это время все остатки построек и насыпей были начисто срыты до материка, в котором были вырезаны две террасы наподобие

[3] Вероятно, довольно схожая картина наблюдалась при раскопках А. Е. Люценка в 60-х и 70-х годах прошлого столетия (см. В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 20 сл.).

больших ступеней, тянущихся с востока-юго-востока на запа
пад. При этом южная терраса возвышалась над северной на 1

На нижней террасе сохранились незначительные остатки
стены I в. до н. э., не отличавшейся мощностью, что не уди
ведь верхняя терраса была вырезана в крепкой материковой
к тому же не была высокой. К подпорной стене примыкало не
мещение, всего 1,70 *м* шириной.

Выше залегала монументальная мостовая I в. н. э., соор
больших, хорошо отесанных плит, лежавших на подстиле, со

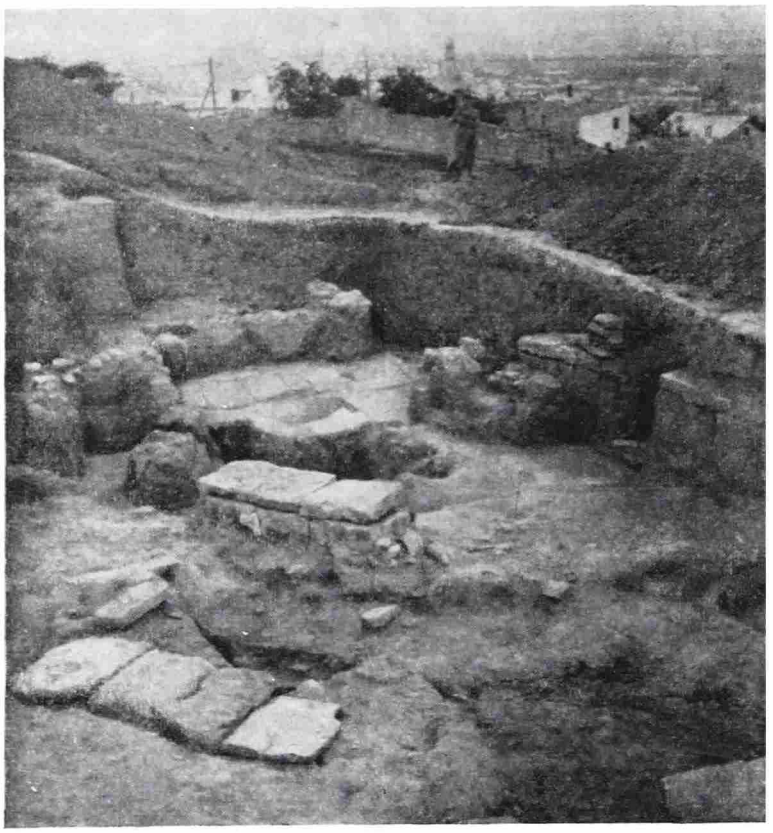


Рис. 3. Северный раскоп 1955 г. Общий вид

суглинка с известняковым щебнем. Во II в. н. э. верхняя тер
тельно (не меньше чем на 5 *м*) была расширена в южном н
К этому времени относятся вымостки из рваного камня и три б
новые ямы, имевшие бутылкообразную форму глубиной от 2,2
Эти ямы дошли до нас в хорошем состоянии; плотно закрыт
они оказались совершенно незаполненными землей.

Бо́льшая из этих ям была целиком вырыта в материково
стенках ямы видны следы мотыки, ширина лезвия которой б
Внизу в западной части ямы имеется пробоина, закрытая небо
кой из известняковых квадров. Яму закрывал фрагментирова
из известняка (шириной 0,53 *м*). Другая яма в верхней част
культурный слой, в силу чего вокруг ее горловины был соору
ный венец, закрытый двумя плитами. Описанные пашенные я
принадлежали к одному зерновому хозяйству, свидетельствую
что начало рустификации Пантикапея восходит еще ко II в. н

Выше лежали три напластования III в. н. э., в которых
более или менее хорошо сохранившиеся вымостки и развалы ф
Достойна внимания одна особенность, наблюдаемая в кладке
тов последних десятилетий III в. н. э., а именно: часть грубо

плиток, из которых они сложены, лежат не плашмя, а поставлены «ребром». Этот прием, по-видимому, предшествовал средневековой кладке «в елочку».

Все описанные шесть напластований лежали горизонтально, следуя террасному расположению города. Иной характер имели остатки вымосток верхнего, VII слоя, относящегося к IV в. н. э. В отличие от более ранних сооружений, эти поздние вымостки и лежащие над ними напластования имеют небольшой наклон к северу, соответствующий нынешнему рельефу местности. Это обстоятельство приводит к выводу, что на данном участке в течение I в. до н. э.— III в. н. э. поддерживалась система террас, причем во II в. н. э. верхняя терраса была расширена за счет нижней. Примерно около начала IV в. н. э. террасы пришли в упадок, более не поддерживались, в силу чего появились мостовые, следующие склону горы.

В культурных напластованиях было обнаружено много различных предметов, преимущественно обломков керамики. Среди этих находок отметим обломок формы для изготовления посуды типа мегарских чаш, свинцовую гирю в виде пластины размером 1,8 × 1,8 × 0,4 *см*, весом 11,4 *г* (что составляло три пантикапейские драхмы) и фрагмент мозаики из черномраморных кубиков (размером 0,6 × 0,5 *см* или 0,4 × 0,3 *см*) на розоватом известковом растворе. Ширина швов — 0,5—2 *мм*.

На данном участке, как и в других районах Митридатовой горы, городская жизнь замерла в IV в. н. э., вероятно, после нашествия гуннов. Участок, ставший пустырем, использовался в качестве некрополя. В античные городские напластования было впущено 36 средневековых могил. По большей части это были плитовые гробницы с покойниками, ориентированными головами на запад иногда с небольшим отклонением, обычно без вещей или, реже, с довольно скромным инвентарем: бронзовыми пряжками, железными перстнями, бусами и т. п. При сооружении гробниц могильщики постоянно употребляли старые каменные плиты; их распиливали вдоль и симметрично устанавливали свежим распилом во внутрь могилы. На плитах в некоторых могилах были вырезаны кресты. В закладе одной из могил был обнаружен обломок архитрава ионийского ордера.

* * *

В 1956—1958 гг. работы велись на обширном Ново-Эспланадном раскопе [4], расположенном к юго-востоку от раскопа К. Е. Думберга (рис. 4). Там, на участке, в настоящее время представляющем собой довольно крутой склон, было вскрыто [5] около 2550 $м^2$. Раскопки доводились до монументальных строительных остатков или до материка по большей части желтоватой глины. Глубина материка достигала 4,3 *м*, а наибольшая глубина раскопа в одном из колодезей была более 10 *м*.

В результате раскопок была выявлена весьма сложная картина культурных напластований в исследованной части боспорской столицы, отразившая ее богатую событиями многовековую историю. Всего сохранилось в данном месте 16 культурных напластований, относящихся к двум периодам: 1) от середины VI до середины V в. до н. э. и 2) от II в. до н. э. до IV в. н. э. При этом удалось выделить некоторые новые напластования [6], в силу чего общее число известных нам культурных слоев Пантикапея в настоящее время достигло 19.

[4] В этот раскоп был включен небольшой раскоп 1953 г. См. В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1953 году. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 118 сл.

[5] Начальниками отрядов были М. М. Кобылина, И. Б. Зеест, И. Д. Марченко, Н. И. Сокольский, Т. В. Блаватская, А. К. Коровина, их помощниками — Н. М. Лосева, Г. А. Цветаева, Н. А. Онайко, В. Э. Кунин, Г. И. Соколов, Ю. И. Савельев. В раскопках принимал участие Ф. Фюлеп (Будапешт).

[6] Были выделены напластования: 1) середины VI в. до н. э., 2) последней трети VI в. до н. э., 3) середины V в. до н. э., 4) конца II — начала III в. н. э. и 5) еще один слой IV в. н. э. (теперь их три, а не два). Старую таблицу слоев см. В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1953 г., стр. 123.

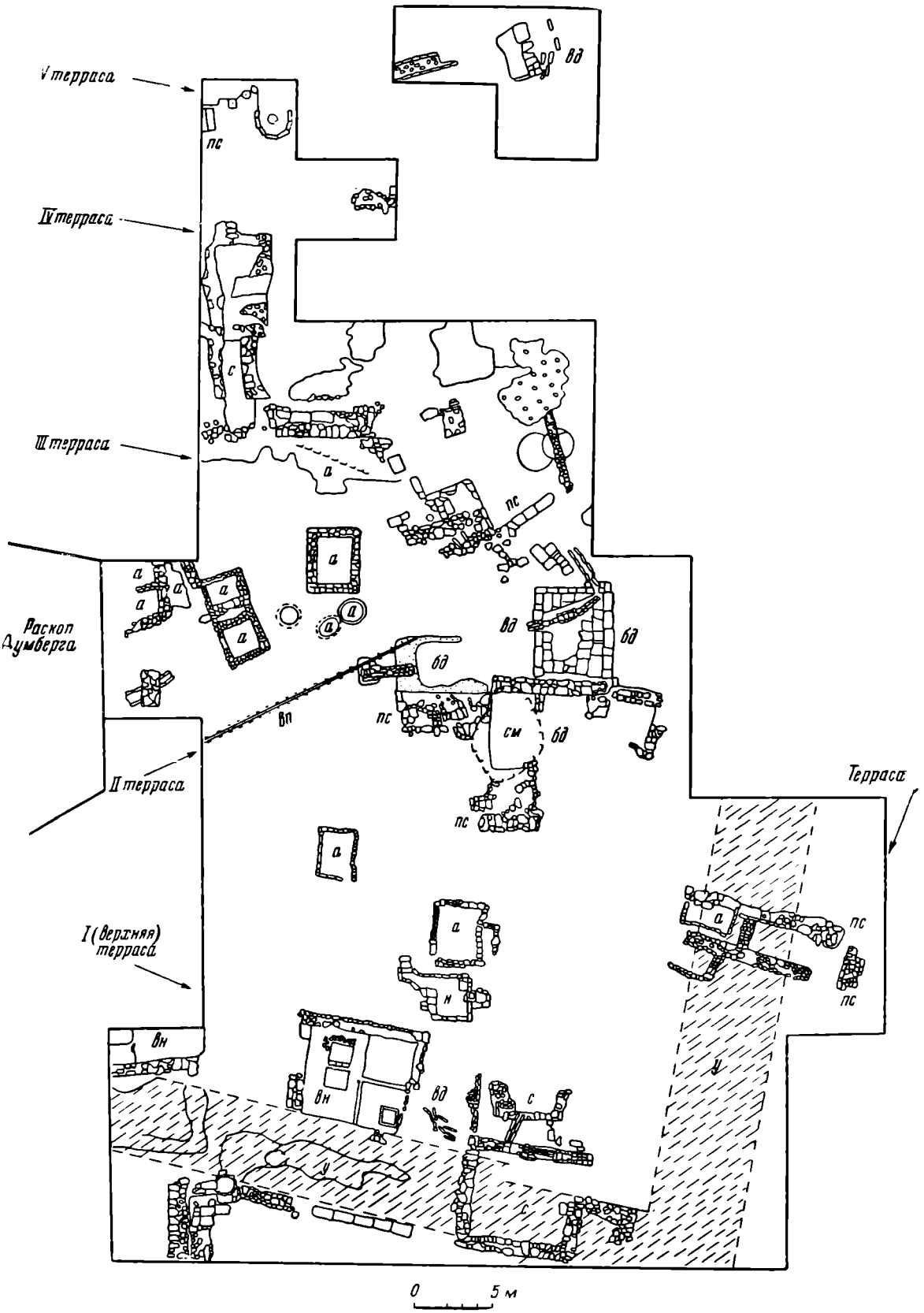


Рис. 4. План Ново-Эспланадного раскопа 1956—1958 гг.

а — постройка архаического периода; *у* — улица; *с* — субструкции; *вн* — винодельная; *вд* — водосток; *пс* — подпорная стена; *бд* — большой дом; *вп* — водопровод; *см* — сброс металлурга

Значительные остатки сооружений и культурные напластования, относящиеся к периоду от середины VI до середины V в. до н. э., обнаружены в различных частях раскопа. Лежавшие над ними напластования спартокидского времени почти повсеместно были срыты при строительных работах I в. до н. э., а также последующего времени.

На раскопанном участке открыты остатки шести более или менее хорошо сохранившихся домов VI — первой половины V в. до н. э. (рис. 5). Стены их в большинстве случаев довольно неточно ориентированы по странам света. Таким образом, планировка их была несколько беспорядочной. Дома в основном были очень скромными. Исключение представляли развалины дома с монументальным подвалом, обнаруженные в восточной части раскопа (рис. 6). Стены этого подвала были тщательно сложены из квадровых блоков; однако последние были уложены без строгого соблюдения горизонтальных рядов; кроме того, применялась вырубка в углах блоков для пригонки других блоков; такая кладка характерна для перехода от полигональной кладки к квадровой. Описываемый дом был сооружен в VI в. до н. э., но, как показывают находки в нем обломков красно-фигурной керамики, продолжал существовать и в первой половине V в. до н. э. Среди предметов, обнаруженных в этом доме, назовем фрагмент костяной флейты (αὐλός), которая обычно была инструментом профессиональных музыкантов [7]. Остальные пять домов представляли собой небольшие постройки площадью не более 12 *м*^{2}, состоявшие из одной-двух комнат. Нижние части зданий иногда были сильно заглублены в землю.

Один из этих домов, почти квадратный в плане, имел небольшую пристройку; из находок в нем упомянем обломки жаровни и верхнего жернова ладьевидной формы от примитивной ручной мельницы, характерной для архаического периода. В другом доме кладка из рваного камня с частичным применением тщательно отесанных квадров была обмазана беловатой глиной. Третий дом имел два помещения: одно было построено из камня, а в другом сырцовые стены стояли на каменном цоколе. К западу от этого дома обнаружен узкий переулок, шириной всего 1,30 *м*, тянувшийся с севера на юг. По другую сторону этого переулка находился еще один небольшой дом архаического времени, с двором, вымощенным мелкой галькой.

В северной части раскопа обнаружены развалины плохо сохранившегося жилища, от которого уцелели только лежавшие одни над другими остатки очагов [8] и полов, относящиеся ко времени от середины VI до начала V в. до н. э. За это время — не более 70 лет — здесь отложилось восемь пластов. Такое обилие микрослоев, т. е. тонких локальных напластований, возможно лишь на месте небольшой непрочной постройки. Описанные нами остатки сооружений VI — начала V в. до н. э. свидетельствуют о довольно скромном достатке их обитателей. Помимо домов VI в. до н. э., в северной половине раскопа обнаружен ряд зерновых ям VI в. до н. э., связанных с наличием земледельцев среди населения Пантикапея этого времени.

Как мы отмечали, дом с подвалом в восточной части раскопа просуществовал до середины V в. до н. э.; тогда подвал был забутован камнем и над ним была сооружена монументальная, видимо подпорная, стена, тянувшаяся с востока-юго-востока на западо-северо-запад. Возможно, что в это время уже началось строительство террас, характерных для планировки боспорской столицы времени ее подъема. Достойно внимания, что в западной части раскопа были обнаружены остатки водостока, построенного около середины V в. до н. э. Все это позволяет заключить, что уже

[7] Отметим находку около Мирмикия надгробия IV в. до н. э. флейтистки Пасафаликаты. См. В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1906 г.). ИАК, вып. 23, 1907, стр. 44 сл., № 29.

[8] Среди этих очагов заслуживает упоминания примитивная печь, устроенная из верхней половины амфоры конца VI в. до н. э.; вставленная в пол, она была снаружи обмазана глиной.

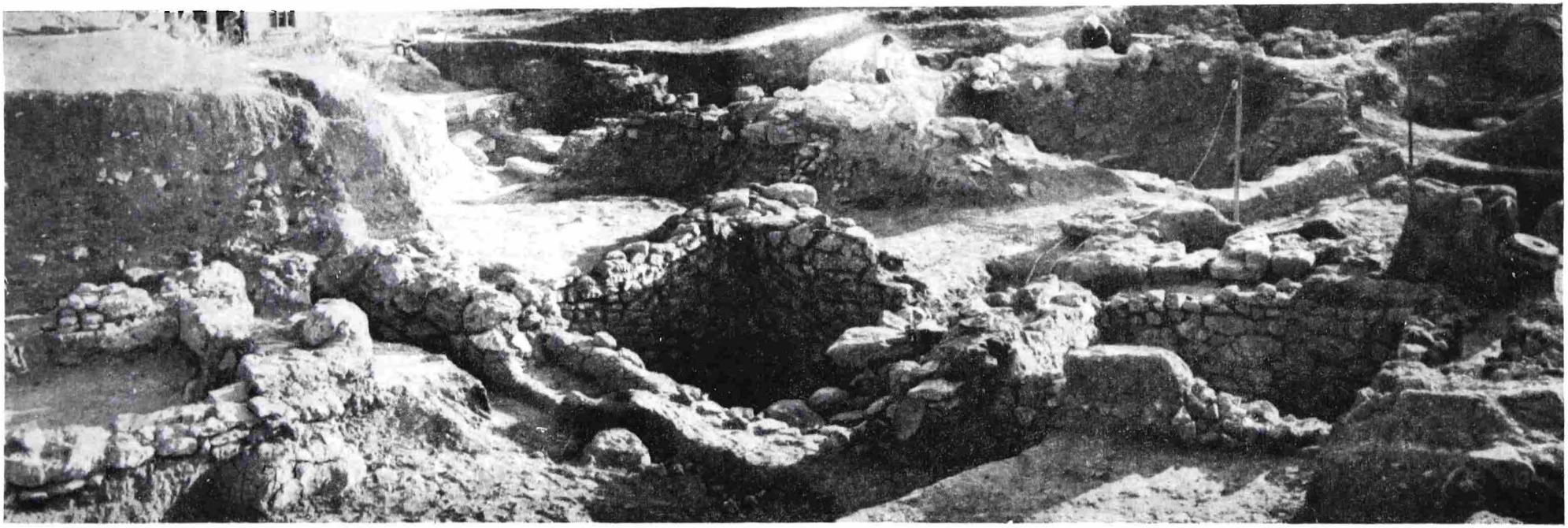


Рис. 5. Ново-Эспланадный раскоп 1957—1958 гг. Вид домов и переулка VI в. до н. э.

во времена Археанактидов градостроительство Пантикапея стало приобретать организованный характер.

Раскапывавшийся в 1956—1958 гг. участок на северном склоне Митридатовой горы, несомненно, был в черте города в период Спартокидов; однако напластования этого времени почти полностью были уничтожены при планировочных работах I в. до н. э. и последующих веков. От сооружений II в. до н. э. уцелел только один колодезь, который, кстати сказать, продолжал существовать и в I в. до н. э., правда, более чем наполовину

Рис. 6. Ново-Эспланадный раскоп 1956—1957 гг. Дом VI в. до н. э.

засыпанный и, очевидно, служивший подвалом. Следующая засыпка его относится к I в. н. э. Колодезь имел в плане прямоугольную форму. Глубина его дна от верхних камней — 7,5 *м*, а от современной дневной поверхности — 9,7 *м*. Стенки его сложены из хорошо отесанных, насухо уложенных блоков, причем чередуются ряды более высоких (0,6 *м*) и более низких (0,25—0,3 *м*) камней. В колодезе было обнаружено много находок: обломки черепиц, остродонных амфор, фрагментированная светлоглиняная синопская амфора, на плечиках которой сохранилась надпись черной краской: CTATIOY | ΠΑΛΛΑΝΟC, куски пифосов, черепки простых тонкостенных сосудов, сероглиняных, в том числе лощеных, а также чернолаковых, кухонной и расписной боспорской посуды, обломки терракотовых фигурок, пирамидальные грузила, ручка большого бронзового сосуда и пр.

При раскопках Пантикапея, производившихся в течение последнего пятнадцатилетия, неоднократно наблюдались следы больших разрушений города во время бурных событий конца II — первой половины I в. н. э., а равно и вызванных ими больших восстановительных работ во второй половине I в. до н. э. и в последующее время, когда заново сооружались не только постройки, но и террасы с подпорными стенами, причем прежние напластования нередко начисто срывались до материка. Аналогичная картина наблюдалась и на Ново-Эспланадном раскопе в 1956—1958 гг.[9]. Там при новых планировочных работах была сооружена грандиозная система

[9] При этих восстановительных работах на обширных участках были срыты культурные напластования до материка и лишь местами уцелели слои и сооружения VI—начала V в. до н. э. (и то по преимуществу заглубленные в землю) — это описанные нами дома архаического времени и колодезь II в. до н. э.

террас. На протяжении около 80 *м* по склону Митридатовой горы нам удалось выявить остатки пяти более или менее хорошо сохранившихся террас, ширина которых в среднем была около 20 *м*. Эти террасы возвышались одна над другой на 1,5—2 *м*.

На раскопе, в напластованиях I в. до н. э. — IV в. н. э., обнаружены многочисленные остатки различных сооружений, особенно вымосток и фундаментов. Остановимся только на некоторых из них.

В северо-восточной части раскопа была обнаружена часть мощной подпорной стены террасы I в. до н. э.[10]. Эта стена, сложенная из больших

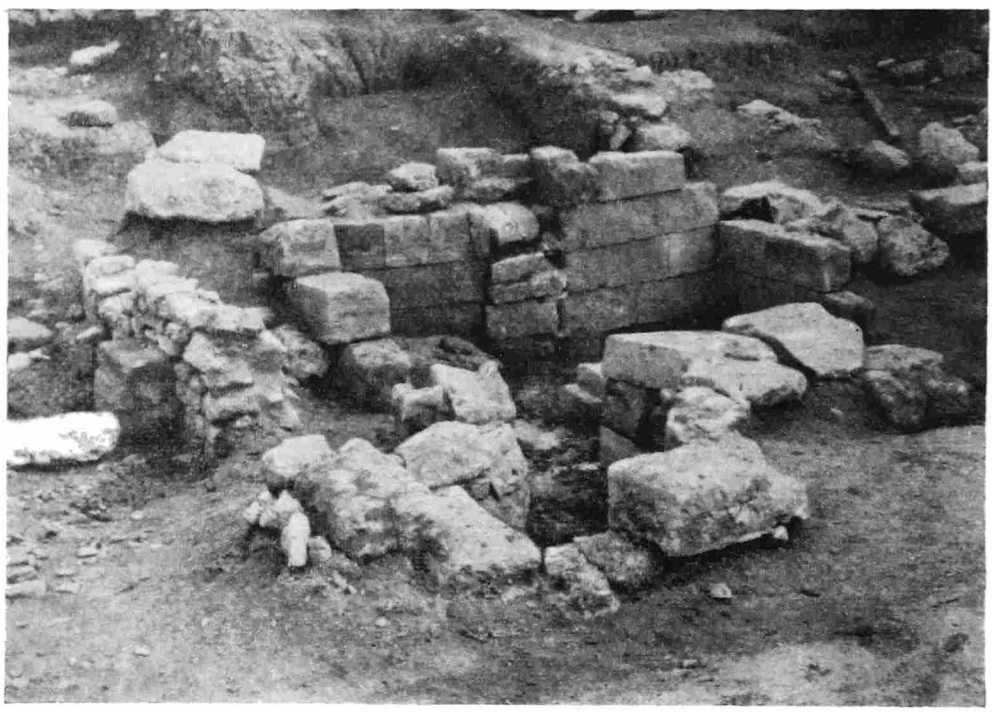


Рис. 7. Ново-Эспланадный раскоп 1956—1957 гг. Нимфей

блоков, тянулась с северо-востока на юго-запад и была обращена наружной стороной к северо-западу. В I в. н. э. терраса, поддерживаемая данной подпорной стеной, была частично расширена в северо-западном направлении путем сооружения платформы, выведенной из прилегающих одна к другой солидных каменных кладок из более или менее хорошо отесанных блоков.

На еще более высокой соседней террасе в I в. до н. э. находился большой общественный колодезь — нимфей, сооруженный в I в. до н. э. и перестраивавшийся в I в. н. э. (рис. 7 и 8). Колодезь достигал в глубину 6,43 *м*. Стены его, сложенные из хорошо отесанных каменных блоков, имели с двух противоположных сторон небольшие зарубки, как в античной шахте; пользуясь ими, можно довольно легко спускаться и подниматься. В колодезе (после зачистки его) оказалась пресная вода, вполне пригодная для питья. К западу от колодезя находилось довольно большое квадратное помещение, сооруженное также в I в. до н. э.,— нимфей. Оно было построено из хорошо отесанных блоков. Помещение было немного заглублено в землю; у северо-западного угла его устроено особое ответвление с небольшой лестницей. Первоначально, в I в. до н. э., помещение сообщалось через дверь с колодезем. Эта дверь была заложена в I в. н. э., одновременно с надстройкой пяти верхних рядов камня в колодезе и закладкой части нимфея. Бóльшая часть засыпи колодезя заключала многочисленные находки, главным образом обломки керамики I—II вв. н. э.

[10] Если считать сверху, эта терраса — третья.

На самой верхней (южной) террасе сохранились остатки улицы I в. до н. э. Эта улица, шириной более 3,5 *м*, тянулась с запада-северо-запада на востоко-юго-восток. В западной части улицы, к югу от нее, уцелели развалины монументального здания I в. до н. э.— фундаменты толстых стен и вымостки из больших плит; восточнее этих развалин сохранились цоколь стены и вымостка несколько более позднего здания — I в. н. э. Вдоль северной стороны улицы тянется довольно широкая (около 1,5 *м*) неглубокая канава, вероятно образовавшаяся в результате выборки камня.

Помимо террас в виде насыпей, поддерживавшихся подпорными стенами, в Пантикапее в первых веках нашей эры сооружались также более мощные субструкции, в виде монументальных кладок, сложенных из больших, грубо отесанных блоков. Эти субструкции, возможно, служили основаниями, на которых стояли большие здания. Такие субструкции, относящиеся скорее всего к I в. н. э., сохранились в восточной части верхней террасы; в дальнейшем, в конце II или в начале III в. н. э., эти субструкции, видимо, обновлялись. Наиболее значительным сооружением I в. н. э. являются развалины большого дома, обнаруженного на третьей (считая сверху) террасе, к югу от подпорной стены I в. до н. э. Это здание состояло из обширного (около 28 $м^2$) прямоугольного двора, вымощенного крупными плитами и обрамленного с трех сторон бордюром. Дождевая вода, собиравшаяся на дворе, выводилась по тщательно сооруженному водостоку, примыкавшему к северо-восточному углу. К югу от двора обнаружен фундамент солидной стены, на которой, может быть, находилось одно из помещений, а к юго-востоку — небольшое помещение, частично врезанное в склон холма. К западу от двора открыты остатки пола, по-видимому, парадного зала — андрона, а за ним — еще одной комнаты. В целом площадь дома I в. н. э., видимо, была не менее 200 $м^2$. Описанный дом своими размерами и солидностью постройки резко отличается от обнаруженных на том же раскопе значительно более скромных домов VI — начала V в. до н. э.

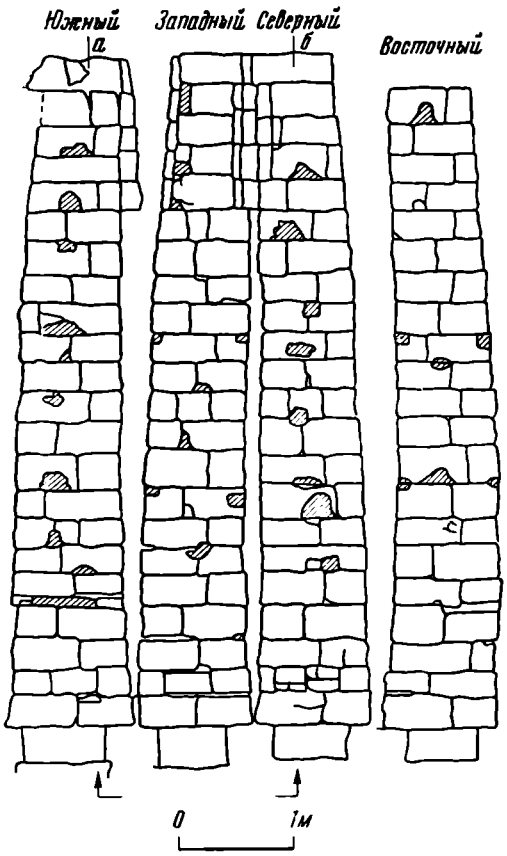


Рис. 8. Ново-Эспланадный раскоп 1956—1957 гг. Нимфей; фасы стен колодезя

Также к I в. н. э. относятся обнаруженные в северо-восточной части раскопа развалины небольшого полукруглого сооружения, сложенного из хорошо отесанных квадров и представлявшего собой нишу, обращенную на север. Внутри ниши стоял барабан дорийской колонны; другой барабан, также дорийской колонны, стоял перед нишей, на северо-запад от последней.

Как уже говорилось выше, работы по поддержанию системы террас и сооружению подпорных стен интенсивно велись на исследуемом участке в первых веках нашей эры.

Так, наиболее значительным из сохранившихся сооружений II в. н. э. являются остатки подпорной стены террасы, обнаруженные в восточной

части раскопа. Эта стена шла с юго-юго-запада на северо-северо-восток и была обращена наружной стороной на запад. К концу II — началу III в. н. э. относится мощная (шириной до 3,5 *м*) субструкция подпорной стены, поддерживавшей вторую (считая сверху) террасу. Тем же временем датируется обнаруженная на этой террасе зерновая яма; в ней были найдены немногочисленные зерна мягкой пшеницы.

Довольно обильны и разнообразны остатки сооружений III в. н. э., особенно первой его половины. В западной части раскопа был раскрыт

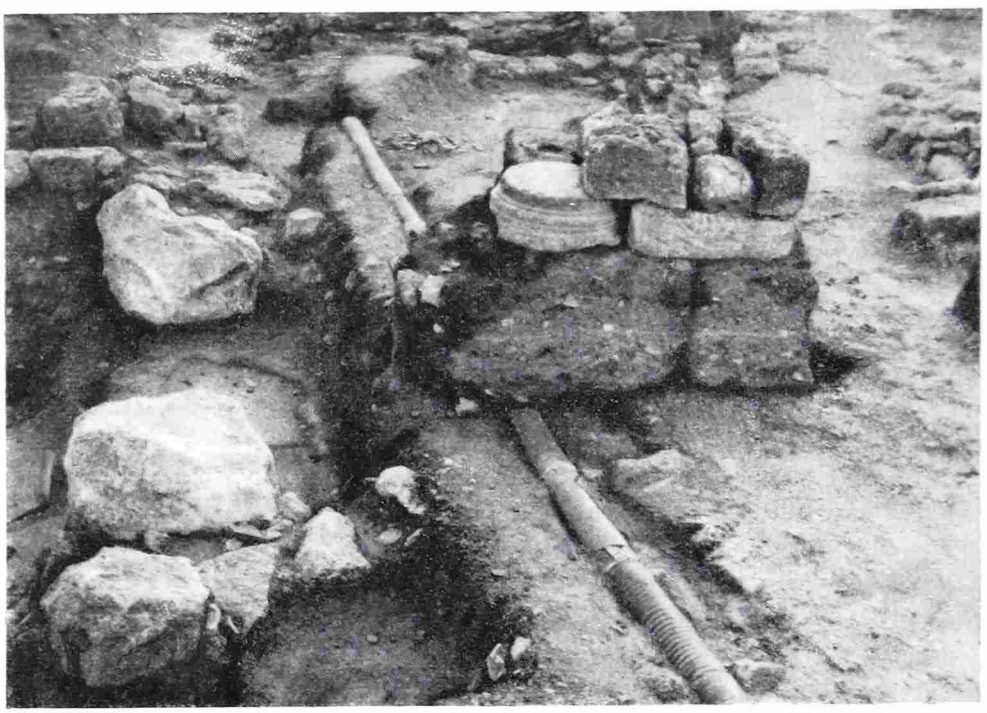


Рис. 9. Ново-Эспланадный раскоп 1957 г. Водопровод и фундамент над ним

водопровод, состоявший из керамических труб (рис. 9). Он тянулся по направлению с запада-юго-запада на востоко-северо-восток. Длина выявленной части водопровода — около 16,8 *м*. Длина труб — от 0,58 до 0,65 *м*, а диаметр — 0,12—0,15 *м*. Стыки между трубами замазаны известью. Параллельно водопроводу, севернее последнего, проходила немного более поздняя подпорная стена террасы III в. н. э., обращенная наружной стороной на северо-северо-запад. Примерно в то же время в нескольких метрах к северу от названной стены была сооружена зерновая яма. Как отмечалось, значительные планировочные работы продолжались и в III в. н. э. Так, в северо-западной части раскопа в это время были частично срыты напластования VI — начала V в. до н. э. В силу этого на одном из отсеков большую часть площади занимают слои III—IV вв. н. э., а рядом с ними на полутораметровую высоту сохранились напластования от середины VI до начала V в. до н. э. Граница между этими напластованиями шла с востока-юго-востока на запад-северо-запад.

К III в. н. э. также относятся обнаруженные в той же части раскопа остатки сетчатых субструкций какой-то монументальной постройки, по-видимому обрамленной подпорной стеной. В северо-восточной части раскопа открыта небольшая часть дома с прилегавшей к нему улицей первой половины III в. н. э. Уцелела часть стены, вытянутой в меридиональном направлении, с дверным проемом. Порогом служила большая каменная плита. К востоку от этой стены сохранились остатки главного уличного водостока и впадавшего в него рукава, сложенных из каменных плит.

В юго-западной части раскопа, возле субструкций верхней террасы, обнаружена винодельня III в. н. э. По размерам и устройству она довольно близко напоминает одну из мирмикийских виноделен [11]. Почти квадратная в плане, она занимала площадь около 37 *м*^{2}. Две прямоугольные площадки, северо-восточная (размером 3 × 2,8 *м*) и юго-западная (размером 3,4 × 1,9 *м*), покрытые розоватым известковым раствором, были предназначены для раздавливания винограда ногами. Стены у давильных площадок были покрыты известковым раствором, сохранившимся в высоту до 0,6 *м*.

В юго-восточной части винодельни расположена третья давильная площадка, где производился отжим сока из мезги посредством пресса. Основанием для рычажного пресса служила тщательно отделанная плита из темного камня (размером 1,38 × 1,28 × 0,2 *м*). Цистерна для сусла, разделенная на два отсека близких размеров (1,7 × 1,15 и 1,7 × 0,9 *м*, при глубине 1,6 *м*), находилась в северо-западной части давильни.

Наконец, в напластованиях первой половины III в. н. э. на средней террасе была обнаружена большая свалка отходов металлургической мастерской, где изготовлялись оружие и другие предметы из железа и бронзы. Эта свалка состоит из пласта золы, сажи и древесного угля (до 1,1 *м* толщиной), в котором встречались многочисленные куски медного и железного шлака, глиняной обмазки, использованной в литейном производстве (может быть, куски форм), фрагменты тиглей и льячек, слитки меди, а также много обломков бронзовых предметов, преимущественно стержней и кусков проволоки, и различных железных фрагментов, в том числе кольчуги. Наличие многочисленных обломков кости и рога со следами отпилов свидетельствует о том, что в мастерской изготовлялись не одни металлические части, а вполне готовая продукция (ножи, мечи).

Примерно в 7—8 *м* к северо-западу от свалки были обнаружены остатки пола, возможно мастерской металлурга; там среди различных обломков со следами огня были найдены куски тигля, шлака, позеленевшей от медной окиси кости.

Описывая результаты работ 1955 г. на Северном раскопе, мы отмечали, что там система террас, поддерживавшаяся до III в. н. э., в IV в. н. э. пришла в упадок. Как показали работы 1958 г., наиболее поздняя подпорная стена террасы, обнаруженная на Ново-Эспланадном раскопе (в северо-западном углу), относится к довольно позднему времени — к концу III — началу IV в. н. э.

Напластования IV в. н. э. преимущественно представлены вымостками, фундаментами и их развалами. В юго-восточной части раскопа обнаружены остатки, видимо, уличной мостовой конца III — начала IV в.; ширина ее была примерно 4 *м*. Она шла по направлению с юго-юго-запада на северо-северо-восток.

К IV в. н. э. относится ряд более или менее хорошо сохранившихся уличных водостоков, сооруженных из плитового камня. В южной части раскопа эти водостоки, чуть понижаясь, тянутся примерно с востока на запад, подчиняясь направлению древних улиц, которые в этом месте были вытянуты вдоль склона горы. Аналогичное расположение улиц нами наблюдалось при раскопках 1946—1947 гг. на южном склоне Митридатовой горы. Один из уличных водостоков IV в. н. э. лежит над мощеным двором большого дома I в. н. э. В северо-восточном углу раскопа большая зерновая яма IV в. н. э. врезалась в меньшую по размерам зерновую яму VI в. н. э., покрытую кладкой I в. н. э. Над керамическим водопроводом III в. н. э. в IV в. н. э. был сооружен фундамент, в который в качестве углового камня была заложена база колонны. В другой фундамент IV в. н. э. наряду с различными камнями было заложено монументальное

[11] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, МИА, № 85, 1958, стр. 415 сл., рис. 61.

мраморное кресло, вероятно, аттической работы IV в. до н. э. [12]. В культурных напластованиях, раскапывавшихся в 1956—1958 гг., было обнаружено большое количество различных изделий и их обломков, характерных для

Рис. 10. Ново-Эспланадный раскоп 1957 г. Обломок архитектурной детали

насыщенных культурных слоев большого античного города, главным же образом керамики. Эти находки обогатили доступные нам данные о производстве, строительном деле, торговле и культуре Пантикапея. Находки обломка каменной формы для ювелирных изделий архаического стиля и кусков железных шлаков из слоя начала V в. до н. э. связаны с обработкой металлов в раннее время. О характере металлургической мастерской III в. н. э. позволяет судить ее сброс с многочисленными обломками орудий, заготовок и отходов. К керамическому производству относятся черепки бракованных изделий, обломок сероглиняной модели для изготовления светильников, куски форм для оттискивания терракотовых фигурок (один с надписью: ...ΑΛ) и рельефных сосудов; особого внимания заслуживают обломки «мегарских» чаш пантикапейской работы, на одной из них клеймо мастера: ΑΡΚ∈CΙΛΛΟΥ. Отметим также находку стеклянного брака (горла флакона). С костерезным делом связаны многочисленные обломки костей и рогов со следами отпилов и обработки. Как всегда, в большом числе встречались пирамидальные грузила, некоторые

Рис. 11. Ново-Эспланадный раскоп 1957 г. Обломок краснолакового рельефного сосуда

[12] В. Д. Блаватский. Мраморный трон из Пантикапея. СА, 1957, № 2, стр. 247 сл.

из них с оттиснутыми метками, среди них с рельефной тамгой, на некоторых были граффити, в том числе Δ | ΕΙ | ΟΥ и ΧΑΝΙΤΙ... Сравнительно немногочисленными были пряслица.

Строительные остатки представлены многочисленными каменными блоками и их обломками, различными частями ордерных сооружений: колонн и антаблементов (среди них отметим фрагмент торуса базы ионийской колонны VI в. до н. э.), обломками различных профилей из мрамора и известняка, кусками цветной, расписной и лепной штукатурки, а также облицовочных плиток из белого и пестрого мрамора; особо отметим небольшие пластинки, вероятно вырезанные из черепицы и, возможно, служившие для отделки пола мозаикой. Как всегда, многочисленны обломки черепиц, нередко клейменых; наиболее ранние из фрагментов черепиц относились к VI в. до н. э. Упомянем украшенные рельефами антефиксы и другие архитектурные детали, в том числе часть симы (высота 14 *см*; рис. 10), обломки керамических труб водопроводов, а также труб гипокаустов. В значительном количестве встречались гвозди, железные и бронзовые. Несомненный интерес представляет каменный блок, обнаруженный в слое III в. н. э. и, возможно, относящийся к значительно более раннему времени; в этом блоке имеются равномерно расположенные углубления, видимо, для закрепления перил. Если это истолкование правильно, тогда мы можем предполагать наличие в Пантикапее двухэтажных домов, в чем нет ничего невероятного. Глиняная посуда представлена многочисленными черепками амфор, в том числе с клеймами и надписями краской, обломками пифосов, лутериев, простой тонкостенной столовой посуды, лепных горшков, кастрюль и сковородок, чернолаковых сосудов (среди последних многие с граффити, отметим надпись: Ἀ]φροδίσ[ι]ος δωκεν и другую надпись, соскобленную, не поддающуюся чтению), расписной керамики коврового стиля, с узорами в виде поясов, чернофигурных, краснофигурных и эллинистических краснолаковых сосудов, среди последних выделяется дно чаши с рельефным медальоном, в котором в архаизированном стиле представлена голова в профиль (длина 5,8 *см;* рис. 11). Особо отметим красноглиняный аск с белой росписью VI в. до н. э. и фрагмент чашки, покрытой зеленой глазурью, форма которой является промежуточной между мегарскими чашами и краснолаковыми чашками. В значительном числе встречались также осколки стеклянной посуды, среди которых были фраг-

Рис. 12. Ново-Эспланадный раскоп 1957 г. Терракотовая фигурка Гермеса-трагофора. II в. до н. э.

менты с рельефными украшениями, терракотовые фигурки и их обломки. Среди них отметим: архаическую протому богини и статуэтку Гермеса-трагофора (высота 15 *см;* рис. 12), различные костяные поделки, в том числе пластину с барельефной головой Силена первоклассной работы, вероятно служившую украшением мебели (высота 8,2 *см*), и астрагал [13] с граффити: ЄРМН | С.

Рис. 13. Ново-Эспланадный раскоп 1956 г. Мраморная голова бородатого бога

Большой интерес представляют обломки мраморных скульптур. Среди них выделяются две головы, дошедшие в хорошей сохранности. Одна из них представляет собой бородатого бога (высота 0,2 *м*; рис. 13). На темени у него невысокий модий, обрамленный венком. Выражение лица спокойное и благостное. Сказать с уверенностью, какое божество представляет эта скульптура, довольно трудно. В ней выступают черты, свойственные различным богам, что иной раз имеет место в изображениях времени синкретизма. Возможно, что эта скульптура связана с зарождением культа Θε ὕφι τος, получившего распространение на Боспоре в первых веках нашей эры.

Другая голова представляет юную богиню (рис. 14). Из одного куска мрамора были изваяны голова, шея и часть груди. Высота изваяния —

[13] Т. В. Блаватская Игральные кости из Пантикапея. Eunomia, III, 2, 1959, стр. 78 и сл.

0,127 *м*. Судя по обработке нижней части скульптуры, она была вставлена в специальное углубление в верхней части фигуры, по всей видимости задрапированной. Указанное обстоятельство, а равно и общий характер иконографии побуждают считать, что эта богиня — Гигиейя. Работа, скорее всего, I в. н. э. по оригиналу эллинистического времени.

Рис. 14. Ново-Эспланадный раскоп 1956 г. Мраморная голова Гигиейи

Далее следует назвать вырезанную из костяной пластины голову Силена (рис. 15), вероятно, служившую украшением мебели, обломки мраморных лутериев (один из них с надписью: YMNΩ), фрагмент каменного ядра баллисты, различные свинцовые поделки, в том числе пулю для пращи и гирю, железные изделия (например ключи), сделанную из глины игральную «кость» с цифрами от A до Z, монеты — главным образом боспорские. Среди монет отметим [14] серебряную пантикапейскую монету первой четверти V в. до н. э. (рис. 16, *а, б*), с головой льва на лицевой стороне и вдавленным квадратом на обратной, и золотой статер 32 г. н. э.

Завершая наш обзор, отметим большое количество костей животных, которые были тщательно исследованы В. И. Цалкиным. Приводим свод-

[14] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXIX, *17*; там же, табл. XLVI, *1*.

ную таблицу находок костей домашних и диких животных на Ново-Эспланадном раскопе в 1956—1958 гг.

Название вида	VI—V вв. до н. э.	I в. н. э.	II в. н. э.	III в. н. э.	IV в. н. э.	Название вида	VI—V вв. до н. э.	I в. н. э.	II в. н. э.	III в. н. э.	IV в. н. э.
Крупный рогатый скот	206/13	65/5	203/13	2016/91	3071/137	Осел	—	—	1/1	—	2/1
Лошадь	20/4	8/2	78/5	394/26	589/28	Собака	32/5	5/1	23/5	89/20	301/34
Свинья	26/7	30/5	36/10	175/28	288/60	Кошка	—	—	1/1	2/1	2/1
Мелкий рогатый скот	367/46	31/5	128/15	569/60	757/114	Кабан	—	—	—	6/3	5/1
Верблюд	—	—	—	—	1 1	Заяц	2/1	5/1		22/5	8/3
						Благородный олень	—	—	—	1/1	—
						Дельфин	—	—	—	9/2	2/1

Общий характер остеологических материалов последних лет находится в полном соответствии с доступными нам прежними данными [15], а именно отмечает преобладание мелкого рогатого скота в раннее время (что характерно и для животноводства греческой метрополии) и постепенное усиление роли крупного рогатого скота в период сарматизации. В III—IV вв. н. э. крупный рогатый скот явно доминирует, что тесно связано с большой ролью зерновых хозяйств в экономике Пантикапея и рустификацией города.

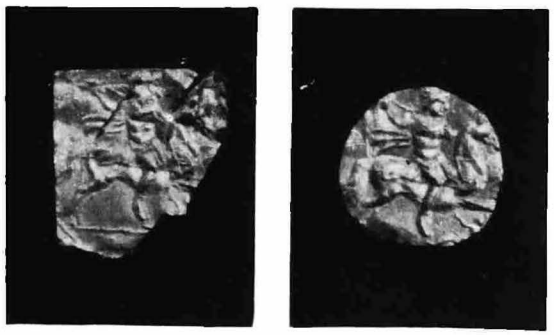
Рис. 15. Ново-Эспланадный раскоп 1958 г. Костяная пластинка с изображением головы Силена

Итак, в результате раскопок последних лет на северном склоне Митридатовой горы раскрыто значительное число напластований как VI — первой половины V в. до н. э., так и III—IV вв. н. э. При этом как в тех, так и в других обнаружены по большей части остатки довольно скромных, часто непрочных построек. В отличие от них, слои, относящиеся к периоду от второй половины V в. до н. э. до II в. н. э. [16], заключали остатки в большинстве случаев значительно более монументальных сооружений. Нужно думать, что это явление находится в тесной связи с социально-экономическими условиями в Пантикапее; VI в. и первые десятилетия V в. до н. э. были временем, когда он был еще сравнительно небогатым городом, и обитатели его не очень сильно отличались по сво-

[15] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 98, сл.

[16] Как мы отмечали, при раскопках 1955—1958 гг. слоев второй половины V—II вв. до н. э. почти не было обнаружено. Однако о них мы можем судить по материалам раскопок 1946—1953 гг. (см. В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 8 сл.).

а *б*



в

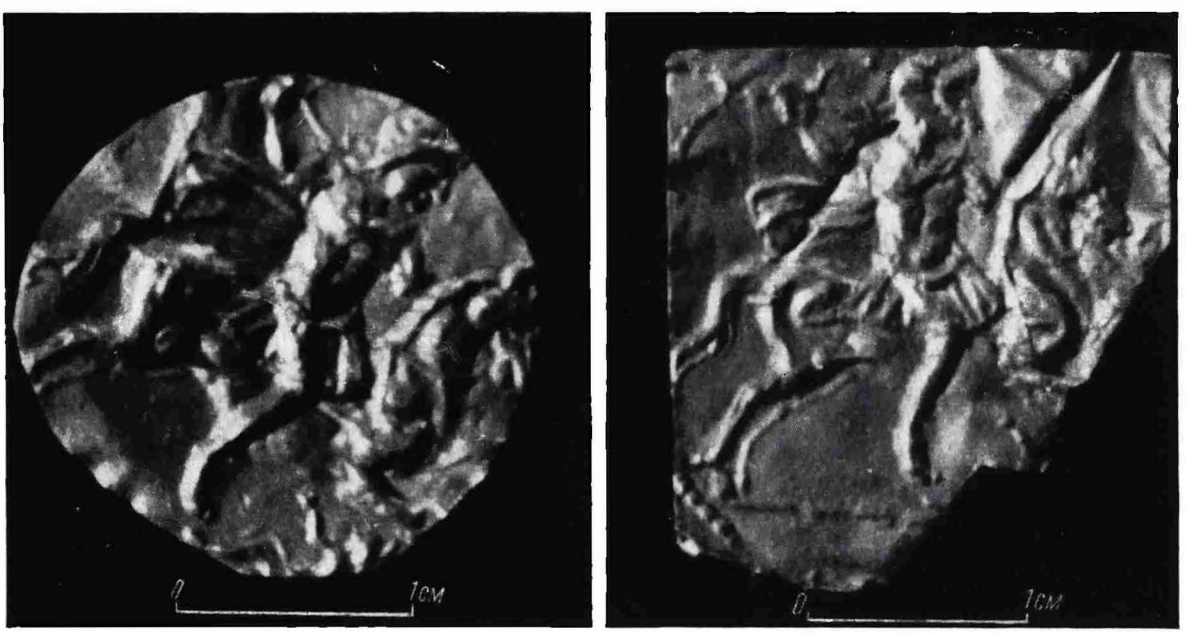


Рис. 16. Ново-Эспланадный раскоп 1957 г.

а — пантикапейская серебряная монета первой четверти V в. до. н. э; *б*— золотой боспорский статер 32 г. н. э.; *в* —две золотые бляшки

ему материальному достатку от жителей других боспорских городов; жилые постройки этого времени нередко невелики и непрочны. Вторая половина V в. до н. э.— II в. н. э.— время подъема боспорской столицы. В III в. н. э., особенно со второй его половины, наблюдается заметный спад в экономике Пантикапея, а равно и изменения самого характера города, а именно его рустификация.

Как и в предшествующие годы, сооружений или каких-либо культурных напластований позднее IV в. н. э. обнаружено не было. Видимо, при нашествии гуннов, примерно в начале последней четверти IV в. н. э., Пантикапей был разорен и бóльшая часть города осталась лежать в развалинах. Гора Митридата с этого времени стала пустырем, и на ней стали хоронить покойников.

В античных напластованиях Ново-Эспланадного раскопа было обнаружено 40 раннесредневековых, преимущественно плитовых, гробниц; покойники обычно были ориентированы головами на запад, погребальный инвентарь почти всегда отсутствовал или был очень скромным. В одной из могил был обнаружен небольшой одноручный сосуд с полихромной росписью; под ручкой у него надпись: ЄΙΦΙѠ

* * *

Помимо раскопок на северном склоне Митридатовой горы, производились также работы на некрополе Пантикапея [17]. В 1956 г. на северной окраине Керчи, на ул. Фрунзе (бывш. Братская), в огороде дома № 42, был обнаружен древний склеп (рис. 17). Склеп был впущен в материк. Он состоял из двух симметричных частей: две камеры расположены рядом, перед каждой по небольшому переднему помещению. Наружные двери передних помещений обращены на юг. Перед входом в материке устроена большая выемка. Осью сооружения служила внутренняя стена. Ширина ее между камерами — 0,55 *м*, между сенями — 0,6 *м*. Длина склепа (в целом) — 4,8 *м*, ширина — 4,5 *м*, высота — 2,35 *м*, глубина пола — 3,75 *м*; высота фасада — 1,9 *м*, наибольшая ширина его (в верхней части) — 4,15 *м*. Склеп был построен из тщательно отесанных больших блоков.

Значительную часть фасада составляют дверные проемы, которые были закрыты закладными плитами. Закладная плита западной камеры была отвалена грабителями. Заклад восточной камеры был in situ: блок высотой 0,37 *м* служил порогом, на нем стояла плита (высотой 1,19 *м*, шириной 1,05 *м* и толщиной 0,17 *м*), в верхнем углу которой был вырез (0,8 × 0,8 *м*), наподобие форточки, закрытый особым камнем.

Почти квадратные в плане, небольшие передние помещения перекрыты «уступчатыми сводами», столь характерными для пантикапейских гробниц спартокидского времени. В каждом из этих помещений со стороны продольных (т. е. восточных и западных) стен один ряд плит образует уступ, на котором лежат большие плиты плафонов.

Из передних помещений большие двери вели в погребальные камеры. Размеры проема двери в западном помещении: высота — 0,96 *м*, ширина внизу — 0,9 *м*, вверху — 0,88 *м*. Уровень пола в камерах был примерно на 0,4 *м* ниже, чем передних помещений.

Обе камеры имеют в плане прямоугольную форму. Размеры восточной — 2,48 × 1,57 *м*, западной — 2,40 × 1,58 *м*. Камеры перекрыты уступчатым сводом, образованным посредством напуска двух рядов камней с продольных сторон; поверх их лежат большие плиты плафонов. В потолках обеих камер грабители сделали проломы. Внутри склепа было много земли. Однако несмотря на разграбление склепа, в нем (особенно в восточной камере) все же было обнаружено некоторое количество на-

[17] Склепы 1954 и 1956 гг. были обнаружены Ф. Т. Гусаровым. Раскопки склепа 1956 г. вел Г. А. Кошеленко.

ходок. Там удалось собрать по кускам две сероглиняные «мегарские» чаши [18] пантикапейской работы с клеймом мастера: ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ; тулово одной из них под пояском ов покрывает широкий пояс язычков [19], другой пояс — язычков и остроконечных листьев. Кроме того, были найдены две терракотовые фигурки — воина со щитом и стоящей девушки, два гли-

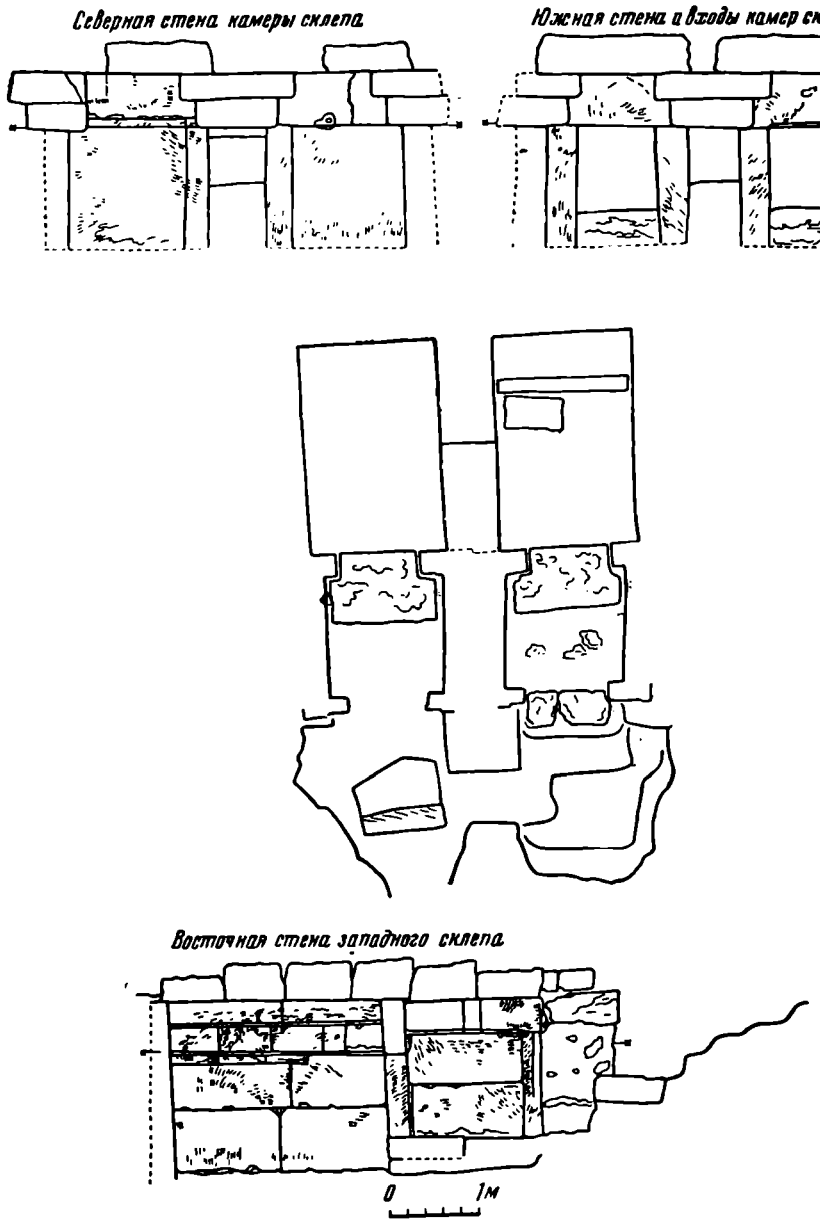


Рис. 17. Склеп 1956 г. Фасы, план, разрез

няных флакона, три медные монеты III—II вв. до н. э., 29 бус различных типов, обломки посуды, а также различных бронзовых и железных предметов. Названные находки позволяют установить дату склепа — II в. до н. э. Это обстоятельство весьма существенно: склеп 1956 г. заполняет лакуну между знаменитыми склепами с уступчатыми перекрестиями раннеспартокидского времени курганов Юз-Обы и значительно более поздним расписным склепом, открытым в 1832 г. и известным под наименованием «склепа Пигмеев» [20].

---

[18] В. Д. Блаватский. О производстве мегарских чаш в Пантикапее. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 174 сл.

[19] Ср. Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 67 сл., рис. 24.

[20] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 137, сл. Табл. XLV, *5*, LXXXII, *1*, *2*.

В 1955 г. мы обследовали вырубленный в скале двухкамерный склеп (так называемая катакомба), который в 1894 г. был раскопан Ю. А. Кулаковским (рис. 18). Этот склеп находится во дворе дома № 101 по ул. Чкалова. Описание и особенно план, опубликованные Ю. А. Кулаковским [21], довольно суммарны. Поэтому мы сообщим некоторые сведения об этом склепе. Трапециевидный в плане колодезь имеет в глубину 5,65 *м*. На юг от него дромос (высотой 1,45 *м*) ведет в первую камеру, почти трапециевидную в плане. На стене по сторонам от входа вырублены небольшие ниши, а на боковых сторонах — неширокие лежанки. В северо-восточном углу камеры находился небольшой тайник. В задней стене была устроена небольшая ниша, в ней найдены осколки посуды из бесцветного стекла первых веков нашей эры; по сторонам ниши расположены две лежанки. В дальнейшем правая (западная) из этих лежанок была прорезана дромосом, который вел во вторую камеру, почти прямоугольную в плане. Там по боковым сторонам были устроены узкие лежанки, а в задней стене — широкая лежанка и ниша.

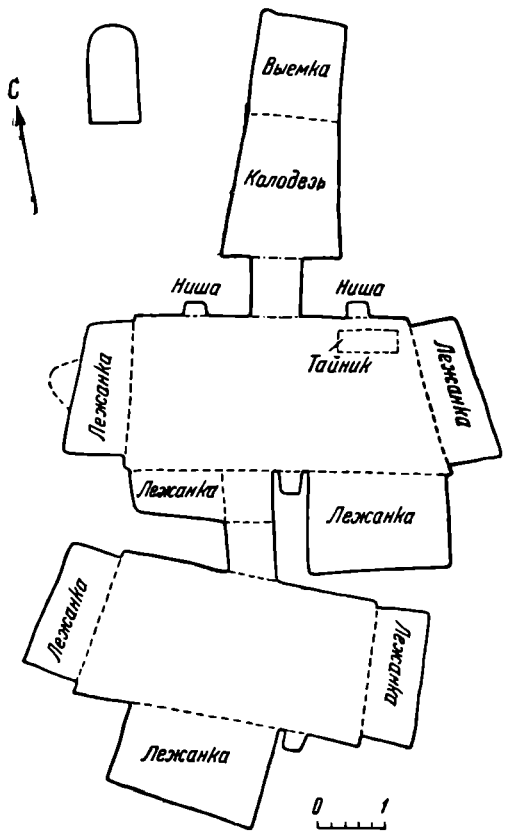


Рис. 18. Склеп 1894—1955 гг. План

На стенах и потолке склепа местами видны следы мотыки шириной 4,8 *см*, а также высеченные отдельные слова, буквы и тамгообразные знаки. Ю. А. Кулаковский прочитал имена Εὐτύχης и Φάννης, неоднократно засвидетельствованные в боспорской просопонимике. На потолке склепа нам удалось еще прочитать слово MNHMION, т. е. μνημεῖον — памятник.

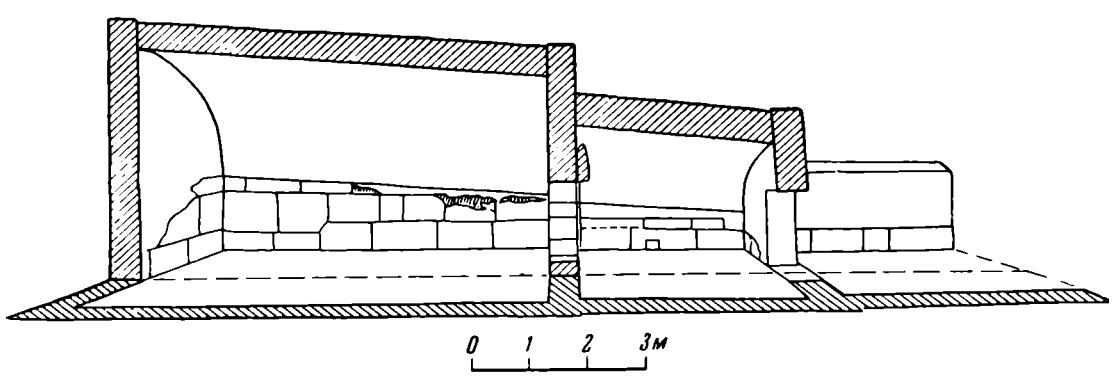


Рис. 19. Склеп 1954 г. Разрез, реконструкция

Значительно более интересный склеп был раскопан [22] в 1954 г. на северо-западной окраине Керчи, на Овощной ул., против дома № 39, на месте срытого кургана. Раскопом площадью 142 $м^2$ (11 отсеков размером

[21] ОАК за 1894 г., стр. 7, 89.

[22] Начальником отряда была Т. В. Блаватская, ее помощниками — Н. Н. Терехова, Г. А. Кошеленко и Г. В. Черемушкин.

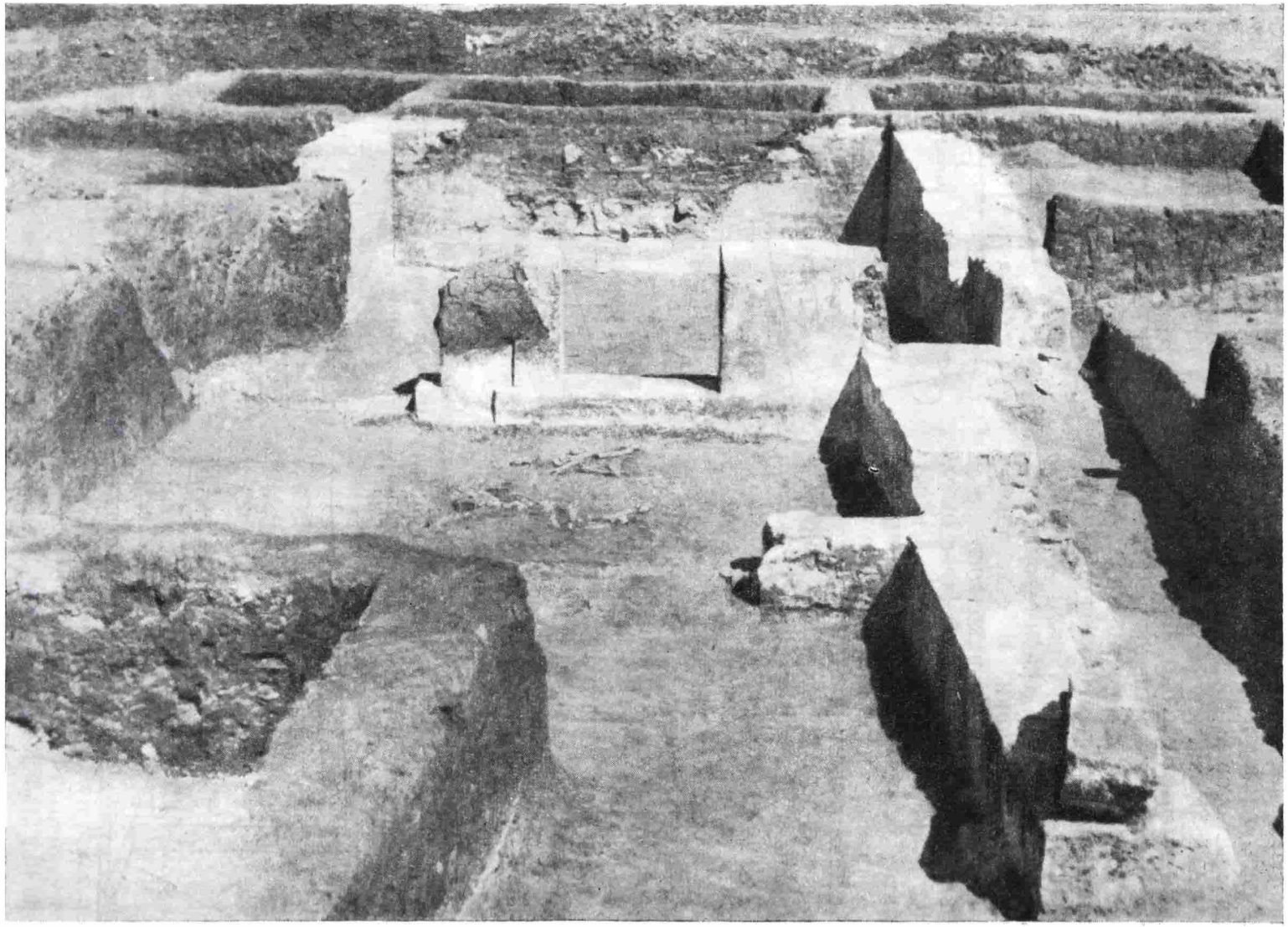


Рис. 20. Склеп 1954 г. Общий вид с юга

4 × 4 *м*) выявлен древний склеп (рис. 19 и 20), частично хорошо сохранившийся, но местами уничтоженный до основания и в значительной степени разграбленный. Длина его была 14,71 *м*, ширина — 5,6 *м*. Он состоял из обширной погребальной камеры (размером 5,75×4,59 *м*), небольшой передней комнаты и довольно широкого дромоса, обращенного на юг. Стены склепа сложены из больших исключительно тщательно пригнанных известняковых квадров удлиненной формы. Толщина стен от 0,45 до 0,55 *м*, с наружной стороны некоторые блоки выступают над другими. Сохранность стен камеры различна. Лучше других сохранилась восточная стена, северная часть которой, видимо, дошла в первоначальном виде. Высота ее в северо-восточном углу — 1,40 *м*, далее на юг стена продолжалась, постепенно понижаясь (на 1,4 *м* длины падение горизонтали равно 0,16 *м*). В юго-восточном углу высота ее была 0,85 *м*.

Перекрытие камеры не уцелело. Несомненно, оно было сводчатым. Небольшой наклон сохранившегося верхнего края восточной стены камеры побуждает нас считать, что линия пяты свода не была строго горизонтальной, а постепенно повышалась по направлению от входа в глубину камеры. Тем самым устройство перекрытия приближалось к своду керченского склепа 1872 года [23] и других [24] погребальных камер [25].

Посередине южной стены камеры находится дверь (шириной 1,01 *м*) с порогом (высотой 0,3 *м*). С внутренней стороны стены камеры были покрыты (4—5 *мм*) слоем белой штукатурки; по ней была нанесена роспись, от которой уцелели только следы, главным образом на южной стене по сторонам двери и на пороге. Роспись представляет собой облицовку пестромраморными плитами.

С наружной стороны дверь в камеру обрамляли гладкие наличники; возможно, что над ними был фронтон, увенчивавший дверной проем, как это наблюдалось в первом Тарасовском кургане [26]. Частью фронтона могла быть архитектурная деталь, вероятно фрагмент углового акротерия (высотой 0,21 *м*), со следами красной краски.

Находившееся перед погребальной камерой помещение было почти квадратным в плане. Длина его 2,91 *м*. От западной стены сохранились только следы. В восточной стене его, почти посередине, на уровне пола был устроен тайник в виде выемки (размером 0,25×0,3×0,27 *м*), закрытой каменным блоком. Стенки и потолок тайника были окрашены зеленой краской. В тайнике ничего не обнаружено. На стене местами сохранились штукатурка и следы росписи. Перед квадратным помещением находился дромос, от него сохранились восточная стена (на 3,39 *м* в длину) и следы западной. Ширина дромоса была около 2,6 *м*. На внутренней стороне восточной стены дромоса наблюдалась следующая картина: второй и четвертый (от входа) блоки были украшены росписью (мотивы пестромраморной облицовки), между тем как первый и третий были сравнительно грубо отесаны.

Точных аналогий склепу 1954 г. по архитектуре мы не знаем; ближе других ему несколько более сложный по замыслу Керченский склеп 1905 года [27].

Большинство погребений в камере оказалось сильно потревоженным, а некоторые из них были почти совершенно разрушены в недавнее время.

---

[23] М. Ростовцев. Ук. соч., стр. 294, 296, рис. 60.

[24] Там же, стр. 162 сл., 170 сл., 228 сл., 285 сл., 401 сл., 412 сл., 418 сл., 422.

[25] Значительно труднее ответить на вопрос, какой была кривая перекрытия погребальной камеры склепа 1954 года. Судя по доступным нам, близким по времени, аналогиям — склепу Деметры (см. М. Ростовцев. Ук. соч., стр. 199 сл., рис. 36, табл. LVI), склепу 1905 года (см. М. Ростовцев. Ук. соч., стр. 262, табл. LXVII, *1—3*) и склепу 1948 года (КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 23 сл., рис. 17) в камере публикуемого склепа высота свода должна была быть несколько меньше половины его основания.

[26] М. Ростовцев. Ук. соч., стр. 109 сл., табл. XXXV, *3*.

[27] Там же, стр. 261 сл., табл. LXVI, LXVII, *1—3*.

Поэтому даже число покойников нельзя установить вполне точно. Видимо, их было не менее десяти; из них шесть или семь взрослых, а детей — четверо или пятеро (среди детей два младенца). Погребенные были ориентированы головами на северо-северо-запад, север и северо-запад.

В камере сохранились остатки ряда гробов: следы досок и многочисленных железных гвоздей. В отдельных случаях можно было проследить даже устройство дна гроба; однако установить с полной уверенностью число гробов было невозможно. Один из взрослых покойников, несомненно, лежал в гробу. Вероятно, что и остальные также были похоронены в гробах. Из детей трое, несомненно, были положены в гробах; наличие гроба можно предполагать еще в одном захоронении.

Рис. 21. Склеп 1954 г. Железный умбон

При костяках и особенно на остальной площади камеры обнаружены различные предметы, уцелевшие от грабителей. Это изделия из железа: обломки спафы (с лезвием около 0,75 *м* длиной), наконечник копья (длиной 0,21 *м*), кинжал, умбон щита [28] (диаметром 0,256 *м* и высотой 0,08 *м*; рис. 21), удила, железные, а также бронзовые кольца, пряжки и гвозди, серебряные бляхи и пряжки, одна из которых украшена инкрустацией из двух треугольных кусочков красного стекла и одного — зеленой пасты, обрывки золотых листиков от погребальных венцов и две золотые бляшки (рис. 16, *в, г*) с рельефным изображением скачущего всадника, под ногами коня которого находится поверженный противник. Одна из этих бляшек — квадратная — была найдена в камере, другая, исполненная тем же штампом,— круглая, обнаружена в дверях. Эти бляшки, вероятно, были центральными украшениями погребальных венцов [29]; самые изображения, видимо, повторяют фигуры всадников на реверсах боспорских медных монет. Схожие изображения всадников известны на меди [30] Рискупорида II (80—92 гг. н. э.), а также Савромата I (93—103 гг. н. э.) и особенно близкие на монетах Савромата II (176—186 гг. н. э.) [31]. Весьма разнообразны бусы: из пасты, стекла, алебастра, хрусталя (двенадцатигранная) и золота (в виде двойной трубочки). Посуда была стеклянная —

[28] Ср. Н. И. Сокольский. О боспорских щитах. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 20, рис. 4, *2*; стр. 22.

[29] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, вып. 1, стр. 40 сл., рис. 47—53; стр. 44.

[30] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 202, табл. XLVII, *4, 14*.

[31] Там же, стр. 204, табл. XLVIII, *9*.

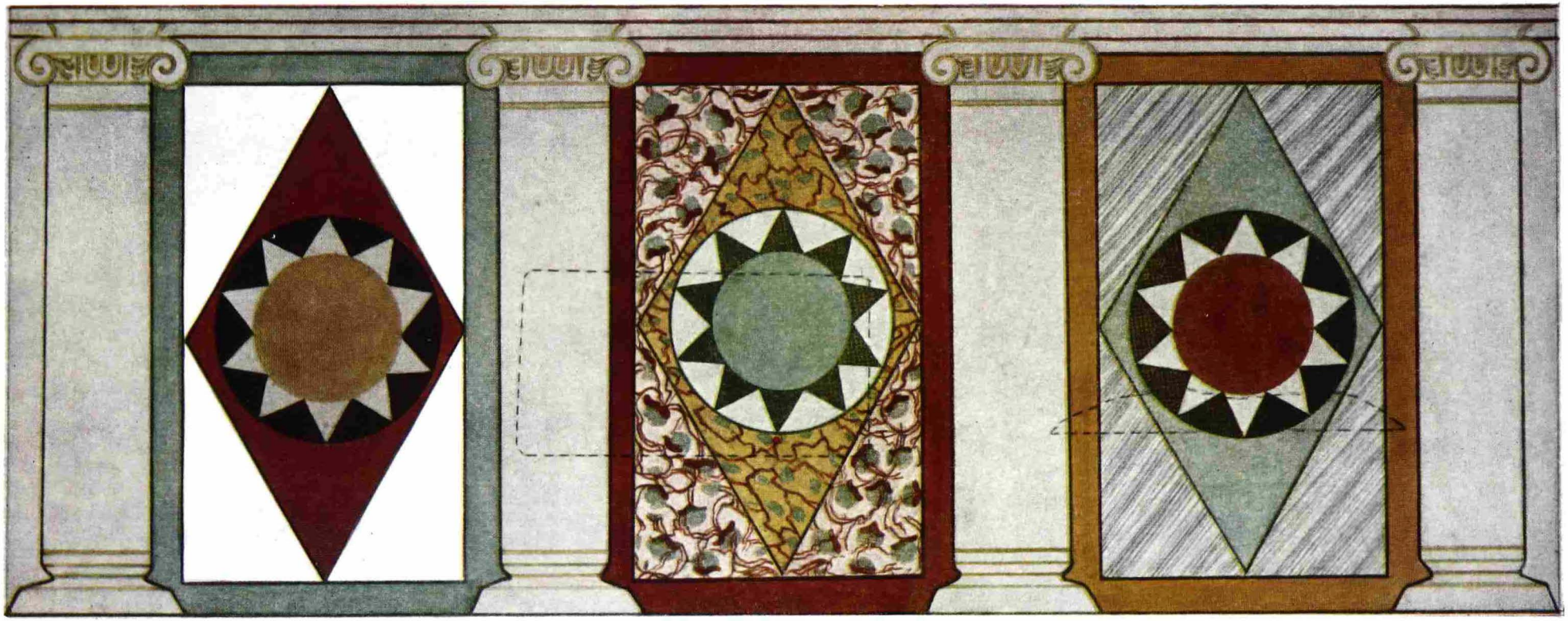


Рис. 22. Склеп 1934 г. Реконструкция росписи

бальзамарий (высотой 0,12 *м*), флакон (высотой 0,43 *м*, при диаметре 0,05 *м*) и осколки других сосудов, а также глиняная — черепки амфор и лепной горшок. Вероятно, игрушкой служила аккуратно отбитая ножка чернолакового канфара III в. до н. э. Далее упомянем открытый светильник на высокой профилированной ножке и костяной гребень из трех пластин: средняя из них, с зубьями, зажата между двумя образующими спинку, все три скреплены бронзовыми гвоздиками.

В склепе обнаружены по большей части плохо сохранившиеся медные монеты: одна из них, совершенно стертая, имела отверстие для подвешивания, другая римская — императора Траяна; лучше сохранился явно меньше бытовавший боспорский статер с легендой, Βασιλεὺς Ῥησκούπορις, вероятно принадлежавший Рискупориду V и, скорее всего, относящийся к первой группе статеров, чеканенных этим царем, которая датируется 237—257 гг. н. э.[32]. В переднем помещении, на полу, лежал костяк лошади, обращенный головой на юго-запад, а ногами на восток; такие захоронения коней вместе с покойниками встречались в пантикапейских могилах II в. н. э.[33].

Рис. 23. Могила около склепа 1954 г. Терракотовая фигурка мальчика с петухом

Рис. 24. Могила около склепа 1954 г. Терракотовая маска — голова ребенка

Весьма интересной чертой склепа 1954 г. было то, что он оказался сложенным из каменных блоков, взятых из другого, близкого по времени, расписного склепа. Обследование наружных сторон склепа 1954 г. подтвердило ранее сделанное наблюдение, что постройка была хищнической кладки. Так, некоторые блоки восточной стороны оказались расписанными с наружной стороны, а роспись внутренних сторон некоторых камней принадлежит более раннему склепу.

На основании этих остатков росписей оказалось возможным восстановить общий характер росписи этого склепа-предшественника, который во многом близок керченским склепам 1884, 1875 и особенно 1872 г. (рис. 22)[34]. Как и в названных

[32] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 208 сл., табл. L, *3*.

[33] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 242 сл.

[34] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись..., стр. 280 сл., 285 сл., 299 сл., табл. LXXII, *3*, *4*; LXXIII, *1*, *2*; LXXXIX и LXXXIV, *1*.

склепах, основным мотивом нижней части стенных росписей было изображение монументальной пышно украшенной ограды героона. Роспись имела два варианта. В одном на цоколе, облицованном рядом различных пестромраморных плит, стояли пилястры, чередующиеся с широкими прямоугольными полями, расчлененные ромбами, в которые вписаны круги и звезды, состоящие из полей, расписанных под пестрый мрамор, и разноцветные инкрустации. В другом варианте росписи были представлены такие же пилястры, но чередующиеся с ними прямоугольные поля, заполненные аналогичными по характеру мотивами, были узкими.

Завершая описание склепа 1954 г., отметим, что наиболее вероятной датой склепа-предшественника следует считать начало II, может быть, конец I в. н. э. Что же касается второго — дошедшего до нас склепа, то он, вероятно, был построен через сравнительно небольшой промежуток времени после первого. Во всяком случае, в нем хоронили покойников в течение II в. н. э., а равно и в следующем столетии.

В 28 *м* к северо-северо-западу от склепа была открыта могила значительно более раннего времени, заключавшая двух покойников: взрослого и ребенка. Взрослый покойник ориентирован головой на востоко-юго-восток; при нем были найдены раздавленная акварельная пелика и медная монета. Рядом со взрослым похоронен ребенок, ориентированный головой на западо-северо-запад. Ребенок лежал в гробу, судя по следам, длиной 0,95 *м* и шириной 0,3 *м*. Над детской могилой было сооружено перекрытие из шести соленов (длина их 0,58—0,595 *м*, ширина 0,425—0,46 *м*, толщина 0,017—0,023 *м*); край этого сооружения частично накрывал костяк взрослого. При детском костяке обнаружены два серебряных браслета, 23 стеклянные бусины, два сосуда, украшенные красноватыми поясками (одноручный высокий кувшинчик и двуручный кубок на высокой ножке), терракотовая фигурка мальчика с петухом (рис. 23), а также терракотовая маска ребенка в высоком головном уборе (рис. 24) эллинистического времени.

Таковы результаты работ на городище и некрополе Пантикапея в 1954—1958 гг., давших новые разнообразные материалы по истории города, его экономике, градостроительству, культуре и искусству. Среди них наиболее существенно открытие городского квартала архаического времени, а равно и установление большого размаха планировочных работ в жилых кварталах I в. до н. э. — первых веков н. э. Получено достаточно ясное представление о системе террас, связанной с этими работами. Большие масштабы строительных мероприятий, наблюдаемые в Пантикапее, недоступные другим боспорским городам, были тесно связаны с доминирующим положением столицы.

Т. М. МИНАЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ В УСТЬЕ р. УЗУН-КОЛ

Река Кубань получает свое начало от слияния рек Учкулан и Уллу-Кам. На 18 *км* выше слияния в р. Уллу-Кам впадает ее крупнейший левый приток — Узун-Кол.

В устье этой реки расположено древнее поселение, занимающее скалистый мыс водораздела между Узун-Кол и Уллу-Кам, сложенного из гранитных пород, сглаженных ледниками. С мыса хорошо видна долина р. Уллу-Кам и ущелье р. Узун-Кол. Склон мыса в сторону Уллу-Кам весьма крутой, поросший сосновым лесом; склон в сторону Узун-Кол открытый, безлесный, имеет несколько уступов с отвесными скалистыми обрезами.

На поверхности мыса, в его северном конце, выступает гранитная скала с плоской вершиной. В этой части мыса находится могильник. Вторая скала, срединная (как мы ее называем), возвышается на 300 *м* южнее первой. Она также имеет плоскую сглаженную поверхность. Возле этой скалы с южной ее стороны расположены жилые и хозяйственные сооружения поселения.

Поселение было обследовано нами дважды. В первый раз, в 1939 г., мы раскопали две могилы и одно жилище. В 1956 г. на поселении были произведены более широкие исследования: раскопано еще одиннадцать могил, четыре жилища и остатки двух башен.

Могильник данного поселения разделяется на две части. Первая группа могил расположена над дорогой, проходящей вдоль обрыва к р. Узун-Кол (рис. 1, *1*). Вторая группа занимает верхнюю часть мыса у первой гранитной скалы, по склону к р. Уллу-Кам (рис. 1, *2*).

Все могилы оказались ограбленными, некоторые из них даже двукратно.

Погребения могильника распределяются на две хронологические группы. К древнейшей относятся могилы первой раскопанной части могильника (за исключением одной, могилы № 9), к позднейшей группе — могилы второй части могильника и могила № 9 из первой части.

Погребальные сооружения древнейшей группы могил однородны. Могила представляет собой узкую прямоугольную яму, стенки которой выложены битым камнем. Могилы, имея приблизительно равную ширину (от 0,9 до 1,2 *м*) и глубину (от 0,9 до 1,2 *м*), варьируют по длине. Некоторые из них 3 *м* длины. Покрыты могилы поперечными плитами (от двух до шести); щели между ними заложены обломками камня. В большинстве могил имелись лежанки вдоль одной из длинных стен. В двух могилах в стене над лежанкой были сделаны небольшие ниши (рис. 2).

Ритуал погребения, несмотря на то что все могилы оказались нарушенными, восстанавливается полностью. В тех могилах, где сохранились остатки костяков погребенных, всегда оказывалось по два черепа — женский и мужской или взрослого человека и подростка. Можно утверждать поэтому, что могилы являлись, как правило, семейными. Погребенных укладывали на тонкие плиты, устилавшие дно могилы, вытянуто на спине, что соответствовало форме могилы. Ориентировка погребенных строго не

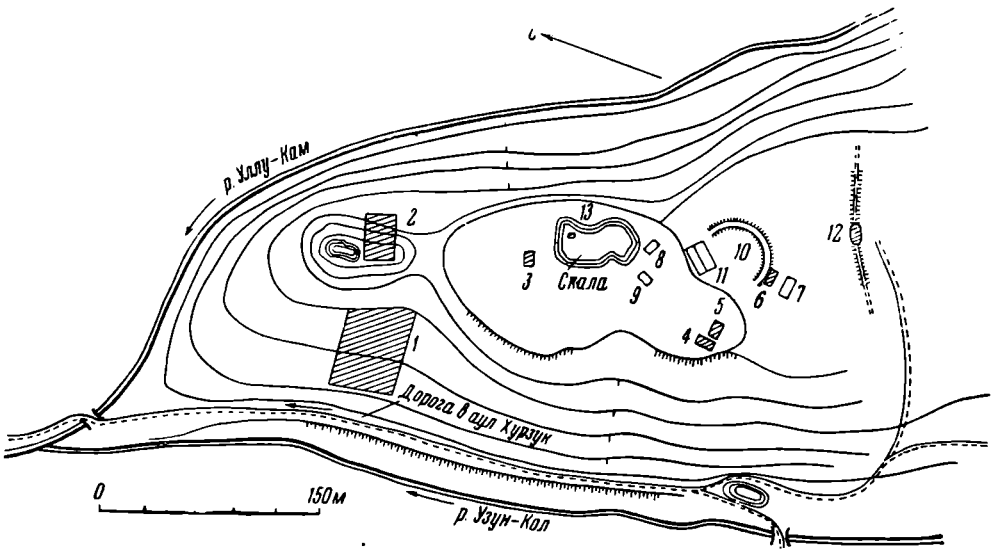


Рис. 1. Схематический план поселения в устье р. Узун-Кол

1 — нижняя часть могильника; *2* — верхняя часть могильника; *3—9* — жилища; *10* — площадь, огражденная круглым валом; *11* — сооружения из камня; *12* — развалины башни и вал; *13* — башня на срединной скале

выдерживалась. Можно предполагать, что и здесь, как в других могильниках верховьев Кубани, захоронения совершались не одновременно. При новом погребении кости ранее умершего сдвигались в сторону, а на его место помещали нового покойника. Интересно, что такой способ погребения практиковался у осетин в XIX в. (по свидетельству П. С. Уваровой) [1].

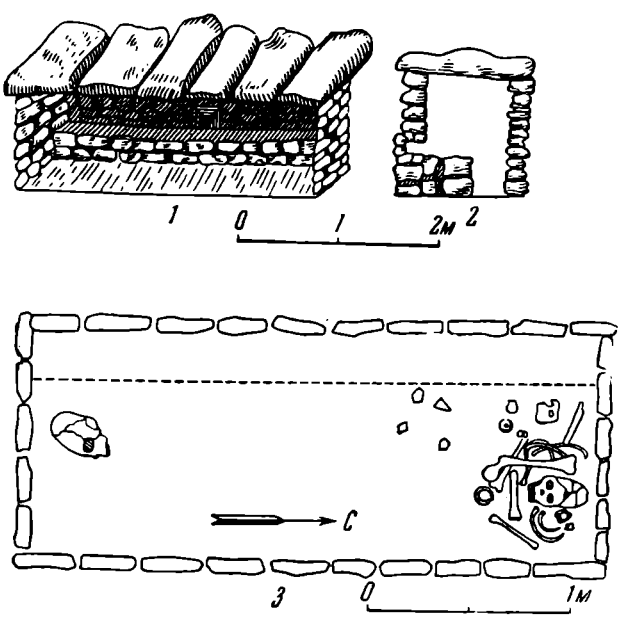


Рис. 2. Продольный и поперечный разрезы могилы № 4 и план могилы № 4

В могилу ставили пищу и напитки в нескольких сосудах строго определенных форм. Обязательным являлся крупный тонкостенный кувшин, помещавшийся в углу могилы у ног погребенного. Другие сосуды были средних размеров, встречались и совсем маленькие горшочки, кружки. В нишу ставили стеклянный кубок. Кости животных (овцы, коровы) найдены только в одной могиле; оставлять мясо умершему, по-види-

[1] П. С. Уварова. Могильники Северной Осетии. МАК, т. VII, М., 1900, стр. 330.

мому, не считалось непременным требованием ритуала. Черепа погребенных все, без исключения, были сильно деформированы.

Как по характеру погребальных сооружений, так и по ритуалу погребения древнейшего периода могильника однородны с могильниками многих других археологических памятников верховьев Кубани, например, могильниками у городища Гиляч, могильником на правой стороне Кубани

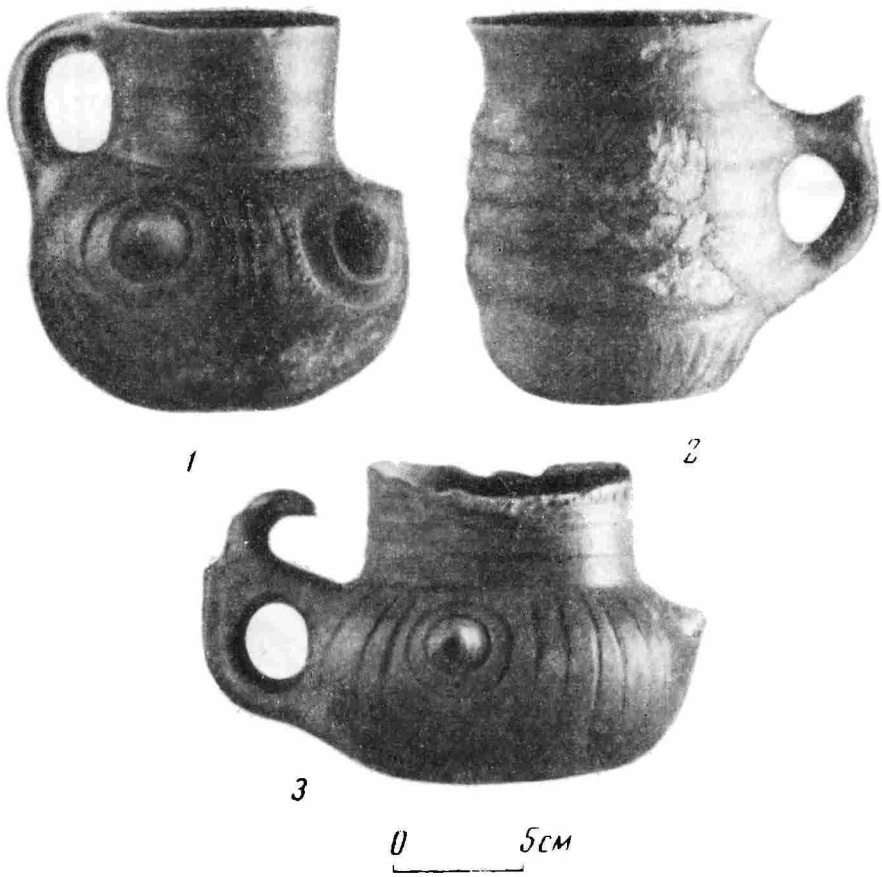


Рис. 3.

1 — сосуд из могилы № 7; *2* — глиняная кружка из могилы № 8; *3* — чернолощеный сосуд из могилы № 10

над аулом Карт-Джюрт, на горе Кльян-Кала [2], в местности Боулар на левом берегу Кубани, на месте г. Карачаевска, на месте станицы Усть-Джегутинской. Такого же устройства гробницы встречались и в других районах Северного Кавказа, например, в ущелье Уруха близ Задалиска [3].

В погребальном инвентаре Узун-Колского могильника первое место по количеству занимает посуда. Сосуды древнейшего периода чернолощеные и лепные. Глина по составу чистая, тесто плотное, хорошо промешанное, поэтому вся посуда тонкостенная. По формам сосудов в ней можно выделить несколько основных типов. Наиболее распространенным, встречавшимся в каждой могиле (иногда в нескольких экземплярах), является чернолощеный горшок средних размеров с шаровидным туловом, цилиндрической или слегка вогнутой шейкой, с сосочками на расширенной части тулова и с ручкой (рис. 3, *1*). Разновидностью этого типа являются точно такие же горшки, но без сосочков.

Ко второму типу относятся крупные кувшины, встречавшиеся в каждой могиле по одному. Размеры их значительно превосходят сосуды дру-

[2] В. М. Сысоев. Карачай. Сборник по описанию местностей и племен Кавказа, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 108, 109.

[3] П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 191—193.

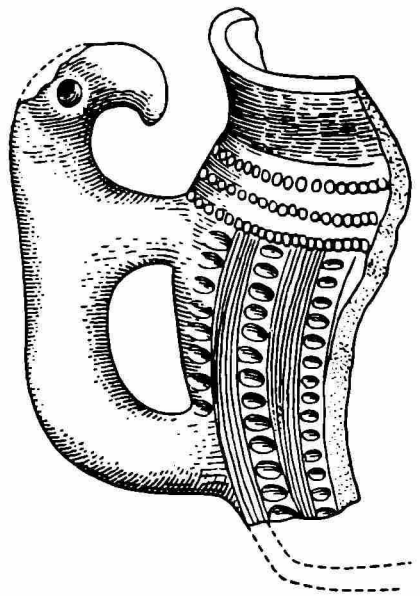


Рис. 4. Часть глиняной кружки из могилы № 4

гих типов. Некоторые кувшины достигают 0,5 *м* высоты. Форма их яйцевидная; у края — горла — носик трубочкой или желобком; по бокам два ушка; орнамент располагается по плечу. При значительном объеме кувшины, как правило, имеют весьма тонкие стенки, что характерно для данного типа посуды и наблюдается в керамике и других указанных выше однородных памятников верховьев Кубани.

Третий тип составляют небольшие кружки (рис. 3, *2*), найденные в значительно меньшем количестве.

Разнообразны ручки сосудов: некоторые из них вверху имеют шишечку, на некоторых имеется фигурка животного с головой хищной птицы (рис. 3, *3* и 4).

Орнаменты по рисунку однообразны, наносились преимущественно лощением: лощеные кружки у основания сосочка, вертикальные полоски по тулову горшка между сосочками, широкие вдавленные полоски по шейке горшка, пятнышки вокруг сосочков и ногтевые парезки, налепные валики, лощеные зигзаги. В качестве орнамента можно рассматривать и налепные сосочки — деталь, столь характерную для керамики эпохи раннего средневековья всей центральной части Северного Кавказа.

Расцвет этой керамики наблюдается в IV—V вв. н. э., но бытует она позже, вплоть до VIII в. н. э.

В могиле № 8 найден разбитый стеклянный кубок (рис. 5). Небольшие осколки такого же кубка лежали в могиле № 4.

Кроме керамики, в указанных могилах найдено некоторое количество украшений. Наиболее интересным и показательным для хронологического определения могил является бронзовое зеркальце с боковым ушком и с изображением свернувшейся змеи в виде шишечки на обороте (из могилы № 2; рис. 6, *9*). Изображение змеи не являлось только орнаментальным мотивом; с ним, по всей вероятности, связывались какие-то магические представления. Весьма возможно, что зеркальце кроме своего прямого назначения служило талисманом. По форме зеркальце принадлежит к типу так называемых зеркалец-подвесок, весьма широко распространенных в памятниках позднесарматского времени территории Европейской части СССР. В нем выявлены все основные признаки данного типа.

Подобные зеркальца известны в памятниках Северного Кавказа. В Усть-Лабинском могильнике они встретились в могилах четвертой хронологической группы — I в. до н. э.— II в. н. э. [4].

Рис. 5. Стеклянный кубок из могилы № 8

[4] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 203, рис. 18, *6*.

В Таркинском могильнике они найдены в нескольких погребениях I—II вв. н. э.[5]. В то же время они распространяются и в Нижнем Поволжье[6]. В несколько более позднем комплексе Бережновского могильника, раскопанного И. В. Синицыным в 1954 г., найдены подобные зеркальца. Первыми веками нашей эры датируются зеркальца-подвески в сарматских

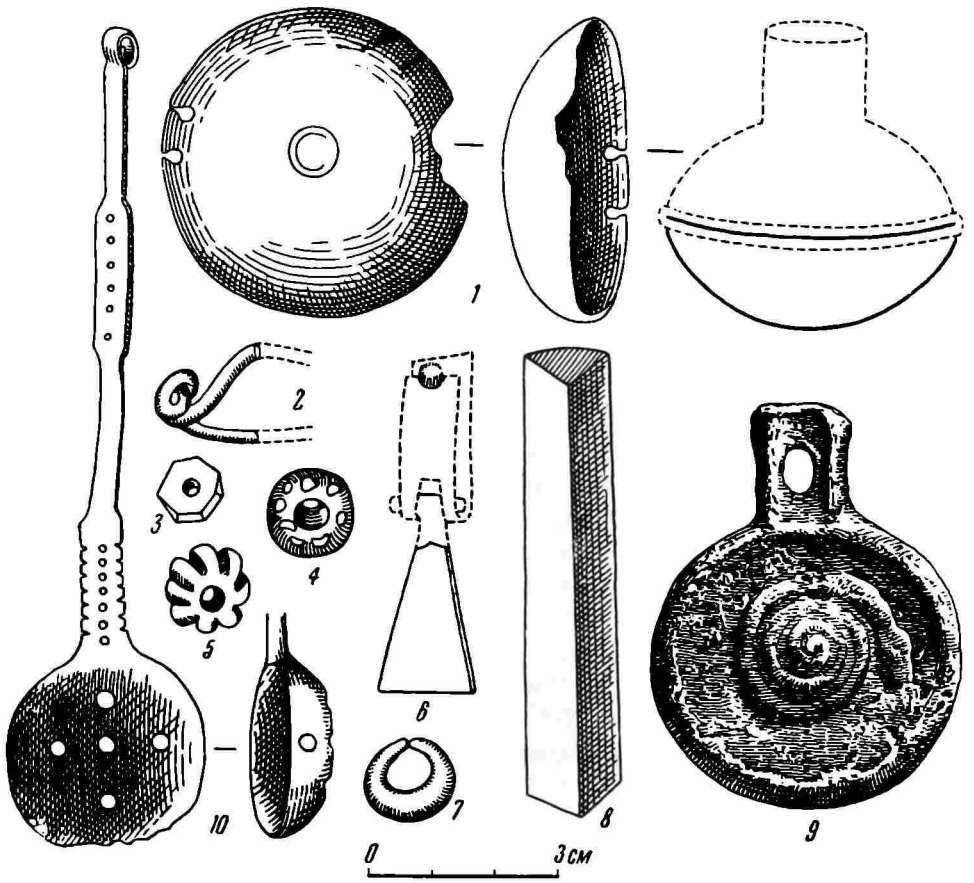


Рис. 6. Инвентарь могил № 1 и 2

1 — бронзовый флакон для благовоний; *2* — бронзовая фибула; *3* — бронзовая бусина; *4* — бусина из пасты; *5* — стеклянная бусина; *6* — бронзовый наконечник ремня; *7* —золотая серьга; *8* — трехгранный камень; *9* — бронзовое зеркальце; *10* — бронзовая ложечка-цедилка

памятниках Украины, например, в могильнике в окрестностях с. Ново-Филипповки Запорожской области[7]. Наиболее вероятной датой узун-кольского зеркальца будет III в. н. э. Относить его к более позднему времени не позволяет тот факт, что для IV в. н. э. в верховьях Кубани эта форма зеркал не характерна. Она сменяется здесь зеркалами из «белого» сплава, с петлей в центре и рельефным геометрическим орнаментом.

Такой датировке зеркальца не противоречат и другие вещи, найденные в той же могиле: золотая серьга «калачиком» (рис. 6, *7*), бусы (рис. 6, *3—5*), бронзовая треугольная пластинка, которую мы рассматриваем как остаток наконечника ремня, трехгранный камешек из могилы № 1 (рис. 6, *8*). Все эти вещи находят себе многочисленные аналогии в сарматских погребениях II—III вв. н. э.

Полусферический предмет из могилы № 2, изготовленный из очень

---

[5] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, стр. 223, рис. 8, *7*.

[6] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

[7] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, табл. V, *8*, *9*.

тонкого бронзового листа, представляет собой, по всей вероятности, нижнюю часть флакона для благовоний (рис. 6, *1*). Ближайшей аналогией ему является флакон из бронзового с посеребрением листа из могилы № 13 Гилячского могильника [8]. Золотой флакон известен из раскопок Н. И. Веселовского в 1902 г. на юрте ст. Усть-Лабинской [9]; серебряный флакон найден близ станицы Старомышастовской Кубанской области [10], серебряный флакон — на горе Мажары б. Саратовской губ., верхняя часть бронзового флакона с шейкой и крышечкой на ней — близ с. Альт-Веймар в Нижнем Поволжье; серебряный флакон — близ дер. Переездной [11]. Примеры эти можно было бы значительно увеличить.

Наиболее ранним экземпляром этого рода предметов является золотой флакон из так называемого Новочеркасского клада, с изображением барса и орла, терзающих оленя [12], наиболее поздней находкой —серебряный флакон из могильника близ с. Новомихайловского бывш. Черноморской губ. [13]. А. А. Спицын датировал Новомихайловский могильник VI—VII вв. н. э., но возможно, что он существовал и в VIII в. н. э. Бытуя на протяжении почти тысячелетия, предметы эти не могут служить твердой опорой при датировке памятника.

В могиле № 2 найдена бронзовая ложечка-цедилка (рис. 6, *10*). Подобные «ложечки» известны в могильниках городищ Гиляч IV—V вв. н. э., в Усть-Тебердинском могильнике VIII—IX вв. [14], в могильнике того же времени близ Амгаты на р. Теберде [15], в раскопках В. М. Сысоева в 1896 г. близ Хумары. Встречались они в могильниках Камынте-Тих близ сс. Камунта, Рутха, Кумбулта, Кобань, близ колонии Константиновки, в Малой Песчанке и в других местах центральной части Северного Кавказа. Кроме того, найдены они на Северном Донце в Салтовском могильнике. Назначение предмета отчасти определяется тем, что ложечки эти подвешивались на одном колечке с зубочисткой и копоушкой, т. е. с женскими туалетными принадлежностями, следовательно, и они относятся к принадлежностям женского туалета. Быть может, в них процеживались и растирались какие-либо красящие или наркотические вещества. Предмет этот заслуживает внимания потому, что он, наряду с керамикой, является специфической принадлежностью культуры северокавказских аланов, тогда как другие металлические вещи были общими для многих синхронных культур Восточной Европы.

В могиле № 7 найден серебряный наконечник ремня с тремя глазками, с красными плоскими стеклами. Такой же наконечник был найден в склепном погребении в 1929 г. в окрестностях с. Былым Кабардинской АССР. Здесь он обнаружен в сопровождении вещей (портупейной застежки, пряжек и др.), по типу близких вещам из преградненской находки [16], но отличающихся от них вставками из красного стекла в золотых гнездах (преградненские вещи имеют прорезной орнамент). Это позволяет нам датировать комплекс из с. Былым, а в том числе и наконечник из могилы № 7, более ранним временем по сравнению с преградненской находкой (VI в. н. э.) и относить его к V в. н. э.

---

[8] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, стр. 282, рис. 8, *5*.

[9] ОАК за 1902 г., стр. 83, рис. 184.

[10] ОАК за 1897 г., стр. 64, рис. 157.

[11] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903 г. М., 1907, стр. 50, 51, рис. 14

[12] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, стр. 132, рис. 158.

[13] А. А. Спицын. Могильник VI–VII вв. Черноморской области. ИАК, вып. 25, СПб., 1907, рис. 5.

[14] Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7, Ставрополь, 1955, стр. 267—269, рис. 7, *3*.

[15] Там же, рис. 7, *5*.

[16] Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 133—137.

Таким образом, анализ инвентаря древнейших могил Узун-Колского могильника дает основание датировать эти погребения III—V вв. н. э.

Могилы позднейшего периода по характеру погребальных сооружений делятся на две группы. К первой относятся гробницы, совершенно подобные могилам древнейшего периода (могила № 13), ко второй — грунтовые прямоугольные ямы без каменных стенок и покрывающих плит (моги-

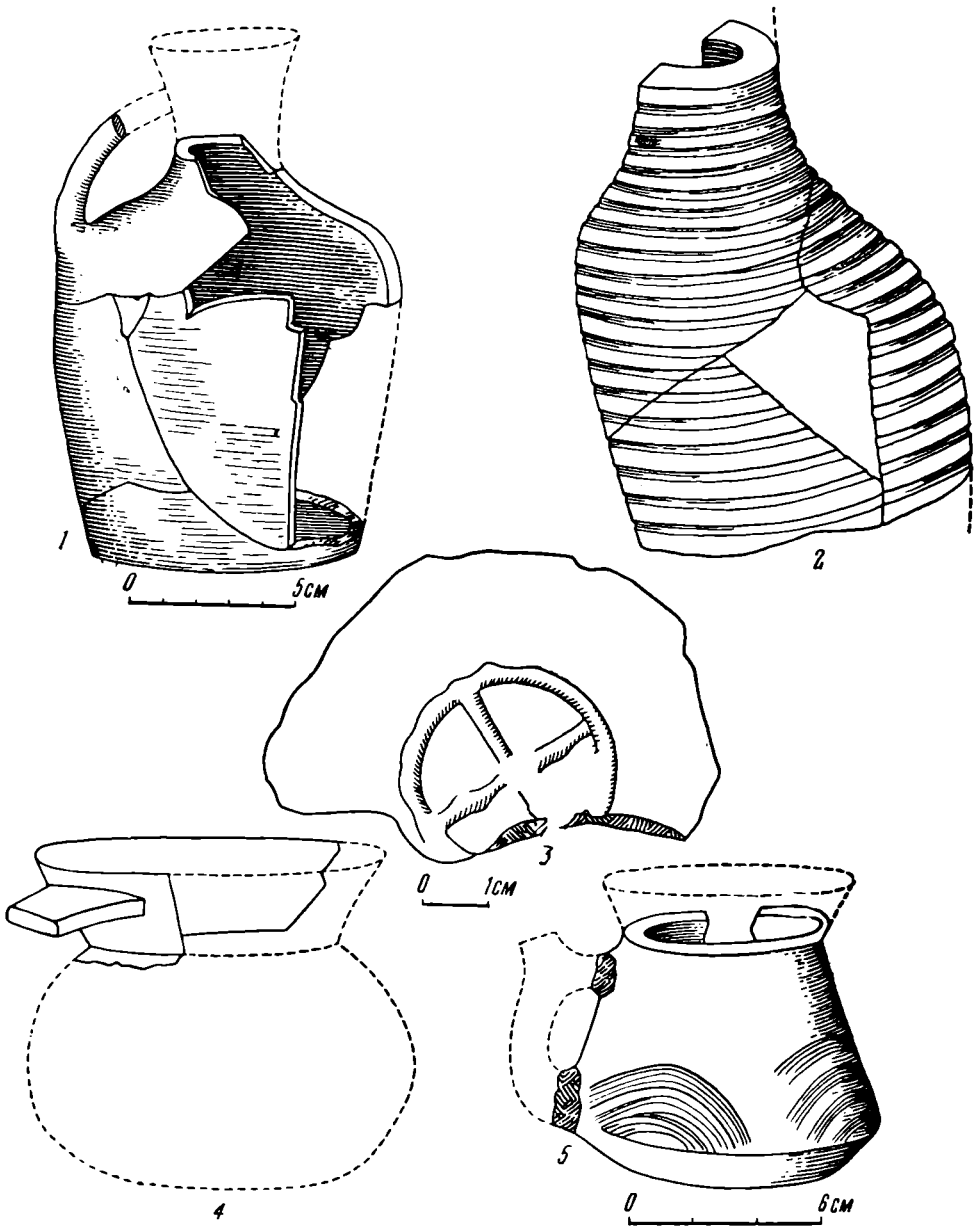


Рис. 7. Керамика

1 — могила № 11; *2*, *3* — могила № 12; *4*, *5* — могила № 13

лы № 9, 11, 12). Особенностью этих могил являлась посыпка дна древесным углем, что в могилах древней стадии не наблюдалось. Черепа погребенных и в этой группе могил оказались деформированными.

Инвентарь этих погребений заметно отличается от инвентаря могил древнейшего периода. Керамика в некоторой своей части сохраняет прежние формы; например, в могиле № 9 оказался горшок с сосочками, в могиле № 11 — два горшка такого же типа, в могиле № 12 найден хорошо знакомый нам по погребениям древнего периода крупный кувшин с носиком трубочкой и горшки с сосочками.

Но наряду со старыми здесь появляются новые формы керамики.

В могиле № 11 обнаружен разбитый сосуд из хорошо обожженной красной глины, изготовленный на гончарном круге. В изломе черепок гладкий, одноцветно-красный. По форме сосуд напоминает бутылку с широким дном (рис. 7, *1*).

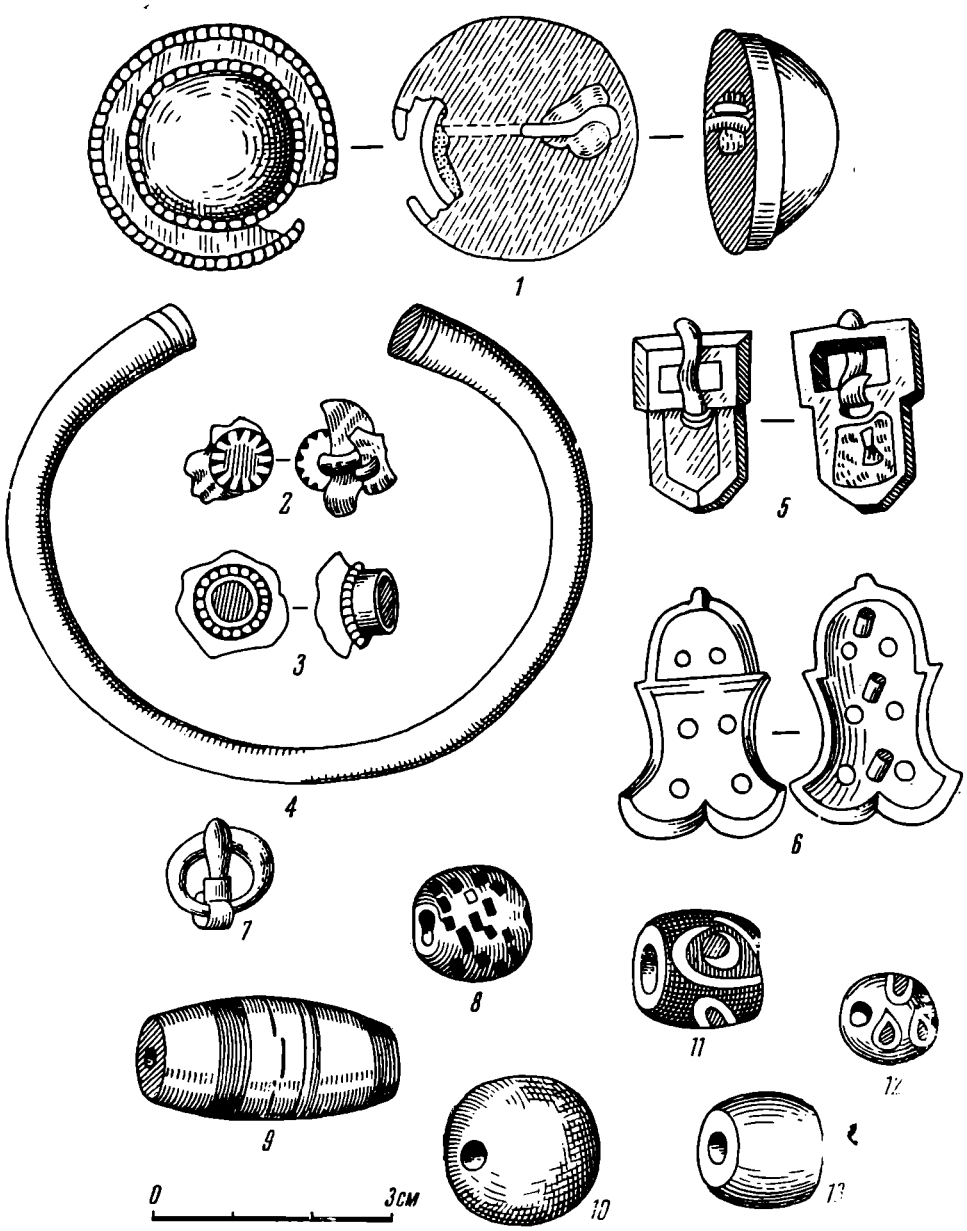


Рис. 8. Инвентарь могилы № 11

1 — бронзовая бляшка со стеклянной вставкой; *2* — бронзовая бляшка с остатками ремня; *3* — бронзовое гнездо с плоской стеклянной вставкой; *4* — бронзовый браслет; *5*, *7* — бронзовые пряжки; *6* — бронзовая бляшка; *8*—*13* — бусы

В засыпи могилы № 12 найдены черепки сосуда из точно такой же глины, сделанного тоже на круге, по форме близкого к бутылке, орнаментированного параллельными вдавленными линиями (рис. 7, *2*). В этой же могиле найден обломок дна сосуда со знаком в виде круга с крестом (рис. 7, *3*). Подобная керамика была неизвестна не только в древнейших погребениях Узун-Колского могильника, но и в других могильниках верховьев Кубани. Это явление новое для данной территории. Подобные формы керамики встречались в могильниках Восточного Причерноморья — Борисовском, Агойском и в крымском могильнике Суук-Су. В более древней части Борисовского могильника (VI—VII вв. н. э.) был найден кувшин из хорошо обожженной красной глины, весьма близкий

изображенному на рис. 7, *1* [17]. Такие же сосуды оказались в склепе № 34 могильника в Чуфут-Кале, исследованного в 1956 г. В. В. Кропоткиным. Могильник датируется исследователем VI—VII в. н. э. [18].

В могиле № 13 обнаружены обломки посуды, органически развившейся из форм предшествующего времени. Ее хронологическое определение можно сделать на основании сходства с керамикой из Песчанки. Наиболее показательны в этом смысле воронкообразное горло чернолощеного горшочка (рис. 7, *4*) и маленький горшок с резким ребром в нижней части тулова (рис. 7, *5*). Подобные формы характерны для гробниц из Песчанки, где их инвентарь датируется монетой Юстиниана концом VI—VII вв. н. э. Из этого следует, что хронологические показания красноглиняной керамики из могилы № 11 и керамики из могилы № 13 вполне согласуются.

Кроме глиняной, в рассматриваемых погребениях встретилась стеклянная посуда в виде обломков от двух кубков в могиле № 11. Один из них был подобен кубку из могилы № 8, другой имел более высокую ножку. Известны стеклянные кубки и в Борисовском могильнике [19]. Стеклянная посуда в памятниках верховьев Кубани немногочисленна. По общему своему характеру и по качеству стекла она довольно близка к стеклянной посуде из керченских гробниц. По-видимому, из Керчи она и доставлялась в верховья Кубани.

Из предметов украшений для датировки могильника интересны бронзовая бляшка с шестью круглыми прорезями (рис. 8, *6*) и бронзовая пряжка с прямоугольным кольцом (рис. 8, *5*). Совершенно такие же вещи характерны для первой части Борисовского могильника VI—VII вв. н. э. [20] и для других одновременных ему могильников Восточного Причерноморья. В данной связи большое значение имеют крымские памятники. Древнейшие погребения могильника Суук-Су определяются монетами V—VII вв. н. э. В нем также встречались металлические бляшки, подобные бляшкам из могилы № 11 [21]. Того же типа бляшки были найдены В. В. Кропоткиным в могильнике Чуфут-Кале, в склепе № 34, датируемом VI—VII вв. н. э. [22].

Для определения времени позднейших могил Узун-Колского могильника имеет значение коллекция предметов из случайно разрытого погребения близ ст. Преградной на р. Урупе; в ней имеются некоторые вещи, тождественные вещам из узун-колской могилы № 11. Комплекс преградненской находки совершенно однотипен с Мартыновским кладом, который датируется VI в. н. э. [23].

Показателен в хронологическом отношении бронзовый перстень, обтянутый серебряным листком, из могилы № 9 (рис. 9, *5*). Глазок, вероятно, был стеклянный и держался в гнезде с лапками. В могильниках IV—V вв. Верхней Кубани нет перстней; это украшение появляется позже. Перстни имеются в гробницах языческого периода городища Адиюх, в Усть-Тебердинском могильнике. Наличие перстня — один из доводов, заставляющих относить могилу № 9 к позднейшему периоду.

В могиле № 9 обнаружен предмет неясного для нас назначения. Он состоит из двух бронзовых посеребренных трубочек, соединенных на одном конце общей обоймой, на противоположном конце и в середине имелись обкладки из узких металлических пластинок (рис. 9, *14*). Такой предмет в памятниках Верхней Кубани появляется впервые. Ближайшую аналогию

[17] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. ИАК, вып. 56. Птрг., 1914, стр. 137, рис. 24, *1*.

[18] В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 209.

[19] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 138.

[20] Там же, рис. 20.

[21] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, рис. 75.

[22] Выставка для сессии ИИМК АН СССР о результатах археологических раскопок в 1956 г.

[23] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 81—83.

ему имеем в Верхне-Черюртовском могильнике (Дагестан, правый берег р. Сулака), исследованном И. П. Костюченко в 1956 г.[24]. Здесь в таких же парных бронзовых трубочках находились железные иголки. Могильник датируется монетами и индикациями монет VII в. н. э. Весьма вероятно, что трубки из могилы № 9 также служили игольником и бытовали в Прикубанье в то же время, что и дагестанские.

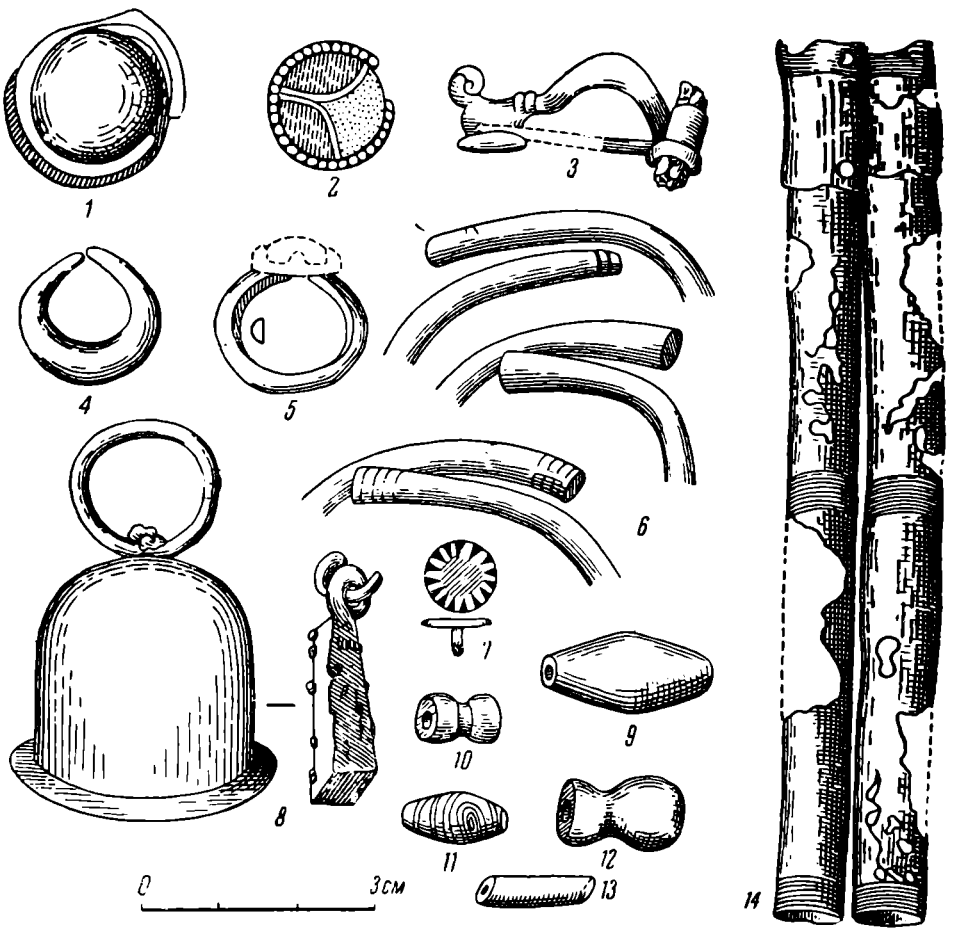


Рис. 9. Инвентарь могилы № 9

1 — бронзовая бляшка с перламутровой вставкой; *2* — бронзовая бляшка с плоскими стеклянными вставками; *3* — бронзовая фибула; *4* — бронзовая серьга; *5* — бронзовый перстень; *6* — бронзовые браслеты; *7* — бронзовая бляшка; *8* — бронзовый колокольчик с железным язычком; *9—13* — бусы; *14* — бронзовые с посеребрением трубочки (игольник?)

Наиболее убедительные свидетельства хронологической разницы могил первой и второй стадий могильника дают остатки конского убора из могилы № 11: железные удила, пряжки от подпруги и стремя (рис. 10). В памятниках верховьев Кубани принадлежности конского убора встречались редко. Удила с прямыми псалиями были найдены в могиле № 33 могильника Байтал-Чапкан. В могиле № 29 того же могильника оказались удила, сильно изъеденные ржавчиной; в могиле № 18 Гилячского могильника обнаружены удила с прямыми псалиями. Удила узун-колской могилы отличаются от них наличием псалий с плоским нижним концом и изогнутым верхним. Подобные удила были найдены в древнейшей части Борисовского могильника[25].

Форма узун-колского стремени — ранняя. Петля для подвешивания образована изгибом дужки, пластинчатая подножка не имеет еще ребра с наружной стороны. Такой формы стремена среди стремян более поздних

[24] Материал могильника демонстрировался на конференции археологов Кавказа в октябре 1956 г. в г. Ереване.

[25] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 127, рис. 18.

форм имеются в Воскресенском кладе VIII в. н. э.[26]. Не только наличие стремян более поздних форм, но и формы удил и бляшки с растительным орнаментом не позволяют считать Воскресенский клад одновременным инвентарю могилы № 11. В инвентаре этой могилы отчетливо выражены более ранние черты. В курганах Прикубанья VIII—XI вв. н. э. встречаются стремена с плоской прорезной петлей; такие стремена оказались в кургане № 10 у ст. Тульской, раскопанном Н. И. Веселовским в 1897 г.[27].

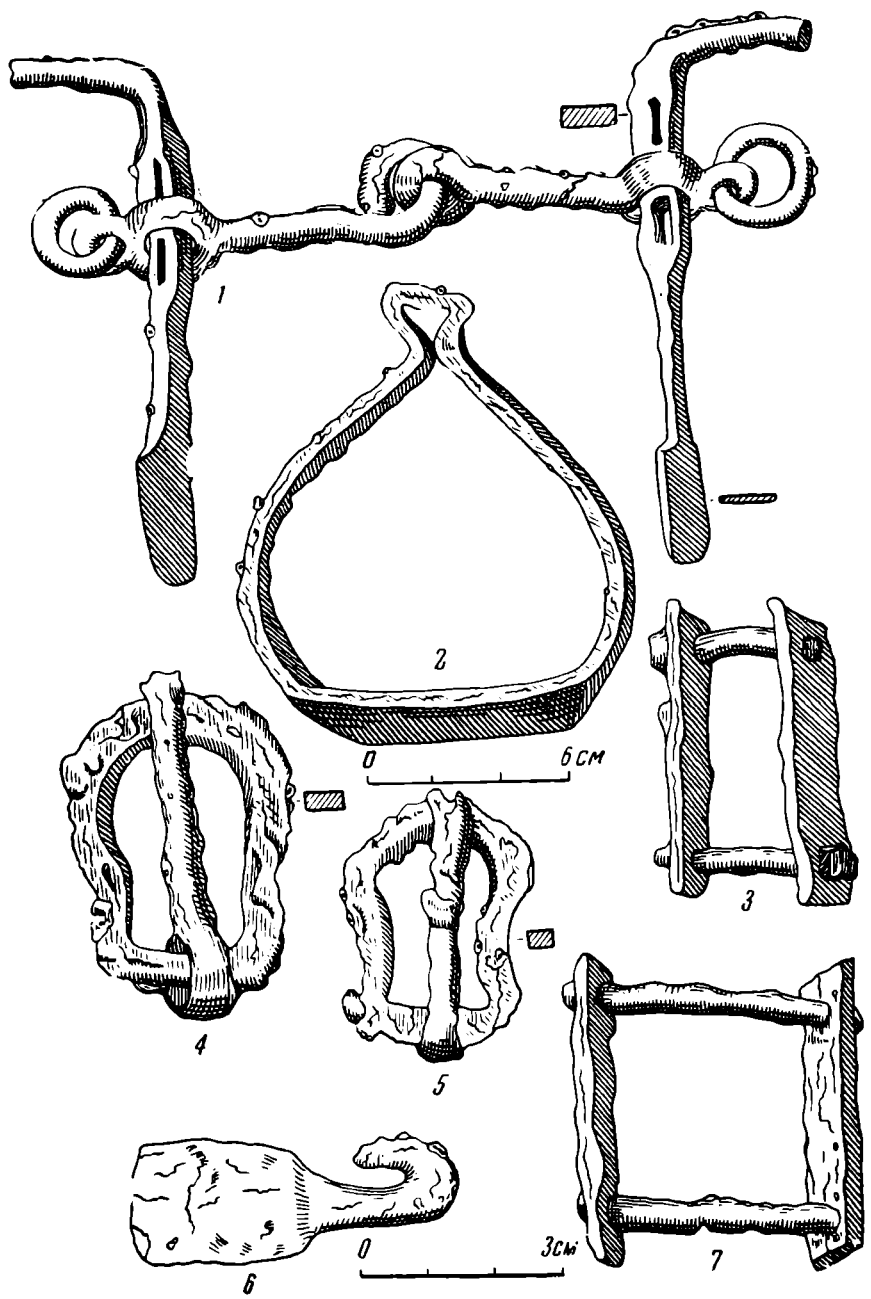


Рис. 10. Инвентарь могилы № 11

1 — железные удила; *2* — железное стремя; *3—7* — железные пряжки от подпруги

Особенно важные для нас хронологические данные содержат материалы из Галиатского склепа, так как это памятник той же культурной группы, что и изучаемый нами могильник. Склеп, как известно, датируется серебряным арабским дирхемом первой половиной VIII в. н. э.[28], а между

[26] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 11, рис. 3.
[27] ОАК за 1897 г., стр. 21.
[28] Е. И. Крупнов. Галиатский могильник. ВДИ, 1938, № 2, стр. 119.

тем в инвентаре этого погребения ярко выражены черты более поздние по сравнению с инвентарем узун-колской могилы № 11.

В Галиатском склепе найдены стремена с высокой пластинчатой петлей для подвешивания и резко выгнутой вверх подножкой, удила с высокими прямоугольными петлями и прямыми или эсовидными псалиями, поясные бляшки с растительным орнаментом. В склепе не оказалось вещей с инкрустацией; керамика Галиатского склепа явно более поздних форм по сравнению с узун-колской. На галиатских кувшинах уже нет черного лощения, а сосочки, столь характерные для керамики раннего периода, превратились здесь в едва заметные шишечки; орнамент, в виде резко очерченной каймы, перенесен с плеча на самую выпуклую часть тулова; в могиле № 11, наряду с новой красноглиняной керамикой, сохраняются еще старые формы в своем типичном виде. Сохраняются в ней и бляшки со вставками стекла и перламутра, чего не было в Галиатском склепе. Следовательно, могила № 11 Узун-Колского могильника должна относиться к более раннему времени, чем Галиатский склеп. Наиболее вероятной ее датой будет VII в. н. э.

Таким образом, анализ погребального инвентаря приводит нас к убеждению, что поздняя стадия Узун-Колского могильника датируется VI—VII вв. н. э.

Поздний период могильника является непосредственным продолжением раннего, последующей ступенью в развитии одной и той же культуры. Благодаря этому могильник представляет особый интерес; он освещает период, по которому мы до сих пор не имели археологических данных.

До исследования Узун-Колского могильника мы не могли наметить схему последовательных этапов развития культуры на территории Верхней Кубани в I тысячелетии н. э. Теперь этот пробел до некоторой степени восполняется.

В этот период появляются новые черты в ритуале (посыпка дна могильной ямы углем), появляются новые категории предметов в погребальном инвентаре (перстни, к концу периода — стремена, а следовательно и седла), появляется впервые гончарная керамика, т. е. зарождаются черты, характеризующие последующую ступень культуры алан, представленную могильниками Амгаты и Усть-Тебердинским.

Определение народности, оставившей Узун-Колский могильник, не представляется сложным. Как ритуал погребения, так и погребальный инвентарь настолько характерны и типичны для аланских памятников верховьев Кубани, что мы с твердой уверенностью определяем и этот вновь открытый памятник как аланский. Он в то же время полностью совпадает по культуре с широкоизвестными памятниками центральной части Северного Кавказа — могильниками соответствующего времени Камунты, Кобани, Чми, Балты, Дзивгиса, Корца и др.

Вопрос о заселении аланами ущелий Большого Зеленчука, Теберды, Кубани освещался в литературе (вспомним работы В. Ф. Миллера, Клапрота и др.). Нам в свою очередь приходилось высказываться по этому вопросу в печати.

Жилые сооружения данного поселения (рис. 1, *3—9*) одновременны более поздней стадии могильника. Они относятся, судя по керамике, к VII в. н. э.

Несмотря на то, что в могилах № 11 и 12 оказались сосуды, изготовленные на гончарном круге, в культурном слое жилищ керамика была лепной. По формам она более богата и разнообразна, чем керамика из могильника. В ней преобладали крупные нелощеные сосуды бурого цвета типа корчаги, употреблявшиеся для хранения продуктов и ни разу не встретившиеся в инвентаре могильника. Этому виду посуды свойствен орнамент из грубых гладких налепных валиков. Распространены были крупные кувшины с носиком или оттянутой губой для слива — водоносы. Употреблялись в быту небольшие кружки с плоскими ручками, с двумя

отверстиями, лощеные горшочки с воронкообразным горлом, совсем маленькие (5—6 *см* высотой) чернолощеные чашечки, служившие столовой посудой, толстые глиняные блюда и др.

Орнамент наносился лощением, резными линиями, налепным валиком; иногда валик украшался штампованным узором в виде «елочки». Тождественный орнамент был распространен в керамике городища Адиюх [29] и в Агач-Калинском могильнике [30].

Кроме обломков посуды, в жилище № 2 возле очага найдена бусина синего стекла с белым зигзагом (рис. 11, *2 б*), а у входа — точильный брусок; на полу жилища № 1 было найдено плоское пряслице.

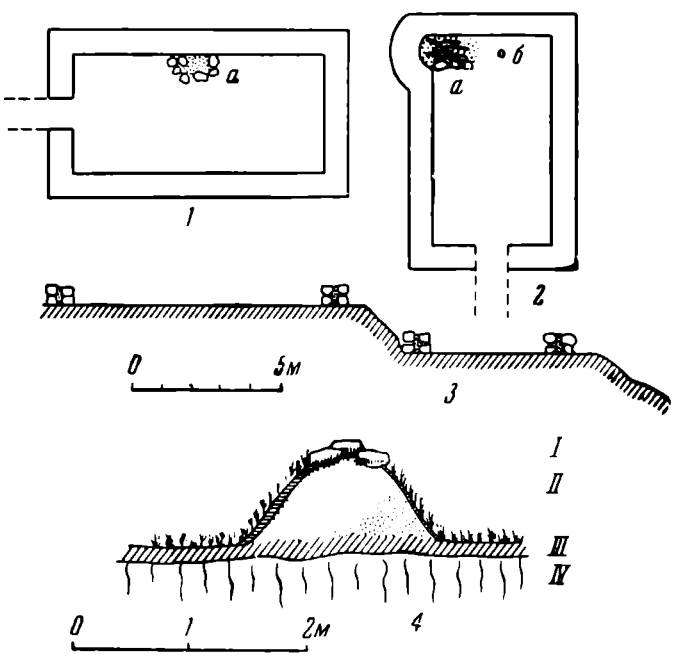


Рис. 11. Планы жилищ

1 — жилище № 3 (*а* — очаг); *2* — жилище № 2 (*а* — очаг, *б* — бусина на полу жилища); *3* — профиль расположения жилищ № 2 и 3; *4* — разрез круглого вала (*I* — камни, укреплявшие вал, *II*—песчано-глинистая насыпь, *III* — погребенная почва, *IV* — материк)

Восстановить тип жилища поселения можно только в общих чертах, так как сохранились от них по существу только следы; сравнительного материала мы также не имеем, потому что поселения данной культуры в верховьях Кубани исследуются впервые. Стены жилищ складывались из двух параллельных рядов битого камня; пространство между ними заполнялось землей и мелкими камнями. Стена имела толщину 0,7—0,8 *м*. Все жилища были удлиненно-прямоугольными, размеры их колебались от 4,7 × × 2,6 до 10 × 7 *м*.

Все они состояли из одного помещения. Вход в жилище устраивался двояко: или посредине одной из поперечных стен (жилище № 2), или в углу (жилище № 4). Очаг помещался у дальней от входа стены, в углу (жилища № 2, 4); дымоход полуцилиндром выступал с наружной стороны жилища и в виде круглой трубы поднимался, вероятно, над крышей (рис. 11, *2*). Иногда очаг устраивался возле одной из длинных стен (жилище № 3); дымоход в таких случаях, очевидно, проходил сквозь крышу. Устройство очага заставляет предполагать наличие надочажной цепи, на которой подвешивался котел для варки пищи. Судя по обгоревшим плахам, найденным на полу жилища № 4, крыша жилища имела деревянный настил. По данным этнографии можно предполагать, что она была плоской и состояла из деревянного настила, покрытого хворостом и присыпанного землей и глиной. Плоскую крышу до сих пор имеют жилища осетин, в быту которых естественно искать наиболее близкие связи с аланами.

Жилища данного поселения не отличались прочностью. Строились они наскоро и часто переносились с места на место, поэтому культурный слой возле жилищ почти не выявляется. Размещались они по площади поселения широко и в полном беспорядке.

---

[29] Т. М. Минаева. Городище на балке Адиюх в Черкесии. Сборник трудов Ставропольского пединститута, вып. 9, Ставрополь, 1955, стр. 129—172.

[30] К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—119.

Жилища не сопровождались никакими хозяйственными пристройками. При них не было пристроек ни для скота, ни для хранения пищевых запасов, ни ям хозяйственного назначения. По всей вероятности, это были временные летние жилища, необходимые для жилья в период сезонного выпаса скота. Такое истолкование характера поселения объясняет факт почти полного отсутствия в культурном слое жилищ костей животных, так как в весенне-летний сезон скот не убивали, пища в основном состояла из молочных продуктов. Понятным делается и небольшое количество могил в могильнике, функционирующем в течение большого отрезка времени.

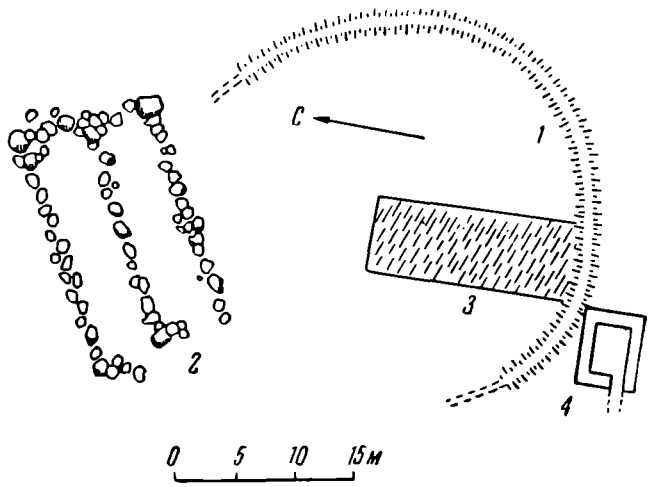


Рис. 12. План загонов для скота

1 — круглая площадка для овец; *2* — каменные строения для крупного скота; *3* — раскопанный участок; *4* — жилище № 4

Географические условия местности были весьма благоприятны для сезонного выпаса скота. По ущелью р. Узун-Кол и по склонам гор, ограничивающих это ущелье, имеются значительные луговые площади, еще больше их по долине Уллу-Кам. Отсутствие хищных зверей и насекомых, которые беспокоили бы животных, отсутствие сильной жары благодаря высоте и близости снегового Эльбруса, а также обилие воды делало этот район как нельзя более подходящим для летнего выпаса скота. Ущелье и до настоящего времени широко используется местным населением для этой же цели. Суровость климата зимой и снеговые заносы, вероятно, мешали образованию здесь постоянного поселения.

Поселение в устье р. Узун-Кол принадлежало родовой общине или некоторой части рода, сообща владевшей основным своим богатством — скотом, о чем красноречиво свидетельствуют общие загоны для скота.

В качестве загонов для скота мы рассматриваем круглую площадь, обнесенную земляным валом (разрез вала см. на рис. 11, *4*), и узкие длинные помещения, примыкающие к ней с северной стороны (рис. 12). В круглую ограду, по всей вероятности, загонялся мелкий рогатый скот — овцы, козы. На данной площади могло поместиться от 1200 до 1500 овец. В длинные узкие ограды с каменными стенами могли загонять крупный рогатый скот. Кости двух этих пород домашних животных были нами обнаружены как в могильнике, так и на поселении.

Культурный слой в круглом загоне оказался незначительным по мощности, что подтверждает наш взгляд на поселение как на место временного, сезонного пребывания скотоводов. Это был так называемый отгонный (яйлажный) тип скотоводства, бытовавший у народов Кавказа уже в начале I тысячелетия до н. э. [31].

Основным занятием жителей поселка был, конечно, уход за скотом. Возможно, что специальную охрану скота в ночное время несли люди, населявшие жилище № 4, располагавшееся в непосредственном соседстве с загонами. Здесь же, на поселении, производилась обработка молочных продуктов, отправлявшихся время от времени на место постоянного жительства, на «зимовье», где имелись хозяйственные приспособления для их

[31] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 75, 76.

хранения и где они могли использоваться не только в пищу, но и в качестве меновой ценности.

Для защиты поселения с южной его стороны, где подход к нему более всего доступен, была воздвигнута башня (рис. 1, *12*) значительной высоты, судя по количеству камня, обрушившегося с ее стен. Она, без сомнения, имела оборонное, боевое назначение. Дополнением к ней служил неглубокий ров, перерезавший площадь мыса от склона к р. Уллу-Кам до склона к р. Узун-Кол. Вдоль рва, вероятно, первоначально проходил каменный забор или плетень.

Вторая башня (рис. 1, *13*) служила для «дозора». Это был наблюдательный пункт, о чем говорит ее местоположение на высокой срединной скале. С башни хорошо и далеко были видны склоны ущелья Узун-Кол и широкая долина Уллу-Кам в северном от поселения направлении, где пасли скот, за которым вели охранные наблюдения.

Строились оборонительные сооружения силами всей общины с тем расчетом, чтобы они могли служить долго. Отсюда можно сделать вывод, что данная территория была освоена определенным родом на долгое время, родовая община смотрела на нее как на свою постоянную собственность, иначе члены общины не стали бы затрачивать столько труда и сил на сооружение оборонительных укреплений.

От кого охраняли скот и поселение? Внешнего врага в данном пункте неоткуда было ожидать. Ущелья с юга закрыты снеговыми склонами Главного Кавказского хребта; благодаря высоте гор с запада и востока враг также не мог проникнуть. Открытой была долина Уллу-Кам со стороны ущелья Кубани. Но там жило родственное, тоже аланское население, судя по памятникам, однородным узун-колскому поселению. Значит, мы имеем основание заключить, что поселение и скот необходимо было охранять от своих же соплеменников. Очевидно, угон скота со стороны чуждого рода был явлением, практиковавшимся в эту эпоху в ущельях гор.

Если мы правильно предполагаем, что данный памятник представляет собой поселение кочевого типа, где временно, в летние сезоны, жила только сравнительно небольшая часть рода, то мы не можем ожидать, чтобы он с достаточной полнотой вскрывал нам социальную организацию аланского общества в целом. В поселении, естественно, ярче всего отразились черты чисто родовой организации: общее владение скотом, довольно обширные по площади и однородные жилища, имущественное равенство, засвидетельствованное погребениями могильника. Экономическая и социальная дифференциация не сказывалась здесь ни в характере погребальных сооружений, ни в качестве погребального инвентаря. Чисто родовые черты в организации поселений характерны, как известно, для культуры населения горных ущелий центральной части Северного Кавказа вплоть до позднейшего времени.

Переносить эти черты на состояние аланского общества в данную эпоху (VI—VII вв. н. э.) было бы ошибочным. Исторические свидетельства говорят о том, что в рассматриваемое время аланы переживали период военной демократии.

Несмотря на то что поселение располагалось в одном из самых глухих ущелий Северного Кавказа, жители его все же имели сношения с внешним миром. О внешних связях свидетельствуют привозные вещи погребального инвентаря: стеклянная посуда, инкрустированные украшения, гончарная посуда. Связи эти в данную эпоху имели преимущественно западное направление, к Восточному Причерноморью и Крыму. О торговых сношениях с этими именно областями говорят и материалы других памятников Верхней Кубани и монетные находки. Обе найденные в Верхнем Прикубанье монеты оказались византийскими, одна X в. н. э., другая — VII в. н. э. Сношения аланского населения бассейна Кубани с Крымом и Восточным Причерноморьем мы отмечаем на протяжении всей эпохи раннего средневековья.

И. М. СУСЛОВ

МОСКОВСКАЯ ЭМАЛЬ XVII в.

В истории золотого и серебряного дела древней Руси московская эмаль, или финифть, XVII столетия занимает значительное место не только благодаря своим художественным достоинствам, разнообразию и совершенству техники и приемов мастерства, но также благодаря широкому применению в украшении различных изделий русского быта того времени.

Следует отметить, что творческая деятельность московских эмальеров не получила еще всестороннего освещения в существующей научной литературе.

Единственный труд И. Е. Забелина посвященный этому вопросу [1], уже устарел по ряду своих положений, а в других, более современных, работах московской эмали уделяется весьма незначительное место.

Предпосылки для развития московской эмали XVII в. были созданы еще в XVI в.— времени подлинного возрождения этого замечательного искусства после его длительного упадка в результате татаро-монгольского нашествия.

Если до XVI в. в русском золотом и серебряном деле была известна лишь сравнительно несложная техника наведения или припускания эмали по литью или оброну [2], то в XVI в. русские мастера овладевают новой техникой эмали по скани (филиграни) [3]. Искусство украшения золотых и серебряных изделий сканью было известно на Руси еще в XIV—XV вв. При этом еще тогда применялась расцветка скани цветными мастиками, смешанными с лаком, которые в XVI в. заменяются более прочной, яркой и блестящей эмалью [4], ставшей вскоре одним из излюбленных украшений в русском золотом и серебряном деле.

Московские мастера достигли в то время большого совершенства в украшении тончайшим кружевом сканного узора поверхности изделий и в искусной расцветке этого узора эмалью, в колорите которой преобладали светлые красочные оттенки. Однако в XVI в. эмаль по скани применялась большей частью в украшении драгоценных изделий царского быта и предметов культа, выполнявшихся по специальным заказам, и поэтому была своего рода аристократичным искусством. XVII в. внес значительные изменения в творчество московских мастеров золотого и серебряного дела, и в том числе эмальеров, что во многом определялось положением, которое занимала тогда Москва как центр «всероссийского рынка» и развитого ремесленного производства.

Сосредоточение огромных богатств в царской казне, а также в руках феодальной знати и купечества явилось одной из основных причин, спо-

---

[1] И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. М., 1850.

[2] В этом случае нанесенная на металлическую поверхность изделия эмаль служит цветным фоном, на котором выступают металлические контуры того или иного изображения — орнамента, надписи и т. п.

[3] При этой технике эмалью заполняют внутреннее пространство, образованное сканным узором на металлической поверхности изделия.

[4] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство великокняжеской Москвы. История русского искусства, т. 3, М., 1955, стр. 222.

собствовавших быстрому развитию в городе разнообразных художественных ремесел и, особенно, золотого и серебряного дела, с которым было теснейшим образом связано и искусство эмали.

Изделия с украшениями из эмали изготовлялись в Оружейной палате Московского кремля, на Патриаршем дворе [5], а также в Серебряном ряду [6]. Эти три очага производства объединяли в себе лучших мастеров золотого и серебряного дела, собранных туда со всей страны, а также и иностранных мастеров. Организация золотого и серебряного дела в Оружейной палате предусматривала разделение мастеров на «государевых жалованных» (штатных, получавших государственное жалование) и «кормовых» (временно привлеченных для той или иной работы). К этим же двум категориям относились и эмальеры. В соответствии со своей специализацией все мастера распределялись по Серебряной и Золотой палатам, входившим в Оружейную палату. Мастера этих палат, а также Патриаршего двора выполняли заказы царского двора и высшего духовенства. Мастера же Серебряного ряда и слобод, главным образом Кадашевской и Новомещанской, тоже по мере надобности привлекались к этой работе. Вместе с тем они обслуживали население посада и слобод.

В XVII в. наряду со ставшей уже традиционной техникой эмали по скани в московском золотом и серебряном деле появляются новые разновидности этого искусства — эмаль по чеканному и гравированному металлу [7] и декоративная роспись эмалевыми красками [8]. Эти две разновидности эмали были широко распространены в то время в Западной Европе и, особенно, в Германии. При наличии широкого торгового и культурного обмена между Москвой и западноевропейскими странами в Москву в качестве посольских даров и другими путями привозилось много различных ювелирных изделий с эмалью. Немецкие и другие западноевропейские мастера, как и восточные, являлись частыми гостями в Московском государстве и нередко работали в одном творческом коллективе с русскими мастерами, выполняя заказы царского двора [9]. Отсюда становится понятным появление в московском золотом и серебряном деле указанных разновидностей эмали, тем более что русские мастера весьма быстро усваивали все новые достижения в области западноевропейского и восточного ювелирного искусства, творчески воспринимая и перерабатывая все то лучшее, что могло быть использовано в их изделиях, отвечавших условиям русской действительности и быта того времени.

Уже из простого перечисления разновидностей эмали, известных в московском золотом и серебряном деле XVII в., следует, что в украшении изделий последняя была тесно связана с другими отраслями этого дела. О разнообразии применения эмали свидетельствуют многочисленные архивные документы XVII в.— дела архива Оружейной палаты, описи имущества церквей, монастырей и отдельных лиц, таможенные и переписные книги Московского государства. Приводим здесь несколько примеров:

---

[5] Патриарший двор со своими мастерскими был расположен на территории Кремля, рядом с церковью Ризположения.

[6] Серебряный ряд представлял собой ряд лавок и палаток, сосредоточенных в районе Никольской улицы и Ветошного переулка.

[7] При этой технике разноцветными прозрачными и непрозрачными эмалями покрывают чеканную и гравированную металлическую (золотую или серебряную) поверхность того или иного изделия.

[8] Эта техника предусматривает покрытие отдельных участков (резервов) металлической поверхности украшаемой вещи грунтовой, непрозрачной эмалью, по которой эмалевыми же красками наносится то или иное изображение.

[9] В XVII в. состав мастеров золотого и серебряного дела в Оружейной палате был весьма многонациональным. Материалы «Словаря московских мастеров, золотого, серебряного и алмазного дела XVII века» В. И. Троицкого (Л., вып. 1—2, 1928—1930 гг.) свидетельствуют, что наряду с преобладающим контингентом русских мастеров там работали немецкие, шведские, датские, турецкие, английские, польские и французские мастера. Характерно, что некоторые из иностранных мастеров, как, например, шведы Ларион Афанасьев и Никита Тарасов, приняли русскую веру и навсегда остались в России.

«...Перстень золот с финифты, с червчатым, с белым, с зеленым в нем вставлены девять алмазов...» [10].

«...Стопка невелика, гладкая, на покрышке в кругу резаны травки, внизу обручик гладкой, под ним клеймо финифт темнозелен...» [11].

«...Майя в 22 день от Царицы из хором принес Василий Иванович Стрешнев солонку золоту с кровлей, по ней травы резные с финифты разными...» [12].

«...1634 года июля в 15 день... из хором принес окольничей... Стрешнев 15 пуговиц серебряны золочены круглы с полосками в закрепке... на пуговицах в полосках и меж полосок в травах финифт червчат, зелен, ценинен...» [13].

«...Майя 2 по указу Великого Государя боярин... Б. М. Хитрово приказал зделать в приказе Серебряной полаты к образу... оклад новый, серебряный, золоченый, гладкой, а венец и цату зделать с финифтом...» [14].

«...Два корабина стволы травчатые золочены станки яблоневые, оправа серебряная, золоченая с финифтом...» [15] и т. д.

Из приведенных документов видно, что эмаль имела весьма широкое применение в украшении изделий различного назначения; однако судить по этим документам о ее художественно-технологических особенностях почти не представляется возможным. Что же касается сведений о мастерах этого искусства, то в архивной документации совершенно не встречается даже и упоминания о профессии мастера-эмальера. Это объясняется тем, что в золотом и серебряном деле того времени специальность эмальера обычно совмещалась со специальностью сканщика, чеканщика, гравера или резчика по металлу. Так, например, один из известных мастеров Серебряной палаты Ларион Афанасьев и его товарищи по профессии прямо упоминаются как «сканного, финифтного дела мастеровые люди» [16]. Это же подтверждается сообщением о том, что «сканщикам на финифть» и другим мастерам было выдано «по 4 рубля человеку на год» [17]. Отсюда следует, что мастер сканного дела обычно владел и искусством наведения или припускания эмали на скань. Это не только подтверждает тесную взаимосвязь различных отраслей русского золотого и серебряного дела XVII в., но и свидетельствует о разносторонней специализации московских мастеров, часто в совершенстве владевших техникой скани и эмали, гравировки по металлу и эмали, чеканки и эмали и т. д.

Изучение памятников московского золотого и серебряного дела с эмалью, на наш взгляд, целесообразнее всего проводить, подбирая эти памятники по преобладанию в их украшении той или иной разновидности или техники эмали. Подчас это бывает довольно трудно сделать, так как нередко в том или другом изделии сочетаются различные технические приемы. Однако лишь этот путь дает возможность наиболее отчетливо представить себе все особенности, характерные для той или иной техники эмали в процессе ее развития и видоизменения.

Техника эмали по скани благодаря сложившимся еще в XVI в. приемам и способам мастерства получила в московском золотом и серебряном деле XVII в. более широкое применение по сравнению с другими разно-

---

[10] Из росписи шкатулки с драгоценностями Михаила Федоровича, 1628 год. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты, III вып. М., 1912, стр. 710.

[11] Из описи вещей, проданных с публичного торга в 1608 году. Временник ОИДР, кн. 7, М., 1850, стр. 37.

[12] Из Дополнений к дворцовым разрядам. Книги и столбцы дворцовых приказов Оружейной палаты. ЧОИДР, кн. 1, М., 1882, стр. 676.

[13] ЧОИДР, кн. 4, М., 1883, стр. 903.

[14] ЦГАДА, ф. 398, опись 8. Столбец 175 (1667) года № 10950, л. 1 и 2.

[15] Из «Росписи Оружейной палаты мастеровых людей и их мастерским делам кто что каких дел делал...». ЦГАДА, ф. 398, опись 8, д. № 10897, л. 1 и 2.

[16] И. Е. Забелин. Ук. соч., стр. 88.

[17] В. И. Троицкий. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII веке. Исторические записки. М., 1941, т. 12, стр. 115.

видностями этого искусства. В число изделий, в украшении которых преобладает эмаль по скани, входят такие памятники из собрания Московской Оружейной палаты, как «братинка рыбьей щедры» (костяная чаша) работы сканного дела жалованных мастеров Серебряной палаты братьев Василия и Федора Ивановых (1662 г.), золотая панагия патриарха Иоасафа, выполненная в 1670 г. талантливым Михаилом Яковлевым, ма-

Рис. 1. Деталь серебряного оклада иконы Богоматери «Смоленской» в Успенском соборе Ново-Девичьего монастыря в Москве. Эмаль по скани. Работа коллектива мастеров Серебряной палаты, 1685 г.

стером золотого дела из Кадашевской слободы и сделанная им «урядно, не с образца» [18], а также серебряный оклад иконы Богоматери «Смоленской» в Смоленском соборе Ново-Девичьего монастыря работы коллектива сканщиков Серебряной палаты Лариона Афанасьева, Артемия Киприанова и Семена Федорова (1685 г.; см. рис. 1) и многие другие изделия.

Сравнение этих памятников с памятниками московского золотого и серебряного дела XVI в., где также преобладает эмаль по скани, говорит

[18] В. И. Троицкий. Словарь мастеров золотого, серебряного и алмазного дела, работавших в Москве при Патриаршем дворе. Зап. Московского Археологического ин-та. М., 1914, XXXVI, стр. 142—145.

о том, что в XVII в. в этой разновидности эмали произошли изменения.

Эти изменения касаются главным образом характера сканного орнамента и колорита эмали. Сканной орнамент на изделиях XVII в. приобретает большую густоту и насыщенность узоров, а колорит эмали отличается более яркими и пестрыми сочетаниями тонов с преобладанием изумрудных, синих, голубых и белых цветов. Эти особенности придают московской эмали по скани XVII в. сходство с современной ей эмалью по скани восточного происхождения. Сходство это проявляется как в формах орнаментики, отдельные элементы которой — зубчатые цветки, репьи, остролистные бутоны — явно восточного происхождения, так и в живописной палитре эмали, сочетания тонов которой весьма характерны для индийской и персидской эмали XVI—XVII вв. Однако это сходство имеет лишь внешний характер. Оно является данью общему увлечению восточным искусством, когда восточные орнаментальные мотивы становятся излюбленными в творчестве московских золотых и серебряных дел мастеров, иконописцев, графиков, швейников. Это, в свою очередь, объясняется успешным развитием в XVII в. торговых и культурных связей между Русским государством и странами Ближнего и Среднего Востока, когда в Москву часто привозились восточные ювелирные изделия с эмалью, а в Оружейной палате работал ряд греческих (цареградских) мастеров [19]. Русские сканщики-эмальеры не пренебрегали возможностью поучиться у последних и вполне естественно, что те или иные формы орнамента и оттенки эмали, украшающей изделия восточного происхождения, получили свое воплощение в их работах. Однако в русских изделиях восточные мотивы приобретали совершенно иную трактовку, что определялось национальным своеобразием этих изделий, их формами и характером украшения в соответствии с требованиями русской культуры и быта того времени. Кроме этих особенностей, в московской эмали по скани XVII в. развиваются новые декоративные приемы. В красочной поверхности эмали, украшающей серебряный оклад иконы Богоматери «Смоленской» и ряда других памятников подобного типа, вплавлены небольшие розетки и листочки, вытисненные из тонкого позолоченного серебра, которые очень оживляют украшение изделий.

Правда, техника вплавления в эмаль металлических украшений в виде зерни практиковалась московскими мастерами еще в XVI в., но прием вплавления серебряных накладных украшений более сложных форм, по-видимому, вытисненных на специальных штампах или матрицах, появляется лишь в XVII в. Кроме того, в эмали по скани, украшающей изделия московских мастеров, весьма широко применяется роспись эмалевыми красками в виде разноцветных точек и штрихов, нанесенных кистью на красочную поверхность непрозрачных эмалей.

Этот прием также был известен русским эмальерам еще в XVI в. и употреблен в украшении многих изделий того времени, в частности в убранстве золотых цат на окладе иконы А. Рублева «Троица». Однако точки на поверхности эмали, украшающей изделия XVI в., по-видимому, наносились разноцветной эмалевой массой, так как роспись эмалевыми красками, разведенными на масле и скипидаре, появляется в московском золотом и серебряном деле лишь в XVII в. Следовательно, можно предположить, что этот декоративный прием является первоисточником в развитии орнаментальной, а затем и сюжетной росписи по эмали, получившей распространение во второй половине XVII в., когда наряду с точками и штрихами в украшении изделий появляется полихромная роспись по эмали в виде небольших изображений цветков, как, например, в упомянутой выше панагии работы Михаила Яковлева, а затем и разнообразных

[19] Так, например, в «Словаре московских мастеров...» В. И. Троицкого имеются сведения о работе в Оружейной палате жалованного мастера Леонтия Константинова, «гречанина из Царяграда» (вып. 1, стр. 62), а также мастеров Ивана Юрьева Царегородца, Константина Мануйлова и Филиппа Павлова.

сюжетных изображений. Это говорит о том, что декоративная роспись по эмали постепенно получает все большее применение в изделиях московских мастеров, тем более что в одном из рукописных сборников химических рецептов, относящихся к XVII в., имеется следующее весьма интересное сведение, подтверждающее знакомство русских мастеров с техникой росписи эмалевыми красками: «Указ как финифтяные травы всякие делать. Две части белого финифту, а третья часть голышу (дикий камень горной породы, типа кремнезема.— *И. С.*) зженаго сложить в ыготь (ступку.— *И. С.*), тереть с водою мелко, а беречь от пыли и накладывай на припущенную (обожженную.— *И. С.*) финифть, на какую захошь, на разные цветы и припущай (обжигай.— *И. С.*), также, что финифть» [20].

Таким образом, в работах московских мастеров XVII в. была заложена основа для дальнейшего развития техники так называемой эмали с накладными украшениями, нашедшей наиболее широкое применение в украшении серебряной и медной посуды и ювелирных изделий работы мастеров Великого Устюга в XVIII в., а также техники декоративной росписи по эмали, которая получила во второй половине XVII в. такое блестящее воплощение в изделиях знаменитых эмальеров Сольвычегодска.

Эмаль по скани встречается не только в украшении драгоценных предметов царского и патриаршего обихода, но и на других изделиях московских мастеров, составлявших принадлежность русской жизни и быта того времени,— арчаках (конских седлах небольшого размера, с подушкой, пристегивающейся к сиденью), пуговицах, серьгах, цепях, баночках для румян и т. п.

В изготовлении многих из этих предметов принимали участие те же мастера Золотой и Серебряной палат, создававшие изделия, подобные указанным выше. Так, например, украшение арчаков и «седел кованных русского дела», хранящихся в Оружейной палате, создавали мастера Серебряной палаты Иван Попов «с товарищи» [21], Ларион Афанасьев, Лука Мымрин, Степан Федоров [22]. В декорировке пуговиц и цепей участвовали такие искусные мастера, как мастер Золотой палаты Павел Кисель, мастера Серебряной палаты Гавриил Овдокимов, Николай Яковлев и др. [23]. Благодаря этому каждое, даже самое обычное изделие работы московских мастеров несет в себе частицу большого искусства, чувства меры в применении украшений, бесконечное разнообразие форм и убранства.

Некоторое представление об этом дают выписки из описей XVII в., приводимые И. Е. Забелиным.

«Пуговицы круглы, половинчаты, прорезные, решетчаты... угольчаты, четверогранны.., на витое дело, на грушевое дело, на кедровое, миндальное, рогатое ... пуговицы шахматы клинцы... караски, пуговицы львовы головы...» [24].

«Серьги двойчатки, каменье яхонты белые, граненые... серьги лапки... серьги колты золоты с финифты, сенчаты...» [25].

«Чепь золотая кольчатая с финифтом, чепь золотая звенчатая с финифтом и с жемчугом... Чепь жемчужная, промежь жемчугу прониски золотые с финифты...»[26].

В украшении указанных предметов наряду с чеканкой и драгоценными камнями находила весьма широкое применение и эмаль по скани, что подтверждается многими изделиями подобного типа.

---

[20] Н. А. Фигуровский. Об одном русском старинном сборнике химических рецептов. Тр. Ин-та истории естествознания АН СССР, М.— Л., 1948, т. 2, стр. 261.

[21] М. М. Денисова. Конюшенная казна. Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954, стр. 257.

[22] И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России, стр. 53.

[23] В. И. Троицкий. Словарь московских мастеров..., вып. 1 и 2, Л., 1928—1930.

[24] И. Е. Забелин. О металлическом производстве в России, стр. 107.

[25] Там же, стр. 104.

[26] Там же, стр. 102.

Как было отмечено выше, наряду с техникой эмали по скани в московском золотом и серебряном деле XVII в. появляется новая техника наводки эмали по чеканному рельефу и гравировки на золоте.

В противоположность более широко распространенной эмали по скани, эта разновидность эмали нашла свое применение главным образом в украшении драгоценных изделий, выполнявшихся по специальным заказам царского и патриаршего двора. По-видимому, это объясняется сравнительной сложностью производства таких изделий, в создании которых принимали участие многие высококвалифицированные мастера различных профессий, в том числе и эмальеры.

Московские мастера в совершенстве владели техникой наводки эмали по чеканному рельефу сложного профиля. При этом бóльшая часть поверхности чеканных изображений орнамента и человеческих фигур покрывалась разноцветной прозрачной эмалью, в то время как другие участки (резервы) этой поверхности заливались белой, непрозрачной эмалью, по которой затем наносилась полихромная роспись, воспроизводящая орнамент и те или иные изображения сюжетного характера. Резервы гладкой металлической поверхности обычно покрывались гравировкой, также воспроизводящей орнамент или сюжетные мотивы, которые затем расцвечивались прозрачными, цветными эмалями, что придавало изображениям характер цветной (иллюминованной) гравюры на металле.

Подобным способом украшены многие драгоценные изделия, хранящиеся в настоящее время в собрании Государственной Оружейной палаты, Исторического музея и в других крупнейших хранилищах нашей страны.

Сюда относятся такие памятники, как знаменитый «большой наряд» царя Михаила Федоровича, созданный в 1627—1628 гг. коллективом мастеров Оружейной палаты [27], золотая чаша 1653 г., подаренная патриархом Никоном царю Алексею Михайловичу, золотой оклад евангелия 1678 г. [28], золотой оклад иконы, так называемой «Умиление», из складня дьяка Посольского приказа Ивана Грязева (первая треть XVII в.), серебряный оклад иконы св. Андрея Первозванного (конец XVII в.; см. рис. 2) и ряд других памятников.

Бóльшая часть поверхности этих изделий покрыта разнообразными украшениями — чеканкой, гравировкой, драгоценными камнями в глубоких гнездах — сапфирами, рубинами, альмандинами, изумрудами, а также жемчугом и эмалью. Яркие и блестящие тона последней завершают это богатейшее украшение, придавая ему еще более красочный, нарядный характер. Колорит эмали, украшающей подобные изделия, отличается уже значительно бóльшим многообразием тонов; в их сочетаниях появляются вишневые и золотистые оттенки, придающие палитре эмали большую пестроту. Возрастает и роль декоративной росписи эмалевыми красками, посредством которой мастера воспроизводят не только точки и штрихи, но также отдельные фрагменты орнамента, детали архитектурного интерьера и даже изображения лиц и рук на чеканных фигурах евангелистов, покрытых разноцветными прозрачными и непрозрачными эмалями (что придает последним вид ярко расцвеченного металлического барельефа). Богатство и разнообразие различных украшений, покрывающих поверхность предметов, служит прекрасным подтверждением общего декоративного направления в русском искусстве XVII в., когда в строительстве

---

[27] В комплекс этого «наряда» входит несколько драгоценных золотых изделий — царский венец, скипетр, держава, колчан для стрел и налучье. В создании этих предметов участвовали немецкие мастера, работавшие в Оружейной палате под наблюдением окольничьего Василия Ивановича Стрешнова и дьяка Ефима Телепнева. См. М. М. Постникова-Лосева. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI—XVII веков. Гос. Оружейная палата Московского кремля. М., 1954, стр. 160.

[28] В создании этого оклада участвовал коллектив немецких и русских мастеров Золотой палаты, в числе которых были два жалованных мастера Михаил Васильев и Дмитрий Терентьев. См. В. И. Троицкий. Словарь московских мастеров..., вып. 1, 2.

церковных и гражданских сооружений находят широкое применение поливные изразцы, резьба по камню, кованое железо, а в их внутреннем убранстве — фресковая роспись, резьба по дереву и, кроме того, многочисленные предметы золотого и серебряного дела, которые часто являлись гордостью ризниц московских храмов и вызывали удивление и восхищение мастерством московских сканщиков, чеканщиков и эмальеров. Недаром

Рис. 2. Серебряный оклад иконки с мощами св. Андрея Первозванного из собрания Вологодского краеведческого музея. Эмаль по чеканке и скани. Конец XVII в. Работа неизвестных московских мастеров

многие иконы московских храмов славились в то время не только своей иконописью, но также и роскошными драгоценными окладами. При этом убранство окладов бывало настолько обильным и богатым, что нередко совершенно затмевало иконописные изображения, терявшиеся среди блеска и сияния драгоценных камней, золота и эмали. Не случайно Павел Алеппский во время своего посещения московских церквей упоминает в своих записках о роскошном убранстве их икон: «В ней (Рождественской церкви Саввинского монастыря.— *И. С.*) царские иконы, приводящие в изумление зрителя своей искусной работой, позолотой и превосходной, разноцветной эмалью (разрядка моя.— *И. С.*) [29].

[29] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию во второй половине XVII века, описанное его сыном Павлом Алеппским. ЧОИДР, кн. 4, стр. 131.

Наряду с указанными выше памятниками, в декоре которых сочетаются самые разнообразные украшения, встречаются и такие изделия, в которых преобладает какой-либо один вид украшения. В этом случае мастер получал возможность с наибольшей полнотой проявить свое искусство в той или иной отрасли золотого и серебряного дела.

Одним из интересных памятников подобного типа является золотой оклад иконы Богоматери «Иверской», созданный московскими мастерами по личному заказу царевны Софьи (Собрание музея Ново-Девичьего монастыря) [30]. Единственным украшением гладкой золотой поверхности оклада служат восемь круглых дробниц или клейм с гравированными сюжетными изображениями, воспроизводящими историю этой иконы и расцвеченными полихромной прозрачной эмалью. Отдельные детали изображений покрыты разноцветными непрозрачными эмалями с росписью по ним эмалевыми же красками. Эти гравированные изображения, подчас довольно сложные по композиции и весьма разнообразные по содержанию, выполнены с большим мастерством и обличают руку не только опытного гравера, но и талантливого эмальера, так как их красочная расцветка прозрачными и расписными эмалями также выполнена весьма искусно. Возможно, что изображения на дробницах, украшающих этот оклад, были заимствованы из области графики, о чем говорит близкое сходство оклада с окладом иконы Богоматери «Тихвинской», воспроизведенным на одной из гравюр, посвященной этой иконе [31]. При этом число дробниц, их круглая форма, композиция расположения и даже некоторые из сюжетных изображений весьма сходны. Все это говорит о близкой взаимосвязи искусства гравюры на меди с ювелирным делом того времени, так как чеканщики и эмальеры Оружейной палаты обычно создавали свои изделия по рисункам специалистов-знаменщиков (рисовальщиков), часто бывших одновременно иконописцами и граверами, как, например, Симон Ушаков, Афанасий Трухменский, Леонтий Бунин и ряд других мастеров [32].

Следует отметить, что сложная техника украшения эмалью чеканных и гравированных изображений, требовавшая специальных знаний и навыков, была, по-видимому, хорошо освоена московскими мастерами, так как упоминания о ней встречаются в ряде источников.

Так, например, жалованные мастера Серебряной палаты Федор Прокофьев, Василий Иванов, Иван Кульпа, Ларион Афанасьев и другие в 1676 г. делали «рукомойник и лохань с мишенями (клеймами или дробницами.— *И. С.*) резными с финифтом» [33]. В переписной книге московского Успенского собора есть запись о том, что в 1692 г. «по указу святейшего патриарха построен в соборную церковь Успения... на 10-ти листовой цке образ Воскресения Христова... писан самым добрым письмом... оклад чеканный... на том же окладе в четырех местах в клеймах четыре таблички круглые золотые, а на них наведены финифтом и красками припускными [34] Христовы Страсти и Положение во гроб... и на тот оклад и на

[30] Оклад выполнен неизвестными московскими мастерами во второй половине XVII века.

[31] Эта гравюра помещена в кн. Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (СПб., 1881, Атлас, т. I, л. 1299).

[32] Г. Филимонов в своем труде «С. Ушаков и современная ему школа русской иконописи» (М., 1873, стр. 6) указывает, что «главное занятие Ушакова на службе в Серебряном Приказе составляло — знаменить, рисовать, сочинять рисунки... преимущественно для металлических изделий золотых, серебряных и эмалевых» (разрядка моя — *И. С.*). В частности, автор предполагает, что Ушаковым были сделаны рисунки финифтяных изображений евангелистов на митре патриарха Никона 1653 года (стр. 8). О том, что мастера Оружейной палаты создавали свои изделия по рисункам знаменщиков, упоминает в «Словаре» В. И. Троицкий (стр. 42 и 71), а также В. В. Стасов в своей работе «Разбор рукописного сочинения г. Ровинского. «Русские граверы и их произведения», стр. 33.

[33] А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883, ч. 2, стр. 517.

[34] Под «припускными красками», по-видимому, надо понимать роспись эмалевыми красками по грунтовой эмали.

венцы... да и на четыре таблички, на которых наведены финифтом Страсти Христовы... выдано святейшим патриархом из домовой казны Новомещанские слободы мещанину серебряного дела мастеру Ивану Артемьеву 56 ефимков (разрядка моя.— *И. С.*)...» [35].

К этому же кругу изделий следует отнести один из весьма интересных памятников — небольшую золотую иконку с изображением Сергия Радонежского (рис. 3), которую В. А. Никольский считает шедевром русской эмали по мастерству ее исполнения и гармоничности живописной палитры эмали [36]. Действительно, данный памятник отличается большим совершенством техники тонкого чеканного рельефа, в котором выполнены основные изображения, расцвеченные прозрачными эмалями. Главное отличие иконки состоит в том, что в ее украшении впервые весьма широко применена сюжетная роспись по эмали. При этом изображения лица, рук и развернутого свитка в руках святого даны в виде плоскости, покрытой белой, грунтовой эмалью, с нанесенным на нее контурно-штриховым рисунком, воспроизводящим все детали изображения и слегка подцвеченным эмалевыми красками. В подобной же технике росписи выполнено изображение кельи святого на фоне леса, воспроизведенное на белой эмалевой пластинке, помещенной в нижней части иконки. Это свидетельствует о том, что техника росписи по эмали все более входит в практику московских мастеров, которые, вполне оценив ее богатые живописные качества и возможность с большей легкостью благодаря ей воспроизводить на эмали не только орнамент, но и разнообразные сюжетные изображения, стали применять ее все чаще.

Рис. 3. Серебряная иконка с изображением св. Сергия Радонежского. Эмаль по чеканке и роспись по эмали Работа московских мастеров, 1666 г.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что техника росписи, посредством которой выполнены изображения на рассматриваемой иконке, весьма напоминает роспись знаменитых сольвычегодских эмалей второй половины XVII в., что свидетельствует о знакомстве московских мастеров не только с изделиями эмальеров города Сольвычегодска, но также и с приемами их росписи [37]. Таким образом, орнаментальные и сюжетные изображения, украшающие ряд памятников московского золотого и серебряного дела второй половины XVII в. и выполненные посредством поли-

---

[35] И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884, ч. I, стр. 43.

[36] Эта иконка была выполнена в 1666 г., по личному заказу Б. М. Хитрово, неизвестным московским мастером и является вкладом боярина в Троицко-Сергиев монастырь. См. В. А. Никольский. Боярин Хитрово. Журнал «Среди коллекционеров», № 10. 1922, стр. 18.

[37] Это подтверждается сообщением о том, что в 1692 г. были куплены в Патриарший приказ две круглые чашки «усольского дела» с финифтяными личинами. См. В. И. Троицкий. Словарь мастеров золотого, серебряного и алмазного дела, стр. 107. Наконец, во второй половине XVII в. в Москву из Сольвычегодска вызывались для различных работ мастера серебряного дела, среди которых могли быть и эмальеры. См. Н. Н. Померанцев. Финифть усольского дела. Сборник Оружейной палаты. М., 1925, стр. 104.

хромной росписи по эмали, можно считать своеобразным, подготовительным этапом в переходе к светской, портретной живописи по эмали, развитие которой относится уже к XVIII в. и которая стала впоследствии преобладающей разновидностью этого искусства.

Следует отметить, что кроме Москвы, являвшейся в XVII в. главным центром по изготовлению изделий из драгоценных металлов с эмалью, подобное производство существовало в это время и в других крупных городах — Великом Устюге, Сольвычегодске и, по-видимому, в Новгороде, Пскове и Вологде — при наличии там высокоразвитого золотого и серебряного дела [38].

Изделия с эмалью, изготавливавшиеся в этих городах, отличались по своим художественным и, отчасти, технологическим признакам от изделий московского производства, хотя последние благодаря своим выдающимся особенностям художественного и технического порядка, а также высокому уровню мастерства, естественно, служили своего рода образцами для местных производств.

Творческая деятельность московских мастеров золотого и серебряного дела развивалась в один из интереснейших периодов русской истории, насыщенной многими, часто весьма противоречивыми явлениями действительности, борьбой различных мировоззрений в области русской культуры того времени. Все эти явления не могли не оказать своего влияния на творчество московских мастеров декоративного искусства. Они во многом определили и направление искусства эмали как в области ее применения, так и в отношении ее художественных особенностей.

В XVII в. в это искусство все более широко проникают народные мотивы, получившие свое воплощение главным образом в яркой и красочной орнаментике, а также в разнообразных сюжетных изображениях, отличавшихся весьма своеобразной реалистической манерой исполнения. В этом отношении чеканные фигуры евангелистов и деисуса, расцвеченные яркой и пестрой эмалью и являвшиеся традиционным украшением окладов евангелий, служат прекрасным примером той «толстоты плотской», которая, по меткому выражению протопопа Аввакума, характеризует русскую иконопись XVII в. В этих изображениях, так же как и в области иконописи, книжной графики, в росписи и резьбе по дереву нашли свое отражение реалистические тенденции русской литературы и искусства XVII в., сложившиеся под непосредственным влиянием серьезных изменений социально-экономического характера, изменения самосознания русского народа и его идейно-образных воззрений в связи с общим подъемом национально-освободительной борьбы в период сложения русского централизованного государства.

Изучение памятников московского золотого и серебряного дела XVII в. убедительно показывает, что эмаль окончательно теряет свои «аристократичность» и изысканность, характерные для этого искусства в XVI в. Она все более широко применяется не только в украшении драгоценных царских изделий, изготовляемых из золота и серебра, но и на предметах народного обихода — медных чернильницах, крестах, пороховницах, подсвечниках, серебряных серьгах и кольцах, становится все более дешевой и, следовательно, доступной для более широкого круга потребителей. В большинстве московских изделий эмаль не является преобладающим украшением, но она теснейшим образом связана с другими декоративными приемами. Ее яркая и красочная расцветка являлась в этом смысле тем последним штрихом, которым мастер завершал свое произведение, что сообщало последнему наиболее выразительный характер и во многом определяло его выдающиеся художественные качества.

---

[38] В последние годы Н. Г. Порфиридовым были установлены еще два местных центра по изготовлению изделий из драгоценных металлов с эмалью в XVII в.— города Казань и Хлынов. См. Н. Г. Порфиридов. К истории русского серебряного и финифтяного дела. Сообщения Русского музея, вып. 4, М., 1956, стр. 50.

Находясь в самом центре культурной жизни Русского государства, московские мастера золотого и серебряного дела успешно развивали в своем творчестве лучшие традиции, накопленные в области искусства эмали своими предшественниками. Вместе с тем они творчески воспринимали все новейшие достижения западноевропейской и восточной эмали, благодаря частому общению в процессе совместной работы с иностранными мастерами.

При этом работы московских мастеров сохраняют свое национальное своеобразие, проявляющееся в характере и особенностях орнаментального убранства и сюжетных изображений.

Памятники московского золотого и серебряного дела XVII в. свидетельствуют не только о весьма широком применении эмали в украшении самых разнообразных изделий быта и культа, но и о подлинно творческой, высокохудожественной работе мастеров, произведения которых по праву входят в сокровищницу древнерусского искусства. Все это позволяет с полным основанием говорить о сложении в Москве в XVII в. передовой общерусской школы золотого и серебряного дела (и в том числе эмали), имевшей весьма важное значение в истории развития материальной культуры и искусства древней Руси.

ЗАМЕТКИ

Ф. И. ИВАНОВ

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БЛИЗ г. КАЛИНИНА

В районе Калинина долина Волги имеет неширокую пойму и три террасы, причем первая терраса имеет местами два уровня с высотными отметками 6—8 *м* (1-й уровень) и 9—12 *м* (2-й уровень) от уреза воды в реке [1].

Мезолитические поселения в этом районе обнаружены на вершинах и на южных склонах песчаных всхолмлений и гряд второй (боровой) террасы долины Волги с высотными отметками от 13 до 18 *м* от уровня реки. Позднеолитические же стоянки этого района располагались на пойме (частично затопленной подъемом воды благодаря Иваньковской плотине) и в осыпях первой террасы.

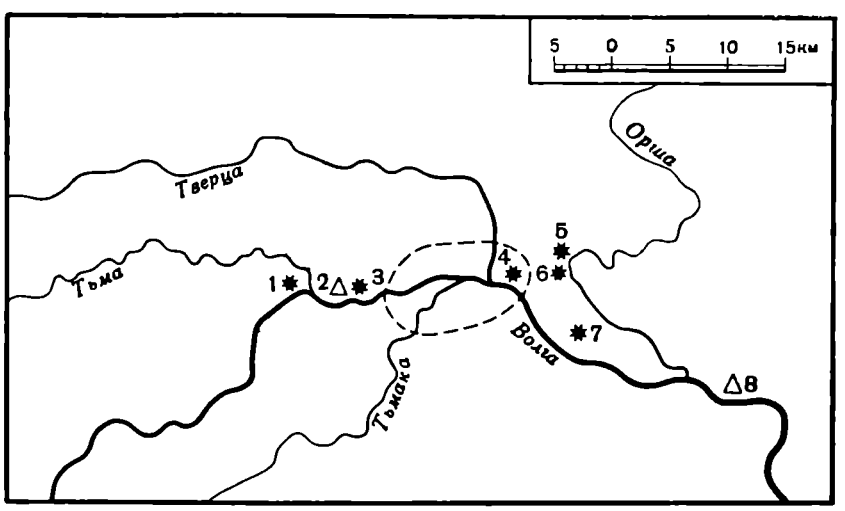


Рис. 1. Карта стоянок и местонахождений с каменными орудиями в окрестностях г. Калинина (пунктиром обозначены границы города)

1 — неолитическая стоянка в старом устье р. Тьмы; *2* — местонахождение орудий раннего неолита у дер. Щербово; *3* — неолитическая землянка против дер. Красново; *4* — неолитическая стоянка на северо-восточной окраине г. Калинина; *5* — мезолитическая стоянка у дер. Пищалкино; *6* — мезолитическая стоянка у дер. Лукино; *7* — раннеолитическая стоянка на пашне колхоза «Борец за новую жизнь»; *8* — местонахождение орудий эпохи раннего неолита у дер. Заборовье

Основываясь на том, что памятники раннего неолита должны занимать промежуточные между мезолитом и поздним неолитом высотные отметки, эти памятники следует отыскивать на первой террасе долины Волги. За последние годы автором данной заметки были произведены многочисленные обследования обнажений, карьеров и строительных котлованов на террасах.

Район обследования от пристани Кокошка (20 *км* выше Калинина) до пристани Турбаза (30 *км* ниже Калинина) имеет протяжение по Волге более 50 *км*.

[1] Уровень Волги взят до подъема воды Иваньковской плотиной. В дальнейшем изложении высотные отметки также даются от прежнего уровня Волги.

В результате этих обследований на первом уровне первой террасы были обнаружены неолитические стоянки (типа Льялова) в трех пунктах: на старом устье Тьмы (в 500 *м* западнее современного), против дер. Красново (в 15 *км* выше г. Калинина) и на северо-восточной окраине г. Калинина (рис. 1). На этих стоянках найдены массивные кремневые орудия

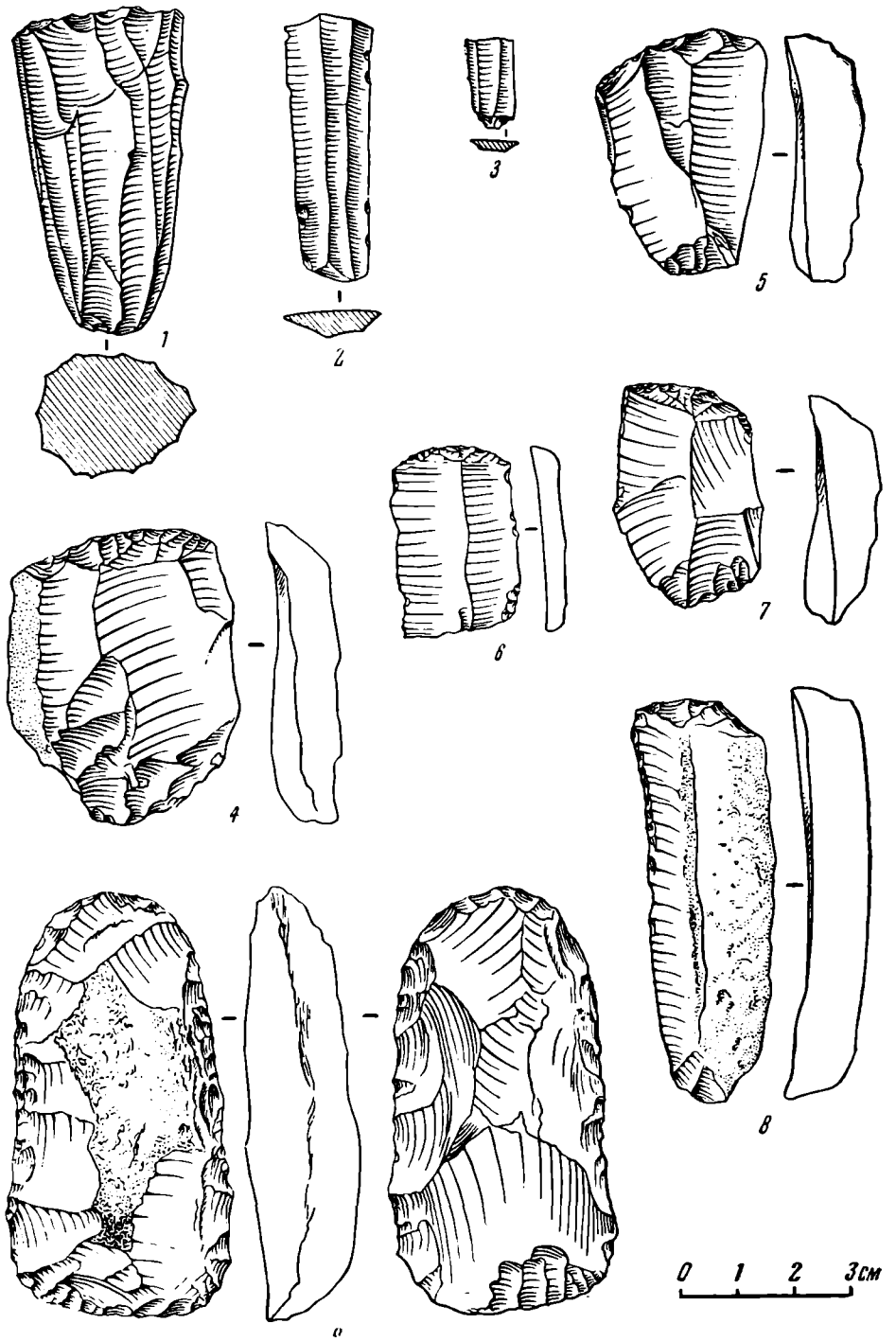


Рис. 2. Кремневые орудия с Калининской ранненеолитической стоянки

миндалевидной и округлой формы, большие односторонние кремневые ножи, известняковые грузила, а также керамика плохого обжига, орнаментированная слабыми вдавлениями штампа в виде небольших вытянутых четырехугольников [2].

[2] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 88, рис. 9, *4*.

На высотных отметках 10—12 *м*, на первой террасе, расположены три небольших местонахождения ножевидных пластинок и единичных нехарактерных кремневых орудий: у дер. Щербово, у дер. Заборовье и на пашне калининского пригородного колхоза «Борец за новую жизнь». Последняя расположена между деревнями Старая Константиновка и Иене-

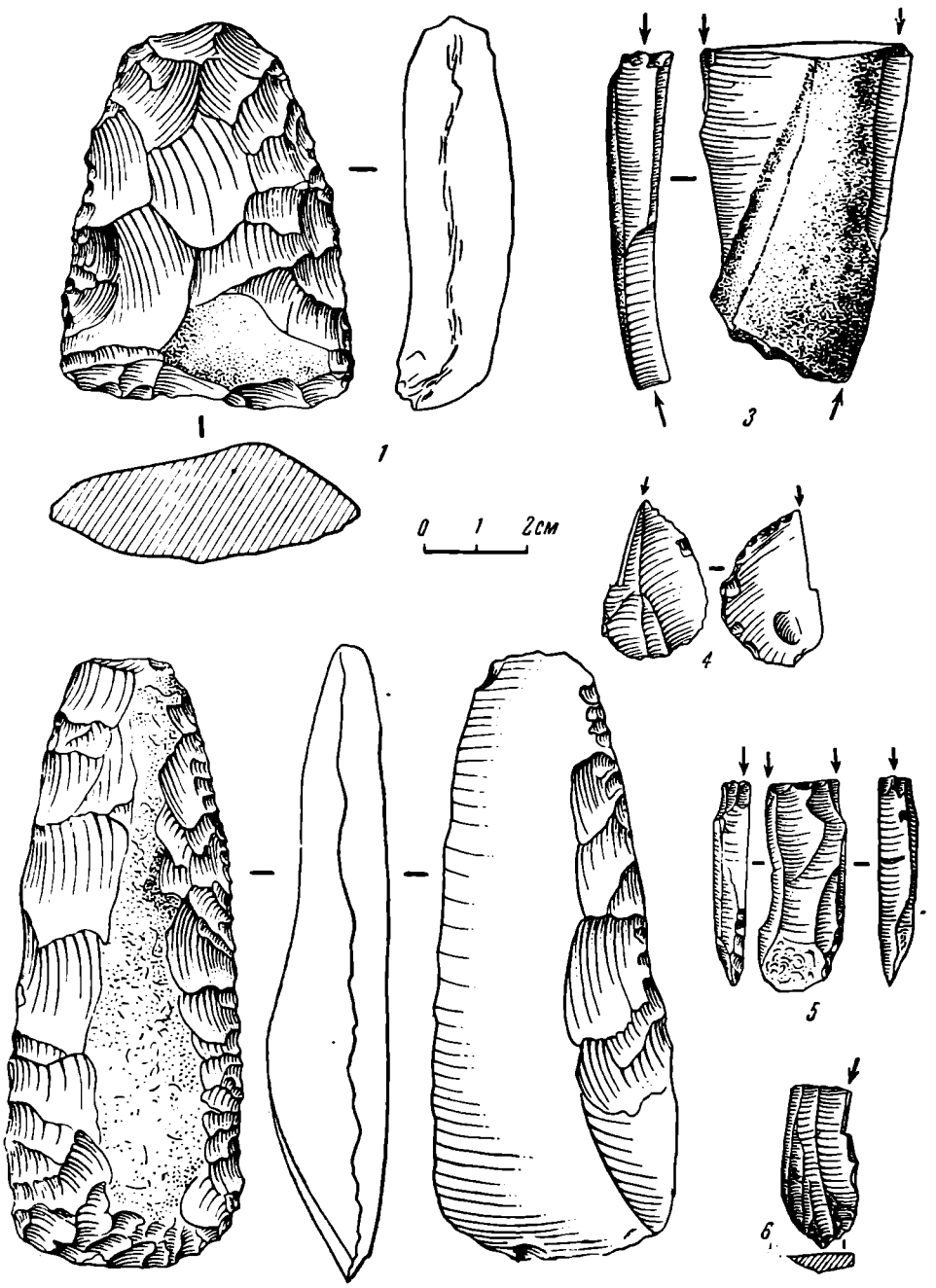


Рис. 3. Кремневые орудия с Калининской ранненеолитической стоянки

во, на расстоянии около 2 *км* от каждой из них. Находки кремневых орудий и кремня распределялись на стоянке неравномерно и были сосредоточены в трех пунктах: на севере и на юге стоянки и в центре ее, но ближе к западному краю. Высотные отметки стоянки понижаются по направлению к Волге, в пределах около 2 *м*.

Заложенные на лугу небольшие шурфы дали следующую стратиграфию стоянки: верхний слой — современная задернованная почва, толщиною 0,10—0,15 *м;* слой желто-бурой супеси, иногда переходящей в желтый песок, с угольными пятнами, 0,30—0,50 *м* (в нижнем горизонте этого слоя

залегали кремневые орудия и отщепы); слой желтого крупнозернистого аллювиального песка.

За два года на стоянке собрано 627 кремневых предметов: 196 осколков, 224 отщепа, 4 отбойника, 20 нуклеусов и их обломков (в том числе сколов с основания и ребристых пластин), 108 ножевидных пластин и их обломков. Орудий всего найдено 75. Из них скребков — 31, резцов — 20, заготовок топоров — 4, ножевидных пластинок с ретушью и прочих орудий — 20.

Орудия изготовлены из кремня различного цвета, преимущественно из розовато-сиреневого, полупрозрачного кремня. Нуклеусы размером до 6 *см*, имеют коническую форму (рис. 2, *1*).

Ножевидные пластинки правильного огранения, трапециевидные в сечении (рис. 2, *3*). Преобладают скребки. Как правило, они изготовлены на концах ножевидных пластинок или широких коротких отщепов. Лезвие дугообразное, нередко скошенное. Рабочий край довольно массивен (рис. 2, *4—8*). Резцы представлены главным образом резцами типа на углу сломанной пластинки (рис. 3, *5, 6*). Однако имеется несколько экземпляров резцов бокового типа со скошенным и притупленным ретушью концом (рис. 3, *4*). Резцовые сколы узкие, короткие. Есть двойные резцы, у которых сколы идут по обеим сторонам пластины.

Наконец, в коллекции имеются четыре заготовки топоров. Первая представляет собой неправильную трапециевидную заготовку, грубо оббитую с обеих сторон. Длина ее 7,5 *см*, ширина 5,8 *см* (рис. 3, *1*). Вторая (рис. 2, *9*) имеет длину 7,5 *см*, ширину 4 *см*, обработана с обеих сторон. На спинке сохранились участки с коркой. Теслообразное лезвие подправлено ретушью с обеих сторон. Третья (рис. 3, *2*) — длиною 12 *см*, шириной у лезвия 4,5 *см*, у обушка — 2 *см*, края со стороны спинки вдоль всего орудия подправлены крупными фасетками. Орудие обработано со спинки и имеет слегка изогнутое лезвие. Со стороны брюшка подобным образом оформлен только левый край орудия. Остальная поверхность брюшка, образованная одним большим сколом, оставлена без обработки.

Каменный инвентарь стоянки отличается архаизмом, о чем особенно красноречиво говорит обилие скребков на концах ножевидных пластин и, в особенности, многочисленные резцы, нехарактерные для неолита. В то же время настоящие топоры с хорошо ретушированной поверхностью заставляют относить каменный инвентарь стоянки уже к неолитическому типу и позволяют ожидать здесь находки керамики. Таким образом, Калининская ранненеолитическая стоянка отличается характерным кремневым инвентарем, который является связующим и переходным звеном между микролитическими орудиями мезолита [3] и орудиями поздненеолитических типов [4].

В заключение следует отметить, что дьяковские городища района г. Калинина и ниже его по Волге имеют высотные отметки от уровня воды в реке 10—12 *м*, т. е. те же, что и стоянки раннего неолита.

Найденные на дьяковских городищах Верхнего Поволжья грубые кремневые орудия архаических форм, включенные в инвентарь городищ только на том основании, что эти орудия не сопровождались неолитической керамикой, имеют большое сходство с орудиями нашей стоянки. Для подтверждения этого можно взять хотя бы кремневые орудия с Санниковского и Пекуновского городищ [5] и сравнить их с орудиями Калининской стоянки. Таким образом, архаические кремневые орудия, найденные на дьяковских городищах Верхнего Поволжья, являются ранненеолитическими и должны быть исключены из инвентаря городищ.

[3] П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950, стр. 15.

[4] О. Н. Бадер. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, № 13, стр. 30, рис. 5.

[5] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 108, рис. 22; стр. 125, рис. 44.

Г. А. ЧЕРНОВ

УНЬИНСКАЯ ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА В БАССЕЙНЕ ПЕЧОРЫ

Осенью 1957 г. сотрудник Коми филиала АН СССР геоморфолог Б. И. Гуслицер передал мне небольшую, но исключительно интересную коллекцию остатков древней культуры, обнаруженных в Уньинской пещере, находящейся на р. Унье, в 100—110 *км* от ее устья.

Река Унья — первый большой левый приток р. Верхней Печоры. Она берет свое начало с западного склона Северного Урала и прорезает своим средним течением палеозойские дислоцированные породы. В области развития карбонатных пород довольно хорошо выражен карст с многочисленными пещерами разных размеров. Самая крупная из них получила название Уньинской.

Бассейн р. Уньи неоднократно обследовался геологами, а первые сведения об Уньинской пещере появились еще в 1833 г.[1] Затем в 1844 г. на р. Унье побывал П. М. Бурнашев[2]. В 1850 г. Уньинскую пещеру в общих чертах описал Э. Гофман[3]. Краткие сведения есть и в работе Е. С. Федорова[4], посетившего р. Унью в 1888 г. В 1911 г. в Уньинской пещере побывал А. А. Чернов. В 1929 г. В. А. Варсанофьевой в районе р. Уньи проводились геологические исследования и была кратко описана Уньинская пещера[5]. В 1947 г. Б. С. Лукин, посетивший р. Унью, первый составил схематический план Уньинской пещеры, но не опубликовал своей работы. В 1955—1957 гг. в бассейне р. Уньи проводились геоморфологические исследования Б. И. Гуслицером. Последний неоднократно посещал Уньинскую пещеру, так как его интересовал карст этого района[6]. Б. И. Гуслицер дал подробное описание пещеры, составил ее план и разрез.

Пещера расположена на правом берегу Уньи, в 10 *м* от русла реки и в 6 *м* над ее уровнем. Пещера имеет несколько залов, соединяющихся между собой ходами, иногда двойными. Образовалась пещера в массивных светло-серых известняках визейского яруса нижнего карбона. Падение известняков здесь на восток под углом 35°, а пещера прослеживается почти по простиранию слоев и определяется направлением тектонических трещин.

С целью изучения дна пещеры летом 1957 г. Б. И. Гуслицером в начале пещеры были заложены два шурфа, расположенные в 1,5 *м* друг от друга. Первый шурф, диаметром 0,5 *м*, был заложен у входа в пещеру, а второй — в самой пещере под навесом скалы. Оба шурфа не дошли до дна пещеры, хотя глубина их достигала 0,8 *м*. В верхней части вскрытого культурного слоя, состоявшего из обломков известняка, толщиной в среднем 0,1 *м*, было обнаружено большое количество костных остатков, среди которых встречаются крупные кости, принадлежащие, по-видимому, лосю и медведю, а также кости мелких хищников и грызунов. Большинство крупных костей разбито, по-видимому, с целью извлечения мозга. Наряду с костями зверей здесь были и длинные (до 30 *см*) полые кости птиц, (вероятно, журавлиные и лебединые). Кроме того, здесь встречалась и рыбья чешуя. Во всем культурном слое попадались угольки и обугленные куски древесины, а также гальки, до 10 *см* в поперечнике, из кварцита и кристаллических пород.

---

[1] Чеклецов. Геогностическое обозрение Чердынского уезда Пермской губернии. Горный журнал, 1833, № 5.

[2] П. М. Бурнашев. Отчет о действиях золотоискательной партии в вершинах р. Печоры в 1844 г. Зап. Уральского об-ва любителей естествознания, т. III, № 1, 1875.

[3] Э. Гофман. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1856.

[4] Е. С. Федоров. Геологические исследования в Северном Урале в 1887—1889 гг. Горный журнал, 1898, № 5.

[5] В. А. Варсанофьева. Географический очерк бассейна Уньи. Северная Азия, кн. 1, 1929.

[6] Б. И. Гуслицер. Пещеры бассейна р. Уньи. Изв. Коми филиала Всесоюзного географич. об-ва, вып. 5, Сыктывкар, 1959, стр. 43, 52.

Из самого низа вскрытой части культурного слоя, на глубине 0,6—0,8 *м*, где к обломкам известняка примешивается уже суглинок и отсутствуют кости, был извлечен кремневый скребок. Скребок сделан из серого кремня. Его отработанный рабочий край слегка округлен и обработан мелкой ретушью (рис. 1, *1*).

Отсутствие палеолитических стоянок севернее р. Чусовой, а именно в бассейне р. Печоры, некоторые историки [7] объясняли неблагоприятными условиями геологической истории Северного Приуралья.

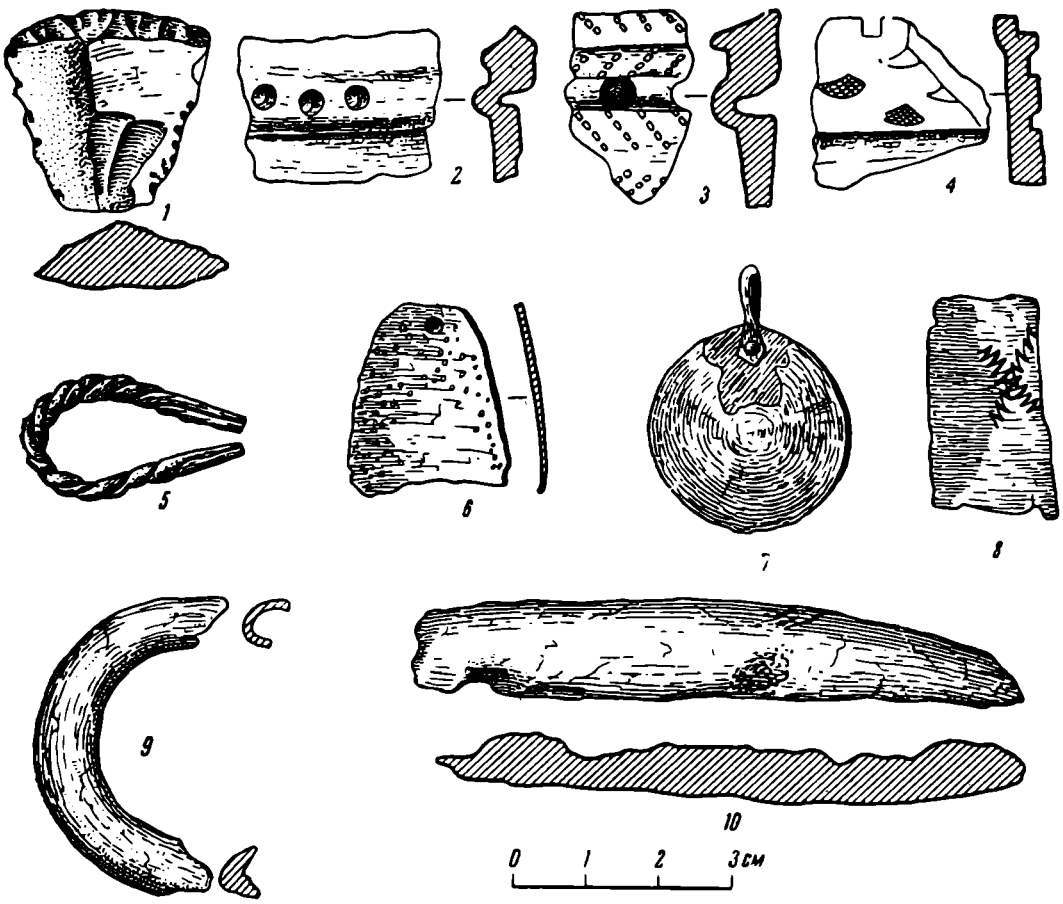


Рис. 1. Находки с Уньинской стоянки

1 — кремневый скребок; *2—4* — обломки керамики; *5* — медная проволочная подвеска; *6* — серебряная пластинчатая подвеска; *7* — бронзовая подвеска с серебряной амальгамой; *8* — медная подвеска; *9* — резец бобра; *10* — кость со следами зубов грызуна

Граница максимального оледенения Приуралья, правда, проходит южнее бассейна р. Уньи и севернее р. Чусовой, а граница вюрмского оледенения — значительно севернее, в среднем течении р. Печоры [8]. Но даже и в том случае, если границу вюрмского оледенения, судя по новым данным, придется провести значительно южнее указанной в работе С. А. Яковлева, вряд ли можно будет считать, что район р. Уньи был перекрыт вюрмским оледенением. Два моренных горизонта на р. Унье, описанные В. А. Варсанофьевой [9] и Б. И. Гуслицером, по-видимому, отвечают рисскому оледенению и более молодому московскому, которое некоторыми учеными рассматривается как стадия рисского.

---

[7] См. Л. П. Лашук. Печорский край в древности. Тр. Коми филиала АН СССР, 1954, № 2.

[8] С. А. Яковлев. Основы геологии четвертичных отложений Русской равнины. Тр. ВСЕГЕИ, новая серия, т. XVII, 1956.

[9] В. А. Варсанофьева. Четвертичные отложения бассейна Верхней Печоры в связи с общими вопросами четвертичной геологии Печорского края. Уч. зап. МГПИ, 1939, вып. 1.

Учитывая, что бассейн р. Уньи расположен близко к бассейну р. Чусовой, где известны палеолитические стоянки, и независимо от того, покрывался ли он вюрмским оледенением или нет, мы вправе допустить возможность заселения Уньинской пещеры древним человеком в рисс-вюрмскую межледниковую эпоху. Мы не можем согласиться с мнением Л. П. Лашука о том, что из-за большого количества озер здесь в межледниковье не мог существовать человек. Стоянка в пещерных условиях вполне могла сохраниться даже во время вюрмского оледенения, не говоря уже о том, что после отступания его она вполне могла быть обитаемой. Мы не утверждаем определенно, что данная пещера была заселена человеком уже в палеолите, но хотим отметить, что геологическая история Северного Приуралья ни в какой мере не могла препятствовать древнему человеку находиться здесь ни в рисс-вюрмскую межледниковую эпоху, ни после вюрмского оледенения. В. И. Громов, например, допускает, что территория к северу от р. Чусовой могла быть заселена в эпоху мезолита [10].

О возможности заселения Уньинской пещеры древним человеком в палеолите будут свидетельствовать данные о возрасте этой пещеры. По мнению Б. И. Гуслицера, возраст Уньинской пещеры определяется как послеледниковый, пещера образовалась в момент формирования первой надпойменной шестиметровой террасы р. Уньи. Однако на составленном им профиле пещеры видно, что нижний проход уходит ниже уровня реки, дно которой сложено аллювием. Это указывает на то, что русло реки, возможно, переуглублено и пещера могла быть образована в более ранний период, т. е. в период формирования долины Уньи, которая в целом, по данным Б. И. Гуслицера, является дочетвертичной. Если же исследования докажут отсутствие хода пещеры ниже уровня р. Уньи, то пещера окажется сравнительно молодой и тогда остатков палеолитической культуры в ней, естественно, не может быть.

В средней части культурного слоя, вскрытого первым шурфом, среди костных остатков найдена плитка известняка длиной 10 *см*, шириной 3 *см* и высотой 2 *см*. Одна сторона этой плитки украшена рисунком из треугольников и лунок. К сожалению, открыватель стоянки не смог более тщательно осмотреть пещеру, и в частности ее стены. Иначе, вероятно, были бы замечены подобные рисунки на стенах пещеры, так как на плитке виден свежий излом, указывающий на то, что она недавно упала со стены. Там же было найдено восемь черепков с ямочно-гребенчатым орнаментом, от трех сосудов, а во втором шурфе — два черепка одного сосуда.

На первом сосуде ямки расположены в один ряд, по три с промежутками (рис. 1, *2*). Ямки наносились круглой, тупой палочкой. На внутренней стороне сосуда против ямок образовались бугорки. Венчик скошен внутрь сосуда. Кроме ямок, этот сосуд украшен гребенчатым орнаментом. На самом венчике гребенкой из квадратных зубьев сделаны косые насечки, а ниже ямок нанесен ряд из вертикальных змеек, после чего снова ряд той же гребенки. Судя по остальным черепкам, не имеющим орнамента, украшалась лишь верхняя часть сосуда. Вероятнее всего, сосуд был круглодонным и достигал 30 *см* в диаметре, при толщине стенок 3 *мм*. Сосуды с подобным орнаментом были встречены нами в Большеземельской тундре в Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте и на 7-й стоянке р. Падимей-Вис. Эти памятники относятся ко второй половине I тысячелетия до нашей эры или к самому началу нашей эры [11].

[10] В. И. Громов. Геологический возраст палеолита на территории СССР. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950.

[11] Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КИЧП, т. VII, 1948; его же. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры. КСИИМК, вып. XXIII, 1948; его же. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XV, 1951; его же. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951; его же. Новые археологические находки в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. 54, 1954.

Два черепка без орнамента принадлежат другому сосуду, толщина их достигает 6 *мм*; в тесто глины добавлено много дресвы из крупных зерен кварца. На этих черепках сохранились полоски, сделанные пучком травы при сглаживании стенок сосуда как с внешней, так и с внутренней стороны. Подобные горшки встречались на стоянках Печоры и Большеземельской тундры I тысячелетия до н. э. Третьему сосуду принадлежит маленький обломок верхней части, с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 1, *3*). Над линией ямок проходит ровный желобок. Кроме ямок, сосуд украшен гребенчатым орнаментом. Венчик слегка утолщен и имеет характерный козырек, обращенный внутрь сосуда. В глину добавлено много дресвы из крупных зерен кварца и черного кремня. Сосуд довольно сильно обожжен, и черепок имеет кирпичный цвет. Сосуды с подобным орнаментом часто встречались на стоянках Печоры и Большеземельской тундры, однако венчик с козырьком нам встретился впервые.

От последнего сосуда имеются только три черепка, один из них — с гребенчатым орнаментом (рис. 1, *4*). Сосуд, по-видимому, орнаментировался лишь в верхней части, оригинальным штампом овальной формы с мелкими квадратными зубьями внутри. Узор наносился в шахматном порядке в два ряда. Над верхним рядом сохранилась глубокая квадратная ямка, а ниже — неглубокий желобок. На одном из черепков без орнамента, принадлежащих боковой части, виден резкий изгиб. Этот сосуд был сделан из тонкозернистой глины, без примеси дресвы. Несмотря на небольшую (4 *мм*) толщину, стенки сосуда очень крепкие. Сосуд, орнаментированный ромбическим штампом с мелкой квадратной сеткой внутри, был обнаружен нами на Мало-Соплясской стоянке р. Средней Печоры [12], но сосуд из подобной глины встречен нами впервые. Этот сосуд, по всей вероятности, относится к началу нашей эры.

Вместе с керамикой были найдены четыре металлические подвески, являющиеся, по-видимому, женскими украшениями. Одна из них представляет собой кольцо из скрученной четырехгранной медной проволоки (рис. 1, *5*), вторая — серебряная пластинка (0,5 *мм* толщиной) с круглым отверстием вверху (рис. 1, *6*), третья — круглая, тонкая подвеска с сохранившейся на одной стороне у ушка серебряной амальгамой, припаянной к бронзовому диску (рис. 1, *7*), и четвертая — медная, тонкая, продолговатая, с небольшим отверстием в форме восьмерки. На этой пластинке с одной стороны сохранился зигзагообразный рисунок (рис. 1, *8*). Кроме металлических предметов, найдена половина резца молодого бобра (рис. 1, *9*). Из культурного слоя была взята небольшая косточка, на которой сохранились следы зубов мелкого грызуна (рис. 1, *10*).

Металлические предметы, обнаруженные в культурном слое Уньинской пещеры, имеют много общего, а некоторые вещи обнаруживают даже полное тождество с женскими украшениями Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в Большеземельской тундре [13]. Круглая подвеска с ушком аналогична подвескам, которые были найдены в тундре и являются копиями сасанидских монет с изображением жертвенника, по сторонам которого стоят два человека. Медная пластинка с характерным зигзагообразным рисунком повторяет рисунок, изображенный на браслетах и пластинках жертвенного места Большеземельской тундры.

При сравнении результатов спектрального анализа металлических изделий Большеземельской тундры мы находим общее в составе металла.

Таким образом, мы можем с полной уверенностью говорить, что Уньинская пещера посещалась древним человеком и в середине I тысячелетия н. э.

---

[12] Г. А. Чернов. Стоянки на Средней Печоре. СА, 1959, № 2, рис. 3, *8*.

[13] Г. А. Чернов. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951; его же. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, 1955.

Наличие в Уньинской пещере большого количества костных остатков вместе с женскими украшениями может указывать, что в течение какого-то времени пещера являлась местом жертвоприношения. Присутствие угольков и обугленной древесины говорит о частом разжигании костров в пещере. Встреченные черепки от глиняных сосудов могли принадлежать светильникам, как это установлено в жертвенном месте Большеземельской тундры, где небольшие сосуды с низким поддоном были изготовлены специально для этой цели [14].

Ввиду того, что в бассейне р. Уньи довольно хорошо развит карст и в настоящее время известно уже несколько пещер, этот район приобретает еще больший интерес для детального исследования.

[14] Г. А. Чернов. Жертвенное место..., стр. 9.

П. П. ХОРОШИХ

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Во время раскопок неолитических стоянок, расположенных на побережье р. Ангары, в зоне строительства Иркутской гидростанции, автором заметки были найдены два фрагмента глиняных сосудов с процарапанными на них зооморфными изображениями. Оба фрагмента обнаружены в слоях, относящихся к китойскому времени ангаро-байкальского неолита.

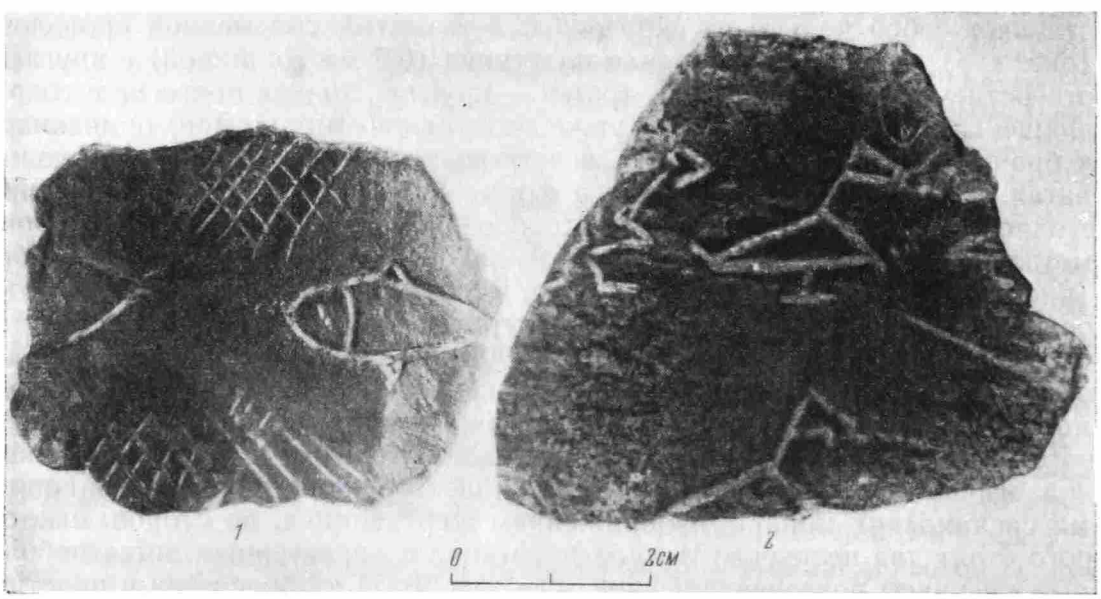


Рис. 1. Фрагменты неолитических сосудов с зооморфными изображениями
1 — со стоянки у пос. Большая речка; *2* — со стоянки в местности «Гнилая»

Первый фрагмент, с изображениями двух рыб и сетей (рис. 1, *1*), был найден в 1953 г. при раскопках неолитической стоянки на террасе правого берега р. Ангары, в 1,5 *км* выше пос. Большая Речка, примерно в 53 *км* выше г. Иркутска [1]. Он был обнаружен на глубине 0,34 *м*, в слое темно-бурой супеси. Поверхность фрагмента гладкая, глина темно-коричневого

[1] Иркутский музей, инв. № 8742—1

цвета, толщина стенок сосуда 0,4 *см*. Судя по форме фрагмента, изображениями рыб была украшена средняя часть поверхности сосуда. Рыбы, напоминающие окуней, нарисованы плывущими друг за другом между сетями. Изображения рыб процарапаны по контуру.

Второй фрагмент, со схематическими изображениями водоплавающих птиц (рис. 1, *2*), был найден на неолитической стоянке, расположенной на правом берегу р. Ангары, в местности «Гнилая», примерно в 56 *км* выше г. Иркутска [2]. Фрагмент обнаружен на глубине 0,36 *м*, в слое темно-бурой супеси, около очага, сложенного в виде неправильного круга из пяти камней. Поверхность сосуда гладкая, глина темно-коричневого цвета, толщина стенок сосуда 0,3 *см*. На внутренней стороне стенки заметны следы нагара. Рисунки на фрагменте, по всей вероятности, изображают уток, идущих друг за другом.

Изображения на обоих фрагментах сосудов были нанесены неолитическими гончарами еще до обжига сосудов на огне. В пределах Восточной Сибири фрагменты неолитических сосудов с изображениями рыб и птиц найдены впервые.

[2] Иркутский музей, инв. № 8741—1.

Ю. Н. ЗАХАРУК

ГЛИНЯНЫЙ АМУЛЕТ ИЗ с. КОШИЛОВЦЫ

(К вопросу о трипольской пластике полимастического характера)

В 1953 г. во время работы Подольской археологической экспедиции Института общественных наук АН УССР на известном поселении трипольской культуры в с. Кошиловцы, Товстенского района, Тарнопольской области, были проведены под руководством автора настоящей статьи контрольные раскопки на месте прежних раскопок К. Гадачека [1]. В выкидах земли из раскопок К. Гадачека было найдено оригинальное глиняное изделие (рис. 1), принадлежность которого к комплексу трипольского поселения не вызывает сомнений.

Рис. 1. Глиняная подвеска из с. Кошиловцы

Предмет изготовлен из хорошо отмученной глины розово-желтого цвета, характерной для расписной трипольской керамики. Он имеет форму небольшого щитка размером 4 × 3,7 × 0,6 *см*. Верхний край изделия посередине слегка выгнут, по бокам его — небольшие выступы с отверстиями. Несколько ниже их, по бокам, имеется по два меньших, плоских, свисающих вниз выступа. По нижнему, дуговидному краю нанесены неглубокие насечки тонким предметом. На лицевой стороне изображены два горизонтальных ряда свисающих рельефных сосковидных выступов, по четыре в каждом ряду. Один из них впоследствии отпал. Тыльная сторона гладкая.

Глиняное изделие из Кошиловцев не имеет полных аналогий среди находок трипольской культуры и других энеолитических культур.

Наличие отверстий указывает на то, что оно служило подвеской. В этой связи следует напомнить, что в Кошиловцах К. Гадачеком также

[1] K. Hadaczek. Osada przemysłowa w Koszyłowcach z epoki eneolitu. Lwow, 1914.

были найдены две подвески, правда, изготовленные из кости. Одна из них — в виде «бычьего лба» [2], другая — в виде человеческой фигуры [3]. Обе подвески имели в верхних боковых углах отверстия для подвешивания.

Весьма близка к кошиловецкой находке каменная подвеска из Мариупольского могильника (рис. 2, *3*) [4]. Подвеска была найдена на груди покойника, что указывает на способ ношения подобных вещей. Н. Макаренко считал их амулетами.

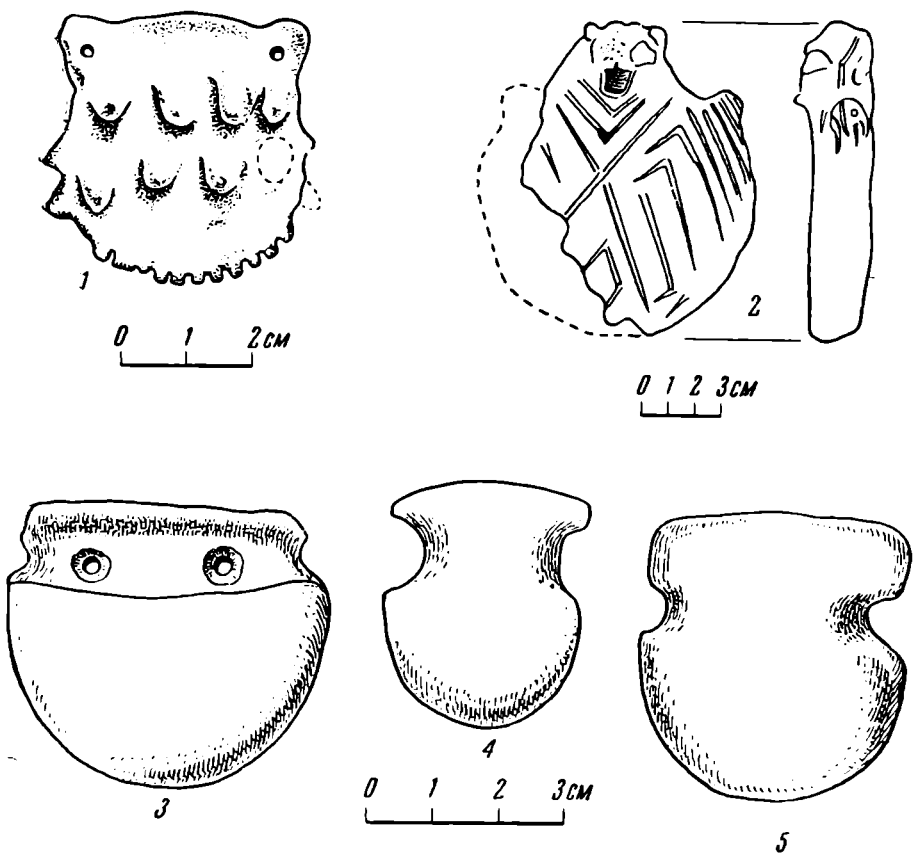


Рис. 2. Антропоморфные идолы и амулеты из глины и камня
1 — глиняная подвеска из Кошиловцев; *2* — терракота из Винчи; *3* — каменный амулет из Мариупольского могильника; *4*, *5* — каменные идолы из Чоки

Довольно близки к кошиловецкой глиняной подвеске энеолитические каменные идолы из Чоки в Югославии (рис. 2, *4*, *5*) [5]. В отличие от кошиловецкой и мариупольской, находки из Чоки не имеют отверстий для подвешивания.

Идолы из Чоки в резко выраженной схематизированной манере изображают человеческую фигуру. Конические отростки, как это установлено последними исследованиями, являются весьма устойчивым и широко распространенным в энеолитической антропоморфной пластике схематическим изображением согнутых в локтях и сложенных под грудью рук [6]. Закругленная нижняя часть идолов изображает скрещенные под себя ноги сидящей человеческой фигуры [7]. Кошиловецкая подвеска в основе своей характеризуется этими же морфологическими моментами.

---

[2] Ch. Hadaczek. La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque énéolithique. Album de fouilles. Léopol — Krakow, 1915, табл. V, *22*.
[3] Там же, табл. V, *26*.
[4] М. Макаренко. Маріюпільський могильник. Київ, 1933, стр. 108, рис. 87, *376*.
[5] J. Neustupný. Studie o eneolitické plastice. Praha, 1956, табл. VIII, *1*.
[6] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1952, стр. 228—229.
[7] Там же.

Для правильного понимания формы кошиловецкой находки важна также антропоморфная терракота, найденная в Винче (рис. 2, *2*) [8]. Сохранившийся в верхней выпуклой части терракоты пластический нос и прочерченные глаз и рот убедительно свидетельствуют о том, что она является, несомненно, антропоморфной. Кошиловецкая подвеска по форме и пропорциям чрезвычайно напоминает антропоморфную терракоту из Винчи, отличаясь от последней главным образом размерами.

Рис. 3. Позднетрипольская глиняная женская статуэтка из поселения в с. Сухостав, Тарнопольской области, УССР

Идолы из Чоки, антропоморфную терракоту из Винчи, а также кошиловецкую подвеску следует сопоставлять с их троянскими и кикладскими прототипами, которые восходят к критским глиняным сидячим антропоморфным статуэткам [9]. Напомним, что М. Васич указывал как на близкую аналогию находки из Винчи на антропоморфную терракоту, найденную в Терми на о. Лесбосе [10].

На лицевой стороне глиняной подвески из Кошиловцев имеются два горизонтальных ряда сосковидных выступов, вполне реалистически изображающих женские груди. В этом легко убедиться, сопоставив их с трипольскими антропоморфными статуэтками (рис. 3). Нетрудно понять значение плоских конусовидных выступов, свисающих по бокам подвески. Они также изображают женские груди, но в профиль. Для подтверждения этого заключения обратимся к двум глиняным антропоморфным статуэткам, найденным на известном многослойном поселении Извоаре, в Румынии (рис. 4, *1, 2*). Обе статуэтки относятся к слою Извоаре I, верхняя часть которого соответствует памятникам раннего триполья на нашей территории.

Одна из статуэток (рис. 4, *1*) представляет собой торс женской антропоморфной фигурки, на лицевой стороне которой в виде рельефных сосковидных выступов изображена женская грудь, а по бокам — несколько плоских конусовидных выступов, таких же, как и на кошиловецкой подвеске. Вместо головы в верхней части статуэтки имеется небольшой выступ. Правильность интерпретации его как рудимента головы подтверждается тем, что на антропоморфной терракоте из Винчи (см. рис. 2, *2*) также имеется выступ, на котором, как уже отмечалось, сохранились рисунок глаз и рельефный нос. Такой же выступ имеется и в верхней части кошиловецкой подвески. Раду Вульпе определил данную извоарскую статуэтку как многогрудую — полимастическую [11].

Особенностью второй статуэтки из Извоаре (рис. 4, *2*) является то, что на ней груди изображены по бокам торса, еще более схематично — в виде волнистого края. Р. Вульпе и эту статуэтку считает полимастической [12].

То, что боковые выступы, равно как и волнистая линия вдоль торса фигурок из Извоаре, действительно изображают женские груди, лучше всего подтверждается оригинальной статуэткой, найденной на трипольском по-

[8] М. Васић. Преисториска Винча III. Пластика. Београд, 1936, табл. CIII, *486*.
[9] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 42, рис. 8.
[10] М. Васић. Ук. соч., стр. 97.
[11] Radu Vulpe. Izvoare. Săpăturile din 1936—1948. Bucureşti, 1957, стр. 230, рис. 232, *2*.
[12] Там же, рис. 233.

селении Хебешешти, в Румынии (рис. 4, *4*) [13]. На лицевой стороне торса этой статуэтки, на уровне плеч, изображен горизонтальный ряд из семи небольших уплощенных полушаровидных выступов. Вряд ли можно сомневаться в том, что указанные выступы изображают горизонтальный ряд женских грудей. Совершенно такие же выступы имеются вдоль одного сохранившегося бока статуэтки.

Тем не менее указанные статуэтки полимастического характера при большем или меньшем сходстве отдельных деталей с деталями кошиловецкой находки существенно отличаются от последней. В первом случае мы имеем дело с антропоморфными статуэтками, а во втором — с сильно схематизированной антропоморфной подвеской. Однако кошиловецкая подвеска не является чуждой трипольской культуре. На упомянутом поселении Хебешешти наряду с антропоморфными статуэтками (в том числе одной полимастической) известна серия глиняных подвесок так называемого троянского типа, очень схематично передающих человеческую фигуру [14]. Они имеют закругленное основание и закругленные плечевые выступы. В отличие от статуэток, они плоские и в плечевой части имеют отверстия для подвешивания.

Среди плоских подвесок из Хебешешти имеется одна, представляющая собой прямую аналогию антропоморфным статуэткам полимастического характера (см. рис. 1, *5*). Она имеет хорошо выраженную, суживающуюся кверху верхнюю часть, соответствующую торсу антропоморфных статуэток. Бока торса подвески изображены в виде волнистой линии, как на упомянутой статуэтке из Извоаре I (см. рис.4, *2*). На лицевой стороне торса нанесены один горизонтальный и три вертикальных ряда наколов, имитирующих, по всей вероятности, женские груди. Это тем более правдоподобно, что женские груди иногда на статуэтках изображались в виде точек или наколов. Нижняя часть подвески из Хебешешти закруглена, что очень характерно для подвесок этого типа.

Большинство же плоских подвесок из Хебешешти обычно имеет относительно меньшую верхнюю часть, которая изображает только верхнюю часть торса человеческой фигуры, с закругленными плечевыми выступами. Такой же формы плоская глиняная подвеска найдена и на другом поселении трипольской культуры в Румынии — в Трушешти [15].

Достойна внимания также другая подвеска из Хебешешти (рис. 4, *6*). В отличие от предыдущей подвески из Хебешешти, ее верхняя часть значительно меньше и по форме ближе к кошиловецкой подвеске. В верхней части нанесен горизонтальный ряд из семи наколов, что соответствует горизонтальному ряду грудей, изображенных выступами на статуэтке с того же поселения (ср. рис. 4, *4*). Нижняя часть подвески имеет рисунок, не связанный с подчеркиванием ног сидящего человека, а изображающий, вероятно, два ряда женских грудей в профиль.

На примере подвесок из Хебешешти прослеживается тенденция к уменьшению верхней части, соответствующей торсу человеческой фигуры, а также перенесение в связи с этим соответствующих ей изображений на нижнюю часть подвески, с которой они органически не связаны.

Кошиловецкая подвеска, как наиболее поздняя из числа известных подвесок этого типа, представляет собой результат типологического развития плоских глиняных подвесок из Хебешешти, идущего по линии все большей схематизации изображения человеческой фигуры и утраты органической связи между составляющими подвеску частями и формой человеческой фигуры в целом. В ряду трипольских подвесок полимастического

---

[13] Vladimir Dumitrescu, Hortensia Dumitrescu, M. Petrescu-Dîmboviţa, N. Goslar. Hăbăşeşti. Monografie arheologica. Bucureşti, 1954, стр. 405, рис. 1.

[14] Там же, стр. 414, рис. 36.

[15] M. Petrescu-Dîmboviţa. Şantierul arheologic Truşeşt. SCIV, т. VI, вып. 1—2, 1955, стр. 172, рис. 5, 2.

характера кошиловецкая подвеска является по форме наиболее схематичной, а в полимастическом отношении предельно выразительной.

Возможно, что имеющиеся на нижнем краю кошиловецкой подвески насечки также имитируют множество грудей [16]. Тот факт, что груди иногда изображались в виде насечек, засвидетельствован позднетрипольской антропоморфной статуэткой из Извоаре III (рис. 4, 7) [17]. Вдоль боков торса, где обычно на статуэтках полимастического характера изображаются груди, она имеет насечки. Можно предположить, что и насечки на кошиловецкой подвеске также имитируют женские груди, однако эти насечки могли иметь и чисто орнаментальное значение.

На лицевой стороне статуэтки из Извоаре III грудь изображена наколами. Как видим на примере рассмотренных статуэток и подвесок полимастического характера, изображение женских грудей достигалось различными приемами — от весьма реалистических изображений вплоть до совершенно стилизованных, в виде наколов и насечек.

Кошиловецкая подвеска свидетельствует об умении предельно использовать известную в трипольской пластике в предшествующее время форму подвесок так называемого троянского типа для наиболее полного выражения идеи полимастичности и поэтому интересна как замечательный образец трипольского пластического искусства.

В свете изложенного представляется возможным выделить в трипольской пластике группу антропоморфных статуэток полимастического характера, на существование которых уже обратил внимание Р. Вульпе [18]. В связи с кошиловецкой подвеской можно выделить, кроме того, еще и группу глиняных стилизованных подвесок полимастического характера [19]. Находки подвесок из Хебешешти и Кошиловцев свидетельствуют, что подвески встречаются на памятниках среднего и позднего триполья. В настоящее время неизвестны пока глиняные подвески полимастического характера на раннетрипольских поселениях.

В этой связи заслуживает внимания находка костяной подвески на раннетрипольском поселении Сабатиновка II [20], которую исследователи определили как костяную схематизированную статуэтку. Она представляет собой небольшую костяную пластинку продолговатой формы с вырезанными по бокам коническими зубцами. В верхней части она имеет отверстие для подвешивания (рис. 4, *3*). Т. С. Пассек и Ю. Неуступный сопоставляли костяную подвеску из Сабатиновки II с находкой костяного антропоморфного амулета из Выхватинского могильника, а также с серией костяных антропоморфных изображений из энеолитических поселений Румынии и Болгарии [21]. Костяное изделие из Выхватинского могильника, как и сабатиновская подвеска, могло служить амулетом, так как имеет отверстия для подвешивания. Однако костяная подвеска из Сабатиновки II в морфологическом отношении все же отличается от амулета

---

[16] Исходя из наличия насечек по дуговидному нижнему краю подвески, некоторые исследователи рассматривали ее как обыкновенный штамп для орнаментации керамики. Однако эта точка зрения не согласуется со следующими моментами: во-первых, и это главное, в керамических комплексах памятников типа Кошиловцев штампованный орнамент не встречается вовсе; во-вторых, кошиловецкая подвеска не отвечает минимальным техническим требованиям, предъявляемым к штампу.

[17] Radu Vulpe. Ук. соч., стр. 270, рис. 280, *2*.

[18] Там же, стр. 107.

[19] Полимастический характер кошиловецкой подвески подтвердил в личной беседе со мной Раду Вульпе во время семинара по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины в Кишиневе (май 1958 г.), а также в одном из писем болгарский исследователь Георги Георгиев. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность Раду Вульпе и Георги Георгиеву за их интересные замечания, высказанные в связи с кошиловецкой находкой.

[20] М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. АП, т. IV, 1952, табл. I, *4*; его же. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 92, табл. I, *6*.

[21] Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 88—89; J. Neustupný. Ук. соч., стр. 6, 19.

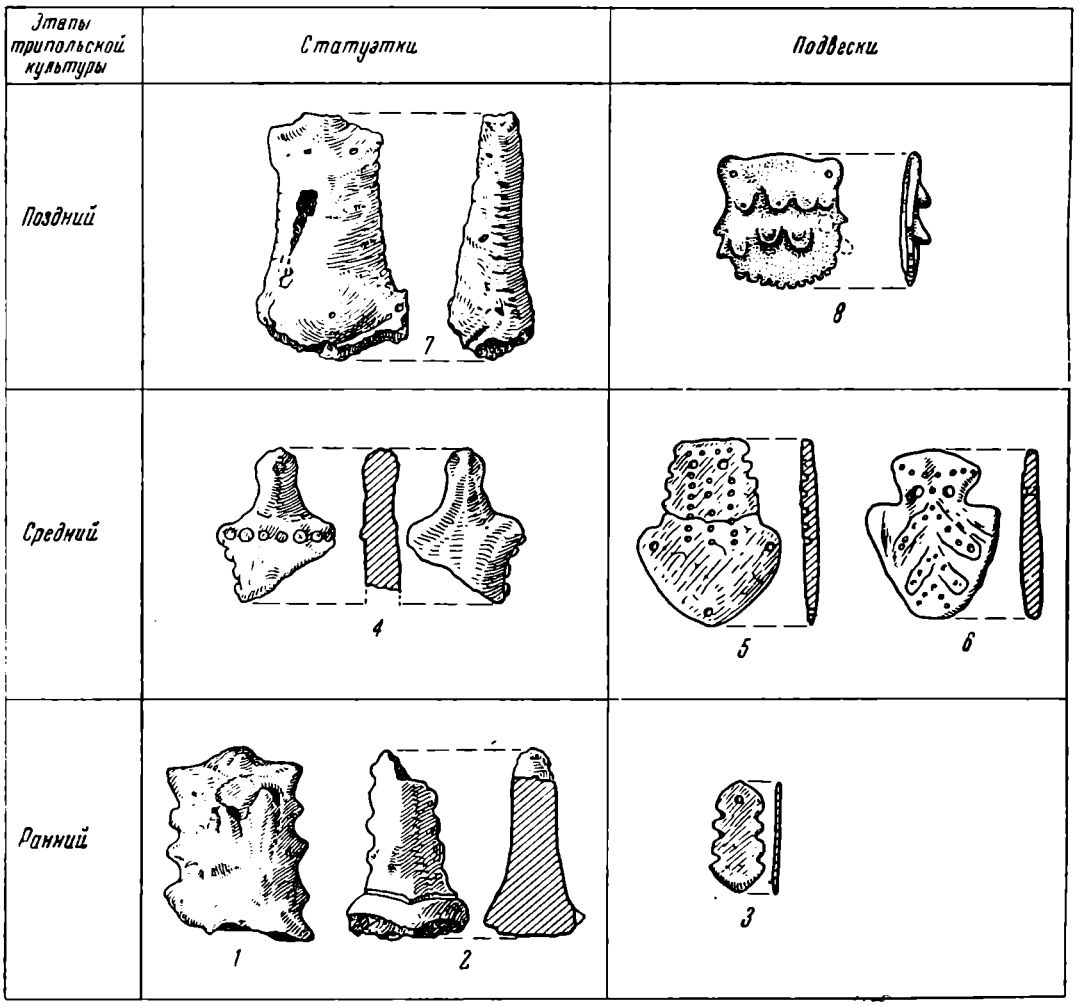


Рис. 4. Трипольские антропоморфные статуэтки и подвески полимастического характера
1, 2 — глиняные статуэтки из Извоаре I; *3* — костяная подвеска из Сабатиновки II; *4* — глиняная статуэтка из Хебешешти; *5, 6* — глиняные подвески из Хебешешти; *7* — глиняная статуэтка из Извоаре III; *8* — глиняная подвеска из Кошиловцев

из Выхватинского могильника и сопоставляемых с ними энеолитических костяных статуэток. Это указывал и М. Л. Макаревич [22]. Почти все сопоставляемые Т. С. Пассек костяные статуэтки, в отличие от сабатиновской подвески, имеют трехчленное или двучленное деление. На эту устойчивую морфологическую особенность энеолитических костяных статуэток обращал внимание Ю. Неуступный [23]. Костяные фигурки с трехчленным делением он считал изображением стоящего человека, а двучленные — сидящего. При этом Ю. Неуступный отмечал, что обе эти группы костяных стилизованных антропоморфных статуэток существуют одновременно и не могут быть выводимы одна из другой; в отличие от них, сабатиновская подвеска имеет четырехчленное деление [24].

Если же сопоставить сабатиновскую подвеску со статуэтками и подвесками полимастического характера, то ее членение можно объяснить таким образом: верхняя часть с отверстием представляет собой плечевые выступы, нижняя — тазобедренную часть сидящей фигурки, а выступы по бокам — изображение женских грудей. В этом отношении костяная подвеска из Сабатиновки представляет собой прямую аналогию синхроничным ей полимастическим статуэткам из Извоаре I (ср. рис. 4, *1*, *2*). Вот почему следует рассматривать сабатиновскую костяную подвеску как древнейшую трипольскую подвеску полимастического характера. Поскольку последняя изготовлена из кости, она, по сравнению с глиняными полимастическими фигурками и подвесками, является наиболее стилизованной.

[22] М. Л. Макаревич. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 92.
[23] J. Neustupný. Ук. соч., стр. 20.
[24] Там же, стр. 19, 65.

Если данное объяснение костяной подвески из Сабатиновки правильно, мы вправе говорить о существовании на всех этапах трипольской культуры (культура Ариушд — Кукутени — Триполье по Раду Вульпе) наряду с антропоморфными статуэтками полимастического характера также и полимастических подвесок (см. рис. 4).

* * *

Исследователями трипольской культуры давно установлена связь трипольской пластики с культом плодородия, широко распространенным у трипольцев и других древнеземледельческих племен. Несомненно, что идея полимастичности была также тесно связана с культом плодородия, который нашел свое универсальное воплощение в образе женского божества. Можно предположить, что в пластике полимастического характера получил свое развитие один из аспектов культа плодородия, связанный с идеей кормления и питания, понимаемой в самом широком смысле, как источник жизни. Как известно, древнегреческая богиня Артемида являлась также великой богиней, кормящей матерью всех растений, животных и человека, и изображалась в виде многогрудой женщины (Артемида Эфесская). Это божество очень древнее и не греческое по своему происхождению. По-видимому, истоки этого культа следует искать в среде древнейших земледельческих культур Европы и ближайших к ней древнейших цивилизаций Востока. Возможно, что свидетельствами этого являются воплощенные в скульптуре и пластике образы: богиня с руками, поддерживающими или сжимающими грудь, широко представленная в искусстве древнеземледельческих племен [25]; богиня с обнаженной грудью в минойской культуре [26]; предельно схематические плоские антропоморфные идолы подчетырехугольной формы с реалистическим изображением женской груди [27]; культовые предметы, в том числе антропоморфные сосуды с изображенной на них женской грудью [28]; трипольская пластика полимастического характера и т. п.

Выделение в трипольской пластике группы полимастического характера, раскрывающей еще одну сторону универсального культа плодородия, подтверждает высказанное ранее исследователями мнение о сложности и дифференцированности идеологических представлений древних трипольцев [29]. В этом отношении заслуживает особого внимания факт, что трипольская пластика полимастического характера представлена, с одной стороны, антропоморфными статуэтками, а с другой — подвесками. Показательно, что они существуют одновременно и изготовлены из одного и того же материала — глины. Следовательно, их различие можно объяснить только их различным назначением и ролью в культовой практике. В одном случае это были, по-видимому, идолы, а в другом — амулеты [30].

Установление группы полимастического характера расширяет наши знания о трипольской пластике, являющейся одним из важнейших источников для изучения идеологических представлений древнейшего земледельческого населения трипольской культуры.

---

[25] J. Morgan. La préhistoire Orientale, т. II, Paris, 1926, стр. 277, рис. 315, *4*; т. III, 1927, стр. 237, рис. 232, *2, 7*.

[26] Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, рис. 63, *2*.

[27] G. Contenau. Manuel d'archéologie Orientale, т. I, Paris, 1924, рис. 107, 263, 264.

[28] N. Aberg. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, ч. IV, Stockholm, 1933, стр. 133, рис. 246; G. Childe. The Dawn of European Civilisation. London, 1925, стр. 55, рис. 26; B. Novotný. Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava, 1958, табл. XLI, *4*.

[29] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 93—98; С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 272, 273; М. Т. Грембарович. К вопросу о значении трипольских женских статуэток. СА, XXV, 1956, стр. 106—123; К. Маевский. Заметки о трипольской пластике. СА, 1959, № 1, стр. 306.

[30] Румынский исследователь В. Думитреску считал возможным рассматривать глиняные подвески троянского типа из Хебешешти также в качестве амулетов. См. Hăbăşeşti, стр. 512, 513.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

НАХОДКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В 1957 г. житель аула Инжичукун [1] Х. О. Джуджуев, работая на огороде, выкопал траншею для изгороди. В траншее обнаружились остатки каменной гробницы, в которой оказались человеческие кости, керамика и бронзовые предметы. Находки были доставлены в Областной музей Карачаево-Черкесской АО.

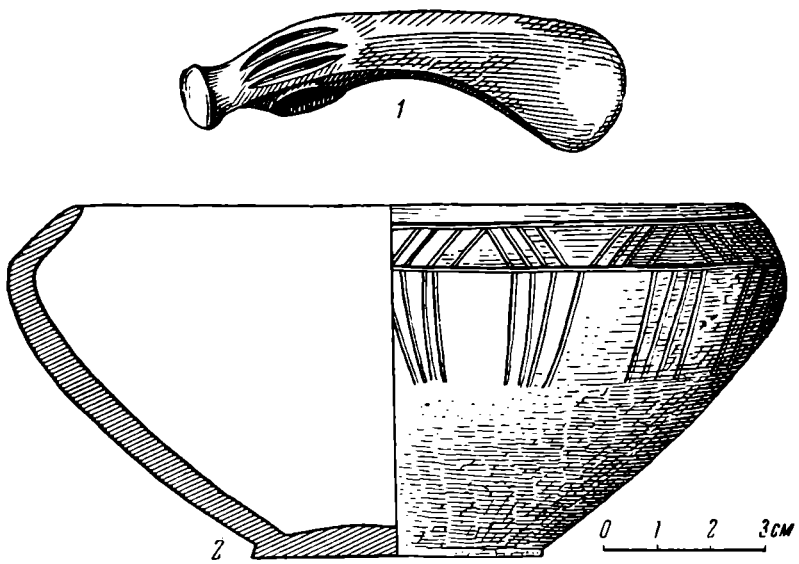


Рис. 1. Предметы из инжичукунской гробницы, открытой Х. О. Джуджуевым

1 — бронзовый топорик; *2* — глиняная миска

Дом Джуджуевых выстроен на южной окраине аула Инжичукун, на бугре. Выехав на место, я обнаружила, что могилы (каменные ящики) находились не только в траншее и в непосредственной близости от нее, но и на всей территории бугра, вплоть до его южных склонов. В 10—12 *м* к северо-западу от вскрытой Х. О. Джуджуевым гробницы во рве обнаружены остатки других гробниц, совершенно разрушенных.

Первая гробница ориентирована с севера на юг. Стенки ее образованы поставленными на ребро песчаниковыми плитами. По словам Х. О. Джуджуева, гробница была покрыта положенными поперек нее каменными плитами, лежавшими на глубине 0,20 *м* от поверхности земли. Ширина гробницы — 1 *м*, длина открытой части (северный конец уходит под изгородь) — 1,5 *м*, глубина — 0,5 *м*. Толщина плит — 0,2 *м*. По словам находчика, человеческие кости, металлические вещи и керамика были обнаружены в центральной и северной частях гробницы. В северной части гробницы мною обнаружена одна бусина-скобочка и обломки человеческих костей.

Бронзовые вещи из этой гробницы, переданные в музей, следующие: топорик (рис. 1, *1*); три браслета, несомкнутые, трехгранные в сечении (рис. 2, *1*); три спиральных браслета, в виде усеченного конуса из пяти витков, трехгранные в сечении (рис. 2, *3*); шесть подвесок в виде полого конуса, с прикрепленной к нему бараньей головкой и петлей; подвеска-навершие в виде костылька (рис. 3, *3*); 20 подвесок в виде кольца с ци-

[1] Аул Инжичукун Хабезского района КЧАО находится в 30 *км* к юго-западу от г. Черкесска, на первой терассе правого берега р. Малый Зеленчук.

линдриком, разделенным на дольки тремя поперечными бороздками (рис. 4, *4*); три подвески в виде колесика с четырьмя спицами (рис. 4, *5*); половина подвески в виде очковидной спирали (рис. 4, *3*); две дисковидные пуговицы с ушком на обратной стороне (рис. 4, *1*, *2*); две полые полушаровидные пуговицы с бугорками на внешней поверхности; две полые

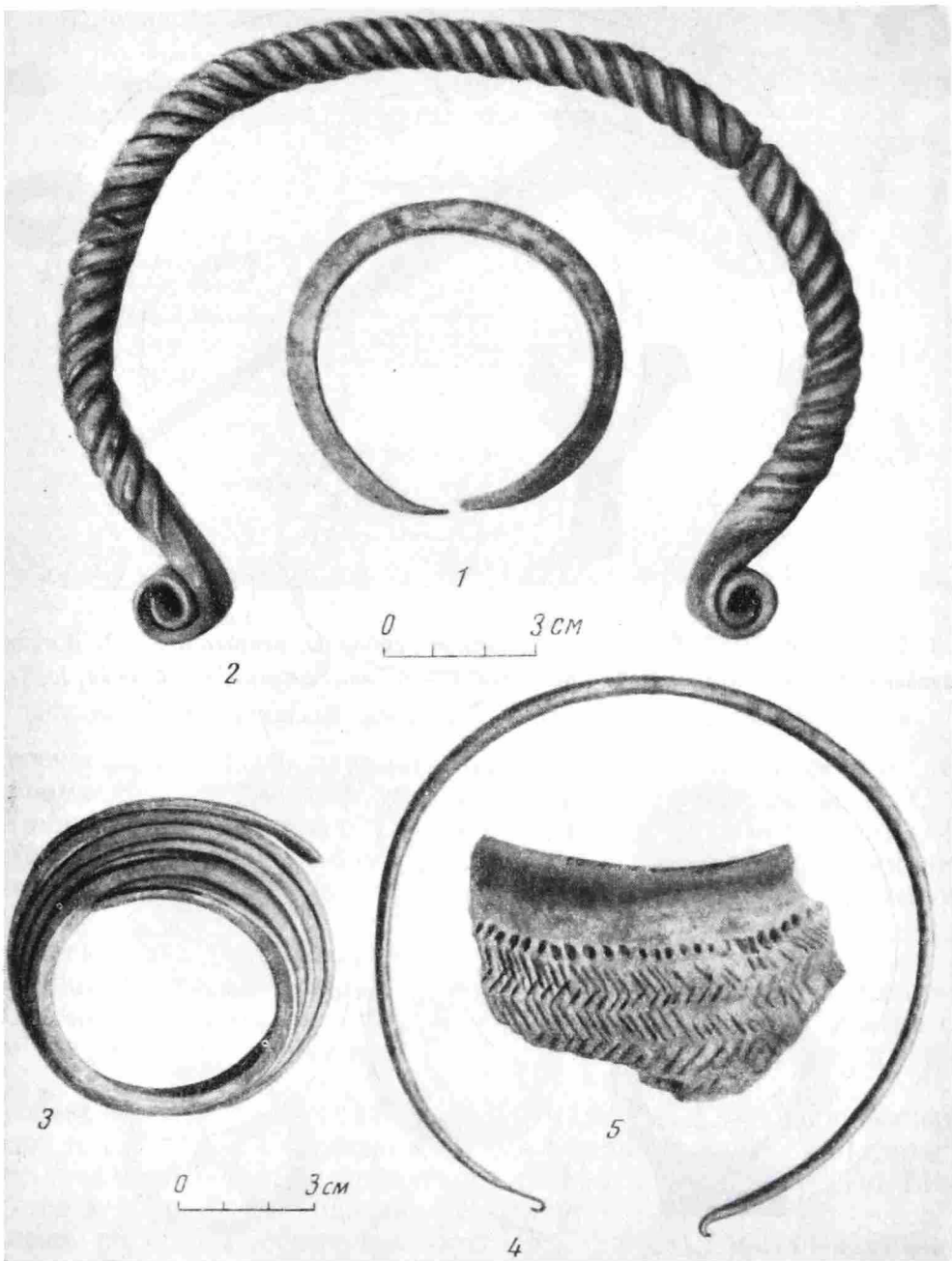


Рис. 2. Бронзовые предметы из инжичукунской гробницы, открытой Х. О.Джуджуевым

1, *3* — браслеты; *2*, *4* — гривны; *5* — обломок глиняного горшка

полушаровидные пуговки; две бляшки в виде двух соединенных кружков (рис. 3, *9*); две биконические спиральки от ожерелья (рис. 3, *4*, *6*); 42 цилиндрические спиральки (рис. 3, *5*); 22 цилиндрические массивные пронизки (рис. 3, 7); 150 бусин-скобочек (рис. 3, *8*); девять массивных овальных пронизок (рис. 3, *10*, *11*); массивная витая несомкнутая гривна со спиральными завитками на концах (рис. 2, *2*); гривна из круглой в сечении проволоки в виде несомкнутого кольца с загнутыми в колечки конца-

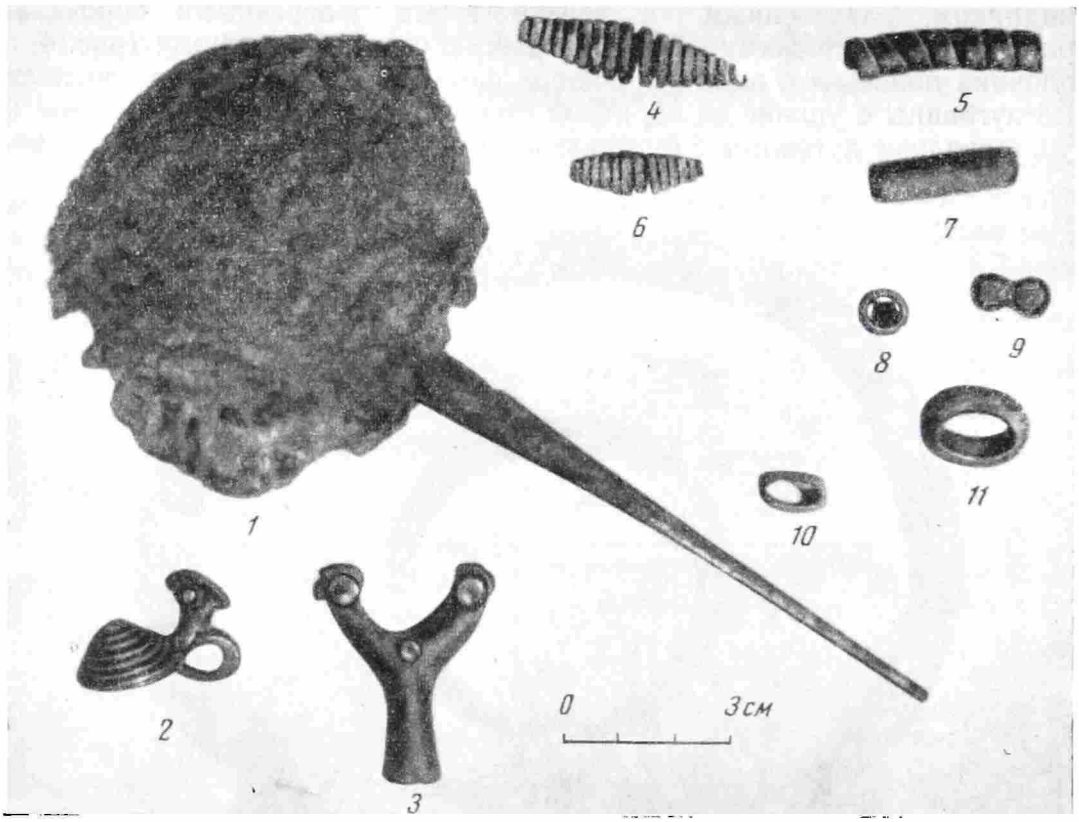


Рис. 3. Бронзовые предметы из инжичукунской гробницы, открытой Х. О. Джуджуевым
1 — булавка; *2, 3* — подвески; *4—7* — пронизки; *8* — бусина-скобочка; *9* — бляшка; *10, 11* — пронизки

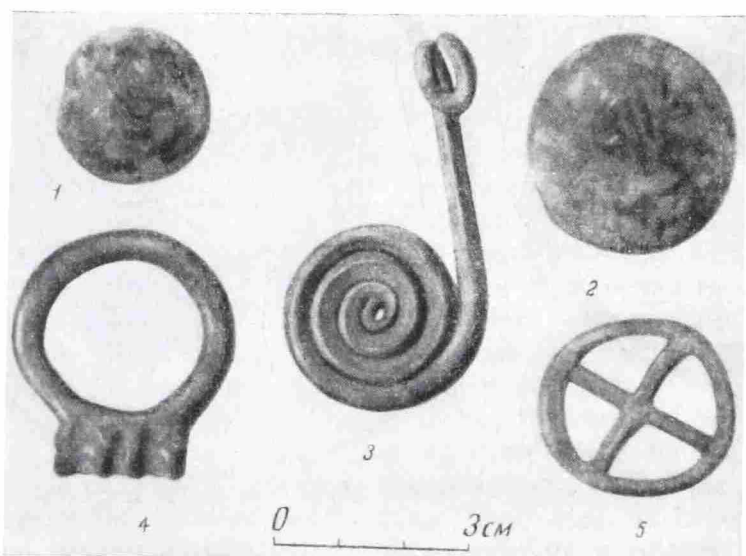


Рис.4. Бронзовые предметы из инжичукунской гробницы, открытой Х. О. Джуджуевым
1, 2 — пуговицы; *3* — обломок очковидной привески; *4, 5* — подвески

ми (рис. 2, *4*); две булавки с овальным навершием из бронзового листа, стержень ромбический, ниже — круглый в сечении (рис. 3, *1*).

Бронза, из которой отлиты перечисленные предметы, ничем не отличается от кобанской. Предметы покрыты «благородной» зеленой патиной.

В могиле найдены также два сосуда.

1. Обломок лепного сероглиняного горшочка плохого обжига, с шаровидным туловом и отогнутым наружу бортиком. У основания бортика — орнамент в виде бордюра из семечковидных вдавлинок. Ниже тулово сплошь покрыто косыми бороздками, образующими поперечные бордюры в виде елочек (рис. 2, *5*).

2. Лепная сероглиняная миска довольно хорошей работы. Под бортиком — бордюр из косых черточек, заключенных между двумя параллельными поперечными линиями, ниже — пучки из вертикальных линий (см. рис. 1, *2*).

По словам Х. О. Джуджуева, в гробнице найдена была еще бронзовая фигурка быка, которую затем «утащили дети».

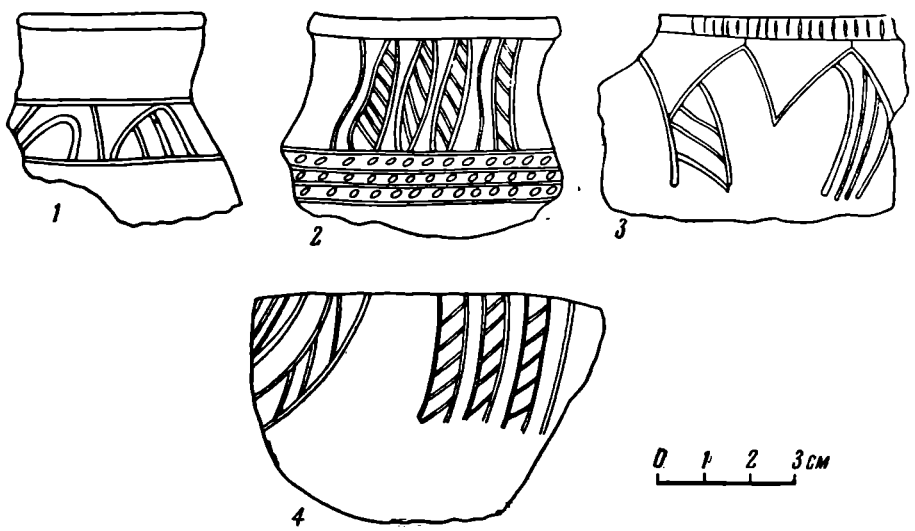


Рис. 5. Инжичукунский могильник. Лепная сероглиняная керамика

Перечисленные здесь предметы находят себе многочисленные аналогии в памятниках кобанской культуры Центрального Кавказа. П. С. Уваровой опубликованы спиральные конические и овальные браслеты, очковидные привески, булавки с овальным диском, биконические и цилиндрические спирали, пуговицы, гривны, совершенно подобные инжичукунским [2].

Бусы-скобочки, дисковидные и круглые пуговицы, бляшки из двух соединенных кружков, витые массивные гривны также встречаются в Осетии в комплексах I тысячелетия до н. э. [3] Инжичукунские подвески сходны по типу с украшениями подобного же рода, найденными на р. Кяфар [4].

Особый интерес представляет топорик (см. рис. 1, *1*). От обычных кобанских топориков он отличается своей миниатюрностью (длина его 8,5 *см*, средний же размер кобанского топорика 13—15 *см*). По типу он относится к группе прикубанских топориков [5].

Миски, подобные инжичукунским, встречаются в комплексах начала и середины I тысячелетия до н. э. Пятигорья и Кабарды [6].

Так как памятники кобанской культуры Карачаево-Черкесии до сих

---

[2] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, стр. 59, рис. 55; табл. XXXIII, *6;* стр. 63, рис. 57; табл. XXII, *2;* табл. XXVI, *3;* табл. XXVIII, *1;* табл. XXVI, *6, 7;* табл. XXXIII, *2;* табл. XL, *12;* табл. LIX, *1;* табл. LXXXVIII, *5.*

[3] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, табл. I, *12;* табл. II, *3;* табл. IX, А, *13, 19;* табл. IX, Б, *12, 20;* табл. X, Б, *5.*

[4] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 93, рис. 22.

[5] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 90, рис. 18, *1;* Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры.СА, 1957, № 1, стр. 62, рис. 4, *1.*

[6] Хранятся в Пятигорском и Кабардино-Балкарском музеях краеведения.

пор исследовались очень мало [7], а интерес их для изучения древнейшей истории области бесспорен, на территории Инжичукунского могильника в 1957 г. Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом было решено провести археологические раскопки.

Поверхность бугра поросла густой травой. Наружных признаков могил, как правило, не было; лишь в некоторых местах видны были углубления и торцы каменных плит.

Экспедицией КЧНИИ на этом могильнике были заложены четыре раскопа общей площадью 176 *м*². Всего было открыто девять каменных ящиков. Верхние торцы плит — стенок ящиков — находились на глубине 0,10—0,20 *м* от поверхности земли. Все могилы были потревожены. Покровные плиты не сохранились. Дно ящиков иногда выложено каменными плитками. Ящики образованы четырьмя поставленными на ребро плитами толщиной 5—10 *см*. В плане ящики прямоугольные, реже — квадратные. Длина ящиков 0,8—1,5 *м*, ширина 0,4—0,9 *м*, высота 0,5—0,7 *м*. Ориентация — с юга на север и с юго-востока на северо-запад. На дне каменных ящиков найдены обломки человеческих костей, лежавших в беспорядке, обломки лепных сероглиняных сосудов с богатой орнаментацией и бронзовые предметы.

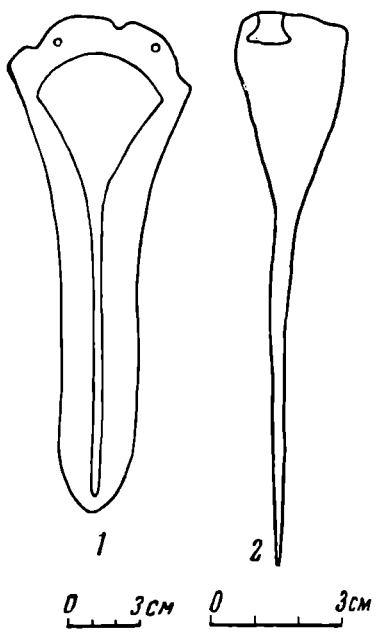


Рис. 6. Бронзовые предметы из каменных ящиков Инжичукунского могильника, открытых экспедицией КЧНИИ

1 — «пламеневидный» кинжал из каменного ящика № 1; *2*— веслообразная булавка из каменного ящика № 8

Любопытна керамика могильника. Помимо фрагментов мисок и горшков, украшенных резным геометрическим орнаментом кабардино-пятигорского типа (рис. 5), таких, как из могилы, открытой Х. А. Джуджуевым, встречается очень своеобразная керамика с рельефным орнаментом (змеевидные валики, бороздки, различной формы вдавлинки и др.). Аналогии этому материалу в кобанских комплексах Кабардино-Пятигорья и в более восточных районах мне неизвестны.

Бронзовые вещи подобны найденным Х. О. Джуджуевым: привески-колесики (типа рис. 4, *5*), пронизки биконические и цилиндрические (типа рис. 3, *4*—*7*) и др.

В могиле № 1 обнаружен бронзовый «пламеневидный» кинжал (рис. 6, *1*), в могиле № 8 — веслообразная булавка (рис. 6, *2*). Такие вещи типичны для кобанской культуры [8].

Археологические исследования Инжичукунского могильника показывают, что этот памятник относится к кобанскому времени, причем ко времени так называемой классической кобанской культуры (до VI в. до н. э.), о чем говорит наличие топорика, булавки с овальным диском, спиральных браслетов, пламеневидного кинжала. Для позднекобанской культуры эти предметы не характерны [9].

[7] Помимо случайных находок из Карт-Джурта, с Кяфара и Агура, опубликованных А. А. Иессеном в указанной выше работе, следует назвать тамгацикские погребения в каменных ящиках (у аула Жако), исследованные мною в 1954 г., находки В. П. Любина у р. Кардоник в 1956 г. и могильник на левом берегу р. Домбай-Ульгень. Тамгацикские находки относятся уже к скифскому времени. В этих комплексах, помимо бронзовых украшений кобанского (точнее, позднекобанского) образца встречено железное оружие скифского типа — акинаки, наконечники копий, трехлопастные наконечники стрел и т. п. В инжичукунских могилах подобные предметы не встречались, и вообще железо отсутствовало.

[8] См. П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XI, *2, 3;* табл. CXXXI, *8* и др.

[9] Е. И. Крупнов. Ук. соч.; Е. П. Алексеева. Ук. соч.

Как отмечалось выше, в инжичукунских погребениях не встречено железо, не было железных и бронзовых вещей скифского типа, наличие которых столь характерно для памятников позднекобанской культуры (например, Тамгацикский могильник VI в. до н. э.).

Все это заставляет датировать Инжичукунский могильник первой половиной I тысячелетия до н. э. (не позднее VI в. до н. э.).

Остается открытым вопрос, к какой культуре следует отнести Инжичукунский могильник — к кобанской или к родственной и синхронной ей прикубанской, выделенной А. А. Иессеном [10], памятники которой (отдельные находки) известны на территории Карачаево-Черкесии.

Значительная часть бронзовых изделий Инжичукунского могильника находит себе аналогии в комплексах кобанской культуры, поэтому этот могильник может быть для нас интересен как показатель далекого проникновения на запад кобанских бронз. Однако некоторые предметы (топорик, подвески) можно сопоставить и с вещами из комплексов прикубанской культуры [11].

Окончательный ответ на вопрос о культурной принадлежности Инжичукунского могильника может быть дан, на мой взгляд, только после изучения его керамики, очень своеобразной и в большинстве случаев не имеющей аналогии в памятниках кобанской культуры. Дальнейшие исследования Инжичукунского могильника, без сомнения, дадут много нового и интересного для изучения северокавказских культур эпохи поздней бронзы.

[10] А. А. Иессен. Ук. соч.

[11] Там же, стр. 93, рис. 22; стр. 90, рис. 17 и рис. 18, *1*.

А. А. ВЕЛИЧКО, В. А. ПАДИН, Р. В. ФЕДОРОВА

О КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ АРЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА р. ДЕСНЕ

Арельское поселение расположено к северу от г. Трубчевска, вблизи с. Арельска, на левом берегу р. Десны, в краевой части поймы.

Культурный слой выходит (на протяжении около 70 *м*) в обрывах поймы и в настоящее время размывается водами Десны. Высота поймы в данном месте — 3,7 *м*, ширина — 3—4 *км*.

В месте выхода культурного слоя была сделана зачистка обнажения и отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа [1]. Разрез поймы в данном месте имеет следующее строение (сверху вниз).

1-й горизонт, 0—0,75 *м*. Супесь светло-коричневая, легкая, песчанистая, с более светлыми редкими пятнами песка. В нижней части слоя появляются примазки темно-коричневого суглинка. Нижний контакт нечеткий.

2-й горизонт. 0,75—0,95 *м*. Суглинок темно-коричневый с примазками бурого ожелезнения, имеет ореховатую структуру. Нижний контакт постепенный.

3-й горизонт. 0,95—1,4 *м*. Суглинок легкий, опесчаненный, от темно-серого до черного цвета, сильно гумусированный, с примесью углистых и зольных частиц. Местами в слое отмечаются примазки окиси железа.

[1] В изучении поселения, обнаруженного на берегу р. Десны, принимали участие А. А. Величко (изучение геоморфологии района и сбор образцов для спорово-пыльцевого анализа), В. А. Падин (изучение археологического памятника) и Р. В. Федорова (выполнение спорово-пыльцевых анализов и их интерпретация).

Слой насыщен культурными остатками (обломки керамики, древесные угольки и т. д.). В нижней части слой светлеет и приобретает сизоватый оттенок. Нижний контакт нечеткий.

4-й горизонт. 1,4—3 *м*. Песок тонкозернистый, светло-сизый, горизонтально и косо слоистый, с крупными пятнами примазки окиси железа. Видимая мощность — 1,6 *м*.

В разрезе поймы можно видеть пойменную (горизонты 1—3) и русловую (горизонт 4) фации.

Район исследования расположен в лесостепной зоне со слабо сохранившимся естественным растительным покровом. Менее нарушена естественная растительность в пойменных болотах и участках сосновых и широколиственно-сосновых лесов. Спорово-пыльцевые спектры образца поверхностного слоя почвы вполне отражают современный растительный покров (см. таблицу и диаграммы, рис. 1—4).

Анализ поверхностного слоя почвы показал следующее.

Подавляющая часть пыльцы древесных пород принадлежит сосне; встречается небольшое количество пыльцы различных широколиственных пород (липы, дуба, вяза), орешника и ели.

В травяной пыльце отмечено большое количество злаков (среди них имеются и культурные виды) и сложноцветных; в небольшом количестве встречена пыльца полыней, лебедовых, щавеля, подорожника и др. Бо́льшая часть из них, вероятно, принадлежит сорным растениям. Имеются споры зеленых и сфагновых мхов, папоротников, плаунов и хвощей — растений ближайших заболоченных участков, болот и лесов.

Перейдем к рассмотрению анализов образцов, взятых в обнажении поймы. Содержание пыльцы и спор в них неодинаково. Первые пять образцов, взятые в верхней части обнажения, более богаты пыльцой: в них насчитано от 104 до 451 пыльцевых зерен и спор. Два нижних образца (русловая фация — перемытые аллювиальные отложения) бедны пыльцой: в одном из них пыльца и споры не были обнаружены, во втором подсчитано всего 14 пыльцевых зерен и спор. Вследствие этого пыльцевые диаграммы составлены только на верхнюю пойменную часть обнажения, включающую гумифицированный горизонт — наиболее интересный слой, содержащий остатки обитания человека. Весьма благоприятным оказалось то, что на этот слой и контакт с ним приходится четыре образца. Общий состав пыльцы и спор (см. рис. 1) показывает наличие лесов в окружающей местности в течение всего периода формирования поймы. Со времени возникновения гумусированного горизонта в исследованном районе существовали сосновые леса с тем или другим вкраплением в них широколиственных пород. Появление ели происходит в конце этого периода. Увеличение ольхи наблюдается в нижней части гумифицированного горизонта, а ее максимум, вероятно, залегает под ним — в отложениях песка, как это можно судить по небольшим статистическим подсчетам. Из 23 подсчитанных пыльцевых зерен древесных пород на ольху приходится 14 пыльцевых зерен. Основной фон в напочвенном растительном покрове был образован злаками. Во многих слоях отмечена пыльца лебедовых и полыней, наибольшее количество последних (до 8%) падает на культурный горизонт. В верхней части этого горизонта было встречено одно пыльцевое зерно эфедры — растения, типичного для полупустыни и южных степей. На отдельной диаграмме (см. рис. 3, *II*) показано направление кривых пыльцы культурных и дикорастущих злаков. Появление пыльцы культурных и дикорастущих злаков происходит в нижней части гумифицированного горизонта — в культурном слое. Она содержится во всех горизонтах поймы и показывает два максимума. Уменьшение пыльцы культурных злаков между этими двумя максимумами, вероятно, объясняется временным перерывом в возделывании полей. Это подтверждается также тем, что в этот период увеличивается роль леса и более широко расселяются дикорастущие злаки и папоротники.

Таблица 1

Спорово-пыльцевые анализы отложений поймы р. Десны близ с. Арельска (в %)

№№ образцов		1	2	3	4	5	6	7	8
Глубина взятия в *м*		Поверх. почвы	0,50	1,00	1,10	1,25	1,40	1,90	2,40
Сумма подсчитанных пыльцевых зерен и спор		344	104	451	301	128	112	—	14
Общий состав пыльцы и спор	Пыльца древесных пород	60	61	40	52	42	22	—	6*
	Пыльца трав и кустарничковых	33	5	23	16	15	11	—	1*
	Споры	7	34	37	32	43	67		7*
Пыльца древесных пород	Abies (пихта)	+	—	—	—	—	—	—	—
	Picea (ель)	5	5	2	+	—	—	—	—
	Pinus (сосна)	85	84	84	78	74	4*	—	4*
	Betula (береза)	6	6	4	14	8	2*	—	—
	Alnus (ольха)	3	—	7	7	14	14*	—	2*
	Ulmus (вяз)	1	—	+	+	—	—	—	—
	Tilia (липа)	+	5	+	1	4	—	—	—
	Quercus (дуб)	+	—	3	+	—	1*	—	—
	Salix (ива)	+	—	+	—	—	—	—	—
	Corylus (орешник)	—	—	+	—	6	2*	—	—
Пыльца трав и кустарничковых	Gramineae (злаки)	3	—	20	2	6*	1*	—	—
	» (культурные виды)	44	1*	54	44	3*	2*	—	—
	» (дикорастущие виды)								
	Chenopodiaceae (лебедовые)	3	1*	3	—	1*	3*	—	—
	Artemisia (полыни)	3	—	—	8	3*	3*	—	1*
	Др. Compositae (сложноцветные)	31	2*	4	8	1*	1*	—	—
	Polygonaceae (гречишные)	2	—	1	—	—	1*	—	—
	Rumex (щавель)	1	—	—	—	—	—	—	—
	Umbelliferae (зонтичные)	—	—	2	2	—	—	—	—
	Caryophyllaceae (гвоздичные)	—	—	1	4	—	—	—	—
	Cruciferae (крестоцветные)	—	—	3	—	—	—	—	—
	Cyperaceae (осоковые)	—	—	—	—	—	—	—	—
	Ephedra (эфедра)	—	—	+	—	—	—	—	—
	Typha (рогоз)	—	—	+	—	—	—	—	—
	Plantago (подорожник)	5	—	1	—	—	—	—	—
	Неопределенные	8	1*	11	32	8*	4*	—	—
Споры	Bryales (зеленые мхи)	16* или 57 %	—	64	65	81	28	—	1*
	Sphagnales (сфагновые мхи)	2* 7%	2*	3	9	7	3	—	—
	Polypodiaceae (папоротники)	9* 32%	21*	25	23	5	20	—	6*
	Lycopodiaceae (плауны)	—	12*	3	3	7	49	—	—
	Equisetaceae (хвощи)	1* 4%	—	—	—	—	—	—	—
	Споры дочетвертичных	—	9*	—	—	—	1	—	1*
	Пыльца хвойных дочетвертичных	—	1*	—	—	—	—	—	—

Примечание. Знаком * отмечены абсолютные цифры; знаком + отмечено наличие единичных пыльцевых зерен. Пыльца Corylus вычислена в % ко всей древесной пыльце.

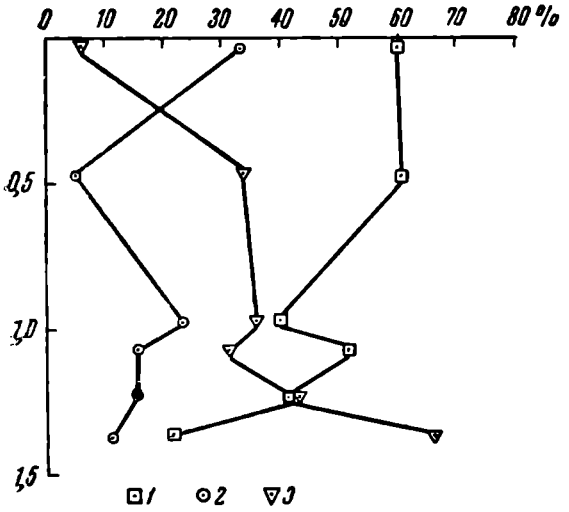


Рис. 1. Диаграмма общего состава пыльцы и спор

1 — пыльца древесных пород; *2* — пыльца травянистых растений; *3* — споры

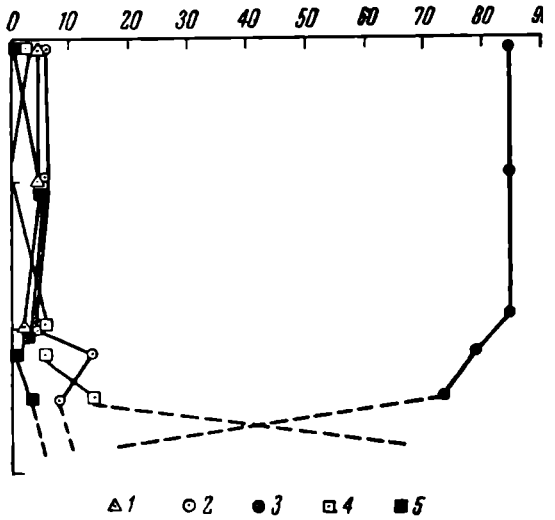


Рис. 2. Диаграмма пыльцы древесных пород

1 — пыльца ели; *2* — пыльца березы; *3* — пыльца сосны; *4* — пыльца ольхи; *5* — сумма пыльцы широколиственных пород

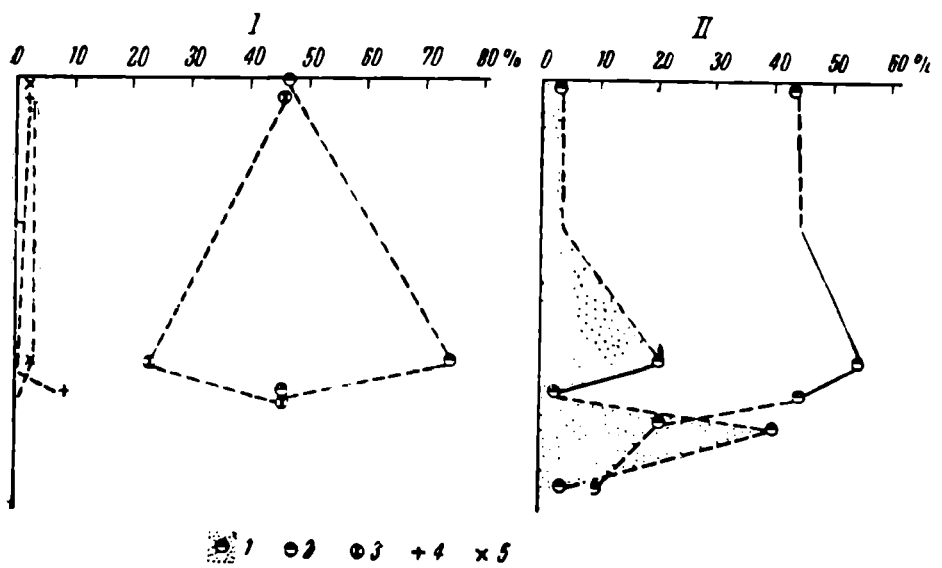


Рис. 3. Диаграммы пыльцы травянистых растений (*I*) и злаков (*II*)

1 — пыльца культурных злаков; *2* — пыльца дикорастущих злаков; *3* — пыльца разнотравья; *4* — пыльца полыни; *5* — пыльца лебедовых

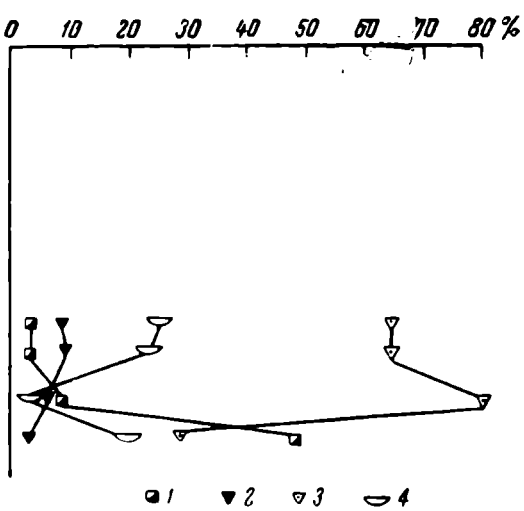


Рис. 4. Диаграмма спор

1 — споры плаунов; *2* — споры сфагновых мхов; *3* — споры зеленых мхов; *4* — споры папоротников

В связи с особенностями этой диаграммы необходимы некоторые пояснения. До настоящего времени при анализах не производилось разделение пыльцы злаков на культурные и дикорастущие виды. Однако многие западноевропейские исследователи такие подразделения производят. Принято считать, что пыльца культурных злаков, даже при небольшой ее встречаемости, может служить доказательством того, что эти культуры возделывались [2]. Возможность отделения в ископаемом состоянии пыльцы культурных злаков от дикорастущих достаточно обоснована Ф. Фирбасом [3]. Наши дополнительные исследования также подтверждают эту возможность [4].

Изучение морфологии пыльцы злаков показало, что культурные хлебные злаки отличаются от дикорастущих более крупными размерами пыльцевых зерен, яйцевидной или слегка удлиненной их формой и иногда (как у ржи) расположением поры на боковой стороне зерна. Для полевых, дикорастущих видов характерны мелкие пыльцевые зерна правильной шарообразной формы. Кроме того, наши опыты показали, что пыльца культурных злаков опадает главным образом в пределах их полей и вблизи них [5]. Эти наблюдения имеют значение при интерпретации пыльцевых анализов с содержанием пыльцы культурных злаков.

В отношении сорных растений подобных исследований проведено мало. Но, как известно по пыльцевым анализам, древним поселениям человека обычно сопутствуют подорожник, виды щавеля, полыни, лебедовые и некоторые другие. Их распространение обусловлено изменением растительного покрова в результате деятельности земледельческого населения: наличие пыльцы сорных растений, несомненно, свидетельствует о нарушении естественных типов растительности. Таким образом, определения пыльцы культурных злаков и некоторых сорных растений открывают большие перспективы в изучении археологических памятников того времени, когда уже появилось земледелие. На примере изученного разреза отчетливо выявилось, что пыльца культурных злаков содержится во всех его слоях, но максимальное ее количество приурочено к культурному горизонту, что, несомненно, связано с наличием здесь земледельческого населения и с непосредственной близостью полей к исследованному участку.

Выше этого горизонта резко сокращается количество травяной пыльцы и вместе с тем пыльцы злаков. По-видимому, на исследованном участке в этот период уже не существовало поселения, а вместе с ним исчезли или сократились земледельческие поля, что подтверждается фактом нахождения керамики и других предметов лишь в гумусированном слое. Скорее всего, поселение носило временный (сезонный) характер, что, помимо данных пыльцевого анализа, подтверждается и условиями залегания культурного слоя, который располагается в нижней части пойменной фации и соответствует тому периоду, когда молодая пойма периодически заливалась рекой.

К какому времени можно отнести изученное земледельческое поселение на Десне? В датировке этого периода имеются трудности, так как особо резких изменений в общем составе пыльцы и спор, свидетельствующих о смене типов растительности, не имеется. В основном при решении этого вопроса приходится обратиться к истории лесов.

По данным М. И. Нейштадта [6], изученный нами район характеризует-

[2] I. Iversen. The Influence of Prehistoric Man on Vegetation. Danmarks Geologiske Undubogelia, IV Raekke, т. 3, N 6, 1949; F. Firbas. Der Pollenanalytische Nachweis des Getreidebaus. Zeitschrift f. Botanik, т. 31, 1937; K. Faegri. Recent Trends in Polynology. The Botanical Review, т. 29, N 9, 1956.

[3] F. Firbas. Ук. соч.

[4] Р. В. Федорова. Различия пыльцы культурных и дикорастущих злаков. ДАН, т. 108, № 1, 1956.

[5] Р. В. Федорова. Распространение воздушным путем пыльцы злаков. ДАН, т. 107, № 6, 1956.

[6] М. И. Нейштадт. Стратиграфия голоценовых отложений на территории СССР. Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР, т. XIII, вып. 13, 1955.

ся полесским типом диаграмм. Эти диаграммы имеют очень много общих черт с представленными нами и почти полностью совпадают в некоторых их отрезках. Пыльцевые диаграммы для среднего голоцена, по М. И. Нейштадту, в основных чертах имеют следующие показатели: наблюдается абсолютное господство сосны, постоянная кривая широколиственных пород с содержанием пыльцы 5—10%, максимальное количество ольхи, иногда может присутствовать пыльца ели. Эта характеристика диаграмм относится к среднему голоцену и почти полностью соответствует тем показателям, которые получены нами для поймы Десны. В позднем голоцене, как указывает М. И. Нейштадт, сосна по-прежнему имеет абсолютное господство, широколиственные породы представлены слабо (не более 5%), имеется постоянная кривая ели с небольшим количеством пыльцы. Это описание полностью отвечает тем данным, которые получены для верхней части диаграммы разреза поймы Десны. Таким образом, благодаря такому сходству диаграмм поймы Десны с типичными и датированными полесскими диаграммами представляется возможность датировать нижние слои поймы суббореальным периодом, средним голоценом (давностью 2500—4500 лет). Образование культурного горизонта произошло позднее, в начале субатлантического периода. Это подтверждается и тем, что описанное поселение по археологическим данным может датироваться последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры. Здесь встречены фрагменты лепной керамики, рыболовные грузила, обломок «рогатого кирпича», железный шлак. Орнамент посуды состоит из косых насечек или «защипов» (один черепок) по краю венчика, орнамент грузил — из круглых ямок. Среди керамики есть обломки остроребериых лощеных сосудов. Лощеная керамика тяготеет к верхнему горизонту культурного слоя. Определенная часть найденной керамики (фрагменты остроребериой лощеной посуды и др.) принадлежит, очевидно, зарубинецкой культуре, в то время как рыболовные грузила, обломок «рогатого кирпича», некоторое количество фрагментов керамики находят аналогию в материалах юхновских городищ. Это сосуществование любопытно. Находка земледельческих материалов, связанных с хозяйственной деятельностью юхновцев, представляет определенный интерес.

З. И. ЯМПОЛЬСКИЙ

ПАМЯТНИКИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ НА ГОРЕ БЕШИДАГ

На горе Бешидаг, в Агдамском районе Азербайджанской ССР, около карьера строительного камня, в 1947 г. при рытье погреба была обнаружена каменная (известняковая) гробница [1], затем она была засыпана и в августе 1955 г. во время работы Историко-археологической экспедиции Музея истории Азербайджана снова раскопана [2].

Массивная гробница эта высечена из цельного камня. Наибольшая длина ее — 2,12 *м*, ширина — 0,66 *м*, высота — 0,70 *м*. Двухскатная крышка ее (частично сломанная) имеет монолитные «ручки». Головная часть гробницы ориентирована на запад.

[1] Первые сведения о ней поступили в Музей истории Азербайджана АН АзССР в 1955 г. от проживающего в г. Агдаме врача К. Алиева. Памятник доставлен в музей М. М. Гусейновым в 1957 г. Со слов местных жителей известно только, что в гробнице сохранились остатки человеческого скелета.

[2] Руководитель экспедиции З. И. Ямпольский, научный сотрудник О. А. Абибуллаев, художник А. И. Шечков, фотограф С. Е. Судаков, студент-практикант М. М. Цховребов. Экспедиции оказали содействие зам. председателя Агдамского горсовета Али Ашраф Алиев и заведующий карьером Исмаил Садыхов.

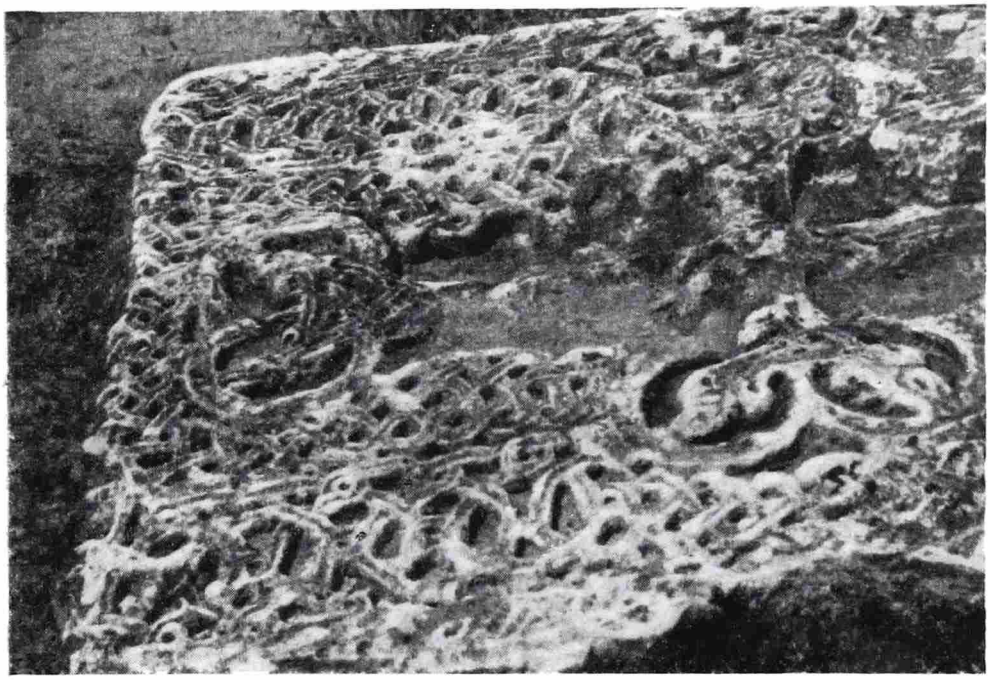


Рис. 1. Хачкар с орнаментом

По мнению Г. А. Ломтатидзе, которому было послано фото этой гробницы, она имеет сходство с гробницами знати первых веков нашей эры, открытыми в Мцхета [3].

На запад от места обнаружения гробницы, у подошвы горы Бешидаг (Бешикдаг, Кешишдаг, Бешикли, Ванкасар) сохранились известная сред-

Рис. 2. Храм на горе Бешидаг

невековая крепость Шахбулаг (Тарнагют) и обследованное нами обширное, вероятно, более древнее городище. На вершину этой горы ведут высеченные в каменном ее массиве ступени такого размера, что по ним можно ехать на лошади.

[3] Ср. Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, табл. XI, XIV; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 235.

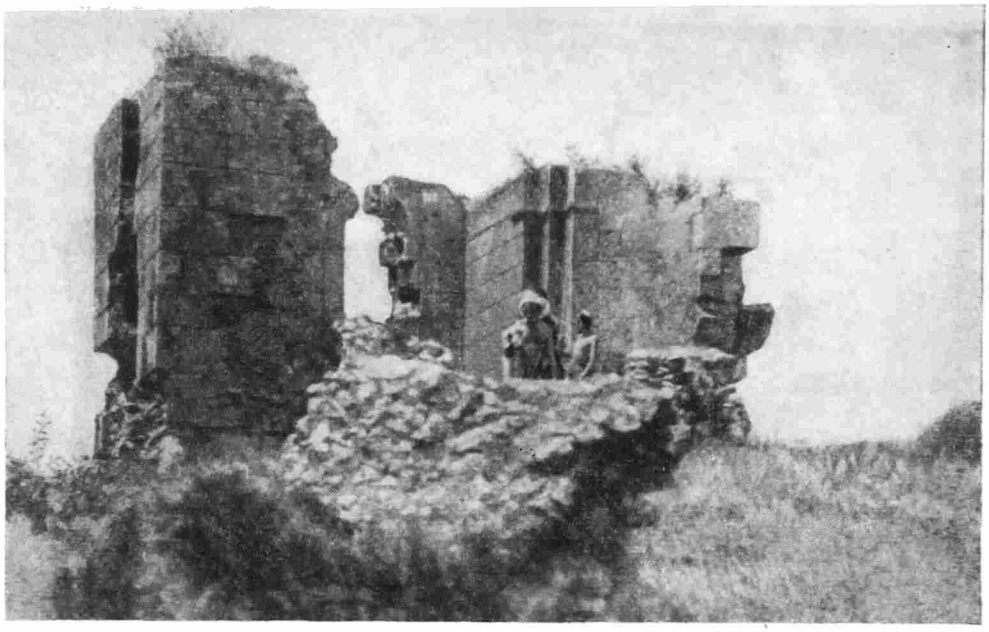


Рис. 3. Храм на горе Бешидаг

По северному склону горы, особенно в нижней и средней части, в изобилии сохранились фрагменты обсидиановых поделок, древней и средневековой (расписной глазурованной) керамики.

На вершине горы Бешидаг, над почти километровым обрывом, обращенным к югу и западу, возвышается храм. Там, где ныне начинается обрыв, была, вероятно, площадка для входа в храм.

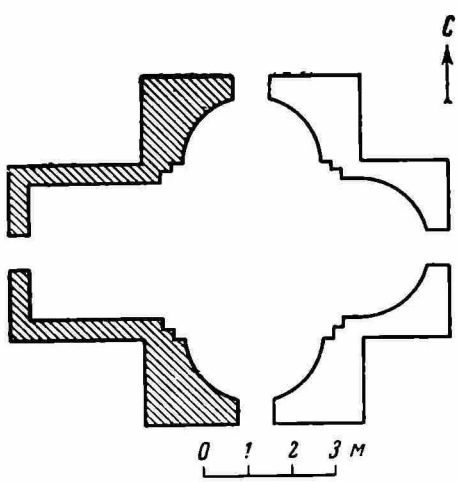


Рис. 4. Схематический план храма на горе Бешидаг

Храм окружен остатками кромлеховидного круга диаметром около 20 *м*, что дает основание предположить постройку храма на месте древнего мегалитического святилища [4]. Это тем более вероятно, что рядом с бешидагским храмом находится богато орнаментированный, ныне поваленный хачкар (рис. 1) [5], а по склонам Бешидага отмечено несколько «чашечных углублений», в которых видят зародыш первобытной посуды [6].

Нам известно одно лишь упоминание в литературе о бешидагском храме и горы Бешидаг, «на которой албанский царь Вече II построил храм

---

[4] Г. А. Абилова. О менгирах Азербайджана. Материалы по истории Азербайджана. Тр. Музея истории Азербайджана, т. II, Баку, 1957. Широко известно тяготение древних культовых центров к вершинам гор, холмов, к островам, мысам. См. о Грузии: Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904, стр. 11 («На тех же идольских горах... воздвигали церкви»); об Армении: С. Д. Лисициан. Очерк этнографии дореволюционной Армении. Кавказский этнографический сборник. М., 1955, стр. 255. В античном мире приносили жертвы на возвышенных местах. Strabo, XV, 3, 13; R. Beer. Heilige Höhen der Griechen und Römer. Wien, 1891; K. Freman. Greek City-States. London, 1950, стр. 91.

[5] Некоторые ученые (Л. М. Меликсет-Бек, Г. А. Абилова) видят в хачкарах пережиток менгиров.

[6] И. М. Джафарзаде. Древнейший период истории Азербайджана. Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956, стр. 16—18.

крестового плана»[7]. Царь Кавказской Албании Вече II, известный и по Летописи Кавказской Албании, жил в конце V — начале VI в.[8] Ныне полуразрушенный бешидагский храм (рис. 2 и 3) действительно представляет собой христианское крестообразное снаружи и триконхиальное внутри здание с куполом на средокрестье, длиной (запад — восток) 10 *м* и шириной 8 *м* при толщине стен 0,7—0,8 *м*.

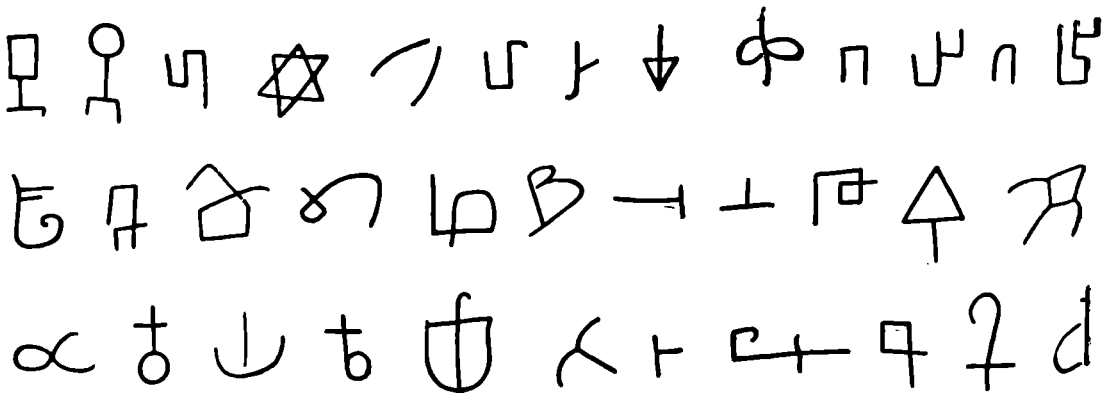


Рис. 5. Знаки на камнях бешидагского храма

Для датировки храма большое значение имеет сравнение его плана (рис. 4) с планами довольно точно датированных аналогичных памятников Закавказья. В этом случае можно говорить об однотипности плана бешидагского храма с планами таких храмов VII в., как «Верхний Талин», «Двин», «Кармравор» и др.[9].

На тесаных камнях кладки бешидагского храма имеются знаки (рис. 5), часть которых совпадает со знаками храма VI—VII вв. (однотипного с грузинским «Джвари» и армянским «Рипсиме»), находящегося в соседнем с Албанией Сисиане (рис. 6)[10].

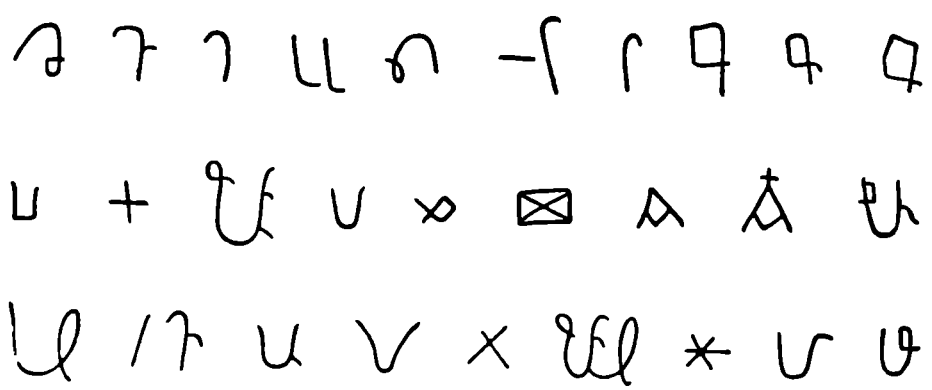


Рис. 6. Знаки на сисианском храме

Кроме трудночитаемой армянской (?) надписи на фасаде бешидагского храма, удалось заметить еще четыре знака на соседнем с ним хачкаре (рис. 7).

---

[7] М. Бархударян. Арцах. Баку, 1895, стр. 414 (на армянском яз.).

[8] Моисей Каганкатваци. История Агван. СПб., 1861, стр. 31—32 (перевод К. Патканьяна); Киракос Гандзакеци. История. Баку, 1946, стр. 100 (перевод Т. И. Тер-Григоряна).

[9] А. Л. Якобсон. Очерки истории зодчества Армении V—VII веков. М., 1950; С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, стр. 42, табл. 30 и 31.

[10] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 11.

При доследовании на месте бешидагского храма, произведенном в сентябре 1956 г. Албанской экспедицией Музея истории Азербайджана [11], научный консультант экспедиции академик А. Г. Шанидзе отметил, что часть знаков на бешидагском храме не совпадает со знаками армянского и грузинского алфавитов. Может быть, среди этих знаков есть остатки албанского алфавита, о существовании которого в V—VII вв. и в последующие века известно из текстов древних и средневековых авторов [12] и лапидарные остатки которого, видимо, обнаружены при археологических раскопках в Мингечауре [13].

Рис. 7. Знаки на хачкаре

Среди бешидагских знаков (так же как и среди сисианских знаков VI—VII вв.) многие так сложны и трудно высекаемы, что заставляют предположить их бесспорно смысловое, а не только меточное значение. На бешидагском храме зафиксировано 35 различных знаков. Для такого сравнительно небольшого здания вряд ли теску вело столько каменотесов, каждый из которых имел свою метку.

Известно, что христианство было государственной религией Албании в IV—VII и в последующие века; существовала албанская церковь (католикосат), которая только в VIII в. начала подпадать под влияние григорианской церкви. Подчинение албанской церкви григорианскому католикосату увеличило возможность вытеснения албанской письменности.

Во время работы экспедиции было отмечено, что в предгорьях Большого Кавказа на древних храмах, над входом, где обычно помещались различные надписи, каменные плиты или выбиты (храмы в селах Баш-Кюнгют, Бидеиз и др.), или заменены (храм на кладбище в г. Нухе и др.). Возможно, что это — следы вытеснения албанской письменности. Над входом бешидагского храма каменная плита также выбита [14].

М. Бархударян [15] сохранил народное предание о преследовании у горы Бешидаг местных жителей арабами-завоевателями и о защите горы змеями. Арабы впервые вторглись в Закавказье в VII в. [16]. Следовательно, легенда эта связана с тем временем, когда жил Вече II.

Бешидагский храм — один из немногих известных храмов Кавказской Албании [17].

---

[11] Отряд в составе А. Г. Шанидзе, Г. А. Гулиева и автора.

[12] А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Изв. ИЯИМК ГрузФАН СССР, т. VI, вып. 1, 1938; И. Абуладзе. К. открытию алфавита кавказских албанцев. Там же; Л. М. Меликсет-Бек. По поводу заметки о письменности у кавказских албанцев. Сообщ. ГрузФАН СССР, т. I, № 1, 1940; А. Г. Шанидзе. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов. Тр. Музея истории Азербайджана, т. II; Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о генезисе армяно-грузино-албанского алфавита. Там же.

[13] С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. Изв. АН АзССР, 1949, № 9; Т. И. Голубкина. Еще одна албанская надпись из Мингечаура. ДАН АзССР, 1949, № 5; Р. М. Ваидов, В. И. Фоменко. Средневековый храм в Мингечауре. Сб. «Материальная культура Азербайджана», вып. II, Баку, 1951; Р. М. Ваидов. Албанские надписи на фрагменте подсвечника. ДАН АзССР, 1951, № 2; его же. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. XLVI, 1952; его же. Раннесредневековое городище Судагылан. КСИИМК, вып. 54, 1954.

[14] Это, возможно, является лишним свидетельством датировки храма временем до VIII в., когда интенсифицировалась григорианизация албанской церкви.

[15] М. Бархударян. Ук. соч., примеч. к стр. 414.

[16] Белазури. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 4 сл.

[17] См. П. Д. Барановский. Памятники в селениях Кум и Лекит. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Москва — Баку, 1947, стр. 29—33.

С. Н. ОРЛОВ

О РАННЕСЛАВЯНСКОМ ГРУНТОВОМ МОГИЛЬНИКЕ С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

В 1938 г. археологическая экспедиция ЛГУ под руководством В. И. Равдоникаса при археологических разведках в южной части поселка Старой Ладоги, в 250 *м* южнее городища, на берегу Волхова, обнаружила грунтовой могильник с трупосожжением [1] (рис. 1).

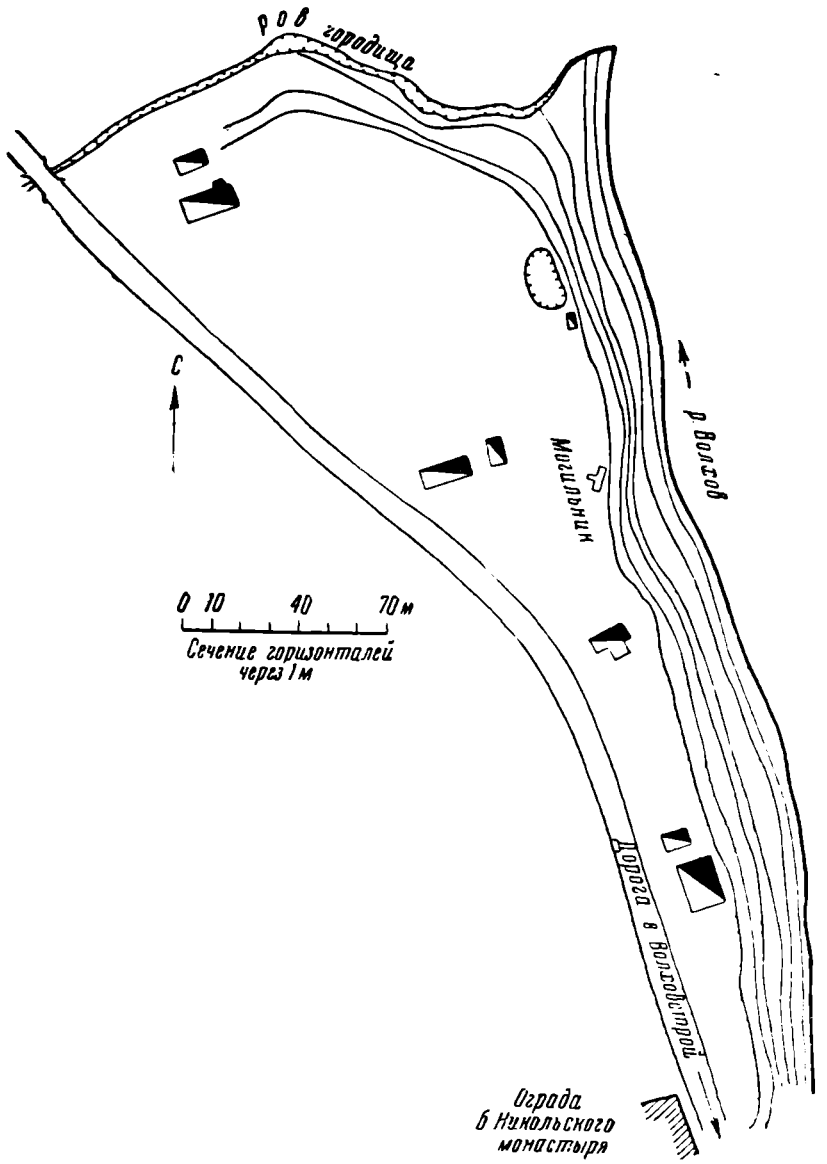


Рис. 1. Старая Ладога. План участка к югу от городища, где обнаружен могильник (глазомерная съемка)

Могилы представляли собой небольшие грунтовые ямки диаметром 0,35—0,40 *м*, глубиной 0,20—0,25 *м*, заполненные пережженными костями, золой, угольками и обожженной глиной. Здесь встречались отдельные изделия из бронзы, стеклянные бусы, кости рыб и птиц. В 1938 г. были раскрыты четыре погребения. Подобные грунтовые могильники на территории новгородских славян до сих пор не встречались.

---

[1] С. Н. Орлов. Могильник в Старой Ладоге. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 10, № 8, 1941, стр. 115—138.

К исследованию могильника автор настоящей заметки смог вернуться только в 1948 г. Вновь были заложены три траншеи и открыты еще пять погребений.

Траншеи, заложенные в 1948 г., примыкали к раскопу 1938 г. с юга и с запада (рис. 2). Предварительно вновь были исследованы культурные отложения поселения, лежащего над могильником. Культурный слой поселения достигал 0,80—1 *м*. Здесь было собрано значительное количество изделий IX в. и более позднего времени. В самых нижних горизонтах культурного слоя вновь собрано много лепной раннеславянской керамики, что подтверждает дату возникновения поселения над могильником — не позднее IX в. Погребения обнаружены только ниже древней почвы при зачистке красной материковой глины. Три погребения были ненарушены и находились в ямках, а два были повреждены в древности.

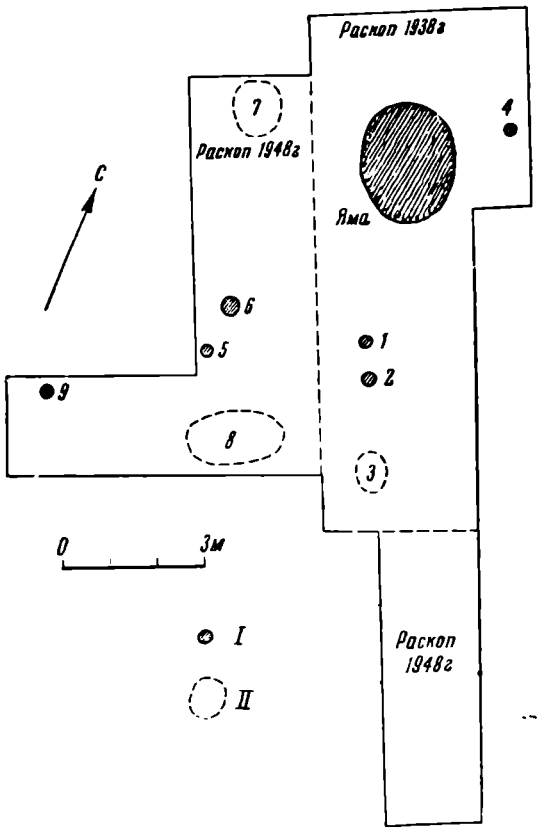


Рис. 2. Грунтовой могильник в Старой Ладоге. Общий план раскопов

I — погребения в грунте; *II* — разрушенные погребения

Погребение № 5 [2] представляет собой ямку в материковой глине диаметром 0,23—0,25 *м* и глубиной 0,11 *м*. Яма была заполнена комочками красной перегоревшей глины, с золой, угольками и кальцинированными костями (рис. 3). Никаких находок, кроме нескольких рыбных и птичьих костей, не оказалось.

Погребение № 6 расположено в 1 *м* к северу от погребения № 5 (рис. 2). Оно представляет собой круглую ямку, вырытую в материковой глине, диаметром 0,48 *м* и глубиной 0,10 *м*. Яма сплошь была заполнена белым кварцевым песком, пережженными костями, комочками глины, золой и углями (рис. 3). Среди заполнения в ямке собрано 15 обломков лепного глиняного горшка. Цвет обломков бледно-желтый, глина содержит большое количество дресвы. Обжиг очень слабый. В заполнении погребения собрано десять рыбьих позвонков.

Погребение № 7 было разрушено в древности, и остатки трупосожжения были растащены по материковой глине на площади 1,5×1 *м*. Здесь найдены пять обломков лепного глиняного горшка.

Погребение № 8 также было разрушено в древности; никаких вещей не найдено.

Погребение № 9 представляет собой ямку в материке, диаметром 0,24 *м* и глубиной 0,10 *м*. Ямка сплошь заполнена комочками перегорелой красной глины с золой, угольками и кальцинированными костями. Встречались кости рыбы. Находок не было.

Таким образом, всего за 1938 и 1948 гг. исследованы девять погребений на площади около 100 $м^2$. Все погребения имеют один и тот же обряд — в грунтовые ямки ссыпались остатки трупосожжения, совершен-

[2] Нумерация дается как продолжение нумерации 1938 г.

ного где-то на стороне. Характерно, что во всех погребениях вместе с костями имелись куски сильно обожженной глины, принесенной, очевидно, с места сожжения, так как они часто имеют вкрапления кальцинированных костей. Почти во всех погребениях встречены негорелые кости птиц и рыб. Следовательно, последние не сжигали, а клали в момент захоронения остатков сожжения.

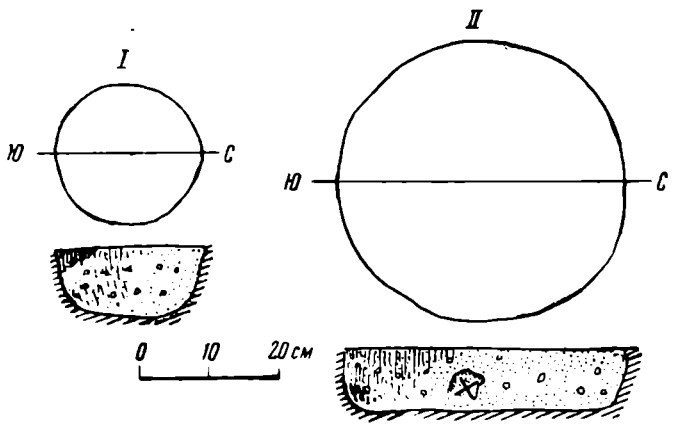


Рис. 3. Планы и разрезы погребений
I — погребение № 5; *II* — погребение № 6; *X* — обломок лепного горшка

По своему характеру и вещевым находкам могильник ближе всего примыкает к погребениям в длинных курганах, что мы и отмечали в первой публикации [3]. Но при раскопках данных девяти погребений никаких следов насыпей не было замечено, могильник мог быть только грунтовым. Ближайшей аналогией для него являются грунтовые могильники с трупосожжением типа Казаргац [4]. Наличие лепной керамики в погребениях могильника Старой Ладоги еще больше сближает эти памятники. Это же отмечает П. Н. Третьяков. Он рассматривает данный могильник как «поле погребения» [5].

Датировка могильника также не противоречит этому. Погребения, как показано выше, находятся ниже остатков поселения, возникновение которого относится ко времени не позднее IX в. Кроме того, наличие потревоженных погребений свидетельствует о том, что площадь могильника, очевидно, перепахивалась до возникновения на ней поселения. Пашня же могла возникнуть на месте могильника только через значительный промежуток времени [6]. Могильник можно датировать, следовательно, временем не позднее VIII в.

---

[3] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 132, 133.

[4] А. Э. Каваленя, С. С. Шутаў. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы, т. II, 1930, стр. 351—356.

[5] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточно-славянских племен. М., 1958, стр. 22.

[6] Никаких культовых ям в 1948 г. не встречено. Возможно, что ямы, встреченные в 1938 г., которые автор трактовал как культовые, нужно относить ко времени поселения, а не могильника, так как вещи, найденные в них, датируются более поздним временем. См. С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 116—138.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

САМАНИДСКИЕ МОНЕТЫ КУБЫ

Монетный двор Кубы (Фергана) до недавнего времени вовсе не был известен. Во всяком случае, Куба не упомянута ни среди саманидских монетных дворов в монографии В. Г. Тизенгаузена, ни в общем списке монетных дворов в сводке О. Кодрингтона [1].

Две монеты Кубы хранятся в Государственном Эрмитаже. В 1924 г. одну из них обстоятельно описал, а вторую упомянул Р. Р. Фасмер [2]. В 1957 г. еще одна медная саманидская монета Кубы найдена была на территории средневекового Ходженда (совр. г. Ленинабад, Таджикская ССР). Надписями она совершенно отличается от двух эрмитажных.

Три монеты Кубы чеканены в разные годы при трех саманидских эмирах: одна при Нухе I б. Насре (943—954) в 341/952—53 г., вторая при Абд-ал-Малике I б. Нухе (954—961) в 349/960—61 г. и третья при Мансуре I б. Нухе (961—967) в 356/966—67 г.

1. Куба, 341 г. х.; вес = 1,93 *г*; д = 22,5 *мм*. А. К. Марков (Инв. каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 148, № 855) частично описал эту монету, название монетного двора прочел как Кинна (?). О. Кодрингтон включил город Кинна в свой список. Подробнее монета описана Р. Р. Фасмером в рукописном «Каталоге собрания восточных монет Гос. Эрмитажа. Саманиды» (стр. 270, № 1962), причем название города определено верно — Куба.

Л. с. В поле: ايمة
لااله الا
الله وحده
لا شريك له

О. с. В поле: لله
محمد
رسول
الله
صح

Круговая надпись л. с. (между двумя линейными ободками) содержит выпускные сведения (три последние буквы слова сотен — в поле л. с.): بسم الله ضرب هذا الفلس بقبا سنة احدى و اربعين و ثلث

Круговая надпись о. с. (между внутренним точечным и внешним линейным ободками) содержит имя саманидского эмира Нуха б. Насра с его титулатурой и благопожеланием ему:

مما امر به الملك المويد ابو محمد نوح بن نصر اعز الله

2. Куба, 349 г. х. [3]; вес = 1,82 *г*; д. = 27 *мм*

Л. с. В поле по кругу — символ веры до слова شريك. Окончание, видимо, в центре (стерто). Круговая надпись (между внутренним точеч-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Тр. ВОРАО, ч. I, СПб., 1855; O. Codrington. A Manual of Musalman Numismatics. London, 1904.

[2] Р. Р. Фасмер. Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики. ИРАИМК, т. III, 1924, стр. 318.

[3] Монета хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (КП—328/9).

ным и внешним линейным ободками) содержит выпускные сведения:

بسم الله ضرب هذا الفلس بقبا سنة تسع و اربعين و ثلثما

О. с. В поле:

الله
محمد
رسول الله
الا [مير السيد]
[عبد الملك]
بن نوح

Круговая надпись (между внутренним точечным и внешним линейным ободками) содержит имя Аш'аса б. Мухаммада с его титулатурой:

ممامر به الا مير اشعث بن محمد مو لى امير المو منين

3. Куба, [3] 56 г. х. [4]; вес = 1,62 *г*, д. = 22 *мм*

Л. с. В поле: لا اله الا
الله وحد ه
لا شر يک له
احمد

О. с. В поле: الله
محمد
رسول الله
منصور
بن نوح

На л. с. две круговые надписи. Внутренняя содержит выпускные сведения (недописано слово, обозначающее число сотен в дате):

بسم الله ضرب هذا الفلس بقبا سنة ست و خمسين

Внешняя кораническая легенда (Кор. XXX, 3, 4) не окончена (нет слов بنصر الله) и с ошибкой в слове يومين. Круговая надпись о. с. (между внутренним точечным и внешним линейными ободками) содержит имя хаджиба Мансура б. Байкара с титулом эмира и благопожеланием ему:

ممامر به الا مير منصور بن بايقرا الحاجب ايد الله

(в предпоследнем слове ошибка — пропущена буква ه).

В X в. Куба была вторым (после столичного Ахсикета) городом Ферганы и столицей одного из округов. Ибн-Хаукаль утверждает, что по количеству воды и садов она превосходила Ахсикет; по Макдиси, Куба превосходила Ахсикет даже по величине и богатству [5]. Организация в Кубе монетного двора оправдана поэтому даже экономически, но еще яснее выступают политические предпосылки.

Круговые надписи о. с. медных саманидских монет начинаются с формулы: ممامر به الامير «Из того, что приказал эмир». Эта формула свидетельствует о том, что упомянутому после нее лицу принадлежало право чеканки монет, монетная регалия, а в конечном счете фактическая власть

[4] Монета хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа, инв. № 1019 а; Р. Р. Фасмер. Ук. соч., стр. 318.

[5] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 159.

в городе или области, осуществляемая любым путем (непосредственно, через наместников и пр.). Не случайно на подавляющем большинстве медных фельсов в этой надписи фигурирует глава саманидской династии. И в данном случае ранняя из трех монет Кубы чеканена от имени эмира Нуха б. Насра. Зато на двух следующих монетах Кубы в круговой легенде о. с. названы имена совсем других лиц (Аш'ас б. Мухаммад и Мансур б. Байкара), имена же глав династии помещены в поле о. с.

Дата чекана	Лицевая сторона	Оборотная сторона	
	Поле	Поле	Круговая надпись
341 г. х. (952/953 гг.)	—	—	الملك المويد ابو محمد نوح بن نصر
349 г. х. (960/961 гг.)	—	الا مير السيد عبد الملك بن نوح	الا مير اشعث بن محمد
356 г. х. (966/967 гг.)	احمد	منصور بن نوح	الا مير منصور بن با يقرا الحاجب

Следовательно, саманидские эмиры выступают здесь уже не как владетели города, а лишь как верховные главы, сюзерены. Монетная же регалия и фактическая власть принадлежали сначала Аш'асу б. Мухаммаду, потом Мансуру б. Байкара. Пример этот не стоит изолированно. Мы специально рассматривали группу аналогичных медных монет [6], причем сравнительный анализ письменных и нумизматических материалов дал основание заключить, что такого рода города и области следует рассматривать как феодальные уделы, фактически пожалованные (или оформленные как феодальное пожалование) с передачей соответствующих политических и экономических привилегий. Степень самостоятельности и независимости таких удельных владетелей была различной, что обычно очень хорошо отражено монетными надписями.

Куба в руках двух названных лиц выступает именно как один из таких феодальных уделов [7]. Таким же феодальным уделом внутри Ферганы несколько раньше оказался город Насрабад с округом (судя по медным монетам 336—344 гг. х.), хотя он по размерам был меньше Кубы. Да и сама Фергана в целом на разных отрезках времени выступала как очень самостоятельный крупный феодальный удел внутри саманидского государства [8].

С чеканом Кубы связана одна любопытная монета Ферганы, на лицевой стороне которой в двух круговых надписях две даты — 355/965—66 г. и 359/969—70 г. [9]. Обеим этим датам не соответствует надпись поля оборотной стороны, где имя саманидского эмира Абд-ал-Малика б. Нуха (954—961), почему В. В. Вельяминов-Зернов пытался читать здесь имя другого саманидского эмира, Мансура б. Нуха (961—967); Х. Френ оставил этот вопрос открытым, а Р. Р. Фасмер правильно предположил, что эта сторона чеканена старым штампом времени Абд-ал-Малика.

---

[6] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. Тр. АН ТаджССР, т. XXVII, 1954.

[7] Имя хаджиба Мансура б. Байкара (по Макдиси — главного хаджиба саманида Мансура I б. Нуха) встречается также на ахсикетских монетах 355—356 гг. х. Следовательно он примерно в одно время получил в удел и Ахсикет, и Кубу с правом чеканки медных монет от своего собственного имени.

[8] Е. А. Давидович. Ук. соч., стр. 83—94, 99—107.

[9] Хранится в Гос. Эрмитаже, в Отделе нумизматики, № 1069—в. Р. Р. Фасмер. Ук. соч., стр. 320—322.

Происхождение этого старого штампа и причины его вторичного использования открывает имя в круговой легенде после обычной вводной формулы «из того, что приказал...». Три нумизмата предложили три разных чтения этого имени, сопроводив, однако, свои чтения вопросительными знаками: Х. Френ — الامير لسه В. В. Вельяминов-Зернов الامير السيد; Р. Р. Фасмер اسيد или اسد.

Внимательное рассмотрение букв позволяет читать здесь совсем другое имя — Аш'ас اشعث! Р. Р. Фасмер справедливо отметил, что перед буквой «син» только одна буква — «алиф» или «лям», что снимает чтение В. В. Вельяминова-Зернова. Чтение третьей буквы не вызывает сомнений — это «айн» или «гайн». Х. Френ читал «айн». Р. Р. Фасмер также отметил ее сходство с буквой «айн», однако предпочел это сходство считать ошибкой резчика штампа. Четвертая буква (наличие которой Х. Френ предполагал) читается как «ба» и другие, в том числе — ث. В целом круговая надпись читается следующим образом:

مما امر به الا مير اشعث بن محمد مولى امير المومنين

Имя Аш'аса б. Мухаммада уже известно по вышеописанной монете Кубы 349 г. х. Круговые легенды оборотных сторон этих двух монет совпадают полностью. Надписи поля одинаково содержат имя эмира Абд-ал-Малика б. Нуха и различаются только одной строчкой (на монете Кубы еще и титул этого эмира) и ободком. Все это убеждает в том, что оборотная сторона ферганской монеты 355—359 гг. х. чеканена штампом, происходящим из Кубы и относящимся к тому времени, когда Кубой при саманиде Абд-ал-Малике владел эмир Аш'ас б. Мухаммад. Разнотипность двух штампов с именем Аш'аса в свою очередь свидетельствует о том, что Куба принадлежала ему достаточно продолжительное время. Использование же одного из штампов Кубы в более позднем чекане Ферганы указывает на обстоятельства и характер ликвидации в Кубе монетного двора. Нечто аналогичное произошло и в Насрабаде, ибо имеется ферганская монета 358 г. х., оборотная сторона которой чеканена одним из насрабадских штампов с именем бывшего насрабадского владетеля, эмира Малика.

Г. Д. БЕЛОВ

ШИФЕРНАЯ ИКОНА ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1956 г. в Херсонесе при раскопках дома XIII—XIV вв. была найдена шиферная икона (рис. 1), высотой 17,5 *см*, шириной внизу 13,4 *см*, вверху 12,9 *см*, толщиной 0,8 *см*, в обломках в количестве 39 шт. Материал иконы — камень, шифер желтовато-серого цвета.

При гибели дома во время пожара некоторые части иконы подверглись действию огня и копоти: одни обломки пожелтели, другие почернели (почерневшие места резко выделяются на фотографии, например, правый нижний угол). Кое-где образовались наросты в виде накипи светло-серого цвета. Икона реставрирована — очищена от наростов и грязи, склеена, утраченные места дополнены гипсом.

Оборотная сторона иконы неровная, верхний и нижний края частично срезаны наискось. Хорошо видны следы от инструмента — бороздки и желобки. Линии изломов имеют косое направление, обусловленное, по-ви-

Рис. 1. Шиферная икона из Херсонеса

димому, строением материала. Икона была позолочена, остатки позолоты сохранились на одежде изображенных фигур и на рамке.

На лицевой стороне иконы имеется узкая срезанная внутрь рельефная рамка, более широкая внизу. Вплотную к рамке стоят витые колонки, с высокими базами и капителями, с двойными плинтами, между которыми на капителях помещены птички — по два голубя на каждой, обращенные в разные стороны. Капители и базы украшены мелкой косой насечкой. На выступающих внутрь импостных капителях покоится широкая арка, доходящая до верхнего края и украшенная гравированным орнаментом, состоящим из дуговидных линий с точками и волнистой наружной стороной (по-видимому, стилизованные овы). Верхние углы, возле медальонов,

украшены растительным узором в виде изогнутого стебля с мелкими ответвлениями (бóльшая часть левого угла с узором утрачена).

На иконе изображены фигуры трех святых и бюсты — два в верхних углах и один под аркой. Все изображения исполнены в невысоком рельефе.

Под аркой, на небесной полусфере, помещен бюст парящего Христа, с распростертыми в стороны руками, в которых он держит мученические венцы. Длинные волосы обрамляют лицо с широким лбом и небольшой бородой. На плечи наброшен плащ, конец которого мягкой складкой ложится на левую руку. Наискось по груди идет другая складка плаща. На гладком нимбе слабо виден крест с расширяющимися концами.

По сторонам Христа на иконах обычно изображаются Богоматерь и Иоанн Предтеча [1]. На описываемой иконе в правом медальоне за плечами бюста видно крыло, на левом бюсте также имеется остаток верхней части крыла. Вследствие этого данные бюсты следует признать изображениями, по-видимому, архангелов Михаила и Гавриила, примеры изображений которых в верхней части икон также известны [2]. Оба бюста, с легким наклоном головы, обращены в три четверти к середине иконы, к изображению Христа. Нимбы у них гладкие; на круге, обрамляющем бюсты, орнамент такой же, как на арке.

Фигуры святых имеют некоторые общие черты: они изображены во весь рост, стоящими строго фронтально, с одинаковыми нимбами и аналогично трактованными волосами и одеждами.

Левая бородатая фигура изображает Феодора Стратилата. Фигура одета в хитон до колен, с орнаментальной полосой по подолу в виде мелкой насечки или сетки. Поверх хитона надет панцирь, состоящий из прямоугольных пластинок в верхней части и мелких чешуек в нижней. На плечи наброшен плащ, покрывающий левую половину груди и спускающийся ниже колен. Волосы на голове трактованы крупными курчавыми прядями, обрамляющими широкое лицо с остроконечной бородой. Правой рукой, слегка согнутой в локте, Феодор держит длинное копье, прижатое к плечу. Левой рукой он опирается на щит, стоящий на земле.

Феодор, тип которого в византийской иконографии к X—XII вв. уже вполне установился, изображается обычно одетым в панцирь, бородатым, с курчавыми волосами, с копьем в правой руке и со щитом [3] или мечом в левой [4]. Поэтому левую фигуру на иконе с полным основанием можно считать Феодором Стратилатом [5].

Средняя фигура изображает, несомненно, Георгия, с юным лицом, обрамленным кудрявыми волосами, с копьем в правой руке. Хитон на нем такой же, как на предыдущей фигуре, с узкими узорными рукавами. Панцирь состоит из прямоугольных пластинок, коротких вверху и длинных ниже перевязи на бедрах; рукава панциря достигают лишь до локтей. Плащ, с застежкой на правом плече, дуговидной складкой спускается на грудь; широкий его край украшен узором в виде ветки с треугольными зубчатыми листьями. Лицо, очень широкое вверху, резко суживается книзу, нос тонкий прямой, рот маленький, из-под кудрявых волос чуть

---

[1] G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Paris, 1906, т. I, рис. на стр. 173; т. II, рис. на стр. 13.

[2] Там же, т. I, рис. на стр. 17, 81, 93.

[3] G. Schlumberger. Ук. соч., т. II, стр. 49, 184; В. Н. Лазарев. История византийской живописи. М., 1948, т. II, табл. 71, 201, 204, 289 *г*.

[4] O. Wulf. Altchristliche und byzantinische Kunst. Berlin, 1914, т. II, ч. 2, рис. 530 на стр. 613.

[5] Совершенно аналогична фигура Феодора Стратилата на стеатитовой иконе с изображением Георгия и Феодора Стратилата, хранящейся в ГИМ и датируемой XIII—XIV вв. Исполнение этой иконы отличается сухостью и схематичностью. См. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1908, стр. 23—24, рис. 12; В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI, 1953, рис. 3.

видны кончики ушей. Правой, поднятой вверх, рукой Георгий держит очень длинное тонкое копье, левая рука опущена на стоящий на земле щит. Нимб, лучше сохранившийся у Георгия, украшен рубчатой рамкой и растительным орнаментом — вьющимся стеблем с вырезными листьями, поочередно обращенными в разные стороны.

Для изображения Георгия, тип которого в византийской иконографии к X в. также вполне установился, характерны юное лицо с широким лбом, кудрявые волосы; в поднятой вверх руке — вертикально стоящее копье, панцирь и др. [6]. Наиболее близкой аналогией для фигуры Георгия является икона Ватопедского монастыря на Афоне [7]. Несколько иным положением отличается правая рука с копьем у Георгия на иконах, найденных в Херсонесе [8]. Аналогичная фигура Георгия на мозаике в Чефалу (XII в.) отличается лишь положением правой руки с копьем [9]. Очень близка фигура Георгия на иконе XII в. [10] из Эрмитажа. Интересно отметить полное сходство композиции в изображении Георгия на рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, что является свидетельством вполне установившегося к XIII в. канонического образа Георгия [11]. Большое сходство в композиции фигуры Георгия можно видеть на упомянутой иконе из ГИМ; несколько отличается лишь положение левой руки и щита [12]. Композиционное сходство с изображением Георгия имеется на иконе в Джумати, которую Н. П. Кондаков датировал XI—XII вв. Однако трактовка панциря и орнаменты исполнены в другом стиле, что отчасти объясняется иной техникой изготовления иконы (золотая, чеканная) [13]. Изображение Георгия на иконе из Хони, первой половины XIV в., может быть сопоставлено лишь с композиционной стороны, пропорции же фигуры, тип лица и обилие украшений указывают на более позднее время и на принадлежность иконы местной школе [14].

Правая фигура, в отличие от первых двух, одета в чешуйчатый панцирь и вооружена мечом, поднятым правой рукой вверх и прижатым к плечу. Левая рука опирается на щит, вытянутая форма которого здесь наиболее ясна: середина щита выпуклая, край рельефный, с позолотой, нижний конец узкий. Плащ прикрывает лишь левое плечо. Волосы на голове, такие же курчавые, как и у предыдущих святых, доходят только до ушей, очень крупных, торчащих в стороны. Лицо менее широкое, чем у Георгия, с более глубоко посаженными глазами. Правая фигура изображает, вероятно, Димитрия Солунского, для которого характерным вооружением является меч. С. М. Гайдин считает, что тип Димитрия, по сравнению с Георгием, на византийских иконах был менее определенным. В частности, на опубликованной им херсонесской иконе волосы у Димитрия прямые, а не курчавые [15]. Однако, как указывает С. Гайдин, встречаются изображения Димитрия и с кудрявыми волосами. Наиболее близкой аналогией является стеатитовая иконка в Лувре. Отличие только одно — в левой руке не щит, а ножны меча [16]. Следует отметить характерную для

---

[6] См. С. Гайдин. Резная шиферная икона св. Димитрия и Георгия. Сб. Гос. Эрмитажа, II, 1923, стр. 33 сл.

[7] G. Schlumberger. Ук. соч., т. II, стр. 273.

[8] Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 246, рис. 79; С. Гайдин. Ук. соч., табл. II; G. Schlumberger. Ук. соч., т. I, стр. 13; ср. также т. II, рис. на стр. 49.

[9] В. Н. Лазарев. Ук. соч., табл. 184.

[10] Там же, табл. 204.

[11] М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, табл. 12. Дата рельефа — 1230—1234 гг.

[12] В. Н. Лазарев. Ук. соч., рис. 3.

[13] Н. Кондаков. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890, рис. 51.

[14] Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I, М., 1950, стр. 255, табл. 166.

[15] С. Гайдин. Ук. соч., стр. 34—35, табл. II.

[16] G. Schlumberger. Ук. соч., т. II, рис. на стр. 57.

изображений Димитрия деталь — подчеркнуто больших размеров уши (в частности, у изображения Димитрия на ранее найденной херсонесской иконе, имеющего меньше сходства с правой фигурой на описываемой иконе). На другой иконе Луврского музея волосы на голове Димитрия трактованы также в виде кудрей [17]. Мозаичное изображение Димитрия в монастыре св. Луки в Фокиде (XI в.) представляет его с курчавыми волосами, но не с мечом, а с копьем [18]. На иконе, хранящейся в Третьяковской галерее, Димитрий Солунский изображен сидящим, с мечом на коленях, с курчавыми волосами и торчащими ушами. Икона датируется концом XII — началом XIII в. [19]. Овальной формы лицо с крупными чертами — длинным носом, большими глазами и сильно выдающимися ушами — характерно и для более ранних изображений Димитрия, например, на мозаичной иконе в Синайском монастыре св. Екатерины середины XI в. [20].

Мозаичное изображение Димитрия в Михайловском монастыре в Киеве, датируемое XI в., дает несколько иной образ: в правой руке у него копье, в левой щит, меч виден у правого бока, волосы не курчавые, но уши также крупные [21].

На ряде икон Димитрий изображается вместе с Феодором [22] или с Георгием [23]; на упомянутой иконе из Эрмитажа изображены вместе Георгий, Феодор и Димитрий [24]. Поэтому правую фигуру на херсонесской иконе мы с полной уверенностью можем считать изображением Димитрия.

На иконе из Эрмитажа все трое святых одного роста и выстроены в один ряд, как и на херсонесской. Отличие имеется в порядке фигур — на эрмитажной Феодор стоит в середине, поэтому его правая рука с копьем поднята кверху. В этом виден один и тот же композиционный прием для выделения центральной фигуры на обеих иконах.

Как уже сказано, у всех трех фигур имеются общие черты: одинаково фронтальное построение, одна и та же трактовка волос, совершенно идентичный узор на рукавах и подоле хитона, на нимбах, однообразно положение левой руки на щите, форма которого также для всех является общей; нет различия и в изображении ног.

Однако мастер стремился индивидуализировать изображения святых и придать свойственные каждому иконографические особенности. В этом он следовал сложившейся традиции: тип каждого святого был уже настолько установившимся, что отступить от него было нельзя. Давая изображения святых в общепринятом для каждого воинском одеянии и с присущими каждому чертами лица, мастер даже не счел нужным вырезать на иконе их имена. Следовательно, он был уверен в том, что их образы будут понятны для всех.

Исполнение иконы тщательное; с большим мастерством выполнены как лица, так и мелкие детали и узоры, например тонкая резьба на подоле и на рукавах хитонов, на нимбах, на колоннах, на арке и в углах иконы. При всем однообразии и неподвижности фигур видно стремление мастера к нарушению их статичности. С этой целью левая фигура слегка отклонена влево, а правая — соответственно вправо, изображение Георгия выделяется большей стройностью фигуры, внесено разнообразие в расположение плаща и т. д. Для соблюдения равновесия композиции складки хитона у крайних фигур свешиваются слева и справа, а плащ Феодора заполняет пространство между его фигурой и колонной для соответствия щиту Димитрия.

---

[17] Там же, рис. на стр. 45.
[18] Там же, рис. на стр. 545.
[19] В. Н. Лазарев. Ук. соч., табл. 220, 221.
[20] Там же, табл. 123.
[21] Там же, табл. 173.
[22] Там же, табл. 201.
[23] Там же, табл. 184; С. Гайдин. Ук. соч., табл. II.
[24] В. Н. Лазарев. Ук. соч., табл. 204.

Композиция иконы отличается соразмерностью частей: основные фигуры, поставленные в стройный ряд, ритмичны в целом и в частях — в чередовании оружия, ног и щитов. Центральное поле иконы увенчивается вверху изображением бюста Христа, а верхние углы удачно заполнены маленькими медальонами. Композиция завершается монументальным архитектурным обрамлением — широкой аркой, опирающейся на колонны.

Следует отметить любовь мастера к узорности, к орнаментации. Резьбой, весьма тонкой и художественной, украшены не только декоративные части (колонны, арка, свободные углы вверху), но и одежда, панцири и нимбы. Икона была позолочена, остатки позолоты сохранились на хитонах и плащах, на панцирях и нимбах, на колоннах и арке. Позолоченная и богато орнаментированная, икона была, несомненно, очень нарядной и эффектной.

В композиционном и декоративном отношении херсонесская икона может быть сопоставлена с рядом других византийских икон.

Стеатитовая икона XI—XII вв. в Лувре, с изображением Иоанна Златоуста, обрамлена аналогичными колоннами и аркой [25]. Другая икона, с изображением Димитрия, орнаментирована подобным же образом и датируется XI—XII вв. [26] Третья икона, с изображением Георгия, в Ватопедском монастыре на Афоне, также стеатитовая, обрамлена двойными колоннами с аналогичными базами, капителями и узорной аркой; относится она к X в. [27]. Найденная в Херсонесе в 1937 г. шиферная икона с изображением Благовещения украшена такими же витыми колонками и аркой, как на описываемой иконе [28].

На костяной пластинке, опубликованной Л. А. Мацулевичем, с изображением стоящей Богоматери с младенцем на руках и бюстами ангелов в верхних углах, являющейся повторением пластинки из собрания Строганова, киворий состоит из витых колонок. Пластинка датируется XII в. [29].

К настоящему времени имеется уже большая группа резных икон, происходящих из раскопок в Херсонесе: икона с изображением Георгия и Димитрия, изданная С. М. Гайдиным; икона с изображением Георгия [30]; иконка с изображением Рождества Христова [31]; икона с изображением Вознесения; иконка с изображением Благовещения [32]. Кроме того, в Херсонесе и в Эрмитаже хранятся фрагменты подобных же икон. Некоторые из них, например икона с изображением Благовещения и публикуемая в настоящей статье икона, настолько близки по исполнению, техническому и стилистическому, что могут происходить из одной мастерской.

Сопоставление вновь найденной иконы с вышеперечисленными иконами византийского происхождения позволяет считать ее произведением византийского мастера и датировать, в соответствии с аналогичными иконами, XII в., не позднее [33].

[25] G. Schlumberger. Ук. соч., т. II, рис. на стр. 41.

[26] Там же, рис. на стр. 57.

[27] Там же, рис. на стр. 273.

[28] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 93, рис. 58.

[29] Л. А. Мацулевич. Византийские резные кости собрания М. П. Боткина. Сб. Гос. Эрмитажа, II, 1923, табл. III, *2*, стр. 43 сл.

[30] Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг., стр. 246, рис. 79.

[31] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 290, рис. 122.

[32] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, Ук. соч., стр. 93, рис. 58.

[33] На византийское происхождение иконы указывает и то, что на ней изображены святые, культ которых возник и был широко распространен в областях Византийской империи (см. С. М. Гайдин. Ук. соч.). При сравнении описываемой иконы с иконой из ГИМ мы отметили полное композиционное сходство в фигурах Георгия и Феодора Стратилата. Однако стилистически иконы различны — фигуры на херсонесской иконе выполнены более мягко и пластично, лица, волосы и одежда тщательно моделированы. На иконе же ГИМ, датируемой XIII—XIV вв., фигуры плоскостны, одежда и волосы вырезаны очень схематично. Стилистические особенности херсонесской иконы свидетельствуют о более раннем ее происхождении, чем иконы ГИМ.

Публикуемая икона является произведением зрелого мастерства; об этом красноречиво говорят и техническое совершенство ее исполнения, и высокая художественность изображений, и искусная композиция иконы в целом. На дату XII в. указывают и иконографические особенности изображенных святых; они представлены в тех типических образах, какие к XII в. для каждого из них уже твердо установились и стали каноническими.

Большая серия икон византийского происхождения, найденных в Херсонесе, которая, несомненно, будет пополняться при будущих раскопках, свидетельствует о том, что в XII в. культурные и торговые связи Херсонеса с Византией были еще достаточно оживленными. Этот факт подтверждается и другими материалами, поступающими в результате археологических исследований Херсонеса: бронзовые штампованные иконы, найденные, в частности, в последние годы, поливная керамика, украшенная изображениями, византийские монеты и пр.

Г. К. ВАГНЕР

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ КОМПОЗИЦИИ «СЕМЬ СПЯЩИХ ОТРОКОВ» НА ФАСАДЕ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА г. ЮРЬЕВА-ПОЛЬСКОГО

Среди рельефных композиций Георгиевского собора (1230—1234 гг.) на христианские темы большой интерес представляет композиция «Семь спящих отроков из Эфеса» [1]. Из семи рельефов, составляющих ее, до нас дошли только пять (рис. 1). На каждом из камней изображено по одной фигуре, следовательно, не хватает еще двух камней.

Сохранившиеся пять камней вставлены в разные части стен В. Д. Ермолиным в 1471 г. при восстановлении собора. Камень № 1 [2] (высота камня 45 *см*, ширина — 53 *см*) находится над северным притвором [3]. Камень № 2 (высота — 53 *см*, ширина — 56 *см*) — на правой угловой лопатке западного фасада [4]. Камень № 3 (высота и ширина — 49 *см*) примыкает к западной лопатке южного фасада на уровне окна [5]. Камень № 4 (высота — 40 *см*, ширина — 44 *см*) находится под этим окном [6]. Пятый блок выпал из кладки и в настоящее время находится в коллекции внутри Георгиевского собора. Размеры этого блока — 44×41 *см* [7]. На всех пяти бло-

[1] Легенда о семи юношах-христианах из Эфеса, укрывшихся в пещере от гонений императора-язычника Деция, чудесно уснувших в ней и пробужденных через 300 лет при торжестве христианства, известна с V—VI вв. Варианты легенды были распространены в мусульманском мире. См. Семь отроков эфесских. Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков, вып. 41, М., 1914 (с библиографией); L. Massignon. Les sept dormants d'Ephèse (Ahl-al-Kahf) en islam et en chretienté. Revue des études islamiques, année 1955, Paris, 1956; année 1957, Paris, 1957.

Существование скульптурной композиции «Семь спящих отроков» среди рельефов Георгиевского собора установлено К. К. Романовым (К. К. Романов. К вопросу о технике выполнения рельефов собора св. Георгия в Юрьеве-Польском. Seminarium Kondakovianum, II, Prague, 1928, стр. 159—160), но композиция не была им реконструирована. В настоящей краткой заметке затрагиваются только вопросы реконструкции композиции.

[2] Нумерация камней дается условно, для удобства дальнейшего изложения.

[3] А. А. Бобринский. Резной камень в России. Атлас, вып. 1, М., 1916, табл. 31, *2*.

[4] Там же, табл. 36, *5*.

[5] Там же, табл. 40, *4* (слева).

[6] Там же, табл. 40, *4* (справа).

[7] Пользуюсь случаем выразить благодарность директору музея г. Юрьева-Польского Ф. Н. Полуянову за содействие в работе.

ках эфесские отроки изображены сидящими или полулежащими и
щими, т. е. в древнейшей редакции. Две фигуры обращены вправо, а тр
влево. Перед фигурой каждого отрока в верхних углах камней помеі
по корзиночке с продетым сквозь ее ручку посохом — атрибуты отр
На четырех блоках видны фрагменты растительного орнамента. Позы
не дошедших до нас фигур неизвестны. Вся композиция, а вместе с н
эти две фигуры могут быть восстановлены, так как в христианской ик
графии интересующий нас сюжет имел довольно стабильное изображ

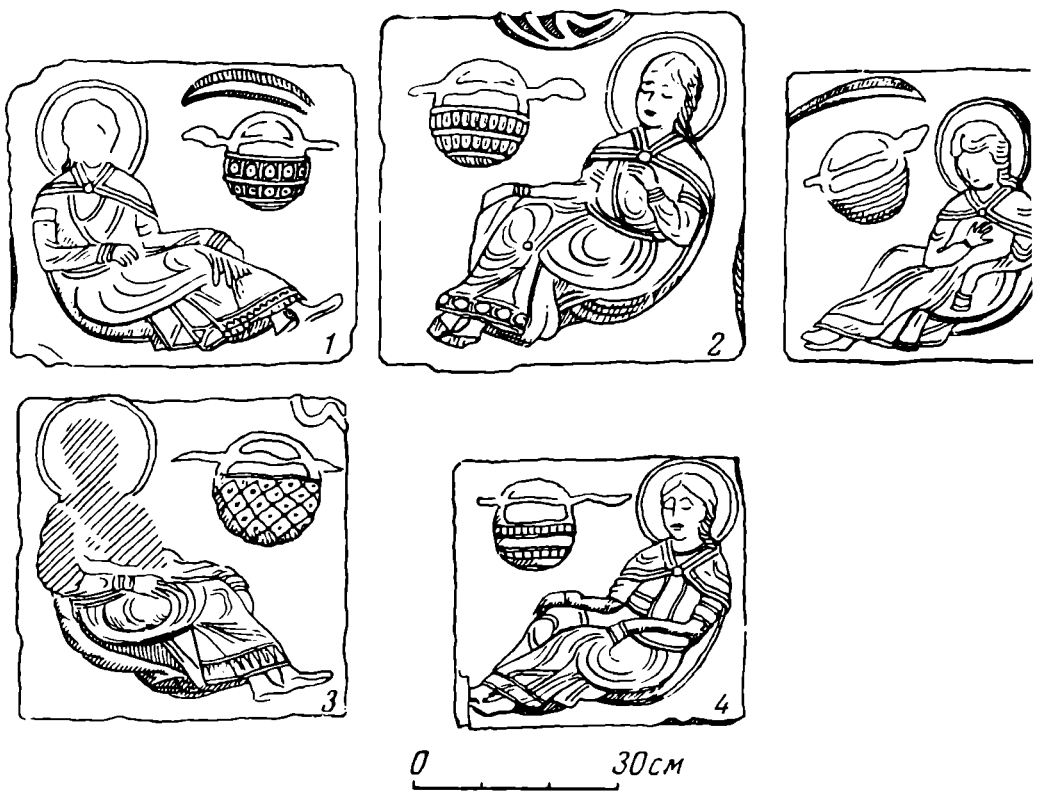


Рис. 1. Схематическое изображение рельефов с фигурами спящих эфесских отроков на
дах Георгиевского собора г. Юрьева-Польского

На миниатюре греческой псалтыри IX в. из б. собрания Хлуд
(ГИМ) фигуры спящих эфесских отроков составляют кругообразную к
позицию [8]. Кругообразная композиция сохранялась и на некоторых гр
ских иконах [9]. Чаще всего, однако, в живописи спящие отроки изобра
лись в относительно естественных группировках, и в позах фигур тру
проследить какую-либо закономерность.

Более стабильную картину наблюдаем в мелкой пластике, в кото
интересующий нас сюжет был распространен несравненно шире. З
твердо господствовала «круговая» композиция [10] двух типов: 1) с од
из фигур отроков в центре; 2) с изображением в центре композиции
гуры какого-либо святого.

Такое «кругообразное» расположение было отчасти связано с осо
ностями мелкой пластики, в которой, конечно, трудно было дать я

[8] В настоящее время этой миниатюры в Хлудовской псалтыри нет, так как она
вырезана, очевидно, еще до поступления рукописи в собрание Хлудова. Воспроизв
ние миниатюры см. в указанной работе Л. Массиньона (Revue des études islami
année 1955, табл. XX). За указание на эту работу я благодарен В. А. Крачковской.

[9] Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас,
СПб., 1906, табл. CXXV; L. Massignon. Ук. соч. Revue des études islamiques, a
1957, табл. XXIV, 2.

[10] Круговой композицией мы называем и такую, которая выполнена хотя и н
круглой плоскости, но с расположением всех фигур вокруг одной центральной фиг

читаемую живописную групповую композицию. Но большое значение имело и то, что сюжет «Семь спящих отроков» был тесно связан с амулетами-оберегами полухристианского-полуязыческого характера. Такие амулеты имели круглую форму, обусловленную, очевидно, магическим значением круга. Изображения семи спящих отроков считались оберегающими от различных бед, подстерегающих человека во сне [11]. Вероятно, с ними связывались и представления об охранительной силе сна или о спасительной силе божества, навевавшего сон. Такими амулетами были не только знаменитый круглый суздальский змеевик [12], но и вполне христианские по виду иконки и складни с изображением семи спящих отроков.

На суздальском змеевике XII—XIII вв. [13] одна из фигур эфесских юношей изображена в центре, одна сверху, одна снизу и по две фигуры по бокам [14].

На иконках и складнях XII—XIII вв. композиция строилась несколько иначе. В редких случаях сверху изображалась одна фигура юноши, а остальные шесть фигур изображались при этом попарно сверху вниз по краям иконки [15]. В подавляющем большинстве аналогичных памятников мелкой пластики сверху изображались две фигуры, во втором ряду (по сторонам фигуры святого) — тоже две и в нижнем ряду — три фигуры [16].

Несмотря на большое разнообразие в изображениях отдельных фигур эфесских отроков, в их позах прослеживаются определенные и довольно жесткие иконографические приемы или правила, а именно: 1) боковые сидящие фигуры, если они были в повороте, изображались обращенными только к центру, но не в стороны от него; 2) если эти фигуры изображались лежащими, то всегда головами друг к другу, т. е. к центру [17]; 3) непарная лежащая фигура (верхняя или нижняя) изображалась всегда головой влево; 4) непарная сидящая фигура изображалась или обращенной всем торсом влево, или склоненной влево. В такой ориентировке срединных фигур влево сказывалось своеобразное представление о центричности, что подтверждается композициями «Три отрока в пещи огненной», «Троица» и т. п. К сказанному следует добавить, что в лежачих позах могли быть изображенными либо все семь фигур, либо три, либо две.

Все это имеет большое значение для реконструкции скульптурной композиции Георгиевского собора. Если допустить, что она строилась по принципу иконок и складней, то при наличии четырех парных и одной непарной фигуры недостающие фигуры должны были быть только парными и скорее всего — лежащими. Они должны были бы составлять верхнюю пару композиции. Одна из трех фигур, обращенных влево, должна была находиться в нижнем ряду, в его середине, а вся композиция умещалась бы в трех рядах кладки. Однако технически такое размещение рельe-

[11] М. Соколов. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. ЖМНП, ч. CCLIII, июнь, 1889, стр. 358—359.

[12] Найден Г. Филимоновым в 1866 г. в ризнице суздальского собора.

[13] М. Н. Сперанский. О змеевике с семью отроками. АИЗ, т. 1, 1893, стр. 58.

[14] И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. ЗРАО, новая серия, т. III, вып. 3, 1887, стр. 387.

[15] Каменная иконка XII—XIII вв. в собрании ГИМ, инв. № 74 467. Подобные композиции восходят к памятникам типа иконки, опубликованной еще в 1745 г. Дюканжем. См. М. Н. Сперанский. Ук. соч., стр. 59, рис. 7.

[16] Иконки XII—XV вв. в собрании ГИМ, инв. №№ 18155, 74478, 74731. См. также «Каталог собрания древностей А. С. Уварова», отд. VIII—XI, М., 1908, стр. 60—61, рис. 35 и «Вестник общества древнерусского искусства на 1875 год», 1875, № 6—10, стр. 49. Аналогичные памятники есть в собрании Загорского историко-художественного музея, Русского музея и в других собраниях. В настоящей заметке не затрагивается вопрос о своеобразии западноевропейской, византийской и древнерусской иконографии сюжета, так как он сводится к деталям и будет разобран отдельно в связи с вопросом о мастерах юрьев-польских рельефов.

[17] Лежащие фигуры изображались головами в разные стороны в односюжетных памятниках западноевропейского происхождения.

фов невозможно. Во-первых, хотя кладка древнего собора 1230—1234 гг. состояла из белокаменных рядов разной высоты, но в пределах каждого ряда высота блоков выдерживалась. Исключение представляют случаи, когда кладка приближалась к определенной границе или когда камни с большими рельефами занимали сразу два или три ряда. Но, как мы видим, и в последнем случае мастера XIII в. придерживались цельных, а не дробных величин. В. Д. Ермолин, наоборот, придерживался смешанной кладки, без соблюдения горизонтальных швов. Это свидетельствует о том, что Ермолин не подтесывал камни и, следовательно, размеры камней с фигурами отроков первоначальные. Между тем четыре из пяти дошедших до нас блоков с фигурами юношей имеют разную высоту и, следовательно, должны были размещаться не в трех, а в четырех разных рядах кладки. Во-вторых, при размещении фигур по принципу иконок и складней три пары фигур должны были находиться друг под другом «впритык», что не оставляет места для развития «ковровой» орнаментации между ними [18]. Между тем о наличии последней свидетельствуют фрагменты растительного орнамента на четырех камнях. Наконец, тождественность сидячих поз у пяти фигур юношей позволяет думать, что на двух не дошедших до нас камнях фигуры юношей были также сидящими, а не лежащими.

Таким образом, все данные говорят за то, что реконструкция композиции по принципу ее изображений на иконах и складнях должна быть исключена.

Теперь попробуем разместить дошедшие до нас пять камней с рельефами так, как это диктуют их габариты, позы фигур и остатки растительной орнаментации.

Прежде всего мы снова должны учесть, что блоки с фигурами не могли находиться «впритык» друг к другу. Между блоками с фигурами были блоки с «ковровым» узором. На камне № 4 нет растительного узора, фигура отрока обращена влево, парного по размеру камня больше нет. Все это позволяет считать рельеф № 1 самым верхним в композиции. Камни №№ 1 и 5 почти равны по высоте, фигуры отроков обращены друг к другу, фрагменты растительного орнамента симметричны. Логично считать, что эта пара камней находилась в следующем вниз ряду и между ними оставлено было место для блоков с «ковровым» орнаментом. Камень № 2 — наибольший по высоте, фигура отрока обращена влево, парного по размеру камня нет. Все позволяет считать этот блок центральным, находящимся в третьем ряду. Камень № 3 мог быть только слева, но не в том же, а в следующем, четвертом ряду. На парном ему пропавшем шестом камне фигура отрока должна была быть обращена влево. Такой же должна была быть фигура и на седьмом камне. Весь строй композиции по принципу шахматной доски подсказывает, что камень № 7 находился в нижнем, пятом ряду.

В приведенной схеме (рис. 2) могут быть некоторые перестановки, но очень небольшие и не изменяющие основного принципа композиции. Например, блоки №№ 2, 4 и 7 могут поменяться местами. Могут поменяться местами второй и четвертый ряды блоков. Другие перестановки блоков невозможны. Следовательно, в предлагаемой схеме заложен некий композиционный закон, что подтверждает ее реальность. Сказанное свидетельствует также о большом искусстве мастера рельефов, как бы предвосхитившего круговые композиции Андрея Рублева.

Поскольку высота дошедших до нас камней известна, то, приняв высоту камня № 7 за 45 *см*, мы можем вычислить высоту всей композиции. Она была равна 2,36 *м*, а с добавкой еще по одному ряду окаймляющих кладок (сверху и снизу) — 3,16 *м*.

---

[18] См. подробнее K. K. Romanov. La colonnade du pourtour de la cathédrale de Saint-Georges a Jur'ev-Polskij. L'art Byzantin chez les Slaves. Paris, 1932, стр. 66—67.

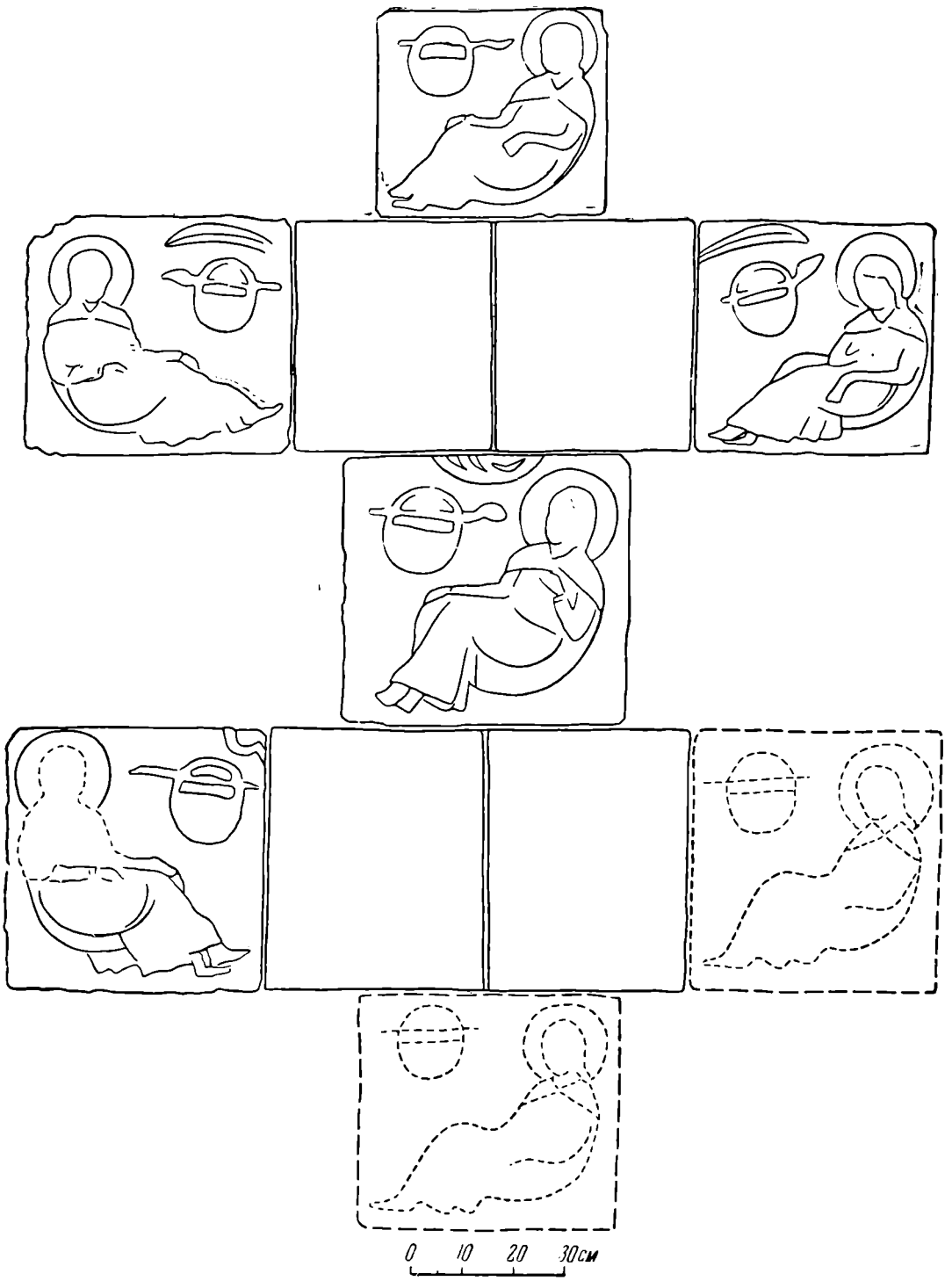


Рис. 2. Схема первоначальной композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского

В интерьере Георгиевского собора, в частности в предполагаемой С. Г. Щербовым иконостасной стенке [19], такой площади высотой в семь рядов кладки не могло быть. Следовательно, размещение реконстуированной скульптурной композиции внутри собора исключается.

К. К. Романов, Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев высказались в пользу

---

[19] С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (XIII в.). Канд. диссертация. М., 1955, стр. 124 сл.

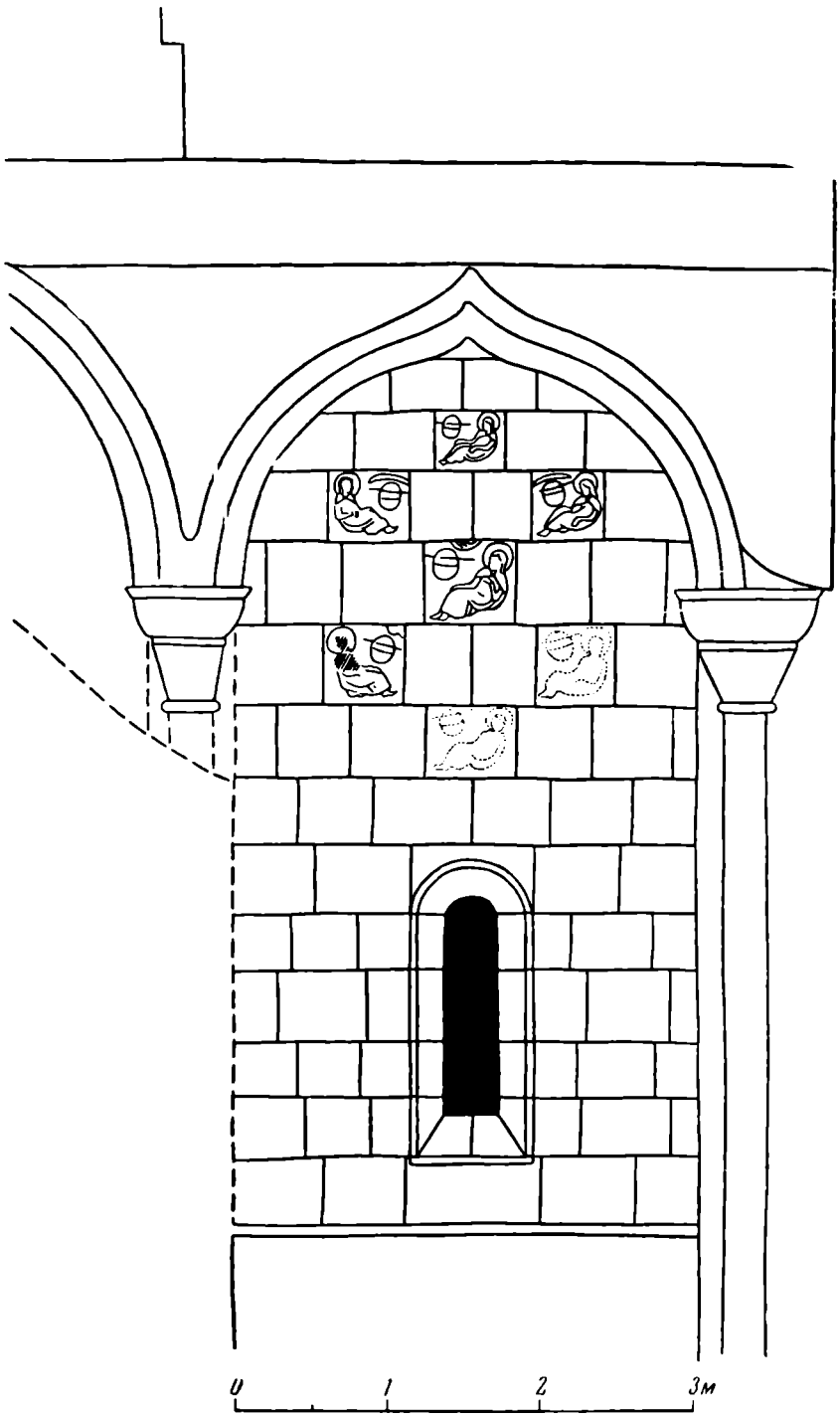


Рис. 3. Схематическая реконструкция верхнего южного деления западного фасада Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском

размещения композиций на христианские темы в закомарах собора[20]. Посмотрим, что дают в этом отношении закомары.

Высота первоначального второго яруса собора не могла выходить из системы пропорций владимиро-суздальского зодчества зрелой поры, т. е. она была равна высоте первого яруса (в средних закомарах), иначе го-

[20] К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, вып. 36, 1910, стр. 81—84; Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 75; его же. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 302—312; В. Н. Лазарев. Скульптура владимиро-суздальской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 434.

воря — 7 *м*. Поскольку боковые деления фасадов Георгиевского собора были в среднем на 1,8 *м* у́же центральных, то боковые закомары очерчивались радиусом на 0,9 *м* меньше, чем радиусы центральных закомар. Таким образом, в боковых частях второй ярус собора был высотой 6,1 *м*. Оконные проемы второго яруса не могли быть меньше оконных проемов первого яруса, т. е. 2,8 *м*. Остатки растительной орнаментации над арочным поясом в западном делении северного фасада [21] свидетельствуют о том, что нижние откосы окон второго яруса не стояли на междуярусном поясе, как в церкви Покрова на Нерли. Но они не могли находиться и на расстоянии 0,8 *м* от пояса, как это дано в реконструкции собора Д. П. Суховым [22].

По мере приближения к рубежу XII и XIII вв. интересующее нас расстояние все уменьшалось и в Дмитриевском соборе (1194—1197) составляло $^1/_6$ от высоты всего окна, т. е. 0,46 *м*. Следовательно, от междуярусного пояса до перемычек окон было 3,27 *м*, а от перемычек окон до вершин центральных закомар — 3,73 *м* и до вершины боковых закомар — 2,83 *м*. Из последних величин следует вычесть, по крайней мере, по 0,4 *м* на обводы (профилировку) закомар. Таким образом, для скульптурных композиций над окнами остается полезная площадь высотой в 3,33 *м* — в средних закомарах и 2,43 *м* — в боковых.

Реконструированная нами композиция «Семь спящих отроков» не могла помещаться в центральных закомарах северного и южного фасадов, так как здесь, конечно, должны были быть композиции на важнейшие евангельские темы: «Преображение», «Распятие» («Святославов крест») или «Вознесение» [23]. Западная средняя закомара в своей нижней части была прикрыта кровлей второго яруса притвора [24]. В боковых же закомарах для нашей композиции нет достаточной площади. Кажущееся затруднение решается следующим образом.

Приведенные выше расчеты для реконструкции оконных проемов второго яруса действительны только для северного и южного фасадов, где все оконные проемы могли быть только одинаковыми. Западный фасад Георгиевского собора не подчиняется этим правилам. Во-первых, среднее деление этого фасада почти во всю свою высоту было занято двухэтажным притвором, в верхнем этаже которого размещалась княжеская «ложа» [25]. Следовательно, здесь не было наружного окна, на размеры которого можно было ориентироваться при устройстве боковых окон. Во-вторых, в Георгиевском соборе не было хор, которые нуждались бы в дополнительном освещении через большие западные оконные проемы.

Наконец, во владимиро-суздальском зодчестве известны примеры, когда именно боковые окна второго яруса западного фасада делались на $^1/_3$ ниже остальных окон (Успенский собор г. Владимира, 1158—1160 гг.). Все сказанное убеждает в том, что в Георгиевском соборе боковые окна второго яруса западного фасада были по высоте примерно на $^1/_3$ меньше остальных окон, т. е. равнялись примерно 1,86—1,9 *м*. Так как основания всех оконных проемов второго яруса должны были лежать на одном уровне, т. е. на 0,46 *м* выше междуярусного пояса, то от перемычек верхних боковых окон западного фасада до вершин закомар было 3,78 *м*. Такая

---

[21] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 23, *1, 2;* табл. 24, *1, 3.*

[22] История русской архитектуры. М., 1956, стр. 58, рис. 2.

[23] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 308—312. По вопросу о распределении этих композиций по фасадам нет еще единого мнения, но, во всяком случае, две из указанных композиций помещались в центральных закомарах северного и южного фасадов.

[24] Высота второго яруса западного притвора неизвестна, но, во всяком случае, кровля притвора мешала расположению в средней закомаре большой скульптурной композиции. Ср. Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество XI—XIII вв. Докторская диссертация. Архив ИА АН СССР, ф. 1, инв. № 359, стр. 759; его же. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 297.

[25] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества, стр. 72.

высота вполне достаточна для размещения композиции «Семь спящих отроков». Мы склоняемся в пользу размещения этой композиции именно в южной закомаре, так как из семи фигур, составлявших всю композицию, пять были обращены влево, очевидно, к центру фасада. Таким образом, все расчеты подтверждают высказанное Н. Н. Ворониным предположение, что композиция «Семь спящих отроков» первоначально размещалась в южной закомаре западного фасада [26].

На рис. 3 дается предварительная схематическая реконструкция верхнего южного деления западного фасада Георгиевского собора 1230—1234 гг. с расположением реконструированной композиции «Семь спящих отроков».

Конечно, было бы очень интересно и важно реконструировать «ковровый» узор между фигурами, но на основании слишком небольших фрагментов этого сделать пока не удалось. Для закомар принята килевидная форма, бывшая, по-видимому, у закомар собора 1230—1234 гг. [27], а также одноцентровое очертание курватур, в соответствии с очертанием архивольтов порталов.

В заключение следует сказать, что реконструкция скульптурных композиций Георгиевского собора важна не только для истории древнерусской пластики, но и для реконструкции второго яруса самого собора. Знания в данной области сейчас настолько продвинулись вперед, что под решение этой загадки можно уже подводить определенные расчеты.

---

[26] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 311.

[27] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества, стр. 74; его же. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 297.

В. Л. ЯНИН

О ПЕЧАТЯХ РАТИБОРА

Среди русских печатей древнейшей поры небольшую и весьма своеобразную группу составляют свинцовые буллы с надписью «От Ратибора». К настоящему времени известно семь таких печатей, оттиснутых в разное время четырьмя парами матриц [1].

I. 3 экз. Л. с. Надпись в три строки: **ОТЪ/РАТИ/БОРА**; над надписью и под ней орнамент в виде крестообразных фигур из четырех точек с горизонтальными черточками по сторонам; вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента, папы римского, в святительском облачении; в левой руке Евангелие, пальцы правой сложены в благословляющем жесте; по сторонам колончатая надпись:

О М
К Н Н
Л О вокруг точечный ободок.

а) (рис. 1, *1*). Д.— 23—25 *мм*. М.— Агианос близ Еникале, 1872 г. Хр.— ГИМ (от Е. Е. Люценко). Изд.— Тр. III АС, т. II, Приложения, Киев, 1878, стр. 165 (описание); А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. ТМНО, т. III, М., 1903, табл. II, *15*; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, стр. 20, рис. 17.

---

[1] В описаниях печатей употреблены следующие сокращения: Д.— диаметр; М.— место находки; Хр.— место хранения; Изд.— издание.

б) Д.— 22 *мм.* М.— неизвестно. Хр.— Гос. Эрмитаж (от И. И. Толстого; первоначальным владельцем был Е. Е. Люценко). Изд.— И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882, табл. XIV, *7;* И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 4, СПб., 1891, стр. 172, рис. 164.

в) Д.— неизвестен. М.— близ Керчи; конец XIX в. Хр.— в конце 1890-х годов Музей Киевского университета (приобретена у доктора Терлецкого); не разыскана. Изд.— К. В. Болсуновский. Каталог предметов, выставленных в Университете св. Владимира. Киев, 1899, стр. 4, № 7 (описание).

II. 1 экз. (рис. 1, *2*). Л. с. Надпись в три строки: **Ѿ/РАТИ/БОРА** вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента, подобное изображению на предыдущей печати, но несколько иного рисунка; по сторонам остатки нечитаемой колончатой надписи.

Д.— 22—24 *мм.* М.— Киев, раскопки 1910 г. на усадьбе Софийского собора. Хр.— коллекция Археологической комиссии; не разыскана. Изд.— Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLVIII, *8.*

III. 2 экз. Л. с. Надпись в три строки: **ѠТ/РАТИ/БОРА** ; над надписью орнамент — точка с горизонтальными черточками по сторонам; вокруг двойной точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента, подобное изображениям на предыдущих печатях, но иного рисунка; по сторонам колончатая надпись:

О **М**
К **ЄН** вокруг точечный ободок.
Н **Ѻ**

а) (рис. 1, *3*). Д.— 27—28 *мм.* М.— неизвестно; приобретена И. И. Толстым в Севастополе. Хр.— Гос. Эрмитаж (от И. И. Толстого). Изд.— А. В. Орешников. Ук соч., табл. II, *16*; Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. II, стр. 20, рис. 18.

б) (рис. 1, *4*). Д.— 26 *мм.* М.— с. Клепачи, Лубенского уезда, Полтавской губ. Хр.— собрание Н. П. Лихачева; в 1959 г. поступила в Гос. Эрмитаж из собрания Н. К. Никольского. Изд.— Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLV, *1.*

IV. 1 экз. (рис. 1, *5*). Л. с. Как на предыдущей печати.

О. с. Как на предыдущей печати, но колончатая надпись:

О **М**
К **ЄН**
Н **Т**

Д.— 24—25 *мм.* М.— Киев; около 1906 г. Хр.— собрание Н. П. Лихачева; в 1959 г. поступила в Гос. Эрмитаж из собрания Н. К. Никольского. Изд.— Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIII, *11*; его же. Материалы..., вып. II, стр. 21, рис. 19.

Печати Ратибора отличаются несколькими весьма существенными признаками, среди которых на первом месте следует назвать совершенно необычную и неповторенную в русской сфрагистике форму их надписи. Это единственный случай, когда надпись не просто фиксирует принадлежность печати, а своим падежным выражением прямо указывает, что документ, снабженный такой печатью, содержит собственное «рукописание» владельца печати. Иными словами, надпись относится не к печати, а к документу. Такая надпись кажется наиболее уместной при письменном рас-

поряжении, письме, донесении и т. п., но не при акте. Это как бы ярлык с обратным адресом, некое подобие исключительно поздней печати частной переписки, а сама формула «От Ратибора» может служить указанием на то, что Ратибор пользовался своими буллотириями только при запечатывании корреспонденции.

Еще два обстоятельства кажутся весьма значительными. Во-первых, обращает на себя внимание множественность вариантов печати «От Ратибора». Когда какая-либо печать доходит до нас во многих экземплярах, оттиснутых одной парой матриц, то это может быть свидетельством лишь особо интенсивной деятельности ее владельца в сравнительно короткий промежуток времени. Но в случаях, подобных нашему, мы можем и должны говорить о продолжительной деятельности Ратибора. Во-вторых, бросается в глаза территориальная разбросанность таких печатей, что говорит о значительном территориальном размахе деятельности Ратибора. Эти обстоятельства должны быть отмечены особо, так как принадлежность всех вариантов описанных выше булл одному лицу не вызывает никаких сомнений.

Своеобразие печатей Ратибора дважды привлекало внимание исследователей. Они были изучены А. В. Орешниковым и Н. П. Лихачевым [2]. Благодаря усилиям этих исследователей вполне и всесторонне обоснована дата печатей Ратибора — вторая половина XI — начало XII в.— и их принадлежность известному в русской истории лицу — тмутараканскому наместнику, а затем киевскому тысяцкому Ратибору. Поскольку главнейшие вопросы их изучения уже решены, печатями Ратибора удобно воспользоваться для того, чтобы показать возможности более детальной датировки булл, возникающие при сравнении различных вариантов однотипных сфрагистических памятников.

Вполне очевидно, что сама однотипность вариантов говорит о том, что они возникали в результате копирования стиравшихся от употребления образцов, а если это предположение правильно, то наиболее поздний вариант должен оказаться наиболее отличным от самого раннего. Другие варианты займут промежуточное между ними положение. Последовательное копирование вариантов, кажущееся для нас несомненным уже в силу их сходства, может быть подтверждено и некоторыми особенностями надписей и печатей.

На I и III вариантах имя святого передано в искаженной греческой форме: ⓐΚλημησο вместо ⊗Κλημης. В. Н. Щепкин, посвятивший надписям печатей Ратибора небольшой очерк, склонялся к тому, чтобы признать конечную букву «О» «русской прибавкой» к греческой надписи и, кроме того, результатом изменения слабого редуцированного «Ъ» в «О» [3]. В. Н. Щепкин привел ряд аналогий, взятых им из надписей нередицких фресок, которые, однако, мало убеждают, поскольку относятся ко времени, на столетие более позднему, чем печати Ратибора. Кроме того, приведенные им примеры типа «Евано», «Яково» и т. п. только в том случае были бы действительно аналогичными, если бы имена были изображены в форме «Еваносо», «Яковосо» и т. д. В. Н. Щепкин сам признавал XI в. временем слишком ранним для предположенной им замены букв, однако делал скидку на более раннее появление новых форм в надписях бытовых памятников. Мы полагаем, что изложенных сомнений вполне достаточно для того, чтобы усомниться в правильности такого истолкования.

Между тем в том же очерке В. Н. Щепкина мельком, в одной фразе, было высказано и второе предположение, которое оказывается более убедительным: «Можно бы предположить еще, что конечное О есть начало ти-

---

[2] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 137—141, раздел «Две свинцовые привесные печати тмутараканского посадника Ратибора»; Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. II, стр. 19—23, раздел «Печати с надписью „ОТ РАТИБОРА“».

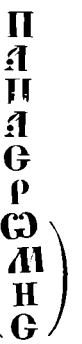
[3] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 140.

Рис. 1. Печати Ратибора

тула ὁ πάπας τῆς Ῥώμης»[4]. На первый взгляд, это предположение выглядит несколько странным: из титула взята только начальная частица, написана первая буква, не несущая никакого содержания, хотя остальные 13 букв заведомо не поместились бы на печати. Однако как только мы попытаемся поставить вопрос об источнике изображения и надписи печати, все становится на свое место. В середине и второй половине XI в., когда лицевой иконописный шаблон еще не мог сделаться необходимой принадлежностью художника, наиболее вероятным собранием канонических образцов изображений и начертаний имен различных святых могло быть мозаичное и живописное убранство киевского Софийского собора. Именно там киевские художники и торевты должны были срисовывать композиции и списывать образцовые надписи.

Изображение св. Климента (рис. 2) папы римского в Киевской Софии помещено на алтарной мозаике, среди изображений святителей, отцов церкви и первомучеников, под знаменитой «Евхаристией». К настоящему времени сохранилась лишь верхняя часть мозаичной фигуры, по плечи святого, и, соответственно, лишь верхняя часть колончатых надписей, которые, однако, вполне могут быть реконструированы:

Рис. 2. Изображение св. Климента в Киевской Софии



Перенос частицы «О» в нижнюю часть левой колонки здесь несомненен. Ее отсутствие в начале правой колонки не может свидетельствовать об ее опущении вообще, поскольку такая частица в надписях других мозаик употребляется пунктуально (в именах Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Григория Чудотворца, Григория Богослова). Следовательно, на «образцовой» мозаике Софийского собора имя Климента было разделено на колонки таким образом, что в левой, если рассматривать ее изолированно от правой, получалось бессмысленное О КЛНМНСО, т. е. именно то ошибочное написание, которое отмечено на печатях Ратибора.

Из этих наблюдений мы делаем три вывода. Во-первых, мастер, изготовлявший самый ранний вариант печати Ратибора, сверялся с мозаиками

[4] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 140.

Софийского собора. Во-вторых, он был русским, а не греком, иначе он не стал бы копировать надпись бессмысленно. В-третьих, возникновение новых вариантов печати Ратибора действительно происходило в результате копирования старых вариантов, приходивших в негодность, поскольку ошибочное написание О КЛНМНСО присуще по крайней мере двум вариантам этой печати.

Ключ к выяснению относительной хронологии печатей Ратибора дает сравнение III и IV вариантов. Практически это печати, оттиснутые не двумя, а одной парой матриц. Лицевые стороны III и IV вариантов вполне тождественны; оборотные тождественны во всем, за исключением колончатой надписи. Причем тождественность сохраняется здесь полностью в левой колонке надписи, в правой же на матрице исправлены две буквы: «С» превращено в «Е», для чего потребовалось лишь провести одну дополнительную черточку, а маленькое конечное «О» — в непропорционально большое «Т», получившее после перегравировки более высокий рельеф. В результате всех этих исправлений ошибочная греческая надпись превратилась в правильную русскую: О КЛИМЕНТ. Вполне очевидно, что обратное превращение невозможно: «Е» уже не превратишь в «С», нельзя сделать и из большого «Т» маленькое «О».

Таким образом, IV вариант оказывается более поздним, чем III; он к тому же уничтожает дефекты надписи III варианта. Следовательно, I вариант не мог наследовать ни III, ни IV вариантам. Он относится к более раннему времени и сам послужил образцом для дальнейшего копирования.

Сложнее всего определить хронологическое место II варианта, так как колончатая надпись на нем уничтожена настолько, что единственная известная печать этого варианта не может быть использована для сравнения. В данном случае полезнее обратиться к сравнению лицевых сторон печатей и их технических данных. По-видимому, II вариант не может быть более ранним, чем I, поскольку в его надписи уже употреблена омега, сближающая его с III вариантом. С другой стороны, вряд ли существует возможность датировать его временем более поздним, чем IV вариант. Все печати Ратибора по величине кружков распадаются на две группы: с меньшим диаметром (22—24 *мм*; сюда относятся I и II варианты) и с бóльшим диаметром (25—28 *мм;* печати III и IV вариантов).

На основании всех этих наблюдений мы признаем древнейшим вариантом печати Ратибора I вариант, изготовленный в Киеве. Этот вариант последовательно сменяется II, III и IV вариантом, образовавшимся уже в результате простейшей подправки матриц.

Предложенная схема может быть подтверждена и превращена в абсолютно-хронологическую при сопоставлении сфрагистических данных с летописными. Первое упоминание Ратибора относится, по-видимому, ко времени до 1078 г. Мы имеем в виду свидетельство Несторова жития Феодосия Печерского о соратнике великого князя Изяслава Ярославича (ум. в 1078 г.) боярине Клименте, который обещал перед походом дать в Печерский монастырь две гривны золота, но затем забыл о своем обещании [5]. В летописи Ратибор впервые упоминается под 1079 г., когда Всеволод Ярославич сажает его посадником в Тмутаракань [6]. В 1081 г. князья Давид Игоревич и Володарь Ростиславич, захватившие Тмутаракань, берут его в плен [7], и он надолго исчезает со страниц летописи. В 1095 г. Владимир Мономах, тогда бывший переяславским князем, по совету дружины Ратибора соглашается на убийство половецких ханов Итларя и Китана; Итларя убивают «на сеннице» Ратибора [8]. В 1100 г. Мономах по-

[5] ЧОИДР, 1858, кн. 3, стр. 18 жития.

[6] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 87; т. II, 1843, стр. 276; т. V, 1851, стр. 148; т. VII, 1856, стр. 3.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 87; т. II, стр. 276; т. VII, стр. 3.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 97; т. II, стр. 280; т. VII, стр. 8.

сылает Ратибора к Давиду Игоревичу сообщить о решении княжеского съезда в Уветичах [9]. В 1113 г., после утверждения Мономаха на киевском столе, Ратибор участвует в Берестовском совещании и назван здесь киевским тысяцким [10]. Около этого же года он упоминается в Русской Правде как один из авторов «Устава Мономаха» [11]. Летописец знает также детей Ратибора — Фому и Ольбега (возможно, это два имени одного и того же лица).

Летописный боярин Ратибор, будучи приближенным Всеволода и его сына Владимира Мономаха, в своей деятельности был связан последовательно: с Киевом (до 1079 г.), с Тмутараканью (в 1079—1081 гг.), снова с Киевом (до смерти Всеволода в 1093 г.), с Переяславлем (в 1093—1113 гг.) и еще раз с Киевом (с 1113 г.). Хронологическая последовательность его печатей в сочетании с топографией их находок вполне подтверждается этими данными. Действительно, I вариант печати Ратибора, признанный нами древнейшим, должен быть датирован 1079—1081 гг., так как все три экземпляра этого варианта, в том числе и эрмитажный (поскольку он прошел через руки Е. Е. Люценко) происходит с берегов Таманского пролива. II вариант, следующий по времени, найден в Киеве, и мы решаемся относить его к следующему периоду деятельности Ратибора, ко времени Всеволода. III вариант известен в двух экземплярах. Один найден в с. Клепачи, в пределах древнего Переяславского княжества, на территории городища. Другой приобретен И. И. Толстым в Севастополе, что, казалось бы, объединяет его с группой таманских находок.

Однако хорошо известно, что незадолго до революции Н. П. Лихачев приобрел у петербургского антиквара А. Я. Эльтермана целую коллекцию южнорусских печатей, которая была вывезена из Севастополя. В составе этой коллекции нет каких-либо вещей явно крымского происхождения, что говорит о существовании в Севастополе какого-то собирателя, деятельность которого охватывала большую территорию юга России, вплоть до Киевщины, откуда происходит большинство южнорусских печатей. Возможно, что и печать Ратибора прошла через руки этого собирателя. Достоверная находка такой же печати на Переяславщине связывает III вариант с периодом 1093—1113 гг. Наконец, самая поздняя печать IV варианта была обнаружена в Киеве и соответствует последнему, киевскому периоду деятельности Ратибора.

Н. П. Лихачев, завершая свой обзор печатей Ратибора, отметил: «Нас может и должно смущать одно обстоятельство, то, что от Ратибора сохранился ряд печатей и притом разных матриц, других же подобных воеводских или наместничьих печатей неизвестно ни одной ни для XI, ни для XII вв. Это обстоятельство остается загадкой...» [12]. Это обстоятельство остается загадкой и сейчас. Одним только исключительным положением этого боярина нельзя объяснить своеобразия рассмотренной группы печатей. Однако нам хотелось бы сейчас обратить внимание на другое обстоятельство. Несмотря на свое исключительное положение, Ратибор никогда не пользовался той степенью власти, которая ставила бы его в один ряд с другими владельцами печатей XI—XII вв. Если любая другая современная ему печать по своему оформлению была печатью актовой, то печати Ратибора даже в последний период его государственной карьеры сохраняли признаки буллы неофициального документа.

---

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 116; т. VII, стр. 17.
[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 63.
[11] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, стр. 204 сл.
[12] Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. II, стр. 22.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

О КОНСТРУКЦИИ И НАЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Среди разнообразных орудий рыболовства, бытовавших на древней Руси в XI—XIII вв., довольно часто встречаются гарпуны и остроги, употреблявшиеся для добычи крупной рыбы. Наибольшим распространением пользовались трехзубые остроги типа, дожившего до настоящего времени. Вместе с ними при раскопках поселений домонгольского времени встречаются и однозубые остроги, реже — двузубые [1]. Просмотр серии однозубых острог, найденных при раскопках, позволил установить, что большая часть их, и в том числе коленчатые однозубые остроги, в действительности являются деталями составных трехзубых острог. Они никогда не употреблялись самостоятельно в виде однозубых острог. Если обычные трехзубые остроги (рис. 1, *1*) имеют три зуба с шипами и один черешок или стержень, то составная острога имела три зуба и три самостоятельных черешка. Три детали составной остроги (рис. 1, *2*) соединялись при прикреплении их к древку. Черешковые окончания железных деталей трехзубой составной остроги укладывались в специальные выдолбленные для них канавки в ручке орудия. Отогнутые концы их забивались в древко. Нижний конец древка остроги с наложенными на него черешками обматывался просмоленным шнуром (рис. 1, *3*). Железные детали от составных трехзубых острог иногда встречаются и наборами, в которых два зуба коленчатые и один — прямой. Подобный набор деталей от железной трехзубой остроги был найден на Вщижском городище [2]. Значительное число находок деталей от составных трехзубых острог говорит о широком распространении их в домонгольское время и об определенных преимуществах этого типа орудия по сравнению с обычными трехзубыми острогами. И действительно, изготовление железных деталей составных трехзубых острог было во много раз проще, чем изготовление обычной трехзубой остроги с одним черешком. С другой стороны, составные трехзубые остроги при помощи трех черешков гораздо надежнее скреплялись с древком, чем одночерешковые. Широкому распространению составных трехзубых острог способствовало и то, что при поломке одного из зубьев его легко можно было заменить новой деталью.

При раскопках древнерусских поселений домонгольского времени нередко встречаются небольших размеров пробои с двойными стержнями, соединенные дужками (рис. 1, *8*). Назначение их было неясно. По этнографическим примерам выясняется, что предметы эти были петлями для сундуков и ларцов. Один пробой вбивался в заднюю стенку сундука, а другой — в крышку его. Сундучные петли этого типа были широко распространены на Руси в домонгольское время. Они найдены при раскопках во Вщиже, Рязани, Новгороде и других местах.

* * *

«Древолазные шипы» — частая находка в культурном слое северных древнерусских городов домонгольского времени. В курганных могильниках этого времени они встречаются сравнительно редко. О назначении этих предметов в свое время было высказано много противоречивых и взаимоисключающих предположений. Одни авторы предполагали, что шипы эти употреблялись для лазанья на деревья при бортничестве, другие предполагали, что они служили для передвижения по льду, третьи называли

[1] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 100, рис. 63; В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 120, рис. 5.

[2] Раскопки Б. А. Рыбакова, 1949 г.

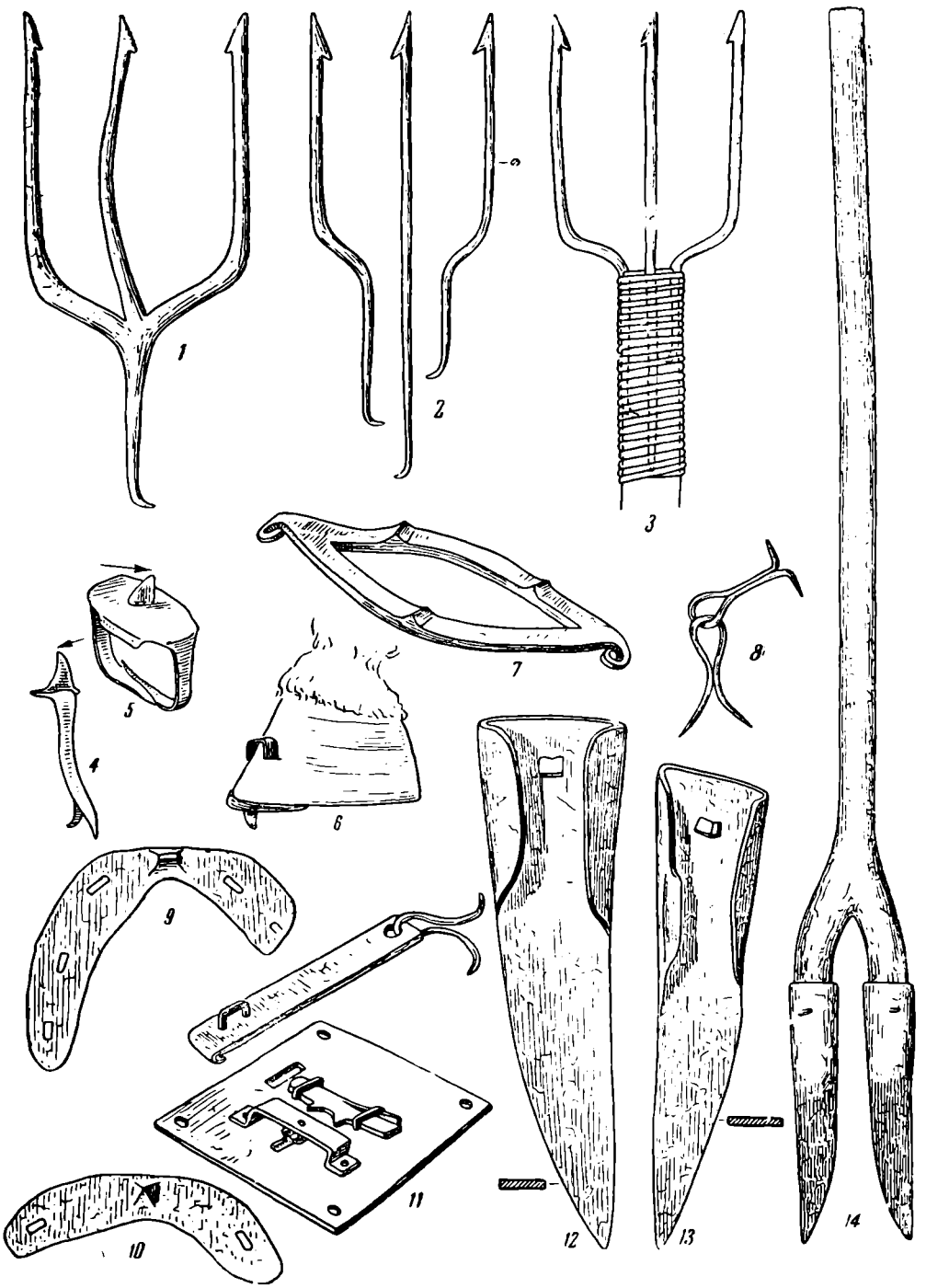


Рис. 1. Древнерусские железные изделия

их конскими подковами [3]. Были высказаны предположения, что они являются деталями сельскохозяйственных орудий или оружия [4].

Все известные «древолазные шипы» можно разделить на две группы: 1) шипы с основанием в виде одинарного или двойного стержня с петлями на концах [5] (рис. 1, 7); 2) шипы с основанием в виде овальной пластинки, боковые концы которой раскованы на два длинных заостренных и упло-

[3] В. А. Мальм. Ук. соч., стр. 134, рис. 8; I. Petersen. Vikingetidens redskaper, Oslo, 1951, стр. 62—66, рис. 52—54; A. Demin. Die Kriegswaffen. Gera — Untermhaus, 1891, стр. 673—674.

[4] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Тр. Новгородской экспедиции, т. II. МИА, № 65, 1959, стр. 114—116, рис. 100.

[5] В. А. Мальм. Ук. соч., рис. 8, *1—3*. Они найдены во Владимирских курганах при раскопках А. С. Уварова и в Пронске при раскопках Н. П. Милонова.

щенных в сечении стержня (рис. 1, *4, 5*). Эти стержни обычно отогнуты в сторону, противоположную шипу. Шипов такого типа много. Они найдены при раскопках в Новгороде, Гнездове, Москве, Пскове, Белоозере и других местах [6].

Назначение шипов первого типа определяется сравнительно легко. Они, по-видимому, действительно употреблялись при бортничестве. Ширина их стержневидного основания соответствует ширине обутой ноги. Петли на концах стержня употреблялись для продергивания ремня, при помощи которого шип подвязывался к ноге. Для выяснения назначения шипов второго типа большое значение имеет наблюдающаяся на ряде экземпляров сработанность. Характер сработанности шипов и наличие специфических закраин говорит о том, что рабочая часть их сточена при соприкосновении с землей. Просмотр шипов из раскопок в Новгороде позволил также выделить серию шипов, у которых один край овальной пластинки отогнут в сторону, противоположную шипу. Все это, а также и ряд других признаков позволяют с большой определенностью утверждать, что предметы эти действительно были конскими подковами. Подковы этого типа набивались снизу на переднюю часть копыта лошади (рис. 1, *6*). Отогнутый край основания шипа заходил спереди на верхнюю часть копыта. Уплощенные и заостренные стержни шипа служили подобием гвоздей, при помощи которых подкова прибивалась к копыту. Современные подковные гвозди имеют то же сечение, что и стержни «шипов». Излишне длинные концы гвоздей-стержней отгибались в сторону, и потому встречены шипы, стержни которых образуют как бы прямоугольную рамку. Следует отметить, что древнейшие русские подковы XIV—XVI вв., существенно отличаясь от домонгольских подков, также имели только один шип и набивались на переднюю часть копыта [7] (рис. 1, *9, 10*). Судя по находкам в Новгороде одношипные подковы, прибиваемые гвоздями, впервые на Руси появились в XI столетии. Однако до XIV в. находки их единичны. Подковы «шипы», несмотря на их примитивность, употреблялись чаще в силу простоты их изготовления. Оба типа подков применялись, по-видимому, только в зимнее время. Трехшипные подковы появляются на Руси с начала XVII в. Наблюдения над современными подковами и подковами XIV—XVI вв. говорят также о том, что передний шип их снашивается преимущественно спереди, как и на «древолазных шипах».

* * *

При раскопках поздних средневековых поселений иногда встречаются небольшие асимметричные сошнички со втулкой овального сечения. Подобного типа сошничок был найден в Москве, в Зарядье, в 1953 г. Он датируется XV в.; другой такой же сошничок найден на территории лагеря Лжедмитрия II в Тушине (1609 г.). Общая длина таких сошничков 15—20 *см* (рис. 1, *12, 13*). Интересной особенностью этих сошничков являются лезвия их, которые не заточены (не имеют режущего края). В ряде работ, посвященных истории русского земледелия, были высказаны соображения, что сошнички подобного типа принадлежат многозубой сохе. На самом деле они не имеют отношения к обработке земли и употреблялись в качестве наконечников двузубых вил, специально предназначенных для уборки навоза (рис. 1, *14*). Вилы такого типа известны по этнографическим материалам.

[6] При раскопках в Новгороде было найдено несколько сот экземпляров таких шипов. См. Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 114. В Москве при раскопках в 1949—1952 гг. были найдены два таких шипа. Они выставлены в экспозиции Музея истории и реконструкции Москвы. О находках шипов этого типа в Пскове см. С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 52.

[7] Подобного типа подковы найдены в значительном числе при раскопках в Москве в1949—1957 гг. См. отчеты Московской экспедиции ИИМК АН СССР. Архив ИА АН СССР, №№ 1060, 1110, 1338.

* * *

Среди разнообразных конструкций сундучных внутренних замков, бытовавших в XIV—XV вв., наиболее распространенными были замки с засовчиками и поворотными ключами, которые сменили врезные пружинные замки, употреблявшиеся в XII—XIII вв.[8]. Конструкция этих замков проста. Они состоят из лицевой пластины, обычно прямоугольной формы, на оборотной стороне которой в обоймах закреплен засовчик с пружиной, предупреждающей самопроизвольное его движение (рис. 1, *11*). По нижнему краю засовчика имеются выступы для захвата их бородкой ключа. Под засовом — замочная скважина. На обороте замка напротив нее — обойма со штырем для ключа. Против рабочего конца засовчика — вертикальная щель для петли накладки. Замок крепился в верхней передней части сундука, а накладка — на крышке сундука выше замка. Индивидуальность замка достигалась наличием специальных гребенок, определяющих форму бородки ключа. Подобной конструкции замки встречены при раскопках в Москве, Новгороде, Пскове и других местах. Наряду с ними в это время были растространены, но менее широко, врезные и накладные замки других конструкций.

---

[8] Р. Л. Розенфельдт. Старорязанский врезной замок. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 144.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ БРОНЗЫ

(Обзор литературы за 1950—1959 гг.)

За последнее время археологи уделяли большое внимание памятникам Северного Кавказа, особенно материалам северокавказской культуры эпохи бронзы, как одной из наиболее обширной по территории культур, а также в силу того, что северокавказские бронзовые изделия встречаются далеко от места их производства и многие из них прочно вошли в число предметов, характеризующих также культуру степных племен (катакомбную, срубную и др.).

За период 1950—1959 гг. вышло из печати довольно значительное количество работ, в той или иной степени освещающих вопросы, связанные с изучением северокавказской культуры.

Сводкой материалов северокавказской культуры, собранных на территории Северной Осетии, является работа Е. И. Крупнова, посвященная памятникам докобанского периода [1]. Автором очень тщательно систематизирован весьма разрозненный материал, происходящий из различных могильников, и дополнен собственными наблюдениями, сделанными при работах на могильниках «Загли-Барзонд» у с. Верхний Кобан, «Верхняя Рутха» у с. Кумбулта и др. Сопоставление предметов, найденных при раскопках, со случайными находками позволяет Е. И. Крупнову датировать последние. Правда, хронологические членения, предложенные Е. И. Крупновым, дробны, что уже отмечалось в печати [2]. В данной работе важно то, что весь материал, принадлежащий северокавказской культуре, подан в эволюционном плане и доводится до конца II тысячелетия до н. э., когда в северокавказских бронзах уже заметны черты кобанской культуры. Е. И. Крупнов намечает локальные черты дигорской культуры, объединяющей памятники конца эпохи бронзы и являющейся основой, на которой возникла кобанская культура.

А. А. Иессен рассматривает дигорскую культуру как локальную, включая в ее территорию и Рачу (область Грузии, примыкающую к Дигории с юга), и называет этот район «дигоро-рачинским» [3]. Памятники Дигории конца II тысячелетия до н. э. действительно очень напоминают рачинские [4]. Это объясняется тем, что Закавказье с древнейших пор было связано с передовым переднеазиатским миром и являлось носителем более древних, чем на Северном Кавказе, культурных традиций. К концу II тысячелетия до н. э. связи районов Северного Кавказа, в частности дигорских районов, с Закавказьем усиливаются за счет уменьшения связей со степными районами, что привело к появлению культуры, близкой рачинской.

Е. И. Крупнов весьма подробно рассматривает все эти вопросы и в сводном труде, посвященном древнейшему периоду истории Кабарды [5], и в книге «Древняя история и культура Кабарды». В последней работе автор более определенно говорит о северокавказской культуре как об особой и самостоятельной, а дигорскую рассматривает как одно «из наиболее ярких ответвлений более широкой северокавказской культуры на поздней стадии ее развития» [6].

Надо заметить при этом, что правильнее было бы рассматривать дигорскую куль-

---

[1] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 31—74.

[2] К. Х. Кушнарева, В. П. Шилов. Рецензия на МИА, № 23. СА, XXI, 1954, стр. 405, 406.

[3] А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 15.

[4] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. X—XII (на груз. яз.).

[5] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I, Нальчик, 1951.

[6] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 82.

туру как локальный вариант или группу единой и широкой северокавказской культуры [7].

В результате работ экспедиций на Северном Кавказе стали известны новые памятники и материалы, связанные с северокавказской культурой. В ногайских песках и на Черных Землях Ставрополья собрано много различных предметов (кремневых стрел, каменных топориков и молотов, бронзовых изделий, керамики), указывающих на очень ранние связи племен северокавказской культуры со степными племенами [8]. Подобные материалы известны и из кумо-манычского междуречья. Близкое соседство племен катакомбной и северокавказской культур наложило своеобразный отпечаток на местные памятники. Так, у с. Ачикулак и у ст. Мекенской были вскрыты подкурганные погребения, которые трудно отнести к какой-либо из названных культур: обряд погребения и немногочисленный инвентарь имеют смешанный облик [9]. Сказанное дает право рассматривать полосу предгорных степей как зону стыка двух синхронных культур. На важность археологических работ в этой зоне с целью выяснения взаимоотношений степных и горских племен в свое время указывал М. И. Артамонов [10]. К сожалению, обширное пространство между г. Ставрополем и г. Кизляром археологами почти не исследовалось.

Начиная с 1947 г. в Дагестане развернулись планомерные археологические работы. К. Ф. Смирновым исследовались материалы из курганов у сс. Тарки и Кяхулай в районе г. Махачкалы [11] и у ст. Манас [12]. Эти работы выявили довольно раннее проникновение отдельных племен северокавказской культуры в приморский Северный Дагестан [13]. До исследований К. Ф. Смирнова подобные памятники были известны только в районе г. Хасав-Юрт [14]. Интересное толкование вызвала находка подкурганного каменного склепа с сосудом, украшенным шнуровым узором, в кургане Ярти-Тюбе (ст. Манас). В последней публикации Р. М. Мунчаева и К. Ф. Смирнова этот памятник интерпретируется как принадлежащий не носителям северокавказской культуры, а племенам катакомбной культуры [15]. Однако шнуровой узор характерен для обширного круга различных археологических культур. Форма сосуда из Ярти-Тюбе, а также погребальное сооружение (склеп) находят аналогии в целом ряде памятников центральной части Северного Кавказа, в Пятигорье (работы Д. Я. Самоквасова и др.). Данный памятник является крайним юго-восточным пунктом обширной области распространения племен северокавказской культуры.

Помимо находок отдельных предметов интересующей нас культуры на Тарнаире (близ Махачкалы) [16], в бассейне р. Сулак у с. Миатлы был обнаружен курганный могильник, давший ряд погребений в склепах и ящиках с инвентарем очень интересного облика. Вещи (керамика, металл и др.) имели, с одной стороны, черты древних дагестанских культур, с другой — северокавказской культуры эпохи бронзы [17]. Собственно,

---

[7] Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. Рецензия на книгу Е. И. Крупнова «Древняя история и культура Кабарды». СА, 1959, № 2, стр. 270.

[8] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК вып. 55, 1954, стр. 100—105, рис. 40—42; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 95—96; его же. К историко-археологическому изучению степного Дагестана. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ им. Г. Цадасы ДагФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 14—17; Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных Землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 46, сл.

[9] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 164—167; его же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 107—109.

[10] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1942, стр. 332—336.

[11] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951, стр. 226—230.

[12] К. Ф. Смирнов. Дагестанская экспедиция 1950 г. Тезисы докладов на сессии ОИН и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 35; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 86—88.

[13] Дагестан обычно принято рассматривать не как часть Северного Кавказа, а как самостоятельную область — Восточный Кавказ.

[14] А. А. Грен. Отчет о летней командировке в Хасав-Юртовский округ Терской области. Древности, т. 21, вып. 2, 1907.

[15] Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 192, 197; см. также Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат канд. диссертации. М., 1953, стр. 10, 11.

[16] В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 122, 123, рис. 51, *3*.

[17] В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году. Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР, т. I, 1956, стр. 212—219; его же. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР, т. III, 1957, стр. 157—167; его же. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1959, стр. 31—51. В данной статье автор дает оригинальную поэтапную периодизацию: сигитминский этап — рубеж III и II тысячелетий до н. э.— начало II тысячелетия до н. э.; миатлинский этап — до начала второй половины II тысячелетия до н. э.; далее — каякентско-хорочоевский этап.

подобными чертами характеризовались и памятники, исследованные К. Ф. Смирновым у с. Тарки и Кяхулай.

С 1956 г. начаты раскопки могильника Гатын-Кале на р. Аргун в Чечено-Ингушетии (с. Асланбек-Шеripово) [18], дающего материал также с некоторым налетом древних дагестанских культур. В той же республике на р. Ассе, у с. Галашки (Первомайское), Е. И. Крупнов раскапывал грунтовый могильник, относящийся ко времени угасания северокавказской культуры. Могильник дает материал, ясно указывающий на усиление связей во второй половине II тысячелетия до н. э. племен Северного Кавказа с древнегрузинскими племенами [19].

В Кабардино-Балкарии интересующие нас памятники почти не исследовались. К. Э. Гриневич в Кабарде при раскопках кургана у с. Каменномостского обнаружил каменный ящик с разрушенным захоронением мужчины — представителя племен северокавказской культуры. При нем был найден топорик из змеевика [20]. В другом пункте Кабарды, между с. Нартан и г. Нальчиком, были раскопаны курганы, инвентарь которых, по аналогии с впускными погребениями Нальчикского неолитического могильника, может быть отнесен уже к последнему периоду северокавказской культуры [21].

На территории Карачаево-Черкесской автономной области Т. М. Минаева раскапывала курганы у аула Адыге-Хабль. В них были открыты погребения северокавказской культуры, наиболее позднее из которых сопровождалось курильницей степного типа [22]. Эти памятники конструкцией могил связывают Прикубанье с районом Кавказских Минеральных Вод.

Инвентарь северокавказской культуры довольно разнообразен. До последнего времени характерными для нее считались глиняные курильницы на крестовидной ножке [23]. В дальнейшем Т. Б. Попова в специальной статье о курильницах показала их принадлежность носителям катакомбной культуры [24]. Действительно, в горных частях Северного Кавказа они совершенно неизвестны. Имеются отдельные находки их в предгорьях, и особенно характерны они для волго-манычского варианта катакомбной культуры [25] («предкавказского» варианта — по А. А. Иерусалимской) [26]. А. А. Иерусалимская в специальном этюде намечает хронологические типы курильниц [27]. Судя по ее наблюдениям, на Северном Кавказе курильницы появляются довольно поздно, со второй половины II тысячелетия до н. э.

На территории северокавказской культуры часты находки прекрасно отшлифованных каменных топориков, которым Д. А. Европеус дал наименование топоров пятигорского типа. Е. И. Крупнов, учитывая массовость их находок в Кабардино-Пятигорье, предлагает данный тип топориков называть кабардино-пятигорским [28]. Все старые авторы (Д. Я. Самоквасов, П. С. Уварова, А. С. Уваров и др.) обычно указывали на то, что топорики этого типа сделаны из нефрита. Как показал П. Н. Чирвинский, топоры изготовлялись не из нефрита, месторождений которого на Кавказе нет, а из довольно распространенного минерала — змеевика (серпентина) [29]. Каменные топорики на Северном Кавказе встречаются в прекрасных образцах. Таков недавно найденный в г. Грозном топорик позднего типа, опубликованный О. В. Милорадович [30].

К сожалению, на периодизации автор останавливается бегло (стр. 50—51). См. также статьи в сб. «Материалы по археологии Дагестана», т. I: В. И. Канивец, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке, стр. 60—85; И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г., стр. 86 сл.

[18] И. Е. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 96; Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИИМК в 1957 г. СА, 1958, № 2, стр. 337; В. И. Марковин. Культура эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ им. Г. Цадасы. ДагФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 19.

[19] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 85—94.

[20] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23, стр. 125—128.

[21] Е. Хакуашев. Новые археологические находки. Уч. зап. КабНИИ, т. VII, 1952, стр. 195—198.

[22] Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Тр. Черкесского НИИ, вып. II, 1954, стр. 276—280.

[23] Т. Б. Попова, В. М. Раушенбах. Археологические материалы в краеведческих музеях (методические указания). М., 1954, стр. 100, 101.

[24] Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». СА, 1957, № 2, стр. 161—167.

[25] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 89.

[26] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 40.

[27] А. Иерусалимская. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа. СГЭ, XII, 1957, стр. 45—47.

[28] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 78.

[29] П. Н. Чирвинский. Змеевик как поделочный камень первобытного человека на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 143—146.

[30] О. В. Милорадович. Новые археологические находки в Грозненской области. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 133—134, рис.. 57.

Вопрос о хронологии памятников северокавказской культуры довольно сложен. Большинство исследователей датирует ее II тысячелетием до н. э. (А. П. Круглов, Е. Г. Подгаецкий, Б. Е. Деген и др.), с отнесением ко «II стадии» (А. А. Миллер), «II стадии металлургии» (А. А. Иессен). Впервые с попыткой расчленить ее на этапы выступил А. А. Иессен, выделив в северокавказской культуре два хронологических этапа: привольненский и костромской, с охватом приблизительно от 1700 до 1000 гг. до н. э. Названия этапам даны по известным находкам двух кладов металлических вещей [31].

Членение по хронологическим отрезкам дает в своих работах Е. И. Крупнов [32]. Он относит северокавказскую культуру ко времени от второй четверти II тысячелетия до н. э. и до его конца [33]. Явное противоречие в хронологии памятников находим в работе А. А. Иерусалимской. Для памятников предкавказского варианта катакомбной культуры она дает трехчленное деление, а для синхронной северокавказской культуры — двучленное, применяя термины А. А. Иессена «привольненский» и «костромской» этапы. В то же время территориально клад из с. Привольного и клад из ст. Костромской она относит к ареалу памятников катакомбной культуры [34]. Это ставит под сомнение правомерность применения данных названий для этапов и мешает пониманию исторического хода событий на Северном Кавказе.

Надо отметить и тот факт, что все предполагаемые датировки очень условны, в них мало учтен ход исторического развития соседних областей, и в первую очередь Закавказья. Кавказский хребет с целым рядом удобных перевалов не мог быть препятствием для общения племен Закавказья и Северного Кавказа. Ясно, что дата многих памятников Северного Кавказа, по аналогии с закавказским материалом, должна быть удревнена, а это повлечет за собой удревнение культуры в целом. Еще Б. А. Куфтин указывал на глубокую древность таких, например, комплексов, как погребения со статуэтками Ульского аула, относя их по времени к древнейшим захоронениям эшерских дольменов в Абхазии [35]. На необходимость передатировок северокавказских памятников указывает и В. Милойчич [36]. Конечно, для такой огромной и трудоемкой работы, как синхронизация памятников Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, нужна, может быть, даже специальная конференция археологов [37].

Интересны различные взгляды по вопросу о границах северокавказской культуры. В одних работах северная граница культуры протянута от Астрахани до Ростова [38], в других — от Гурьева до Ейска [39]. В книге А. Л. Монгайта на карте «Бронзовый век в СССР» культуры II и I тысячелетий смешаны, и если показана предкавказская и катакомбная культуры, то синхронная им северокавказская вообще отсутствует [40]. По А. А. Иессену, данная культура территориально протянулась «от Кубани до Верхнего Терека и Сунжи» [41]. Е. И. Крупнов приводит карту ареала распространения майкопской и северокавказской культур [42], освещающую период расцвета последней. Несомненно, с продвижением степных катакомбных племен на Северный Кавказ, когда Прикубанье почти целиком было занято ими, эта территория сильно сократилась. Однако проникновение их в районы Пятигорья никогда не было таким значительным, как это показано на картах А. А. Иерусалимской. Ведь в данном районе совершенно неизвестны погребения в катакомбах, а по-прежнему сохраняются захоронения в ящиках, склепах и т. д. Не было также таким интенсивным, каким его показывает тот же автор [43], и проникновение срубных племен, иначе в кобанской культуре имелись бы степные черты.

---

[31] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 198—199 (схема хронологических соотношений).

[32] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 31—70.

[33] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 74—90.

[34] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры, стр. 43, 45, рис. 7 и 9; ее же. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1958, стр. 12—13.

[35] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 287.

[36] V. Milojčić. Zer Zeitstellung der Hammerkopfnadeln. «Germania», кн. 3, Berlin, 1955, стр. 240—242.

[37] Некоторая работа в этом направлении уже проделана А. А. Иессеном, о чем свидетельствует его доклад, прочитанный 14 мая 1959 г. в г. Махачкале, на конференции, посвященной археологии Дагестана.

[38] Очерки истории СССР. (Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР). М., 1956, стр. 128, карта.

[39] М. И. Артамонов, О. А. Гракова. Бронзовый век. БСЭ, т. 6., 2-е изд., М., 1951, стр. 154, карта.

[40] А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 120, карта.

[41] А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа, стр. 14.

[42] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 52, рис. 9. В составлении карты принимал участие В. И. Марковин (по северокавказской культуре). См. также В. И. Марковин. О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. Уч. зап. КБНИИ, т. XVI, 1959, стр. 178 сл., рис. 2 и 3 (ввиду опечатки подпись под рис. 2 соответствует рис. 3 и наоборот).

[43] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры, стр. 45—47, рис. 9 и 10.

По вопросу о происхождении данной культуры пока еще нет единых взглядов. А. А. Иессен и Е. И. Крупнов вслед за В. А. Городцовым генетически связывают ее с предшествующей майкопской культурой [44]. Однако С. В. Киселев склонен рассматривать ее как один из локальных вариантов катакомбной культуры на раннем этапе ее развития [45]. Противоположную точку зрения — о происхождении катакомбной культуры от северокавказской — высказывают С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова [46].

Тщательный анализ материалов майкопской и северокавказской культур показывает явную генетическую связь их. Это подкрепляется и фактом территориального совпадения обеих культур [47]. Что же касается связи с катакомбной культурой, то имеющиеся материалы свидетельствуют только о позднем проникновении степных племен на Северный Кавказ. О генетической связи между двумя культурами в настоящее время говорить не приходится.

Совершенно оригинальную трактовку вопроса о происхождении северокавказской культуры мы находим у Л. Н. Соловьева. По его мнению, малоазийские племена кашков, вторгшиеся на Кавказ через Колхидскую низменность, смешавшись с местными племенами, дали основу не только для северокавказской культуры, но и для катакомбной и легли в основу «абхазо-черкесско-адыгейско-кабардинской этнической и языковой группы» [48]. Несомненно, такой «универсальный» подход к объяснению целого ряда исторических явлений весьма спорен и требует подкрепления посылок автора фактами. При этом Л. Н. Соловьев отрицает генетическую связь между майкопской и северокавказской культурами [49].

Вопрос о связях северокавказской культуры с соседними племенами и переднеазиатским миром весьма основательно освещает в своих работах Е. И. Крупнов [50]. Этому же посвящен небольшой этюд В. И. Марковина [51]. Много места вопросу о влиянии более передовой культуры племен Северного Кавказа на степные племена уделено в работах Т. Б. Поповой [52] и (в отношении более позднего времени) в монографии О. А. Кривцовой-Граковой [53]. Очень интересно сообщение о находке северокавказской волютной булавки на р. Мокше в Мордовии [54]. Интересны и другие факты. Так, А. М. Ефимова считает, что каменные топоры поволжских районов возникли не без воздействия северокавказских форм каменных орудий [55].

Северокавказская культура эпохи бронзы является той основой, на которой возникла кобанская культура. Происхождению последней посвящена специальная работа Е. И. Крупнова [56]. Прикубанскую культуру, сложившуюся на основе синтеза северокавказских форм со степными, в последние годы выделил А. А. Иессен [57]. К сожалению, автор остановился только на металлических изделиях. Предстоит еще большая работа по выделению специфичных для нее погребальных комплексов, керамических находок и т. д.

Изучение северокавказской культуры потребует в дальнейшем больших раскопочных работ.

В. И. Марковин

---

[44] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 184 и др.; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 75.

[45] С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 36.

[46] С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рецензия на книгу Т. В. Поповой «Племена катакомбной культуры». СА, 1957, № 2, стр. 273.

[47] В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 6—20.

[48] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхазского ИЯЛИ, т. XXIX, 1958, стр. 170—173.

[49] Там же, стр. 170; Л. Н. Соловьев. Первобытные стоянки Очамчири и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореферат канд. диссертации. Симферополь, 1956, стр. 15.

[50] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 85 сл.; его же. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами древнего Востока. ВИМК, 1958, № 1, стр. 72—82.

[51] В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из станицы Урупской. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 108—110.

[52] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 94 сл.; ее же. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 30.

[53] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 50 сл.

[54] П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 72, 73, рис. 26, *1*.

[55] А. М. Ефимова. Сверленые молоты. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 173.

[56] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 56—82.

[57] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 75—124.

Боспорские города, II. Работы Боспорской экспедиции 1946—1953 гг. МИА, № 85, М.— Л., 1958.

В 1958 г. в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (№ 85) вышел сборник «Боспорские города, II», посвященный исследованию и публикации материалов из раскопок античных поселений на территории Керченского полуострова. Этот сборник является продолжением издания результатов раскопок малых городов Боспора, осуществляемых в основном коллективом ленинградских археологов. Материалы раскопок довоенных лет были опубликованы в сборниках МИА: № 4 — «Археологические памятники Боспора и Херсонеса», 1941 г. и № 25 — «Боспорские города, I», 1952 г.

Сборник «Боспорские города» имеет подзаголовок «Работы Боспорской экспедиции 1946—1953 гг.». Подзаголовок этот не совсем соответствует действительности; по крайней мере, две из опубликованных статей (И. Т. Кругликовой и А. Л. Якобсона) не являются результатом работ этой экспедиции. Да строго говоря, и исследование В. Ф. Гайдукевича о виноделии на Боспоре выходит далеко за рамки обобщения полученных экспедицией материалов.

Основное место в сборнике занимают подробные отчеты о раскопках нескольких боспорских городов. Наибольшее значение имеет отчет В. Ф. Гайдукевича о раскопках Илурата в 1948—1953 гг. (стр. 9—148). Хотя некоторые результаты исследований этого интересного памятника уже были опубликованы ранее, в сборнике «Боспорские города» впервые дано полное исчерпывающее описание не только самого городища, но и всех открытых на нем до 1953 г. комплексов. Тщательное рассмотрение открытых раскопками сооружений с учетом найденного вещевого материала позволяет автору нарисовать отчетливую картину жизни небольшого боспорского городка во II—III вв. н. э. Интерпретация материала и основные выводы В. Ф. Гайдукевича представляются вполне убедительными. Позволим себе высказать некоторые соображения лишь по поводу двух вопросов.

Первое — о времени гибели города. В. Ф. Гайдукевич предполагает, что в начале второй половины III в. н. э. в жизни Илурата происходят значительные изменения, связанные с тем, что город перестал играть роль важного военного опорного пункта на западных подступах к столице Боспора; из города выезжают представители богатой «командной верхушки», но в нем продолжает обитать «на свой страх и риск» рядовое население, даже приспосабливающее себе под жилье покинутые богатые усадьбы (стр. 73). Все это построение представляется чрезвычайно искусственным. При раскопках городища не найдено никаких материалов, которые могли бы быть твердо датированы последними десятилетиями III в. или первой половиной IV в. н. э. Особенно показателен в этом отношении нумизматический материал: наиболее поздние монеты здесь относятся к 60-м годам III в. Исследованиями И. Т. Кругликовой установлено, что все небольшие укрепленные поселения в северной части Керченского полуострова погибли в 60-х годах III в. в результате разгрома их неприятелем [1]. Очевидно, такая же судьба постигла и Илурат (стр. 145). Это тем более вероятно, что в некоторых домах Илурата открыты неоспоримые следы катастрофической гибели в огне (стр. 124), при которой все имущество обитателей было оставлено на месте. Монеты датируют эту катастрофу 60-ми годами III в. (стр. 126). Если бы жизнь в городе продолжалась, конечно, пожарища были бы разобраны и все ценное из них извлечено. Следы этих разрушений, полное отсутствие в раскопках вещей конца III и первой половины IV в., общее положение на Боспоре в начале второй половины III в., как нам кажется, неопровержимо свидетельствуют о полном прекращении существования Илурата в это время. В то же время находки на городище некоторых изделий конца IV в. позволяют думать, что спустя столетие после разгрома города руины его вновь стали местом какого-то небольшого поселения. Аналогичное явление наблюдается в Танаисе, который был частично восстановлен во второй половине IV в., а до того более столетия лежал в развалинах [2].

Второе замечание касается характеристики Илурата как специфически военного поселения. Мнение В. Ф. Гайдукевича о том, что Илурат построен как крепость боспорским правительством и затем заселен клерухами (стр. 142), представляется нам весьма спорным. Уже упомянутые раскопки И. Т. Кругликовой в разных местах Керченского полуострова показали, что все сельские поселения Боспора первых веков нашей эры были сильно укреплены. Видимо, обстановка на Боспоре в это время была такова, что жить в неукрепленных поселках, как это имело место во времена Спартокидов, теперь уже было невозможно. Что касается наличия правильной единой планировки в застройке Илурата и тесной связи жилых строений с крепостными сооружениями, то и эти явления свойственны не только Илурату, но и другим исследованным поселкам этого времени (городище у дер. Семеновка и др.). Поэтому приходится ставить вопрос уже не об особенностях в планировке Илурата как крепости, населенной клерухами, а об общих закономерностях в строительстве боспорских поселений первых веков нашей эры.

И, наконец, еще одно мелкое замечание. Нет никаких оснований утверждать, как

[1] И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 245; ее же. Исследование сельской территории Боспора. СА, 1957, № 1, стр. 231.

[2] Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 127.

делает это автор, что дома в Илурате крылись, как правило, черепицей Отсутствие черепицы в культурном слое городища нельзя объяснять позднейшей выборкой ее из развалин города и вторичным использованием окрестным населением в IV в. н. э. (стр. 31). Такая выборка могла коснуться только более или менее целых черепиц, а огромное количество разбитой при разрушении города черепицы все равно должно было остаться под развалинами. Кроме того, при таком объяснении остается непонятным наличие в культурном слое невыбранных гораздо более ценных, чем черепица, вещей, например каменных жерновов и т. п. Гораздо проще предположить, что в Илурате, как и в других боспорских поселениях этого времени и даже иногда в городах, крыши делались глинобитными или крылись соломой и камышом.

Второй отчет В. Ф. Гайдукевича, помещенный в сборнике, касается раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. (стр. 149—218). Эти работы дали много нового материала для понимания истории и культуры двух малых городов Боспора, систематически и плодотворно изучаемых Боспорской экспедицией. Особенно важны открытия северной оборонительной стены Тиритаки и комплекса построек эллинистического времени в центральной части Мирмекия.

Отчеты В. Ф. Гайдукевича в этом сборнике, как и в ранее изданных номерах МИА, содержат весьма подробные и обстоятельные описания всех открытых сооружений, характеристику основных групп вещевого материала, указания на ближайшие аналогии, хронологическое определение комплексов и пр. Вызывает только сожаление тот факт, что, подыскивая аналогии для отдельных вещей или комплексов, В. Ф. Гайдукевич обычно обращается лишь к тому материалу, который получен его собственной экспедицией, очень редко — к материалу ольвийскому и почти никогда — к тем данным, которые добыты на Боспоре другими исследователями. Это игнорирование результатов «чужих» работ заметно сужает возможность интерпретации материала, полученного самой Боспорской экспедицией.

И. Т. Кругликова в статье «Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.» (стр. 219—253) публикует результаты археологических раскопок в районе горы Опук. Особенно интересны здесь материалы эпохи бронзы. Раскопками И. Т. Кругликовой впервые в Восточном Крыму были обнаружены поселения эпохи бронзы, непосредственно предшествующие скифскому времени. Эти открытия позволяют, с одной стороны, представить себе ту экономическую и культурную подоснову, на которую впоследствии наслоилась греко-варварская цивилизация в этом районе, а с другой стороны, установить элементы связей Восточного Крыма с Северным Кавказом и Приазовьем в эпоху бронзы [3]. Большой интерес представляют также и остатки своеобразного поселения раннеантичного времени на холме «А». Оригинальная планировка помещений связана, по мысли И. Т. Кругликовой, с какими-то местными традициями. Публикация всех этих материалов представляет очень большой интерес. Однако при чтении статьи у читателя возникает целый ряд недоуменных вопросов из-за довольно сумбурной и небрежной системы изложения материала автором. Прежде всего, хотя автор и утверждает, что археологическими работами определена топография городища и выяснена история заселения территории Киммерика (стр. 225), читатель из статьи никак не может получить представления об этих вопросах. В районе горы Опук открыты разведками и раскопками два поселения, на западном и восточном ее склонах. И. Т. Кругликова говорит то об одном из них, то о другом, прилагая к каждому из них название Киммерика, так что не всегда можно понять, о каком поселении идет речь (стр. 221, 245 и др.). Иногда, видимо, оба эти населенных пункта понимаются как части одного городища (стр. 234), в других случаях городу Киммерику, существовавшему на западном склоне горы Опук, противопоставляется особое поселение на восточном ее склоне (стр. 253). Не способствует уяснению вопроса и то, что автор, говоря об одних и тех же памятниках, употребляет разные термины: поселение, город, городище.

В статье имеются и другие противоречия. Так, на стр. 232 автор утверждает, что «керамика и кремневые орудия поселений на восточном и западном склонах горы Опук почти идентичны. Характерным для них является сочетание форм и орнаментов, свойственных сосудам средней и поздней бронзы». А через одну страницу говорится нечто совершенно иное, а именно, что «среди материала, найденного на поселении восточного склона горы Опук, в отличие от поселения на западном склоне, нет ярко выраженных элементов эпохи средней бронзы» (стр. 234). В одном месте статьи говорится, что Киммерик подвергся разгрому в середине III в. н. э. (стр. 252), а в другом этот разгром относится к концу III или к началу IV в. (стр. 249).

В небольшой заметке Е. Г. Кастанаян (стр. 254—265) излагаются результаты археологической разведки городища в районе с. Опасное, проведенной Боспорской экспедицией в 1949 г. Сбор подъемного материала на городище и заложенный там пробный шурф показали, что на этом месте с V в. до н. э. до первых веков нашей эры существовал населенный пункт, отождествляемый автором с античным Парфением. (Следует заметить, что отождествление это, конечно, условное).

Решительное возражение вызывает метод разведочной шурфовки, примененный при обследовании городища. Здесь был заложен колодезеобразный раскоп площадью

---

[3] См. И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 108.

2,5 × 2,5 *м* при шестиметровой глубине. Раскоп такого размера, являющийся по сути дела шурфом, в условиях античного городища ничего не может дать для выяснения характера и особенностей памятника, и даже стратиграфические наблюдения, сделанные на таком незначительном пространстве, всегда рискуют быть случайными. Так и получилось в Парфении: шурф не дал слоя II—I вв. до н. э., тогда как, судя по случайным находкам, напластования этого времени на городище имеются (стр. 264). Шурфовка ничего не прибавила к тому представлению о городище, которое можно было получить на основании внешнего осмотра и сбора подъемного материала.

Целая группа статей сборника посвящена детальному исследованию отдельных категорий находок из раскопок Илурата, Мирмекия и Тиритаки. Е. Г. Кастанаян в статье «Лепная керамика Илурата» (стр. 266—282) продолжает начатое ею же и другими исследователями изучение лепной керамики Боспора. Исследование лепной керамики из раскопок Илурата особенно интересно ввиду той большой роли, которую играла эта керамика в быту населения древнего города.

Краснолаковая керамика из раскопок Илурата рассматривается в статье Л. Ф. Силантьевой (стр. 283—311). Автор тщательно разбирает немногочисленную коллекцию фрагментов краснолаковой посуды. Наиболее интересной находкой керамики той же категории является фрагментированный краснолаковый кубок с рельефными изображениями подвигов Геракла, найденный в Мирмекии. Ему посвящена небольшая особая заметка М. А. Наливкиной в рецензируемом сборнике (стр. 313—316). М. А. Наливкина считает кубок изделием пергамских мастерских II в. н. э.

Нумизматические находки из раскопок Боспорской экспедиции публикуются в статье Л. Н. Беловой «Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946—1953 годах» (стр. 331—351). Следуя системе, введенной А. Н. Зографом, автор публикует полный список найденных монет и предпосылает ему краткое введение, в котором рассматривает основные группы монет. Хронологическое определение монет дано везде по книге А. Н. Зографа «Античные монеты» (МИА, № 16, 1951). К сожалению, Л. Н. Белова совершенно не учитывает те коррективы, которые были внесены в хронологическую классификацию боспорских монет А. Н. Зографа последующими исследованиями. Так, известные медные пантикапейские монеты с изображением головы сатира на лицевой стороне и рога изобилия между шапками Диоскуров на оборотной автор относит, вслед за А. Н. Зографом, к концу III и началу II в. до н. э. (стр. 331). Между тем уже в рецензии на книгу А. Н. Зографа П. О. Карышковский указывал на ошибочность этой датировки и считал необходимым отнесение указанных монет ко второй половине II в. до н. э.[4]. Впоследствии эта датировка была подробно аргументирована и доказана в ряде работ[5].

Нельзя согласиться и с датировкой мелких фанагорийских монет с изображением головы сатира, лука и стрелы второй половиной III в. до н. э. Перечеканка их на пантикапейских монетах второй половины II в. до н. э. неопровержимо доказывает их принадлежность этому столетию, на что уже обращалось внимание в литературе[6]. И в других случаях Л. Н. Белова не только не принимает, но даже не оговаривает существование новых датировок некоторых групп монет. Это привело к тому, что отдельные монеты в списке оказались датированными неверно и так с ошибочной датировкой попали и в отчеты В. Ф. Гайдукевича (например, стр. 202). Непонятно, почему автор статьи считает, что пантикапейские монеты IV в. до н. э. с изображением протомы Пегаса «чеканились частыми выпусками и в большом количестве» (стр. 331). Они входят в целую серию медных монет, выпускавшуюся сравнительно не очень долгое время, но довольно интенсивно. Мнение о том, будто эти монеты заходят в III в. до н. э., безусловно, ошибочно.

Среди статей сборника, посвященных исследованию отдельных групп материалов из раскопок, особняком стоит статья Л. Е. Ковалевской «Из истории архитектуры Мирмекия» (стр. 317—329), в которой делается попытка по найденным в Мирмекии фрагментам антаблемента восстановить внешний вид и размеры здания с колоннами дорического ордера конца IV — начала III в. до н. э.

Очень важна и интересна большая статья В. Ф. Гайдукевича «Виноделие на Боспоре» (стр. 352—457). Она, собственно, не охватывает всех вопросов, связанных с винодельческим производством, а посвящена преимущественно подробному исследованию открытых на Боспоре виноделен. Общее число сооружений этого рода, известных на Боспоре, к настоящему времени составляет 30 (В. Ф. Гайдукевич на стр. 457 насчитывает их 29, почему-то не включая в свой список остатки винодельни, открытые в Фанагории в 1940 г., о которых он сам упоминает в примечании на стр. 361). Это обилие производственных комплексов, связанных с приготовлением вина, ставит Боспор в совершенно исключительное положение при изучении вопроса о технике античного виноделия вообще.

---

[4] П. О. Карышковский. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». ВДИ, 1953, № 1, стр. 108—109.

[5] К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 136—137; Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954; его же. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 169—170.

[6] К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрее. ВДИ, 1952, № 3, стр. 149; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора, стр. 173—175.

В. Ф. Гайдукевич чрезвычайно тщательно изучает конструкцию виноделен, давая вполне обоснованную реконструкцию как технического устройства их, так и производственного процесса. По поводу этих реконструкций можно высказать только одно соображение. В. Ф. Гайдукевич при описании виноделен первых веков нашей эры многократно повторяет, что они имели три основные давильные площадки (одна из них — с каменным основанием для рычажного пресса) и что еще две дополнительные цементные площадки, обычно находящиеся по сторонам резервуаров, для давления винограда не применялись, а строились для того, чтобы с них было удобно вычерпывать сусло из резервуаров, производить очистку цистерн и т. п. (стр. 413, 420, 428). Доказательство этому он видит в том, что в открытых винодельнях отсутствуют сливы с этих площадок в цистерны. Но, во-первых, в винодельне Т3 такой слив сохранился, и сам В. Ф. Гайдукевич вынужден признать, что боковая площадка этой винодельни должна была служить для выжимания сока (стр. 420). Во-вторых, тот факт, что другие сливы в винодельнях отнюдь не полной сохранности пока не обнаружены, еще не может говорить о том, что их там и не было. В-третьих, если бы эти площадки не использовались как давильные, не было бы никакого смысла делать их точно так же, как и давильные,— из многих слоев цемянки на бутовом основании с приподнятыми краями (см., например, площадку «А» в винодельне ПТ1, рис. 77). В-четвертых, вычерпывать сусло и очищать цистерны с этих площадок было совсем уж не так удобно: до средней цистерны с них просто нельзя было дотянуться. Обращает на себя внимание и тот факт, что все винодельни, имеющие боковые дополнительные площадки, обладают тремя резервуарами (М2, М3, Т3, Т7, ПТ1, ПТ2, ПК1), тогда как в винодельнях, где боковых площадок нет, резервуаров только два (П1, Н2, П3). Все эти соображения заставляют думать, что боковые площадки были давильными и что в боспорских винодельнях первых веков нашей эры было не по три, а по пять давильных площадок. Во всяком случае, в патрейской винодельне 1948—1949 гг. (ПТ2) боковые площадки, безусловно, выполняли те же функции, что и остальные: они точно так же устроены, как и основные, также имеют небольшой наклон в сторону цистерн для лучшего стока сусла и т. д. А. С. Башкиров, раскопавший и издавший эту винодельню, подчеркивает этот производственный характер всех площадок[7]. Таким образом, в винодельнях ПТ1, ПТ2, Т3 боковые площадки служили для давления винограда. Можно думать, что и в других винодельнях сходного плана — М2, М3, Т7 — эти площадки имели то же назначение.

Наличие на Боспоре такого значительного количества винодельческих комплексов заставляет В. Ф. Гайдукевича вполне обоснованно поставить вопрос о том, что виноградарство и виноделие занимали гораздо большее место в хозяйстве Боспора, чем это представлялось нам раньше. Вряд ли, однако, справедлив тезис о том, что быстрое развитие виноделия в III в. до н. э. было связано с резким сокращением боспорского хлебного экспорта и было призвано компенсировать вызванные этим убытки (стр. 365). Боспорское виноделие никогда не могло иметь экспортного характера, и усиленное производство вина в эллинистическое время скорее всего следует объяснить, с одной стороны, ростом потребности внутреннего рынка, с другой — тем обстоятельством, что только к этому времени, вероятно, боспорскими земледельцами были преодолены трудности, связанные с возделыванием на Боспоре виноградной лозы.

Говоря о городище, расположенном у Запорожского зерносовхоза на Таманском полуострове и отождествляемом обычно с Патреем Страбона, В. Ф. Гайдукевич называет его везде Патрасием. Он предпочитает это название, сохраненное нам Стефаном Византийским. Соображения В. Ф. Гайдукевича о возможной описке в тексте Страбона (стр. 355) представляются довольно убедительными, но все же нам кажется, что до получения более точных и надежных данных (например, эпиграфических) не следует заменять одно гипотетическое, но уже прочно вошедшее в нашу научную литературу название другим столь же гипотетическим, но новым.

Последняя статья рецензируемого сборника — «Раннесредневековые поселения Восточного Крыма» А. Л. Якобсона — выходит за хронологические рамки античной эпохи. В ней дается общий очерк истории Восточной Таврики в V—IX вв. н. э. на основании исследования письменных источников и привлечения археологических данных, полученных в результате раскопок последних лет (стр. 459—501).

Следует отметить, что сборник очень полно и хорошо иллюстрирован чертежами и фотографиями, дающими полное представление о вещественных остатках, о которых идет речь в статьях. Только в статье В. Ф. Гайдукевича «Виноделие на Боспоре» ощущается нехватка планов ряда виноделен (Ф1, П1, ПТ2, Н1); автор счел возможным дать планы только тех объектов, которые были раскопаны им самим. Между тем в такой сводной работе были бы нужны планы всех памятников этого рода.

Оценивая сборник в целом, следует признать, что он содержит очень важные и ценные новые материалы, введение которых в научный оборот значительно обогащает наши сведения об истории Восточного Крыма на протяжении более двух тысячелетий.

Д. Б. Шелов

---

[7] А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948. Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, т. XIII, ч. 2, 1949, стр. 150 сл.

РАСКОПКИ ХИРБЕТ-КУМРАНА И АЙН-ФЕШХИ

В 1948 г. появились первые печатные сообщения о находке бедуинами полукочевого племени таамире в районе северо-западного побережья Мертвого моря пещеры с древними рукописями на еврейском и арамейском языках, предположительно датируемыми II—I вв. до н. э.[1]. С тех пор, по меткому выражению проф. Ядина, племя таамире превратилось из племени бедуинов в племя археологов. Начиная с 1949 г. не прекращается своеобразное «соревнование» между учеными-археологами и бедуинами в обнаружении новых «плодоносных» пещер с рукописями. Из многих десятков пещер[2], обследованных археологами (большей частью — вслед за бедуинами), рукописи и рукописные фрагменты различной величины были обнаружены в 11 пещерах в районе Вади-Кумрана и в пяти пещерах — в районе Вади-Мурабба'ат (в 18 *км* южнее Вади-Кумрана)[3]. В 25 пещерах обнаружены фрагменты керамики позднеэллинистического и римского типа, остатки полотняной материи, служившей оберткой для рукописей, и некоторые другие памятники материальной культуры. В частности, в пещерах Вади-Мурабба'ат остатки культурных слоев датируются временем начиная с эпохи энеолита (IV тысячелетие до н. э).

Если не считать сравнительно небольшого количества полностью сохранившихся рукописей[4], основную массу найденных рукописей (на восьми языках и диалектах) составляют различной величины фрагменты, среди которых множество мелких и мельчайших. Всего в распоряжении ученых в настоящее время находится около 40 000 фрагментов (на коже, пергаменте и папирусе), научная обработка которых, по существу, находится лишь в начальной стадии.

Предположительно все эти фрагменты составляли около 500 законченных произведений, входивших в библиотеку общины, обитавшей в этом районе, и, по мнению подавляющего большинства исследователей, являвшейся общиной ессейского толка. По своему содержанию найденные рукописи и фрагменты распадаются на следующие группы: 1) рукописи библейских книг — представлены все книги библейского канона, за исключением книги Эсфири; 2) древнейшие комментарии на библейские книги (например, комментарии на книги Аввакума, Исайи, Наума, Михея, Осии, Софонии, Псалмов и др.); 3) апокрифические сочинения, в том числе отрывки на языке оригинала из книг Юбилеев и Еноха, до сих пор известные только в поздних переводах на эфиопский и славянский языки; 4) неизвестные до сих пор оригинальные произведения общины (упомянутые уже «Устав», «Гимны» и другие литургические сочинения, свиток «Войны», а также отрывки из так называемого «Дамасского документа», полный список

---

[1] См. К. Б. Старкова. Рукописи из окрестностей Мертвого моря. ВДИ, 1956, № 1, стр. 87—102; ее же. Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря. ВДИ, 1958, № 1, стр. 196—211; А. П. Каждан. Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря. Вопросы истории религии и атеизма, вып. 4, 1956, стр. 280—313; А. Донини. Рукописи Мертвого моря и происхождение христианства. ВДИ, 1958, № 2, стр. 114—131; И. Д. Амусин. Документы из Вади-Мурабба'ат. ВДИ, 1958, № 1, стр. 104—124; его же. Кумранский фрагмент «молитвы» вавилонского царя Набонида. ВДИ, 1958, № 4, стр. 104—117; Г. М. Лившиц. Кумранские рукописи. Минск, 1959. Последние наиболее полные сводки всего материала содержатся в работах: J. T. Milik. Dix ans de découvertes dans le Désert de Juda. Paris, 1957; J. M. Allegro. The Dead Sea Scrolls and the Origins of Christianity. N. Y., 1958; F. M. Cross. The Ancient Library of Qumran and Modern Biblicial Studies. A Comprehensive and Up-to-date Survey of Ten Years Work on the Dead Sea Scrolls and the Community Which Owned Them. N. Y., 1958; M. Burrows. The Dead Sea Scrolls. N. Y., 1955; его же. More Light on the Dead Sea Scrolls. N. Y., 1958; H. Bardtke. Die Handschriftenfunde am Toten Meer. Berlin, 1953; его же. Die Handschriftenfunde am Toten Meer. Die Sekte von Qumran. Berlin, 1958. Сводную библиографию см. Chr. Burchard. Bibliographie zu den Handschriften vom Toten Meer. Beihefte zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, № 76, Berlin, 1957. Работа содержит 1908 названий (в том числе 352 рецензии) и охватывает работы 616 авторов, опубликованные до 31 декабря 1955 г. (в приложении частично учтены работы, вышедшие в 1956 г.) на 22 языках. С июля 1958 г. в Париже стал выходить специальный журнал «Revue de Qumrân», в котором продолжается публикация библиографии Х. Бурхарда.

[2] F. M. Cross. Ук. соч., стр. 15. Автор указывает, что зондирование было проведено более чем в 200 пещерах.

[3] См. И. Д. Амусин. Документы из Вади-Мурабба'ат. Кроме того, в 1953 г. в районе Хирбет-Мирд (к западу от Айн-Фешхи, среди развалин монастыря св. Саввы) были обнаружены рукописи на папирусе и коже более позднего периода на греческом, сиро-палестинском и арабском языках.

[4] Основные, почти целиком сохранившиеся рукописи следующие: два свитка книги пророка Исайи (один из которых неполный); комментарий на книгу пророка Аввакума; так называемый «Устав общины»; эсхатологическое сочинение, условно названное «Войной сынов света против сынов тьмы»; апокрифическое изложение книги Бытия; сборник псалмообразных гимнов, не вошедших в канонический «Псалтирь»; греческий текст книги так называемых «малых пророков»; кн. Псалмов; кн. Левит, написанная палеоеврейским письмом персидского времени; перевод кн. Иова на арамейский язык.

которого был обнаружен в Каирской генизе еще в 1896 г.). К этой же группе, в сущности, примыкают и названные выше «Комментарии», поскольку, помимо цитируемых текстов библейских книг, они содержат толкования, чрезвычайно важные для выяснения истории и идеологии общины; 5) деловые документы на еврейском, арамейском и греческом языках: письма Бар-Кохбы и связанных с ним лиц, контракты купли-продажи дома и земельных участков, брачный контракт, долговые расписки и другие документы, как правило датированные (II в. н. э.). Особое место занимают два медных свитка (первоначально они составляли один документ), найденные в 3-й пещере Кумрана в сильно окисленном (коррозированном) состоянии. Еврейскими письменами на них выгравирован длинный перечень баснословных сокровищ, зарытых в различных местах Палестины. Содержание и смысл этого документа (еще неопубликованного) продолжают оставаться загадкой [5].

Все эти столь неожиданно дарованные науке источники должны будут разъяснить многие темные до сих пор стороны истории позднеэллинистической и раннеримской Палестины, в частности — историю социальных движений, среду и атмосферу, в которых формировались предхристианская и раннехристианская идеологии, историю библейского текста и возникновения библейского Канона [6].

Центральной проблемой, без решения которой невозможно успешное научное изучение кумранских рукописей [7], является проблема их датировки. Сама по себе эта проблема распадается на три вопроса: 1) время составления рукописей; 2) дата дошедших списков; 3) дата укрытия их в пещерах.

Вслед за Р. де Во, большинство ученых полагает, что датой укрытия рукописей является 68 г. н. э. Таким образом, 68 г. н. э. является terminus ante quem. Для ответа же на первые два вопроса, т. е. о дате составления и дате списков, требуется предварительное решение ряда сложных палеографических, лингвистических, археологических и историко-филологических проблем. Применение палеографических критериев для датировки и анализа кумранских текстов крайне затруднено из-за малочисленности сохранившихся древнееврейских рукописей. Кумранские документы относятся к периоду, который вообще до сих пор не был представлен рукописной традицией. Кумранские рукописи заполняют имевшийся пробел и сами создают основу для разработки еврейской палеографии [8]. Известную помощь оказывают исследования льняной обертки и самого писчего материала. Так, радиокарбонное исследование льняной обертки [9] указало на 33 г. н. э. при ± 200 лет, что дает весьма длительный промежуток времени от 167 г. до н. э. до 233 г. н. э. Впрочем, дата 33 г. н. э. весьма близка к установленной на иных основаниях дате (68 г. н. э.) укрытия рукописей в пещерах. В последнее время Отделение кожевенной промышленности Университета в Лидзе начало интересные исследования характера самого материала, из которого изготовлены свитки [10]. Так, установлено, что пергамент, на котором написаны подвергшиеся исследованию куски рукописи, изготовлялся без дубления, т. е. весьма древним способом. Кроме того, установлено, что температура сморщивания пергамента зависит от его возраста. В частности, разность температуры сжатия современного пергамента и свитков Мертвого моря достигает 30°. Не исключена возможность, что дальнейшие исследования позволят установить более точную шкалу и, тем самым, критерий для датировки. Пока же на основе всех совокупных данных общепринятая датировка большинства изученных рукописей и фрагментов колеблется между II и I вв. до н. э. [11].

[5] J. T. Milik. The Copper Document from Cave III. Qumran. The Biblical Archaeologist, т. XIX, 1956, № 3, стр. 60—64; его же. Le rouleau de cuivre de Qumrân (3Q 15). Traduction et commentaire topographique. RB, 66, Juillet 1959, № 3, стр. 321—357; A. Dupont-Sommer. Les rouleaux de cuivre trouvés à Qumrân. Revue de l'histoire des religions, т. CLI, 1957, № 2, стр. 22; J. M. Allegro. The Latest News of the Dead Sea Scrolls. Transaction of the Glasgow University, Oriental Society, т. XVI, 1957, стр. 20—21.

[6] Следует учесть, что найденные библейские рукописи древнее наиболее ранней из имевшихся до сих пор библейских рукописей более чем на тысячу лет.

[7] Как сказано выше, часть рукописей из Вади-Мурабба'ат имеет точную дату.

[8] См. F. M. Cross, Jr. and D. N. Freedman. Early Hebrew Orthography. Baltimore, 1952. В своей более поздней работе (F. M. Cross. The Oldest Manuscripts from Qumran. Journal of Biblical Literature, т. LXXIV, 1955, ч. III, стр. 147—172) Ф. Кросс устанавливает следующую палеографическую периодизацию кумранских рукописей: I — архаический период — около 200—150 гг. до н. э., II — хасмонейский период — около 150—30 гг. до н. э., III — иродианский период — около 30 г. до н. э.— 70 г. н. э. (стр. 164). См. также S. A. Birnbaum. The Qumran (Dead Sea) Scrolls and Palaeography. New Haven, 1952. Само собой разумеется, что, несмотря на всю их важность, одни палеографические данные не могут разрешить всей проблемы датировки рукописей. Определение времени составления рукописей должно находиться под контролем археологических данных и результатов исследования содержания и языка рукописей.

[9] См. O. Sellers. Radiocarbon Dating of Cloth from the Ain Feshkha Cave. BASOR, 1951, № 123, стр. 25.

[10] См. J. M. Allegro. The Dead Sea Scrolls. Weekly Evening Meeting, Friday 7-th February, 1958, т. 37, № 165, стр. 19.

[11] Рукописные фрагменты, написанные палеоеврейским письмом, датируются IV—III вв. до н. э

Начиная с 1948 г., по мере дешифровки, началась публикация текстов как отдельными изданиями, так и в различных периодических журналах. Для издания предположительно двенадцатитомного корпуса всех рукописей создана Международная комиссия ученых, приступившая к изданию серии «Discoveries in the Judaean Desert», первый том которой вышел в 1955 г.[12]. За последнее десятилетие возникла новая отрасль науки — кумрановедение. Количество специальных работ, посвященных кумранским рукописям, превысило уже 3000 названий. Несмотря на эту лавину работ, мы находимся лишь в самом начале углубленных исследований этого огромного и сложного материала.

После этих предварительных замечаний перейдем к обзору раскопок центрального строения кумранской общины.

Гряда скал с пещерами, в которых обнаружены рукописи, находится на территории Иордании, в 1,5 *км* к западу от Мертвого моря. Примерно в 500 *м* восточнее этих пещер, к северу от Вади-Кумран, находится небольшая возвышенность, над выступом мергелевой террасы, окруженном оврагами. Арабы называют эту возвышенность «Хирбет-Кумран», т. е. «развалины Кумрана». Об этих руинах стало известно еще в конце XIX в., когда французский семитолог и эпиграфист Ш. Клермон-Ганно дал их описание. Во время своего посещения этих мест в 1906 г. Ш. Клермон-Ганно произвел пробные раскопки большого кладбища, расположенного к востоку от развалин. Вскоре после этого, в 1914 г., другой семитолог, Дальман, высказал предположение, что развалины Кумрана представляют собой остатки римской крепости[13]. Совершенно естественно, что об этих развалинах вспомнили археологи Р. де Во и Л. Хардинг, производившие археологические обследования кумранских пещер.

Открытие рукописей поставило перед наукой важные вопросы: кто были авторы, переписчики и владельцы этих рукописей, где и когда они жили? Закономерно возник вопрос: имели ли люди, спрятавшие в пещерах рукописи, отношение к находившимся поблизости строениям (теперь — развалины Кумрана)? Если предположить, что на месте этих руин был некогда центр, с которым были связаны владельцы этих рукописей, то не позволит ли тщательное изучение развалин установить характер и историю строений, дату сооружений, образ жизни его обитателей, их связь с рукописями и т. д. Начавшиеся в конце 1951 г и продолжавшиеся в последующие годы, вплоть до 1957 г.[14], систематические археологические раскопки развалин Кумрана подтвердили правильность этих предположений и осветили характер этого поселения и образ жизни его обитателей.

К числу неожиданных находок относятся обнаруженные в 1954 г. остатки древнеизраильского поселения VIII—VI вв. до н. э. В слое пепла найдены черепки VIII—VII вв. и остракон с палеоеврейским письмом VII—VI вв. Обнаруженные там остатки стены времени израильского поселения имеют сходство с остатками стен израильского поселения в соседнем районе Букейя, датируемого Ж. Миликом и Ф. Кроссом временем царя Иосафата (IX в. до н. э.)[15]. Рядом со стеной обнаружена самая глубокая из найденных здесь и единственная круглая цистерна — сооружение израильского периода. На основании археологической датировки черепков, остракона и остатков указанных сооружений Р. де Во связывает с этим строением сообщение 2-й книги Хроник, XXVI, 10, что царь Озия (Узиягу, VIII в. до н. э.) «построил башни (migdālīm) в пустыне».

Любопытна в связи с этим судьба одной научной гипотезы. В 1938 г. известный библеист М. Нот в первом издании своей книги «Das Buch Josua» (стр. 72) высказал предположение, что Хирбет-Кумран следует отождествлять с упоминаемым в книге Иисуса Навина, XV, 62, названием одного из шести городов пустыни, а именно с 'ir-hammelaḥ («город соли»). После того как первые раскопки Хирбет-Кумрана обнаружили остатки лишь эллинистически-римского поселения, М. Нот во втором издании названного выше труда (1953) поспешил отказаться от своей гипотезы. Однако рас-

[12] D. Barthelemy, J. T. Milik. Discoveries in the Judaean Desert, I, Qumran Cave, I. Oxford, 1955.

[13] Эту гипотезу продолжает развивать сейчас французский ученый Дель-Медико; однако, как показал Р. де Во (см. CRAI, 4 апреля 1952 г., стр. 174), строительная техника и план здания говорят против римского происхождения этого строения. Дальнейшие раскопки показали, что строение возникло во второй половине II в. до н. э., когда римлян здесь еще не могло быть.

[14] Раскопки производились Французской археологической школой в Иерусалиме, Службой древностей Иордании и Палестинским археологическим музеем под руководством Р. де Во и Л. Хардинга. С 1951 по 1956 г. были проведены пять археологических кампаний. Официальные отчеты о раскопках см. в систематических публикациях. R. de Vaux. Fouille au Khirbet Qumrân. RB, т. 60, 1953, стр. 83—106; т. 61, 1954, стр. 206—236; т. 63, 1956, стр. 533—577; его же. Exploration de la region de Qumrân. RB, т. 60, 1953, стр. 504—561; его же. Ain Feshkha. RB, т. 65, 1958, стр. 406—408, его же. Fouilles de Feshkha. Rapport préliminaire. RB, т. 66, 1959, № 2, стр. 225—255. См. также сообщения: R. de Vaux. CRAI, от 4. IV. 1952, стр. 173—180 и от 23. IX. 1955, стр. 378—386; G. Lankester Harding. Khirbet Qumran and Wary Murabba'at. PEQ, т. 84, 1952, стр. 104—109; см. R. de Vaux. Les manuscrits de Qumrân et l'archéologie. RB, т. 66, 1959, № 1, стр. 87—110.

[15] F. M. Cross. J. T. Milik. Explorations in the Judaean Buqê'ah. BASOR, № 142, 1956, стр. 5—17.

копки 1954 г. позволили М. Ноту в 1955 г. снова вернуться к этой подтвержденной ныне гипотезе, представляющей интерес и для отождествления других названных в указанном месте книги Иисуса городов в связи с раскопками Букейи.

Между остатками израильского поселения и последующим слоем эллинистически-римского периода нет никаких следов промежуточных поселений. Судя по археологическим данным, кумранское поселение возникло во II в. до н. э. и существовало с небольшим перерывом до его разрушения в июне 68 г. н. э. Детальное изучение археологического и нумизматического материала, а также нарративных источников позволило Р. де Во наметить следующую периодизацию кумранского поселения.

Период I. Сооружение при Иоанне Гиркане (135—104 гг. до н. э.). Разрушение здания вследствие землетрясения весной 31 г. до н. э.

Период II. Реставрация при Ироде Архелае (4 г. до н. э.— 6 г. н. э.). Разрушение римлянами в июне 68 г. н. э.

Период III. Занятие поселения римским гарнизоном с 68 г. н. э. до конца I в. н. э. Использование строений иудейскими повстанцами в период антиримского восстания Бар-Кохбы (132—135 гг. н. э.), после чего поселение было окончательно заброшено.

Раскопанные развалины занимают пространство 80 × 80 *м* (рис. 1). Северо-восточная часть строения, возникшего на месте израильского поселения (рис. 1, *1*), составляет прямоугольник площадью 37 × 30 *м*. Северо-западный угол этого прямоугольника представляет собой двухэтажную башню (10 × 10 *м*) с весьма массивными стенами, толщиной в 1,30 *м*. Помещения нижнего этажа башни не имели окон и служили, по-видимому, кладовыми, а в минуты опасности — местом укрытия обитателей строения. Южнее башни, за небольшим открытым двориком, расположено несколько помещений, назначение которых недостаточно выяснено. Помещение № 3 соединяется лестницей со вторым этажом башни. Относительно помещения, условно названного залом со скамьями вдоль стен (рис. 1, *4*), было высказано предположение (Аллегро), что оно предназначалось для заседаний общинного совета. Особый интерес представляет продолговатое помещение в восточной части этого комплекса (рис. 1, *5*), размером 13 × 4 *м*. По общему мнению, это помещение представляло собой скрипторий, т. е. место, где писались и переписывались рукописи. Об этом свидетельствует сохранившийся гипсовый стол длиной 5 *м* и высотой 0,5 *м*, а также чернильницы из бронзы и глины со следами растительных чернил. Два других найденных в этом помещении стола отличаются тем, что имеют на своей поверхности чашеобразные выемки. По мнению археологов, эти выемки наполнялись водой для того, чтобы писцы совершали в них ритуальное омовение рук, когда в процессе переписки они встречали в священном тексте тетрограмму, т. е. образование четырьмя согласными имени Яхве: YHWH. Это предположение подтверждается любопытной параллелью: еще перед второй мировой войной переписчики священных книг из иудейской общины в районе Карпат подобным же образом очищали себя омовением рук, прежде чем написать слово «Яхве».

К востоку от башни находилось помещение, служившее, судя по хорошо сохранившимся очагам, кухней (рис. 1, *6*). К востоку от кухни находилась, по-видимому, вторая башня. Южнее кухни был двор, в нем — некоторые подсобные помещения. В южной части строения за большим бассейном с лестницами (рис. 1, *17*) находилось самое большое помещение (рис. 1, *12*) — зал размером 22 × 4,5 *м*. Крыша этого помещения поддерживалась четырьмя сохранившимися столбами. Как показывают обугленные остатки, перекрытия были сделаны из стволов пальмовых деревьев. Это помещение было, как предполагают, местом общих собраний общины. Здесь обсуждались дела общины, совершались литургические службы с молитвами и пением гимнов, читалось и комментировалось священное писание. Судя по характеру постройки, Р. де Во предполагает, что собравшиеся в этом зале обращались лицом к Иерусалиму. В западной части зала имеется вымощенное плитами круглое место, очевидно, для председателя собрания. Наклон пола и путь отвода воды, а также остатки примерно ста черепков посуды дали Р. де Во основание для заключения, что это помещение служило также и трапезной. С юго-запада к этому залу (рис. 1,*12*) примыкало помещение (рис. 1, *13*), в котором, по мнению Р. де Во, хранилась посуда. Обрушившийся при землетрясении потолок раздавил находившуюся здесь различную обеденную посуду (более тысячи единиц): 210 тарелок, 708 чаш, размещенных дюжинами, 75 кубков, 11 кружек, 21 кувшин двух форм, 38 горшков. Все это позволяет предполагать, что помещение № 12 служило для литургических и деловых собраний, а также было столовой, возможно, для ритуальных трапез.

К востоку и юго-востоку от зала собрания размещались гончарные мастерские (рис. 1, *9*) с бассейном для хранения глиняной смеси и двумя гончарными печами (рис. 1, *10*). Остальные ремесленные мастерские и службы были расположены в западном комплексе строения (рис. 1, *14*), где обнаружены мельница, хлебопекарня из двух помещений с печами, ямы-зернохранилища, стойла для вьючных животных и другие сооружения, назначение которых пока недостаточно установлено.

Рост населения общины, сопровождавшийся расширением здания и возведением пристроек, потребовал также создания усовершенствованной и обильной системы водоснабжения — важнейшего условия жизни в пустыне. Этой цели служили 12 цистерн и бассейнов с лестничными спусками (рис. 1, *17*). Вода поступала в цистерны через разводящий канал (рис. 1, *16*) из акведука (рис. 1, *15*), питаемого главным образом водами Вади-Кумрана в период зимних дождей. Судя по рукописям, люди, жившие в Хирбет-Кумране, нуждались не только в питьевой воде, но также в большом количест-

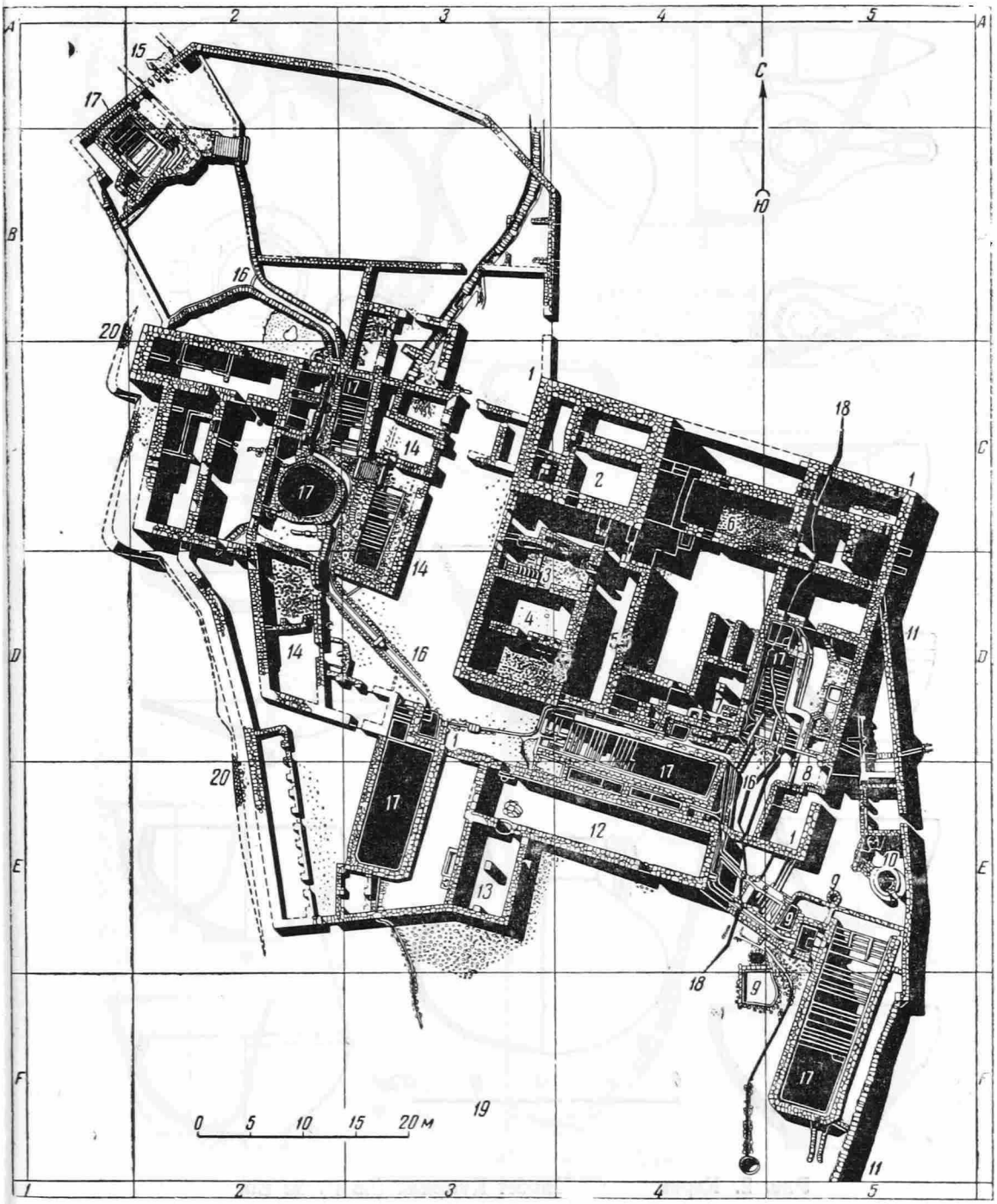


Рис. 1. План строения Хирбет-Кумрана к моменту землетрясения 31 до н. э. (по Ж. Милику).

1 — углы укрепления VIII—VI вв. до н. э.; *2* —башня; *3* — лестница, ведущая на верхний этаж; *4* — зал со скамьей вдоль стен; *5* — скрипторий; *6* — кухня; *7* — красильня; *8* — прачечная: *9* — гончарная мастерская; *10* — гончарные печи; *11* — стена, отделяющая строение от некрополя; *12* — зал собраний; *13* — посудная; *14* — производственные помещения; *15* — начало акведука; *16* — главный канал; *17* — большие цистерны; *18* — трещина от землетрясения; *19* — южное плато; *20* — подпорная стена вдоль западного оврага

ве воды для ритуальных омовений. Однако Р. де Во справедливо предупреждает против поспешных выводов о ритуальном назначении всех этих цистерн с лестничными спусками. Подобные цистерны, существовавшие также в окрестностях Иерусалима, вовсе не были связаны с ритуальными омовениями. Следует поэтому полагать, что лестницы в цистернах служили для удобства черпания воды, когда запасы ее истощались и уровень воды соответственно понижался. Ритуальные омовения, по всей вероятности, совершались главным образом в небольших водоемах вблизи многочисленных источников района Айн-Фешхи. Система канализации сильно пострадала при землетрясении 31 г. до н. э.

Из памятников материальной культуры особый интерес представляет керамика (рис. 2 и 3), служащая надежной опорой для датировки отдельных периодов поселения.

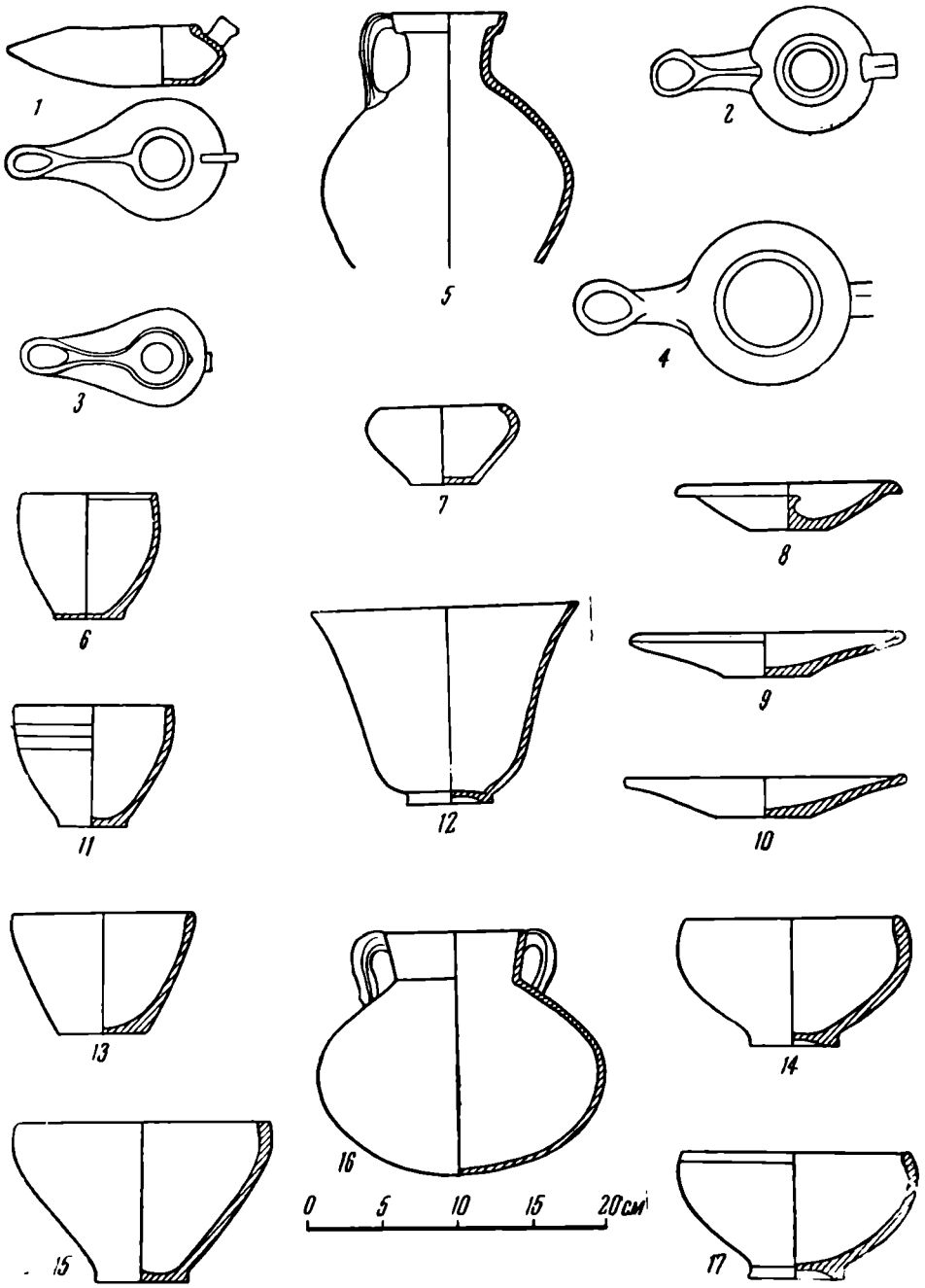


Рис. 2. Керамика из Хирбет-Кумрана (по Р. де Во)

Бóльшая часть керамических находок — местного, кумранского изготовления. Хорошо сохранившиеся мастерские позволяют ясно представить себе технологический процесс, изученный на месте Цойнером. Керамические изделия кумранского производства характерны для керамики Палестины эллинистического периода. Так, недавно Р. Функ обнаружил сходство керамики Бет-Цур I в. до н. э. с кумранской керамикой [16].

Весьма характерными являются найденные в слоях периодов I—II Кумрана светильники эллинистического типа (рис. 2, *1—4*), в то время как круглые светильники периода III (I в. н. э.) являются уже римскими и относятся к «иродианскому» типу, существовавшему вплоть до II в. н. э. Особый интерес представляет найденный в целости сосуд, полностью совпадающий с фрагментами сосудов, в которых предположительно хранились рукописи, найденные в 11 пещерах (рис. 4). Аналогичная керамика найдена также в 25 пещерах, где рукописи не обнаружены. Это совпадение с полной очевидностью свидетельствует о тесной связи, существовавшей между центральным строением Хирбет-Кумрана и окрестными пещерами.

На некоторых керамических изделиях сохранились надписи. Так, на шейке одного сосуда и черепке имеется надпись греческими буквами, к сожалению, не имеющая

[16] R. W. Funk. The 1957 Campaign at Beth-Zur. BASOR, № 150, апрель 1958, стр. 20.

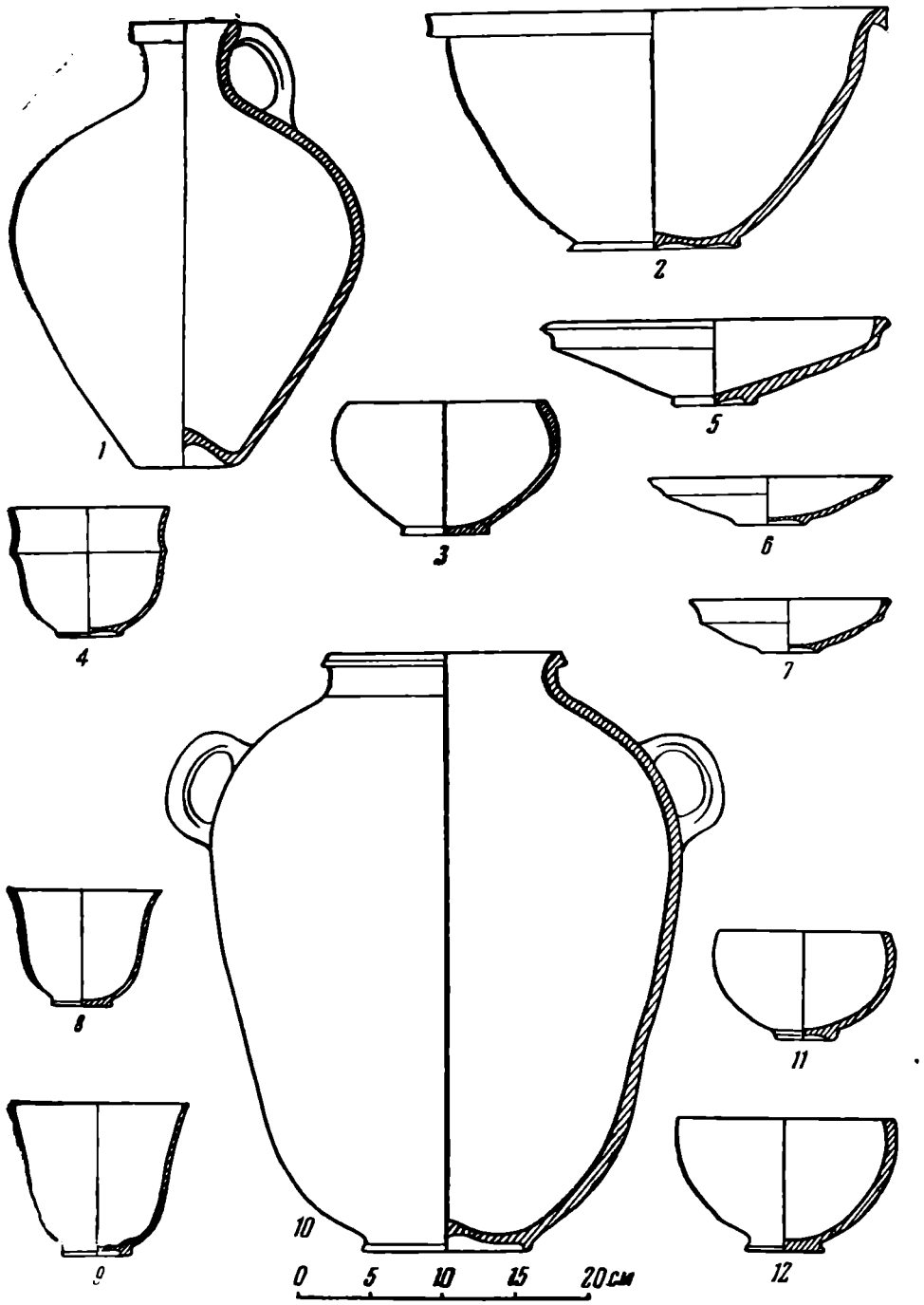


Рис. 3. Керамика из Хирбет-Кумрана (по Р. де Во)

смысла. Чаще встречаются надписи еврейскими буквами, представляющие собой имена собственные (например, ywḥnn ḥtl', т. е. «Иоханан младший»). На трех кувшинах сохранились более пространные надписи чернилами. На одном черепке имеются буквы алфавита — очевидно, упражнение ученика-писца. Р. де Во[17] обратил внимание, что графика этих надписей, с учетом неизбежных при различном писчем материале расхождений, сходна с графикой рукописей кумранских пещер. Это подтверждает предположение, что центральное строение и пещеры с рукописями использовались одной и той же общиной.

Из металлических изделий обнаружены железные серпы, ключи, кольца, ножи и другие предметы, а также бронзовые ключи, кольца, фибулы и котелок.

Любопытна находка в 11-й пещере железного топорика-кирки. Он, по словам Р. де Во[18], соответствует описанному Флавием[19] орудию, которое обычно носили с собой чле-

[17] R. de Vaux. Les manuscrits de Qumrân et l'archéologie. RB, т. 66, 1959, стр. 94.

[18] Там же, стр. 104; его же. Une hachette essénienne? Vetus Testamentum, т. IX, октябрь 1959, № 4, стр. 399—407.

[19] Josephus. Bellum Iudaicum, II, 8, 9, § 148.

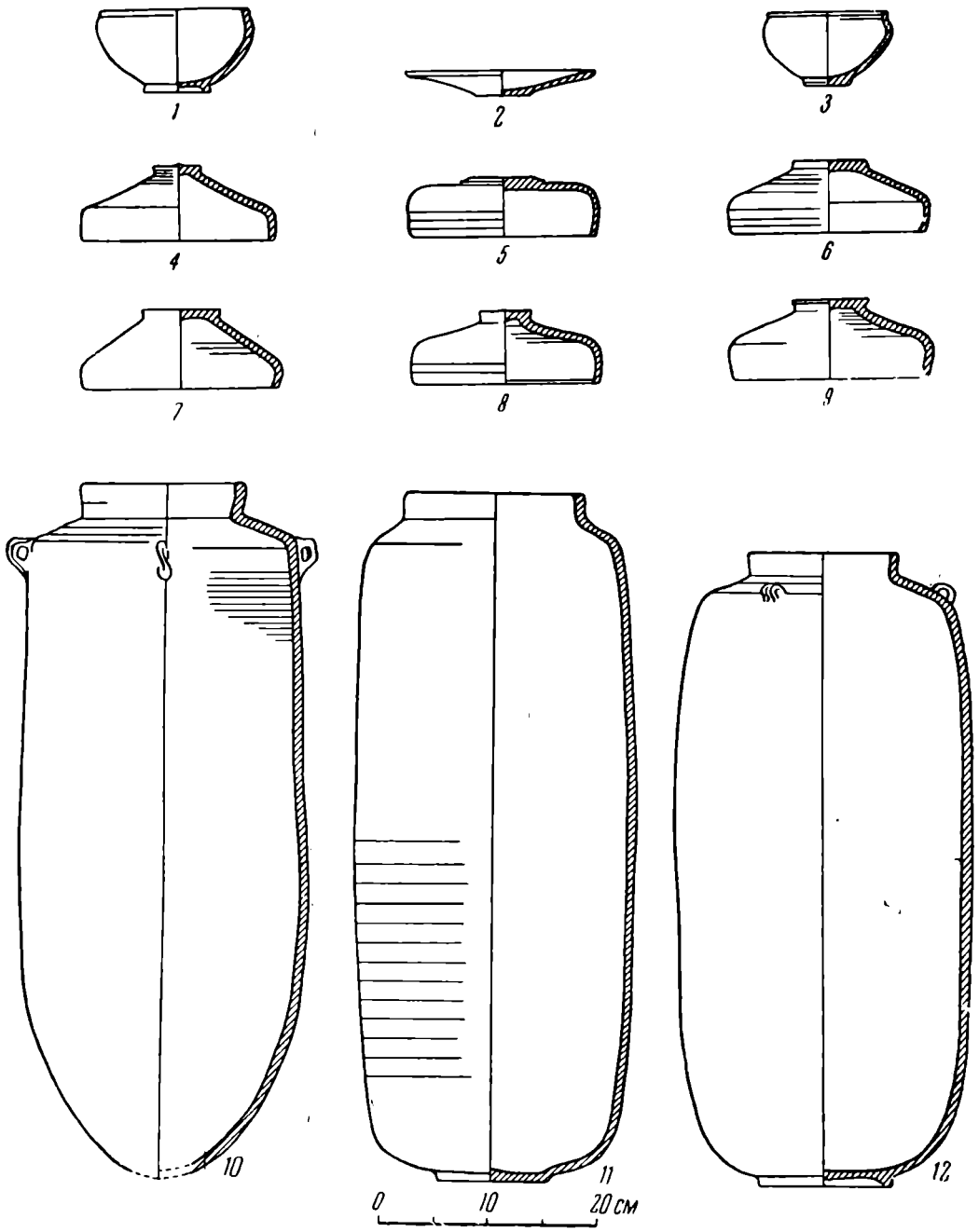


Рис. 4. Керамика из первой кумранской пещеры (по Р. де Во)

ны секты ессеев. При отправлении естественных надобностей ессеи с помощью этого орудия выкапывали ямку, а затем засыпали ее землей.

Большой интерес для выяснения образа жизни и быта жителей представляют также остатки костей животных. Скопление костей найдено в различных местах вместе с большими черепками, а также в целых горшках с крышками. В одном случае горшок был накрыт миской.

Цойнер, исследовавший 39 скоплений костей, пришел к предварительному выводу, что ни в одном месте остатки костей не составляют целого скелета животного. Остатками костей представлены следующие животные: бараны и козы — 31, ягнята или козлята — 15, телята — 6, крупный рогатый скот — 4. Большую часть костей на основании сопровождающих находок датируют I периодом, т. е. II—I вв. до н. э. Обращает на себя внимание одно странное обстоятельство: кости сложены аккуратно. Это составляет необъяснимую пока загадку, так как с археологической точки зрения подобная аккуратность говорит о какой-то сакральной цели, между тем ни Ветхий завет, ни документы кумранской общины не дают никакого основания и повода для такого обращения с костями [20].

[20] M. Cross. The Ancient Library of Qumran..., стр. 96, примеч. 37. Автор допус-

Неоценимое значение для установления дат различных периодов поселения наряду с керамикой имеют монеты, найденные в довольно большом количестве.

В слое между I и II периодами обнаружен клад серебряных монет: в двух горшках необычного для Кумрана типа найдено 408 монет и рядом с этими горшками в сосуде типичной для Кумрана формы — еще 150 монет. Большинство этих монет — тетрадрахмы[21] тирского чекана, датируемые эрой Тира, т. е. начиная с 126 г. до н. э. Все эти монеты по времени их чекана относятся к периоду между 9/8 г. до н. э. и 1/1 г. н. э. Этот промежуток и надо считать приблизительным временем закапывания этих монет. Однако историю этого клада объяснить пока трудно.

Помимо клада, в различных местах было найдено много других монет, относящихся ко всем трем периодам. Только в последние три раскопочные кампании найдено 415 монет. Примечательно, что монеты обнаружены только на территории центрального строения и их нет в пещерах, где обитали и спрятали свои рукописи члены кумранской общины. Все монеты окислены. Но уже расчищенные 233 монеты дают весьма интересную картину их распределения по периодам. Она совпадает с тем, что дают монеты, найденные в первых двух кампаниях. Согласно таблице, составленной Р. де Во, из расчищенных 233 монет к первому периоду относятся 63 монеты. Из них от времени правления Иоанна Гиркана (135—104 гг. до н. э.) и Иуды Аристобула (104—103 гг. до н. э.) — по одной монете, от времени правления Александра Янная (103—76 гг. до н. э.) — 48 монет, от времени Ирода Великого (37—4 гг. до н. э.) — 4 монеты. Незначительное количество монет времени Ирода Великого (несмотря на длительность его правления) свидетельствует о том, что именно в это время кумранское поселение было временно оставлено. Ко второму периоду относятся 160 монет. Наиболее ранними из них являются пять монет Ирода Архелая (4—6 гг. н. э., т. е. предполагаемое время нового заселения), а наиболее поздними являются пять монет 3-го года восстания (68/69 гг. н. э.), в то время как монет 2-го года восстания (т. е. 67/68 г. н. э.) среди расчищенных монет насчитывается 62. Эти предварительные данные подтверждают общий вывод, что Хирбет-Кумран был взят римлянами летом 68 г. н. э., что полностью соответствует сообщению Иосифа Флавия. В связи с этим Р. де Во замечает, что «нельзя пожелать большего согласия между археологией и историей»[22]. Из десяти расчищенных монет, относящихся к III периоду,— одна монета из Тира от 53 г. н. э., одна из Кесарии от 67/68 г. н. э., две из Доры от 67/68 г. н. э. и шесть более поздних монет. Монеты Кесарии и Тира были найдены в глиняном светильнике римского типа в помещении, где предположительно жили солдаты римского гарнизона. Эти монеты подтверждают, таким образом, сделанный уже раньше, на основании раскопок 1953 г., вывод, что Хирбет-Кумран был завоеван в 68 г. н. э. солдатами X легиона из Кесарии[23]. Наконечники стрел, обломки копий и дротиков римского происхождения, а также следы пожара и разрушений свидетельствуют, что строение пострадало в результате боевых действий римлян в 66—70 гг. н. э.

Помимо большого некрополя, расположенного к юго-востоку от центрального строения и частично обследованного Ш. Клермон-Ганно, в 1955 и 1956 гг. были обнаружены еще два небольших могильника к северу от Хирбет-Кумрана и к югу от Вади-Кумрана. Всего в этих трех могильниках имеется предположительно около 1200 захоронений, из которых до сих пор полностью изучено около 50. Могилы глубиной в 1 *м* расположены ровными рядами. Костяки ориентированы на юг. Руки скрещены на уровне таза. Особенностью захоронения является то, что труп клали в нишу, вырытую в восточной стенке подбойной могилы, прикрытую сырцовым кирпичом или галькой. Могилы покрывались большими камнями[24]. Большой интерес представляет находка скелетов женщин и детей. Этот факт как будто бы противоречит сообщениям Филона и Плиния Старшего о строгом безбрачии ессеев, живших, согласно сообщению Плиния, у северо-западного побережья Мертвого моря. В мужских погребениях до сих пор не обнаружено никакого инвентаря. Интересно отметить, что возраст мужчин не превышал 50 лет. В женских погребениях встречаются только бедные украшения на самих скелетах. Этот способ захоронения отличается и от иудейско-христианской похоронной обрядности и от более поздней мусульманской. Открывший этот некрополь Ш. Клермон-Ганно высказал предположение, что здесь захоронены арабы доисламского времени. Однако непосредственная близость некрополя к месту поселения кумранской общины и сходство отдельных фрагментов керамики, найденных в захоронениях, с керамикой кумранской общины говорит в пользу того, что здесь хоронили обитателей

кает возможность, что кумранская община, в противовес иерусалимскому храмовому жречеству, ввела свой собственный жертвенный культ. С. С. Черников любезно сообщил мне свое предположение о том, что в условиях безлесной пустынной местности кости могут служить в качестве топлива для хозяйственных целей. Ср. описанный Геродотом обычай скифов использования костей в качестве топлива для приготовления пищи (Herod., IV, 61).

[21] Тетрадрахма весит 17 *г*. Весь клад составляет, таким образом, весьма внушительную сумму — около 90 *кг*.

[22] R. de Vaux. Fouilles de Khirbet Quamrân. RB, т. 63, 1956, стр. 567.

[23] Josephus. Bellum Judaicum, IV, 8, 1, § 450; 4, § 477; ср. IV, 9, 1, § 486.

[24] Некоторые скелеты смещены с мест своих захоронений, что, согласно Р. де Во, объясняется землетрясением 31 г. до н. э.

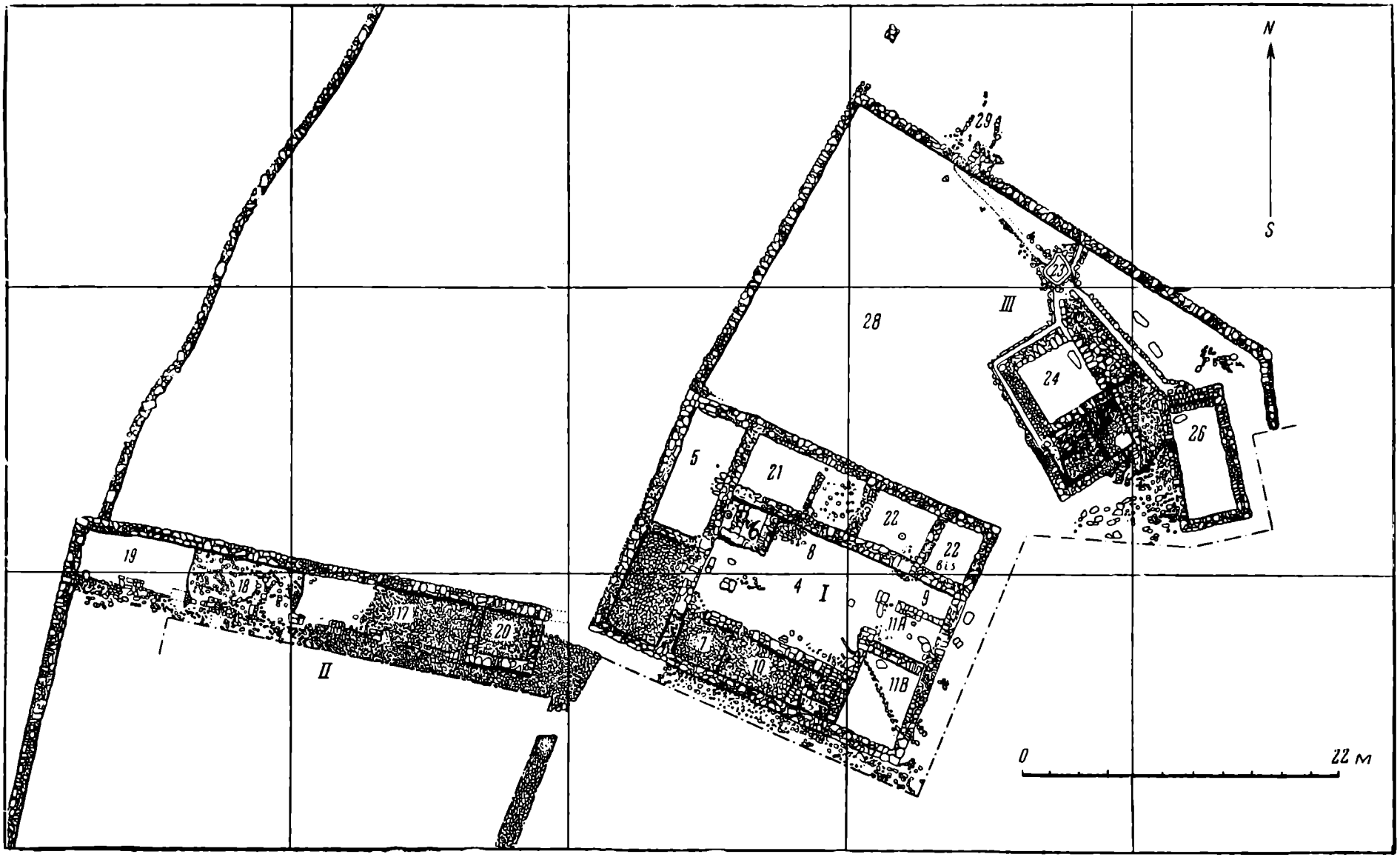


Рис. 5. План строений Айн-Фешхи II периода (по Р. де Во)

I — комплекс кладовых (помещения *3*, *5* и *11а* — возможно, жилые); *II* — огороженный участок, служивший, по-видимому, сушилкой для фиников и убежищем для людей и животных (помещение *20* реконструировано в византийскую эпоху); *III* — огороженный участок, изрезанный системой каналов и бассейнов, имевших производственное назначение

кумранской общины. Если это так, то приходится констатировать, что кумранская община придерживалась похоронной обрядности, отличной от официальной иудейской. Это имеет большое значение для изучения быта и идеологии общины.

К. Кеньон, произведшая в 1952—1956 гг. сенсационные раскопки древнейшего города в мире — Иерихона, обнаружила там в римском (послеиродианском) слое аналогичную кумранской форму погребального сооружения с нишей вдоль одной из сте-

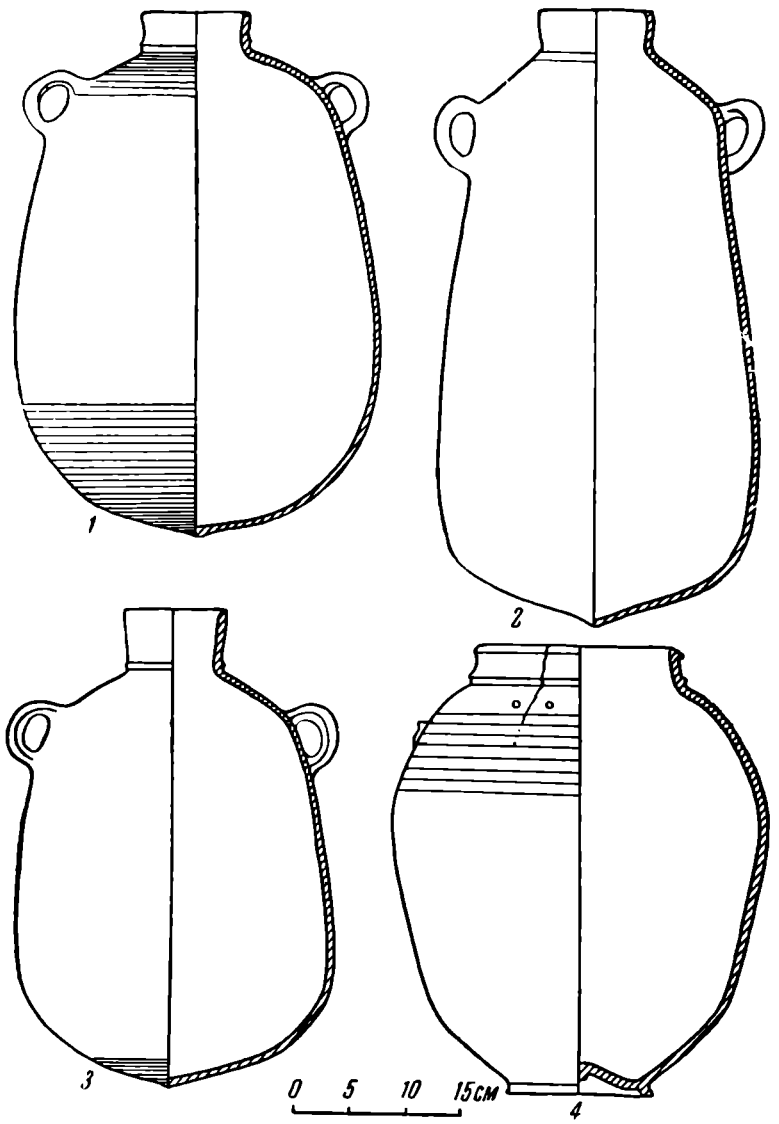


Рис. 6. Керамика из Айн-Фешхи (по Р. де Во)

нок могилы, куда клали труп [25]. Непосредственная близость Иерихона к Кумрану наводит на мысль о существовании в Иерихоне или его окрестностях общины, аналогичной кумранской.

Не меньшее значение для выяснения хозяйства и образа жизни кумранской общины имеют также начавшиеся раскопки района оазиса Айн-Фешхи. Между Хирбет-Кумраном и расположенным в 3 *км* к югу от него оазисом Айн-Фешхой предварительными обследованиями в 1956 г. обнаружены остатки строений, размером 60 × 64 *м*. Особый интерес представляют остатки стены, тянущейся с севера на юг. Имеются основания полагать, что эта стена, прослеженная на протяжении 400—500 *м*, ограждала какие-то сады или насаждения, находившиеся между ней и морем. Если это так, то эта стена связана с какими-то земледельческими занятиями общины. Возле стены обнаружены развалины небольшого изолированного строения площадью 10×12 *м*, в котором имелись три комнаты. Найденная здесь в незначительном количестве керамика синхронична керамике Хирбет-Кумрана. В самой Айн-Фешхе обнаружено строение (рис. 5), в котором имеется много керамики (рис. 6), схожей с керамикой Хирбет-Кумрана II периода. Здесь найдено несколько сильно окисленных монет, из которых две бронзовые монеты датируются временем прокураторов и иудейской войны, а одна

[25] K. M. Kenyon. Digging up Jericho. The Results of the Jericho Excavations 1952—1956. N. Y., 1957, стр. 264.

серебряная — тирского чекана 36 г. н. э. По мнению Р. де Во, это строение современно Хирбет-Кумрану II периода. Любопытной является также находка глиняной чернильницы, сходной с найденными в кумранском скриптории.

Дальнейшие раскопки Айн-Фешхи, производившиеся под руководством Ролана де Во с 25 января по 21 марта 1958 г.[26], дали много ценных результатов. Обследование открытого в 1956 г. строения показало общность истории и судьбы его с Хирбет-Кумраном в своих основных фазах. Здание было построено в конце II в. до н. э., покинуто в последние десятилетия до н. э. и снова было обитаемо до его частичного сожжения в 60-х годах I в. н. э. Впоследствии это здание служило убежищем для инсургентов во время второго антиримского восстания 132—135 гг. н. э. Археологическая периодизация строения Айн-Фешхи подкрепляется также найденными здесь монетами. Анализ определенных 56 монет, относящихся ко второму периоду, показывает полное соответствие с данными монет из Хирбет-Кумрана. Судя по всем данным, строение Айн-Фешхи также носило общественный характер. К югу от строения, в огороженном пустыре находился сарай с тщательно выстланным полом. По предположению Р. де Во, это помещение служило для сушки фиников или местом, где созревали финики, собранные до полной их зрелости. В самом деле, финиковая пальма была одной из немногих плодоносных культур, возможных на этой солончаковой почве, орошаемой солоноватыми источниками. В этой связи нельзя не вспомнить о рассказе известного римского ученого Плиния Старшего, погибшего в 79 г. н. э. при извержении Везувия. Согласно Плинию (NH, V, 17, § 73), ессеи, проживавшие именно в этом районе побережья Мертвого моря, «вели жизнь среди пальм» (socia palmarum). Возможно, что здесь выращивались также овощи. Представляет интерес обнаруженная в конце сарая комната с остатками памятников ранневизантийской эпохи. В связи с этим Ж. Милик указал на сообщение византийского автора Иоанна Моска о том, что монахи, жившие в V в. н. э. в районе горы Мардес (современный Хирбет-Мирд, в 9 *км* к западу от Айн-Фешхи), получали овощи из огорода, отстоявшего от них на расстоянии шести миль, почти у самого моря. Р. де Во полагает, что этот огород находился в Айн-Фешхе и что в раскрытом археологами помещении ранневизантийского периода жил слуга, обрабатывавший для монахов этот огород. Тщательное исследование системы каналов и водоснабжения в Айн-Фешхе привело Р. де Во к предположению, что в период существования кумранской общины один из источников находился на более высоком уровне, где и соленость почвы была меньшей и сам источник был менее соленым. Это обстоятельство удовлетворительно объясняет возможность овощеводства, хотя и в ограниченных размерах. По-видимому, природные условия в этой местности в древности были более благоприятными, чем теперь.

Огороженный пустырь вокруг сарая мог служить загоном для скота. К северу от строения находился двор, часть которого, занятая системой бассейнов, соединенных небольшими каналами, представляла собой, по мнению Р. де Во, кожевенную мастерскую[27]. Действительно, кожа могла использоваться и для нужд самой общины, и в качестве источника доходов. Возможно, что сами кумранцы изготовляли писчий материал, необходимый для кумранского скриптория, где переписывались сотни рукописей. Не исключена также возможность, что переписка рукописей была одним из источников дохода общины. Если производственное назначение открытого в Айн-Фешхе сооружения бесспорно, то все же пока нет уверенности, что здесь была именно кожевенная мастерская. Однако до настоящего времени никакой иной более плодотворной гипотезы не предложено.

Раскопки Хирбет-Кумрана и Айн-Фешхи позволяют уже сейчас сделать некоторые предварительные, но весьма существенные выводы.

1. Характер строений Хирбет-Кумрана и Айн-Фешхи, а также полное тождество найденной в этих комплексах керамики с керамикой, обнаруженной в окрестных пещерах, говорят о связи между обитателями этих строений и владельцами спрятанных в пещерах рукописей. В этом заключается один из основных научных результатов раскопок. Судя по всему, Хирбет-Кумран был центром общины, члены которой проживали в окрестностях центрального строения — в домах (?), шатрах, палатках, под навесами у входов в пещеры и, возможно, также в самих пещерах.

2. Характер сооружений свидетельствует об их общественном назначении как центра совместного труда и коллективных трапез членов общины. Об этом свидетельствует также сосредоточение монет в центральном строении и отсутствие их в пещерах.

3. Археологическое обследование комплексов Хирбет-Кумрана и Айн-Фешхи позволило выяснить различные отрасли хозяйственной деятельности кумранской общины и разрешило ряд вопросов, возникших при изучении кумранских рукописей.

4. Археологически устанавливаемая история центрального строения служит основой для определения этапов развития кумранской общины.

И. Д. Амусин

---

[26] R. de Vaux. Ain Feshkha. RB, т. 65, 1958, № 3, стр. 406—408; его же. Fouilles de Feshkha. Rapport préliminaire. RB, т. 65, 1959, № 2, стр. 225—255.

[27] R. de Vaux. Fouilles de Feshkha..., стр. 230—237 и 255 (post-scriptum).

ХРОНИКА

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР в 1959 г.

В 1959 г. Институтом археологии АН СССР совместно с другими учреждениями было организовано около 50 экспедиций.

Палеолитическая экспедиция (рук. А. Н. Рогачев) основное внимание уделила исследованию многослойной верхнепалеолитической Тельманской стоянки (Воронежская обл.). В самом верхнем, пятом, культурном слое (стоянка Бирючий Лог) вскрыты остатки части жилища с очагом. В южной части стоянки на участке второго культурного слоя обнаружены остатки округлого жилища с очагом. На левобережном мысе Покровского лога найдена новая палеолитическая стоянка, кремневый инвентарь которой аналогичен верхнему культурному слою стоянки Костенки I. В нескольких местах при зачистке обрыва берега р. Дона обнаружены кости животных и расщепленные кремни.

Верхне-Донской отряд (ИА АН СССР и Липецкий областной краеведческий музей; рук. В. П. Левенок) проводил разведки в бассейнах рек Дона и Воронежа, в пределах северной половины Липецкой области. К наиболее интересным памятникам относятся палеолитические местонахождения и ранненеолитическая стоянка у с. Долгое.

В результате работы Оскольского отряда (ИА АН СССР и Белгородский областной краеведческий музей; рук. П. И. Борисковский) на территории Валуйского, Уразовского и Никитовского районов Белгородской области по течению рек Оскола, Валуя и Уразова обнаружены многочисленные месторождения черного мелового кремня, служившего сырьем для выделки орудий у древних костенковцев. По течению этих же рек обнаружено более 15 палеолитических и неолитических кремневых мастерских, где производилось первичное раскалывание кремня. Близ с. Ливенка найдено первое в этом районе мустьерское скребло. Кроме этих работ, П. И. Борисковским (ИА АН СССР и Одесский археологический музей) проведены исследования палеолитических и мезолитических памятников в Одесской области УССР.

Кубанский отряд (рук. А. А. Формозов) Северо-Кавказской экспедиции продолжал исследование энеолитических поселений Мешоко и Хаджох III близ ст. Каменномостской (Краснодарский край) и провел разведки, при которых обнаружено три новых энеолитических поселения (у ст. Абадзеховской и Севастопольской и в ур. «Скала» близ ст. Каменномостской). На последнем из этих поселений проведены небольшие раскопки. Было продолжено также обследование палеолитического местонахождения Мостовое на р. Лабе.

Палеолитический отряд (рук. В. П. Любин) Северо-Кавказской экспедиции вел разведывательные работы в Куртатинском ущелье (Северо-Осетинская АССР). У сел. Дзивгис открыта ранненеолитическая пещерная стоянка Шаулегет.

На территории Армении, у сел. Джрабер и Фонтан, близ обсидиановых месторождений, при работах отряда (рук. В. П. Любин) обнаружено десять мастерских ашельских орудий, одна мастерская мустьерской эпохи и одно ашельское местонахождение открытого типа.

Юго-Осетинский отряд (рук. В. П. Любин) экспедиции Академии наук Грузинской ССР (рук. А. Н. Каландадзе) продолжал раскопки пещерной стоянки Кударо I, в которой вскрыта половина площади центральной камеры. В ашельском слое обнаружены скопления сырья, полуфабрикатов и каменных орудий. Начаты раскопки пещеры Кударо III, в которой раскрыты мезолитический, мустьерский и ашельский слои. Вблизи от этих пещер в местности Учелет найдено ашельское местонахождение открытого типа. В пещере Шагат-Хох-Легет установлено наличие мустьерского культурного слоя.

Карельская экспедиция (рук. Н. Н. Гурина) продолжала работы в Ленинградской, Калининской, Новгородской областях и в Карельской АССР. Предпринято обследование берегов верховьев Волги в районе распространения волжских макролитов и обнаружено несколько стоянок. В Ленинградской области завершены раскопки неоли-

тического поселения Усть-Рыбежна I. На территории Карелии произведено доследование энеолитического поселения Деревянное и исследовалось пока единственное известное в Карелии поселение первой половины I тыс. н. э. на Муромском озере.

Вологодская экспедиция (рук. А. Я. Брюсов) продолжала раскопки и разведки в Кирилловском районе Вологодской области на р. Модлоне. Продолжены раскопки в ур. «Селище», давшие обширный материал начала I тыс. до н. э. В ур. «Гостиный берег» при раскопках обнаружены следы временных посещений этого места в это же время. На территории дер. Погостище были расширены раскопки позднемезолитической стоянки, а на северном краю деревни открыт финский могильник XI—XII вв. н. э.

Верхневолжская экспедиция (ИА АН СССР, Ярославский пединститут, Ярославский областной музей, Отдел культуры Облисполкома, Рыбинский, Ростовский и Ильинско-Хованский музеи; рук. Д. А. Крайнов) проводила работы в Ярославской и Ивановской областях четырьмя отрядами. Верхневолжский отряд раскопал 11 курганов конца эпохи бронзы у дер. Криушкино на берегу Плещеева озера. По обряду захоронения эти курганы тождественны абашевским. Продолжены работы на Золоторучьинской стоянке. Особенный интерес представляет открытие на территории стоянки рядом двух кладбищ — славянского и мерянского и обнаружение на расположенном рядом селище смешанных славянских и мерянских материалов. Производились раскопки двух фатьяновских могильников — Халдеевского и Тимофеевского, причем в последнем обнаружено захоронение в особом сооружении. Ростовский отряд (рук. А. Л. Никитин) производил раскопки стоянки в ур. «Дикариха» (Переславский район), основной слой которой относится к концу эпохи бронзы. Обнаружены ямы с круглодонными орнаментированными сосудами. Ярославский отряд (рук. М. В. Фехнер) раскопал более 60 курганов в известной Тимеревской группе и курганы близ с. Ивановское. Раскопки Тимеревских курганов дали интересные сведения по обряду погребения славян VIII—IX вв. Рыбинский отряд (рук. Л. В. Кольцов) производил раскопки дюнной стоянки Коприно, на которой вскрыто два мезолитических слоя.

Братская (Ангарская) экспедиция (рук. А. П. Окладников) работала семью отрядами. Палеолитический отряд (рук. З. А. Абрамова) на позднепалеолитическом поселении Красный Яр вскрыл очаги, скопления костей и кремня. Неолитический отряд (рук. Л. Я. Крижевская) раскапывал многослойное поселение в устье р. Белой. Обнаружены жилые комплексы и культовые захоронения собак. Другой неолитический отряд (рук. В. Е. Ларичев) произвел раскопки четырех неолитических поселений (у Заярска и Братска, в пади Калашникова и пади Ленховка). Усть-Талькинский отряд (рук. Е. Ф. Седякина) раскапывал Усть-Талькинский могильник и поселение первых веков нашей эры. Балаганско-Унгинский отряд (рук. Н. Н. Забелина) продолжал раскопки поселения эпохи железа в долине р. Унги. Отряд по изучению писаниц (рук. И. П. Гаранин) исследовал писаницы на трех каменных островах р. Ангары. Произведен интересный опыт по вырубанию наскальных рисунков. Разведкой охвачен правый берег Ангары от Козьего ручья до Шумиловской судоверфи. Обнаружено много наскальных рисунков и неолитическая стоянка у с. Верхний Баян. Братский отряд (рук. А. В. Никитин) после документальной фиксации и консервации произвел перевозку в разобранном виде одной из башен Братского острога в Музей деревянного зодчества в с. Коломенском (под Москвой).

Дальневосточная экспедиция (ИА АН СССР, Д.-В. ФАН СССР, Приамурский филиал Всесоюзного географического общества, Хабаровский краеведческий музей; рук. А. П. Окладников) проводила работы на территории Хабаровского и Приморского краев. Близ г. Хабаровска начаты раскопки большого многослойного поселения у Амурского санатория. Были проведены широкие разведки в долине р. Уссури, во время которых открыт ряд памятников различного времени. На оз. Ханка, около с. Новокачалинского, проводились раскопки неолитического жилища. У г. Артема обнаружено двуслойное поселение эпохи неолита и ранней бронзы. У с. Екатериновки, на р. Сучане, исследовалось поселение культуры раковинных куч. В бухте Псухун на неолитическом поселении обнаружен многочисленный каменный инвентарь и своеобразная керамика. Прибрежный отряд (рук. Г. И. Андреев) в результате разведок в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края обнаружил более 20 новых памятников.

Работы большого масштаба проводились в связи со строительством Иркутской ГЭС одиннадцатью отрядами и двумя группами Байкальской (Иркутской) экспедиции (рук. М. П. Грязнов). Исследования сосредоточились в четырех районах побережья оз. Байкал — в дельте р. Селенги, в районе Листвянки, на о. Ольхоне, в Мухорском и Куркутском заливах Малого моря. Наибольший интерес из раскопанных памятников представляют поселение и могильники в бухте Улан-Хада (рук. М. Н. Комарова). На поселении вскрыты остатки шести четко стратиграфически выраженных хронологических периодов (мезолит, неолит, энеолит и курыканское время). В пяти близлежащих могильниках неолитического и энеолитического времени раскопано 23 погребения с разнообразными каменными и костяными изделиями, предметами украшения и бронзовыми орудиями. В бухте Саган-Нугэ исследовалось неолитическое поселение (рук. Ю. Д. Баруздин). В районе Листвянки в падях Обухеиха (рук. К. Х. Кушнарева), Смородовка и Черная (рук. И. Н. Хлопин) раскапывались памятники эпохи неолита и энеолита. В дельте р. Селенги раскопкам подверглись неолитическое

поселение близ с. Посольск и не тронутые грабителями погребения времени «плиточных могил» (рук. Е. А. Хамзина). На известном Фофановском могильнике (рук. М. М. Герасимов) открыто 45 неолитических и энеолитических погребений с большим количеством вещей и четкой стратиграфией. В Мухорском заливе на мысе Улярба в четырех могильниках раскопано 28 могил неолитического и энеолитического времени и исследовано неолитическое поселение (рук. Л. П. Зяблин и В. С. Сорокин). Еще один неолитический могильник исследовался в бухте Шидэ (рук. Н. Г. Горбунова). Раскопано 14 могил с покойниками в сидячем на корточках положении. На о. Ольхоне, близ «Шаманского камня», изучалось жертвенное место неолитического и энеолитического времени; шесть неолитических могил раскопано близ Харансина (рук. Н. К. Качалова). Одним из отрядов экспедиции (рук. И. Г. Спасский) исследовалось поселение эпохи раннего железа в Энхалуке (к северу от дельты Селенги), обследован ряд более поздних памятников и открыты погребения эпохи бронзы близ пос. Степные Дворцы. На Ольхоне близ оз. Нурэ полностью раскопан могильник (вскрыто 120 каменных «шатровых» могил) курыканского времени (рук. А. М. Мандельштам). Шесть подобных же могил исследовано на Елгинском озере (рук. С. С. Черников) и 23 могилы в Куркутском заливе Малого моря (рук. В. С. Сорокин). На мысе Шибэт раскапывалось городище с каменными стенами того же времени. Кроме раскопочных работ, проводились разведки — на западном берегу Малого моря и на Ушканьих островах (рук. Л. П. Хлобыстин), в районе Баргузина и по берегам Чивыркуйского залива (рук. Е. Н. Черных). Производились также этнографические исследования на Ольхоне и в устье Баргузина (рук. А. И. Мухлинов).

Башкирская экспедиция (ИА АН СССР и Башкирский филиал АН СССР; рук. А. В. Збруева) вела работы тремя отрядами. Отряд по изучению памятников эпохи бронзы (рук. Б. Г. Тихонов) закончил раскопки стоянки эпохи поздней бронзы Ахметово I, на которой вскрыто полуземляночное жилище с очагом и несколько погребений. Второй отряд (рук. Н. А. Мажитов) раскапывал Бирский могильник бахмутинской культуры. Третий отряд (рук. А. П. Шокуров) обследовал среднее течение р. Ик, где обнаружены 22 стоянки и курганы срубного типа, и провел разведки по р. Белой от г. Уфы до устья.

Южно-Уральским отрядом (рук. Л. Я. Крижевская) проведены разведочные работы в Каслинском и Чебаркульском районах Челябинской области и обнаружен ряд поселений эпохи неолита и бронзы.

Работы Западно-Сибирской экспедиции велись на территории Тюменской и Свердловской областей (ИА АН СССР и Тюменский областной краеведческий музей; рук. В. Н. Чернецов). На Козловом мысе Андреевского озера были закончены раскопки двух землянок, вскрытие которых было начато в предыдущие годы, и раскопаны еще одна полуземлянка и большая землянка. На р. Тагил осмотрены и скопированы наскальные изображения — в группе Сокольинские Утесы и на Писаном камне (более 100) и проведена археологическая разведка. Лозьвинский отряд (рук. П. М. Кожин) провел обследование пещер по притокам р. Лозьвы и скопировал часть изображений в районе дер. Писанской на р. Ирбит. Ялуторовский отряд (рук. П. М. Кожин) обследовал курганы эпохи бронзы и стоянки в Ялуторовском районе.

Белорусский отряд (ИА АН СССР, Могилевский и Гомельский областные краеведческие музеи; рук. И. И. Артеменко) Верхне-Днепровской экспедиции продолжал исследование памятников эпохи неолита и бронзы в Гомельской и Могилевской областях БССР (у г. Быхова, у дер. Ходосовичи).

Молдавская экспедиция (ИА АН СССР и Молдавский филиал АН СССР; рук. Т. С. Пассек) работала в составе нескольких отрядов. Отрядом по изучению памятников палеолита (рук. А. П. Чернышш) при разведках в районе с. Выхватинцы открыто десять стоянок эпохи верхнего палеолита. Отрядом по изучению памятников неолита и энеолита (рук. Е. К. Черныш и Т. Г. Мовша) проводились разведочные раскопки неолитической стоянки у с. Сороки; в Черновицкой области обследована мастерская по изготовлению кремневых орудий у с. Ожево и обнаружен новый позднетрипольский памятник у с. Шебутинцы. В Тернопольской области у с. Торское обследовалось поселение с линейно-ленточной керамикой и раскопано два каменных ящика в могильнике между сс. Сновидов и Возилов. Обследованы стоянки культуры линейно-ленточной керамики и трипольские поселения у сс. Флорешты, Маркулешты, Цыра и Путинешты. Стационарные работы, как и в предыдущие годы, были поставлены на трипольском поселении Солончены II (рук. Т. С. Пассек и Т. Г. Мовша), где обнаружено четыре землянки различных этапов триполья. Продолжены раскопки могильника у с. Выхватинцы (вскрыто 15 погребений позднетрипольского времени и два эпохи бронзы). Отряд по изучению памятников начала нашей эры продолжал исследования памятников черняховской культуры, в частности поселения у с. Делакеу (рук. Э. А. Рикман). Отряд скифской археологии (рук. А. И. Мелюкова) продолжал раскопки городища у с. Тудорово и вскрыл два кургана поблизости. Основной материал, полученный на городище, относится к эпохе поздней бронзы, некоторое количество находок датируется раннеримским временем. Большинство погребений в курганах датируется эпохой бронзы (ямная и срубная культуры), два — трипольские, одно — скифское, одно — кочевническое.

В 1959 г. завершила свои работы в зоне затопления и подтопления Воткинской ГЭС Камская археологическая экспедиция (рук. О. Н. Бадер).

Одним из отрядов (рук. В. П. Денисов) вскрыта большая площадь на 11 поселениях эпохи бронзы и раннего железа и открыто пять новых памятников близ пос. Игнашиха и Голяры, Частинского района, Пермской области. На Заюрчимском поселении вскрыто два наземных жилища, относящихся к самому концу эпохи бронзы и к переходному периоду к эпохе железа (XI—IX вв. до н. э.). Исследованы новые жилища на поселениях Старушка I, II и III. На Голярской I стоянке эпохи бронзы исследованы три полуземлянки гаринского типа, на Голярской II стоянке обнаружен позднеолитический материал, на Голярском III поселении вскрыты две прямоугольные полуземлянки первой четверти II тыс. до н. э. Закончено исследование поселения у Лесного кордона, на котором раскрыты четыре полуземлянки гаринского типа. На пос. Чернашка раскопано седьмое жилище гаринского типа по форме, но с энеолитическим материалом. Отрядом А. Д. Вечтомова на Гремячском селище позднеаньинского времени изучены новые зольники, несколько детских погребений, жертвенные комплексы с черепами лошадей. Из находок заслуживают упоминания художественные изделия из кости и рога. Раскапывались также Еловское II селище (раннеаньинская культура) и Вятское селище, более позднее. Отряд В. А. Оборина раскапывал Крюковское городище (аньинская культура и начало II тыс. н. э.), Березовское городище (начало II тыс. до н. э.), Махонинское городище гляденовской эпохи и Голярское IV селище эпохи раннего железа. Кроме этого, раскапывались Касьяновское городище и Острожское селище позднего железного века. На двуслойном Калиновском городище (аньинская культура и начало II тыс. н. э.) обнаружены жилища (в каждом слое). В русском Очерском острожке собран материал XVII—XVIII вв.

Воткинская экспедиция (рук. О. Н. Бадер) производила исследования памятников в зоне строительства Воткинской ГЭС десятью отрядами. Была доследована Заозерская позднемезолитическая стоянка (рук. О. Н. Бадер). Исследовались Бойцовская I неолитическая стоянка, Бойцовская IV стоянка эпохи бронзы (раскопаны две полуземлянки), Бойцовская II и III стоянки, на которых также найдены жилища эпохи бронзы. Работы производились и на вновь открытых поселениях эпохи бронзы: Бойцовских VI и VII стоянках, на пяти Тюремкинских поселениях. На них открыты жилища гаринского и борского периодов. Подобные же жилища исследовались на поселениях Камский Бор II, Забойном II и у Ново-Ильинска. Продолжены исследования (рук. О. Н. Бадер) Турбинских I и II могильников эпохи бронзы. Продолжены также раскопки аньинского городища Алтен-Тау, могильника Качка и городища Красная Горка (у с. Елова) ломоватовской культуры, предполагаемых курганов у Раздорной воложки и в ур. Салтанаиха (рук. В. Ф. Генинг). На р. Тулве вскрыто свыше 70 могил на татарском кладбище у дер. Краснояр (рук. В. П. Алексеев).

Монгольская экспедиция (ИА АН СССР и Читинский областной краеведческий музей; рук. С. В. Киселев) продолжала исследования на территории Читинской области. Группа экспедиции (рук. Ю. С. Гришин) при разведках по р. Онон обнаружила более 40 поселений эпохи неолита, бронзы и средневековых и большое количество могильников, главным образом эпохи плиточных могил. Стационарные работы были поставлены на городище Хирхира (XIII в.). Раскопан дворец со сложной системой отопления. Исследованы вал и ров цитадели и примыкавшие к валу с внутренней стороны сооружения. Близ городища раскопан Большой курган на горе «Окошки». Большой интерес представляет погребение в гробу из толстых досок, окованном железными обручами. На нем лежало седло, крытое шелком, колчан со стрелами, лук, нож, удила и стремена. В гробу обнаружен скелет юноши в шелковом халате на меху, шелковой рубахе и штанах, в сапогах и парчевой шапке. При нем был пояс из серебряных блях и серебряная чаша с вычеканенной на дне тамгой Чингизидов. Курган принадлежал, очевидно, какому-то видному семейству, возможно, хана Исунке.

Берельской экспедицией (рук. С. И. Руденко) произведено вскрытие могильной ямы раскопанного ранее В. В. Радловым Берельского кургана в Горном Алтае. Для определения времени сооружения кургана, которое было неизвестно, ввиду отсутствия соответствующих материалов, были взяты образцы погребенной древесины для определения ее возраста радиоуглеродным методом. Взяты также образцы современной древесины в районе Берели.

Чувашская экспедиция (ИА АН СССР и Чувашский НИИЯЛИЭ; рук. А. П. Смирнов) вела исследования тремя отрядами. 1-й отряд (рук. Г. А. Федоров-Давыдов) завершил исследование Тигашевского городища. Открыты остатки наземных деревянных срубов с настилами полов и развалами каменных печей, остатки большого и малого святилищ, причем установлено хронологическое и стратиграфическое отношение святилищ друг к другу и к укреплениям городища. Открыты остатки культурного слоя срубной культуры. 2-й отряд экспедиции (рук. Н. Я. Мерперт) произвел раскопки трех курганов срубной культуры у с. Уразмаметьево (Яльчикский р-н ЧАССР). В одном из курганов прослежены остатки большой деревянной постройки, в другом — кострище в центре и скорченное погребение, в третьем — расчлененное погребение и детские скорченные погребения в полах кургана. При разведках в дер. Абиштебеново открыт могильник XVI—XVII вв., у дер. Уразмаметьево — болгарское селище и кладбище, близ дер. Тойдеряково обнаружено два кургана. 3-й отряд (рук. В. Ф. Каховский) провел раскопки трех селищ и трех курганов абашевской

культуры. На селище Тохмеево I вскрыто несколько полуземлянок и хозяйственных ям. Наряду с типично абашевской керамикой найдено небольшое количество фатьяновской, что заставляет отнести это селище к ранней стадии абашевской культуры. На Шоркинском I селище обнаружены полосы древесного тлена, являющиеся остатками деревянного настила (служившего, видимо, основанием жилых бревенчатых домов), две полуземлянки и хозяйственные ямы.

Работы Сарайского отряда (рук. Г. А. Федоров-Давыдов) были сосредоточены на Царевском городище — столице Золотой Орды Новом Сарае, или Сарае-Берке. Были заложены небольшие раскопы в разных частях городища, выяснена его однослойность и наличие очень тонкого культурного слоя. Открыты две большие землянки с лестничным входом и оштукатуренными стенами. В одной из землянок открыта печь и дымоход-кан из кирпича.

Астраханская экспедиция (рук. В. П. Шилов) вела работы в Михайловском районе Сталинградской области и в Азовском районе Ростовской области. В первой из них у с. Сидор и Арчегдинской раскопано 25 курганов, содержащих более 100 захоронений эпохи бронзы (ямные, катакомбные, срубные), сарматские и позднекочевнические. В Ростовской области продолжались раскопки Елизаветовского городища (ИА и Ростовский областной краеведческий музей). Исключительно интересный материал получен при раскопках одного из больших курганов в группе «Пять братьев». В склепе обнаружено два мужских захоронения, одно из которых оказалось совершенно целым. Это последнее погребение сопровождалось огромным количеством золотых предметов (1712), среди которых обитая золотом накладка горита, золотая накладка меча, золотая гривна и многое другое.

Западно-Скифская экспедиция (рук. Н. Н. Погребова) продолжала раскопки Анатольевского поселения эпохи поздней бронзы на Тилигульском лимане. Открыты мощеные дворики и остатки каменных построек. На другом раскопе исследовалась часть зольника с врезанными в него каменными постройками.

Воронежский отряд (ИА АН СССР, Воронежский областной и Острогожский районный краеведческие музеи; рук. П. Д. Либеров) Лесостепной экспедиции продолжал исследование Мастюгинских курганов. Продолжались также работы на городище у дер. Волошино, на котором вскрыты землянка с тремя очагами и большое количество очагов за пределами жилища. В могильнике у с. Русской Тростянки раскопано два кургана — один эпохи раннего железа, другой — эпохи бронзы. Близ г. Воронежа, у с. Нижней Ведуги, вскрыто два кургана эпохи бронзы, ритуал погребения в которых близок к ритуалу более поздних Частых и Мастюгинских курганов. При разведках обнаружено второе городище у с. Сторожевого, обследованы курганы Колбинской группы, два поселения эпохи бронзы на р. Потудани, две группы курганов, сторожевой пункт XVII—XVIII вв., два поселения эпохи бронзы по течению р. Тихой Сосны.

Во время работ Оренбургской экспедиции (ИА АН СССР и Оренбургский областной краеведческий музей; рук. М. Г. Мошкова) обнаружено еще восемь курганных групп в районе г. Орска. Раскопано 15 курганов раннесарматского времени в Н. Кумакском могильнике. Вскрыты погребения воинов с мечами, бронзовыми стрелами, бронзовыми уздечными наборами, большим количеством керамики. В женских погребениях много бус и других украшений. Еленовский отряд (рук. Е. Е. Кузьмина) экспедиции зарегистрировал более 30 памятников по притокам р. Ори — Киембаю и Ушкатте. Бо́льшая часть обследованных памятников — это различного вида могильники и поселения эпохи бронзы. На могильнике Атакен-Сай раскопано семь каменных колец; в одном из них погребение совершено в каменном ящике, в остальных — в грунтовых могилах. Датируются погребения алакульским этапом андроновской культуры. На р. Ушкатте исследованы две ограды; в одной из них обнаружен культурный слой и андроновское погребение, в другой — два детских тоже андроновских погребения в каменных ящиках.

Кобяковская экспедиция (рук. С. И. Капошина) продолжала раскопки Кобякова городища. Открыто жилище, в котором исследованы каменные стены, пол с остатками очагов и хозяйственных ямок и с лежавшими на нем остатками камышевой крыши. На среднем и западном холмах городища вскрыты остатки каменных и глинобитных жилищ и хозяйственных сооружений III в. н. э. В некрополе городища вскрыто 31 погребение I—III вв. н. э. Из находок следует отметить местный керамический материал с элементами сарматской культуры, латунные фибулы, браслеты, украшенная эмалью фибула. При раскопках «Гиреевой могилы» открыто 12 погребений катакомбной культуры. Обнаружены бронзовые удила и псалии VII в. до н. э., очевидно, принадлежавшие впускному погребению, разрушенному грабителями.

Скифский отряд (ИА АН СССР, ГИМ; рук. А. Н. Карасев) Крымской экспедиции продолжал исследования Неаполя скифского. На участке «Д» полностью раскрыты два подвальных помещения, соединенных дверным проемом; обнаружена часть нового большого здания, еще один подвал, служивший для хранения продуктов. Эти сооружения датируются первыми веками нашей эры. На участке «А» раскрыта вторая вырубка в скале. Из находок заслуживают упоминания серебряное блюдце с рельефным фризом и с надписью на греческом языке и терракотовая статуэтка собаки. Экспедиция провела охранные раскопки городища около Евпатории (ИА АН СССР и Евпаторийский музей) близ санатория «Чайка». Открыта часть подпорной стены (на протяжении 35 *м*), сооруженной во II в. до н. э. скифами, и остатки

огромного греческого здания IV в. до н. э., от которого сохранились стены подваль ного этажа и цоколь парадного фасада. Частично открыты восемь помещений подваль ного этажа с дверными проемами, заложенными при перестройках. В III в. до н. э здание пострадало от пожара и в дальнейшем, очевидно, использовалось как жиль до начала II в. до н. э., когда окончательно оно погибло. Открыто еще одно помещени этого же здания с остатками водостока. Из находок интересны подвеска из литог стекла с рельефным изображением женского лица на обеих сторонах, три монеты.

Курский отряд (ИА АН СССР и Курский областной краеведческий музей; рук А. Е. Алихова) Скифской лесостепной экспедиции продолжал ис следование городища V в. до н. э. на Кузиной горе. В центральной части городища судя по столбовым ямам, вдоль внутренних стен кольцевого дома, шла или галерея или постройка облегченного типа. В мысовой части вскрыта сложная система оборо нительных стен. Найдены литейные формы для привесок, бронзовые серьги, глиняна фигурка лошади, схематическое глиняное изображение человека, бронзовые скифски и железные наконечники стрел (последние однотипные с найденными в воронежски скифских курганах).

Наровчатская экспедиция (ИА АН СССР и Мордовский НИИЯЛИЭ рук. А. Е. Алихова) провела раскопки города золотоордынского времени Наручат или Мохши. Вскрыт комплекс, состоящий из трех жилых построек, исследован гон чарный горн. Кроме этого, в ур. «Мизгить», около слободы Старая Сотня, вскрыть остатки стен и мощные каменные основания башен.

Второй год производились археологические работы в Албании, организованны Тиранским университетом с помощью Академии наук СССР (начальник экспедици С. Ислами, рук. с советской стороны В. Д. Блаватский). Раскопки, как и предыдущем году, велись в городе VI в. до н. э.— IV в. н. э. Аполлонии. Обнаружень части трех широких древних улиц, обрамленных широкими каменными водостоками Основное внимание было сосредоточено на раскопках большого дома, заключавшег более 30 помещений. Полы восьми из обнаруженных комнат были украшены разно цветными мозаиками, изображающими эротов, морских чудищ, сцену битвы греков амазонками, сложными геометрическими и растительными узорами. Открыт большо двор с бассейном посередине, к которому шли керамические и свинцовые водопровод ные трубы. На другом раскопе вскрыта широкая улица с монументальной мостовой остатки сооружений последних веков до и первых веков нашей эры и мощные напла стования VI в. до н. э. В средней части города раскопан небольшой храм II в. до н. э. около которого найдены многочисленные обломки скульптур и архитектурных дета лей и часть общественного здания III в. н. э. со скульптурами — статуями стоящих ма гистратов. В доследованном кургане близ города обнаружено еще 58 погребений VI— II вв. до н. э. При разведках на юге Албании обследовано семь древних укреплений с хорошо сохранившимися каменными стенами.

Подводная археологическая экспедиция (ИА АН СССР, МГУ Институт истории искусств АН СССР, при участии Подводного клуба МЭИ; рук. В. Д. Блаватский) провела небольшие подводные раскопки затопленной ча сти Фанагории. В результате выяснено, что сверху лежал пласт намывного песка с на ходками от архаического до средневекового времени, под ним слой IV—II вв. до н. э. и ниже пласт материкового глинистого ила.

В связи с обнаружением в Керченском проливе остатков затонувшего судна была организована еще одна подводная экспедиция (рук. Н. И. Сокольский). Экспе дицией выяснено, что корабль был, очевидно, парусным военным судном конца XVIII — середины XIX в; погиб в бою и затонул напротив турецкой крепости Еникале.

Таманский (Кепский) отряд (рук. Н. И. Сокольский) Причерномор ской экспедиции продолжал раскопки городища Кепы (Темрюкский район Краснодарского края). На основном раскопе зафиксировано семь культурных напластований, начиная с IV в. до н. э. до средневековья. В нижних слоях найдено довольно много керамики VI в. до н. э. Вскрыт комплекс III в. н. э., включающий фундаменты дома с остатками сырцовых стен, двор, водосток, пифосы и уличную вымостку I в. н. э. Среди находок обращают внимание граффити с посвящением Афродите, терракоты, фрагмент мраморной скульптуры, культовая табличка, большой мраморный пьедестал для декрета с царским знаком. На других раскопах получены данные по топографии античного города, открыт средневековый некрополь с погребениями в каменных ящиках, доследован колодец, открытый в предыдущем году.

Восточно-Крымский отряд (рук. И. Т. Кругликова) Причерноморской экспедиции продолжал раскопки поселения первых веков нашей эры у дер. Семеновки (Ленинский район Крымской области, УССР). В связи с внезапной гибелью поселения от пожара в III в. н. э. и тем обстоятельством, что жизнь на городище больше не возобновлялась, в помещениях сохранилось много вещей: большие амфоры с обгорелыми зернами ячменя, пшеницы, проса и овса, зернотерки, оружие, орудия земледелия, много глиняных горшков, статуэтки богинь, украшения, боспорские монеты и т. п. Кроме местных изделий, найдены краснолаковые мисочки, кувшинчики, горшочки боспорского происхождения. Во время разведок в глубинной части Керченского полуострова обнаружено более 40 не известных ранее поселений, главным образом IV—III вв. до н. э.

После трехлетнего перерыва были возобновлены работы Фанагорийской

экспедиции (рук. М. М. Кобылина). В центральной части городища открыты кварталы жилых домов средневекового времени, полностью раскрыты два дома VIII—IX вв. и прилегающие к ним части улицы и переулков. Из находок этого времени следует упомянуть: золотую монету императора Зенона и две литейные формы. В средневековых кладках были обнаружены античные строительные детали: мраморная капитель, барабан коринфской колонны, карниз и много вторично использованных квадров. Особенно следует отметить находку большой мраморной стелы конца VI или начала V в. до н. э. с изображением ног и концов плаща стоящей мужской фигуры. В римских слоях обнаружена улица I—II вв. н. э., маленький колодец глубиной 5,5 *м* и часть сооружения с упавшим потолком. В эллинистическом слое открыто большое общественное здание, в котором раскопано одно подвальное помещение, вторично использованное в первых веках нашей эры.

Нижне-Донская экспедиция (ИА АН СССР и Ростовский областной краеведческий музей; рук. Д. Б. Шелов и А. И. Болтунова) при продолжении работ в Танаисе выяснила северную границу поселения эллинистического времени, обнаружила и расчистила на протяжении 14 *м* оборонительную стену с северной стороны. Вскрыты ряд помещений с глинобитными полами, хозяйственными ямами и мощеные дворики. С юго-восточной стороны основного города, в зольнике, обнаружен материал первой половины III в. н. э.

Боспорская экспедиция (ИА АН СССР, Гос. Эрмитаж, ЛГУ, Керченский археологический музей; рук. В. Ф. Гайдукевич) продолжала исследования в составе трех отрядов. Каменский отряд на том же поселении эпохи бронзы (XII—IX вв. до н. э.) на двух участках открыл остатки каменных сооружений в виде массивных оград и вымосток, одна из которых выложена по кругу. Мирмекийский отряд в центральной части городища впервые выявил остатки хорошо сохранившихся домов второй половины V — начала IV в. до н. э. Стены самого большого, очевидно, жилого помещения оказались с расписной штукатуркой. В помещениях римского времени найдены монеты, уникальная свинцовая гиря около 4 *кг* весом, обломок мраморной плиты с частью надписи. На северо-восточной окраине городища раскопан вымощенный плитами дворик эллинистического времени и часть примыкающего к нему помещения. На дворике был каменный круглый колодец, в котором найдено около 15 кувшинов. В засыпи колодца более позднего времени обнаружены интересные терракоты (фигура женщины с ребенком на руках, силен и т. д.). Весь комплекс находок датируется пантикапейскими монетами II в. до н. э. Илуратский отряд продолжал раскопки вдоль юго-западной оборонительной стены и ворот. Здесь вскрыт ряд жилых помещений, примыкающих с одной стороны к стене, раскрыта лестница, ведущая на стены, раскопан огромный амбар. Из находок заслуживает упоминания женская головка мраморной статуэтки.

Ольвийская экспедиция (ИА АН СССР, Гос. Эрмитаж; рук. Е. И Лев и) выяснила южную и западную границы теменоса (священного участка). Полностью раскрыта обнаруженная в предыдущем году стоя, отгораживавшая северную часть агоры. Раскрыта также западная ограда теменоса IV в. до н. э. В этой части теменоса вскрыт ряд культовых ям с богатым материалом VI—V вв. до н. э. В северо-восточной части агоры продолжалось раскрытие городской площади и обнаружен ряд торговых подвальных помещений с большим количеством монет. Небольшие работы проведены также в южной части агоры. Из находок этого года необходимо отметить: уникальное горло амфоры V в. до н. э. с оттиснутым с двух сторон рельефным изображением силена, резной камень I—II вв. н. э. с изображением Юпитера, ряд терракот V—IV вв. до н. э., бронзовое навершие V в. до н. э. и стиль I—II вв. н. э., три небольших фрагмента надписей на мраморных плитах, ряд интересных граффити.

Новгородской экспедицией (ИА АН СССР и МГУ; рук. А. В. Арциховский) на Неревском раскопе закончено вскрытие трех старых раскопов и заложено два новых, доведенных до горизонта XIII в. Как и ранее, вскрыто большое количество деревянных сооружений, среди которых токарные, костерезные, кожевенные и сапожные мастерские. Найдены новые грамоты (СА, 1960, № 1). Из находок следует упомянуть: целые гусли, беговые лыжи, остатки корабля XIV в. в разобранном виде, стальной наплечник доспеха с золотой инкрустацией в виде дракона, костерезную пилку и др. На раскопках в Новгороде в 1959 г. начала работать лаборатория дендрохронологии. Взяты также образцы для палеомагнитных исследований. Проводились небольшие разведки по среднему течению р. Ловати, в результате которых в ряде пунктов, упоминаемых в Новгородских писцовых книгах, найдена керамика XI—XIV и XV—XVI вв.

Черниговская экспедиция (рук. Б. А. Рыбаков) третий год продолжала раскопки в Любече. Выяснено, что хотя жизнь на городище существовала уже в VIII—IX вв., комплекс городища с укреплениями и замком сложился по-настоящему лишь в XI в. Замок с археологической точки зрения представляет наибольший интерес, и поэтому на нем были сосредоточены основные работы. Выяснено, что при въезде в замок был подъемный мост. Прослежен ряд городен, к которым вплотную примыкали жилища дворцовой челяди, хозяйственные кладовые, дворец и рядом с ним остатки небольшой трехэтажной башенки с печами (поварня). Выявлены два подземных хода. Прослежен комплекс последовательно сменяющих одна другую церквей. Нижняя церковь была, очевидно, сооружена в XII—XIII вв. и погибла в XIII—XIV вв.

После ее гибели на том месте был водружен крест. В XV—XVI вв. рядом была построена башнеобразная церковь, которую в свою очередь в XVII в. сменила большая кирпичная. В районе дворца найдено очень много разнообразной поливной керамики. В Чернигове велись работы на загородной усадьбе XII в.

Правобережным отрядом (рук. И. П. Русанова) Черниговской экспедиции была проведена разведка по р. Уж, вниз от г. Коростеня до с. Полесского, в пределах Житомирской и Киевской областей УССР. В курганной группе у с. Межирички раскопано три кургана с трупосожжением и гончарной керамикой IX—X вв. Проводились также раскопки двух селищ VI—VII вв. около с. Корчак.

Средне-Днепровской экспедицией (рук. Э. А. Сымонович) проводились обследования черняховских памятников на территории Киевской и Черкасской областей УССР. Зафиксирован ряд ранее не известных памятников.

В 1959 г. продолжались раскопки Правобережного Цимлянского городища (ИА АН СССР и Гос. Эрмитаж; рук. С. А. Плетнева). Исследовано 26 оснований жилищ-юрт с очагами, несколько хозяйственных ям, остатки двух привратных белокаменных башен. Найдено очень большое количество различных предметов второй половины VIII — начала X в. н. э.

Староладожская экспедиция (рук. В. И. Равдоникас) продолжала раскопки на «земляном городище» в Старой Ладоге.

Галицко-Волынская экспедиция (ИА АН СССР и ЛГУ; рук. М. К. Каргер) приступила к изучению посада городища у с. Городище, Шепетовского района, Хмельницкой области, УССР. Так же как и при раскопках детинца, найдено большое количество разнообразных предметов, остатки жилых и хозяйственных построек, масса оружия. По всей раскопанной площади, и особенно около крепостных валов, обнаружены груды скелетов людей, погибших при защите города. Под развалинами воротной башни найден обгоревший скелет русского воина в шлеме и кольчуге. Можно считать установленным тот факт, что это городище представляет остатки древнерусского города Изяславля, разоренного полчищами Батыя в 1241 г. Кроме этих работ, было закончено исследование мастерской по изготовлению декоративных керамических плиток на территории древнего Галича и раскопаны руины белокаменного храма, построенного в начале XIII в. в окрестностях Галича.

Кремлевская экспедиция (ИА АН СССР и Музей истории и реконструкции Москвы; рук. Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович), организованная в связи со строительством большого общественного здания на территории Московского кремля, провела археологический надзор за земляными работами и раскопки между северным фасадом Теремного дворца и зданием старой Оружейной палаты. Выяснено, что еще до постройки первой крепости на Боровицком холме существовал славянский вятичский поселок. Установлено местное производство стеклянных браслетов. Особый интерес представляет открытие части западной линии крепости, относящейся к концу XII — первой половине XIII в. Укрепление представляет собой насыпной вал, облицованный горизонтальными дубовыми бревнами, связанными с толщей насыпи системой врубленных в пазы бревен и закрепленных в насыпи врубными шипами деревянными крючьями — «курицами». В слоях XIV—XV вв. изучались остатки нескольких жилых и хозяйственных построек. В верхних слоях прослежены остатки дворца Наталии Кирилловны, имевшего большие белокаменные подвалы с искусно выложенными кирпичными полами.

Среднерусская экспедиция (рук. Н. Н. Воронин) работала, как и в предыдущие годы, несколькими отрядами. Смоленский отряд (рук. В. В. Седов) продолжал разведки древнерусских селищ в районах южнее и юго-восточнее г. Смоленска. Были продолжены раскопки древнерусского городища XII—XIV вв. близ дер. Бородино (Глинковский район). Владимирский отряд (ИА АН СССР, Владимиро-Суздальский музей-заповедник и Вязниковский музей; рук. В. В. Седов) продолжил изучение древнерусских городища и селища близ г. Вязники. Вскрыты остатки наземных построек и четыре полуземлянки середины XII в. В с. Кидекше проведены небольшие разведывательные раскопки. Вологодский отряд (ИА АН СССР и Вологодский областной краеведческий музей; рук. А. В. Никитин) при зачистке берега р. Сухоны в г. Великий Устюг изучил стратиграфию древнего городища, установил наличие оборонительных и жилых сооружений. В одной из траншей обнаружены остатки землянки (не позже XV в.), в другой — большое количество дерева очень хорошей сохранности. Рязанский отряд экспедиции (рук. А. Л. Монгайт) раскапывал средневековое городище близ дер. Жокино (Михайловский район Рязанской области), представляющее, очевидно, остатки замка с земляными и деревянными стенами. Открыто несколько зерновых ям. Кировский отряд (ИА АН СССР и Кировский областной краеведческий музей; рук. Л. П. Гуссаковский) продолжал разведки на территории г. Кирова в районе берегового мыса. В центральной части мыса открыт культурный слой XI—XIII вв. В начале XIII в. на противоположном мысе возникает новое поселение, выросшее в дальнейшем в город. Некоторое время оба поселения существовали одновременно, затем первое было заброшено и его территория вошла в состав посада. Наличие двух пунктов на территории города позволяет объяснить существование двойного названия города Вятка-Хлынов.

Экспедиция по изучению древнерусских крепостей (рук. П. А. Раппопорт) проводила работы в г. Новгороде, на берегу Чудского озе-

ра, в Гродненской и Брестской областях БССР. В г. Новгороде был прорезан вал Острога на участке, примыкающем к Ленинградской улице. Выяснено, что основное ядро вала, в котором расчищена конструкция из срубов, относится к XII в. В XIV в. и XV—XVI вв. вал был дважды усилен. На восточном берегу Чудского озера открыто и обследовано несколько древнерусских селищ, курганные и жальничные могильники, городище-убежище X—XI вв. В Гродненской и Брестской областях обследованы и обмерены десять городищ, прорезаны оборонительные валы на «замчище» в г. Волковыске и на Окольном городе в г. Новогрудке.

Археологическая экспедиция по уточнению места Ледового побоища (рук. Г. Н. Караев) продолжила обследование прибрежной полосы Теплого озера и южной части Чудского озера, выявила систему обороны Новгородско-Псковских пограничных рубежей в этом районе и продолжила изучение древнего укрепления на дне Теплого озера у Вороньего камня в Больших воротах. Проведена его топографическая съемка с обмером остатков валов, в устье р. Желчи, у дер. Кола, обнаружены остатки поселений XIII в., под водой обследовано первоначальное место дер. Чудская Рудница и обнаружены следы зимней дороги, соединявшей поселение с устьем р. Желчи. В бассейнах рек Луги, Плюссы и Желчи обнаружено большое количество погребений от IX—X до XV—XVI вв.

Смоленский отряд Верхнеднепровской экспедиции (рук. экспедиции и отряда П. Н. Третьяков) продолжал изучение памятников в бассейне верхнего течения р. Сожа. При продолжении раскопок на Мокрядинском городище (вторая половина I тыс. до н. э.) открыты основания двух жилищ столбовой конструкции с очагами. У дер. Слобода Глушица начаты раскопки городища с кольцевыми валами, лишенного культурного слоя. Вскрыты остатки деревянных и земляных сооружений, однотипных с сооружениями верхнего слоя городища Тушемля (VI—VII вв.). Продолжены раскопки длинных курганов VIII—IX вв. у дер. Слобода Глушица, на селище VI—VII вв. в устье р. Хмары. Кроме этих работ, обследованы памятники в верхнем течении р. Десны в Екимовичском и Рославльском районах Смоленской области и в Рогнединском районе Брянской области. Гомельский отряд экспедиции (рук. О. Н. Мельниковская) продолжал изучение памятников раннего железного века в дер. Горошков (Речицкий район Гомельской области, БССР). При раскопках на городище обнаружены следы жилищ и большое количество вещевых находок IV в. до н. э.— рубежа н. э. За малым валом городища открыт могильник милоградской культуры и вскрыто восемь погребений с обрядом трупосожжения в круглых и длинных ямах. При раскопках близлежащего зарубинецкого селища обнаружено жилище и несколько черепков милоградской посуды. Проводились небольшие раскопки на городище «болотного типа» в дер. Борхов, где открыт культурный слой с милоградской керамикой и следы небольшой постройки. Деснинский отряд (рук. Л. В. Артишевская) продолжил раскопки курганного и грунтового могильников в ур. Дуля (Трубчевский район Брянской области). Вскрыто 11 курганов и часть площади могильника. Кроме обычных захоронений (трупосожжение на стороне с захоронением на горизонте или в небольших ямах), обнаружено несколько захоронений в целых урнах. Кроме круглых курганов, раскопан один овальный, под насыпью которого обнаружена «домовина». Кроме этого, проведена разведка и раскопан разрушенный курган в ур. «Жаденова гора». Верхне-окский отряд (рук. Т. Н. Никольская) закончил раскопки городища у дер. Дешовки (Козельский район Калужской области). Вскрыты остатки жилых сооружений — наземных и полуземлянок и получен большой вещевой материал первой половины I тыс. н. э. В Орловской области (ИА АН СССР и Орловский областной краеведческий музей; рук. Т. Н. Никольская) продолжены раскопки городища у дер. Пашково (Лужки). Это двуслойный памятник (слои середины V—IV вв. до н. э. и основной — роменский слой VIII—X вв. н. э.). Вскрыты остатки сооружений, в основном наземных. Исследовано устройство вала, заключавшего мощные деревянные конструкции. В Шаблыкинском районе раскапывалось городище у дер. Слободки, на котором вскрыто большое количество различных сооружений — жилых построек, погребов, производственных комплексов времени древней Руси — XII—XIII вв. Это городище, по-видимому, представляет собой своеобразный феодальный замок, впервые исследованный на этой территории.

Белозерская экспедиция (ИА АН СССР, Вологодский областной и Череповецкий музеи; рук. Л. А. Голубева) раскапывала древнейшую часть Белоозера и его восточную окраину. В первом пункте раскопан комплекс X в. с новым для Белоозера типом жилища — землянкой. Среди находок можно упомянуть меч и костяную ложку с изображением пляшущего человека. Выявлены жилые постройки и развал горна XI в., обнаружена мастерская резчика по янтарю с набором готовых изделий и полуфабрикатами. Закончено исследование кузницы начала XII в. На восточной окраине городища не обнаружено раннего культурного слоя, но вскрыты основания домов XIII — начала XIV в. с небогатым набором вещей, среди которых преобладали орудия рыболовства.

Можайской экспедицией (рук. А. Ф. Дубынин) продолжены раскопки Троицкого городища III—II вв. до н. э.— VI в. н. э. (Можайский район Московской области). Обнаружены остатки хозяйственных и жилых построек. Было раскрыто первичное укрепление в виде рва, окружавшего всю центральную часть поселения. На одном участке разрезаны два вала и два рва, которые в более позднее время служи-

ли укреплениями городища с напольной стороны. В развале одного из очагов в постройке найдено несколько тиглей-лячек, среди других находок следует упомянуть целый «клад» медных женских украшений, состоящий из 40 предметов: гривны, бляхи, различные привески, поясные украшения и т. п.

Московской экспедицией (рук. А. Ф. Дубынин) было осуществлено дальнейшее изучение остатков Козьмодемьянской башни на территории Зарядья и произведено вскрытие ее второго подземного помещения. Оно оказалось подвальным под нижним этажом башни. Т. В. Равдина раскопала два последних кургана в Шишимровской группе (Можайский район Московской области). Вещей, кроме обломков гончарного горшка, не обнаружено.

Полоцко-Прибалтийский отряд (рук. Л. В. Алексеев) Прибалтийской экспедиции продолжал начатые ранее раскопки городской площади г. Друцка. Близ Друцка раскопан один курган. При разведках на территории Друцкого княжества обнаружено большое количество древних памятников. Небольшие работы производились в г. Мстиславле, где обнаружены остатки двух деревянных уличных мостовых и венцы двух срубов VIV в. с полами. Среди находок — два креста-энколпиона, много пряслиц, стеклянных браслетов, шпоры и т. п.

Славяно-Литовский отряд (рук. Ф. Д. Гуревич) экспедиции, как и ранее, изучал Окольный город в Новогрудке, где открыты остатки трех больших домов конца XI — середины XIII в. с интересным комплексом находок.

В Калининградской области Ф. Д. Гуревич (Калининградский областной краеведческий музей) завершила раскопки норманнского могильника на побережье Балтийского моря.

Днестровско-Волынская экспедиция (ИА АН СССР и Каменец-Подольский Гос. исторический музей-заповедник; рук. М. А. Титанова) при работах на поселении в Лепесовке доследовала наземное жилище и производственные комплексы, обнаруженные в 1958 г., открыла еще ряд жилых и производственного назначения построек, синхронных ранее обнаруженным, и две глинобитные печи рубежа I—II тыс. н. э. Проведено обследование двух поселений III—IV вв. н. э. близ Лепесовки — у с. Малые Дедеркалы и на берегу ручья. При разведках по р. Горыни открыто 44 памятника, среди которых 39 поселений, датирующихся временем от эпохи триполья до великокняжеской поры. Отрядом экспедиции (рук. И. И. Винокур) обследовано около десяти поселений первой половины I тыс. н. э., из которых наибольший интерес представляет поселение у с. Иванковцы (Любарский район Житомирской области, УССР).

Прутско-Днестровская экспедиция (ИА АН СССР и ИЭ АН СССР, Молдавский филиал АН СССР, МАЭ, Историко-архивный институт и др. организации; рук. Г. Б. Федоров) проводила исследования семью отрядами (один из них этнографический). Разведочный отряд открыл свыше 240 памятников от эпохи энеолита до позднего средневековья в северной и северо-западной частях Молдавии. Особенно интересно первое южнославянское городище X—XI вв. у с. Калфа (Бендерский район). На нем открыты остатки полуземляночного жилища и железоплавильного производства. Отряд гетской археологии продолжал исследование гетско-бастарнского селища Лукашевка II (Оргеевский район). Отряд славяно-русской археологии продолжал раскопки поселения у с. Алчедар (Резинский район). На расположенном напротив городища огромном поселении вскрыто 26 комплексов жилищ и примыкавших к ним сооружений. Возле жилищ открыты железоплавильные комплексы: шлаковые ямы, обогатительные печи для обжига руды, домницы и др. Возле домниц найдены три антропоморфные терракотовые статуэтки, видимо, славянские идолы. Отряд средневековой сельской археологии вел раскопки на ряде молдавских средневековых поселений в Оргеевском и Криулянском районах и рекогносцировочные раскопки поселений у сс. Пшаканы, Требужены и др. Открыты остатки полуземлянок, хозяйственные ямы, печи, очаги, различные орудия труда и другие изделия XV—XVII вв. Отряд золотоордынской археологии продолжал исследование городища XIV в. у с. Костешты (Котовский район), где обнаружены остатки жилищ, а на посаде — гончарные горны и другие остатки ремесленного производства. Отряд средневековых молдавских городов продолжал раскопки Старого Орхея, основные работы на котором велись в районе цитадели и оборонительных валов.

Байдарский отряд (рук. А. Л. Якобсон) Крымской экспедиции продолжал исследования средневекового поселения близ с. Ново-Бобровка, на котором выявлены два слоя. В нижнем из них (V—VII вв.) открыты остатки четырех помещений с каменными основаниями стен и глинобитными полами. Одно из этих жилищ оказалось полуземлянкой. В верхнем слое вскрыты три смежных комплекса помещений, разделенных двойной стеной (VIII—IX вв., частично X в.). Кроме раскопок, произведено обследование нескольких средневековых поселений в Байдарской и в соседних долинах.

Бахчисарайский отряд (ИА АН СССР и Бахчисарайский музей; рук. В. В. Кропоткин) Крымской экспедиции продолжал систематические раскопки могильника VI—VII вв. н. э. на юго-западном склоне Чуфут-Кале. На одном из раскопов обнаружено восемь склепов и одна подбойная могила. На втором раскопе открыта древняя траншея, связанная с сооружением гражданской или культовой постройки. Находки черепицы (IX—XII вв.) и различной керамики позволяют считать, что эта по-

стройка была возведена не позже XII в. Были проведены, кроме того, разведочные работы на Эски-Кермене.

Продолжались работы Северо-Кавказской экспедиции (рук. Е. И. Крупнов) на территории Чечено-Ингушской (ИА АН СССР, Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт и Республиканский музей) и Северо-Осетинской (ИА АН СССР и Северо-Осетинский научно-исследовательский институт) АССР. Отряд под руководством Н. Я. Мерперта продолжал исследование курганов у ст. Мекенской (начатые в 1956 г.). В трех курганах вскрыто 34 погребения, главным образом впускных. Основные скорченные погребения. Исследовались также погребения бронзового века. Из более поздних обнаружены погребения сармато-аланского типа (первая половина I тыс. н. э.). При разведках по левому берегу Терека осмотрены раннесредневековые поселения с большим культурным слоем и сложной системой оборонительных сооружений. Другой отряд экспедиции (рук. Р. М. Мунчаев) около сел. Бомут и хутора Новый Аршти раскопал 14 разновременных курганов. Этим же отрядом начаты раскопки поселения эпохи поздней бронзы у сел. Сержень-Юрт (Шалинский район). Открыты остатки каменных жилищ турлучного типа и хозяйственные ямы. На могильнике № 1 (открытом в 1958 г.) в окрестностях с. Бети-Мохк раскопаны один разграбленный склеп и грунтовое погребение, относящиеся к середине и к концу I тыс. до н. э. На могильнике № 2 начаты раскопки кромлеха. Третий отряд (рук. В. И. Марковин) экспедиции продолжил раскопки могильника эпохи бронзы в верховьях Аргуна, около с. Асламбек-Шерипово. Исследовалось также расположенное вблизи поселение этой же культуры, где открыты остатки жилого комплекса в виде прямоугольной постройки с каменным полом. Интересные данные по вопросу о времени распространения мусульманства в Чечено-Ингушетии дали раскопки пяти каменных ящиков на землях колхоза «Сорок лет Октября», в которых обнаружены погребения, совершенные по языческому обряду. Найденные еще при раскопках предыдущего года монеты германского императора Рудольфа II (1576—1612 гг.) дают возможность утверждать, что ислам стал здесь распространяться позднее начала XVII в. На территории Северо-Осетинской АССР производили работы два отряда. Змейский отряд (рук. В. А. Кузнецов) завершил раскопки Змейского катакомбного могильника XI—XII вв. Второй отряд (рук. О. В. Милорадович) экспедиции продолжал исследование городища Верхний Джулат. Большой интерес представляет обнаружение крестообразного одноапсидного христианского храма. Постройку храма на основании совокупности всех данных можно относить к концу XII или к самому началу XIII в. Вблизи храма и внутри его вскрыто 69 грунтовых христианских могил XIV—XV вв. Городище Верхний Джулат можно отождествить с городом Дедяковым, упоминаемым в русских летописях. Работы двух отрядов экспедиции, изучавших ранние памятники, освещены выше.

Разведочный отряд (рук. В. А. Кузнецов) Археологической экспедиции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института провел разведки в Балкарии и в Кисловодском районе Ставропольского края. В окрестностях с. Советское вскрыто два адыгских кургана XIV—XVI вв. Между сс. Советское и Бабучен обнаружено поселение XI—XIII вв. и курганный могильник XIV—XVI вв. У нефтяных вышек, в районе Голубых озер, раскопано две выкладки из булыжника, под одной из которых обнаружено адыгское погребение XIV—XVI вв., а другая оказалась кенотафом. В районе с. Верхняя Балкария вскрыто семь каменных ящиков, большей частью ограбленных. У бывш. с. Курноят раскопано еще два каменных ящика с инвентарем XIV—XV вв.

Кармир-Блурская экспедиция (АН АрмССР и ИА АН СССР; рук. Б. Б. Пиотровский) проводила работы на двух участках Кармир-Блура. На северо-западном участке цитадели закончена расчистка мастерской для приготовления пива. Около ванны для вымачивания ячменя обнаружены очаг-тондыр и группа сосудов, в дверном проеме найдена бронзовая ситула с ручками, украшенными ушами животного. На юго-западном участке цитадели, у главных ворот раскопаны две большие комнаты, в одной из которых обнаружено два глиняных сосуда в форме сапог, во второй найдены сосуды, деревянная ножка скамейки и два сосуда-караса. Около главных ворот обнаружен большой зал с четырьмя столбами в средней комнате.

Азербайджанской (Учтепинской) экспедицией (ИА АН СССР и Институт истории АН АзССР; рук. А. А. Иессен) продолжено вскрытие кургана в ур. Уч-Тепе. В центре кургана обнаружена сплошная кладка из крупного речного булыжника, поверх которой залегала красная обожженная земля. Выяснено, что общая высота кургана над древней поверхностью составляет 14,75 *м*. При снятии южной части бровки обнаружено еще одно позднее впускное погребение. Основное погребение кургана еще не вскрыто. При продолжении работ на Учтепинском поселении раскрыт целый комплекс из небольших землянок, частично перерезающих друг друга, и получен новый материал для характеристики культуры и хозяйства.

Южно-Киргизский отряд (рук. Ю. А. Заднепровский) продолжал раскопки Карадарьинского городища последних веков до нашей эры. На цитадели зачищена внешняя стена с восточной стороны, выявлена стена, примыкающая к юго-западной части внешней стены и частично вскрыты культурные наслоения III и IV строительных горизонтов. На южной части городища обнаружены остатки постройки. При разведках в районе городища зафиксировано около 100 тепе и городищ, существовавших здесь в связи с функционированием Узген-арыка. На трех из этих поселений обнаружены мате-

риалы чустской культуры эпохи бронзы, на трех — средневековые, но большинство относятся к шурабашатскому периоду (последние века до нашей эры).

В 1959 г. продолжались раскопки городища Қарабулак (ИА АН СССР и Институт истории АН Киргизской ССР; рук. Г. А. Брыкина), на котором выявлено три периода жизни (X—XII вв.). Вскрыто девять помещений и произведена зачистка внешней восточной стены тепе.

Продолжались также работы на Дальверзинском поселении (в составе Ферганского отряда экспедиции АН УзССР; рук. отряда Я. Г. Гулямов, рук. работ Ю. А. Заднепровский) эпохи бронзы в Ферганской долине.

Пенджикентский отряд (ИА АН СССР и АН ТаджССР; рук. А. М. Беленицкий) Таджикской археологической экспедиции продолжал работы на городище древнего Пенджикента, главным образом в его восточной части. Исследовалось четыре объекта, на которых вскрыто более 40 помещений. Наибольший интерес из них представляет большой десятиколонный зал на объекте III. На объекте VI расчищен большой участок у крепостной стены с сооружениями и открытым двориком. В юго-западной части городища, на объекте XII, осуществлен разрез крепостной стены и изучена ее конструкция. Из находок заслуживают упоминания около 100 монет, значительное количество интересных терракот, четыре надписи, уникальный массивный бронзовый светильник, изделия из резной кости. За чертой городских стен раскопан могильник, состоящий из семи склепов-наусов. Остальные отряды экспедиции (по изучению памятников каменного века, Памирский, Усрушанский, Хуттальский и Қафирниганский) продолжали работы предыдущих лет.

Основные работы Қара-Кумского отряда (рук В. М. Массон) были сосредоточены в зоне орошения второй очереди Қара-Кумского канала. При разведках обследованы памятники IV—II тыс. до н. э., середины I тыс. до н. э. и средневековые. Стационарные работы были поставлены на памятниках эпохи энеолита Геоксюрского оазиса. На поселении Геоксюр IV раскрыты остатки пяти строительных комплексов с расписной керамикой типа раннего Анау II. На поселении Геоксюр V обнаружены помещения, являющиеся частью многокомнатного дома, и установлена стратиграфия слоев. На поселении Яланғач-Тепе установлена планировка верхнего слоя, вскрыта часть строений второго слоя (центральное квадратное здание и ряд жилых и хозяйственных построек около него) и найдены фрагменты керамики с полихромной росписью, представляющие большой интерес для изучения данного памятника.

Восточно-Казахстанская экспедиция (рук. С. С. Черников) проводила детальное обследование могильников с большими курганами в Чиликтинской долине и в ур. Чаган-Обо (Тарбагатайский район Восточно-Казахстанской области). В могильнике Чиликты раскопано пять курганов V—IV вв. до н. э. с небольшим количеством находок. В могильнике Чаган-Обо вскрыто 14 небольших курганов, часть которых ограблена и некоторые оказались пустыми. При раскопках одного «кургана» обнаружена вымостка, после вскрытия которой можно предполагать, что это сооружение представляет собой жертвенное место VI—V вв. до н. э.

Западно-Қазахстанским отрядом (рук. В. С. Сорокин) раскапывалось поселение андроновской эпохи Тасты-Бутак I. Исследована большая часть значительного по размерам углубленного в землю прямоугольного жилища и глубокая яма-погреб внутри него. Среди находок преобладают кости животных и керамика, из остальных вещей интересен костяной псалий.

Вильнюсская опытная археологическая экспедиция (рук. С. А. Семенов) поставила задачу экспериментального изучения технологии лепной глиняной посуды. В результате опытов выяснены вопросы древнего керамического производства: производительность ручной и станковой работы, ленточная лепка, способы орнаментации и лощения, костровый и ямный обжиг и т. д.

Н. К. Лисицына

И. Н. БОРОЗДИН

13 октября 1959 г. в Воронеже на семьдесят шестом году жизни скончался известный советский историк и археолог, заведующий кафедрой всеобщей истории Воронежского университета, профессор Илья Николаевич Бороздин.

И. Н. Бороздин родился 4 ноября 1883 г. в г. Ярославле. После окончания в 1907 г. историко-филологического факультета Московского университета И. Н. Бороздин начал работать учителем истории в известной в то время в Москве Медведниковской гимназии и одновременно читать лекции по истории в народном университете. И. Н. Бороздин состоял в Московском археологическом обществе. После Октябрьской революции И. Н. Бороздин работал в качестве профессора всеобщей истории в различных вузах Москвы. Плодотворна была деятельность И. Н. Бороздина в Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. Длительное время И. Н. Бороздин являлся заместителем председателя Археологической комиссии московской секции Академии истории материальной культуры и действительным членом последней.

И. Н. Бороздин опубликовал около 500 работ по вопросам археологии, древней и средней истории, новой истории, истории народов СССР и по истории исторической науки.

В 1934 г. И. Н. Бороздин был принят в члены Союза писателей СССР как активный борец за развитие национальных литератур народов СССР и автор ряда статей о советском историческом романе.

Широкая эрудиция, многообразие интересов и неукротимая организаторская энергия являлись отличительными чертами научно-литературной и педагогической деятельности Ильи Николаевича.

В области археологии И. Н. Бороздин начал свои исследования серией статей, содержащих новые и оригинальные исторические выводы по археологическим материалам нашего Юга, в первую очередь античным. Сюда относится, прежде всего, его работа «Некоторые итоги русских археологических открытий последних лет» в «Древностях» (1911), а затем ряд очерков в «Гермесе» и «Вестнике Европы».

И. Н. Бороздину принадлежат важные высказывания по норманскому вопросу в работах «Из области русско-скандинавских отношений» (1916) и в разборе книги шведского археолога Арне «Швеция и Восток» (1916). И. Н. Бороздин первый успешно выступил против односторонне норманистской интерпретации русских курганов X в.

Плодом огромного библиографического и историографического труда И. Н. Бороздина явился выпущенный им «Библиографический словарь членов Московского археологического общества» (1915). Это фундаментальное издание доныне используется советскими археологами в качестве справочника.

Участвуя в работах IX конгресса по первобытной археологии во Франции (1914), И. Н. Бороздин напечатал там на французском языке лучшую для того времени сводку русских открытий в этой отрасли археологии.

В советское время И. Н. Бороздин с успехом производил раскопки в Крыму. Ему удалось разрешить запутанный вопрос о хронологии циклопических сооружений Гераклейского полуострова, относимых многими исследователями к эгейскому времени.

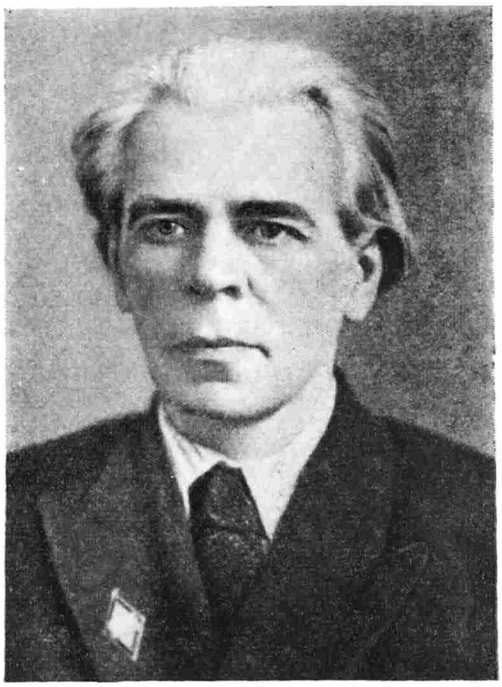
И. Н. Бороздин произвел там раскопки и установил эллинистическо-римский возраст этих древних усадеб, что доказано им в двух статьях: «Археологические раскопки на Гераклейском полуострове» (1925) и «К вопросу о датировке памятников Гераклейского полуострова» (1926).

И. Н. Бороздин изучал также золотоордынские древности Крыма. Он производил большие раскопки городища Солхат в Старом Крыму. Им обнаружены и обстоятельно реконструированы грандиозные здания, изданные в книге «Солхат» (1926) и в ряде статей. Тогда же в Солхате и неподалеку оттуда, в Отузах, И. Н. Бороздин открыл серию надгробий, и в том числе известное надгробие астронома с картой звездного неба. Тексты на большинстве открытых плит содержат интересные новые данные о политических и культурных связях Крыма с сельджукским миром. Эти надписи были изданы И. Н. Бороздиным в ряде статей.

И. Н. Бороздин производил раскопки также в Казани и на Северном Кавказе. Ему принадлежит заслуга первых археологических работ на городище «Старая Казань» и в Казанском кремле. Работы эти изданы в двух выпусках «Материалов по охране, ремонту и реставрации памятников старины Татарской АССР» (1929—1930). Работая в Ашхабаде в 40-х годах, И. Н. Бороздин организовал археологические исследования в Туркмении.

В последние годы жизни И. Н. Бороздин основное внимание уделял изучению истории исторической науки. Светлая память об И. Н. Бороздине надолго сохранится в сердцах его многочисленных учеников и друзей.

А. Е. Москаленко



Н. Ф. КАЛИНИН

16 июля 1959 г. в Казани скончался заслуженный деятель науки Татарской АССР, старший научный сотрудник Казанского филиала АН СССР Николай Филиппович Калинин. Н. Ф. Калинин родился 6 июня 1888 г. в г. Саратове в семье ветеринарного врача. После окончания историко-филологического факультета Казанского университета в 1910 г. Н. Ф. Калинин многие годы работал преподавателем истории в средних учебных заведениях.

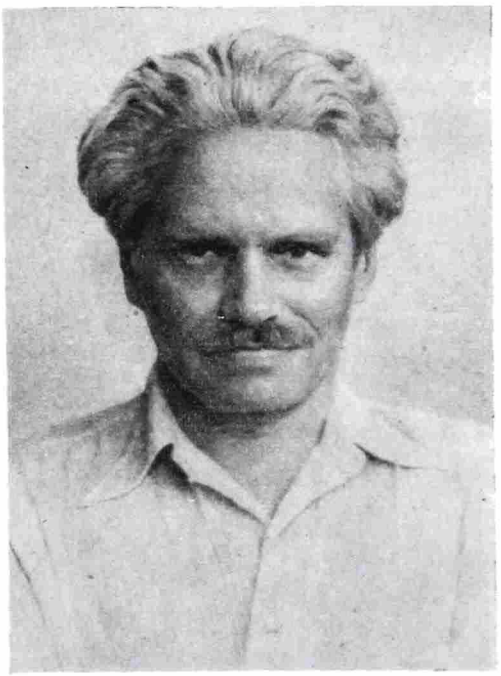
С 1924 г. Н. Ф. Калинин работал заведующим историко-археологическим отделом Государственного музея Татарской АССР. Под его руководством проводились многочисленные археологические раскопки в Казани, Булгарах и в других местах. Особенно плодотворна была работа Н. Ф. Калинина в период руководства им археологической группы Казанского филиала Академии наук СССР. В это время он возглавлял археологические исследования в районах Старой и Новой Казани. Он был активным участником археологических исследований в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Под его руководством велась большая работа по составлению археологической карты Татарской АССР. Составленные при его непосредственном участии три альбома булгаро-татарской эпиграфики являются ценным источником по средневековой истории татарского народа, его языка и искусства. Более 20 лет работал Николай Филиппович по изучению истории г. Казани. Результатом многолетних исследований явился его труд «Казань» (исторический очерк), выдержавший уже два издания и получивший высокую оценку в местной и центральной печати. В 1958 г. Н. Ф. Калинин завершил свой капитальный труд «История Казани до XVII в.», который был представлен к защите на степень доктора исторических наук.

Н. Ф. Калинин был не только археологом. Круг его исследований был широк. Особенно привлекали его внимание вопросы этногенеза народов Поволжья. Николай Филиппович Калинин был одним из авторов «Истории Татарской АССР». К числу обобщающих трудов Н. Ф. Калинина относятся «Итоги археологических работ КФАН 1946—1952 гг.» (совместно с А. Х. Халиковым).

Научные интересы Н. Ф. Калинина охватывали самые различные стороны общественных наук. Его перу принадлежат также монографии о пребывании в Казани Пугачева, Пушкина, Горького. Он активно помогал созданию в Казани музея А. М. Горького.

Н. Ф. Калинин был награжден Орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», значком отличника просвещения. Николаю Филипповичу было присвоено звание заслуженного деятеля науки ТАССР.

Х. Г. Гимади



Б. А. ОГНЕВ

Советские историки русской культуры понесли тяжелую утрату: 28 мая 1959 г. в Москве скоропостижно скончался Борис Алексеевич Огнев, неутомимый исследователь русского архитектурного наследия и тонкий ценитель неувядаемой красоты творений древнерусских зодчих.

Борис Алексеевич родился в Москве 17 октября 1907 г. Еще с юношеских лет он увлекался историей европейской архитектуры. Однако обстоятельства сложились так, что он стал инженером и работал в строительных организациях, одновременно готовясь к работе по своей любимой специальности, к которой он смог приступить сравнительно поздно — в 1949 г. Однако он успел сделать в этой области очень много. Предельная точность характеризовала его натурные исследования памятников, вплоть до археологической разведки. Они всегда отличались остротой наблюдений, тонкостью анализа, осторожностью и точностью выводов. Он смело шел к глубоко обоснованной реконструкции изучаемого памятника и определению исторической обусловленности воссозданного им архитектурного образа.

Основной и любимейшей темой исследований Бориса Алексеевича было владимиро-суздальское зодчество и архитектура «ранней Москвы». Изучая формы позакомарных покрытий храмов XII—XV вв., он доказал, что дошедшие до нас покрытия дефектны. Его работы позволили восстановить первоначальный облик этих всемирно прославленных построек (см. Б. А. Огнев. О позакомарных покрытиях. Архитектурное наследство, вып. 10, М., 1958, стр. 42—58).

В течение ряда лет Б. А. Огнев работал над изучением памятников московского зодчества XIV—XV вв. Он предложил новые реконструкции соборов Звенигородского и Саввино-Сторожевского монастырей. Интересна его работа об Успенском соборе в Звенигороде на Городке (МИА, № 44, 1955).

После его работ стала яснее связь искусства «ранней Москвы» с владимирским художественным наследством, с архитектурой Балкан, и в то же время четче определялись своеобразные черты творчества московских мастеров. Исследование (совместно с Л. А. Давидом) белокаменной церкви Николы в с. Каменском позволило ввести в науку новый замечательный и своеобразный памятник XV в. Интереснейшие результаты этих исследований Борис Алексеевич обобщил в своей диссертации «Московское зодчество конца XIV и первой четверти XV столетий», которую он не успел защитить.

Все, кто имел счастье близко знать Бориса Алексеевича, будут долго помнить обаяние его глубокой и тонкой натуры, его богатую одаренность, бескорыстную и пламенную любовь к древнерусскому искусству и культуре, взыскательную строгость его суждений и оценок. Память сохранит образ простого и чуткого человека, всегда готового прийти на помощь товарищу советом и делом, удивительно скромного, требовательного к себе и другим, человека большой моральной чистоты.

Н. Н. Воронин

Я. В. СТАНКЕВИЧ

19 мая 1959 г. в Ленинграде скончалась Ядвига Вацлавовна Станкевич, кандидат исторических наук, член КПСС, научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Ядвига Вацлавовна родилась в г. Ленинграде 3 октября 1909 г. В 1931 г. она закончила историко-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета и затем, после двухлетней работы в Петрозаводске, перешла на работу в Государственный Эрмитаж. В 1934 г. Я. В. Станкевич поступила в аспирантуру Института истории материальной культуры, и с тех пор вся ее научная деятельность была связана с этим учреждением

Сфера научных интересов Ядвиги Вацлавовны определилась еще в годы ее учебы в Ленинградском университете — это археологическое изучение памятников материальной культуры северо-западных районов РСФСР I и начала II тысячелетия н. э. В особенности много работала Я. В. Станкевич в Ленинградской, Ярославской и Калининской областях, а также в районе Приладожья. Лишь эпизодически Ядвига Вацлавовна проводила раскопки в более южных районах, например в Шестовицах (на Черниговщине).

В 1946 г. Я. В. Станкевич защитила кандидатскую диссертацию на тему «Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья IX—XIII вв.». Ядвига Вацлавовна написала более 20 научных работ.

В последние годы Я. В. Станкевич проводила большие и систематические археологические исследования в районе верхнего течения Западной Двины. Результатом этих работ является ее труд «К истории населения Верхнего Подвинья в I тысячелетии н. э.», публикуемый в одном из ближайших номеров серии «Материалы и исследования по археологии СССР». В 1954—1957 гг. Я. В. Станкевич провела раскопки чрезвычайно интересного русского поселения «Городок» в районе Великих Лук, относящегося к X—XII вв., где была вскрыта вся площадь поселения. В 1957—1958 гг. Я. В. Станкевич начала большие раскопки в Торопце, давшие чрезвычайно интересный материал.

Скромная, трудолюбивая, преданная своей работе, Ядвига Вацлавовна Станкевич была прекрасным, отзывчивым товарищем — она пользовалась любовью и уважением всех, с кем ей приходилось встречаться как на работе, так и в частной жизни.

Сотрудники Группы славяно-русской археологии
Ленинградского отделения Института
археологии АН СССР

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН АрмССР — Академия наук Армянской ССР
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БАН — Библиотека Академии наук
ВАН — Вестник Академии наук
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ДАК — Дело Археологической комиссии
ДАН — Доклады Академии наук
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДАН УзССР — Доклады Академии наук Узбекской ССР
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ДП — Древности Приднепровья
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
Изв. АН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР
ИИ АН БССР — Институт истории Академии наук Белорусской ССР
ИЯИМК ГрузФАН СССР — Институт языка и истории материальной культуры Грузинского филиала Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИИМК — Краткое сообщение Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОАМ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АН УзССР — Труды Академии наук Узбекской ССР
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. ВСЕГЕИ — Труды Всесоюзного научно-исследовательского геологического институт
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. ТАЭ — Труды Таджикской археологической комплексной экспедиции
Тр. ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института
Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского государственного университета
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских
AA — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
PSA — The Annual of the British School at Atheus
CRAI — Comptes Rendus d'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SPA — Survey of Persian Art

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина 3

Статьи

Н. П. Кипарисова (Свердловск). О культурах лесного Зауралья 7
Н. А. Онайко (Москва). Античный импорт на территории Среднего Приднепровья 25
В. Л. Воронина (Москва). Доисламские культовые сооружения Средней Азии 42
П. А. Раппопорт (Ленинград). Основные этапы развития древнерусского военного зодчества 56
А. Ф. Медведев (Москва). Древнерусские писáла X—XV вв. 63
И. Р. Селимханов (Баку). К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа 89

Публикации

А. А. Формозов (Москва), **А. Д. Столяр** (Ленинград). Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае 103
Р. К. Римантене (Каунас). Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис 115
Р. В. Чубарова (Ленинград). Неолитические стоянки на о. Итурупе . . . 128
А. О. Мнацаканян (Ереван). Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан 139
В. М. Скуднова (Ленинград). Родосская керамика с о. Березани 153
В. Д. Блаватский (Москва). Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. 168
Т. М. Минаева (Ставрополь). Поселение в устье р. Узун-Кол 193
И. М. Суслов (Москва). Московская эмаль XVII в. 208

Заметки

Ф. И. Иванов (Калинин). Ранненеолитическая стоянка близ г. Калинина . . . 220
Г. А. Чернов (Сыктывкар). Уньинская пещерная стоянка в бассейне Печоры 224
П. П. Хороших (Иркутск). Зооморфные изображения на неолитической керамике из Прибайкалья 228
Ю. Н. Захарук (Львов). Глиняный амулет из с. Кошиловцы 229
Е. П. Алексеева (Черкесск). Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской Автономной области 236
А. А. Величко (Москва), **В. А. Падин** (Трубчевск), **Р. В. Федорова** (Москва). О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне 241
З. И. Ямпольский (Баку). Памятники кавказской Албании на горе Бешидаг 246
С. Н. Орлов (Новгород). О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге 251
Е. А. Давидович (Сталинабад). Саманидские монеты Кубы 254
Г. Д. Белов (Ленинград). Шиферная икона из Херсонеса 257
Г. К. Вагнер (Москва). О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского 263
В. Л. Янин (Москва). О печатях Ратибора 270
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О конструкции и назначении некоторых железных изделий 276

Критика и библиография

В. И. Марковин (Москва). Изучение культуры племен Северного Кавказа эпохи бронзы 280
Д. Б. Шелов (Москва). Боспорские города, II. МИА, № 85 285
И. Д. Амусин (Ленинград). Раскопки Хирбет-Кумрана и Айн-Фешхи 289

Хроника

Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования Института археологии АН СССР в 1959 г. 301
Некрологи: И. Н. Бороздин (313), Н. Ф. Калинин (315), Б. А. Огнев (316), Л. В. Станкевич (317)

SOMMAIRE

En commémoration du 90me anniversaire de la naissance de V. I. Lénine 3

Articles

N. P. Kiparisova (Sverdlovsk): Sur les civilisations sylvestres des régions transouraliennes. 7
N. A. Onaïko (Moscou). L'importation dans la région du Dniepr moyen dans l'antiquité (VIIe — Ve ss. av. n. ère). 25
V. L. Voronina (Moscou): Edifices de cultes préislamiques en Asie centrale . . . 42
P. A. Rappoport (Léningrad): Principales étapes du développement de l'architecture militaire russe ancienne. 56
A. F. Medvedev (Moscou): Instruments à écrire russes anciens (Xe — XVe ss.). 63
I. R. Sélimkhanov (Bakou): Sur l'étude de certains objets métalliques de monuments énéolithiques en Azerbaïdjan et au Caucase du Nord. 89

Publications

R. K. Rimanténé (Kaunas): Le camp de Samantonis des âges de pierre et du bronze. 102
A. A. Formosov (Moscou), **A. D. Stoliar** (Léningrad): Colonies néolithiques et énéolithiques dans la région de Krasnodar. 115
R. V. Tchoubarova (Léningrad): Recherches archéologiques sur les îles Kouriles 128
A. O. Mnatsakanian (Erevan): Chariots de tumulus de l'âge du bronze sur les rives du lac Sévan 139
V. M. Skoudnova (Léningrad): Céramique de Rhodos de l'île Bérézan 153
V. D. Blavatsky (Moscou): Les fouilles de Panticapée en 1954—1958 168
T. M. Minaeva (Stavropol-du-Caucase): Etablissements sur l'embouchure de la rivière Ouzoun-Kol. 193
I. M. Souslov (Moscou): Email moscovite du XVIIe siècle 208

Notes

E. I. Ivanov (Moscou): La station de Kalinine de l'époque néolothique antérieure. 200
G. A. Tchernov (Syktyvkar): La station de la caverne Ouninskaya dans le bassin de la Petchora. 224
P. P. Khorochikh (Irkoutsk): Représentations zoommorphiques sur céramique néolithique de la région du lac Baïkal. 228
I. N. Zakharouk (Lvov): L'amulette en argile de Kochilovtzy 229
E. P. Alekseeva (Tcherkessk): Trouvailles de l'âge du bronze postérieur dans la région autonome Karatchaevo-Tcherkessk. 236
A. A. Vélitchko (Moscou), **V. A. Padine** (Troubtchevsk), **R. V. Fédorova** (Moscou): Sur l'étude complexe du village d'Arelsk sur la rivière Desna. . 241
Z. I. Yampolsky (Bakou): Monuments de l'Albanie caucasienne sur le mont Béchidag. 246
S. N. Orlov (Novgorod): Sur la nécropole ancienne-slave avec crématorium dans la Staraïa Ladoga 251
E. A. Davidovitch (Stalilnabad): Monnaies samanides de Kouba 254
G. D. Belov (Léningrad): Icône sur ardoise du Chersonèse. 257
G. K. Wagner (Moscou): Sur la première forme de la composition des «Sept Dormants» de la façade de la cathédrale Guéorguievsky de la ville Yourïev-Polsky 263
V. L. Yanine (Moscou): Sur les sceaux de Ratibor 270
R. L. Rosenfeldt (Moscou): Sur la construction et la destination de certains objets en fer. 276
V. I. Markovine (Moscou): Etude de la culture des tribus du Caucase du Nord à l'âge du bronze. 280

Critique et bibliographie

D. B. Chélov (Moscou): Les villes du Bospore, IIe vol. 285
I. D. Amousine (Léningrad): Les fouilles de Khirbet-Qumrân et d'Ain-Feshkha. 289

Chronique

N. K. Lisitsyna (Moscou): Recherches en 1959 de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. 301
Nécrologie: I. N. Borozdine; N. F. Kalinine, B. A. Ognev, J. V. Stankevitch.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

Опечатки в № 1 журнала «Советская археология» за 1960 г.

В статье П. Н. Третьякова стр. 37, строка 31 сверху. Следует читать:
второй половины I тыс. до н. э.

В статье Н. Д. Мец подпись под рис. 2 следует читать:
4 — саманидский дирхем, *5* — *9* — саманидские фелсы

В статье И. П. Русановой стр. 68, строка 8 сверху. Следует читать:
Таких срубов у древлян нет.